Е. ЧЕРНЯК

Пять столетий тайной войны

Е·ЧЕРНЯК

Пять столетий тайной войны

Из истории секретной дипломатии и разведки

2-е, переработанное издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
Москва · 1972

В этой книге на основе широкого круга первоисточников и литературы повествуется о той роли, которую сыграла секретная служба в наиболее крупных политических событиях новой истории. Содержание книги опровергает модные теории, приписывающие разведке способность определять пути исторического развития, и вместе с тем призывает к бдительности, показывает, насколько опасным оружием является тайная война в столкновении между силами реакции и прогресса. Сохраняя научный подход к трактуемым сюжетам, автор стремился придать книге возможно более популярный характер.

1—11—5
5—Б3—4—71

Эта книга менее всего претендует на то, чтобы стать систематической «всеобщей» историей разведки и тайной дипломатии — для создания подобного труда потребуются совместные усилия ученых многих стран (причем не только историков), получение доступа к закрытым архивам. Она не содержит и анализа приемов, которые применялись секретными службами в различные исторические эпохи.

Цель этой книги иная — рассказать о той роли, которую сыграла борьба разведок в крупных политических событиях прошлого, о наиболее драматических эпизодах тайной войны. Нередко — это эпизоды с такой сложной и захватывающей фабулой, что они могут быть смело поставлены в ряд с интригой лучших приключенческих романов.

Материал для книги извлечен из многочисленных источников и специальных исследований, столь же разнообразных, как и ее сюжеты. Немало мемуаров разведчиков, да и других документов, важных для истории тайной войны, содержат элемент вымысла. Автор стремился при анализе их отделить историческую правду от прикрас и преувеличений.

Разумеется, не все факты, о которых будет идти речь, можно отнести к важным историческим событиям. Однако через пестрый калейдоскоп таких фактов часто проглядывают сущность и неповторимое своеобразие эпохи.

Нам почти не приходилось касаться интереснейшего прошлого русской разведки. Эта тема другой, к сожалению, никем еще пока по-настоящему не написанной работы, вернее, целой серии исследований.

Наши очерки посвящены истории тайной войны в течение пяти столетий, включая начало XX века.

Во втором издании взамен опущенных (или изложенных более сжато) разделов добавлены новые главы, которые занимают значительную часть книги.

ШПИОНАЖ ДО И ПОСЛЕ СОТВОРЕНИЯ МИРА

Кому ие известиа зиамеиитая легеида о Трояиском коие — о том, как Одиссей иаучил греков, десять лет безуспешио осаждавших Трою, хитроумиой уловке? Греки притворились, будто оии сияли осаду и сели иа корабли. В покииутом иеприятельском лагере трояицы иашли огромиого деревяииого коия. Взятый в плеи греческий юиоша Сииои, выполияя плаи Одиссея, сообщил трояицам, что коиь волшебиый. По предсказаиию жрецов, пока ои будет находиться в Трое, крепость остается иеприступиой. Обрадоваииые трояицы увезли коия в город. А ночью по сигналу, подаииому Сииоиом, греческие суда возвратились к стеиам Трои. Воииы, спрятаииые в туловище деревяииого коня, выбрались иаружу и иапали иа спящих трояицев. Одиовремеиио в город ворвалось вериувшееся иа кораблях греческое войско. За иочь была достигиута цель, которую тщетио преследовали осаждавшие в течеиие долгих десяти лет...

Несомиеиио, что разведка возиикла задолго до Одиссея. Следы ее использоваиия уходят в глубь тысячелетий. По библейской хроиологии, эти случаи происходили если ие до сотвореиия мира, то, во всяком случае, до того, как в роли руководителя разведывательиой службы стал подвизаться сам господь бог. Если верить той же Библии, господь бог приступил к оргаиизации разведки вскоре после того, как создал «иебо и землю», а также, коиечио, «человека по образу своему».

По-видимому, работать с господом было весьма удобио: ои прямо помогал осуществлять его задаиия и обычио даже ие отрекался от провалившихся агеитов (по крайией мере, так утверждает, может быть, чрезмерио благожелательиая к иему Библия). Подобные приемы, иадо призиаться, ие иашли подражаиия: разведка ие богодельия. Впрочем, после акта сотвореиия бог ие любил утруждать себя работой. Он предпочитал, чтобы другие таскали ему каштаиы из огня. Непосредственное руководство шпиоиажем было поручено пророкам, особенно — как рассказывается в библейской Кииге Чисел, главе 13,

и в книге Иисуса Навина — пророку Моисею. Мораль, к которой подводит Библия: доброкачественная разведка приносит богатые плоды. Да, допотопные нравы уже ушли в прошлое.

О действиях разведки можно узнать наряду с библейскими повествованиями также из древних надписей на камне и папирусов, излагающих историю царствования египетских фараонов.

В 1312 г. до н. э. молодой египетский фараон Рамзес II дал битву хеттам вблизи города Кадеша, в Северной Сирии. Два мнимых дезертира из хеттского войска сообщили фараону ложные сведения о неприятеле. Рамзес атаковал неприятеля и попал в окружение. С большим трудом египтянам удалось пробиться через ряды хеттов и спастись от гибели.

В знаменитой клинописной библиотеке ассирийского царя Ашурбанипала (VII в. до н. э.), раскопанной археологами, были найдены глиняные письма в глиняных конвертах — донесения секретных агентов.

Античные авторы рассказывали о различных уловках, к которым прибегали для борьбы с вражескими лазутчиками. В IV в. до н. э. один афинский полководец, узнав, что в его войске скрываются неприятельские шпионы, выстроил воинов и каждому приказал подробно опросить своего соседа. Шпионы были выловлены.

Отсутствие или недостатки разведки едва не погубили победоносное войско Александра Македонского. Во время похода в Индию македонцы не знали о применении индусами на поле сражения боевых слонов. В результате только счастливое стечение обстоятельств спасло македонскую армию от поражения в битве при Гидаспе.

Стоит вспомнить, что в то же время Александр Македонский первым использовал почтовую цензуру в качестве средства разведки. В 334 г. до н. э., когда македонская армия совершала свой знаменитый поход против персидского царя Дария, среди воинов стали проявляться признаки недовольства. Александр решил установить причины и выявить главных организаторов назревавшей смуты. С этой целью он отменил введенный в начале похода запрет для солдат переписываться с родными. Через несколько дней курьеры повезли большое количество писем, отправленных воинами своим семьям. Александр приказал задержать курьеров по дороге и внимательно изучить письма. Они раскрыли и причины недовольства, и имена тех, кто наиболее активно выступал против распоряжений македонского царя.

Знаменитый Ганнибал, неоднократно громивший римские армии во время второй Пунической войны (III в. до н. э.), обязан многими победами не только своему таланту полководца, но и хорошо поставленной разведке. Античные историки Полибий и Ливий рассказывают, что карфагенский командующий не раз сам, надев парик и прицепив фальшивую бороду, проникал в римский стан.

Одним из самых известных правителей древности, широко использовавшим секретную службу, был царь Понта Митридат VI, живший в I в. до н. э. Он вступил на престол еще ребенком, был свергнут в результате дворцовой интриги и долгое время скитался по разным странам Малой Азии. Говорят, что уже в 14 лет он знал двадцать два языка. Митридату удалось вернуть себе престол, после чего он казнил свою мать, а также ближайших родственников. Умный и беспощадный деспот в борьбе против более сильного противника — Рима прикидывался другом покоренных римскими легионами народов. Агенты Митридата неутомимо действовали во многих азиатских владениях Рима и в Греции, используя царившее там недовольство. Митридату было также отлично известно внутриполитическое положение Рима, раздиравшегося гражданской войной между партиями Мария и Суллы. Понтийский царь умел заранее узнавать о событиях, которые должны были произойти в Риме, и утилизировать эту осведомленность в своих интересах.

Крупнейший полководец античности Юлий Цезарь использовал разведку во время покорения Галлии, не раз подсылая своих лазутчиков с ложными известиями к неприятелю.

Римские императоры, особенно откровенные тираны вроде Тиберия или Домициана (I в. н. э.), имели целые армии тайных агентов, следивших за всеми подозрительными лицами.

Уже в древности были хорошо известны многие ставшие обычными приемы разведывательной работы: засылка резидентов, применение шифра, использование почтовых голубей и других специально обученных птиц (в том числе и ласточек) для пересылки донесений.

РАССКАЗЫВАЮТ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ХРОНИКИ

В V в. западная часть Римской империи пала под ударами внутренних восстаний и натиска варварских племен. Восточная часть Римской империи (Византия) с центром в Константинополе уцелела и на многие столетия осталась одним из самых мощных и культурных государств средневековья.

Именно Византия с ее императорами, пышным придворным штатом и кровавыми дворцовыми переворотами оказалась особенно подходящей страной для дальнейшего совершенствования разведывательной службы.

При императоре Юстиниане (VI в.) была налажена слежка за всеми врагами императора. Его жена, властная Феодора, бывшая танцовщица, не уставала повторять своим шпионам: «Клянусь Иисусом, живущим вечно, если вы не исполните моих приказаний, с вас живых сдерут кожу».

Внешняя разведка при Юстиниане была значительно менее эффективной, она работала хуже, чем при его предшественниках. Прокопий, византийский историк — современник Феодоры, писал: «Шпионы были организованы следующим образом. Некоторое количество людей было взято на содержание государства, с тем чтобы они посещали враждебные страны, особенно персидский двор, якобы по торговым делам и внимательно наблюдали, что там происходит». Таким образом после своего возвращения они имели возможность сообщать императорам тайные планы враждебных государств. Императоры, получив заранее предостережение, принимали меры предосторожности и никогда не бывали захвачены врасплох. Прокопий сообщает, что такая система существовала еще у мидийцев, потом у персов и римлян. Юстиниан, не следовавший в этом отношении примеру других римских императоров, поплатился потерей важных владений.

На Западе оригинальную форму разведки изобрел вождь франков Хлодвиг, истребивший своих родственников, чтобы не было претендентов на его престол. «Много и других королей убил Хлодвиг, — повествует в своей хронике Григорий Турский, — даже ближайших своих родных, опасаясь, чтобы они не отняли у него королевства, и таким образом распространил свое владычество на всю Галлию. Но однажды, когда его люди собрались к нему, он, как рассказывают, стал говорить им: "Горе мне, я теперь как странник между чужими, и нет у меня родственника, который помог бы мне, случись со мной беда». Однако, добавляет летописец, Хлодвиг говорил так вовсе не потому, что жалел погибших. Просто он хотел узнать, не уцелел ли случайно кто-либо из родни, чтобы тут же его прикончить...

В общем средние века были временем упадка разведывательной службы. Бывали, правда, исключения из правила. Король англосаксонского Уэссекса Альфред (IX в.), переодетый арфистом, проник в лагерь датчан, захвативших большую часть Британии, выведал их планы и нанес им поражение в бою. Однако в целом организация разведки оказалась не под силу феодальным княжествам, из которых состояла Европа. Во тьме средневековой ночи мало что знали даже не об очень дальних странах.

Среди разведчиков этого периода заслуживает упоминания английский рыцарь сэр Томас Тэрбервилл. Во время англо-французской войны он был захвачен в плен, после чего поступил на службу к французскому королю Филиппу IV Красивому. За это Тэрбервиллу было пожаловано королем значительное земельное владение. В 1295 г.

сэр Томас отправился на родину, оставив во Франции в качестве гарантии своей верности королю Филиппу заложниками двух своих сыновей. Ему было поручено поднять восстание в Шотландии и Уэлсе. В Англии Тэрбервилл был с почетом принят Эдуардом I, который назначил опытного воина, вырвавшегося из вражеского плена, членом королевского Совета. Тэрбервилл был разоблачен, когда было перехвачено его разведывательное донесение в Париж.

В средние века не было полностью утрачено древнее искусство шифрования корреспонденции. Например, император Лотарь (840—855 гг.) однажды послал различные сообщения своим сторонникам, замаскированные под цитаты из Священного писания. Впрочем, даже нехитрые коды оказывались обычно слишком сложной вещью. В эпоху, когда мало кто мог прочесть и простое письмо, редко было нужно прибегать к их шифровке. Только в конце средневековья тайнопись широко вошла в практику дипломатов различных итальянских государств, особенно Венеции. Новые замысловатые шифры не сразу были освоены в других странах. В испанских архивах сохранились шифрованные донесения послов, на полях которых рукой озадаченных канцеляристов выведено: «нельзя ничего понять», «бессмыслица», «потребовать, чтобы прислали другую депешу»...

В Азии разведка играла немалую роль во время завоевательных походов Чингиз-хана и его преемников. Правилами монгольской армии предусматривалась проверка донесений шпионов с помощью допроса пленных. Чингиз-хан предписывал также вылавливать и жестоко расправляться с вражескими разведчиками, которых обнаруживали в монгольском стане.

В средневековье начала практиковаться засылка из Европы разведчиков в восточные страны для добывания информации. Так, в 1421 г. английский король и герцог Бургундский совместно направили на Средний Восток опытного воина и дипломата Джилберта де Ланнуа с семью спутниками, чтобы они составили подробный отчет о положении в посещенных ими государствах. Примерно через десять лет с такой же миссией был послан от Бургундского герцога рыцарь Бердрандон де ла Брокьер. Одетый в восточный костюм, он сумел побывать во многих ближневосточных странах, изучал языки, на которых говорили местные жители. Греческий гуманист Ласкарис в конце XV в. ездил туда же в качестве секретного агента правителя Флоренции Лоренцо Медичи. Число тайных лазутчиков, которые засылались преимущественно из Италии на Восток, все время увеличивалось.

ЯД БОРДЖИА, ИЛИ КОЗНИ АДА

Италия позднего средневековья оказалась особо благоприятной почвой для развития разведки. Сложный конгломерат больших и малых итальянских государств, среди которых Неаполитанское королевство, папское государство с его вселенскими притязаниями, связью со всем христианским миром, богатые торговые республики — Венеция, Генуя, Флоренция, Милан с их развитым ремеслом, торговыми отношениями с Востоком и всей Европой, с банками, кредитовавшими даже таких крупных европейских монархов, как французский король или германский император. Все эти государства имели интересы, простиравшиеся далеко за пределы Италии. В то же время они находились в сложных, быстро менявшихся взаимоотношениях не только между собой, но и с десятками других, более мелких феодальных владений. Большую роль сыграли кондотьеры, командиры наемных отрядов, которых брали на службу богатые города и которые часто не только изменяли своим нанимателям, но и подчиняли их своей власти. Так, кондотьер Франческо Сфорца стал родоначальником династии миланских герцогов (середина XV в.). Понятно, что города порой предпочитали поражение слишком решительной победе своих кондотьеров над врагами, а правительства торговых республик старались держать под каждодневным наблюдением своих наемников, заранее проникать в их тайные намерения, следили за их отношениями с врагами. Кондотьеры платили тем же своим нанимателям. Аналогичные отношения создавались между командирами наемных отрядов и их помощниками (капитанами), которые нередко пытались вести самостоятельную политическую игру. Например, в 1444 г. помощники Франческо Сфорца, кондотьеры Троило Орсини и Пиетро Бруно, изменив своему командиру, тайно предались неаполитанскому королю Альфонсо Арагонскому. Сфорца через свою контрразведку узнал об измене и приказал подбросить Альфонсо фальшивые письма перебежчиков, заставившие заподозрить их в двойном предательстве. К великому удовлетворению Сфорца неаполитанский король приказал заключить обоих капитанов в тюрьму.

Характерно, что в XV в. в других странах, в частности в Англии, разведчиков нередко именовали «миланцами», «генуэзцами» и т. п.

...Рим, конец XV в. Вечный город, уже залитый полуденным светом Возрождения, и вместе с тем Рим жадного, погрязшего в пороках духовенства, верхов католической церкви. Впрочем, даже среди церковников того времени, циничных, изворотливых, на все способных политиков, среди сластолюбцев, растленных до мозга костей, даже в этом ряду Александру VI Борджиа принадлежит особое место,

недаром его имя стало нарицательным в веках. А немало современников были склонны считать его просто личиной дьявола.

Родриго Борджиа, выходец из знатной дворянской семьи, родился в 1431 г. Будущий первосвященник вначале был военным, приобретя, впрочем, славу не на ратном поприще, а разгульной жизнью и безудержным распутством. Это был рослый, крепко сложенный, коренастый мужчина. Густые брови, глаза навыкате, толстые чувственные губы, длинный нос с горбинкой и оттянутый назад, словно обрубленный, подбородок придавали ему в профиль сходство с бараном. Однако внешность обманывала — Родриго обнаружил уже смолоду недюжинные способности интригана и приобретателя. Его духовная карьера началась после того, как в 1455 г. его дядя с материнской стороны, валенсийский кардинал Алонсо Борджиа был избран папой под именем Каликста III. Родриго вскоре стал кардиналом и к тому же одним из богатейших князей церкви, нахватав множество доходных бенефиций и не гнушаясь участием в самых сомнительных спекуляциях.

Не отказывался Родриго и от увлечений молодости. Среди множества любовниц одна пользовалась особым вниманием прелата — римлянка Ванноцца, которая родила от него несколько сыновей и дочерей. В их числе был и Чезаре Борджиа, увидевший свет в 1475 г. При всем этом кардинал умел напускать на себя вид святоши. Благодаря лицемерному смирению он снискал добрую славу среди населения Рима. И когда, используя политические маневры, благоприятное стечение обстоятельств и щедро подкупая кардиналов, Родриго в 1492 г. добился избрания на папский престол, население Вечного города громко выражало радость по поводу решения конклава.

Радость длилась недолго — новый первосвященник вскоре раскрыл себя. Кажется, трудно было удивить чем-либо много повидавших на своем веку римлян, и все же им пришлось удивляться небывалой пышности папского двора, поглощенного планами расширения церковного государства, глубоко погрязшего в омуте самого грязного разврата, не брезгующего никакими средствами для пополнения вечно пустой от непомерных трат казны римского первосвященника.

Впервые после многих десятилетий подошвы иноземных завоевателей стали топтать итальянскую землю. Миланский герцог Людовик Моро, запутавшись в густой сети дипломатических интриг, потерял престол. Призванные им французские войска не раз за немногие годы прошли с севера на юг весь Апеннинский полуостров с целью захвата Неаполитанского королевства. В борьбу за Неаполь вмешалась набиравшая силы Испания. Шум сражений между испанскими и французскими войсками звонким гулом отозвался по всей Италии. Пришла пора перемен — новой перекройки границ внутри сложной мозаики итальянских государств, территориальных изменений, при которых ру-

шились старинные троны, исчезали традиционные правящие фамилии и местные тираны. И над всем этим довлела мрачная фигура «папского сына» Чезаре Борджиа, официального главы армии святого престола, умного, проницательного политика, готового любой ценой идти к намеченной цели — расширению церковного государства, а вернее, к созданию собственного княжества, включавшего большую часть Апеннинского полуострова, которое должно было играть решающую роль на европейской арене.

Сложен был путь «папского сына» к этой цели. Без колебаний готов он перешагнуть на этой дороге через трупы самых близких к нему по крови людей. Его старший брат, Хуан, герцог Гандиа, любимец отца, получил львиную долю владений и денег от Александра за счет римской казны, подачек от иностранных государей (за главой церкви не пропадет!). В душный летний вечер 14 июня 1496 г. Чезаре и Хуан участвовали в шумной дружеской пирушке. По дороге домой братья расстались. Хуан, попрощавшись с Чезаре и остальными участниками компании, уехал в сопровождении слуги. Это было последнее мгновение, когда Хуана видели живым. На другой день возникла тревога по поводу исчезновения герцога Гандиа. А еще через сутки труп Хуана был выловлен из Тибра. На теле нашли девять ран. Александр, тяжело переживавший смерть любимого сына, приказал произвести тщательное расследование — подозревались несколько римских аристократов, принадлежавших к семьям, которые традиционно были враждебны святому престолу, особенно роду Орсини, против которых герцог Гандиа незадолго до этого довольно неудачно воевал, возглавляя папские войска. Но неожиданно папа распорядился прекратить дальнейшее следствие — не потому ли, что он узнал имя убийцы? А приказ этот он мог отдать, лишь убедившись в том, что убийцей был Чезаре. Как бы то ни было, титул главнокомандующего папскими войсками, который принадлежал Хуану, перешел к Чезаре. А командование войсками папы — главная ступень к достижению честолюбивых планов Чезаре.

Далее идет цепь последовательно продуманных действий. Союз с Францией и получение французских вспомогательных войск, захват одного за другим мелких княжеств средней Италии, составивших владения герцога Валенции (титул, присвоенный Чезаре Борджиа французским королем). Завоевательная политика требовала денег, и Александр VI не жалел усилий, чтобы добыть их для Чезаре. Недаром в это время Савонарола восклицал: «В Риме все можно купить за деньги; если заплатишь — зазвонят церковные колокола». Писатель Пасквино издевался: «Александр продал ключи от храма и алтарь Христа. Что ж, он купил их — значит имеет право продать».

Когда торговля не приносила достаточного дохода, в ход пускался «яд Борджиа» — один за другим при крайне подозрительных об-

стоятельствах умирали кардиналы, причем самые богатые из князей церкви, и их имущество на законном основании переходило к Александру VI...

Среди многих тайных убийств, совершенных по приказу Чезаре, большинство имело политические причины. Большинство, но не все, и эти как будто немотивированные убийства связаны с именем родной сестры Чезаре — Лукреции Борджиа. Скандальная хроника папского двора обвиняла не только Чезаре, но и самого Александра VI в кровосмесительной связи с Лукрецией. Поэт Понтано писал, что она приходилась папе Александру VI «дочерью, женой и невесткой».

Было убито несколько молодых придворных, в том числе приближенных Чезаре, подозреваемых в любовной связи с мадонной Лукрецией. На совести папского семейства и другой скандальный случай. По приказу Чезаре наемные убийцы темной ночью напали на улице на мужа Лукреции — Альфонсо Бишелие. Нанесенные раны не оказались смертельными, и Альфонсо, окруженный заботливым уходом Лукреции и своей сестры, стал поправляться. Через три недели после первого покушения брави Чезаре ворвались в комнату в Ватикане, где лежал больной, и прикончили его в постели. На вопросы испанского и неаполитанского послов Александр VI ответил, что герцог мертв и «раз это так, ничего с этим не поделаешь»

Что же касается Александра VI, то его заботы о просвещении дочери были вполне в духе нравов, царивших в папском дворце. Папский придворный Иоганн Бурхард, епископ Читта де Кастелло, с изумлением записывал в своем дневнике, как по приказу Александра VI для развлечения Лукреции малый папский дворец был превращен в место случки жеребцов и кобыл. Это не совсем обычное даже для Ватикана представление, добавляет епископ, было встречено «аплодисментами госпожи Лукреции и святого отца, которые любовались зрелищем из окна спальни». А за две недели до этого Бурхард заносит в свой дневник описание известной «сцены с каштанами», разыгранной по приказу папы в связи с третьим по счету браком Лукреции.

«Свадьбу отпраздновали с такой пышностью, какой не знала даже языческая древность, — сообщает епископ Читта де Кастелло. — На ужине присутствовали все кардиналы и высшие церковные чины папского двора, причем каждый из них имел у себя по бокам двух благородных блудниц, вся одежда которых состояла из прозрачных муслиновых накидок и цветочных гирлянд. После ужина пятьдесят блудниц исполняли танцы, описать которые не позволяет приличие, сначала одни, потом с кардиналами. Наконец по сигналу Лукреции накидки были сброшены, и танцы продолжались под рукоплескания святого отца... По приказу его святейшества в пиршественном зале были симметрично расставлены в двенадцать рядов огромные сереб-

ряные канделябры с зажженными свечами. Лукреция, папа и гости кидали жареные каштаны, а блудницы подбирали их, бегая совершенно голые, ползали, смеялись и падали. Более ловкие получали от его святейшества в награду шелковые ткани и драгоценности. Наконец папа подал знак к состязанию, и начался невообразимый разгул...».

Мы прервем здесь красочную запись Бурхарда о последовавшей сцене, призванной, по разъяснению первосвященника, изображать жизнь в райских кущах.

И, конечно, достопочтенному епископу никак не могло прийти в голову, что описанные им эпизоды через полтысячелетия послужат «аргументом» — для... восстановления репутации Александра VI, даже для оправдания многочисленных преступлений папы и его сына Чезаре в тайной войне, которая велась с целью превращения средней Италии во владение ненасытного клана Борджиа. Но об этом ниже.

Когда расширившиеся владения герцога Валенция вплотную подступили к границам Флоренции, ее правительство — Синьория — поспешило отправить посольство к «папскому сыну». Цель — выведать его дальнейшие планы, попытаться отговорить от враждебных действий в отношении республики и в то же время свести к малому те уступки, которых добивался Чезаре в обмен на свою дружбу и союз. Избранного Синьорией для выполнения этой важной и деликатной миссии посла, опытного сладкоречивого Франческо Содерини, епископа Волтерра, сопровождал советник. То был небрежно одетый человек, лет тридцати, костлявый, с тонкими губами, непомерно длинным носом и небольшими глазами, как будто насквозь видящими собеседника. Имя этого советника, которому было суждено прогреметь в веках, — Николло Макиавелли. Острым пером будущий знаменитый писатель описывал в отчетах, посылавшихся во Флоренцию, встречи с герцогом Валенция, которого он впоследствии в своей книге «Князь» представит образцом монарха.

Макиавелли сообщал на родину: «Герцог — человек, который более всех людей окружен тайной. Он не раскрывает ни одного своего намерения, пока его не осуществит». Чезаре для достижения своих целей широко использовал тайную войну: организовывал шпионаж, сознательно вводил в заблуждение врагов относительно своих планов, внезапно нападал со всех сторон на государство, избранное жертвой, захватывал территорию тех или иных княжеств, с тем чтобы якобы предотвратить в них сфабрикованные им же заговоры.

Большую роль сыграла разведка Чезаре при подавлении в 1502 г. бунта кондотьеров, с помощью которых он завоевал свои владения. Кондотьеры объединились с соседними князьями, одних из которых Чезаре лишил их земель, а другие со страхом дожидались той же участи. Чезаре и его агентам, раздававшим лживые обещания, уда-

лось расстроить эту непрочиую коалнцию. Герцог заманнл главных кондотьеров к себе для переговоров, там онн были схвачены солдатамн и вскоре казнены. «Папскнй сын» восстановил утрачеиную было власть над своими владеннямн.

Чезаре Борджна уничтожал свонх разведчиков, как только переставал в инх нуждаться. Так, иапрнмер, он поступил со свонм доверенным лнцом Рамнро Лорка, который осуществлял по его прнказу тайные убнйства. Рамнро Лорка был назначен на пост губернатора Романьн. 23 декабря 1502 г. Макиавеллн сообщал на родину нз Кесеиы, что Рамнро «вчера прнбыл нз Пезаро, но не успел ои слезть с лошадн, как был заключен в тюрьму по прнказу герцога, который легко может пожертвовать нм, дабы сделать прнятное жнтелям этой страны, которые все горячо желают его гибелн». 26 декабря флорентнйскнй посол добавлял: «Сегодня утром на городской площадн иашлн тело Рамнро, разрубленное на две части. Людн толпнлнсь, чтобы увндеть его. Без сомнення, герцог желал показать, что он может возвышать н губнть по своему пронзволу».

Головокружнтельная карьера Чезаре требовала все иовых средств, и все чаще прнходнлось одному за другим снятельным сановинкам церквн скоропостнжно прощаться с земнымн заботамн... и богатствамн. 21 апреля скончался карднлал Феррарн, епнскоп Модены, владелец огромного состояння, которое он правдой н неправдой скопнл иа посту фннансового советнка папы. По оценке современнков, эта смерть прнесла Александру VI 500 тыс. дукатов. В апреле следующего года смерть столь же внезапио унесла карднлала Мнкнеля. Тело умершего еще не остыло, когда во дворец карднлала ворвались посланцы папы, чтобы захватнть его ценностн на немалую сумму — 150 тыс. дукатов, которой пополннлась казна святого престола. (При следующем папе — Юлнн II — священиик Аскнна да Коллоредо прнзнался, что убнл карднлала за 1 тыс. дукатов по иаущеиию иеких «высокостоящнх персон в Ватнкане», за что был спешно обезглавлен.) Вскоре после пышного пнра, устроенного в Ватнкане в честь несколькнх богатых карднлалов, скончался н сам папа Алексаидр VI. Возможно, что прнчиной смертн была схваченная нм лнхорадка, ио современиикн упорно счнталн, что Александр VI н Чезаре по ошибке выпили отравленное внно, предназначенное для их гостей. Более крепкнй н молодой организм Чезаре выдержал действие яда. Однако его болезненное состоянне в момент смертн папы разрушило далеко идущие планы коварного герцога Валенцня.

Не прнходнтся удивляться, что современнкн считалн Александра VI и его семейство воплощением дьявольских сил, немудреио также, что столетнямн бесчнсленные католнческне авторы — апологеты церквн откладывалн в нерешнтельиости перо, когда дело доходнло до описання понтнфиката Александра Борджна. Одиако в антнклерн-

кальной литературе папе отводилось достойное место. Кровавая история рода этого римского первосвященника послужила темой для пьесы В. Гюго, оперы Доницети, романа Александра Дюма (все они носят название «Лукреция Борджиа»). Веками продолжался суд над Александром VI.

Со временем отношение к нему менялось. Так, в 1940 г. церковный историк Феррара (приспешник кубинского диктатора Батисты) в книге «Папа Борджиа. Александр VI», привлекая венецианские и другие архивы, сделал открытие: «В течение всей эпохи Возрождения не было человека, имевшего более гуманные идеи свободы церкви, государства и человеческой личности...». А в 1955 г. известный французский католический историк, один из авторов многотомной истории папства, Даниэль-Роп писал, что, хотя не все убийства, приписываемые Александру в «легенде о Борджиа», были выдумкой злонамеренных хронистов, папа действовал вполне в духе времени. Тем не менее все обвинения в разврате — сплошная выдумка, просто святой отец, надо признать, любил хорошо пожить, а поведение его детей — Чезаре и Лукреции — опять-таки отражало нравы эпохи, как политик же Александр защищал интересы Италии. Таких высказываний можно привести сколько угодно, но уверения церковных авторов по-прежнему выглядели не очень убедительно. И тогда они вспомнили о «кознях дьявола», конечно, модернизированных, чтобы идти в ногу с веком.

Так появилась изданная недавно в Западной Германии книга С. Шюллер-Пироли «Борджиа. Разрушение одной легенды». Оказывается, все истории об оргиях и разврате при папском дворе, об «яде Борджиа» и убийствах из-за угла, совершавшихся по приказу папы и Чезаре, — все это лишь такой же плод воображения, как и отождествление святейшего главы церкви с князем тьмы. Современники Борджиа, утверждает автор, использовали прием дискредитации противника, который состоял в том, что ему приписывали связь с дьяволом. Простых смертных обвиняли в том, что они насылали порчу на животных или накликали град, побивавший спелые хлеба. Ну, а для папы пришлось изобрести нечто посложнее. Впрочем, у сочинителей был здесь немалый опыт—ведь в их числе были венецианские дипломаты, часто использовавшие такой ход, чтобы опорочить врагов Республики Св. Марка. Современникам Борджиа было хорошо известно о политической подоплеке басен, имевших целью доказать связь Александра VI с силами ада, а для последующих поколений действительный смысл оказался утерянным. Тогда всерьез поверили в сцену с куртизанками, которая, мол, просто-напросто воспроизводила описание Вальпургиевой ночи, оргий чертей с ведьмами. А обвинения против Лукреции Борджиа вызваны тем, что некоторые из современников проводили параллель между нею и Еленой, послужившей по греческой легенде причиной Троянской войны, которую воспел Гомер.

Роль Трои отводилась Священной Римской (германской) империи, как раз в это время потерявшей многие свои владения в Италии. Таковы «аргументы» новейших апологетов рода Борджиа. Конечно, странно, что все сведения о «художествах» святого отца заносились очевидцами в дневники, которые они вели исключительно для себя. Они знали, что рискуют головой, если их писания увидят свет божий. Но было бы напрасным делом требовать от защитников Александра VI действительного доказательства их утверждений. Придуманная ими история не лучше и не хуже других рассказов о «кознях дьявола».

ПЕНСИОН СУЛТАНА БАЯЗЕТА

Очень колоритным эпизодом в тайной войне, которую вел клан Борджиа, была история с турецким принцем Джемом. Она началась, впрочем, еще до приобретения Александром VI папской тиары, и надо сказать, что здесь он имел вполне достойных предшественников.

Отошли в прошлое столетия крестовых походов, когда папство — пусть во имя сугубо земных, корыстных целей — идейно возглавляло борьбу против «неверных», за завоевание Палестины. Уже давно папы не мечтали о новых походах, ограничиваясь аккуратным сбором денег на борьбу за освобождение «гроба господнего». (Они не только не помышляли, но и другим препятствовали, отлично зная, что под предлогом крестового похода разные государи не раз пытались захватить территории в Италии, к вящему неудобству и невыгоде для святого престола.) После 1453 г., когда турецкий султан Махмуд II овладел Константинополем — столицей и последним оплотом Византийской империи, постоянным предлогом для денежных поборов в пользу папы были разговоры о крестовом походе против турок. В 1495 г. французский король Карл VIII задумал предпринять поход против турок, а по дороге завоевать и Неаполитанское королевство. Александр VI, восставший против этого, не ограничился одними предостережениями, угрозами и дипломатическими интригами при различных европейских дворах. Духовный глава христианства, прилагая всевозможные усилия к тому, чтобы сорвать этот крестовый поход, обратился за помощью... к турецкому султану Баязету II, с которым он, впрочем, и раньше поддерживал теплые отношения. К тому же старая история с принцем Джемом весьма способствовала тесным связям папы с врагами веры христовой.

Джем и Баязет были сыновьями султана Махмуда II, завоевателя Константинополя. После смерти Махмуда развернулась вооруженная борьба между его сыновьями за престол. В борьбе за трон победил Баязет, и Джем бежал ко двору египтян. Султан Египта был крайне встревожен ростом могущества турецкой державы (и не без основания — позднее, в начале XVI века, Египет был захвачен турками). Понятно, что египетский султан встретил Джема с распростертыми объятиями и охотно помогал ему поднимать восстания против Баязета. Когда эти попытки окончились неудачей, Джем решил отдаться в руки гроссмейстера духовного рыцарского ордена иоаннитов, который владел островом Родос. Получив заверения в том, что он найдет там надежное убежище, Джем прибыл на территорию, занятую христианами. Однако он был немедленно арестован и брошен в тюрьму. Забыв все свои обещания, гроссмейстер иоаннитов Пьер Обюссон превратил своего пленника в объект выгодной игры. В Константинополь отправился с Родоса посол, заверивший султана, что Джем будет содержаться под крепкой стражей. Взамен иоанниты запросили ежегодную субсидию 45 тыс. дукатов — круглую сумму, равную доходу небольшого государства, а также настаивали на сохранении мира: рыцари, обязавшиеся сражаться с неверными, очень опасались, что их остров будет завоеван турками (что и произошло через некоторое время).

Султан не счел нужным договариваться с рыцарями. Вместо этого он послал тайных агентов, которые должны были проникнуть к Джему и отравить его. Понятно благородное негодование иоаннитов, когда они убедились в «восточном коварстве». Боясь лишиться столь выгодного пленника, рыцари переправили его в один из орденских замков во Франции.

Иоанниты умели неплохо отстаивать свои интересы, используя приемы тайной войны. Напрасно Джем пытался послать своих гонцов к французскому королю — их перехватили и без шума «убрали» с дороги. Джема перевозили из одного замка в другой, чтобы было труднее определить его местопребывание. При этом гроссмейстер Обюссон позаботился и о благопристойности. Иоанниты подкупили секретаря Джема, с помощью которого они получили чистые листы бумаги, подписанные принцем. Гроссмейстер составил от имени Джема фальшивые письма, разослал их во все европейские государства, в которых всячески расхваливалось поведение иоаннитов в отношении их пленника. Правда, техникой фабрикации подложных писем рыцари владели крайне недостаточно, так что им мало кто поверил. Гроссмейстер в своем вероломстве пошел еще дальше. В 1482 году ему удалось сговориться с султаном Баязетом, который обещал платить ежегодно 40 тыс. дукатов для покрытия издержек на содержание своего брата.

Однако добыча оказалась слишком жирной для захудалого ор-

дена иоанинтов. Нашлось немало охотников до султанских дукатов, и притом обладавших острыми зубами. Обюссона засыпали письмами из Рима с требованием отпустить Джема к отправителю данного послания, который намеревался воспользоваться услугами принца во время крестового похода. Последний, разумеется, намечался не на ближние сроки — зачем было спешить, когда каждый год приносил без хлопот целую кучу золота от обеспокоенного султана. В конце концов победил папа, тогда еще Иннокентий VIII, договорившийся с Обюссоном и французским королем Карлом VIII об отправке Джема в Рим. Достигнуть этого первосвященнику удалось не без труда: египетский султан давал за Джема 100 тыс. дукатов, а Баязет прислал посла к Карлу VIII, предлагая союз против Египта, тогда еще владевшего Палестиной, при условии интернирования принца во Франции. Иннокентий оплатил покупку рядом услуг: он выступил посредником между Францией и Англией, способствовал матримониальным планам французского короля и даже предоставил сан кардинала одному из его приближенных. Был задобрен различными подачками и Пьер Обюссои. Гроссмейстер, убедившись, что пленника все равно не удержать в своих руках, пытался, пока шли переговоры, выудить у матери Джема 20 тыс. дукатов, якобы для приобретения корабля, который отвезет принца в Египет. Работа была чистая — тем более обидно было Обюссону, когда египтяне настояли перед папой, чтобы тот заставил гроссмейстера вернуть обратно часть столь ловко выманенных денег.

Весной 1489 г. Джема доставили в Рим, где папа устроил принцу торжественную встречу. Прибытие неверного турка было приказано ознаменовать всенародным праздником. Иннокентий очень беспокоился, чтобы не пострадал престиж Джема в глазах турок, иначе говоря, чтобы не обесценился недешево приобретенный товар. Поэтому папа довел до всеобщего сведения, что Джем сохранил верность исламу и, следовательно, может по-прежнему рассчитывать на поддержку своих приверженцев в Турции.

Баязет по достоинству оценил демарши и маневры римского первосвященника. Он снова решил отделаться от брата руками своих тайных агентов. Однако попытка султанской секретной службы отравить Джема окончилась неудачей: дорогую добычу зорко стерегли. Тогда Баязет направил к папе в ноябре 1490 года своего посла с 120 тыс. дукатов (трехгодовой взнос) и дорогими подарками. Посол имел полномочия заплатить привезенные дукаты только после того, как лично переговорит с Джемом (султан хотел убедиться, жив ли его брат и, следовательно, нужно ли продолжать трату денег). Но осторожный Иннокентий очень опасался, как бы лазутчик Баязета не попытался убить Джема или нанести ущерб поистине драгоценному здоровью папского пленника. Свидание обставили с крайними пре-

досторожностями. А письмо для Джема из Константинополя опытные приближенные принца заставили посла вынуть из конверта зубами и облизать языком со всех сторон, чтобы исключить возможность отравления. Эта несколько необычная «дипломатическая церемония» убедила турка, что Джем жив, и последовала выплата привезенных денег. Так Иннокентий VIII стал пенсионером Высокой Порты, турецкое золото было важной частью дохода, получаемого римским престолом. Правда, мусульманский султан Египта предлагал папе за Джема 600 тыс. дукатов и даже участие в крестовом походе против османов. Иннокентий предпочел турецкую пенсию, которую султан дополнял иногда различными христианскими реликвиями, попадавшими в его руки. А реликвии стоили немало — рыночная цена «плаща Иисуса Христа», например, достигала в то время ни много ни мало как 10 тыс. дукатов!

Когда в 1492 г. Александр VI унаследовал престол, получение константинопольской пенсии стало привычным делом, и разве можно было отказаться от нее из-за такой «мелочи», как нападения турок на различные христианские области, в частности Хорватию. Правда, когда в июне 1498 года в Рим прибыл очередной султанский посол Хамсбуерш и передал Александру поздравления в связи с избранием на святой престол, папа, поблагодарив, выразил все-таки пожелание, чтобы султан не воевал против христиан. Но это было сказано после получения очередного взноса на содержание Джема. Предостережение имело тем меньший смысл, что вскоре после этого случая Александр VI призвал султана как союзника для борьбы против крестового похода, который собирался предпринять Карл VIII. А чтобы поощрить «великого турка» к активности, папа пугал его перспективой того, что Джем может попасть в руки французского короля. Султан ласково принял папского нунция Буцардо и отправил его в сопровождении собственного посла Касим-бея в Рим. Послы везли с собой пять султанских посланий. В первом из них Баязет, сообщая о посылке очередных 40 тыс. дукатов, добавлял: «Наша дружба с помощью божьей будет крепнуть изо дня в день». Второе и третье письма содержали похвалы в адрес Буцардо и верительные грамоты Касим-бею.

Остальные послания имели более прямое отношение к тайной войне. В четвертом письме султан выступал в несколько неожиданной роли ходатая за Николо Чибо, архиепископа города Арля и любимца умершего папы Иннокентия VIII. Баязет просил Александра возвести архиепископа в сан кардинала. Султан хлопотал за Чибо уже не первый раз. В свое время Иннокентий согласился удовлетворить желание повелителя османов, но неожиданно умер, не исполнив своего обещания. Теперь султан возобновил свою просьбу, мотивируя ее заслугами архиепископа, который, мол, предан «душой и телом и не-

сет самую верную службу обеим сторонам». Эта трогательная забота о благополучии и церковной карьере достопочтенного прелата имела весьма солидную основу: Чибо служил «самую верную службу» султанской разведке. Именно архиепископ был, по всей вероятности, тем высокопоставленным лицом в папской курии, которое помогало турецкому агенту Христофино ди Кастрано (по собственному его признанию) в попытке убийства Джема.

Однако поскольку турецкая секретная служба даже с помощью архиепископа не сумела выполнить султанского поручения, Баязет решил обратиться за помощью к самому Александру VI.

В пятом письме султан просил папу устроить дела Джема, который все равно когда-нибудь должен умереть, таким образом, чтобы «его душа сменила эту юдоль скорби на лучший мир». За тело Джема султан обещал 300 тыс. дукатов, за которые, добавлял он, «Ваше святейшество сумеет купить Вашим сыновьям княжества».

Вопрос заключался, разумеется, не в этике. Александр VI, как мы знаем, отправил на тот свет впоследствии не какого-нибудь турка, а кардиналов святой церкви, чтобы завладеть их имуществом. Все дело было в том, стоило ли даже за такие деньги лишаться «турецкой пенсии».

Да и к тому же произошла досадная неприятность. По дороге в Рим Буцардо и Касим-бей были захвачены людьми Джованни делла Ровере (брата кардинала делла Ровере, ставшего позднее папой под именем Юлия II) — смертельного врага Александра Борджиа. У турка отобрали 40 тыс. дукатов и письма, а Буцардо оставили под стражей. Джованни делла Ровере хотел вначале только получить деньги, которые, по его мнению, ему был должен Александр VI. Однако захваченные документы оказались настолько занятными, что делла Ровере заставил Буцардо подтвердить их подлинность, а затем и довел до всеобщего сведения.

Разоблачение тесной взаимосвязи папских интриг и оттоманской секретной дипломатии вызвало немалый скандал. Но Александр VI был не из тех, кого смущали подобные злополучные происшествия. К тому же обстановка в Италии претерпела существенные изменения. Успехи Карла VIII заставили папу круто изменить позицию и вступить в союз с французским королем. Папа обязался — в обмен на уступки Карла VIII — передать Джема в руки французов. Однако вскоре турецкий принц неожиданно скончался. Осталось неясным, пал ли он жертвой убийцы, подосланного султаном, или отравителя, действовавшего по предписанию папы?

Современники склонялись к последнему предположению, считая, что «яд Борджиа» и здесь был пущен в ход для получения от султана обещанного возмещения в 300 тыс. дукатов. Однако уже тогда задавали вопрос: где имелись гарантии, что султан выплатит день-

ги? Да и доставить в Константинополь труп Джема было тогда нелегко. Так что, кто знает, может быть, Джем умер и естественной смертью. Тело скончавшегося принца служило еще долго предметом спекуляций, в которых участвовали французы, неаполитанцы, арагонцы, пока Баязет не заполучил его в свои руки и похоронил с приличествующей торжественностью. Но это уже другая история, уводящая нас в сторону от папы Александра и его достойного окружения.

РЕНЕССАНС РАЗВЕДКИ

Эпоха Возрождения — это и ренессанс разведки. То было время формирования сильных национальных государств, создания абсолютных монархий, которые обладали материальными ресурсами, позволявшими им вести крупную политическую игру в масштабах всей Европы. В эту эпоху рождается политика, свободная от религиозных, моральных или каких-либо других сдерживающих начал, принимающая в расчет только реальные интересы. Проводниками ее, подобно Борджиа, были испанские, французские, английские короли, сыгравшие особо большую роль в создании национальных государств, образование которых настоятельно диктовалось всем ходом социально-экономического развития.

Укрупнение политических органов национальных государств способствовало борьбе господствующего класса феодалов с внутренними и внешними врагами, расширяло географические рамки активности дипломатии этих держав. Римский престол повсюду имел своих агентов. Иностранные государства платили Риму той же монетой. Так, например, секретарь папы Адриана VI (1522—1523 гг.) Чистерер был шпионом посла императора Карла V.

Функции разведки в узком смысле слова менялись от времени и места. В условиях разобщенности стран, частого отсутствия дипломатических и торговых связей разведка должна была собирать не только секретную, но и всю нужную информацию о той или иной стране, вплоть до географических данных, материалов о политическом устройстве и т. д. Задачи разведки были самыми различными. Старались разузнать о численности и вооружении войск, о состоянии казны, о размерах и направлении внешней торговли, о соотношении сил различных придворных клик, о богатстве и влиянии государственной церкви и о многом-многом другом. Сложность добывания информации порой заключалась в отдаленности страны, в бесчисленных опасностях, подстерегавших путешественника на море и на сухопутных дорогах, незнании чужого языка, отсутствии возмож-

ности передать полученные сведения на родину. Нередко разведчик выполнял функции, которые в последующие столетия становились обязанностями посла, консула, купца, журналиста, ученого географа, этнографа или экономиста.

Часто разведка использовалась для того, чтобы не допустить установления дипломатических отношений с той или иной державой. Для достижения этой цели пускались в ход самые различные средства — от дипломатических интриг до применения яда и кинжала. В 1525 г., потерпев поражение при итальянском городе Павии, французский король Франциск I попал в руки своего главного соперника — испанского короля и одновременно германского императора Карла V Габсбурга и был отправлен в Мадрид. Мать Франциска, во время его отсутствия выполнявшая обязанности регентши, решилась на ловкий шаг — вступить в соглашение с могущественным турецким султаном Сулейманом, который уже не раз воевал против войск Карла V в Венгрии. Однако установить связь с Константинополем было не так-то просто: люди императора получили указания любой ценой перехватить посланцев французской королевы. Агенты Габсбурга уничтожили нескольких курьеров, но одному из них, графу Франджипани, удалось достигнуть турецкой столицы и вручить Сулейману послание из Парижа. Так были сделаны первые шаги к франко-турецкому союзу, оставившему столь важный след в политической и военной истории Европы в XVI в.

В XVI в. вошло в систему содержание постоянных послов при иностранных дворах. Посольства стали центрами разведывательной работы и контршпионажа. Нередко дипломаты передавали друг другу добытые секретные новости. Так поступал, например, испанский посол при английском короле Генрихе VII. Самое интересное, что в обмен на новости, которые он получал от испанских дипломатов в других странах, его снабжали секретной информацией об Англии не только придворные, но и сам... Генрих VII. Англия тогда еще жила в мире с Испанией, Уже при Генрихе VIII испанский посол для добывания информации не раз прибегал к испытанному приему — уплате пенсий влиятельным придворным.

Быстрое развитие в XVI в. приобрело и искусство контршпионажа. Еще в 20-е годы кардинал Уолси, министр Генриха VIII, и Гаттинара, министр испанского короля и германского императора Карла V, действовали просто. При подозрении иностранного посла в шпионской деятельности они приказывали перехватывать его депеши. Через 10 лет при другом министре короля Генриха VIII, Томасе Кромвеле, пошли еще дальше: письма после их захвата копировали и потом посылали по назначению. А во второй половине XVI в. научились так вскрывать конверты, что адресат и не догадывался, что оно успело побывать в чужих руках.

Вошла в обычай и шифровка депеш. Первое время шифры были несложными: каждая буква заменялась каким-либо определенным знаком. Разгадать такой код оказалось делом нетрудным, если знать язык, на котором было написано зашифрованное письмо. Поскольку частота повторений определенных букв в каждом языке величина постоянная и легко определяемая, не составляло труда выявить наиболее часто встречающиеся знаки, их буквенное значение, а потом определить и все остальные буквы. Нередко шифры не менялись в течение долгого времени, хотя они уже были давно разгаданы противником. Шифры XVI в. были иногда достаточно сложными, и их разгадывание превращалось в головоломку даже для специалистов в последующие столетия. Так, код, использовавшийся Микелем, венецианским послом в Англии в годы правления Марии Тюдор, был расшифрован только через три с лишним века, в 1868 г.

Дипломатическим курьерам приходилось пересекать территорию третьих государств, правительства которых часто не могли избежать искушения познакомиться с секретной почтой, доставляемой иностранному двору. Поэтому посольские донесения приходилось посылать в нескольких экземплярах различными путями в надежде, что хотя бы одно достигнет назначения. Зная о перехватывании донесений, послы часто посылали депеши с заведомо ложными сведениями — для дезинформации противника.

Возрождению разведки в немалой степени способствовало открытие Америки. Испанцы из своих владений в Новом Свете вывозили огромное количество золота. Купцы и авантюристы других европейских стран горели желанием присвоить хотя бы часть из этой сказочной добычи. Соблазн был велик, и первыми поддались ему французские купцы и судовладельцы. Вскоре после завоевания испанцами Мексики французы начали организовывать пиратские налеты на корабли, перевозившие золото из Америки в Испанию. Французский корсар Жан Флери сумел перехватить многие сокровища последнего императора ацтеков Монтесумы, попавшие в руки Кортеса и других испанских конквистадоров. Для борьбы с французскими корсарами Мадриду пришлось завести во французских портах Ла-Рошель, Нанте, Дьеппе и др. тайных лазутчиков для получения известий об отплытии пиратских кораблей и о планах корсаров. Дурные примеры заразительны: по пути, проложенному французами, через некоторое время последовали пираты из Англии и других стран. Так что работы для испанских шпионов с годами все прибавлялось... Еще более тесно переплелись тогда пиратство и тайная война в Средиземном море.

КРЕСТ И ПОЛУМЕСЯЦ

В знное и расслабляющей духоте южного лета медленно скользит неуклюжий, глубоко сидящий в воде купеческий корабль. Легкий ветер почти не трогает паруса. Матросы заняты своими будничными делами, а свободные от вахты, собравшись группами, слушают рассказы бывалых моряков об опасностях, которые таят столь спокойные с виду просторы Средиземного моря. Да и у редкого матроса не было в родном порту знакомого, или побывавшего в плену у корсаров, или испытавшего ужасы жестокого боя против пиратских кораблей. Правда, как будто бы ничто не угрожало благополучному плаванию «купца», как именовали обычно торговый корабль... Да и разве не царит в Европе не столь уже частый гость — мир? Пушечный выстрел, многократно повторенный эхом, нарушил царящий покой. Из прибрежных скал вырвалось на морской простор несколько небольших легких шхун, набитых людьми в пестрых восточных халатах, подпоясанных широкими ремнями, за которые были засунуты пистолеты и острые кривые ятаганы. Сомнения нет — пираты! Одного взгляда на паруса опытному капитану достаточно, чтобы понять невозможность бегства от быстро скользящих по воде корсарских судов. Конечно, «купец» вооружен, но много ли шансов у неуклюжего, медленно двигающегося корабля задеть своими выстрелами ловко маневрирующие пиратские фелуки. Быть может, обойдется — мелькает трусливая мысль. Быть может, рейс пиратов ограничится осмотром паспортов, ведь алжирский бей обязался не трогать корабли тех стран, которые уплачивают ему ежегодную субсидию? Пока длятся колебания, пока команда, наскоро расхватавшая оружие, стоит в нерешительности, раздается глухой треск абордажных крюков, переброшенных с головного корабля корсаров,— и палубу «купца» заполняют бородатые мускулистые люди, выкрикивающие леденящий душу боевой клич... Через несколько минут все кончено — за борт летят трупы матросов, пытавшихся оказать сопротивление, остальных членов экипажа заковывают в цепи. Их ждет путешествие в трюмах, невольничий рынок и долгие беспросветные годы тяжелого рабского труда. Они разделят эту участь с десятками тысяч других моряков, жителей прибрежных мест, попавших в цепкие руки корсаров.

К какому времени относятся описываемые здесь события? Они могли происходить и в 1525 г., и через сто лет после этого, и через двести и даже через триста лет. Несколько веков пиратство было силой, угрожавшей всей Западной Европе. Его быстрый рост начался в третьем-четвертом десятилетии XVI в.

Расцвет корсарства на Средиземном море, превращение Алжира, Туниса, Бизерты в крепости (некоторые даже добавляют — республики) морских пиратов не были связаны с образом жизни арабского населения Северной Африки. Берберийские племена, как и в предшествовавшие столетия, вели свою обычную кочевую жизнь. До них доносились лишь отголоски сражений, происходивших на Средиземноморье.

Развитие пиратства в XVI в., строго говоря, не имело связей и с пиратством, как его понимали впоследствии. Даже само это слово не употреблялось в то время, оно было пущено в ход позднее европейцами и очень превратно отражало суть развернувшихся событий.

Первоначально это была морская война между двумя гигантами — турецкой Оттоманской империей и империей Габсбургов, которая в первой половине XVI в. охватывала Испанию, большую часть Центральной Европы и Италию, не говоря уже о новых бескрайних владениях в Новом Свете, недавно открытом Колумбом и завоеванном испанскими конкистадорами. А морская война того времени сопровождалась налетами на мирные города, опустошением целых областей и захватом населения в рабство. Именно в ходе этой войны двое предприимчивых турецких моряков, братья Хорук и Хайр-ад-Дин (последний прозван «Рыжебородым», Барбароссой — в европейских хрониках), свергли власть алжирского султана, когда тот в 1516 г. призвал их помочь ему в борьбе против наступавших испанцев. Хорук погиб в сражении, а Хайр-ад-Дину удалось укрепить свою власть. Его помощниками, помимо турок стали мавры, изгнанные из-за католического фанатизма испанских королей со своей родины, а также христианские ренегаты, покинувшие по разным причинам свои страны и стремившиеся любой ценой приобрести в мусульманском мире богатство, почести, высокое общественное положение.

Турецкий султан Сулейман вскоре понял, какие выгоды можно извлечь из храбрости и морского искусства Барбароссы и его пестрого морского братства. Хайр-ад-Дин был приглашен султаном в Константинополь и назначен адмиралом турецкого флота. Обширные материальные средства и арсеналы турецкой столицы были предоставлены в распоряжение нового адмирала. В 1534 г. Барбаросса во главе огромного турецкого флота двинулся в поход. Началась ожесточенная борьба, в которую помимо двух главных соперников — императора «Священной Римской империи германской нации» Карла V, занимавшего одновременно трон испанского короля, и турецкого падишаха — постепенно были вовлечены и другие европейские страны, присоединявшиеся то к одной, то к другой стороне: Франция, Венеция, папское государство, различные итальянские княжества. Последующие десятилетия были полны ожесточенных сражений. Долгое время успех был на стороне Хайр-ад-Дина. Искусный моряк, талантливый

флотоводец, свнрепый восточный военачальннк, готовый без колебания обречь на смерть тысячн невнниных людей, ои бывал порою подвержен прнпадкам велнкодушия, исполнен уважения к храброму врагу, желання ввести в какие-то нормы бушевавшнй смерч войны и взаимиого истребления. Тонкость полнтнка, даже верность флагу причудливо переплетались у этого иезаурядного человека с отвратительиым корыстолюбием, порой затемнявшнм его обычно столь ясный ум; проницательность дальновндного государственного деятеля сочеталась с беззастенчивостью авантюрнста, неудержнмо стремнвшегося к захвату все новых богатств: золота, рабов, земель. Но уж во всяком случае не правнтельству Карла V было именовать «морским разбойником» Барбароссу. В отлнчне от нмперского адмнрала генуэзца Андреа Дориа, профессионального кондотьера, недавно еще служившего французскому королю, Хайр-ад-Дин ннкогда не изменял Оттоманской нмперни, всегда плавал под турецкнм флагом. А самые необузданные его жестокости блекли перед зверствами войск «хрнстнаннейшего» Карла V, истребивших десяткн тысяч мнрных жнтелей в одном только Тунисе, превратнвшнх в пепел другие захваченные имн мусульманскне города, продававшнх, как и туркн, своих пленных в рабство.

Первые годы после изначения главнокомандующнм оттоманским флотом Хайр-ад-Днн был занят завоеванием полиого турецкого преобладания в Восточном Средиземноморье. В 1535 г. Карл V решнлся иаиестн контрудар. Собрав большую армию, он посаднл ее иа корабли эскадры адмнрала Дорна н двннулся в Севериую Африку, к Тунису.

Однако нападенне ие застало турок врасплох. Правда, это было результатом тайной войны между Карлом V и французскнм королем Франциском I, которая продолжалась даже тогда, когда эти два сильнейшнх монарха Западной Европы формальио находилнсь в состоянии мнра. Лазутчнкн Францнска разузналн о подготовлявшейся экспеднцнн, и французскнй король поспешнл через одного из руководителей своей разведки (флорентийского священннка) известить об этом «неверного» Хайр-ад-Дина. Успех подготовлявшегося с большой поспешностью н в глубокой тайне «крестового похода» Карла V, который мог еще более усилить перевес армии нмператора над войсками французов, был ие в интересах французского короля. По мере возможности Францнск посылал турецкому адмнралу и военное снаряжение: на двух ядрах, попавшнх в палатку нмператора при осаде Туниса, былн выгравнрованы лнлни — герб королевского дома Валуа.

Хайр-ад-Днн благодаря услугам, оказанным ему фраицузской разведкой, сумел хорошо подготовнться и оказать упорное сопротнвление огромному нмператорскому войску. Сражение на суше было ие по душе турецкому адмиралу, и он с крайней неохотой снял своих моряков с кораблей и поставнл на защиту крепостных стен. Однако

благодаря сильной осадной артиллерии и большому численному превосходству имперская армия захватила Тунис. Но Хайр-ад-Дин и его матросы прорвались через кольцо осады и сразу же возобновили войну на море.

Взятие Туниса оказалось мнимым успехом. Барбаросса сумел ускользнуть и вскоре, опираясь на свою базу в Алжире, разграбил испанский остров Менорку, увез 5,7 тыс. пленных в рабство, захватив императорские корабли с добычей, приобретенной в Северной Америке. Карл приказал Андреа Дориа доставить ему Барбароссу живым или мертвым, но турок по-прежнему был неуловим. Тогда император решил прибегнуть к тайному оружию. Была обещана немалая сумма денег одному левантийцу, согласившемуся убить адмирала. А тот тем временем, обманув шпионов императора ложным известием, что направляется к Майорке, повернул на восток и прибыл в Константинополь, подчиняясь приказу султана. Из убийства ничего не вышло — лазутчик Карла был перекуплен одним из помощников Барбароссы Пиали-пашой. Хайр-ад-Дин даже обиделся, узнав, сколь малую, по его мнению, сумму готов был заплатить император, чтобы избавиться от врага. Вопреки опасениям адмирала, что Сулейман будет разгневан за потерю Туниса, Барбаросса был встречен с большими почестями в Константинополе, где султан поручил ему создать новый, еще более мощный флот для войны против Карла V.

Разведки европейских государств приложили большие усилия к тому, чтобы разузнать о планах турецкого адмирала, занятого лихорадочными приготовлениями к новому походу. В Венецию, Рим, Вену, Вальядолид в Испании потекли новости, не оставлявшие сомнения в том, что главный удар будет направлен против Италии, в частности той ее части, которая входила в состав испанских владений. Однако из Константинополя были получены и другие, не менее важные известия о том, что Барбаросса находится на ножах с Лутфи-пашой — командующим сухопутными войсками, и, возможно, будет готов изменить султану. Для этого Барбароссе следует вернуть Тунис, признать его правителем Алжира и других владений в Северной Африке.

Карл обсудил полученное известие с Дориа — тот был склонен считать его соответствующим действительности. Самому командующему имперским флотом приходилось в прошлом переходить с одной службы на другую, почему не поступить так же этому алжирскому пирату! И Дориа, с согласия императора, решил начать переговоры с Барбароссой.

В небольшом порту Парга Дориа, сопровождаемый вице-королем Сицилии Гонсага, встретился с человеком, присланным Барбароссой. Несколько дней шли переговоры. Карл вначале отказывался вернуть Тунис, потом согласился при условии, что Барбаросса сумеет сжечь

турецкие корабли, командиры которых окажутся верными султану.

Тем временем Барбароссе предложил признание его прав на Алжир и Тунис и Франциск I, направивший для этого специальное посольство в Константинополь во главе с искусным дипломатом де ла Форе. После заключения военного союза между Франциском и Сулейманом, в феврале 1536 г., Барбаросса начал свои опустошительные рейды в Италию, на Корфу, захватывая одно за другим венецианские владения в Греции. Дориа со своим флотом пассивно наблюдал, не мешая действиям своего недавнего партнера по тайным переговорам. В это время имперские войска потерпели поражения на Балканах.

Страх перед турками заставил соперников — императора, Венецию и папу — в 1537—1538 гг. образовать Священную лигу. Ее участники, надеясь на победу, во время секретных переговоров уже делили между собой владения Сулеймана. Никогда еще на Средиземном море не было собрано столь многочисленного флота: 202 вооруженные галеры, 100 крупных транспортных судов, 50 тыс. итальянских, германских и испанских солдат.

А Андреа Дориа снова направился в Паргу, пытаясь подкупить Барбароссу, и вернулся с надеждой, что старый морской волк на этот раз всерьез задумал предать султана. Эти переговоры, безусловно, способствовали успеху Барбароссы в сражении под Превезе, когда были отбиты все атаки почти вдвое более сильного вражеского флота и нанесены ему тяжелые потери.

А может быть, переговоры с Хайр-ад-Дином были использованы для прикрытия каких-то других планов? Об этом можно только догадываться. Карл V не хотел такой победы, которая будет приписана главной силе союзного флота — венецианцам, он вряд ли собирался способствовать осуществлению их планов, направленных на восстановление былого могущества. Во всяком случае этим можно объяснить нерешительное поведение Дориа в дни неудачного для Карла V сражения под Превезе. Такое предположение правдоподобнее, чем догадка современников относительно существования соглашения между Дориа и Хайр-ад-Дином о том, чтобы уклониться от решительного сражения и не рисковать своей славой лучших флотоводцев христианского и мусульманского мира, совершенно незаменимых для своих повелителей — императора и турецкого падишаха. Карл V никогда не выказывал ни малейшего неудовольствия нерешительными действиями Дориа, которые привели к неудаче. Все это позволяет говорить, что тайные переговоры с Хайр-ад-Дином служили более тайной цели — создать условия, которые привели бы к еще большему ослаблению престижа Республики Св. Марка. Однако в таком случае Карл перехитрил самого себя. Поражение, которое потерпели объединенные эскадры европейских держав в битве против вдвое

меньшего по численности оттоманского флота, привело фактически к установлению турецкого господства на Средиземном море. Венецианцы вынуждены были согласиться на унизительный мир с Сулейманом, по которому уплатили 300 тыс. дукатов в качестве контрибуции и уступили остававшиеся под их контролем греческие гавани. Венеция лишилась своей морской империи, которую создавала в течение нескольких столетий.

В последующие годы имя Барбароссы приводило в трепет моряков и прибрежное население европейского Средиземноморья. Карл V, притязавший на создание всемирной монархии, перестал быть хозяином на всей морской границе своих обширных владений. 1541 г. был временем особо тяжких неудач для Карла и успешных рейдов Барбароссы.

И вдруг летом того же года от турецкого «бейлербея моря» (главнокомандующего), находившегося в Константинополе, пришло новое предложение изменить султану. Оно было обращено прямо к императору. Карл V не мог не испытывать недоверия, получив такое предложение от Барбароссы, корабли которого победоносно бороздили моря от Золотого Рога до Гибралтара. Карл V понимал, что прежние переговоры между Дориа и Барбароссой были причиной его неудач, и все же он решил рискнуть еще раз. Да и был ли на этот раз риск в переговорах, суливших в случае успеха большие выгоды, которые с лихвой бы компенсировали прежние неудачи?

ИМПЕРАТОР КАРЛ V И ЕВНУХ ГАССАН-АГА

Собственно, предложение исходило не от самого Барбароссы, а от евнуха Гассана-аги, которого турецкий флотоводец оставил управлять Алжиром на время своего отсутствия. Гассан предложил Карлу сдать Алжир, но с условием, что император пришлет достаточно сильное войско, чтобы капитуляция выглядела не изменой, а как необходимость.

Невозможно было представить предложение, более заманчивое для императора, собиравшегося любой ценой овладеть Алжиром — единственной сильной мусульманской крепостью, расположенной поблизости от Испании и являвшейся главной базой турецких кораблей в западном Средиземноморье. Трудно было найти и более подходящий момент — султан воевал в Венгрии, угрожая владениям императора, а Барбаросса ждал его в далеком Константинополе. Чтобы развязать себе руки, Карл V пошел даже на уступки германским лю-

теранским князьям, с которыми вел упорную борьбу, и поспешил на юг. Армада, которую привел Андреа Дориа к берегам Алжира, вполне удовлетворяла требованиям, выставленным Гассаном-агой во время тайных переговоров. 400 транспортов доставили 20 тыс. опытных воинов, участников многих сражений, возглавляемых герцогом Альбой (впоследствии испанским главнокомандующим, который во время революции в Нидерландах залил кровью эту страну). Множество испанских дворян отправились добровольцами, к ним присоединились 500 рыцарей Мальтийского ордена со своими слугами. А в числе гостей, которые прибыли, чтобы насладиться красочным зрелищем захвата Алжира, были знатные мадридские дамы и даже прославленный завоеватель сказочной Мексики Эрнандо Кортес.

Правда, сколь ни поспешными были сборы, наступила осень с ее штормовой непогодой, и осторожный Дориа настойчиво советовал императору отложить экспедицию. Но Карл был непреклонен. Много ли нужно времени, выбирая погожие дни, для переброски армии, собранной на Менорке, в Северную Африку? И даже если не верить обещаниям старого хитреца Гассана, то сможет ли он со своим небольшим гарнизоном, состоявшим всего из 900 турецких янычар, отстоять город от мощного императорского войска?

В октябре, когда спала томительная летняя жара, армия Карла без особых помех сошла с кораблей неподалеку от Алжира. Тяжеловооруженная пехота императора с легкостью отбила попытки прибрежных племен помешать высадке. Вскоре имперские войска расположились вокруг Алжира и после трехдневного бесплодного ожидания сдачи города начали осадные работы. Итак, Гассан-ага обманул — его переговоры с Карлом были еще одним ловким маневром турецкой разведки, окончившимся, как и ранее, успехом.

Однако императору казалось, что его армия достаточно сильна, чтобы овладеть Алжиром и без содействия наместника Барбароссы. Но Карл ошибался. Начались холодные осенние ливни, затоплявшие палатки и разрушавшие траншеи. Кроме того, промок порох, и осадная артиллерия, а также аркебузы превратились в обременительную груду железа, тогда как турки могли успешно использовать свои отряды лучников. Гассан-ага начал контратаки. Отбивая одну из них, Карл попал под огонь крепостных пушек и с трудом отвел назад расстроенные ряды своих солдат.

Но это было только началом. Шторм рассеял испанские транспорты, многие из которых потерпели крушение, а та часть матросов, которые сумели спастись, были истреблены местными берберийскими племенами, ненавидевшими пришельцев. Ослабленная потерями, не имевшая запасов продовольствия, имперская армия поспешно бросила осадные работы и двинулась назад. Отступление под дождем голодных и упавших духом воинов не раз грозило превратиться в ка-

тастрофу. Из шедшего в арьергарде отряда мальтийских рыцарей спаслась лишь небольшая часть. Недаром холм, где происходила одна из стычек, арабы прозвали «Могилой рыцарей». У места высадки имперская армия нашла лишь немногие суда эскадры Дориа, уцелевшие во время бури. Карл еще рассчитывал удержать хотя бы этот кусок африканской земли, надеясь в будущем году доставить свежие подкрепления из Европы. Но осторожный Дориа упрямо доказывал, что, если сюда прибудет Барбаросса со своим мощным флотом, дело окончится гибелью всего войска.

Карл приказал уничтожить снаряжение, которое невозможно было взять с собой, бросить в море лошадей, которым нельзя было найти места на кораблях. Остатки армии погрузились на суда. Многие из этих кораблей во время возобновившегося шторма потеряли управление и были выброшены на алжирскую землю, попав в руки Гассана. Опасность угрожала и самому императору, который укрылся в маленькой гавани, где находился небольшой испанский гарнизон. Однако там не было продовольствия, а ослабевшие от голода гребцы были не в состоянии работать веслами на галерах, которые из-за пробоин начерпали много воды. Секретный агент французского короля Франциска, находившийся при войске Карла, с удовлетворением доносил своему хозяину о все новых несчастьях, обрушивавшихся на армию императора. Солдаты Карла, томимые голодом, «имели для еды только собак, кошек и траву». Император потерял 8 тыс. воинов, погибло 300 знатных испанских вельмож. Карла спасло прибытие нескольких кораблей из Сицилии, которые спешно переправили его из Африки как раз тогда, когда было получено известие о быстром приближении флота Барбароссы.

Лишь жалкие остатки грозной имперской армии — толпы оборванных, изголодавшихся солдат — добрались до различных портов в Испании и Италии. Французский шпион, находившийся в рядах имперских войск, сообщал: «Это было большее несчастье, чем об этом известно, или чем то, что я способен описать Вашему Величеству. Он (Карл) будет вспоминать его всю свою жизнь». И действительно, Карл никогда не забывал того времени, когда он на торговом сицилийском корабле бежал из Африки, опасаясь увидеть на горизонте силуэты турецких кораблей и оказаться пленником Барбароссы. Ни разу на протяжении последующих семнадцати лет его жизни император не осмелился сам вести войну на море. Турецкий флот на долгие десятилетия установил свое главенство. Этому успеху в немалой степени способствовали не только флотоводческое искусство Барбароссы, но и его ловкость в тайной войне против императора.

В последующих своих рейдах Хайр-ад-Дин выступал не только адмиралом турецкого флота, но и желанным союзником французского короля, который в 1543 г. предоставил ему на несколько месяцев Ту-

лон. Большинство намеченных совместных походов, правда, не было осуществлено. Франциск оказался не в состоянии выставить обещанные корабли и доставить необходимое снаряжение. Кроме того, он опасался допустить турок в Италию, где его войска сражались против имперцев: появление там «неверных» могло вызвать полный разрыв с Римом. Хайр-ад-Дин согласился участвовать в осаде Ниццы, которая оборонялась испанским гарнизоном. Город был взят, и Хайр-ад-Дин приказал отправить в Константинополь 5 тыс. жителей, в том числе 300 пытавшихся спастись в монастыре молодых девушек, которые должны были быть направлены в гаремы Константинополя. Правда, корабль с девушками был отбит испанскими галерами, которые под командованием Дориа спешили на помощь Ницце.

Испанский флот был основательно потрепан бурей и лишился боеспособности, тогда как суда турок сумели укрыться от непогоды в спокойной бухте. У Хайр-ад-Дина возникла редкая возможность нанести сокрушительное поражение имперскому флотоводцу, оказавшемуся в беспомощном положении. Но напрасно французские дипломаты настойчиво просили «лорда Харадина», как тогда писали в официальных бумагах, не упускать представившегося случая. Хайр-ад-Дин неожиданно заявил, что считает недостойным для доблестного солдата нападать на безоружного храброго моряка, каким является его «брат» Дориа. Разумеется, это неожиданное великодушие лишь усилило разговоры, что оба адмирала связаны каким-то тайным соглашением. Со своей стороны Дориа впоследствии отпустил за сравнительно скромный выкуп захваченного в плен помощника Хайр-ад-Дина Драгута, нанесшего потом неисчислимый ущерб Испании и другим западноевропейским государствам.

У Хайр-ад-Дина могли быть и другие соображения. Он был крайне раздражен поведением французского короля, который помешал ему осуществить планы, сулившие огромную выгоду. Когда турецкий флот вернулся в Тулон, чтобы провести там зиму, французская разведка обнаружила, что гость ведет в Генуе тайные переговоры с Дориа. Формально дело шло о покупке у генуэзцев — на самом деле у Дориа — больших рулевых колес. Однако французы заподозрили, что Барбаросса готовится к сделке с императором о выдаче ему Тулона. Пришлось напрячь все финансовые ресурсы Французского королевства, чтобы наскрести необходимую сумму денег, потребованную Хайр-ад-Дином в вознаграждение за свои услуги. Только после этого турецкий флот отбыл на родину.

Хайр-ад-Дин умер в глубокой старости в 1547 г. В течение нескольких десятилетий после его смерти турецким флотом командовали его помощники и ученики. Вплоть до битвы при Лепанто в 1571 г. турки сохраняли превосходство на море. Потерпев поражение от объединенного европейского флота в этой знаменитой битве, они уже

на другой год сумели выставить новый флот, мало уступавший по мощи прежнему.

Однако постепенно, в силу технического превосходства, европейцы начали строить более мощные и устойчивые парусные корабли. На состоянии турецкого флота сказывалось и общее ослабление Оттоманской империи. В первой половине XVII в. от некогда грозного флота турок почти ничего не осталось. Но небольшие корабли североафриканских корсаров — формально подчинявшихся султану или вышедших из-под его власти — действовали еще более двух столетий, наводя ужас на купеческие корабли европейских держав.

Главами корсарских «республик» часто были ренегаты различных национальностей, надевшие тюрбан. Так, алжирскими беями еще в XVI в. были выходцы из Сардинии, с Корсики, из Венеции, даже из далекой Венгрии. Некоторые из этих ренегатов не хотели окончательно закрывать себе путь на родину или, по крайней мере, стремились обезопасить себя на случай неудобных встреч с бывшими единоверцами. Сервантес в «Дон-Кихоте» вкладывает в уста пленника, вернувшегося из Алжира, рассказ о том, к каким уловкам — вполне в духе действий дипломатии и разведки того времени — прибегали ренегаты. «Надобно знать, — повествует возвратившийся на родину, — что некоторые вероотступники, имеющие намерение возвратиться в христианские земли, обычно запасаются письмами от знатных пленников, в которых последние в той или иной форме удостоверяют, что такой-то вероотступник — человек порядочный, что с христианами он всегда обходился хорошо и собирался бежать при первой возможности. Иные достают эти свидетельства с хорошей целью, иные же — на всякий случай и не без задней мысли: в то время, как они грабят христианские земли, им случается заблудиться и попасть в плен, и вот тут-то они и предъявляют свидетельства...». Освободившись, они снова принимались за прежнее пиратское ремесло. Сервантесу все это было хорошо известно по собственному горькому опыту. Захваченный в плен корсарами, немало лет провел будущий писатель в Алжире, проявив в это тяжкое для него время железную волю и непоколебимость характера, не дрогнув перед самыми страшными испытаниями.

Одной из главных причин успеха корсаров было соперничество европейских держав, не только не объединявшихся в борьбе против пиратства, но и пытавшихся использовать его во вред соперникам. Немало помогала корсарам быстрота их передвижения, а больше всех страдавшие от их набегов Испания и итальянские города никак не могли наладить систему слежки за пиратскими кораблями. Корсары отлично понимали значение разведки. Современники передают, что одним из центров пиратского шпионажа в первой половине XVII в. был итальянский город Ливорно, откуда корсары получали сведения

о предстоящем плавании торговых кораблей и военных флотов европейских держав.

Была у пиратской разведки еще одна обязанность. Все захваченные в рабство пытались выдавать себя за бедняков, иначе корсары требовали огромные суммы в виде выкупа. Чтобы установить имущественное положение пленника, применялась разработанная система изощренного допроса, угроз и пыток. Засылались даже провокаторы, выдававшие себя за христиан и пытавшиеся выведать у «товарищей по несчастью» истинные размеры их имущества. Таких же сведений требовали корсары и от своих лазутчиков в европейских портах.

ДОНЕСЕНИЯ ИЗ ГАРЕМА

Еще больше императора страдала от турецких завоеваний и господства оттоманского флота на Средиземном море Венеция. Для отражения турецкой угрозы Республика Св. Марка должна была мобилизовать все искусство своей дипломатии и разведки. Они тогда еще были слиты воедино. Так, в 1553 г. венецианскому послу в Турции было поручено разведать относительно: размеров и границ Оттоманской империи; ее доходов и расходов; администрации и вооруженных сил; сераля и дворца султана; состояния морского флота (особенно важно); здоровья и характера султана Сулеймана, его любимых жен, сыновей; аудиенций у султана и великого визиря; торговли французов в Константинополе.

В разведывательную информацию входили таким образом наряду с политическими и военными сведениями просто элементарные данные о далекой, труднодоступной стране.

Правительство Оттоманской империи, также проявляя большую оперативность в сборе разведывательных данных, вместе с тем оказывалось порой беспомощным в самых, казалось бы, нехитрых делах. Так, в 1554 г. в турецкую столицу прибыл посол Карла V де Бюсбек. Оттоманские власти долго держали его под арестом, а, когда к нему приехал из Вены курьер, турки отобрали найденные у того бумаги. Гонец успел спрятать тайные депеши, и туркам достались лишь малозначительные письма частного характера. Турецкие чиновники знали, что европейские депеши пишутся шифром, но имели весьма смутное представление о том, что это такое. Напрасно турецкий переводчик Ибрагим (перешедший в ислам поляк) пытался прочесть зашифрованные послания. Раздосадованные члены Дивана приказали навести справки у главы венецианской колонии в Стамбуле. Там бы-

стро разобрали, что речь шла всего-навсего о личном письме послу от его приятеля, но предпочли сказать, что не могут прочесть депешу, не имея ключа к шифру. Ибрагим отправился к православному патриарху, но почтенный старец еще менее, чем сам переводчик, мог разобрать послание на незнакомом ему языке. Возможности Дивана на этом оказались исчерпанными и паши вынуждены были послать Ибрагима передать так и непрочитанное письмо де Бюсбеку. Когда переводчик вернулся, паши осведомились, сумел ли посол прочесть таинственные письмена.

— Столь же просто, как будто это было его собственное имя!

— Посол еще молодой человек, — со вздохом заметил великий визирь Рустем, — а он уже может читать то, что не сумел прочесть старый патриарх! Этот посол станет великим человеком, если достигнет старости.

Визирь даже попытался спасти душу этой будущей знаменитости, предложив де Бюсбеку принять магометанство. Дипломат вежливо отказался...

В ходе борьбы против турок в Венеции — значительно раньше, чем в других странах, — разведка и контрразведка отделились от дипломатии как самостоятельная отрасль государственной службы. Контроль над разведкой осуществлял сам Совет десяти (первоначально Верховный суд, а позднее фактическое правительство республики). Его заседания происходили в огромном зале герцогского дворца. Впоследствии воображение писателей романтиков рисовало этот зал в виде мрачного помещения со стенами, окрашенными в черные тона. В действительности Совет проводил совещания в зале красного цвета, обрамленном пестрым орнаментом и барельефами работы лучших венецианских мастеров. Стены украшали картины Тициана, Веронезе, по углам зала стояли античные скульптуры. Несмотря на пышность обстановки, этого судилища, получившего печальную известность, страшились все, не исключая надменных сенаторов и самого дожа, олицетворявшего величие и богатство торговой республики. Правда, дож и его советники могли присутствовать на некоторых заседаниях Совета десяти, число участников которого в этих случаях достигало семнадцати. Вместе с тем этот Совет имел право арестовать любого венецианского гражданина или иностранца, произвести обыск в доме дожа, просмотреть все его бумаги. Тайный трибунал судил как уголовные, так и политические преступления. Его карающая десница с особой силой обрушивалась на людей, подозреваемых в секретной связи с иностранными государствами. На решения Совета десяти не было апелляции. Обвиняемый мог быть приговорен к тюремному заключению, к службе гребцом на галере, что было хуже любой каторги. Преступнику могли отрубить руку или голову, задушить шелковым шнуром или публично повесить на площа-

ди Св. Марка среди двух величественных колонн на глазах собравшейся толпы. Но гораздо чаще приговор предусматривал тайную казнь, еще более сгущавшую атмосферу страха, которая окружала Совет десяти. Офицер Совета получал краткий приказ: «Этой ночью заключенный со связанными руками и с грузом, прикрепленным к телу, должен быть доставлен на канал Орфано и сброшен в воду исполнителем правосудия. И чтобы он там умер».

Выполняя долгие десятилетия наряду с судебными функциями роль тайной полиции и контрразведки, Совет десяти заинтересовался дипломатической перепиской венецианских дипломатов. Было приказано их донесения Сенату предварительно доставлять Совету десяти. Если в депешах содержались конфиденциальные сведения, то оригиналы оставались в канцелярии Совета, где с них снимались копии, посылавшиеся в Сенат. Разумеется, в этих копиях отсутствовали те секретные известия, которые Совет десяти предпочитал сохранить в тайне даже от сенаторов. Чтобы не оскорбить Сенат, находчивым дипломатам приходилось изворачиваться. Посол Капелло писал 26 ноября 1540 г. Совету десяти: «Я посылаю прилагаемые депеши прежде вам, светлейшие сеньоры, дабы, оценив их значение, вы могли бы обдумать, надлежит ли им быть прочитанными». К числу особо секретных относились сообщения послов, полученные от нанятых ими шпионов — придворных того монарха, при котором были аккредитованы эти дипломаты.

Руководство разведкой было поручено инквизиторам Совета десяти, или, как их стали позже называть, «инквизиторам государства». Двое из трех инквизиторов выбирались Советом десяти из числа своих членов. Выборы производились ежегодно в октябре. Инквизиторы были едва ли не самыми влиятельными лицами, которых всего более боялись в Венеции.

Около 1586 г. инквизиторы потребовали от венецианских послов за границей, чтобы они сообщали о деятельности лиц, которые бежали из Венеции, спасаясь от преследований. Для выполнения этих порой щекотливых обязанностей послы получали специальные денежные фонды. Липпомано, венецианский посол при французском короле Генрихе III, а позднее — при турецком султане, был уличен в передаче секретных сведений иностранным дипломатам. По приказу инквизиторов он был схвачен в Константинополе и затащен на венецианский корабль. Липпомано знал, что его ожидает в Венеции, и предпочел покончить самоубийством, выбросившись за борт.

Венецианская дипломатия и разведка попытались возможно лучше использовать начавшийся во второй половине XVI в. сначала малозаметный упадок Турецкой империи. Он имел глубокие внутренние социальные и внешнеполитические причины: постепенное разложение военно-феодальной системы, лежавшей в основе Оттоманско-

го государства, усиление в этой связи центробежных тенденций, которые стимулировались ростом борьбы за независимость народов, покоренных турками, и, наконец, отставание Порты в экономическом развитии по сравнению с европейскими странами и возникший на этой почве упадок в военном деле.

Внешние признаки разложения первоначально казались следствием личных качеств преемников Сулеймана. Это проявилось в росте влияния султанских жен. Впервые особое положение заняла любимая жена Сулеймана Рокселана (так называли иностранные дипломаты эту русскую пленницу, имевшую большое влияние на своего супруга). При наследнике Сулеймана — «пьянице» Селиме II (1566—1574 гг.) такую же роль играла султанша Нур Бану. Еще большее значение приобрел этот режим, именовавшийся турками «правлением привилегированных женщин» (султанш), в следующее царствование. Сын Нур Бану Мурад III, казнивший при вступлении на престол шестерых своих братьев, был полнейшим ничтожеством. По преданию, первые слова султана, сказанные после того, как его опоясали саблей Османа, основателя Турецкой империи, должны были предсказывать характер нового царствования. Мурад сказал:

— Я голоден, принесите что-нибудь поесть!

После этого набожных мусульман уже не удивили ни последующие неурожаи, ни начавшиеся мятежи янычар, которым платили жалованье обесцененной монетой. Но даже видевшие виды жители столицы были поражены воцарившейся вакханалией — раздачей государственных должностей за деньги невежественным придворным, причем падишах побуждал их брать взятки и делиться с ним полученным золотом.

В атмосфере быстрого разложения правящей верхушки влияние гарема на государственные дела все более возрастало. Недаром тайны гарема с этого времени стали предметом деловой переписки европейских дипломатов со своими правительствами и отнюдь не из-за романтической любознательности разведчиков, стремившихся завязать связи с поставщиками изысканных яств, тканей, драгоценностей и других предметов роскоши для многочисленных султанских жен. Командир черных евнухов гарема — «начальник девушек» стал могущественным сановником, от которого порой зависело решение важнейших государственных вопросов.

Наибольшее влияние на туповатого падишаха приобрела венецианка Сафийе. Знатная девушка из семейства Баффо, захваченная в плен турецкими корсарами, когда она ехала к своему отцу, губернатору острова Корфу, Сафийе вскоре стала самым влиятельным лицом в султанском гареме, а потом целиком подчинила себе своего мужа. Она столь настойчиво защищала интересы Венеции, что у некоторых исследователей закрадывалось сомнение: не была ли история

ее похищения заранее задумана многоопытной венецианской разведкой? Как бы там ни было, Сафийе оказывала большое влияние на решение самых важных государственных дел, на передвижение армии и флота. Через придворного поставщика Кьярецци она поддерживала постоянный контакт с венецианским кварталом в Константинополе, который имел права самоуправления и служил центром козней дипломатии и разведки республики в самом сердце Турецкой империи.

Интриги султанши помогли избежать разрыва между Портой и Республикой Св. Марка в 1585 г., когда их отношения обострились из-за столкновений между венецианскими и турецкими кораблями в Адриатике. В последующие годы Сафийе действовала совместно с венецианским ренегатом, называвшимся в Турции Улудш-Гассаном-пашой и ставшим командующим турецкого флота. Под видом благодарственных писем (собственноручно написанных) за поднесенные подарки Сафийе вела деловую корреспонденцию с байло (старшиной) венецианской колонии. Она использовала все методы секретной службы — от подрыва военных приготовлений путем, например, отзыва наиболее квалифицированных рабочих арсенала для различных построек в серале, до провоцирования новых конфликтов Порты с императором, которые приковывали к себе внимание и силы Турции и отвели от Венеции угрозу крайне опасной для нее войны.

Сафийе сумела обеспечить престол своему сыну Мехмеду III (1595—1603 гг.), который при вступлении на трон приказал по существующему обычаю удавить своих 19 братьев (сыновей Мурада от других жен). Венецианка, стремясь сохранить контроль над слабовольным сыном, всячески препятствовала тому, чтобы падишах покидал столицу. Враги султанши, напротив, старались побудить Мехмеда возглавить армию, направлявшуюся в Трансильванию.

При одном из поворотов запутанной придворной борьбы, кипевшей и в уединении гарема, и на заседаниях государственного совета— Дивана, хитрая венецианка, пытаясь привлечь на свою сторону мусульманских фанатиков, предложила истребить все христианское население столицы. Это предложение устрашило даже видавших виды пашей; ограничились изгнанием части греческого населения.

Влияние Сафийе не удавалось подорвать до смерти султана Мехмеда III. Двадцать восемь лет эта недюжинная женщина из стен гарема направляла кровавые мятежи янычар, борьбу визирей, пашей и верхов мусульманского духовенства за власть, играла важную роль в европейской политике и в тайной войне.

ТЕПЛАЯ «КОМПАНИЯ ИИСУСА»

На протяжении средневековья только церковь имела свою разветвленную разведывательную сеть почти во всех странах Европы. Правда, секретная служба не выделялась как особая организация. Просто весь аппарат церковной иерархии постоянно собирал информацию о положении на местах. Эти сведения суммировались церковными чинами, управлявшими духовенством определенной области и страны, и пересылались в Рим. Информация шла сразу по нескольким каналам. Во-первых, по цепочке, которая начиналась от приходского священника и кончалась римским папой; во-вторых, через монашеские ордена, наконец, от специальных уполномоченных папы, будь то послы-нунции, направлявшиеся в различные католические страны, или другие представители римского престола.

Возможности сбора информации были почти неограниченными. Если сельский священник мог детально ставить в известность свое духовное начальство о настроениях деревень, входивших в его приход, то духовник того или иного монарха был в состоянии дать не менее подробный отчет о положении дел при дворе и планах этого государя. Эффективным средством получения сведений была исповедь.

Конечно, огромная машина, снабжавшая Рим нужными известиями, работала не без перебоев, особенно связанных с конфликтами, которые нередко возникали у пап с высшим духовенством отдельных стран. Однако в целом римский престол оставался вплоть до эпохи Возрождения самым осведомленным правительством тогдашнего христианского мира относительно положения дел в других государствах и странах.

Чрезвычайно важным орудием для выпытывания сведений, которые желала получить церковь, оказался аппарат инквизиции, особенно в Испании, где она получила наибольшее развитие. Система слежки за «еретиками» (а в склонности к ереси подозревалась значительная часть населения страны, и вообще мало кто был огражден от возможности быть зачисленным в разряд подозрительных), требования доносить на соседей, на знакомых, даже на родных, многочисленные аресты и допросы под пыткой — все это давало инквизиции возможность получать сведения не только об уклонении от «истинной веры», но и обо всем, что хотелось узнать святым отцам.

Однако еще большую роль в развитии церковной разведки сыграл основанный в первой половине XVI в. орден иезуитов — «Компания (общество) Иисуса», как они себя называли. Орден был создан прежде всего для борьбы против успехов реформации. Членами ордена становились, как правило, тщательно отобранные люди, обученные

беспрекословному, слепому повиновению вышестоящим лицам (по выражению основателя ордена Игнатия Лойолы, каждый иезуит должен был быть подобен трупу в руках духовного начальника). Иезуит к тому же был обучен всем приемам духовного воздействия на верующих мирян и всем уловкам, позволяющим пускать в ход и оправдывать любые средства борьбы — ложь, клевету, яд или кинжал убийцы.

Устав и правила иезуитов были специально направлены на то, чтобы превратить их в ревностных проповедников и агентов католицизма, при этом нередко агентов тайных или действующих с помощью создаваемой ими секретной службы. Очень часто исповедник короля или глава иезуитской семинарии был по существу — употребляя термины последующей эпохи — резидентом, которому подчинялась обширная сеть осведомителей, или главой шпионской школы. Да, школы, готовившей не столько проповедников, сколько священников, прослушавших курс общих религиозных и специальных разведывательных «наук» и ставших вполне подготовленными шпионами или диверсантами. Часто проповедник и разведчик совмещались в одном лице. Иногда иезуитский шпион обходился и без «проповеднического прикрытия».

Агентами ордена могли быть как его члены, так и светские лица. Как правило, сами иезуиты действовали лишь как тайная направляющая сила, пытаясь совершать наиболее темные дела чужими руками. Порой лазутчики «Общества Иисуса» строили козни прямо на территории противника, в других случаях они действовали исподтишка, через подставных лиц, сами оставаясь в католических странах, вне досягаемости своих врагов. Так поступали, например, иезуиты, создавшие свои шпионские центры в занятой испанскими войсками части Нидерландов (в последней трети XVI и начале XVII в.). Иезуитские разведчики могли поддерживать то короля против знати, то знать против короля, даже разжигать народные волнения, тайно или явно проповедовать тираноубийство — в зависимости от целей, которые в данный момент и в данной стране преследовал орден.

Иезуиты приветствовали и поддерживали попытки установления в Европе господства одной (конечно, католической) державы, считая, что создание подобной универсальной монархии будет сопровождаться торжеством католицизма над реформацией. Во второй половине XVI и в начале XVII в. орден поэтому всеми силами поддерживал притязания испанских и австрийских Габсбургов на европейскую гегемонию. «Общество Иисуса» нисколько не считалось с тем, что подобная перспектива серьезно нарушала интересы других католических государей, дружественно относившихся к иезуитам, и что успеха этих планов страшился даже римский папа Сикст V (он боялся превратиться в простого духовного вассала испанского короля). К началу XVII в. выявился крах великодержавных планов Филиппа II и его преемников,

а Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) по сути дела покончила с притязаниями на гегемонию, которую продолжала выдвигать австрийская ветвь Габсбургов. Тогда иезуиты перенесли свои симпатии на Францию, в свою очередь начавшую претендовать на господствующее положение на европейском континенте.

Помимо разведывательной службы иезуитский орден имел и свою контрразведку. Она не была особой организацией — обязанность вылавливать вражеских лазутчиков в собственных рядах обычно лежала на всех иезуитах. С течением времени ордену пришлось опасаться не столько агентов противника в собственном лагере, сколько перебежчиков. По мере того, как все более разоблачалось истинное лицо ордена, увеличивалось и число иезуитов, на верность которых орден не мог вполне полагаться, и даже тех, которые открыто покидали его ряды. Особенно опасными были, впрочем немногочисленные, иезуиты, которые не только порывали с прошлым, но и выступали с разоблачением тайн ордена. Именно в отношении этих лиц и начинала действовать иезуитская «контрразведка».

Так, в протестантской Голландии стали выходить направленные против ордена сочинения бывшего иезуита Петра Ярриге. Не имея возможности покарать отступника, иезуиты вначале ограничились сожжением его изображения, а также полемическими трактатами. На сторону Ярриге немедленно встали протестанты, и полемика значительно больше повредила, чем помогла, иезуитам, привлекая общее внимание к его разоблачениям. Тогда по приказу генерала ордена словопрения вдруг были прекращены, а в Лейден, где проживал Ярриге, отправилась тайная делегация во главе с отцом Понтелье с целью побудить бывшего коллегу вернуться в «Общество Иисуса». Переодетые иезуиты привезли Ярриге бумагу, содержавшую за подписью генерала полное прощение за все его грехи. Ярриге раскаялся, вернулся в орден и написал опровержение своих прежних еретических сочинений.

Однако противники иезуитов утверждали, что все это было лишь комедией, разыгранной для сокрытия следов преступления. По этой версии, иезуитские посланцы убили или похитили Ярриге, которого никто из посторонних с тех пор не видел. Иезуиты сообщили, что Ярриге мирно скончался в иезуитской коллегии ордена в Тюле (во Франции), уважаемый и любимый своими духовными братьями. Но вполне вероятно, что его убили или сгноили в темнице еще за два десятка лет до объявления даты «официальной» смерти.

Иезуиты разделили весь мир на области — провинции. Глава иезуитов такой области — провинциал — обычно руководил и секретной службой в этом районе.

Иезуитская разведка была организатором десятков успешных заговоров, восстаний, убийств из-за угла, бесчисленных дворцовых ин-

триг, в ходе которых обделывались важные политические дела, заключались и разрывались союзы между государствами, утверждались у власти или низвергались те или иные придворные клики. Иезуиты прямо или косвенно участвовали в наиболее известных политических убийствах конца XVI — первой половины XVII в.

Во второй половине XVI в. произошла нидерландская буржуазная революция. Целое десятилетие продолжалась борьба нидерландских провинций испанской короны против войск кровавого герцога Альбы, а потом его преемников. Глава буржуазно-дворянской оппозиции испанскому господству принц Вильгельм Оранский, по прозванию Молчаливый, руководил армией восставших. Он показал себя опытным политиком и, несмотря на испытанные им поражения, умелым полководцем, выставлявшим против испанцев новые и новые войска. Испанский король Филипп II и иезуиты в бешенстве изыскивали средства, как избавиться, наконец, от проклятого еретика.

...Дело началось совсем неожиданно — с неотвратимой опасности банкротства. А угрожало оно испанскому купцу Каспару Анастро, проживавшему в начале 1582 г. в городе Антверпене. О печальном состоянии своих дел Анастро признался только близкому другу Хуану де Исунка, не подозревая, что говорит с тайным членом иезуитского ордена. Через несколько дней Исунка, успевший куда-то съездить, — очевидно, за инструкциями, — под строжайшим секретом сообщил Анастро, что он открыл средство, как предотвратить банкротство друга. Правда, для исполнения проекта потребуется некоторое мужество, но и награда будет щедрой — 80 тыс. дукатов! К тому же церковь добавит и свою долю — отпущение всех грехов и твердую гарантию вечного блаженства. А совершить надо всего лишь одно — убить принца Вильгельма Оранского, заклятого врага святой веры. Сгоряча купец согласился: слишком приятным звоном отозвалось в ушах банкрота упоминание о 80 тыс. дукатов — огромной суммы для того времени. Но когда он трезво взвесил все обстоятельства, стало ясно, что баланс сводился с большим пассивом. Шансов уцелеть было немного, а кому нужны золотые дукаты на том свете? Пожертвовать же головой взамен гарантии небесного блаженства явно не было расчета. Но и упускать выгодное дело было ни к чему.

И Анастро принял решение, достойное купца: вызвал своего кассира Венеро, который долгое время служил у него и пользовался доверием. Венеро, правда, тоже уклонился от сомнительной чести, но зато предложил найти подходящего человека. Им оказался некий Жан Хауреги. Исунка и Анастро приняли предложение Венеро, и они уже втроем принялись обрабатывать избранного ими молодого фанатика. Тот выразил согласие, а его духовник, доминиканский монах Антоний Тиммерман, постарался всемерно укрепить Хауреги в его похвальном намерении.

Хауреги наметил совершить покушение 18 мая. В этот день Исунка и Анастро поспешили скрыться из Антверпена и бежали в Турнэ, где стояли испанские войска. Хауреги поджидал Вильгельма Оранского в церкви, но не смог протиснуться через свиту придворных. Однако позднее он сумел добиться аудиенции. Едва Вильгельм вошел в комнату, где его дожидался Хауреги, как тот почти в упор выстрелил в принца из пистолета. Вильгельм был лишь ранен в челюсть, но упал, оглушенный шумом выстрела и ослепленный огнем взрыва, который опалил ему волосы. Придворные изрубили саблями Хауреги. В карманах камзола убитого нашли документы, благодаря которым можно было установить фамилии Хауреги и его сообщников. Удалось схватить Венеро и Тиммермана, которые выдали все детали заговора.

Однако для Вильгельма это была лишь отсрочка. Филипп II объявил его еще в 1580 г. вне закона, и иезуиты неустанно подыскивали новый удобный случай для убийства ненавистного главы нидерландских еретиков. Их орудием стал некий Бальтазар Жерар, которого окончательно убедил решиться на покушение один иезуитский проповедник. Жерар приобрел фальшивые бумаги на имя Гийона, сына известного протестанта, казненного за приверженность новой вере. Фамилия Гийона помогла Жерару завоевать доверие в лагере Вильгельма Оранского. Некоторое время он как будто колебался и, находясь проездом в Трире, посоветовался поочередно с четырьмя иезуитами. Орден Иисуса недаром славился четкой централизацией. Все четверо дали один и тот же ответ. 10 июля 1584 г. Жерар явился во дворец Вильгельма с просьбой об аудиенции. Принц Оранский был занят и обещал поговорить с посетителем после обеда. Убийца стал дожидаться во дворе. Когда Вильгельм вышел с несколькими приближенными, Жерар приблизился к нему и выстрелил из пистолета, заряженного тремя пулями. Вильгельм Оранский был смертельно ранен. Иезуитский агент бросился бежать, но был настигнут солдатами. Его казнили через несколько дней.

Иезуиты могли убедиться, что смерть Вильгельма Оранского мало что изменила. Голландцы продолжали бороться с возраставшим успехом против испанских войск. Орден попытался еще раз обезглавить движение, организовав новый заговор — на этот раз против сына Вильгельма — принца Мориса Оранского. В 1595 г. иезуитский агент Петр Панне явился в Лейден, где находился Морис. В Лейдене Панне был встречен двумя переодетыми иезуитами, которые руководили его действиями и успели вручить освященный святыми отцами кинжал. Панне оказался неудачным агентом. Его расспросы о Морисе Оранском возбудили подозрение. Панне был арестован и казнен. Но его иезуитских наставников, конечно, уже и след простыл.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ВАРФОЛОМЕЕВСКУЮ НОЧЬ

Август 1572 г. в Париже обещал быть одним из самых спокойных месяцев. После многолетних религиозных войн между католиками и протестантами (их во Франции называли гугенотами) наконец забрезжила надежда на прочное примирение обеих сторон. Недаром во французскую столицу, бывшую в то же время ревностной сторонницей католической партии, начали съезжаться вожди протестантов — и старый воин адмирал Колиньи, и молодой принц Конде, сын гугенотского полководца, погибшего в одном из сражений междоусобной войны, и король Наваррский Генрих Бурбон, мать которого, судя по упорным слухам, была отравлена матерью правившего тогда французского короля Карла IX, .могущественной и коварной Екатериной Медичи. Более того, вскоре Парижу предстояло стать свидетелем торжественного бракосочетания «еретика» Генриха с сестрой короля Карла Маргаритой Валуа. Именно для присутствия на этих торжествах и съехались в Париж сотни дворян, составлявшие цвет гугенотской партии.

А позади было десятилетие, отмеченное всеми ужасами ожесточенной войны, в которой крупные сражения перемежались бесчисленными вооруженными столкновениями между отдельными городами и местностями, между влиятельными дворянскими семьями одной и той же области, кровавыми избиениями мирного населения целых округов. Наряду с силой в ход пускались хитрость и обман. Засылка лазутчиков во вражеский лагерь, постоянные попытки разузнать намерения врага, выявить его силы и ресурсы, обмануть притворным согласием на переговоры, на уступки и захватить врасплох с помощью тайного заговора, использование кинжала и яда — все это были повседневные, многократно использовавшиеся приемы борьбы. Такой же «нормой» было обращение за помощью к иностранным государям. Католики опирались на поддержку испанского короля Филиппа II и его наместников в Нидерландах и на другого представителя габсбургской династии — германского императора, на итальянские государства, на папу и иезуитов. Протестанты обращались за помощью к Англии.

Еще в 1560 г. был организован знаменитый Амбуазский заговор, посредством которого принц Конде решил одним ударом захватить короля Франциска II и могущественных лидеров католической партии герцогов Гизов. Конде надеялся, что, расправившись с Гизами, прочно поставит короля под свой контроль. Заговор подготовлялся долго, и главный организатор этого дела Жан дю Бари де ла Реноди выполнял поручение не только принца Конде, но и английской королевы Елизаветы. Она охотно дала деньги, чтобы парализовать Гизов,

из семьи которых вышла одна из королев Шотландии и которые активно вмешивались в дела этой северной соседки Англии. Заговор был очень опасным для влияния Гизов, но его тайну сохранить не удалось. О заговоре узнали, в частности, лазутчики герцога Савойского и кардинала Гранвеллы, испанского наместника в Нидерландах, поспешивших известить обо всем Гизов. Информация, хотя и довольно неточная, просочилась к Гизам и по другим каналам. Из попытки захватить двор врасплох в Амбуазе ничего не вышло, и протестантский заговор потерпел полную неудачу. Конде не осмелились тронуть, но десятки рядовых участников заговора поплатились жизнью. (Ла Ренoди был убит в стычке с королевскими солдатами. Конде погиб, как уже было сказано, в одном из сражений.)

Амбуазский заговор был лишь одним из многих примеров непрекращавшейся тайной войны, происходившей за кулисами то затихавших, то снова разгоравшихся религиозных войн. Ни силой, ни хитростью сломить гугенотов оказалось невозможно. Опору протестантской партии составляла часть дворянства, которая под религиозным знаменем надеялась отстоять сохранившуюся у нее немалую долю независимости от короны. Однако главной основой этой партии была буржуазия южной и западной Франции, которая нашла в кальвинизме (той разновидности протестантства, которой придерживались гугеноты) идеологию, отражавшую ее классовые интересы. После бесплодной десятилетней борьбы ее бесперспективность как будто признала сама Екатерина Медичи и даже занимавшие крайнюю позицию Гизы. Но мало было заключить перемирие. Оставалось еще как-то занять привыкшую к войне, разбою и грабежу дворянскую вольницу.

В первой половине XVI в. таким оттяжным пластырем была Италия, где французы и испанцы оспаривали друг у друга преобладающее влияние. И совсем не случайно окончание итальянских войн совпало с началом религиозных войн во Франции. Вернувшееся тогда из Италии дворянство занялось привычным делом на французской земле. Теперь, естественно, среди сторонников соглашения в обеих партиях возникла мысль: скрепить его совместным участием в войне против Испании. А Нидерланды, восставшие против испанского ига и просившие о помощи, представляли идеальную возможность для такого отвлечения сил за рубеж.

Именно такой внешнеполитический курс советовал проводить королю один из гугенотских лидеров — старый адмирал Колиньи. Но 22 августа адмирал был ранен убийцей, подосланным Гизами и Екатериной Медичи. А еще через сутки началось поголовное истребление гугенотов, находившихся в Париже.

На протяжении почти уже четырех веков не смолкают споры о причинах кровавого избиения гугенотов. В первые дни и недели Ека-

терина Медичи и Карл IX считали полезным особенно в посланиях к папе и католическим дворам подчеркивать, что Варфоломеевская ночь была результатом долгой тщательной подготовки,— таким путем как бы подчеркивались заслуги французского короля перед истинной верой. Такое объяснение с готовностью восприняли как в Риме и Мадриде, так и в протестантских странах, хотя последнее уже никак не соответствовало видам парижского двора. Поэтому французское правительство поспешило уточнить свою версию в том смысле, что избиение было ответом на гугенотский заговор, ставило целью истребление не еретиков, а мятежников, покушавшихся на своего монарха. Именно для подкрепления этой версии был спешно проведен суд над приближенными Колиньи Брикмо и Кавенем. 21 октября 1572 г. их повесили на Гревской площади, одновременно был совершен обряд казни над изображением адмирала. Присутствие королевской семьи должно было подчеркнуть значение этого наказания, которое постигло руководителей мнимого заговора. Эта же версия — в Варфоломеевскую ночь гугенотов убивали не как отступников от веры, а как врагов короля — постоянно повторялась в последующие месяцы и годы, когда короне среди превратностей религиозных войн неоднократно приходилось идти на компромиссы с протестантским лагерем или отдельными его группировками. Напротив, у гугенотов утвердился взгляд на Варфоломеевскую ночь как на заранее вероломно подготовленное католиками массовое убийство. Такого же мнения придерживалась протестантская историография даже в XIX в.

Исследование источников, включая правительственные распоряжения, отдававшиеся накануне 24 августа, мемуаров тех участников событий, которым не было смысла утаивать истину, и других материалов сильно поколебали версию о заранее задуманном плане истребления съехавшихся в столицу гугенотов. Клерикальные историки, используя эти данные, пытались доказать, что воинствующий католицизм был вообще не при чем в событиях 24 августа — просто Екатерина Медичи в своих политических целях подогрела страсть к убийству и грабежу, свойственную толпе. Эта концепция игнорирует интенсивную идеологическую обработку парижского населения, натравливание его на еретиков, которой активно занимались церковники (в частности, иезуиты). Результаты ее сказались 24 августа.

Для историка тайной войны в этой связи интересно отметить, что, хотя ранее существовавшее представление о «католическом заговоре», направлявшемся из Лувра и Ватикана, ныне оставлено наукой, секретная служба сыграла немаловажную роль в событиях, непосредственно приведших к Варфоломеевской ночи.

В дни, предшествовавшие избиению, в фокусе политической борьбы оказался конфликт между Екатериной Медичи и Колиньи, пытавшимся подчинить своему влиянию слабовольного Карла IX.

В этом столкновении Екатерина опиралась на поддержку семейства Гизов, возглавлявших партию крайних католиков и ненавидевших адмирала, которого они считали виновником гибели главы их рода — герцога Франсуа Гиза. Борьба между Екатериной и Колиньи носила не только личный характер. Здесь столкнулись две политические — прежде всего внешнеполитические — программы. Колиньи предлагал покончить с внутренней междоусобицей и начать новую войну с Филиппом II, пойдя на поддержку Нидерландов, восставших против испанского господства. Екатерина же считала войну против могущественной державы Габсбургов обреченной на неудачу и чреватой опасностью для правящей династии Валуа, у которой были соперники в лице Гизов и одного из вождей гугенотов Генриха Наваррского. Колиньи, старавшийся увлечь Карла IX призраком военной славы, летом 1572 г. явно одерживал верх, и именно поэтому Екатерина решила, что для нее не остается другого выбора, кроме физического устранения опасного врага. Как верная ученица Макиавелли, она решила убрать Колиньи с помощью Гизов, которые оказались бы замешанными в убийстве. И тогда женитьба Генриха Наваррского иа Маргарите Валуа, дочери королевы, устраняла бы опасность со стороны возможных претендентов на престол и обезглавила бы лагерь гугенотов. Однако Екатерина Медичи не сразу решилась приступить к осуществлению своего намерения — единственного действительно заранее продуманного плана, приведшего в конечном счете к Варфоломеевской ночи. Опасность этого плана состояла в том, что он мог поставить саму королеву-мать в зависимость от Гизов. Пока Екатерина Медичи не теряла надежды вернуть полный контроль над действиями короля, не прибегая к крайним средствам, и пока политика, на которой настаивал Колиньи, не начала осуществляться, королева не рисковала пойти на тайное соглашение с Гизами. Положение изменилось, когда действия, предложенные Колиньи, стали приносить результаты, которые подтверждали худшие опасения Екатерины.

...Дон Диего де Сунига, посол короля Филиппа II, получил инструкцию всячески препятствовать сближению Франции с Англией, к которому стремился Колиньи и которое было столь опасно для испанского владычества в Нидерландах. Посол получил указание использовать крайнюю католическую партию Гизов и мешать примирению двора с гугенотами. Дон Диего должен был собрать все возможные сведения о военных приготовлениях французов (особенно о беспокоившей Мадрид эскадре, которая была собрана в Бордо и которая, как считали, должна была быть послана на помощь нидерландским повстанцам). Филипп II настойчиво требовал раскрыть замыслы французов. Испанец сумел отлично исполнить приказ своего повелителя. Нужный человек нашелся среди приближенных Екатерины Медичи. Это был член королевского совета Жером де Гонди, считавший,

что необходимо выступать против «крайностей обеих партий» и особенио против планов войны. Он согласился передавать Диего де Сунига отчеты о всех заседаниях королевского совета. Превращение одного из членов совета в испанского шпиона имело серьезные последствия. Испанский наместник в Нидерлаидах герцог Альба имел также немало лазутчнков во Франции. Они заблаговременно известили его, что Карл IX согласился смотреть сквозь пальцы иа то, что пятитысячный отряд гугенотов под командой Жаилиса перейдет границу и попытается соединиться с силами Вильгельма Оранского во Фландрии. В результате испанцы устроили засаду около Киеврена. Отряд Жанлиса 17 июля 1572 г. попался в заранее приготовленную ловушку и был разгромлен, испаиские солдаты перебили большинство пленных. Альба приказал подвергнуть пытке взятого в плеи Жанлиса, чтобы получить показания, компрометировавшие французский двор.

Политический курс Колиньи строился из расчета на английский союз. Среди окружения королевы Елизаветы I были активиые сторонники такого союза, который разрушил бы плаиы Испании. Между ними особейно выделялся британский посол во Франции Френсис Уолсингем. Елизавета считала, что, во всяком случае, Фландрия, ускользнув из рук Филиппа II, не должна попасть под власть Франции. Британская дипломатия дала ясио понять герцогу Альбе, что Англия не будет способствовать попыткам французов завоевать Фландрию и поможет испаицам отбить иападение, замышляемое в Париже. Альба довел через французского посла во Фландрии британское предложение до сведения Екатерины Медичи. Ее заявления о желании сохранить мир с Испанней приобрели после этого еще более категорический характер. В приватных разговорах с послами католических стран, обеспокоенных возраставшим влиянием гугенотов в Париже, королева-мать туманно намекала, что все вскоре может измениться. 21 июля в беседе с венецианским послом Микели Екатерина заметила:

— Передайте своим сеньорам, что действия еще более, чем слова, докажут наше желание мира.

Екатерина приняла твердое решение отделаться от адмирала. На следующий день после приема венецианца, когда была произнесена столь многозначительная фраза, Екатерина тайно повидалась с вдовой Франсуа Гиза Анной д'Эсте, вышедшей второй раз замуж за влиятельного герцога Немура. За этой встречей последовало несколько других, на которых присутствовал и любимый сын Екатерины герцог Анжуйский (будущий Генрих III), ненавидевший адмирала. Пружина заговора была приведена в действие.

Екатерина спешила также со свадьбой своей дочери, что было частью задуманного плана. К этой свадьбе благосклонио относился

и Колиньи, стремящийся закрепить соглашение между католиками и гугенотами до начала войны. Однако не было разрешения папы, необходимого для того, чтобы сочетать браком католичку с еретиком. Не желая больше медлить, Екатерина и Карл IX сделали вид, что бумага уже получена, и известили об этом архиепископа Парижского, кардинала Бурбона, который должен был обвенчать Генриха Наваррского и Маргариту Валуа. (Разрешение папы пришло после свадьбы, торжественно отпразднованной 18 августа.)

Хотя в августе стало очевидно, что рассчитывать на английскую поддержку нельзя, Колиньи не оставлял своих замыслов. 3 тыс. гугенотов снова были сосредоточены на границе. На улицах Парижа чуть ли не открыто велась вербовка солдат. Колиньи обещал принцу Оранскому прислать 12 тыс. аркебузиров и 2 тыс. кавалеристов. Времени для осуществления плана Екатерины оставалось очень мало. И она решилась. К Колиньи был подослан наемный убийца, но адмирал был только ранен. На другой день, сломив вялое сопротивление Карла IX, Екатерина добилась его согласия на массовое избиение гугенотов.

Был спешно вызван бывший глава столичного купечества Марсель, один из ярых католиков и, по словам полицейских властей, никем не назначенный вице-король Парижа. Сколько человек сможет Марсель выставить за сутки в распоряжение короля? «Тысяч двадцать или более»,—ответил купеческий старшина. Марселю было приказано связаться с начальниками округов, которые должны были выставить одного вооруженного человека от каждого дома. Было условлено, что в окнах домов будет зажжен свет. Капитаны округов были собраны Гизом, где им дали подробные инструкции. Отдельные вельможи, вроде маршала Таваннеса или герцога Невера, получили задание убить того или иного из помощников адмирала и других видных гугенотов.

Лихорадочные приготовления уже в середине дня 23 августа вызвали плохо скрываемое возбуждение в Париже. К вечеру 1,2 тыс. аркебузиров, вызванных за три дня до этого в столицу для поддержания порядка, были размещены вдоль реки Сены и около улицы Бетизи, где находился дом адмирала.

Поздно вечером в Лувр прибыл Шаррон — официальный глава парижского купечества, преемник Марселя. Шаррону лишь сообщили об открытии гугенотского заговора, который решено предупредить, чтобы обеспечить безопасность королевской семьи, столицы и всего государства. Шаррон получил приказ закрыть городские ворота, стянуть в одно место и связать цепями все лодки на Сене, привести в готовность полицейских стражников и жителей, способных носить оружие, разместить отряды во всех районах и на всех перекрестках улиц, выставить пушки на Гревской площади и у здания городской ратуши. Уже были отмечены все дома, где жили гугеноты. Об этих

приготовлениях, считавшихся оборонительными мерами, в полночь были сделаны требовавшиеся по закону записи в протоколах парижского городского управления.

Три тысячи человек пали жертвой убийц на рассвете дня святого Варфоломея — 24 августа 1572 г. Колиньи погиб одним из первых. Генрих Наваррский спас себе жизнь тем, что перешел в католичество. За Варфоломеевской ночью последовали в Париже другие, столь же кровавые побоища, которые распространились на многие города Франции.

Наблюдая за страшным зрелищем в Париже, испанский посол спешил порадовать своего господина: «Когда я это пишу, они убивают их всех; они сдирают с них одежду, волочат по улицам, грабят их дома, не давая пощады даже детям. Да будет благосклонен господь, обративший французских принцев к служению его делу! Да вдохновит он их сердца на продолжение того, что они начали!». А из окон другого посольства за кровавым избиением следил посол английской королевы. Сэр Френсис Уолсингем, прежде чем занять этот пост, успел пройти серьезную разведывательную школу, побывать в качестве тайного агента во многих городах Европы. За скупыми, осторожно отобранными фразами его донесений в Лондон, конечно, слишком много оставалось невысказанным. О чем должен был думать он, суровый протестант и трезвый, гибкий политик в эти, залитые кровью, августовские ночи? О том, что адмирал Колиньи и другие гугенотские лидеры, привыкшие с детства к войне и знавшие, что не может быть успеха, если неизвестны силы и намерения противника, дали заманить себя в ловушку. Нельзя сказать, что гугенотские лидеры не имели своих лазутчиков во вражеском стане, не пытались получить информацию о действиях врага. Но это делалось от случая к случаю, каждым по своей инициативе и без связи с другими. Разрозненные усилия агентов гугенотской партии привели к столь плачевным результатам. Необходимо было организовать такую систему, при которой, суммируя полученную из разных источников информацию, можно было догадаться о замысле врага, при котором неудача одного агента компенсировалась бы успехом другого.

Так, или примерно так, должен был формулировать свои выводы холодный, проницательный человек, которому вскоре Елизавета — королева Англии — поручила на долгие годы управление английской разведкой. По крайней мере таковы были принципы, которые он положил в основу британской секретной службы.

КИНЖАЛ УБИЙЦЫ

Варфоломеевская ночь не оказалась смертельным ударом для гугенотов. Религиозные войны продолжались с прежним ожесточением. Наследовавший Карлу IX его брат Генрих III в целом продолжал политику своего предшественника. Он то воевал с гугенотами, то мирился с ними, чтобы воспрепятствовать полному господству организации, созданной католиками,— Католической лиги и ее главы герцога Генриха Гиза.

Это было время, когда свои разведки имели король, королева-мать, Католическая лига. В страну были засланы испанские, английские, голландские лазутчики, иезуиты. Шпионажем занимался и молодой придворный фаворит герцога д'Алансона (позднее д'Анжу), брата французского короля Генриха III, Бюсси д'Амбуз. Его приключения и трагический конец служили не раз сюжетом для поэтов и романистов (в том числе и для А. Дюма в романах «Графиня Монсоро» и «Сорок пять»). По поручению своего патрона Бюсси в 1578 г. попытался добиться согласия голландцев на то, чтобы Фландрия, которую еще предстояло отвоевать у испанцев, перешла под власть герцога д'Анжу. Английское правительство одобрительно относилось к интервенции французских войск, но сумело добиться, чтобы голландские генеральные штаты решительно отвергли честолюбивые планы герцога. Бюсси впал после этого в немилость у д'Анжу, а Генрих III уже давно ненавидел юного красавца за дерзкие отзывы о королевских фаворитах. Бюсси был вынужден удалиться в Анжер, где он был наместником герцога д'Анжу. Там у него завязался роман с графиней Монсоро, муж которой находился в столице, занимая важный пост при дворе. Бюсси проболтался о своем романе в письме к одному приятелю, от того новость узнали д'Анжу и Генрих III, решившие раскрыть глаза обманутому мужу. Взбешенный граф немедля вернулся домой, заставил жену написать Бюсси записку, в которой она ему назначала свидание на следующую ночь. Когда Бюсси явился в замок, на него набросились граф и нанятые им убийцы. По легенде графиня Монсоро мстила за смерть возлюбленного; в действительности она мирно прожила свой век, став матерью многочисленных детей.

Генрих III отлично знал, что Генрих Гиз выжидает лишь удобного случая, чтобы овладеть престолом. В конечном счете конфликт между Генрихом III и Католической лигой принял открытый характер. Король должен был покинуть Париж, где всем заправляла Католическая лига. Генрих в очередной раз примирился с вождем гугенотов Генрихом Наваррским. Началась «война трех Генрихов». Королевское войско осадило непокорную столицу. Генрих III потре-

бовал, чтобы герцог Гиз прибыл к нему для объяснений, а когда тот счел для себя выгодным явиться для переговоров, приказал королевским телохранителям заколоть его кинжалами.

После убийства Гиза война между Генрихом III и Католической лигой продолжалась. Во главе Лиги встали младший брат Гиза герцог Майеннский и его сестра герцогиня Монпансье, которые решили любой ценой разделаться с ненавистным королем, последним представителем династии Валуа. Его смерть открыла бы Гизам дорогу к трону.

Орудием осуществления замысла Гизов был избран доминиканский монах, двадцатидвухлетний Жак Клеман. Это был резкий, решительный и вместе с тем туповатый малый, целиком находившийся во власти самых нелепых суеверий Приор монастыря на улице Святого Якова убедил Клемана в том, что ему предопределено совершить великий подвиг для блага церкви. Монаху даже внушили, что он обладает чудесной силой делать себя невидимым для чужих глаз.

Когда королевская армия подошла к Парижу, Клеман сам заявил своим духовным начальникам, что он стремится совершить великое дело. Осторожно, не спрашивая о существе дела, приор постарался укрепить брата Клемана в его решимости. Ходили слухи, что для «верности» ему дали какое-то наркотическое средство. Клемана также представили герцогине Монпансье. Несмотря на свою нескладную фигуру и короткие ноги, роскошно разодетая аристократка произвела большое впечатление на молодого монаха и постаралась убедить Клемана ни в коем случае не оставлять своего похвального намерения. В ход были пущены все средства обольщения, обещание кардинальской шапки и вечного блаженства на небесах. Кроме того, добавляла герцогиня, она прикажет арестовать в качестве заложников большое число сторонников Генриха III, так что никто не осмелится в королевской ставке и пальцем тронуть Жака. Вскоре монах узнал, что герцогиня сдержала свое слово,— были взяты под стражу 300 лиц, обвиненных в равнодушии к делу Католической лиги и в скрытом сочувствии партии короля.

Клеман поспешил к приору и попросил разрешения перебраться в монастырь в Сен-Клу, где находилась королевская штаб-квартира. Приор, ни о чем не расспрашивая Клемана, достал ему пропуск на выезд из Парижа и передал несколько писем (одно — настоящее, остальные — подложные) от арестованных в Париже сторонников Генриха III.

Заговорщик отправился к королю под видом секретного гонца от противников Лиги. Придворные поверили его рассказу и на следующий день устроили ему аудиенцию у Генриха, которому посланец обещал открыть важную государственную тайну. Клеман передал королю письмо, а затем вонзил нож в его живот.

«Проклятый монах, он убил меня»,— в ужасе закричал Генрих. Клеман даже не попытался бежать, твердо надеясь на чудо. Прибежавшая стража в ярости подняла его на пики. На следующий день, 2 августа 1589 г., Генрих III умер...

Еще несколько лет продолжались религиозные войны, опустошавшие страну. В конце концов даже французское дворянство почувствовало необходимость мира, тем более что в стране начало полыхать пламя крестьянских восстаний. Генрих Наваррский в очередной раз переменил религию, бросив при этом знаменитую фразу: «Париж стоит обедни». Власть нового короля Генриха IV была довольно скоро признана во всей Франции.

В 1598 г. Генрих IV подписал мир с Испанией. Это был серьезный удар по политике Англии. Тщетно английские и голландские агенты пытались узнать условия мирного договора, заключенного в Вервене, которые сохранялись в строжайшем секрете. Большего успеха добился венецианский посол Контарини. Он подкупил хозяина таверны, где остановился на ночлег испанский курьер, который вез текст договора. Испанца опоили каким-то зельем и, пока он спал, сняли копию с трактата. Операция была не из легких. Документ пришлось извлекать из запаянной металлической трубки. При запаивании на металле была оттиснута печать, которую нельзя было не повредить, вынимая содержимое трубки. Вдобавок трубка находилась внутри запечатанной сумки, к которой был приделан конец цепи, обернутой вокруг тела курьера. Словом, пришлось немало поработать, но поддельные печати были сделаны настолько ловко, что в Мадриде ничего не заметили. А Контарини мог с торжеством послать в Венецию копию трактата и описание столь ловко проведенной операции, в результате которой драгоценная добыча оказалась в распоряжении Совета десяти.

Победив своих врагов, Генрих IV стал проводить политику, направленную на решение двух задач — восстановление экономики страны, разрушенной во время религиозных войн, и укрепление королевской власти.

При решении второй задачи Генриху сразу же пришлось столкнуться с сопротивлением вельмож, в том числе и тех, которые сражались на его стороне против Католической лиги. К числу недовольных принадлежал герцог Бирон. Это заметили даже при иностранных дворах. Когда маршал Бирон в качестве посла Генриха посетил Елизавету, она указала ему на сотни отрубленных голов, служивших мрачным украшением Лондонского моста, и заметила, что так поступают в Англии со всеми изменниками.

Бирон не принял к сведению это предостережение. Он вступил в соглашение с врагами Генриха — с герцогом Савойским и, конечно, с Мадридом. Он и его сообщники (герцог Бульонский и др.) догово-

рились разделить Францию на ряд полунезависимых владеиий под протекторатом Испании. Положеиие страны было тяжелым, и заговорщики иамеревались использовать в своих иитересах всех недовольных — и католиков, и протестаитов.

Заговор был раскрыт, вероятно, не столько усилиями королевской разведки, сколько благодаря тому, что один из заговорщиков, Лаффен, счел за благо перейти на сторону Генриха IV. Лаффен учел нерешительиый и ненадежный характер Бирона, его детскую веру в астрологию и черную магию; он знал, что этот, не раз проявивший мужество, старый солдат часто терялся и совершал нелепые поступки, продиктованные глупостью, тщеславием и корыстолюбием. К тому же Лаффеи отлично понимал, какова цена обещаний герцога Савойского и, особенно, нового испанского короля Филиппа III. Поэтому-то служивший курьером для связи заговорщиков с Савойей Лаффен и решил тайио доносить королю о всех планах Бирона.

Нужны были доказательства, чтобы оправдать арест герцога, и Лаффен добыл их. Однажды вечером Бирон в присутствии Лаффеиа составил письмо с изложением целей заговора. Лаффен заявил, что это слишком опасный документ, чтобы сохранить его в оригинале. Королевский шпион сам предложил скопировать письмо и потом его уничтожить. Бирон согласился. Лаффен быстро сиял копию и бросил оригинал в пылающий камин. Конечно, Бирону при этом не удалось заметить, что роковое письмо попало не в огоиь, а в щель между задней стороной печки и каменной стеной. Во время этой же встречи Лаффен попросил Бирона написать ему приказ сжечь все бумаги маршала. Вскоре оба документа были в руках короля. Кроме того, имелись письма Бирона к Лаффену. Этого было достаточио. Лаффеи съездил потом к командующему испанскими войсками в Италию графу Фуэитосу, но подозрительный испанец почуял ловушку и — по согласованию с еще одним иностранным участником заговора, герцогом Савойским,— решил избавнться от Лаффена. Но если Фуэнтос заподозрил Лаффеиа, то тот еще ранее заподозрил испаиского генерала. Короче говоря, Лаффен успел бежать.

Летом 1602 г. Бирон был вызван ко двору. После некоторого колебания он приехал, так как не подозревал о предательстве Лаффена. Бироиа арестовали и казнили по приговору парижского парламента. До последней минуты чванливый герцог считал, что смертиый приговор — только комедия и что он попался из-за козней дьявола, с которым был связан Лаффен.

После казни Бирона оставаться в Париже Лаффену стало иевозможно. Многие влиятельные сообщники маршала поклялись отомстить предателю. Лаффен скрывался в провинции под охраиой королевских солдат. Лишь через несколько лет он решился вернуться в столицу, понадеявшись иа короткую память своих врагов.

Расчет оказался иеверным. На мосту Нотр-Дам к Лаффену бросилась группа вооруженных людей, стащила с лошади и покончила с ним несколькими пистолетными выстрелами в упор.

На протяжении всего царствования Генриху IV приходилось бороться против многочисленных заговоров: то пытались свергнуть его и возвести на престол одного из его незаконнорожденных сыновей, то сдать неприятелю Марсель или Нарбонн. За всеми этими заговорами по-прежнему стояли Испания и орден иезуитов.

27 декабря 1595 г. король принимал приближенных, поздравлявших его с победой. Неожиданно к нему подбежал юноша и попытался ударить кинжалом в грудь. Генрих в этот момент наклонился, чтобы поднять с колен одного из придворных. Это спасло жизнь королю — удар пришелся в рот, и у Генриха оказался вышибленным зуб. Покушавшийся Жан Шатель действовал под подстрекательством иезуитов — отца Гиньяра и отца Гере. Первый из них был отправлен на виселицу, а иезуиты в том же году изгнаны из Франции. Но ненадолго. В 1603 г. Генрих IV был вынужден разрешить им вернуться и даже демонстративно взял себе иезуитского духовника.

14 мая 1610 г. король отправился в открытой коляске на прогулку по Парижу. Оставалось всего пять дней до отъезда Генриха IV на войну. Этот ставший легендой человек, в котором сочетались черты развеселого гуляки и мудрого государственного деятеля, теперь решил приступить к осуществлению главного дела своей жизни — ликвидации гегемонии в Европе испанских и австрийских Габсбургов, с трех сторон зажавших в клещи Францию.

...На узкой парижской улице, по которой ехала королевская карета, ей неожиданно преградили путь какие-то телеги. К экипажу подбежал рослый рыжий детина и трижды нанес королю удары кинжалом. Раны оказались смертельными.

По приказу жены Генриха флорентийки Марии Медичи, провозглашенной регентшей при ее малолетнем сыне Людовике XIII, убийца был вскоре предан суду. Он не отрицал своей вины, утверждал, что никто не подстрекал его к покушению на жизнь короля. Установить личность преступника не составляло труда. Это был Жан Франсуа Равальяк, стряпчий из города Ангулема, ярый католик, неудачно пытавшийся вступить в иезуитский орден и не скрывавший недовольства той терпимостью, которой стали пользоваться по приказу Генриха его бывшие единоверцы — гугеноты. Равальяк несколько раз стремился добиться приема у короля, чтобы предостеречь его против такого опасного курса, и, когда ему это не удалось, взялся за нож. Убийца даже под пыткой продолжал твердить, что у него не было соучастников. Судьи парижского парламента терялись в догадках, их мысль пошла по привычному пути: не подстрекнул ли Равальяка к злодеянию сам дьявол, известный враг рода человеческого? Ведь

свидетель обвинения Дюбуа, ночевавший некоторое время в одной комнате с подсудимым, утверждал, что сатана появлялся там в виде «огромного и страшного черного пса». В то же время исповедник погибшего короля иезуит отец Коттон, увещевал убийцу: «Сын мой, не обвиняй добрых людей!». На эшафоте Равальяк, даже когда ему угрожали отказать в отпущении грехов, если он не назовет своих сообщников, снова и снова повторял, что он действовал в одиночку. Равальяк искренне был убежден, что от этих слов, сказанных им за минуту до начала варварской казни, зависело спасение его души. Но соответствовали ли они действительности?

В 1610 г. судьи явно не имели особого желания докапываться до истины, а правительство Марии Медичи проявляло еще меньше склонности к проведению всестороннего расследования. Но уже тогда задавали вопрос: не приложили ли руку к устранению короля те, кому это было особенно выгодно? Через несколько лет выяснилось, что некая Жаклина д'Эскоман, служившая у маркизы де Верней, фаворитки Генриха (которой неисправимый ловелас даже дал письменное обещание жениться и семейство которой уже устроило однажды заговор, угрожающий жизни короля), пыталась предупредить Генриха о готовившемся на него новом покушении. В его организации помимо маркизы де Верней, по утверждению д'Эскоман, участвовал также могущественный герцог д'Эпернон, мечтавший о первой роли в государстве. Д'Эскоман старалась сообщить обо всем этом королю через его супругу Марию Медичи, но та в последний момент уехала из Парижа в Фонтенбло. Отец Коттон, к которому хотела обратиться д'Эскоман, также отбыл в Фонтенбло, а другой иезуит посоветовал ей не вмешиваться не в свои дела. Вскоре после этого разговора Жаклин обвинили в том, что она, не имея средств на содержание своего сына в приюте, пыталась подбросить малыша. Д'Эскоман была немедленно арестована, по закону ей угрожала смертная казнь. Но судьи оказались мягкосердечными; они посадили ее ненадолго в тюрьму, а потом отправили в монастырь. Не была ли эта снисходительность платой за то, что на суде д'Эскоман ни одним словом не упомянула о заговоре против Генриха IV?

Почему же Мария Медичи уклонилась от встречи с Жаклин д'Эскоман? У этой упрямой и взбалмошной женщины и особенно у ее фаворитов — супругов Кончини были свои причины желать устранения короля. Генрих сильно увлекся молоденькой Шарлоттой Монморанси, ставшей женой принца Конде. Этот бурный роман вызвал серьезные опасения флорентийки. Зная характер Генриха, она допускала, что он может пойти на развод с ней или приблизить принцессу Конде настолько, что последняя приобретет решающее влияние при дворе. В случае смерти Генриха Мария Медичи становилась правительницей Франции до совершеннолетия ее сына Людовика XIII,

которому тогда было всего 9 лет. Фактическая власть досталась бы супругам Кончини, которые имели огромное влияние на Марию Медичи (так оно и произошло впоследствии, хотя герцог д'Эпернон в первые дни после смерти Генриха IV также стремился прибрать к своим рукам бразды правления).

В январе 1611 г. Жаклин д'Эскоман вышла из монастыря и попыталась опять вывести заговорщиков на чистую воду. Ее снова бросили в тюрьму и предали суду. Однако процесс д'Эскоман принял нежелательное для властей направление. Слуга Шарлотты дю Тилли (которая была близка к маркизе де Верней и находилась в придворном штате королевы) показал, что не раз встречал Равальяка у своей госпожи. Это подтверждало свидетельство д'Эскоман, также служившей некоторое время у дю Тилли, которой ее рекомендовала маркиза де Верней. Судебное следствие прервали, «учитывая достоинство обвиняемых». Президент суда был заменен ставленником двора. Несмотря на давление со стороны правительства, требовавшего вынести смертный приговор д' Эскоман за лжесвидетельство, голоса судей разделились поровну. Подсудимая была приговорена к вечному тюремному заключению. Ее продолжали держать за решеткой и после падения Марии Медичи (1617 г.): так опасались показаний этой «лжесвидетельницы».

Жаклин д'Эскоман утверждала, что заговорщики поддерживали связь с мадридским двором. Об этом же сообщает в своих мемуарах Пьер де Жарден, именовавшийся капитаном Лагардом. Они были написаны в Бастилии, куда Лагард был заключен в 1616 г. Он вышел на свободу после окончания правления Марии Медичи. Лагард узнал о связях заговорщиков, находясь на юге Италии, откуда энергичный испанский вице-король граф Фуэнтос руководил тайной войной против Франции. Лагард, приехав в Париж, сумел предупредить Генриха о готовившемся покушении, но король не принял никаких мер предосторожности. В мемуарах Лагарда имеются не очень правдоподобные детали — вроде того, будто он видел Равальяка в Неаполе, куда ангулемец привез письма от герцога д'Эпернона.

Показания д'Эскоман были опубликованы в правление Марии Медичи, когда она боролась с мятежом крупных вельмож и хотела обратить против них народный гнев. Характерно, что эти показания не компрометировали королеву-мать. Мемуары Лагарда были написаны после падения Марии Медичи и явно имели целью очернить королеву и ее союзника герцога д'Эпернона. Таким образом, оба эти свидетельства могут внушать известные подозрения. Вполне возможно, что Генрих IV пал жертвой «испанского заговора», в котором участвовали какие-то другие лица. В пользу этого предположения говорят настойчивые слухи об убийстве французского короля, распространившиеся за рубежом еще за несколько дней до 14 мая, когда

был убит король, а также то, что в государственных архивах Испании чья-то заботливая рука изъяла важные документы, относившиеся к периоду от конца апреля и до первого июля 1610 г. О том, что французский король пал жертвой заговора, руководимого испанцами, впоследствии утверждали такие осведомленные лица, как герцог Сюлли, друг и первый министр Генриха IV, а также кардинал Ришелье.

КОРОЛЕВЫ-СОПЕРНИЦЫ

Во второй половине XV в. в Англии в течение нескольких десятилетий полыхала война Алой и Белой розы. Так называли борьбу между двумя соперничавшими линиями королевской семьи — Ланкастерами и Йорками за английский престол. Корона многократно переходила из рук в руки. Кровавые расправы, массовые казни побежденных стали обычным делом. Старая английская знать истребила себя в этой междоусобной борьбе, ставкой в которой было право с помощью короны присваивать себе большую часть богатства, созданного трудом народа. Война Алой и Белой розы закончилась в 1485 г. вступлением на престол дальнего родственника Ланкастеров Генриха VII Тюдора. При нем поредевшие ряды феодальной аристократии пополнились новой знатью, выходцами из горожан, которые возвысились на королевской службе. Именно эта новая тюдоровская знать, начавшая огораживать поля своих земельных владений, сгоняя крестьян с насиженных мест, стала переходить к новым методам ведения хозяйства. Именно эта знать поддержала сына Генриха Тюдора — Генриха VIII (1509—1547 гг.), когда он, порвав с римским папой, провозгласил себя главой английской церкви, распустил монастыри и конфисковал их огромные земельные владения, а также поместья многих дворян, остававшихся верными католицизму. Основная часть этой богатой добычи попала в руки новой знати — тюдоровского дворянства и аристократии. Они имели теперь сильнейшее основание опасаться реставрации католицизма, которое повлекло бы и возвращение земель их прежним собственникам.

Семейные дела первого главы английской церкви оказались очень запутанными. Генрих был женат шесть раз. Правда, не все его жены испытали судьбу жен Синей бороды. Все же две из них взошли на эшафот, обвиненные в супружеской измене, и браки с ними были признаны недействительными. С остальными король без труда добивался развода. Короче говоря, права на престол после его смерти у

наследников были весьма неопределенны, давая возможность соперничавшим фракциям выставлять своих кандидатов. Несколько лет королем был его сын — подросток Эдуард VI (1547—1553 гг.), а потом престол перешел к старшей дочери Марии, которая реставрировала католицизм, но побоялась потребовать у новых владельцев конфискованных земель возвращения их римской церкви. После смерти Марии на трон в 1558 г. вступила Елизавета Тюдор, повернувшая государственный корабль опять в сторону протестантизма. Она была дочерью Генриха VIII от брака с Анной Болейн, одной из казненных им жен. Поскольку после казни брак с Анной Болейн был признан незаконным (а в глазах католиков он был таким с самого начала, так как папа не разрешил Генриху развод с его первой женой), права Елизаветы на престол могли быть поставлены под сомнение. Их и начал оспаривать испанский король Филипп II, женатый на Марии Католичке. Предъявлять свои притязания на трон стала и шотландская королева Мария Стюарт, находившаяся в дальнем родстве с английским королевским домом.

Воспитанная во Франции и вышедшая там замуж за вскоре умершего французского короля Франциска II, Мария Стюарт после его смерти вернулась на родину. Здесь она по случайной прихоти второй раз сочеталась браком с красивым, но ничтожным английским аристократом Генри Дарнлеем. Однако вскоре она вместе со своим любовником герцогом Босвелом избавилась путем убийства от ставшего ей в тягость мужа. Объявив о своем браке с Босвелом, Мария окончательно рассорилась с шотландскими баронами и потерпела поражение в начавшейся открытой войне с ними. Марию заключили в тюрьму, откуда она бежала летом в 1568 г. в Англию. Ненавидевшая ее Елизавета быстро превратила свою «дорогую сестру» в пленницу, находившуюся в почетном заключении, которое, впрочем, постепенно становилось все менее почетным.

Романтический образ шотландской королевы, ее трагическая судьба не раз вдохновляли поэтов и писателей от Шиллера до Стефана Цвейга. Их занимала и острота коллизии между обольстительной, пылкой, способной на безрассудные поступки Марией и некрасивой, трезвой, расчетливой Елизаветой. Эти столкнувшиеся в смертельной битве женщины связали себя с двумя могучими враждебными началами — с уходящим феодализмом и новым нарождающимся буржуазным строем. Борьба двух королев была столкновением контрреформации и реформации, конфликтом между стремившейся к мировому господству католической Испанией и быстро набиравшей силы протестантской Англией.

Пока Мария Стюарт жила в Англии, пусть в заточении, шотландская королева оставалась главой всех католических интриг, особенно опасных благодаря поддержке могущественной Испании и всей като-

лической Европы. А ведь значительная часть английского населения в это время еще была католической, в том числе немало дворянских семей, особенно на севере страны. Опыт показал, что постоянно клокотавшее крестьянское недовольство могло быть направлено в русло восстания, проходившего под лозунгом католической реставрации. Ведь с переходом земли к новым владельцам резко увеличились поборы с крестьян, их сгоняли с участков, чтобы очистить место для прибыльного крупного овцеводческого хозяйства.

В этой насыщенной горючими материалами, социальной обстановке, в грозовой атмосфере надвигавшегося решительного столкновения и происходила тайная война между елизаветинской Англией и католической контрреформацией, возглавляемой испанским королем Филиппом II.

ФЛАМАНДЕЦ БАЙИ И ВЕЛИКОМУЧЕНИКИ

Однажды в 1571 г. в таможне портового города Дувра был подвергнут осмотру багаж молодого фламандца Шарля Байи. Он не впервые приезжал в Англию и отлично владел английским языком. Можно было бы добавить, хотя это вряд ли тогда было известно таможенным служащим, что Байи столь же свободно говорил по-французски и по-итальянски, что в Англии его принимали за англичанина, а в Шотландии — за шотландца. Он легко мог выдавать себя, не возбуждая подозрений, и за знатного дворянина, и за купца, и за актера, словом, принимать самые различные обличия. Собственно, таможенники в этот раз не обратили бы особого внимания на приезжего, если бы заранее не получили предписание об обыске от главного министра королевы Елизаветы Уильяма Сесиля лорда Берли, смертельного врага католической партии и Марии Стюарт. Шпионы Берли, возглавлявшего тайную службу Елизаветы, давно присматривались к поездкам слишком уж расторопного и ловкого иностранца. Обыск дал желаемые результаты. В багаже Байи были обнаружены письма и шифрованные бумаги, которые уже много месяцев стремился заполучить в свои руки Берли...

Подходил к концу третий год пребывания королевы Марии Стюарт в Англии, и ее друзья не дремали. Находившаяся под арестом королева имела в своем арсенале могучее средство привлекать и очаровывать недавних врагов. И этим средством было не столько воспетое поэтами очарование шотландской королевы и не защита ею старой католической веры, сколько соблазнительные надежды браком

с плеиницей открыть себе дорогу к шотлаидской, а может быть, — кто зиает — и к аиглийской короие. Перед этим соблазиом ие устояли не только несколько католических дворяи, ему поддался могуществеииый, хотя и иедалекий, герцог Норфолк, протестаит и едва ли ие самый богатый вельможа в Аиглии. Когда Сесил сообщил Елизавете, что Норфолк, иазиачеииый члеиом комиссии, расследовавшей роль Марии Стюарт в убийстве мужа, перешел иа ее стороиу, гиеву аиглийской королевы ие было предела. Неловко пытавшийся прикрыть свою измену Норфолк в присутствии Елизаветы дурио отзывался о Марии Стюарт. Намекая иа ее участие в убийстве Дарилея, герцог говорил, что ои привык иочью ие ожидать удара из-за угла. «Милорд,— сухо заметнла Елизавета,— присмотритесь поближе к подушке, иа которую вы склоияете свою голову».

Норфолк был арестоваи и посажеи в лоидоиской Тауэр — тюрьму для государствеииых преступииков, где его стороииики пытались поддерживать с иим сиошеиия, пересылая записки в вииных бутылках.

Подиятое иа севере католическое восстаиие было подавлеио. Тысячи участииков восстаиия были повешеиы без всякого суда. Берли приказал, чтобы тела повешеииых висели «до тех пор, пока оии ие развалятся иа куски». Главари восстаиия — графы Уэстморлеид и Нортумберлеид — укрылись в Ирлаидии. Правда, их ближайший советник сэр Роберт Коистебл стоял за возвращеиие в Аиглию. Ои убеждал Уэстморлеида, что его иаверияка помилуют. Граф Уэстморлеид, конечио, ие зиал, что Коистебл был шпиоиом Берли, уполиомочеииым истратить крупиую сумму в 1000 фуитов стерлиигов для поимки руководителя католиков иа севере. Тем ие меиее Уэстморлеид предпочел бежать в Испаиию. Нортумберленд через два года вериулся в Аиглию и сложил голову иа плахе, а Норфолк, против которого ие имелось прямых улик, был пока что выпущеи из Тауэра, ио оставлеи под домашиим арестом.

Одиако заговорщики продолжали действовать. Папа римский Пий V в специальиой булле отлучил Елизавету от церкви, к которой оиа, впрочем, и ие прииадлежала, будучи протестаиткой, объявил королеву Аиглии иизвергиутой с престола. Главой заговорщиков стал шотлаидский католический епископ Росса Джои Лесли. Ои прииадлежал к числу придвориых Марии Стюарт, которых ей разрешили сохраиить при себе. Официальио Лесли считался послом шотлаидской королевы Аиглии. Другим важным участииком заговора был итальяиский баикир Ридольфи, являвшийся одиовремеиио агеитом папы, Филиппа II и его иаместиика в Нидерлаидах кровавого герцога Альбы. (Поэтому поздиее стали говорить о «заговоре Ридольфи».) Итальяиец заручился согласием Норфолка содействовать испанскому вторжеиию в Аиглию. Герцог обещал подиять восстание и держаться

40 дней против королевских войск, если ему дадут денежную субсидию и обязуются поддержать его высадкой вспомогательной испанской армии численностью в 6 тыс. человек.

Ридольфи побывал во Фландрии у герцога Альбы, в Мадриде и Риме. Альба, правда, был настроен скептически, считая, что тайна, в которую уже посвящено слишком много людей, не может быть сохранена и что это обрекает на неуспех планы заговорщиков. Он рекомендовал Филиппу подумать об устранении Елизаветы путем убийства Ридольфи и после этого направил Байи с шифрованными письмами к Лесли, Норфолку и еще одному заговорщику — лорду Лэмли. Байи вез и тщательно припрятанный ключ к шифру, а также напечатанное во Фландрии сочинение Лесли «Защита чести Марии, королевы шотландской», в котором недвусмысленно выдвигались ее права на английский престол.

Вот с каким опасным грузом задержали Байи дуврские таможенники. Уже провоз мятежных книг на английском языке представлял собой достаточное основание для ареста. Фламандца вместе со взятыми у него письмами и бумагами под охраной отослали в резиденцию губернатора южных портов лорда Уильяма Кобгема. По дороге Байи удалось послать Лесли весть о своем аресте.

При осмотре писем выяснилось, что в них не указаны фамилии адресатов, а лишь выставлены номера 30 и 40. Байи утверждал, что его попросили перевезти письма и что ему неизвестен ни шифр, ни значение этих номеров. Однако вскоре был обнаружен шифр — его отыскали, разрезав подкладку камзола Байи. Таким образом, в руки Кобгема попали нити опаснейшего заговора, который сплела контрреформация против правительства Елизаветы. Губернатор, которому было еще неизвестно, что скрывалось за номерами 30 и 40, намеревался немедля доставить захваченные бумаги лорду Берли. Услышав об этом, Байи как-то странно посмотрел на присутствовавшего при допросе родного брата губернатора Томаса, который недавно втайне принял католичество. Тот понял значение этого взгляда и сказал, что если эти бумаги попадут к Берли, то герцог Норфолк — конченый человек. Однако ни Томас, ни Байи не осмелились разъяснить Кобгему, почему адресаты, помеченные таинственными цифрами 30 и 40, затрагивают могущественного герцога. Губернатор решил ехать к Берли.

По дороге, в лодке, Томас снова начал с жаром убеждать брата не передавать бумаги Берли. Эти просьбы тем более имели вес, что сам Уильям Кобгем находился в какой-то связи с Ридольфи и боялся, что главный министр так или иначе докопается до этого обстоятельства. Но как скрыть от Берли и его вездесущих тайных соглядатаев бумаги, официально конфискованные таможенниками и привезенные ими Кобгему? Лодка подъехала к дому министра. Продолжавший колебаться Кобгем отдал книги, захваченные при аресте Байи, ...и с

письмами вернулся домой. Надо было на что-то решиться. Вместо того чтобы передать письма Берли, Кобгем их переслал к Лесли с вежливым письмом, содержащим просьбу к епископу как послу иностранной государыни явиться завтра к нему и вместе распечатать таинственную корреспонденцию. Ловкому прелату и не требовалось ничего больше. Он без промедления прибыл в испанское посольство, где совместно с послом доном Гerау Деспесом занялся спешной фабрикацией поддельных писем, которые должны были заменить настоящие. Фальшивые были написаны тем же шифром, что и подлинные. В них сохранялся враждебный в отношении Елизаветы тон, но были выброшены все указания на существование заговора. Несколько других писем, вроде письма Марии Стюарт дону Герау, были дополнительно вложены в пакет, чтобы окончательно усыпить подозрительность Берли. Настоящие же письма были отправлены Норфолку и лорду Лэмли. После того как сфальсифицированная корреспонденция была переслана Берли, Лесли для пущего правдоподобия даже официально потребовал ее выдачи, ссылаясь на неприкосновенность дипломатической переписки.

Берли на некоторое время был обманут фальшивыми письмами. Однако его поразил наглый тон книги Лесли, за которым должны были скрываться какие-то далеко идущие планы. Кроме того, подозрительность министра питали и донесения посланного им во Фландрию разведчика Джона Ли. Тот выдавал себя за католика, бежавшего от правительственных преследований, и втерся в круг католических дворян, эмигрировавших из Англии и активно участвовавших в заговорах против Елизаветы. Но Берли не любил ненужной поспешности. Он придерживался принципа: «Бросать камень так, чтобы не было видно кинувшей его руки». Из предосторожности он отправил Байи в тюрьму Маршальси, хотя узнавший об этом Лесли тщетно доказывал, что фламандец является его слугой и пользуется дипломатическим иммунитетом.

Берли решил продолжать игру и перехитрить своих врагов. Главным его козырем был арест Байи и опасение Лесли и дона Герау, что их связной сообщит что-либо противоречащее той версии, которую они довели до сведения Берли с помощью фальшивых писем. Берли ожидал, что будут предприняты попытки установить связь с Байи, и не ошибся в своих предположениях. Сначала дон Герау послал верного человека пробраться к фламандцу, потом Лесли направил к нему одного ирландского священника. Оба они не вернулись. А тут неожиданно подвернулось счастливое обстоятельство...

Темной ночью в мрачную сырую камеру, где на вязанке соломы лежал, дрожа от холода, Байи, неожиданно проникла какая-то фигура. Заключенный с радостью узнал своего старого знакомого. Да, это был Томас Герли, которого благочестивые католики считали святым

великомучеником. Двоюродный брат леди Нортумберленд, жены предводителя недавнего католического восстания, Герли за участие в этом выступлении был брошен в тюрьму. Заключенные и посетители тюрьмы Маршальси видели, как несчастного страдальца заковывали в тяжелые цепи и неделями держали в подземных темницах на хлебе и воде. Католики, включая епископа Росского и дона Герау, считали Герли невинной жертвой протестантов. Многие пытались даже заручиться советами или благословением узника в благочестивой уверенности, что на него нисходит дух божий. Последнее доказать, конечно, трудно. Доподлинно известно другое: Герли находился на постоянном жалованьи у лорда Берли; не установлено только, пытался ли он требовать прибавки за свою славу святого. Во всяком случае, он предлагал принять участие в похищении или убийстве любого человека по желанию лорда Берли. К услугам столь любезного человека и обратился министр.

Все это, конечно, было неизвестно Байи, который в ответ на сообщенные Герли «важные тайны» поведал ему много такого, о чем с живейшим интересом утром узнал любознательный Уильям Сесил. Но спрос на услуги великомученика быстро возрастал. К святому обратился Лесли и попросил, учитывая, что Герли разрешили свидания с посетителями, послужить связным между епископом и Байи. Герли с готовностью вызвался уважить желание достойного прелата. С писем, которые он носил от Лесли к Байи и от Байи к Лесли, разумеется, снимались точные копии в канцелярии лорда Берли. Эти письма, однако, были шифрованными, и шифр раскрыть не удавалось. А святой при очередной встрече с Байи не совсем ловко сыграл свою роль и проговорился. Байи понял, что перед ним правительственный шпион. Министр тогда приказал привезти Байи к себе и потребовал от него расшифровать свою корреспонденцию с Лесли. Фламандец уверял, что потерял ключ к шифру. Тогда Берли приказал перевезти пленника в Тауэр, чтобы надежно изолировать его от других заговорщиков, и там подвергать пытке до тех пор, пока он не откроет содержание шифрованных писем.

На стене камеры Байи сохранилась вырезанная им надпись, помеченная 10 апреля 1571 г.: «Мудрым людям следует действовать с осмотрительностью, обдумывать то, что они намерены сказать, осматривать то, что они собираются брать в руки, не сходиться с людьми без разбора и превыше всего не доверять им опрометчиво. Шарль Байи». Однако, как мы увидим, автор плохо вник в смысл того поучения, которое он вывел из своего знакомства с Томасом Герли...

На протяжении апреля и мая 1571 г. Байи подвергали допросу под пыткой, впрочем, по понятиям закаленных на этот счет современников, не очень суровой. Дон Герау, с понятным вниманием следивший за событиями, деловито сообщал, что «Байи более напугали,

чем нанесли ему телесные повреждения». Лесли не мог разделять хладнокровное спокойствие испанца: тому в самом худшем случае угрожала высылка на родину, а для епископа с его сомнительным титулом «посла» арестованной Марии Стюарт вполне реально вырисовывалась перспектива самому познакомиться с прелестями Тауэра. Поэтому не удивительно, что он всячески старался укрепить дух Байи, посылая ему постельные принадлежности, вкусную пищу и, главное, постоянные напоминания о том, как вели себя в языческих темницах христианские святые, прославившие церковь.

По-видимому, «святые» действительно никак не желали оставить в покое злополучного фламандца. Трюк с Герли оказался настолько удачным, что Сесил решил попробовать еще раз. А чтобы преодолеть естественное недоверие Байи, решили обратиться к услугам святого, репутация которого стояла вне всяких подозрений. В Тауэре в это время сидел доктор богословия Джон Стори. Католический фанатик, призывавший к убийству Елизаветы, после ее восшествия на престол бежал во Фландрию и сделался испанским подданным, продолжая там плести сети заговоров против английского правительства. Герцог Альба поручил Стори богоугодное дело — обыскивать корабли в Антверпене и конфисковывать протестантские книги, которые пытались контрабандой провести во владения испанского короля. Однажды, когда достопочтенный доктор богословия явился на один из кораблей, команда неожиданно подняла якорь и на всех парусах направилась в английский порт Ярмут. Это было судно, специально посланное для того, чтобы изловить Стори и доставить его в Англию. Суд приговорил Стори как изменника к смерти. Но Елизавета в эти годы еще играла в милосердие и отказывалась подписывать смертные приговоры за политические преступления. (Тысячи участников восстания на севере были казнены без суда, да и к тому же это ведь были простые крестьяне!) Как бы то ни было, Стори продолжал сидеть в Тауэре, ожидая своей участи, а авторитет его среди рьяных католиков возрастал с каждым месяцем заключения.

Правда, доктор Стори, с готовностью выполнявший поручения герцога Альбы, не годился на роль агента лорда Берли. Но министр не привык останавливаться перед такими пустяками. Ведь Байи не знал Стори в лицо; фламандцу было лишь известно, что почтенный доктор сидит в одной из соседних камер. Роль Стори было поручено сыграть одному из ловких разведчиков Сесиля, некоему Паркеру (тому самому, который организовал похищение богослова из Антверпена!).

Ночью перед дремавшим Байи возникла худая длинная фигура нового святого. Можно ли было сомневаться в докторе Стори? Тем более что он ведь ни о чем не спрашивал Байи, а лишь жалел и сокрушался о несчастьях, постигших фламандца. И не только сокру-

шался, но и дал Байи мудрый совет, как избежать предстоящей ему назавтра более суровой, чем прежние, пытки и вместе с тем верно послужить римской церкви и королеве Марии. Байи следует наняться на службу к лорду Берли и начать за ним шпионить, сообщая добытые сведения епископу Росскому. А поступить к Берли на службу будет очень нетрудно: дело в том, что министр уже узнал каким-то образом ключ к шифру. Так что Байи лучше всего будет раскрыть этот шифр, все равно уже известный, и таким путем войти в доверие к Берли... Байи поддался на соблазнительное предложение избегнуть пытки и в то же время помочь заговорщикам. На другой день он открыл ключ к шифру и был крайне поражен, когда понял, что полностью выдал своих доверителей. Предложение поступить на службу к Берли было также, конечно, отвергнуто к неменьшему удивлению Байи. Злополучному фламандцу теперь оставалось лишь заполнять каменные стены своей темницы нравоучительными сентенциями о вреде нетерпения, которые он составлял на английском, французском и латинском языках. (Его освободили через несколько лет и выслали на родину.)

Однако Байи не знал и не мог поэтому выдать самого главного секрета — кто скрывался за номерами 30 и 40. Берли попытался это выведать у самого Лесли с помощью нашего старого знакомого Томаса Герли. Епископ Росский, так как ему не передавали никаких сведений от Байи, не подозревал о подлинной роли Герли и продолжал поддерживать с ним связь через верных людей. Однако сколько ни жаловался, потрясая кандалами, мученик на преследования со стороны нечестивого министра еретической королевы, посланец епископа не мог ему сообщить значение двух таинственных цифр. Да и письма, которые можно было расшифровать, были ведь фальшивые — это теперь стало ясным для Берли. Нужно было овладеть подлинными письмами.

Вскоре епископ получил письмо от Герли. Почтенного человека, как это стало известно Лесли, снова допрашивали и угрожали пыткой. Герли в своем письме просил о помощи и доверии со стороны епископа. Тот, несмотря на полное сочувствие мукам страдальца, все же не видел причин для сообщения ему содержания своей секретной корреспонденции.

Делать нечего, по приказу Тайного совета Лесли был арестован и подвергнут допросу относительно писем, которые привез Байи, и поручений, которые давались Ридольфи. Епископ попытался вывернуться с помощью нового обмана, заявив, что «30» означает дона Герау, а «40» — Марию Стюарт и что оба эти письма он сжег. Что же касается писем, которые были посланы с Ридольфи, то они, по уверению Лесли, содержали просьбу о помощи со стороны папы римского и герцога Альбы для борьбы против врагов Марии Стюарт в

Шотландии. Иначе говоря, епископ отчаянно пытался замести следы своего участия в заговоре протнв Елнзаветы н скрыть само существование этого заговора.

Берлн, конечно, не поверил ни одному слову в показаниях епископа Росского. Но министр все еще не знал, кто действительно скрывался за двумя номерами. Пока что Леслн, учитывая его сан н ставшуюся, правда, призрачной роль «иностранного посла», посадил под арест в резиденции одного английского епископа. Строгость заключения, в котором содержалась Мария Стюарт, заметно возросла, ее слугам было запрещено после заката солнца покидать место заключения королевы.

Борьба продолжалась. Испанский государственный совет, получив предложение герцога Альбы, стал обсуждать различные планы убийства Елизаветы. Рндольфи был принят с почетом в Риме и Мадриде. Со своей стороны Берлн продолжал настойчиво стремиться к обнаружению всех нитей заговора. Для этой цели был неожиданно использован Джон Хокинс — один из «королевских пиратов», которые с фактического соизволения Елизаветы вели на море необъявленную войну против Испании, захватывая нагруженные золотом и серебром испанские корабли на пути из колоний на родину. Чтобы освободить своих матросов, попавших в плен к испанцам и томившихся в тюрьмах инквизиции, Джон Хокинс сделал вид, что решил вернуться в лоно католической церкви. Получив аудиенцию у Марии Стюарт, он послал в Мадрид своего агента Джорджа Фитцуильяма, который повез с собой рекомендательное письмо от шотландской королевы. Обманутый Филипп II отдал распоряжение освободить английских моряков и выдать каждому из них по 10 дукатов. Испанский король приказал также передать Хокинсу патент на титул испанского гранда и, что важнее, большую сумму денег — целых 40 тыс. фунтов стерлингов. В свою очередь Хокинс обещал перейти со своим флотом на сторону Испании. В сентябре или октябре 1571 г. английские корабли должны были уйти во фландрские порты и предоставить себя в распоряжение герцога Альбы 4 сентября Хокинс с удовлетворением писал Берли о своих испанских партнерах по переговорам: «Я надеюсь, господь бог разрушит их планы и они сломают себе шею из-за собственных умыслов».

Оставалось лишь не до конца ясно, кто должен был, по мнению Хокинса, ломать шею. Вернее, бравый моряк считал, что это будет зависеть от обстоятельств. Берли знал, что Хокинс завел переговоры с испанцами по собственному почину, и, лишь когда о них стало известно Тайному совету, начал действовать по уполномочию правительства Елизаветы. Но Берли не было ведомо, что Хокинс сообщил далеко не все ему известное о планах испанского вторжения. Капитан пиратов оставлял себе возможность в случае успеха Альбы вы-

полнить договор с испанцами, который пока что Хокинс заключил с целью обмануть их по поручению Берли. Однако дела пошли так, что патриотизму Хокинса не пришлось выдерживать серьезного испытания.

Но вернемся, однако, к «заговору Ридольфи». Берли был осведомлен об испанских планах и до получения письма Хокинса — министру писали об этом из-за рубежа английские дипломаты и тайные агенты. В сообщениях называлось имя Норфолка В это время Берли снова пришел на помощь счастливый случай. Мария Стюарт просила французский двор о финансовой помощи для борьбы против своих шотландских врагов. Французский посол передал доставленную ему из Парижа крупную денежную сумму Норфолку, а тот приказал своему секретарю Хиджфорду отослать полученные деньги в Шропшир, откуда их должны были переправить в Шотландию. Хиджфорд попросил направлявшегося в Шропшир купца доставить туда небольшой мешок с серебряной монетой для передачи управляющему одного из имений герцога. Тот охотно согласился выполнить такую, вполне обычную, просьбу. Однако по дороге у него возникли подозрения — мешок оказался очень тяжелым. Купец сломал печать на мешке. В нем лежало много золота и шифрованное письмо. Путник повернул обратно и передал неожиданную добычу Берли. Хиджфорд был немедленно арестован, но утверждал, что не знает ключа к шифру. Однако испуганный слуга Норфолка тут же сообщил о существовании тайника в спальне герцога. Посланные Берли полицейские чины обнаружили в тайнике шифрованное письмо Марии Стюарт относительно планов Ридольфи. После этого Хиджфорд сдался и выдал ключ к шифру письма, обнаруженного в мешке с золотом.

Той же ночью Норфолк был арестован и отправлен в Тауэр. Вначале он занял позицию полного отрицания, но потом, объятый страхом за свою жизнь, обещал рассказать обо всем. Берли послал Норфолку длинный вопросник. Вскоре вместо ответа комендант Тауэра принес перехваченное письмо герцога, которое он пытался послать со своим слугой. В этом письме герцог давал указание сжечь его шифрованную переписку. После этого Берли уже мог действовать более уверенно. Один из секретарей Норфолка сразу же сознался и указал, где хранятся письма Марии Стюарт, другой пытался запираться, но у него вынудили признание пыткой. Арестованных слуг герцога разместили в тюрьме Маршальси, где их заботливым другом (и внимательным слушателем) оказался наш знакомец Томас Герли. Он работал, превратив мученичество в золотую жилу.

Теперь очередь дошла и до Джона Лесли. Он попытался отделаться россказнями, пока ему не дали понять, что речь идет о сохранении его собственной жизни. Это было больное место епископа. Лесли если и устраивал путь на Голгофу, то только в духе Томаса

Берли. Почтенный прелат не был особо рьяным врагом чревоугодия (сохранились инструкции, которые он, уже находясь в тюрьме, давал своим слугам относительно приготовления для него обильных трапез). Не был Джон Лесли и аскетом — злые языки даже приписывали ему трех незаконных детей. Словом, Лесли не надо было дважды повторять и так весьма недвусмысленно сделанный намек. «Глупо скрывать правду, увидев, что дело раскрыто», — нравоучительно заметил при этом епископ Росский.

Он сообщил все, что знал: об участии Марии Стюарт и Норфолка в подготовке недавно подавленного католического восстания на севере, о планах нового восстания — на этот раз в Восточной Англии — и намерении захватить Елизавету. Но Лесли не ограничился этим. По своей собственной инициативе он, пытаясь сделать приятное Елизавете, объявил, что, как ему доподлинно известно, Мария Стюарт знала об убийстве своего мужа Дарнлея (в чем ее обвиняли в Англии и что она упорно отрицала). Более того, с элегантностью опытного придворного Лесли в качестве епископа католической церкви тут же настрочил послание Марии Стюарт, отечески увещевая ее и призывая отказаться от заговоров, уповая на милость божью и королевы Елизаветы. «Этот поп — живодер, страшный поп», — воскликнула в ярости шотландская королева, получив епископские излияния. Лесли написал также льстивую и сервильную проповедь в честь Елизаветы. После этого епископ Росский мог уже не бояться карающей длани английского правосудия. Правда, ему приходилось опасаться другого: как бы Елизавета не выдала его правительству Шотландии в обмен на арестованных там участников английского католического восстания. Но в конце концов главного из этих пленников шотландцы продали английским властям за 2 тыс. фунтов стерлингов.

Теперь уже епископ Росский мог с философским спокойствием наблюдать за дальнейшим развитием событий. 2 июля 1572 г. из своего окна в Тауэре он имел возможность взирать на казнь герцога Норфолка. Это зрелище навело его лишь на элегические размышления о том, что Норфолку вряд ли было бы лучше, если бы ему удалось стать мужем Марии Стюарт. В беседе с доктором теологии Томасом Вильсоном он разъяснил, что шотландская королева отравила первого мужа, убила с помощью любовника второго и пыталась таким же способом отделаться от соучастника ее преступления.

Дон Герау после неудачи убрать с дороги лорда Берли покинул Англию.

Так окончился знаменитый «заговор Ридольфи». Но, может быть, читатель захочет узнать о дальнейшей судьбе епископа Лесли после его освобождения из Тауэра и отъезда во Францию? О, эта жизнь была потом заполнена трудами на благо многих лиц — и королевы Елизаветы, и Филиппа II, и французского короля Генриха III,

н римского папы... Словом, на пользу всякого, кто, как надеялся почтенный епископ, мог бы обеспечить его достойной пенсией и добиться возвращения земель, конфискованных у него в Шотландии. А так как цели всех этих лиц были, как правило, прямо противоположными, то Лесли неоднократно уличали в двуличии, в занятии шпионажем, в воровстве и подделке государственных бумаг и во многом, многом другом. Но, как и следовало ожидать, достойный прелат оказался выше того, чтобы обращать внимание на козни недругов, без которых не обходилась жизнь ни одного из святых отцов церкви.

ИЩЕЙКИ УОЛСИНГЕМА

Секретная служба, получившая значительное развитие при Елизавете, потребовала серьезной реорганизации. Берли стал лордом-канцлером (фактически главой правительства), и на его пост — одного из «главных секретарей» (министров) королевы был назначен Френсис Уолсингем. Ему была подчинена полиция и разведка английской короны, хотя Берли и сохранял общее руководство ее деятельностью.

Убежденный протестант, умелый и удачливый разведчик, вкрадчивый дипломат (он был, как мы помним, английским послом в Париже во время Варфоломеевской ночи), Уолсингем отлично усвоил методы и приемы тайной войны, разработанные итальянцами, особенно флорентийцами и венецианцами, а также иезуитами. Он был сторонником бескомпромиссной борьбы против Испании. Еще находясь на дипломатической службе, Уолсингем занимался подыскиванием подходящих людей для Берли. Елизавета называла смуглого Уолсингема «мавром», публично упрекала его за покровительство «еретикам» — пуританам, критиковавшим английскую церковь за то, что она сохранила многое от католицизма. «Не хочу войны, не хочу войны!», — кричала во время одного приема осторожная королева, одергивая своего слишком воинственного министра. Но Елизавета, с присущим ей умением выбирать людей, ни разу не усомнилась ни в верности, ни в способностях, ни в уме своего главного секретаря.

В первые годы после назначения министром Уолсингем неоднократно ездил с различными дипломатическими поручениями за границу, выступая одновременно в качестве посла и главы секретной службы королевы. Впрочем, в течение этих лет он в основном руководил людьми, принятыми на службу Берли. Однако в последующее десятилетие Уолсингем создал свою разветвленную разведыватель-

ную сеть, сыгравшую немалую роль в борьбе между Испанией и католической реакцией, с одной стороны, и елизаветинской Англией — с другой. Эта борьба наложила важный отпечаток иа историю Европы.

План Филиппа II и его союзников — германского императора, римского папы и всех сил католической контрреформации оставался по существу прежним: уничтожить очаг «ереси» — голландские и бельгийские владения испанской короны. Для этого необходимо было лишить их возможности получать помощь от Англии, свергнуть с престола Елизавету, возвести на английский трон Марию Стюарт, предлагавшую свою руку испанскому королю, и, таким образом, установить полную гегемонию Испании и католицизма. (Раздиравшаяся религиозными войнами Франция не могла быть решающим препятствием на пути осуществления этих планов.) В случае если бы не удалось свергнуть Елизавету с помощью тайной войны, в резерве оставался план высадки в Англии испанской армии, считавшейся тогда лучшей в Западной Европе.

Англия стремилась сорвать эти планы прежде всего организацией непрерывной войны против испанского судоходства. Захват и ограбление испанских кораблей английскими корсарами ослабляли Испанию и заметно увеличивали ресурсы Англии, служили прямому обогащению имущих классов — от лондонских купцов до самой Елизаветы — тайного пайщика компании «королевских пиратов». В задачу английской секретной службы входило, прежде всего, парирование заговоров, наблюдение за подготовкой к высадке в Англии испанской армии и сбор информации, который облегчил бы английским пиратам войну на море. Разведывательная сеть Уолсингема в целом весьма успешно справилась со всеми этими заданиями.

Ревностный кальвинист, верящий в предопределение, Уолсингем был искренне убежден, что принадлежит к числу избранников божьих. Он не брезговал услугами профессиональных преступников, авантюристов, головорезов, в которых не было недостатка ни в одном из европейских городов. Это ведь была чернь, на которых не распространялась милость господа. Не очень важно, если они обременяют лишним смертным грехом свою душу, и так обреченную на вечное проклятие. А обеспечивать верность подобных людей нельзя иначе, как страхом и золотом. «За нужные сведения никогда невозможно заплатить слишком дорого» — это был девиз Уолсингема.

Смиренный монах, занимавшийся в иезуитском колледже в Дуэ или Сен Омере, английский дворянин, вернувшийся в лоно католической церкви, богатый итальянец, портовый чиновник в Малаге или путешествующий французский купец, парижский дуэлянт или студент одного из знаменитых германских университетов — за каждым из них мог скрываться разведчик Уолсингема. У него были агенты раз-

ного профиля — просто шпионы, шпионы-провокаторы, специалисты по дешифровке, мастера подделки писем и печатей.

Так, например, в 1580 г. на континент отправился некто Джон Следд. Месяцами он странствовал в компании английских католических священников, бежавших из Англии, побывал в Риме и вернулся в Лондон с подробнейшим отчетом о 285 англичанах, находившихся за границей, — студентах, военных, купцах, священниках. В отчете были подробно указаны семейные связи этих людей, приметы на случай, если придется заняться их поимкой, и т. д.

Сеть Уолсингема состояла из костяка в виде доверенных лиц, число которых было сравнительно небольшим, и более значительного количества агентов, используемых от случая к случаю, за скромную плату.

Англия еще не была той богатой страной, какой она стала впоследствии. Расчетливая Елизавета, хорошо зная цену фунтам и шиллингам, отпускала их на секретную службу не очень-то щедрой рукой. Не раз ее послам, да и самому Уолсингему, со вздохом приходилось докладывать из своего кармана деньги, которые не удавалось никакими усилиями выудить у скупой королевы. И тем не менее, когда дело шло о борьбе на главных участках непрекращавшейся тайной войны, золота не жалели. Наиболее отличившиеся агенты получали пенсии и мелкие придворные должности.

Уолсингем не имел еще под рукой чиновничьего аппарата, которому он мог передоверить руководство своей сложной машиной. Главный секретарь сам поддерживал связь со всей многочисленной агентурой. Ближайшими помощниками Уолсингема были его личные секретари — Френсис Миллс и Томас Фелиппес. Этого Фелиппеса — низкорослого человека, с рыжими волосами и изуродованным оспой лицом мы еще не раз встретим в последующем изложении. Фелиппес знал много иностранных языков, его по праву считали непревзойденным специалистом в чтении зашифрованных текстов, а также в подделке чужих почерков, в открытии писем без ломки печатей. В прошлом он имел какие-то столкновения с законом и был спасен Уолсингемом от наказания. Так что лояльность Фелиппеса была обеспечена не только благодарностью избавителю, но и страхом, что может открыться «потушенное» Уолсингемом дело. Известен и другой доверенный «эксперт» Уолсингема — Артур Грегори; он был специалистом по незаметному вскрытию писем без повреждения конверта и по фабрикации поддельных печатей.

«АНГЛИЙСКОЕ ДЕЛО» ИЕЗУИТОВ

Иезуитский орден продолжал подготовку к «обращению» англичан в свою веру. Один за другим высаживались на английский берег иезуитские лазутчики, тайно проповедовавшие против «еретической» королевы и, главное, занимавшиеся сколачиванием всех сил католической партии, подготовкой новых заговоров в пользу Марии Стюарт, новых восстаний, которые помогли бы намеченному вторжению испанской армии.

Признанным руководителем заговоров был отец Роберт Парсонс, в 1580 г. лично возглавлявший иезуитскую «миссию», которая тайно посетила Англию. Спутник Парсонса Кэмпион был схвачен и повешен, Парсонсу удалось бежать. С тех пор в течение многих лет он был по существу главным противником Уолсингема в тайной войне, неутомимо плетя из Рима все новые и новые сети заговоров. Иезуитам удалось даже печатать подпольно в Англии памфлеты против королевы. Парсонс занялся составлением плана будущего государственного устройства Англии после победы Филиппа и иезуитов. Католические епископы должны были получить право назначать членов палаты общин английского парламента, вводилась инквизиция.

Другими видными руководителями католических заговоров были кардинал Аллен (подобно Парсонсу, английский эмигрант), и уэллский дворянин Хью Оуэн. По слухам, — быть может, и неверным, — еще в 1571 г. Оуэн принял участие в «заговоре Ридольфи». Его роль была, правда, скромной: он должен был обеспечить бесперебойную замену лошадей на всем протяжении пути, по которому предполагала бежать Мария Стюарт. Эмигрировав, Оуэн, совместно с Парсонсом и Алленом, разработал детальный план вторжения в Англию испанских войск. В течение нескольких десятилетий скупое испанское правительство аккуратно выплачивало Оуэну значительную пенсию. И недаром. Дом Оуэна в Брюсселе, неподалеку от рынка сыров, стал шпионским центром католических держав, боровшихся с Англией Отсюда уезжали люди, чтобы в другом платье и под другим именем появиться в лондонской таверне или дворянской усадьбе где-нибудь в Шропшире или Нортумберленде и там приняться за выполнение порученного дела. Они везли с собой письма, спрятанные в отверстии, выдолбленном в изящной трости, или в подошвах ботинок. Письма были написаны на тонкой бумаге — не раз агенту уже после ареста удавалось быстро сжевать и проглотить компрометирующий документ. Впрочем, случалось и так, что человек, покидавший под покровом ночи брюссельский дом около рынка сыров, через пару дней входил в лондонскую резиденцию сэра Френсиса Уолсингема. И наобо-

рот. Теперь, почти через четыре столетня, уже невозможно разобрать, на кого в действнтельиостн работалн многне нз агентов, чнслнвшнхся одновременио в спнсках сотрудинков секретной службы н Англин н протнвостоявшнх ей католнческнх держав.

Борьба шла без пощады. Оуэн н Парсоис однажды едва ие попалн в руки отряда английскнх войск, сражавшнхся во Фландрнн. В этом случае нх участь была бы быстро решена — выдачн Оуэна правнтельство Елнзаветы требовало еще со времеин «заговора Рндольфн». В другой раз Оуэну н его агентам удалось побуднть к дезертнрству отряд, состоявшнй из солдат-уэллсцев, который вдобавок без боя сдал нспанцам крепость Девентер. Командир отряда Уильям Стенли стал полковннком нспаиской службы. Его полк, действовавшнй во Фландрнн, пополнялся за счет эмигрантов-католиков, н заговорщнкн в течение многнх лет рассчнтывалн опереться на него в случае государственного переворота н свержения Елизаветы.

В начале 80-х годов иезуиты подготовнлн очередной заговор (названный имн «английское дело») с целью убийства Елнзаветы н возведения на престол Марнн Стюарт. А узнал об этом заговоре Уолсннгем на этот раз скорее благодаря счастлнвой случайностн: находке небольшого зеркальца Его владелец — лазутчнк нового нспанского посла дона Мендоса — был в 1582 г. задержан английскимн властями. Прн обыске у него н обнаружнлн зеркальце, за задней крышкой которого былн спрятаны важные бумаги

Вскоре былн получены дополнительные сведения нз Шотланднн. Там был арестован Джордж Дуглас — романтнческий поклоннпк Марни Стюарт, на которого она возложнла выполнение различных поручений. Под пыткой в Эдннбургском замке он прнзнался в том, что шотландская королева ведет перепнску с католическнми державами с помощью французского посла Кастельно де Мовнссьера нли людей из его свиты. После этого разведчнк Уолсннгема Генрн Фагот сумел поступнть на службу в штат французского посольства н, кроме того, подкупнть Шереля — доверенного секретаря посла.

Через Фагота Уолснигем узнал, что главным органнзатором нового заговора стал Френснс Трогмортон. Прн его аресте былн обнаружены спнскн участников заговора, планы вторжения.

Это был человек крепкой закалкн. Из окна своей камеры в Тауэре Трогмортону удалось выброснть игральную карту с наспех напнсанными несколькнмн фразамн. Он извещал своих сообщников, что будет все отрнцать, иесмотря нн на какне пыткн. Однако Трогмортон переоценил свои снлы н мужество. Он с негодованием отверг предложение о помилованнн, еслн он добровольно сообщнт все подробности заговора. Уолсннгем прнказал подвергнуть его самым жестокнм пыткам, мрачно заметив в одиом нз своих пнсем: «Я видел, как удавалось сломнть людей, не менее решительных, чем Трогмортон».

Пытка и обман (узнику обещали помилование взамен письменного признания) сделали свое дело: в руках правительства оказались все нужные данные. В частности, выяснилось активное содействие заговору со стороны Гизов — родственников шотландской королевы.

А за спиной заговорщиков снова виднелась тень испанского посла дона Бернардино де Мендоса. Уолсингем попытался окружить его сетью своих людей. Среди них был и секретарь посла Боргезе. Даже агенты самого Мендоса, вроде врача Родриго Лопеса, приставленного подсматривать за фаворитом Елизаветы графом Лейстером, были не очень надежны. Родриго Лопес — опытный интриган, знаток ядов (полезные знания для придворного) был явно шпионом-двойником.

Дона Мендоса попросили встретиться с членами Тайного совета. В их присутствии Уолсингем подробно рассказал пораженному и разъяренному испанцу об его участии в заговоре Трогмортона. Послу Филиппа II было предложено в 15 дней покинуть Англию. В очередной схватке непрекращавшейся тайной войны Елизавета снова одержала победу.

Но и после раскрытия заговора секретарь французского посла Шерель с хорошо оплачивавшимся усердием продолжал снимать копии с переписки, которую все еще вела через французское посольство Мария Стюарт со своим главным агентом в Париже Томасом Морганом.

ПОХОЖДЕНИЯ ХАМЕЛЕОНА

В заговоре Трогмортона, несмотря на таинственность, которой он был первоначально окутан, все более или менее ясно. Цели участников заговора и следивших за заговорщиками людей Уолсингема ясно очерчены. Виселица, на которую был отправлен Френсис Трогмортон, и двери посольства, захлопнутые за отъезжающим доном Мендосом, были последней чертой под этим заговором, и еще не последним заговором в пользу Марии Стюарт (или «гадюки», как стал ее впредь именовать в своей частной переписке Уолсингем, вовсе не склонный разделить восхищение поэтов шотландской королевой).

Совсем в иную атмосферу попадаем мы, обращаясь к следующему заговору против Елизаветы, отделенному лишь двумя-тремя годами от заговора Трогмортона. Здесь все зыбко: неясны ни подлинная роль, ни мотивы, которыми руководствовались главные действующие лица. Факты допускают различные, прямо противоположные тол-

кования. Трудно установить, кто являлся подлинным организатором, а кто намечался жертвой этого нового заговора...

Обстановка в Англии оставалась тревожной. Ползли слухи о медленно, но верно подготовлявшемся вторжении в страну огромной испанской армии, о новых иезуитских кознях.

Но прежде всего нам нужно познакомиться с одним из главных действующих лиц — доктором Уильямом Парри. О его прошлом известно мало достоверного. Сам он изображал себя потомком небогатого, но старинного дворянского рода. Правительство утверждало, что Парри — сын трактирщика и дочери сельского священника. Обе стороны, однако, в своих показаниях лгали столь много и столь часто, что трудно отдать предпочтение какой-либо из этих двух версий. Более важно, что Парри получил хорошее по тем временам образование. Приехав искать счастье в Лондон, он сначала поступил на службу к одному небогатому аристократу, потом в 1570 г. был даже принят в штат королевы, очевидно, на какую-то мелкую должность при дворе. Документы рисуют облик будущего заговорщика отнюдь не с лучшей стороны. Он был дважды женат на богатых вдовах и оба раза явно женился на деньгах. Парри не погнушался начать судебный процесс против сына второй жены, чтобы оттягать побольше кусок от какого-то наследства. Доктор быстро растранжирил состояние и первой, и второй жены. Сам он объяснял свое разорение неудачным управлением своими землями, а также чрезмерной щедростью к родственникам и друзьям. Однако завсегдатаи лондонских трактиров были на этот счет другого мнения.

Вскоре, после того как иссякли деньги, Парри уехал на континент, явно спасаясь от кредиторов. Он посетил Италию, Рим, несомненно, в качестве тайного агента Берли. В 1577 г. он возвратился в Англию, а года через два вновь сбежал от кредиторов за границу. На этот раз Парри надолго осел в Париже. В архивах сохранились письма, которые он оттуда писал Берли. Тот настолько доверял своему агенту, что даже посоветовал своему племяннику Энтони Бекону, отправившемуся во французскую столицу, завязать дружеские связи и пользоваться советами Парри. За эти добрые советы Парри ухитрился сразу же занять у племянника министра изрядную сумму денег, разумеется, без отдачи.

Поручения, выполнявшиеся Парри, были, очевидно, весьма деликатного свойства. Он очень просил в своих донесениях Берли тщательно соблюдать тайну их переписки. Парри следил за католиками-эмигрантами, значительная часть которых проживала тогда в Париже.

Осенью 1580 г. Парри вернулся в Англию, где его, однако, снова стеной обступили заждавшиеся кредиторы. Особенное рвение проявлял один из них, некто Хью Гейр. В ярости Парри ворвался к нему домой с явным намерением покончить и с кредитором, и с надоев-

шим ему долгом, а может, и прихватить что плохо лежало. План не удался, и доктор предстал перед судом, приговорившим его к смерти. Королева помиловала Парри, но, кажется, он еще примерно год оставался в тюрьме. В начале 1581 г. Тайный совет предписал ему найти за себя ряд поручителей и дать обязательство выплатить долги Гейру. Однако Парри не был и после этого освобожден, и в одном из своих прошений умолял лордов Совета выступить «против хитрого и бессовестного ростовщика в пользу того, кто заслужил лучшего обращения от своего монарха и страны». В конце концов в 1582 г. Парри освободился после того, как дал залог и обязательство не причинять телесного повреждения Хью Гейру.

Благосклонность к помилованному преступнику была явно продиктована надеждой снова использовать его на секретной службе. Вскоре после освобождения Парри получил разрешение на три года уехать за границу. Уолсингем даже снабдил его рекомендательным письмом к английскому послу в Париже. Сохранились письма, которые Парри писал из этой новой «командировки» лорду Берли и Уолсингему.

В Париже Парри вернулся в лоно католической церкви. Это был прием, которым часто пользовались люди Уолсингема, и Парри не удалось рассеять подозрения, имевшиеся против него у английских эмигрантов. Из Парижа он поспешил в Милан, где дела пошли лучше. Парри был принят там с почетом, и ему удалось получить от инквизиции своего рода свидетельство о благонадежности. Из Милана доктор перебрался в Венецию, и здесь его действия стали приобретать двусмысленный характер: агент Уолсингема, очевидно, начал играть собственную игру, тщательно скрывая это от своих нанимателей.

Заручившись поддержкой иезуитов, ловкий пройдоха был представлен нунцию (послу римского папы) в Венеции. С его помощью Парри отправил письмо главному министру папы, кардиналу Комо, в котором разъяснял, что он — английский дворянин — прибыл на континент с тайными поручениями от Елизаветы, однако пришел к выводу, что исполнение этих поручений не послужит его чести, и хочет отдать все свои силы служению католической церкви. Далее Парри добавлял, что собирается сообщить папе чрезвычайно важные сведения.

В Риме явно заколебались, не зная, кто перед ними — вражеский лазутчик или действительно неожиданно появившийся, удобный агент в тайной войне против английской королевы. Прямого ответа на письмо Парри не последовало, но ему сообщили, что он может, если хочет, приехать в Рим. Парри, однако, еще менее доверял святым отцам, чем они ему. Он уведомил Комо, что боится, как бы его, Парри, не задержали в Риме. Такая задержка выдаст его действия английскому правительству и — добавлял для важности доктор — может

привести к гибели связанных с ним людей. В ответ Комо сообщил нунцию: устно можно дать честное слово Парри, что его не арестуют в Риме, но письменных разрешений выдавать явно нецелесообразно; по всей вероятности, это все же соглядатай английского правительства, и от него не узнаешь ничего ценного.

Парри не воспользовался устным разрешением и вместо Рима уехал в Лион. Перед отъездом он сообщил нунцию, что должен уехать, так как не чувствует себя в безопасности. Кроме того, разжигая любопытство римского престола, Парри поведал своему новому другу иезуиту Палмио, что собирается раскрыть план, который известен только Елизавете, ее главному фавориту (очевидно, лорду Берли) и ему, Парри, служившему королеве 14 лет (в эту цифру явно были включены и годы, проведенные в уголовной тюрьме!). План настолько важный, что ознакомление с ним позволит папе нанести сильный удар королеве. После сообщения плана папе он, Парри, хотел бы уехать во Францию, но, если этого потребовали бы интересы дела, он готов был остаться в Риме, изолированным от всех людей. Не поехал же он в Рим, опасаясь дурного обхождения, которому подвергаются там англичане. Если папа все же перешлет ему паспорт для поездки, пусть отец Палмио не откажется, в свою очередь, направить этот паспорт в Лион...

Нанимаясь на новую службу, Парри не забывал и о старой. Из Лиона он отправил подробное донесение лорду Берли, где хвастливо сообщал, что дискредитировал перед Римом несколько особенно опасных английских эмигрантов и вообще клянется не жалеть жизни ради интересов всемилостивейшей королевы Елизаветы и посрамления католической интриги. В этом послании лорду Берли Парри счел излишним, однако, упоминать о своей переписке с кардиналом Комо.

А между тем в Риме стали раскаиваться, что отпугнули ценного человека. Кардинал Комо сообщил нунцию в Венецию, чтобы тот написал письмо Парри, которое являлось бы официальным разрешением на поездку. Нунций переслал инструкцию кардинала Комо к шотландскому иезуиту Уильяму Криотчону, находившемуся в Лионе. Тот уведомил Парри, что ему дозволен проезд по всем папским владениям. Иезуит хвалил Парри за ум, добавляя, однако: вот только неясно, что у него на уме. Получив разрешение, которого он так добивался, Парри, тем не менее, вместо Рима снова поехал на север — сначала в Орлеан (якобы для продолжения учебы), а потом, в конце 1583 г., — в Париж. Впоследствии в письме к Комо доктор уверял, что разрешение якобы пришло слишком поздно. Это явная ложь, так как Парри оставался некоторое время в Лионе и после получения письма от нунция — об этом, в частности, свидетельствуют даты его очередных донесений лорду Берли.

В Париже Парри продолжал свою работу агента английского правительства: наблюдал за эмигрантами, рекомендовал подходящих людей для тайной службы, в частности шпиона, который мог бы точно информировать о положении дел в Венеции, чтобы повысить себе цену в глазах начальства, неоднократно сообщал о подготовлявшемся на севере новом католическом восстании. Одновременно Парри завязал тесные связи с главными представителями Марии Стюарт в Париже — Томасом Морганом и Чарлзом Пейджетом. Оба эти лица были в весьма натянутых отношениях с отцом Парсонсом и кардиналом Алленом. Это особенно устраивало Парри, поскольку и Аллен, и Парсонс считали доктора шпионом и не давали себе труда скрывать свое мнение. В разговорах с Морганом Парри обсуждал вопрос об убийстве Елизаветы, причем уже невозможно установить, кому принадлежала инициатива в возбуждении этого вопроса.

Ночью 10 декабря 1583 г. две закутанные в плащи фигуры постучали в дом папского нунция в Париже. Это были Морган и переодетый католическим священником Парри. Через нунция Парри переслал новое письмо к кардиналу Комо, в котором извинялся, что не смог приехать в Рим, сообщал, что по просьбе друзей перебрался в Париж, поближе к Англии. В этом же письме подтверждалось живейшее желание доктора достойно послужить делу святой католической веры, а также испрашивалось отпущение грехов. В подтверждедение своих слов Парри ссылался на мнение таких почтенных католических джентльменов, как Морган, Пейджет, иезуит Крichтон и наш давний знакомец — епископ Росский, проживавший в это время в Париже. Нунцию Парри показался весьма подозрительным, поэтому доктор так и не дождался ответа на свое письмо. Но это не смутило прожженного авантюриста. Через несколько дней он уже настрочил послание самому папе, сообщая, что собирается предпринять действия, которые принесут великую пользу всему христианству, и особенно интересам королевы шотландской, и просил отпущения папой всех грехов.

А пока это письмо двигалось в Рим, английский посол сэр Эдвард Стаффорд дважды писал Уолсингему и самой королеве о заслугах Парри. В письмах, помимо всего прочего, говорилось, что доктор собирается вскоре вернуться в Англию, где сообщит ее величеству чрезвычайно важные сведения. Заручившись такими основательными рекомендациями, Парри отправился в Лондон.

В январе 1584 г. Парри был принят Елизаветой во дворце Уайтхолл. Ловкий доктор сообщил ей, что он послан из Франции Томасом Морганом и иезуитами с одобрения папы, чтобы убить королеву. Он, Парри, скоро получит письмо из Рима, одобряющее этот проект. Само собой разумеется, что он — верноподданный королевы — вошел в заговор исключительно с целью разоблачить его перед Елизаветой.

А тем временем из Рима пришел в Париж ответ на письмо Парри. Несмотря на уведомление нунция о дурной репутации Парри, Комо направил ему письма папы и свое собственное, которые были пересланы авантюристу в Лондон. В этих письмах, составленных в очень любезном тоне, сообщалось об отпущении всех грехов и содержалось обещание щедрого воздаяния на небесах — тем более, что ведь и сам Парри не претендует по скромности на какие-либо земные выгоды.

Письма, как и вся переписка Парри с Римом, были написаны в достаточно осторожных выражениях, которые был понятны при очень малом доверии сторон друг другу и из-за опасения фиксировать на бумаге какие-либо компрометирующие факты. План убийства королевы с Парри обсуждали только устно, да и то доктор так и не добился прямого, вразумительного ответа. Однако трудно сомневаться, что именно этот план имели в виду в Риме, когда папа и кардинал Комо рекомендовали в письме к Парри: «Осуществляйте же свои святые и благородные намерения и позаботьтесь о своем здравии». Поэтому попытки много позднее очистить папу от подозрения в соучастии в заговоре против Елизаветы (а они не прекращаются вплоть до наших дней) — явно попытки с негодными средствами.

Парри немедленно показал королеве письма, полученные из Рима. Несколько раз Елизавета удостаивала отличившегося разведчика личной аудиенции и, что более важно, пожаловала ему солидную пенсию. А в ноябре 1584 г. Уильям Парри был избран благодаря влиянию двора, членом парламента от Квинсборо в графстве Кент.

Но благополучие длилось недолго. Даже королевская пенсия не спасла Парри от неизменно преследовавших его финансовых затруднений. Он также не получил выгодной государственной должности, на которую явно рассчитывал. И достопочтенный член парламента от Квинсборо снова принялся за работу...

Как раз в это время в Лондон вернулся некто Эдвард Невилл, который был, подобно Парри, английским шпионом во Франции, в городе Руане. Он, так же как Парри, испытывал острую нужду в деньгах и вдобавок имел зуб на лорда Берли. Невилл считал себя наследником лорда Латимера, который был братом его деда. Однако все состояние старого лорда досталось его дочери Доротти, бывшей замужем за сыном Берли. И вот Парри разъяснил этому Невиллю, с которым он находился в дальнем родстве, что единственный способ повернуть фортуну в свою сторону — убить Елизавету. Доктор не раз возвращался к разговору, но Невилл отказался обсуждать это предложение и довольно фантастические средства, с помощью которых Парри предлагал осуществить свой план покушения.

В декабре 1584 г. произошел один малопонятный эпизод. Член палаты общин от Квинсборо Парри раскритиковал обсуждавшийся

новый закон против католиков. При существовавшей тогда «свободе слова» сама палата постановила арестовать непокорного депутата. Только после вмешательства королевы и долгих униженных извинений Парри был прощен, и ему разрешили снова занять свое место в парламенте. Остается неясным, в чем был смысл этого выступления Парри. Быть может, он стремился таким путем повысить свои акции в католических кругах. Во всяком случае, это выступление трудиообъяснимо: считать ли Парри по-прежнему агентом Елизаветы, одурачившим папу, или, напротив, — агентом папы, действительно подготовлявшим убийство королевы? Через несколько недель после инцидента в палате Парри снова предложил Невиллю план убийства Елизаветы. На этот раз тот не выдержал и... поспешил донести на своего родственника Уолсингему.

Получив донос Невилля, и Уолсингем, и сама Елизавета находились как будто в затруднении, не зная еще окончательно, на что решиться. Уолсингем вызвал Парри для дружеской беседы и спросил, заводил ли тот с кем-либо разговор о покушении на королеву, конечно, с целью разоблачить подобные планы. Сначала Парри полностью отрицал, что велись разговоры такого рода, но потом неожиданно вспомнил, что действительно беседовал об этом со своим родственником Невиллем. Вопрос обсуждался, разумеется, исключительно в теоретическом плане: речь, мол, шла об оценке доктрины, которая излагалась в новой книге кардинала Аллена, утверждавшего, что позволительно убить монарха, если это в интересах укрепления католической веры. Парри добавлял, что он не вел никаких бесед о покушении на королеву Елизавету. При очной ставке с Невиллем Парри объявил, что против него имеется свидетельство лишь одного лица (по закону, принятому в 1552 г. в царствование Эдуарда VI, для обвинения в государственной измене требовались показания не менее двух свидетелей, и Парри, возможно, рассчитывал на это, начиная свою опасную игру с Невиллем).

Арестованный после разговора с Уолсингемом Парри через несколько дней составил письменное «покаяние» — в нем было много ложных утверждений, в том числе явных наговоров на самого себя. Неизвестно, как лорду Хадсону, по поручению Уолсингема, удалось вырвать у бывшего шпиона этот документ. Парри, кажется, не пытали, хотя на него было оказано давление угрозой применить пытку.

Было ли все же достаточно такой угрозы, чтобы заставить столь опытного человека, каким был этот шпион-двойник, сделать признание, которое обрекало его на смерть? Тщетно Парри кричал лорду Хадсону: «Я никогда не собирался убивать ее. Пусть моя кровь падет на королеву Елизавету и на Вас перед богом и всем светом!». Тщетно доказывал он, что его вынудили написать признание. Ведь формально Парри все же вступил в изменнический заговор с целью

убнйства королевы! Суд исходил из того, что существовал католический заговор, что Паррн по поручению римского папы прннял на себя исполиение плана убнйства Елнзаветы. Для этой цели якобы Парри и приехал в Лоидои, сделав внд, что выдает королеве заговор папнстов.

Однако если считать, что Парри действнтельио собирался совершить покушенне, то почему ои ие использовал для этого такой случай, как несколько частных аудиеиций у Елнзаветы? Документы о «заговоре Парри», по указаиию Берли, были созиательио сфальсифицированы, чтобы доказать удобный для правительства тезис, и в таком виде опубликоваиы. Было, в частности, скрыто попавшее в руки правительства пнсьмо от Парри к одурачеиииому им Моргану, где доктор прямо объявлял, что отказывается от плаиа убийства, не счнтая его богоугодным делом.

2 марта 1585 г. Паррн публнчио казнили; был торжествеиио отпраздиоваи провал очередного папнстского заговора. В действительиости, как мы убедилнсь, истиия была миого сложией. Это был далеко ие едниствеииый случай, когда секретиая служба Елизаветы отделывалась таким образом от собственного агеита. Через несколько лет был арестоваи упоминавшийся выше Лопес, который служнл тайиым агентом Уолсингема у дона Меидоса. Молодой фаворнт Елизаветы Эссекс получил отрывочиые сведеиня о шпиоиской деятельиости Лопеса в пользу Испаиии, которая служила прикрытием для его ролн английского агента. Эссекс, запутавшнйся в этом сложном переплетении «двойиого» шпиоиажа, узиал о мнимом иамереиии Лопеса, бывшего тогда медиком королевы, отравнть Елизавету. Осторожиый Берлн счел более удобиым ие вмешиваться в дело: Лопес, как н Парри, был подвергиут мучнтельной казни, которая полагалась для государствеииых измеиинков... Но вериемся иазад, к времеии, иепосредствеиио следовавшему за казиью Парри.

ЗАГОВОР БАБИНГТОНА

Заговоры Рндольфи и Трогмортоиа были католнческнмн заговорами против Елизаветы. Заговор Паррн был имнтацией заговора со стороиы шпиоиа-двойиика, использоваиной правительством. Заговор Бабиигтоиа был правительствениой провокацией, виешие иоснвшей форму католнческого заговора. В этой «эволюции» сказывалось укрепление позиций елизаветииской Аиглни в борьбе против Испаиии и ее союзииков.

Может возникнуть законный вопрос: зачем при избытке действительных заговоров английскому правительству надо было фабриковать еще и мнимые? Ведь нет никакого сомнения, что в Европе была создана целая организация с центром в Мадриде, пусть неслаженная, нечетко работавшая, как и все начинания Филиппа II, но, тем не менее, постоянно возобновлявшая попытку избавиться от Елизаветы путем убийства, дворцового переворота или нового католического восстания.

Чего же больше даже для Берли и Уолсингема, которым было выгодно, чтобы народ считал Елизавету подвергающейся смертельной угрозе со стороны испанского короля и его союзников и соглашался бы поэтому ради обеспечения безопасности страны безропотно нести бремя налогов? Кроме всего прочего, Берли и Уолсингему нужно было запугивать Елизавету постоянными заговорами — это был единственный способ заставить раскошеливаться скаредную королеву, не раз урезывавшую ассигнования на секретную службу. К тому же действительные заговоры разыгрывались не так, как этого хотелось бы режиссерам из Уайтхолла. В них непосредственно могли не участвовать как раз те лица, от которых английское правительство считало особенно необходимым избавиться под предлогом их содействия испанским интригам. Участники реальных заговоров далеко не всегда попадались в сети Уолсингема. Вдобавок это были, как правило, мелкие сошки. Их примерной казнью трудно было поразить воображение народа, привыкшего к постоянным кровавым зрелищам на лондонских площадях и к выставке отрубленных голов, отрезанных ушей и языков на эшафотах и на стенах Тауэра. В этом отношении «свой», продуманный и осуществленный в соответствии со сценарием, составленным в Уайтхолле, заговор имел большие преимущества перед реальными заговорами.

Берли и Уолсингем считали совершенно необходимым разделаться, наконец, с «гадюкой» — Марией Стюарт. Ведь случись что-либо с Елизаветой, шотландская королева заняла бы английский престол (недаром многие проницательные придворные, в том числе любимцы Елизаветы граф Лейстер и Хэттон, пытались сохранять втайне и какие-то связи с опасной узницей). Со смертью Марии Стюарт исчез бы источник постоянных католических интриг. Но подвести под топор палача пленницу, которая как-никак формально оставалась королевой Шотландии и добровольно отдалась в руки своей родственницы Елизаветы, можно было не иначе, как добыв безусловные, неопровержимые доказательства ее участия в заговоре, и притом непременно в заговоре, ставящем целью убийство приютившей Марию Стюарт Елизаветы. А как получишь такие доказательства, если пустить этот заговор на волю волн? Завлечь Марию Стюарт в заговор собственного производства — решили Берли и Уолсингем — значительно вер-

ией и надежией. Оставалась техника, и за иее взялся Уолсингем с присущим ему знанием дела. Конечно, только замысел должен был принадлежать шефу английской секретной службы, исполнителями могли стать лишь доверенные лица Марии Стюарт. Многих из них нельзя подкупить, ну что же, тем лучше! Не ведая то, что творят, они с тем большей естественностью будут играть порученные им роли и потом будут лишены возможности делать какие-либо неудобные признания на суде.

Очень вероятно, что главная роль средн агентов Уолсингема была отведена молодому католическому джентльмену Джилберту Джифорду. Уж к кому-кому, а к нему сторонники Марии Стюарт могли питать полное доверие. Джифорд был выходцем из католической дворянской семьи, проживавшей в графстве Стаффорд. Его отец даже попал в тюрьму за исповедование католицизма. Юный Джилберт был послан учиться во Францию и образование получил не где-нибудь, а в иезуитской семинарии в Реймсе, готовившей проповедников и разведчиков для осуществления планов контрреформации в Англии. Трудно было разглядеть в нем одного из наиболее ловких агентов Уолсингема. В 1585 г. Джифорд провел несколько месяцев в Париже, совещаясь с главными руководителями партии Марии Стюарт — архиепископом Чарлзом Пейджетом и Томасом Морганом; он убедил их в возможности предпринять новую попытку освобождения королевы. Пейджет и Морган направили Джифорда в Лондон, горячо рекомендуя его французскому послу де Шатнефу. Может быть, Джифорд слегка переиграл, предлагая наладить связь посольства с Марией Стюарт, прерванную после неудачи предшествовавших заговоров. Француз заподозрил что-то неладное и временно отклонил заманчивые предложения слишком уж бойкого молодого человека. Тот, впрочем, нисколько не был обескуражен холодным приемом и часто посещал посольство, куда для него прибывали письма на имя «Николаса Корнелиуса». Одновременно в январе 1586 г. он завязал знакомство со многими католическими домами в английской столице.

Подозрения Шатнефа в отношении Джифорда, постоянно выказывавшего глубокую преданность шотландской королеве, если не рассеялись, то понемногу ослабли. По крайней мере, француз решил проверить, на что способен этот столь энергичный воспитанник иезуитов. Посол передал Джифорду письмо к Марии Стюарт, не содержавшее, впрочем, никаких важных сведений. Начало делу было положено.

Получив письмо, Джифорд отправился на родину в Стаффордшир и поселился у дяди. Его дом находился всего в нескольких милях от замка Чартли, в который перевезли Марию Стюарт из прежнего места заключения Татбери. Чартли был расположен неподалеку от поместий дворян-католиков, и у узницы снова возникли надежды

связаться со своими сторонннкамн, возобновнть столько раз кончавшуюся неудачей смертельно опасную полнтнческую нгру. Могла лн Марня Стюарт предполагать, что Чартли окажется той ловко подстроенной западней, в которую ее стремилнсь поймать, чтобы отправнть на эшафот?

...Джифорд решнл действовать, учнтывая местные условия. Расположенный поблнзостн городок Бартон славился качеством нзготовлявшегося там пнва. Однн нз местных пнвоваров раз в иеделю доставлял бочонок зтого прнятного напнтка в Чартлн. Джифорд н сэр Эмнас Паулет, которому было поручеио содержать в заточеннн шотландскую королеву, быстро нашлн общнй язык с пивоваром — его нмя осталось неизвестным, так как в перепнске между Уолсннгемом н его агеитамн он именовался просто «честный человек». В бочонок, снабженный двойным дном, вкладывалн флягу с пнсьмом. Дворецкнй получал бочоиок, вылнвал нз него пнво н передавал казавшуюся пустой тару одному из секретарей Марин Стюарт, который нзвлекал оттуда бумаги и относил нх королеве. Такнм же путем, в бочоике, на следующнй деиь доставлялнсь ответные пнсьма Марин Стюарт ее сторонннкам. Все этн послання без промедлення попадалн к Джифорду н спешно переправлялнсь им в Лоидон. Пнсьма былн шнфрованные, но у Уолснигема былн на такой случай проверенные эксперты н средн них мастер своего дела — Томас Фелиппес.

«Честный человек» мог, казалось бы, насторожнть Марню Стюарт, хорошо знавшую прнемы своих врагов, однако заверення Джнфорда, которого, в свою очередь, столь горячо рекомендовалн Пейджет н Морган, усыпнлн первоначальное недоверне. Между тем Шатиеф окоичательно убеднлся в верности Джифорда н начал передавать через него всю секретиую корреспонденцию, поступавшую на имя Марии Стюарт нз-за граннцы. Теперь вся переписка шотландской королевы проходнла через рукн Уолсннгема, а еслн в ией чего-лнбо н недоставало для доказательства преступных планов узннцы, то дело легко можно было поправнть благодаря нспытанному искусству Фелнппеса.

Джифорд так иаладнл дело, чтобы оно функцнонировало даже в его отсутствне. Для зтого он договорнлся со своим другом, католиком Томасом Бернсом, не раскрывая, понятно, смысла своей нгры, что тот будет получать пакеты от «честного человека» и спешно передавать нх еще одному лицу, жнвшему в Уорнкшнре около дорогн в столнцу. Этот последннй разными способамн доставлял пнсьма во францусское посольство (коиечио, после того, как бумаги побывалн в ведомстве Уолсннгема). Не столь уж важно, был лн этот человек в Уорнкшире посвящеи в секреты предприятня нлн он, так же как н Бернс, был ннчего не подозревавшнм орудием Джнфорда. Связь работала безупречно в оба конца, и Джнфорд мог позволить себе вер-

нуться в Париж. Важно ведь было не только наладить связь, но и обеспечить, чтобы из Парижа к Марии поступали советы, вполне отвечавшие планам Уолсингема. К этому времени о заговоре был подробно информирован Филипп II, рекомендовавший убить Уолсингема и главных советников Елизаветы.

Приехав в Париж, Джифорд до конца использовал те возможности, которые ему создавал приобретенный авторитет ловкого человека, сумевшего наладить бесперебойно действовавшую связь с пленной королевой. Джифорд разъяснил, что было бы чрезвычайно опасным повторять попытки похищения Марии Стюарт: Эмиас Паулет получил строгую инструкцию при малейшей угрозе такого рода предать смерти свою пленницу. Единственный выход — убийство Елизаветы, после чего Мария без особой оппозиции в стране будет возведена на трон. Джифорд ухитрился использовать даже смертельную ненависть, которую питал к Елизавете влиятельный испанский посол в Париже, уже знакомый нам дон Бернардино де Мендоса. Он горячо поддержал план убийства нечестивой королевы, открывавший путь к подчинению Англии власти Филиппа II.

Теперь Джифорду оставалось возвратиться в Лондон и найти подходящих людей, к чьим услугам могла бы обратиться Мария Стюарт для исполнения замысла, который ей подскажут из Парижа. Для этой цели Джифорд присмотрел одного подходящего человека — совсем молодого и богатого католика из Дербишира Энтони Бабингтона, который высказывал пылкую преданность царственной узнице.

Дело, правда, не сразу пошло так гладко, как хотелось бы. Бабингтон с готовностью согласился участвовать в заговоре, чтобы освободить Марию Стюарт, но вначале с ужасом отверг мысль об убийстве Елизаветы, так как сомневался, соответствовало бы оно учению католической церкви.

Волей-неволей Джифорду пришлось съездить еще раз во Францию и привезти с собой католического священника Балларда, который должен был рассеять сомнения Бабингтона. Вскоре появился и еще один волонтер — авантюрист Джон Севедж, вызвавшийся убить Елизавету. Бабингтон, теперь уже активно включившийся в заговор, разъяснил своим новым друзьям, что для верности нужно, чтобы покушение совершили сразу несколько человек. Остановились на шестерых — втянуть в конспирацию еще несколько горячих голов оказалось не столь уж трудным делом. Одновременно нашлись люди, готовые участвовать в похищении Марии Стюарт. Итак, силки были расставлены.

Конечно, и в этих условиях не обошлось без шероховатостей. Так, Томас Морган, опытный конспиратор, сообразил, насколько опасно для Марии Стюарт быть осведомленной о планах заговорщиков и в случае неудачи подставить себя как соучастницу под топор палача.

Морган послал ей два письма, в которых излагались эти весьма разумные соображения. Тем удивительнее, что почти в то же время от Моргана пришло послание с советом прямо противоположного характера — установить связь с заговорщиками. Итак, соблазн оказался слишком велик, и Морган пошел на компромисс — он сам составил, выбирая наиболее осторожные выражения, письмо, которое Мария Стюарт должна послать Бабингтону.

Впрочем, историки давно уже поставили вопрос, было ли оно написано действительно Морганом или же к его сочинению приложил руку Фелиппес. От кого бы ни исходило письмо, содержавшее опасный совет, Мария Стюарт ему последовала. Она, вернее, переписала рекомендованный ей Морганом (если не Уолсингемом) текст, который состоял из нескольких чрезвычайно осмотрительно сформулированных фраз, датированных 27 июня 1586 г. Впрочем, и здесь нет уверенности, действительно ли они написаны ею или тем же неизменным Фелиппесом. Корреспонденция между Уолсингемом и Фелиппесом, с одной стороны, и Эмиасом Паулетом наводит на такие мысли. По крайней мере, она свидетельствует об опасениях Паулета, как бы все более наглые подлоги Фелиппеса не вызвали подозрения у заговорщиков и не испортили игру. Еще более сомнительно выглядит ответное письмо Бабингтона, в котором он прямо сообщает Марии Стюарт о намерении убить Елизавету, причем оно позволяет предполагать, что шотландская королева и ранее была в курсе этих планов. Подобной нелепой и ненужной откровенности нет ни в одном из многочисленных заговоров того времени. Таким образом, перед нами — в который уже раз — все тот же вопрос. Чье же это письмо: того, чья подпись стоит в конце, — Энтони Бабингтона, или Томаса Фелиппеса, командированного 7 июля 1586 г. в Стаффордшир, поближе к замку Чартли, или еще какого-нибудь сотрудника Уолсингема, тем более что сохранился не оригинал, а лишь копия этого рокового документа? Можно, наконец, предположить, что письмо было действительно написано Бабингтоном, только без вкрапленных в него нескольких фраз о замысле убить английскую королеву, тем более что эти строки выглядят слабо связанными со всем остальным текстом. К последнему предположению подводит и внутренняя противоречивость письма. В нем Бабингтон указывает, что шесть дворян, включая его, убьют Елизавету, в то же время он пишет, что он в это время будет далеко от Лондона, около Чартли. Впрочем, в письме излагалось и много других планов, подходивших под понятие государственной измены, — иностранная интервенция, восстание английских католиков.

12 июля «честный человек» доставил письмо Бабингтона Марии Стюарт. Ее секретарь сообщил, что письмо получено и ответ будет послан через три дня. Во время одной из своих верховых прогулок,

которые ей специально разрешили, шотландская королева встретила рыжего малого с потупленным взором, внешность которого привлекла ее внимание, о чем она и сообщила в письме Моргану. Это был Фелиппес. 17 июля Мария Стюарт ответила Бабингтону. Если верить тексту письма, представленному на процессе, она одобряла все планы заговорщиков — и способствование иностранной интервенции, и католическое восстание, и убийство Елизаветы. Последнее вызывает сомнение. По крайней мере в письмах, направленных Марией в тот же день Пейджету, Моргану и дону Мендоса, говорилось об интервенции и восстании, но совершенно умалчивалось о предстоящем покушении на английскую королеву. На другой день Фелиппес отослал Уолсингему дешифрованную копию. Мышеловка захлопнулась...

Правда, временами заговорщиков как будто осеняло смутное предчувствие беды, неясное сознание того, что какая-то невидимая рука все больше запутывает незримую сеть, которая должна погубить их. Бабингтон решил съездить в Париж для переговоров с доном Мендоса. Роберт Пули, секретарь Уолсингема, представил заговорщика министру. Бабингтон обещал шпионить за эмигрантами, Уолсингем, выразив свое удовольствие по поводу такого предложения услуг, несколько раз принимал Бабингтона, все оттягивая выдачу паспорта. А Бабингтон имел неосторожность вдобавок показать Пули письмо Марии Стюарт и сообщить, что скоро последует вторжение, убийство Елизаветы и воцарение пленной шотландской королевы.

В августе заговорщики получили известие, что слуга Балларда, знавший все их секреты, был правительственным шпионом...

Бабингтон, пытаясь спастись, отправляет письмо Пули с просьбой известить от его имени Уолсингема, что существует заговор и он готов сообщить все подробности. Проходят часы — письмо остается без ответа. А на другой день утром арестовывают Балларда и еще несколько заговорщиков. Бабингтон пишет еще одно письмо Уолсингему. Ему сообщают, что ответ последует через день-другой. Вечером, ужиная с одним из сотрудников Уолсингема, Бабингтон заметил, что тому передали записку. Заглянув краем глаза в бумагу, глава заговора увидел, что в ней содержался приказ не выпускать его из поля зрения. Медлить более было нельзя. Он незаметно вышел из комнаты, оставив свой плащ и меч, и помчался к друзьям; переодевшись в платье работников, они попытались скрыться. За ними последовала погоня. Через несколько дней их арестовали. Одновременно был произведен обыск у Марии Стюарт, захвачены секретные бумаги, взяты под стражу ее секретари. Мария была переведена в другую тюрьму, где находилась в строжайшем заключении.

Разумеется, показания заговорщиков, что их подтолкнул к государственной измене Джилберт Джифорд, были тщательно скрыты английской полицией. Между прочим, он, находясь во Франции, полу-

чал он Фелиппеса полудружеское, полуиздевательское предупреждение, что его, Джифорда, самого подозревают в участии в заговоре. Джифорда охватила паника — люди Уолсингема могли донести на него французским властям, после чего ему было бы не сдобровать. При возвращении в Англию Джифорд вполне мог попасть в лапы юстиции, которая, как это случалось порой, возможно, закрыла бы глаза на то, чье поручение он выполнял, провоцируя покушение на Елизавету. Опасения разведчика оказались, впрочем, необоснованными...

13 сентября Бабингтон и шесть его помощников предстали перед специально назначенной судебной комиссией. Через два дня за ними последовали остальные заговорщики. Все подсудимые признали себя виновными, поэтому не было нужды представлять доказательства относительно организации заговора.

Елизавета не удовлетворилась присуждением заговорщиков к «квалифицированной» казни, уготованной изменникам, и спросила, нет ли чего-нибудь пострашнее. Лорд Берли должен был разъяснить своей любвеобильной повелительнице, что намеченная кара более чем достаточна для любого преступника.

Многочасовая казнь первых шестерых заговорщиков приобрела настолько чудовищный характер, что сдали нервы даже у много повидавшей в те годы лондонской толпы. Поэтому остальных семерых на другой день повесили и лишь потом четвертовали и проделали все остальные процедуры, уготованные государственным изменникам. Настала очередь и Марии Стюарт. 8 февраля 1587 г. ее жизнь оборвалась под топором палача...

«ТАЙНЫ МАДРИДСКОГО ДВОРА»

Решающая схватка быстро приближалась. Испания все еще владела самой сильной армией и флотом, и Филипп II, наконец, решил рискнуть ими обоими. Ведь теперь в случае свержения Елизаветы английский престол достанется не Марии Стюарт, тесно связанной с Францией, а самому Филиппу II, которого шотландская королева объявила своим наследником!

Задача разведывательного обеспечения намеченной высадки в Англии была возложена Филиппом II на уже известного нам дона Бернардино де Мендоса. Оказавшись замешанным в заговор Трогмортона и вынужденный покинуть Англию, надменный испанец заявил Елизавете перед отъездом: «Бернардино де Мендоса рожден не воз-

буждать волнение в странах, а завоевывать их». Переехав в 1584 г. в Париж, Мендоса первоначально с головой окунулся в борьбу между французскими католиками и гугенотами. Однако, укрепив испанскую секретную службу во Франции, Мендоса не терял из виду Англию.

Прежде всего он решил действовать испытанным способом подкупа. Надо сказать, что разница между взяткой и «законным» получением иностранной пенсии в то время была столь неясной и тонкой, что заинтересованные стороны могли с полным основанием не особенно вдаваться в это различие. Словом, нужные люди в Англии стали получать испанские деньги. Мендоса также усердно собирал информацию с помощью английской католической эмиграции. В 1586, 1587 и 1588 гг. Филипп II получил от Мендоса первостепенной важности сведения о силах английского флота и передвижении кораблей, о строительстве новых судов и т. д. Правда, эта информация не всегда была точной, а порой успевала устареть, пока попадала в Мадрид. Мендоса организовал и засылку своих агентов в Лондон, где они всегда находили друзей, облегчавших им добывание сведений. Полученные известия часто пересылались через французского посла в Лондоне и другими путями. Заимел Мендоса и постоянных агентов во многих портовых городах.

Усилия английской секретной службы все более сосредоточивались на сборе известий о подготовке огромной неповоротливой армады (около 800 кораблей, 30 тыс. моряков, 60 тыс. солдат), которая должна была отправиться из испанских гаваней для завоевания Британских островов. В каком бы месте Европы ни находились агенты Уолсингема, они жадно ловили вести, приходившие из Мадрида. И стекавшаяся по всем этим каналам информация в целом создавала достаточно полную и точную картину происходившего. Уолсингему удалось даже, используя связи между английскими купцами, ювелирами с Ломбард-стрит и североитальянскими банкирами, добиться, чтобы те отказали в кредитах Филиппу II. Это очень замедлило его военные приготовления.

Важным источником информации являлись португальцы, многие из которых были недовольны захватом их страны армией Филиппа II. Родственники поселившегося в Лондоне доктора Гектора Нуньеса — Г. Пардо и Б. Луис, совмещая шпионаж с контрабандной торговлей, привозили из Испании кроме колониальных товаров сведения о подготовке армады. Испанский король в конце концов приказал арестовать обоих шпионов-контрабандистов, но Пардо ухитрился даже из тюрьмы посылать письма в Лондон, которые доставлял капитан одного германского корабля.

Агент Уолсингема в Италии Энтони Станден — он жил там под именем Помпео Пеллегрини — отправил в Мадрид фламандца, брат

которого служил в свите маркиза ди Санта-Крус (главнокомандующего Непобедимой армады).

Фламандец посылал свои донесения через тосканского посла в Мадриде Джузеппе (или Джованни) Фильяцци. Любопытно, что опытный моряк маркиз Санта-Крус скоропостижно скончался как раз накануне отплытия армады, и его сменил неспособный и ничего не понимавший в морском деле герцог Медина Сидония. Это в немалой степени способствовало последующим успехам английских кораблей в борьбе против испанского флота. Уолсингем получил копию отчета о состоянии армады накануне отплытия, который был составлен для Филиппа II. Недаром после возвращения Фильяцци из Мадрида на родину Станден обещал ему выхлопотать особое благодарственное письмо королевы. (Использование послов дружеских держав, аккредитованных при вражеских правительствах, а также вообще дипломатов, которых можно было побудить к оказанию услуг Англии, все более входило в практику секретной службы Уолсингема.) Помимо фламандца Станден имел в Испании и других агентов и мог твердо сообщить, что армада не отплывет в 1587 г.

На протяжении всего времени подготовки армады не прекращался приток сведений в Лондон. Но потом Уолсингем как будто на время потерял ее из виду — он считал, что она рассеяна ветрами, тогда как в действительности корабли не покинули еще испанских гаваней. Однако вскоре информация снова стала поступать регулярно. Станден организовал сеть шпионов на всем протяжении Атлантического побережья Франции, вдоль которого двигалась армада. Как только агент Стандена замечал на горизонте испанские корабли, он садился на коня и мчался в одну из французских гаваней в Ла-Манше, переезжал через канал и являлся для доклада к Уолсингему. Испанские галеоны передвигались медленно, агенты Стандена — намного быстрее, и Уолсингему было точно известно, где в данный момент находится неприятель. Английские капитаны знали заранее, когда покажется противник, как лучше подходить к галеонам, чтобы оказаться вне зоны огня испанских пушек.

Сведения приходили вплоть до того дня, когда снабженные ценными разведывательными сведениями английские корабли стали совершать одно за другим нападения на неповоротливые вражеские корабли. Остальное доделали ветры и неумелое командование. Непобедимая армада Филиппа II потерпела полное поражение, но католическая контрреформация долго еще отказывалась признать неудачу своего «английского дела».

Уолсингем умер вскоре после разгрома Непобедимой армады, а еще через несколько лет скончался лорд Берли, сорок лет стоявший у кормила правления. Уолсингема в 1596 г. сменил младший сын лорда Берли Роберт Сесил, горбун, унаследовавший от отца быстрый

ум и твердое следование к раз избранной цели. По примеру Уолсингема Роберт Сесил даже сфабриковал несколько, впрочем небольших по размерам, заговоров. Новый министр повел упорную борьбу против иезуитов, активизировавших свою деятельность в Англии. Старый агент Уолсингема Роберт Пули за обещание пенсии вернулся на службу и сумел разузнать многие тайные пути, которыми иезуиты пробирались в Англию. Сесил сохранил шпионскую сеть Уолсингема и внутри страны и за границей, правда, обновив ее своими людьми.

Борьба продолжалась. Наученные горьким опытом, испанцы постарались наладить работу своей разведки и контрразведки. Во главе ее в 90-х годах был поставлен Андре Веласкес де Веласко, которому были подчинены все учреждения и лица, занимавшиеся разведкой и контршпионажем. (Позднее, в 1613 г., была официально создана должность «главного шпиона» — Espia Mayor, которую занял Веласко.)

В 90-е годы испанцам удалось получить доступ к секретам английского Тайного совета, отчеты о деятельности которого регулярно доставлялись в Мадрид.

В 1597 г. некто, как указывалось в официальных бумагах, «отъявленный мошенник по имени Монпалмер», предложил испанским властям открыть «все тайны Англии, а также многих шпионов, находившихся в Испании, равно как и их планы». Все эти сведения Эдмонд Палмер (таково было действительное имя «отъявленного мошенника») любезно взялся предоставить за 500 эскудо. В таком деле скупиться грех, и испанские власти, хотя и со вздохом, приняли условия. Палмер успел даже оговорить, чтобы ему предоставлялась часть доходов от конфискации имущества английских купцов-шпионов, которых он выдал испанцам. Кроме того, Палмер, прошедший школу Уолсингема, счел глупым пренебрегать и доходами, которые давала английская служба. В течение семи лет (до 1604 г.) он посылал свои отчеты и в Лондон, получая положенную мзду.

Впрочем, такая игра не всегда была безопасной, как показывает пример купца Ричарда Барли, жившего с 1580 г. в Сан-Себастьяне. Он донес испанским властям о другом купце, Джоне Донне, как английском шпионе. А когда началась война Испании с Англией, Барли поступил на испанскую службу. Новый испанский чиновник усердно предлагал завербовать во флот короля Филиппа II многих англичан-католиков. Однако в Мадриде побоялись таким путем сыграть на руку английским агентам, маскировавшимся под эмигрантов-католиков, и отвергли предложение Барли, так же как и ряд других его проектов. Эти опасения еще более усилились, когда через некоторое время поползли слухи, что Барли — английский лазутчик. В 1593 г. молва как будто подтвердилась, но испанское правительство все же продолжало держать его на службе еще два года. В 1595 г. Барли

был арестован и всю войну просидел в тюрьме. Только в 1603 г. его освободили, объяснили, что арест был ошибочным, выдали жалованье за все годы, проведенные в заключении, и разрешили служить во флоте. Разгадку этого странного дела можно найти в мемуарах английского адмирала Уильяма Монсона. Роберт Сесил послал Барли письмо, в котором выражал благодарность за его (вымышленные английской разведкой) заслуги на службе королевы. Испанцы поверили и запрятали в тюрьму одного из своих наиболее деятельных сторонников из числа английских эмигрантов.

Несмотря на ряд провалов, шпионская сеть Сесиля в Испании функционировала до самого конца войны. В частности, Сесил имел восемь резидентов в главных испанских городах и портах.

Еще до смерти Елизаветы он завязал тайную переписку с Яковом, королем шотландским, обещая полную поддержку его притязаний на наследование английского престола. Когда в 1601 г. посланцы Якова, очень неуверенного в отношении своих шансов, явились в Лондон, они были поражены радостной вестью. Всесильный Роберт Сесил, сын лорда Берли, правая рука Елизаветы, встал на сторону шотландского короля. На тайном свидании в доме Сесиля на Стренде, в самом центре Лондона, был согласован код, использовавшийся для переписки. Яков обозначался цифрой 30, Елизавета — 24, Сесил — 10, все остальные видные лица также получили свои номера. Лукавый «10» быстро сумел опутать Якова, фактически подсказывая ему программу действий. Сесил ратовал за своего кандидата неспроста — таким путем он стремился обеспечить себе милости будущего короля Англии и устранить с пути других возможных претендентов (особенно испанскую принцессу Изабеллу, которой Филипп II передал свои «права» на английский трон).

Однако в глазах старой, цеплявшейся за жизнь Елизаветы тайные переговоры за ее спиной с Яковом ничем не отличались от государственной измены. Немало людей пошло на плаху за куда меньшие преступления. Роберт Сесил очень хорошо усвоил истину, которую английский поэт Д. Харрингтон сформулировал в остроумном двустишии:

Измена не может увенчаться успехом,
Или ее никто не посмеет назвать изменой.

Дабы никто не посмел ее так назвать, Сесил и облекал обмен письмами с Яковом покровом глубокой тайны. Секретная служба Елизаветы на этот раз действовала против самой королевы.

Однажды, когда государственный секретарь Роберт Сесил сопровождал королеву в поездке, внимание Елизаветы привлек звук почтового рожка. Она приказала остановить гонца и передать секретарю Сесилю пакеты, присланные ему из Эдинбурга. Бледный Сесил взял

бумаги, не зная, на что решиться. Не распечатывать пакеты — значит навлечь подозрение Елизаветы, а открыть — кто знает, что содержит присланная корреспонденция. Министра выручила находчивость. Он взял ножик у одного из придворных, разрезал конверт, понюхал его и объявил, что письмо следует подержать на свежем воздухе, прежде чем зачитывать в присутствии ее величества, так как оно издает скверный запах. Сесил знал отвращение королевы к плохим духам, — оно оказалось сильнее подозрительности. «10» смог без посторонних глаз просмотреть корреспонденцию, прежде чем ознакомить с ней Елизавету.

Тайная связь главы английской тайной службы с иностранным монархом продолжалась вплоть до того долгожданного для Якова дня весны 1603 г., когда гонец на взмыленном коне прискакал в Эдинбург и объявил шотландскому королю о смерти старой королевы. Яков VI шотландский становился отныне английским королем Яковом I.

ПОДВАЛЫ ВИНЕГР-ХАУЗА

5 ноября и поныне проходит очень беспокойно для английских пожарных. Им приходится то и дело спешить на помощь слишком рьяным любителям фейерверков, чтобы спасти от огня соседние здания. Более трех с половиной веков ежегодно в «день Гая Фокса» повсеместно сжигают его чучело в память о спасении короля и парламента от опасного покушения. А между тем Гай Фокс вовсе не был ни вдохновителем, ни руководителем знаменитого «порохового заговора».

...В начале XVII в. в Энфилд Чезе, расположенном на границе графств Эссекс и Хертфорд, стоял одинокий дом. Энфилд Чез был в те времена далекой окраиной Лондона, а вернее — пригородным селением. Четырнадцать миль отделяли его от центра столицы — немалое расстояние, хотя город широко раскинулся в стороны за счет садов, парков, рощ и полян, окружавших дома.

Одиноко стоявший дом в Энфилд Чезе мало чем выделялся среди сотен похожих на него строений. Быть может, только хозяева проявили особую склонность к уюту, который создается уединением от городской суеты. Поэтому, вероятно, и был огражден со всех сторон этот дом большим садом, а густая листва деревьев вместе с высоким забором прочно заслоняла его от нескромных взоров.

По обычаю, сохранившемуся в Англии вплоть до наших дней, многие дома имеют собственные имена, подобно тому как дают названия улицам или кораблям. Здание в Энфилд Чезе именоаалось Уайт-Уэбс. Оно лишь внешне походило на соседние постройки. В этом приземистом, наполовину каменном, наполоаину дереаянном здании было много укромных углов, многочисленных аходов и аыходов, скрытых дверей а стенах, раздаигавшихся полов, потайных комнат, подвалоа, от которых вели подземные пути к протекаашей рядом небольшой речке...

Впрочем, немногие соседи и еще более редкие прохожие аряд ли задумывались над стрвнностями планироаки Уайт-Уэбса. Немало тайников было в лондонских зданиях, воздвигнутых в бурные годы войны Алой и Белой розы, когда власть много раз переходила из рук а руки, или в не менее опасное время (которое было если не на памяти многих еще здрааствоааших тогда людей, то, во асяком случае, при жизни их отцов), когда по нескольку раз менялась официальная религия Англии и при каждой перемене виселицы и отрубленные головы еретиков составляли постоянное зрелище на лондонских мостах и на Тауэр-хилле. Словом, своя голова никому не бывает лишней, а лишний потайной ход не раз помогал ей оставаться на плечах.

У Уайт-Уэбса была достаточно солидная репутация, чтобы он не приалекал внимание шпионов Роберта Сесилв. Как и аесь Энфилд Чез, дом лет за 30 до времени, о котором идет речь в нашем рассказе, принадлежал короне. Елизавета подарила его Роберту Гевику, придворному медику, а тот через некоторое время сдал здание в наем Роланду Уотсону, королевскому клерку. Вскоре появился новый претендент на аренду дома.

Незадолго до раскрытия в 1601 г. заговора Эссекса, когда этот асемогущий вельможа стремился зааязать сaязи с католическими эмигрантами и недовольными католиками-дворянами в Англии, к Роберту Гевику явился посетитель. Это был довольно полный человек средних лет; по костюму его можно было принять за зажиточного деревенского арендатора. Посетитель с готоаностью сообщил, что его зовут Миз и что он родом из графства Беркшир. У него есть сестра по фамилии Перкинс, женщина довольно состоятельная. Ей хотелось бы снять дом в спокойном месте, где она имела бы возможность жить вдали от городского шума и где ее могли легко нааещвть друзья из Лондона. Вероятно, условия, предложенные Мизом, были достаточно выгодными, так как королеаский медик без колебаний сдал Уайт-Уэбс новой арендаторше. Она, прaада, не спешила перебраться в снятое для нее здание. Вначале, видимо, было нужно переоборудовать дом, учитывая вкусы хозяйки. Этим и занялся ее дворецкий Роберт Скинер. Закончив работы, он отправился в Лондон, оставив в доме только что нанятого им слугу по фамилии Джонсон.

Судя по всему, миссис Перкинс была не просто религиозной женщиной, а исключительно усердной богомолкой. Одна из комнат в ее доме была превращена в часовню, да и в остальных повсюду можно было заметить книги религиозного содержания и все необходимое для отправления католической службы. Миссис Перкинс была католичкой, как, впрочем, и еще значительная часть англичан того времени. Ничего удивительного не было и в том, что все ее довольно многочисленные слуги, включая Скинера и его жену, также оказались католиками. Было естественно стремиться окружить себя единоверцами, тем более что отношение протестантов к лицам, сохранявшим приверженность к католицизму, было далеким от терпимости.

Миссис Перкинс оказалась молодой женщиной, любившей собирать в своем доме друзей и знакомых. Некоторые из них гостили у нее подолгу, другие часто приезжали и уезжали. Иногда происходил настоящий съезд гостей, которые жили по два-три дня. О том, что общество отнюдь не занималось коллективным постом, свидетельствовало внушительное количество дичи и красного вина, которое каждый раз перед таким приездом завозилось в Уайт-Уэбс. Пожалуй, Перкинс вела себя слишком вольно для незамужней женщины. Впрочем, оставалось неясным, не была ли она замужем. В числе ее гостей был некий мистер Перкинс, который часто приезжал в Уайт-Уэбс как в собственный дом и оставался там порой на долгое время. К тому же вскоре в доме поселилась еще сестра госпожи Перкинс и, следовательно, мистера Миза, назвавшаяся женой лондонского купца Томаса Дженгинса. Ее муж — низкий, плотный человек с рыжей бородой — изредка навещал свою жену. Несколько неожиданным для слуг было то, что мистер Миз, вернувшийся после очередного, довольно длительного отсутствия, приказал теперь именовать себя мистером Фармером, а в разговоре один из гостей неосторожно назвал его отцом Валеем. Слуга Джеймс Джонсон — тот самый, которого нанял Скинер, — с изумлением узнал, что брат хозяйки — католический священник, да и сама она, как выяснилось вскоре, никакая не миссис Перкинс, а дочь католика лорда Уильяма Уокса, а «миссис Дженгинс» — его вторая дочь Елена, бывшая замужем за рыжебородым Варфоломеем Бруксби. Этот богатый сквайр уплачивал из своего кармана большую часть арендной платы за Уайт-Уэбс, следуемой королевскому медику.

Однако никто, кроме немногих посвященных в тайну, не мог предполагать, что Уайт-Уэбс стал центром очередного международного заговора контрреформации против ее противников, удар по которым она снова пыталась нанести на английской земле.

Благообразный мистер Миз (он же Фармер) был не кто иной, как сам глава английской провинции ордена иезуитов Гарнет. Иезуитом был и его слуга Джон — опытный заговорщик Ник Оуэн, и слу-

га «мистера Перкинса» — священник Олдкорн. Гостили в доме также иезуиты, приезжавшие туда под различными личинами, — Фншер, прииимавший фамилии Перси и Ферфакс, Джерард, называвший себя то Стандишем, то Бруком, и, наконец, Гринвей, нзвестный под именами Гринвелла и Тесмонда.

Заезжали в Уайт-Уэбс и другие лица, не иосившие сутаны. Это были большей частью католики — участники восстания, впавшие в немилость елизаветинского фаворнта Эссекса. Они советовались с иезуитами о дальнейших планах действий. Подобные посетителн вообще ие называли своих имен — просто опытный дворецкий Скинер сразу провожал их к действнтельному хозяину дома — мнстеру Мизу.

Почему же это заговорщическое гнездо приобрело впоследствии кличку гарема или сераля? Конечно, пребывание в уединенном доме отца Гарнета с двумя своими «духовными дочерьми» наводнло потом на многие фривольные мысли. Их было особенно трудно избежать, так как Елена Бруксби даже родила сына, а Гарнет должен был сознаться, что сам крестил ребенка. Малыш родился лысым, и верховиый судья Кок позднее бесцеремонно спрашивал, не было ли у мальчика тонзуры — выбритой макушки, свойственной католическим патерам.

Именно в Уайт-Уэбсе, вернее среди частых гостей этого дома, и зародился «пороховой заговор». Его организаторами являлись несколько молодых католических дворян, раздраженных отказом Якова I отменить репрессивные законы против католиков. Душой заговора стал энергичный Роберт Кетсби, участник мятежа Эссекса. Этот бывший кутила и прожигатель жизни неожиданно (что было не редко в ту эпоху) превратился в фанатика, счнтавшего даже иезуитов недостаточно ревностнымн слугами господними. Впрочем, с главой английской «провинции» иезуитского ордена отцом Гарнетом у заговорщиков установились тесные связи. Один из участников заговора, Томас Винтер, вошел в контакт с правительством Испании и властями испанских Нидерландов (Фландрии). Видный заговорщик, значнтельно более старший, чем его друзья, — ему минуло 45 лет — Томас Перси был двоюродным братом графа Нортумберлендского и вращался в прндворной среде. Перси мог узнавать новости, которые имели первостепенное значение для его сообщников. И, наконец, в заговоре участвовал Гай Фокс, который был по существу лишь простым исполнителем чужих планов. Этот английский католик, много лет проведший на испанской службе, для которого преданность вере заменила верность родине, был характерной фигурой для той эпохи.

Большинство своих тайн заговорщики унесли с собой в могилу. Неизвестно, кто первым предложил план, который решили осуществить Кетсби и его друзья: взорвать здание Вестминстера, когда король будет открывать сессию парламента. Возможно, что идея была на-

веяна памятью о взрыве дома Кирк' о Филда в шотландской столице, во время которого погиб Дарнлей — отец Якова I. Впрочем, этот случай не был единственным — делались попытки взорвать государственные здания в Гааге, в Антверпене. Подобный же проект собирался осуществить Майкл Муди в царствование Елизаветы.

Заговорщики пытались извлечь уроки из прошлого. Они вскоре убедились, что им нельзя рассчитывать на поддержку Испании, которая теперь явно делала ставку на примирение с Яковом. К тому же над католической партией долгие годы тяготело подозрение, что она готова отдать английский престол Филиппу II или испанской инфанте. Теперь представлялась возможность сыграть на непопулярности короля-шотландца и привезенных им с собой фаворитов. После гибели Якова и наследника престола заговорщики предполагали захватить кого-либо из младших детей короля и, подняв восстание католиков, провозгласить регентство. В апреле 1604 г. пятеро заговорщиков, собравшись в доме Кетсби на Стренде, поклялись хранить тайну, не выдавать товарищей и не отступаться от своего намерения. После этого в соседней комнате они прослушали мессу, которую отслужил иезуит отец Джерард, специально приехавший для этого из Уайт-Уэбса. Патер утверждал впоследствии, что он ничего не знал о том, что происходило за несколько минут до начала мессы. Подобную же позицию занял сам отец Гарнет и все его коллеги. Позднее Гарнет уверял, что он не мог ничего поделать, так как был связан тайной исповеди, во время которой ему только и стало известно о планах Кетсби и его друзей.

Приступив к исполнению этих планов, Томас Перси снял в аренду Винегр-хауз — дом, примыкавший к той части Вестминстера, где размещалась палата лордов и где должно было состояться открытие парламентской сессии. Заговорщики начали рыть подкоп. Они предполагали, что попадут из Винегр-хауза в необитаемый подвал Вестминстера. Оказалось, что подвал сдали под торговый склад. С немалыми хлопотами Перси удалось договориться, чтобы ему уступили аренду этого помещения. Затем в подвал были перенесены доставленные ранее в Винегр-хауз мешки с порохом. Сверху сделали настил из угля, камней и битого стекла. Все было готово, но правительство неожиданно перенесло дату открытия парламентской сессии с 7 февраля на 3 октября 1605 г. В июле был объявлен, что сессия откроется еще позже — 5 ноября.

Заговорщики использовали это время для подготовки других своих действий — восстания в средних графствах и переброски из Фландрии эмигрантского полка Стенли, состоявшего из английских католиков. Кетсби и Перси получали право принимать в число заговорщиков новых лиц. Это было необходимо и для пополнения финансовых ресурсов, так как приготовления потребовали много

средств. Одним из последних уже 14 октября примкнул к заговору Френсис Трешам, кузен Кетсби и Винтера.

Через две недели после этого, 26 октября, когда до открытия парламента оставалось десять дней, лорд Монтигл неожиданно отправился ужинать в свой замок Хокстон (полученный как приданое его женой Елизабет Трешам). Монтигл был участником мятежа Эссекса против Елизаветы в 1601 г., его заставили уплатить за это разорительный штраф в 5 тыс. ф. ст. Но через некоторое время он тайно сообщил правительству о намерении принять англиканство, после чего ему были возвращены имения и он был сделан членом палаты лордов. Монтигл пользовался доверием Роберта Сесила, о чем, конечно, Кетсби и его единомышленники не имели понятия. Это стало известным лишь через три с половиной века, после опубликования семейного архива Сесилей.

Во время ужина в Хокстоне, на котором присутствовал один из заговорщиков, Томас Уорд, паж принес хозяину замка только что полученное письмо. Тот сломал печать и передал Уорду бумагу с просьбой прочесть ее вслух.

В этом знаменитом письме, составленном очень туманно, Монтиглу советовали, если ему дорога жизнь, не присутствовать на заседании парламента, так как бог и люди решили покарать нечестивого «страшным ударом». Двусмысленное, но полное тревожных намеков письмо было прочитано Уордом в присутствии пажей и слуг. Монтигл немедля встал из-за стола и приказал седлать лошадей. В 10 часов вечера после бешеной скачки он на взмыленном скакуне подлетел к правительственному зданию — Уайт-холлу. Несмотря на поздний час, в нем находились сам Сесил и четыре лорда-католика — Нотингем, Нортгемптон, Вустер и Сеффолк, которые были введены в состав королевского Тайного совета. Лорды пришли на ужин к Сесилу, но, несмотря на довольно поздний час, еще не сели за стол. Поспешно вошедший в зал Монтигл передал Сесилу полученное загадочное послание. Присутствующие прочитали письмо и приняли решение сохранить все дело в глубокой тайне, ничего не предпринимая до возвращения короля, который охотился в Ройстоне и вскоре ожидался в столице. Монтигл не скрыл это решение от Уорда, который был знаком с письмом. Уорд немедленно сообщил о случившемся Кетсби, но упрямый сквайр не считал еще дело проигранным. Фокс, спешно направленный в подвал, вернулся в Уайт-Уэбс, где его ждали руководители заговорщиков, и сообщил, что мина остается нетронутой.

1 ноября Кетсби встретился с Трешамом, которого подозревали, что он написал Монтиглу. Кетсби решил заколоть кинжалом предателя, но Трешам с негодованием отверг обвинение. Он уговаривал Кетсби отказаться от попытки осуществить план заговорщиков, тайна

которых, вероятно, известна правительству. Кетсби не соглашался бежать и потребовал от Трешама дополнительных средств. Трешам дал сначала 100, потом через день еще 90 ф. ст. — все, что он мог собрать за такой короткий срок.

3 ноября Уорд через Винтера сообщил своим друзьям, что король, вернувшийся в Лондон, прочел письмо к Монтиглу и приказал лордам — членам Тайного совета хранить все в строгой тайне. Был отдан приказ немедля и незаметно обыскать подвалы под зданием палаты лордов. Выполняя этот приказ, лорд-камергер Сеффолк и Монтигл спустились в подвал, где встретили Фокса. Сеффолк спросил Фокса, кто он такой, тот ответил, что он слуга мистера Перси, арендовавшего этот подвал. Лорд-камергер пошутил по поводу больших запасов угля к предстоящим рождественским праздникам и удалился вместе с сопровождавшими его лицами. Заговорщики, которым Фокс сообщил о посещении Сеффолка, вздохнули с облегчением — видимо, Яков и Сесил ничего не заподозрили.

Приближался решающий час. Фокс отправился в подвал, подготовил фитиль, который вел к мешкам с порохом, и поднялся наружу... Не успел он выйти, как к нему кинулись поджидавшие его в засаде люди во главе с мировым судьейНиветом, посланным для нового осмотра подвала. Минуты было достаточно, чтобы пленник, которому связали руки, понял, что все пропало. На вопрос Нивета, что он здесь делает, Фокс не счел нужным скрывать. «Если бы вы меня схватили внутри, — ответил он, — я взорвал бы вас, себя и все здание». По приказанию Нивета подвал был подвергнут тщательному обыску. Бочки с порохом были открыты и обезврежены.

Заговорщики начали спешно покидать столицу еще до того, как они узнали об аресте Фокса. Это делалось в соответствии с их планом, который предусматривал одновременное начало восстания в ряде графств на северо-востоке Англии. Однако известие о неудаче заговора лишило мужества католических помещиков, возглавляемых Э. Дигби, которые ранее дали обещание участвовать в вооруженном выступлении. Кетсби и его друзья решили бежать в горы Уэлса и поднять там восстание среди довольно многочисленного католического населения.

В доме одного из заговорщиков, Литлтона, в графстве Стаффордшир сделали короткий привал. Кетсби и несколько его спутников попытались просушить порох, который они подмочили, переплывая реку. При этом искра упала на блюдо, на котором лежал порох. Кетсби и другие стоявшие поблизости, были отброшены в сторону с обожженными черными лицами. Мешок пороха силой взрыва был выброшен через пробоину в крыше. Большинство оставшихся невредимыми заговорщиков бежали, остальные вскоре были окружены отрядом, собранным шерифом графства. Кетсби, Перси были убиты

в перестрелке, вместе с рядом других заговорщиков. Раненный в руку Томас Винтер и еще несколько человек были взяты в плен. В течение последующих недель были схвачены в разных местах другие участники «порохового заговора».

...В средней Англии, на высоком холме, с которого просматривались на много миль окрестные места, стоял замок Хиндлип-хауз. Он был создан со специальной целью служить убежищем для отца Гарнета и его христова воинства.

Весь замок представлял сплошную загадку. Каждая комната имела скрытые ниши, стены были полны тайников, потолки маскировали невидимые чердачные помещения. Даже печи были если не с двойным дном, то с двойным выходом — один для дыма, другой для иезуитов, когда им почему-либо требовалось исчезнуть, не оставляя следов. Камин в спальне хозяйки был соединен узкой трубой с одной из ниш, куда таким образом можно было, не вызывая подозрений, доставлять пищу и вино, которое обитатели тайников явно предпочитали воде. Иезуитский архитектор работал не по шаблону: каждый тайник имел свой секрет и раскрытие одного из них мало облегчало поиски других. Тем не менее спрятать концы в воду не удалось. Из Лондона было предписано судье Генри Бромли произвести тщательный обыск в Хиндлип-хаузе. Бромли и его команда неожиданно нагрянули на замок. Находившиеся там Гарнет и трое его подчиненных едва успели скрыться в двух тайниках. Однако укрытия не были подготовлены к длительной осаде замка. Изголодавшиеся Гарнет и другие иезуиты вышли из убежища и сдались на милость победителя.

21 января 1605 г. собрался парламент. По предложению нижней палаты были приняты дополнительные ограничения для католиков, а 5 ноября — день открытия «порохового заговора» объявлен навечно днем вознесения благодарственной молитвы. Захваченные живыми заговорщики сложили головы на эшафоте. В предсмертной речи Гарнет предостерег католиков против участия «в мятежных и изменнических предприятиях против короля». Таково было окончание «порохового заговора».

Но такой ли была его история, какой ее традиционно представляют, следуя официальной версии английского правительства? Впервые сомнение стали высказывать в прошлом веке католические историки, исходя, разумеется, из своих собственных мотивов. В литературе возник спор, не закончившийся и поныне. Он выявил, насколько всесильный Сесил был заинтересован в «пороховом заговоре», который дал желанный повод усилить репрессии против католиков. Вряд ли можно сомневаться, что Сесил заранее что-то знал о планах Кетсби и что его агенты-провокаторы действовали в рядах заговорщиков. Но это еще не доказывает, что весь «пороховой заговор» был сфабрикован

министром (на чем особенно настаивают иезуитские авторы, защищающие честь ордена). В истории заговора многое остается невыясненным. Куда девали заговорщики огромное количество земли, вырытой во время подкопа? Мало правдоподобно, чтобы они могли незаметно разбросать ее в крохотном садике около дома или (как считал известный английский историк С. Гардинер) выбрасывать в Темзу. Где заговорщики добыли такую массу пороха, производство которого было государственной монополией? Интересно, что, когда в связи с какими-то финансовыми расчетами решили проверить данные о расходе пороха, хранившегося в Тауэре, это было разрешено сделать лишь за период с 1578 по 1604 г. Расследование было оборвано как раз на годе «порохового заговора», а впоследствии сведения за этот год и вовсе затерялись. В правительственной версии изложение обстоятельств ареста Фокса полно противоречий. Исследования архивных материалов показали, что судья Кок производил какие-то сложные подчистки и исправления протоколов допросов, снятых под пыткой с арестованных заговорщиков.

Большая часть того, что мы знаем о заговоре, известна из исповеди Томаса Винтера. Однако действительно ли сохранившийся ее экземпляр, считаемый подлинником, написан Винтером? Он подписан «Winter», хотя сам Томас Винтер в других случаях неизменно писал свою фамилию по-другому — «Wintour». Имеется немало косвенных данных, заставляющих предполагать, что действительный текст исповеди был переписан — с добавлениями и исправлениями — кем-то другим, ловко подделавшим почерк Винтера. Таким лицом мог быть наш старый знакомец Томас Фелиппес, сыгравший роковую роль в гибели Марии Стюарт. После воцарения Якова, который любил сохранять внешние приличия, шпион был уволен со службы и переведен на пенсию. Фелиппес на собственный страх и риск завязал провокационную переписку с английскими эмигрантами на континенте и угодил в Тауэр за самовольное вмешательство в государственные дела. Но через некоторое время он был выпущен из тюрьмы по ходатайству его бывших сослуживцев — Левинса Мунка, правой руки Сесила, и комеданта Тауэра Уильяма Уэйда. У Роберта Сесила были в подчинении и другие эксперты по подделке документов. Если «пороховой заговор» был действительно спровоцирован Сесилом, ловкий министр мог заронить мысль о взрыве парламента в голову Кетсби, прибегнув к помощи лорда Монтигла. Через него же, вероятно, Кетсби был осведомлен о том, что король будет присутствовать на заседании парламента. Юридически оно являлось не открытием новой сессии, а возобновлением работы старой. В таких случаях король обычно не появлялся в парламенте, исключение было решено сделать потому, что в 1605 г. предстояло обсуждение особо важного вопроса о законодательной унии с Шотландией. О решении

короля прибыть в парламент заранее было известно только очень узкому кругу лиц. И все же Кетсби, близкий к придворной среде, мог узнать об этом решении не только от Монтигла.

Сцена в замке Хокстон, очевидно, была заранее разыгранным представлением. Сесил хотел, вероятно, таким путем предоставить возможность тщеславному королю самому разъяснить туманный текст письма и считать, что он лично разоблачил заговор. Несомненно, что Сесил имел не одного своего шпиона в среде заговорщиков, в их числе мог быть и Томас Уорд. Очень двусмысленна роль Трешама, с арестом которого Сесил медлил несколько дней и который умер в Тауэре до суда (официально от удушья) при довольно подозрительных обстоятельствах. Правда, «предосторожности» в отношении Трешама могли быть вызваны тем, что он слишком много знал о роли Монтигла. Некоторые исследователи считают, что правительственным шпионом мог быть один из главных организаторов «порохового заговора» — Томас Перси.

В 1967 г. в издательстве Оксфордского университета вышла книга литературоведа Б. Н. Де Луна, в которой высказывается предположение, что агентом Сесила был известный драматург Бен Джонсон, встречавшийся с Кетсби. По-видимому, попытки Бена Джонсона оправдать свою роль можно усмотреть в его трагедии на сюжет из древнеримской истории «Заговор Катилины» (эта пьеса была впервые поставлена на сцене в 1611 г.).

Министр, несомненно, многое знал о заговоре — особенно в той его части, которая касалась подготовки католического восстания. Ему об этом сообщали агенты и в Англии, и за рубежом; было получено также предостережение от французского короля Генриха IV. И все же это еще не доказательство, что весь заговор — результат умелой провокации Роберта Сесила...

Английское новое обуржуазившееся дворянство и буржуазия выиграли еще один раунд в длительной борьбе против католической реакции и ее верного орудия — иезуитского ордена. Однако уже в первые годы правления Якова I выявилось, что английский абсолютизм перестал играть прогрессивную роль; он вступал во все большее противоречие с интересами буржуазии и «нового» дворянства. Абсолютизм начинает искать поддержку у своих недавних врагов — тех слоев дворянства, которые не были затронуты новым капиталистическим развитием страны и тяготели к старым феодальным порядкам, делает шаги к примирению с католической церковью. Меняется и внешняя политика Англии — заключается мир с Мадридом. Испанский посол Хуан де Таксис стал щедро сыпать золотом в Лондоне. Его преемник — опытный и умелый дипломат Гондомар быстро приобрел большой вес при дворе Якова I. Гондомар создал в Англии шпионскую сеть, состоявшую из профессиональных разведчиков. Он

ие брезговал покупать новости и «поштучно». В его бумагвх можно прочесть твкие записи: «Г. Ла Форесту и другим лнцам во французском посольстве за ценные новости — 4533 реала; слуге миннстра Лейка за изложение важных депеш — 300 реалов; лицу, которое дало мие копии договоров... из англнйскнх архивов, — 1200 реалов».

Гондомар вкрался в доверие к Якову и под видом дружеских расспросов выведывал у короля его планы. Однако собеседиик испанского посла оказался натурой иа редкость капризной и склонной к иадувательству, причем по прихоти, а ие ради каких-либо определеииых целей. После встречи с Яковом испаицу всякий раз приходилось ломать голову ивд тем, что из выуженных им у его корониованиого приятеля сведений соответствовало действительности, в что было только порождением причудливой королевской фаитазии. Так как дело шло о намерениях Якова, только ему до конца известных, а король говорил правду или лгал без всякой задней мысли, просто по иаитию, то задача, которую прнходилось решать послу мадридского дворв, была совсем не из легких.

Зивчительиую часть чериовой работы вристократ Гондомар оставлял иа долю посла эрцгерцога Альберта, тогдашнего наместника (формальио сувереииого правителя) испанских Нидерлаидов, Жаиа Баптиста Вви Мале. Этот выбившийся из писцов днпломат занимался вербовкой на испанскую службу всякой мелкой сошки. Так, напрнмер, в ввгусте 1620 г. ои усердно пытался подкупить правительствеиного шифровальщика, иекоего Виисеитио, который еще до этого отсидел шесть лет в Тауэре за связи с испвиской разведкой. Ваи Мале хотел побудить Винсеитио отказаться расшифровывать важные письма нспанского послв в Вене к эрцгерцогу Альберту, перехваченные английскими разведчиками. Винсентио предлагались деньги — разумеется, с прямо противоположной целью — также и от имени голландского посла. Все договаривающиеся стороны торговвлись при этом, как иа рынке. Вдобавок, прежде чем платить, Ван Мале хотел убедиться в качестве «товара», которым в данном случае была способность Виисентио раскрыть испанский шифр. От продавца потребовали приинести образчик его изделия. А тем временем английскне власти спохватились и предложили Винсеитио поторопиться с расшифровкой, если он ие желает познакомиться с пыточной камерой...

Словом, опытные шифровальщики были в цене. Долгое время историкн ие знали, что приключилось с Томасом Фелиппесом после событий, связанных с «пороховым заговором». След отыскался в перепнске Гоидомара. В 1621 г. нспанец сообщал о иамеренни подкупить и отправить во Флаидрию этого «бесстыдиого старика, которому перевалило за семьдесят».

Напротнв, английская разведка приходила в упадок уже при Роберте Сесиле, который сам согласился получать крупную пеисию

от испанского двора и не был намерен особенно усердно разыскивать своих сообщников. Сменившие Сесила руководители секретной службы больше использовали ее не для борьбы против враждебных держав, а для наблюдения за своими противниками при дворе. Они не могли соперничать с Гондомаром, приобретшим к тому же влияние на самого Якова I.

Тем не менее случались неудачи и у ловкого испанского посла. Особенно странным было то, что происходило с депешами Гондомара, которые он направлял в Мадрид. Там копии с них каким-то неведомым путем добывал английский посол сэр Джон Дигби, расшифровывал места, написанные кодом, и пересылал свою добычу в Лондон, к Якову I. Это происходило в течение многих лет вопреки бессильному гневу Гондомара. Правда, в Лондоне верные люди немедленно ставили в известность посла, что его очередная депеша в Мадрид доставлена английскому королю. Обычно эту новость сообщал Гондомару подкупленный придворный. Тщетно Гондомар менял шифры и курьеров, просил, чтобы в Мадриде его донесения попадали только в руки абсолютно доверенных лиц. Тщетно «главный шпион» дон Андре Веласкес де Веласко засылал все новых и особенно доверенных лазутчиков в английское посольство. Напрасно испанский министр герцог Лерма расставлял ловушки членам Государственного совета и их клеркам, пытаясь обнаружить предателя.

Источник информации так и не был обнаружен. Гондомар решил, что это все же кто-то из членов Государственного совета. Через много лет, уже вернувшись из Испании, Дигби, уступая настойчивым просьбам Гондомара, раскрыл секрет. Депеши перехватывались и копировались, пока курьер отдыхал на последней почтовой станции неподалеку от испанской столицы. Остается неизвестным, сообщил ли Дигби правду или и в этом случае попытался провести за нос своего удачливого коллегу.

Между прочим, Дигби имел возможность на основе донесений Гондомара составить полный список лиц, которым выплачивалась пенсия из Мадрида. Среди них было много приближенных Якова. Однако сэр Джон Дигби имел достаточно такта, чтобы не включить в этот список самого короля, также получавшего немалую испанскую субсидию.

ТАЙНАЯ ВОЙНА И ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

В 1606 г., когда происходил суд над Гарнетом, или немного позднее появилась новая трагедия Вильяма Шекспира «Макбет», которую его труппа даже сыграла в присутствии короля Якова. В этой зловещей трагедии есть одна юмористическая сцена, мало, впрочем, меняющая общий мрачный колорит пьесы. Это — монолог привратника, в котором содержится прямой намек на иезуитского провинциала и его трактат об использовании лжи. Намек не слишком благожелательный. И, тем не менее, нашлись сторонники того, чтобы приплести Шекспира к деятельности иезуитов и связать имя гениального писателя с тайной войной контрреформации портив ее врагов, кипевшей с таким ожесточением в конце XVI и начале XVII столетия.

Знакомы ли вы, читатель, в общих чертах со знаменитым «шекспировским вопросом», иначе говоря, с вопросом о том, действительно ли Вильям Шекспир является автором великих творений, изданных под его именем?

Об этом на Западе за сто лет написаны целые библиотеки книг, большое количество их издано и в самые последние годы. В нашей стране с полным основанием уже довольно давно не проявляют особого интереса к этой литературе, и она у нас сравнительно мало известна.

Поводом для поднятия вопроса об авторстве послужила крайняя скудость биографических сведений о Шекспире. Главные из них сводятся к тому, что он родился в 1564 г. в Стратфорде, что родители его, возможно, были неграмотны и что неизвестно, посещал ли он школу. Восемнадцати лет Шекспир женился на Анне Хезевей, которая был старше его на восемь лет, был отцом троих детей. Покинув Стратфорд, Шекспир приехал в Лондон, стал актером и получил пай в знаменитом театре «Глобус». Современники считали его автором некоторых пьес. Возвратившись за несколько лет до смерти, последовавшей в 1616 г., в Стратфорд, он приобрел недвижимую собственность, занимался отдачей денег в рост (хотя в своей пьесе «Венецианский купец» страстно обличал ростовщичество), составил завещание, в котором заботливо упомянул даже о «кровати поплоше», но ни словом не обмолвился о своих гениальных творениях (может быть, актер Шекспир знал, что они чужие и не принадлежат ему?). Не упомянуто в завещании и о книгах — весьма дорогих в начале XVII в., которые должны были быть в его доме, будь он таким разносторонне образованным человеком, каким несомненно был автор сочинений, изданных под именем Шекспира. Не уцелело рукописи

ни одной из пьес Шекспира, ни одного его письма. Сомнительны даже сохранившиеся подписи Шекспира под несколькими юридическими документами. Возникает вопрос, не подписывались ли нотариусы за клиента, в таком случае явно обнаруживающего свою неграмотность. В завещании, составленном за несколько дней до смерти Шекспира, его имя транскрибировано раз одним, а в остальных четырех случаях — другим образом (Willim Shackspeare — William Shakespeare). Завещание явно составлено нотариусом Френсисом Коллинсом.

А между тем пьесы Шекспира, по мнению многих исследователей, говорят о выдающемся знании автором античной литературы, римского и английского права, географии, ряда иностранных языков, многих вопросов государственного управления, которые можно встретить лишь у опытного политического деятеля. В некоторых своих пьесах автор откровенно выражает симпатии к аристократии и презрение к черни, довольно странные у сына обывателя мелкого провинциального городка.

Кончина Шекспира в Стратфорде и тем более за его пределами прошла совсем незамеченной. На его смерть не было написано ни одной элегии, как это было в обычае того времени. Ни один современник прямо не говорит об актере Шекспире как авторе выходивших под этим именем произведений. А остальные, более глухие упоминания современников допускают двоякое толкование. Не называет имени Шекспира и актер Аллен, который вел дневник, где отмечал многие театральные события и происшествия. Зять Шекспира, доктор Холл, также в своем дневнике не обмолвился ни единым словом о том, что его тесть — автор известных произведений.

Все портреты Шекспира апокрифичны. Подозрение вызывает даже памятник, установленный на его могиле. Он изображает человека, мало похожего на портрет, приложенный к первому собранию сочинений Шекспира, вышедшему в 1623 г., то есть через семь лет после смерти актера в Стратфорде.

И дополнительная странность. В 1665 г. было опубликовано антикварием Уильямом Дугдейлом описание достопримечательностей графства Уорик. В этом сочинении находится изображение памятника Шекспира. Другой подобный же рисунок помещен в первой биографии Шекспира, принадлежащей перу Роу и увидевшей свет еще через полвека, в 1709 г. На этих двух рисунках надгробие выглядит совсем по-другому, чем впоследствии, когда оно стало предметом поклонения бесчисленных почитателей гения великого драматурга. Памятник на этих первых рисунках изображает грузного, бородатого человека, прижимающего к животу обеими руками какой-то мешок (или подушку). Следовательно, жители Стратфорда после 1709 г., когда имя Шекспира стало завоевывать всемирную славу, переделали памятник. Вместо мешка теперь в одной руке находится перо, а

в другой лист бумагн. В восторженном похвальном слове Шекспиру, составленном в связн с появленнем первого собрания сочиненнй в 1623 г., блнзко знавшнй его современннк — выдающнйся драматург Беи Джонсон броснл таинственные слова: «Ты — памятинк без могилы» (Thou art a Moniment without a tombe). Разве только этого недостаточно, чтобы возбуднть серьезиое сомненне в том, был лн актер Шекспнр автором прнпнсываемых ему пьес, не скрывается ли за этнм многовековая тайна, которую должны разгадать настойчивые исследователн?

В авторстве Шекспира высказывалн сомненне крупные писатели, даже Байрон, а также Днккенс, писавший, что должна вскрыться «тайна» шекспнровского вопроса.

Отрнцанне авторства актера Шекспнра порождалось рвзлнчными прнчннамн. Очень нередко это было стремленне отрнцать возможность того, что геннальные шекспнровскне творения прннадлежат перу выходца нз иврода, н прнпнсать нх одному нз представителей прввящнх верхов. Часто нгрвла немалую роль н погоня за сенсацией, желанне предложнть новое эффектнвное разрешенне вековой загадкн. А порой была здесь и нскренняя любовь к велнким творениям англнйского гения (недаром работы ряда протнвннков авторства актера Внльяма Шекспнра немало способствовали нзучеиию шекспировскнх сочнненнй), протест протнв того образа довольного собой, благонамеренного и чннного стрвтфордского обывателя, который на основе немногнх бнографических черт рнсовало буржуазное лнтературоведенне.

«Канднлатов в Шекспиры» было выдвннуто немало. В XIX в. среднх них главное место прннадлежало выдающемуся современннку Шекспирв, философу и госудврственному деятелю Френсису Бэкону. Потом в чнсло претендентов был зачнслен граф Ретлеид (эта гипотеза прнобрела в 20-е годы некоторое распространение и у нас). Позднее Ретленда смвнилн графы Дербн и Оксфорд, сохраняющне роль главных претендеитов вплоть до иашнх дней. В Англнн н США существуют специальные иаучные общества, нмеющие еднпственную цель обосновывать «права» нзбранного нмн канднлата — Бэкона, Оксфорда и др. Колнчество претендентов все возрастает, в их число попала даже женв Шекспнрв.

Илн расскажем еще об одном канднлате — женского пола...

Ннчто нз того, что иам нзвестно о Шекспнре, не заставляет предполагать, что ои был какнм-то таннственным, скрытным человеком, любящнм держаться на расстояннн от друзей. Совсем напротнв, современннкн отмечалн его природную любезность, обходнтельность и прямой нрав, и, вндимо, он прошел свой жнзненный путь достойно и открыто, сохраняя прнвязанность к своим собратьям по актерскому ремеслу, ие тревожнмый муками неудовлетворенного честолюбия.

«Поэтому особенной иронией судьбы было то, — справедливо замечает один из новейших биографов Шекспира Кеннел, — что непроницаемая завеса скрыла столь многие стороны его жизни и труда и что там, где он ближе всего подходит к созидательному самовыражению, результат, которого он достигает, ныне кажется наиболее покрытым тайной». Речь идет о знаменитых сонетах, загадку которых пытались разгадать многие сотни, если уже не тысячи терпеливых, добросовестных исследователей. Когда написаны были эти «сладкозвучные», как писал один современник, сонеты, кто вдохновил поэта на их создание, о ком говорится в них? Большинство серьезных шекспироведов пришли к выводу, что, по крайней мере, часть сонетов связана с покровителем Шекспира, молодым блестящим аристократом Генри Райотсли графом Саутгемптоном. Но такой, как и любой другой, ответ является только гипотезой. Этим широко пользуются антистратфордианцы — под этим именем объединяют всех противников авторства Шекспира из Стратфорда. Они постоянно превращают поэтические иносказания в намеки на обстоятельства жизни своего кандидата на трон короля драматургов.

Вторая строфа 107 шекспировского сонета гласит:

«Свое затменье смертная луна
Пережила назло пророкам лживым.
Надежда вновь на трон возведена,
И долгий мир сулит расцвет оливам».

Еще в XIX в. некоторые шекспироведы увидели в этих строках намек на поражение испанской непобедимой армады. И вот почему. Современник Шекспира Петручио Убальдино в «Трактате об испанском флоте» (1588 г.) писал: «Боевой строй их (испанцев. — *Е. Ч.*) флота напоминал полумесяц». Рога «луны» были обращены к английскому берегу — командование армады надеялось поймать в образовавшийся полукруг и истребить вражеские корабли. Авторитетный биограф Шекспира Лесли Хотсон присоединился в 1949 г. к мнению, что сонет 107 упоминает о разгроме армады. Хотсон склонен считать, что есть еще два сонета (123 и 124), содержащие отклик на события конца 80-х годов. Так, в сонете 123 можно прочесть:

«Те пирамиды, что возведены
Тобою вновь...».

Быть может, здесь имеется в виду реставрация по приказу папы Сикса V четырех египетских обелисков в 1586—1589 гг. В переводе С. Маршака, в котором даются все приводимые цитаты, первая строфа сонета 124 передана так:

«О будь моя любовь — дитя удачи,
Дочь времени, рожденная без прав, —
Судьба могла бы место ей назначить
В своем венке иль в куче сорных трав».

Однако оригинал допускает и другое толкование. Речь может идти о «пасынке судьбы.., ненавистном для его Времени». Хотсон склонен видеть здесь намек на французского короля Генриха III, ставшего ненавистным для парижан особенно после того, как в конце 1588 г. он приказал заколоть герцога Гиза, и погибшего менее чем через год от кинжала Жака Клемана. Подтверждение этой догадки Хотсон хотел бы видеть и во второй строфе сонета, где поэт говорит про свою любовь:

«...Ей не сулит судьбы слепая власть
Быть жалкою рабой благополучий
И жалкой жертвой возмущенья пасть».

Последняя строка в буквальном переводе — «пасть под ударом рабского возмущения (thralled discontent)». Таким образом, можно предположить, что сонеты 107—124 написаны в 1588 и 1589 гг. Обратимся теперь к сонету 104:

«Ты не меняешься с теченьем лет.
Такой же ты была, когда впервые
Тебя я встретил. Три зимы седые
Трех пышных лет запорошили след.
Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые
И трижды лес был осенью раздет...».

Последняя строка при дословном переводе звучала бы «три благоухающих апреля сгорели в трех жарких июнях (Three April perfumes in three hot Junes burn'd)». Предполагая, что сонет 104 появился в 1589 г., первый сонет можно считать созданным в апреле 1586 или 1587 г. (в зависимости от месяца написания 104 сонета).

Приведенные выше гипотезы имеют некоторое основание, впрочем весьма шаткое, особенно отнесение первого сонета к весне 1586 г. или 1587 г. Оно полностью исходит из недоказуемого предположения, что поэт немедленно откликался на злобу дня — на этом построены и все остальные догадки, — а также из уверенности, что все цитированные сонеты относятся к одному и тому же лицу. Это может соответствовать, а может и не соответствовать действительности.

Д. Э. Суит в опубликованной в 1956 г. книге «Шекспир (тайна)» соглашается с этими попытками датировки сонетов, но добавляет к ним и собственный домысел. В «Ромео и Джульетте» упоминается,

что «ныне минуло одиннадцать лет, как произошло землетрясенне». Памятное землетрясеине в Лоидоие было в 1580 г., пишет Сунт, следовательно «Ромео н Джульетта» создана в 1591 г. (обычно эту драму относят к 1594 г.). Напрасио было бы надеяться получить у автора ответ на напрашнвающийся вопрос: почему прн упомнианни в пьесе о землетрясенни в Италин, где развертывается действие «Ромео и Джульетты», обязательно имеется в вниду лондонское землетрясенне?

Между тем на такой более чем сомннтельной осиове Сунт строит свое ошеломляющее открытне, что под псевдоннмом Шекспнра скрывался не кто иной, как сама... королева Елнзавета. Доказательства? Во-первых, разъясняет Сунт, как следует нз вышензложенного, Шекспнром мог быть лишь человек, который уже в 1586—1589 гг. стал лучшим поэтом в Англнн (сонеты), а в 1591 г. — лучшим драматургом. Большннство претендеитов явно не удовлетворяют этому условию. Во-вторых, только Елнзавета могла обладать теми шнрокнмн познаниями, той снлой ума и талантом проннкновения в чувства и помыслы людей, которые прнсущи Шекспиру. Известно, насколько королева была находчива н быстра на язык, — иет ничего уднвнтельного, что в шекспнровском словаре 15 тыс. (по другому подсчету — даже 21 тыс.) слов. Сунт, разумеется, обнаруживает сходство между положением, в котором находятся герон шекспнровскнх пьес, н Елизаветой, которую обманывал ее любнмый граф Лейстер. К тому же разве не странно, что иаряду с волевыми решнтельными героинями шекспнровскнх пьес — Порцней, Розалнндой н Внолой, столь часто появляются колеблющнйся Гамлет, ревннвый до безумня Отелло, слепо винмающнй льстецам Лнр, Корнолан (подобио Эссексу), храбрый вони, ио подчинияющнйся жеищнне с твердым характером — своей матерн.

Вдобавок еще «доказательство» — Шекспир ие сочннннл элегнн на смерть Елнзаветы. И ннтересиый факт — Шекспир инчего ие иаписал — даже прнннмая траднциоиную датнровку его произведенний — в 1603 году, когда скончалась королева. После этого года продуктивность драматурга резко падает — не потому лн, что появляются на свет лншь пьесы, напнсанные ранее Елнзаветой? И, иаконец, последиие пьесы («Тнмон Афннскнй», «Перикл», «Цимбелин», «Знмияя сказка», «Буря», «Генрнх VIII») обнаружнвают, по миенню Суита, явное падеине творческнх снл создателя «Гамлета». Разве это не подтвержденне того, что речь ндет о пьесах, предшествующих более зрелым пронзведениям «Шекспира» и лншь опублнкованных после коичины подлинного автора — Елизаветы? А то, что у королевы были прнчнны нзбрать псевдоинм, — это ясно и без особых свндетельств. Ей, конечно, нечего было думать о том, чтобы печатать пьесы под свонм именем. А после смерти Елизаветы ее завещаиие выполнила

наперсница королевы Мэри Герберт, графиня Пемброк, героиня сонетов, которые при издании были — тоже возможно — посвящены ее сыну Уильяму Герберту (на титуле значатся таинственные W. H., может быть, William Herbert?). Та же графиня Пемброк и опубликовала первое собрание сочинений Шекспира...

Мы нарочно привели здесь доводы Суита, характерные для большинства антистратфордианских теорий и доказывающие, увы, только их бездоказательность.

Кандидатов насчитывается теперь более полсотни (57). Уже осталось мало представителей елизаветинской аристократии, которых не наделяли хотя бы участием в сочинении шекспировских сонетов, трагедий и комедий. О многих из претендентов неизвестно даже, что они когда-либо набросали хоть несколько стихотворных строк или проявляли интерес к театру.

Помимо отрицательных доказательств, которые должны, как мы видели, свидетельствовать, что не актер Шекспир написал пьесы, изданные под его именем, изобретено много других, призванных подтвердить, что они созданы именно данным претендентом и никем другим. Так, бэконианцы, например, отыскали в пьесах Шекспира шифр. Если по определенной системе брать буквы из разных страниц первого издания его произведений, то можно будет якобы составить фразу, удостоверяющую, что они написаны Френсисом Бэконом. Сторонники авторства Ретленда установили, что он учился в Италии со студентами-датчанами, носившими фамилии Розенкранц и Гильденстерн. Точно такие же имена носят придворные в «Гамлете». Стараниями антистратфордианцев найдено немало эпизодов в шекспировских пьесах, которые в какой-то мере совпадали с событиями в разных странах, свидетелем которых был (или мог быть) во время своих заграничных путешествий тот или иной аристократ, выдвинутый в претенденты.

Или еще более поразительный факт — бросающееся в глаза совпадение между мыслями, обнаруженными в записных книжках Бэкона и пьесах Шекспира. А между тем этих мыслей философ в произведениях, изданных под его собственным именем, не излагал или же, если и высказывал, то только после опубликования шекспировских трагедий и комедий, где встречаются параллельные замечания и утверждения. Трудно предположить, чтобы актер Шекспир имел возможность знакомиться с заметками, которые делал вельможа, государственный деятель Френсис Бэкон исключительно для себя лично, в записных книжках, отнюдь не предназначенных для постороннего взгляда. Не следует ли из этого, что сам Бэкон повторил свои мысли, зафиксированные сначала в записных книжках, в пьесах, которые он опубликовал под именем Шекспира?

Немало подобных совпадений найдено и подобных вопросов рас-

ставлено в произведениях антистратфордианцев, пытающихся доказать, что Шекспир из Стратфорда был лишь маской, за которой скрывался действительный автор шекспировских произведений. По мнению одного видного антистратфордианца, автор шекспировских пьес должен был быть человеком, связанным с феодальными аристократами, представителем высшей знати, родственником или активным сторонником Ланкастерской династии, победившей в Войне роз, поклонником Италии, любителем музыки и спорта, щедрым, имеющим склонность к католицизму, и т. д.

Однако есть и другая сторона медали. Стратфордианцы не остались в долгу, нанося один за другим удары по основам построений своих противников и обвиняя их прежде всего в том, что они изучают Шекспира без знания среды, в которой он вращался, без исследования творчества драматургов его эпохи. А если поставить изучение Шекспира в эти рамки, уверяют они, многие сомнения отпадут сами собой.

О Шекспире не сохранилось почти никаких биографических данных и никаких рукописей. Но Шекспир не является исключением; таковы наши знания почти о всех драматургах — его современниках. Их рукописи также затерялись. Шекспир в глазах современников был одним из известных сочинителей пьес, ставился наравне с другими авторами. Он не являлся для современников тем величайшим, непревзойденным гением, которым он по справедливости стал во мнении потомства. Лишь в XVIII в., и особенно в XIX в., пришла к Шекспиру его мировая слава. Понятно, что в течение нескольких поколений, для которых Шекспир «еще не был Шекспиром», его бумаги могли затеряться, как манускрипты большинства других драматургов, живших во время правления Елизаветы I и Якова I. К тому же сочинители пьес занимали в их время крайне низкое место на социальной лестнице. Когда Бен Джонсон издал свои пьесы под названием «Труды», это вызвало насмешки и издевательства. В ту эпоху еще не привыкли к высокой оценке творчества драматургов.

Здесь, между прочим, можно ответить на вопрос, почему Шекспир ничего не говорит в завещании о своих пьесах. Да просто потому, что они ему не принадлежали, что их не было в Стратфорде. Рукописи, конечно, составляли собственность театра, где шли эти драмы и комедии, и должны были храниться в его библиотеке. А отсутствие упоминания книг в завещании отнюдь не говорит, что их не было у него в доме. Исследователи изучили завещания ученых и государственных деятелей конца XVI — начала XVII в. В большинстве завещаний не упоминаются книги. Это относится даже и к завещанию самого Френсиса Бэкона! Напротив, порой даже в завещаниях простых йоменов говорится о нескольких книгах. Быть может, еще ранее было решено, что книги Шекспира перейдут к доктору Холлу.

Шекспир был сыном сравнительно зажиточных родителей, занимавших довольно видное положение среди стратфордских горожан. Поэтому нет оснований считать, что он не посещал местную школу. Конечно, находясь в Лондоне, он должен был самостоятельно пополнять свои знания. Но такой путь был проделан многими другими современными ему драматургами. Книги же вовсе не были тогда так дороги, как полагают антистратфордианцы. Дешевые издания («кварто») продавались по нескольку пенсов за томик — по цене, вполне доступной для пайщика театра «Глобус». А в этих дешевых изданиях было опубликовано немало исторических хроник, переводов греческих и римских классиков, географических сочинений и т. п. Изучение пьес Шекспира показывает к тому же, что представление о необычной учености их автора — преувеличение. Все сведения, которые содержатся в них, Шекспир мог почерпнуть из небольшого числа изданных в то время книг, а грубые ошибки, в которые он впадает, в частности в географии, вряд ли могли быть сделаны высокообразованными аристократами или тем более крупнейшим ученым Френсисом Бэконом.

С другой стороны, пьесы Шекспира действительно отражают глубокое знание его автора в одной области — законов театра, которые естественны у профессионального актера и маловероятны у аристократических дилетантов, в числе различных увлечений которых было и занятие драматургией. Ничего нет странного и в знании нравов двора, поведения государственных деятелей, которое обнаруживает Шекспир — актер придворного театра. Знакомство с деталями быта и географии других стран могло быть почерпнуто не только из книг, но и из рассказов товарищей-актеров (английские труппы в эти годы не раз выезжали на континент, где давали спектакли, пользовавшиеся большой популярностью). Наконец, многие пьесы Шекспира являются переделками — хотя и гениальными переделками — более ранних пьес на ту же тему. Такой путь создания новых произведений для театра считался тогда вполне нормальным. Детали, на которые указывают антистратфордианцы, могли быть, несомненно, почерпнуты Шекспиром из пьес, послуживших для него материалом, а они в значительной своей части не дошли до нас. Эти же источники объясняют и загадку совпадений между отдельными местами в записных книжках Бэкона и пьесах Шекспира — и тот и другой, вероятно, использовали одни и те же материалы.

Самые «неопровержимые» доказательства антистратфордианцев рассыпаются, как карточный домик, при внимательном их анализе. Например, загадка памятника. Более подробно исследовали книгу, в которой памятник Шекспиру изображен в виде, отличающемся от современного. И что же выяснилось? Ее автор — Уильям Дугдейл, писавший в середине XVII в., еще не питал особого пиетета к имени

Шекспира. Памятник великого драматургв срисоваи им в числе других местных «древностей». Сравнили изображения в книге остальных памятников с их оригинвлами и установили, что почтенный антикварий часто путвл, очевидно, рнсуя по памяти, десятки бегло осмотренных им достопримечвтельностей. А автор первой бнографни Шекспира Роу попросту скопировал рисунок нз книги Дугдейла. Таким образом, утверждение о переделке монумента превращается из почти неоспоримого факта в явную легенду. В 1725 г. памятник бесспорно уже имел современный вид. Имеется также свидетельство стратфордского учителя Джозефа Грина. Он принимал участие в сборе средств на ремонт надгробия в 1749 г. В сентябре того же года, после уже произведенного ремонта, Грин отмечал, что было проявлено особое старание сохранить памятник в прежнем виде *. Маловероятно, чтобы учитель из Стратфорда сделал печатно такое заявление, не опасаясь быть тут же уличенным во лжи сотнями свидетелей, если бы памятник подвергся измененням. Да и не было бы причнн специально оправдываться и лгать: тогдв еще не существовало «шекспировского вопросв».

Литературоведческий внализ разрушает миф об аристократических симпатиях Шекспира, показывает, что наивно отождествлять драматурга с персонажами его пьес. К тому же нельзя забывать, что Шекспир был человеком своей эпохи, а в конце XVI в. прогрессивная роль монархии в Англии еще не былв полностью сыграна. «Код» в пьесах Шекспира, обнаруженный бэконианцами, как показвли работы экспертов по шифроввнию, также оказался выдумкой. При таких методах «расшифровки» из текста пьес можно извлечь любую фразу, в том числе и утверждение, что они написаны Шекспиром из Стратфорда.

Или взять подпнси Шекспира. Детальный графологический анализ показывает, что все они на разных документвх имеют характерные общие черты и, следовательно, принвдлежат одному и тому же лицу. А различное написание фамилнй вовсе не было какой-то редкостью в елизаветинской Англии. Фамилии многих исторических деятелей и писателей той поры дошли до нас в десятках транскрипцнй. Отпадают также доказательства «неграмотности», которые вообще нелепы в отношении актера придворной труппы, обязанного быстро разучивать порученные ему роли. В 1930 г. было напечатано письмо драматурга Френсиса Бомонта Бену Джонсону от 1615 г., в котором подчеркнвается, что, мол, Шекспир достиг крупных успехов, не имея образования (schollershippe). Это никак не может относнться к ари-

* Однако в 1769 г. Гораций Уолпол отмечал, что городские власти Стратфорда «весьма сильно приукрасили Шекспира», явно намекая на переделку памятника.

стокрвтам, окончившим Кембриджский или Оксфордский университеты. Сам Б. Джонсон, называя в своем известном отзыве Шекспира «нежным лебедем Эвона» (т. е. из Стратфорда на Эвоне), пишет, что тот знал «плохо латынь и еще хуже греческий язык». (Антистратфордианцы считают и эти слова Джонсона результатом «заговора», имеющего целью скрыть подлинного автора.)

За последние десятилетия собраны новые доказательства авторства Шекспира из Стратфорда. Так, например, было документально установлено, что пьесы Шекспира принадлежали королевской труппе. В 1619 г., когда два лондонских издателя хотели опубликовать некоторые из этих вещей, королевские актеры вмешались и добились распоряжения лорда-камергера, чтобы никакие пьесы, составлявшие собственность труппы, не печатались без ее согласия. Уже известный нам Хотсон установил связи актера Шекспира с литературными кругами того времени. Выяснилось, что первую поэму Шекспира «Венера и Адонис» напечатал Ричард Филд, уроженец Стратфорда. Студенты в Кембридже ставили любительские спектакли «Путешествие на Парнас» (1598 г.) и «Возвращение с Парнаса» (1602 г.). В одной из них говорится об актере Шекспире, в другой — о поэте и драматурге Шекспире, причем в обоих случаях явно имеется в виду одно и то же лицо.

Шекспиру писали его друзья и родные — одним этим опровергается вымысел об его «неграмотности». «Занятие ростовщичеством», которое так усердно вменялось в вину актеру Шекспиру антистратфордианцами, тоже не подтверждается фактами. В одном случае это обвинение связано с закупкой Шекспиром зерна на случай недорода. Но такое большее, чем полагалось по закону, количество зерна было обнаружено у всех зажиточных жителей Стратфорда, у многих из них в погребах хранились значительно более крупные запасы, чем у Шекспира. Еще имеется мелкий иск о неуплате денег за солод. Сколько благородного негодования он вызывал у антистратфордианцев! Оказывается, иск был предъявлен в те месяцы 1604 г., когда Шекспир находился в Лондоне, выступая свидетелем в одном судебном процессе. Проверили книгу городского совета Стратфорда, там фамилия Шекспира встречается 166 раз, при этом в четырнадцати различных вариантах (между прочим, по-разному писали современники также фамилию Оксфорда и других «претендентов»). Наконец, еще одна любопытная деталь. В 1602 г. против членов геральдической коллегии выдвигались обвинения в необоснованной выдаче разрешения на право иметь гербовые щиты. В ходе дебатов был составлен документ, сохранившийся в архивах. В нем указывается, что один из участников спора, Ральф Брук, привел пример с гербом «Шекспира-драматурга», воспроизведя при этом гербовый щит Шекспира из Стратфорда.

Посвящение своей поэмы «Венера и Адонис» одному из знатных дворян мог написать актер Шекспир, а не такие вельможи, как Оксфорд или Дерби. Надо напомнить также, что в сонетах автор двоекратно говорит, что его имя «Билль» (сокращенное от «Вильям»).

Накоиец, малоубедительны доводы, которымн антистратфордианцы обосновывают для Бэкона или других претендеитов иеобходимость сохранять свое инкогнито, скрываясь под маской Шекспира.

Почему, например, Оксфорд не признал пьесы «Шекспира» за свои? Потому что многие из них были лишь «слегка прикрытыми и едкими комментариями к текущим событиям». Между тем правительство Елизаветы и Якова I явно не видело в пьесах Шекспира ничего противозаконного. Цензура их одобряла, лишь иногда требуя изъятия отдельных мест.

Антистратфордианцы дружно доказывают, будто это произошло потому, что правительство не считало Шекспира действительным автором пьес, особенно «Ричарда II». (Эту драму использовали в пропагандистских целях участники заговора Эссекса). Но в таком случае либо властям был известен подлинный автор и сохраиение в тайне его фамилии становилось бы еще более бессмысленным, либо правительство знало лишь, что Шекспир ие является автором, и тогда должно было бы, коиечно, заинтересоваться, кто же написал пьесу. Но обычно рьяные расследователи Роберта Сесила так не поступили. Не попытались вытянуть — если надо, пыткой — у актера Шекспира, с которым не было причин церемониться, имя настоящего автора. Почему? Ответ может быть только один: всезнающая тайная полиция Елизаветы не имела ни малейших основаиий сомневаться в авторстве Шекспира из Стратфорда, она произвела расследование по свежим следам и заранее отвергла теории антистратфордианцев (между прочим, Фреисис Бэкон был одним из обвинителей Эссекса на суде!).

Мы уже говорили о том, что не было видимых оснований для подлииного автора десятилетиями соблюдать тайну, тем более избрать в качестве прикрытия актера той труппы, которая ставила пьесы. Он ведь должен был в этом качестве попадать в нелепые положения, когда ему приходилось бы давать объяснения темных мест в написанных не им пьесах, производить иа ходу нужиые изменения, знать наизусть сотни и тысячи чужих строк. Стремление аитистратфордианцев всячески принизить Шекспира-актера, изобразить его неграмотным пьяницей и вымогателем денег у подлиниого автора делает вдобавок еще более нелепым предположеиие, что он десятилетиями мог играть роль «прикрытия». И вообще, зачем действительному автору нужно было подобное прикрытие, когда значительио проще было взять псевдоним? Некоторые современники Шекспира так и поступали, причем их настоящие имена остались и поныне остаются неразгаданными. У нас есть несколько свидетельств, в том числе са-

мого Бена Джонсоиа, что современники считали автором шекспировских пьес актера Шекспира из Стратфорда.

Ретленд был моложе Шекспнра, поэтому прнходнтся предположить, что он создал ряд замечательных шекспировскнх пьес уже в 15—16 лет. Другне претенденты умерлн значнтельно раньше актера Шекспнра, напрнмер граф Оксфорд — в 1604 г. Антнстратфорднанцы поэтому стараются доказать, что шекспнровские пьесы, явно иапнсанные после 1604 г. (и содержащне намеки на событня этнх лет), все же были созданы раньше, а потом вндоизменялнсь. Непонятно, зачем было сохранять тайну после смерти и действнтельного автора и Шекспнра из Стратфорда даже прн изданин собрания сочиненнй в 1623 г.

Все антистратфорднанцы пытаются найти в сонетах н пьесах Шекспира иамеки на действнтельные и предполагаемые детали бнографнн защнщаемого нми претендента. Но, применяя этот шаткнй метод, можно, как показалн стратфорднанцы, с еще большнм основаинем «прнвязать» другие места в тех же сонетах н пьесах к известным илн возможным случаям из жизнн Шекспнра-актера. Антнстратфордиаиские теорни, авторы которых защнщают каждый своего кандидата, отчаянно протнворечат одна другой, любая нз ннх опровергает все остальные, показывая, насколько пронзвольны их выводы, делаемые на основаннн однנх н тех же данных. Недаром разлнчные школы антистратфордианцев не жалеют крепких эпитетов по адресу конкурентов («луиатнкн», прнверженцы «до дикости невозможных взглядов» и т. п.).

Еще более важно, что сторонникн определенного кандидата протнворечат н даже должны постоянно протнворечнть самим себе. С одной стороны, они обязаны считать, что нх претендент радн какнхто, чрезвычайно важных для него, причнн должен был тщательно соблюдать тайну своего авторства, и поэтому свндетельства современнников, что сонеты и пьесы напнсаны Шекспиром-актером, вызваны были незнанием этого секрета. С другой стороны, чтобы найти хоть тень доказательства, антнстратфорднанцы вынуждены предполагать, что эта тайна была известна многим лицам, которые даже делалн намекн на нее не только в перепнске, но и в свонх печатных пронзведеннях, что сам автор не раз сообщает свое имя во многих пьесах. Неясно, зачем было сохранять секрет, в который должны былн быть посвящены сотнн людей через много лет и даже десятнлетий после смерти Оксфорда, другнх претендентов и самого Шекспнра. Да и как было возможно сохранить в таких условнях тайну, чтобы ее ие выдал нн одннм словом ин один посвященный?

Антистратфордианцы пытаются использовать даже тот факт, что в завещании Шекспира пункт о деиьгах для актеров Хеминджа, Конделла и Бербеджа, чтобы они купили себе кольца на память об

их друге, вписаи между строкамн. Это ли ие свидетельство «заговора», особенно еслн учесть, что Хемнндж и Конделл были составнтелямн первого собрання сочинений Шекспнра, вышедшего в свет в 1623 г.? (Иногда утверждают, что Джонсон был спецнально послан в Стратфорд, чтобы нсказить завещаиие.) Хеминджа и Конделла обвиняют в обмаие — оии говорнли, что печатают пьесы с рукопнсей, а ошнбкн при изданин свидетельствуют, что это неправда. Однако очеиь вероятно, что пьесы печаталнсь с дефектных рукопнсей, побывавших в руках многих актеров н истрепавшнхся за долгне годы. А небрежности прн издании и ошибкн вовсе не свидетельствуют о заговоре. Антистратфорднанцы считалн, что первое нзданне прннесло около 6 тыс. ф. ст. убытка, который мог быть покрыт только графом Пемброком и графом Монтгомери, участникамн «заговора». Однако при этих расчетах исходилн нз того, что было напечатано всего 250 экземпляров.

Но ведь прнмерно такое число книг первого издания сохраиилось до нашего временн, н ныие специалнсты счнтают, что было выпущено 1000—1500 экземпляров. Главное, что всего через девять лет, в 1632 г., поиадобнлось второе нзданне, значнт спрос существовал и публнкация произведеинй Шекспнра была коммерчески выгодным делом. В первое издание добавлена поэма Леонарда Днггеса в честь Шекспнра нз Стратфорда. Антистратфорднанцы высказывалн множество догадок в связн с тем, что было неясно, кто такой Диггес. Однако в 1931 г. Леслн Хотсон установил, что отчимом Леонарда Диггеса являлся Томас Россел, блнзкий друг Шекспира, живший в Стратфорде с 1600 г. Диггес не мог не знать актера Шекспнра. Что же, поэма Диггеса тоже звено «заговора»?

В поисках новых доказательств антистратфорднанцы не оставлялн в покое даже могилы. Накануне второй мировой войны была вскрыта могила Эдмунда Спенсера, так как в современных свидетельствах нашлн упомииание, что в гроб положнлн элегии, написанные по поводу кончины этого поэта. Однако через трн с половиной века точное место погребеиия Спенсера определить не удалось, и поиски осталнсь безрезультатными. Не меньшее волненне среди антнстратфордианцев вызвало исследоваиие так называемого Эшборнского портрета Шекспира (его назвалн так потому, что он был обнаружен в Эшборне, графстве Дербншнр). Портрет просветили рентгеновымн лучамн и обиаружилн, что он представляет собой переделку портрета какого-то другого лица, довольно похожего на графа Оксфорда — одного из главных претендентов на роль Шекспнра. Одиако надо учнтывать, что эшборнскнй портрет всплыл иа свет лншь в 1847 г. Всего вероятнее, он представлял собой действительно переделку изображения Оксфорда или кого-то неизвестного, которая была произведена в конце XVIII в., когда усиленно искалн

портреты Шекспира и коллекционеры были готовы платить за них огромные деньги. Спрос родил предложение.

Да и зачем было современникам Шекспира использовать в качестве основы портрет Оксфорда? Трудно представить себе, чтобы они таким путем решили на время скрыть тайну, оставив возможность ее разгадки будущим поколениям. Неужели они могли предусмотреть возможность просвечивания полотна в XX в. с помощью рентгеновых лучей? Если же они хотели раскрыть тайну, то не проще ли было оставить картину Оксфорда в ее первоначальном виде, пояснив, что это портрет Шекспира?

То обстоятельство, что усилия сотен и тысяч сторонников антистратфордианских теорий, среди которых было немало талантливых и знающих людей, дали столь ничтожные результаты, лучше всего другого говорит, что эти теории не могут быть доказаны. Недаром ярый оксфордианец Перси Аллен вскоре после второй мировой войны выпустил книгу, в которой попытался решить вопрос об авторстве Шекспира с помощью... спиритизма. Аллену удалось побеседовать с «духами» Бэкона, Оксфорда и Шекспира. Ответ, который дали духи, можно было заранее знать, прочтя предшествовавшие работы Перси Аллена. Шекспировские произведения были, оказывается, написаны Оксфордом при некотором сотрудничестве Бэкона, а также актера Шекспира из Стратфорда. В 1964 г. один из антистратфордианцев в отчаянии предложил передать решение вопроса об авторстве шекспировских пьес на рассмотрение... электронной машины, поскольку человеческий ум оказался не в состоянии справиться с этой задачей.

«Шекспировский вопрос» уже полвека назад вызвал появление пародий. В 1919 г. вышла анонимная брошюра «Под маской Мольера». Ее автор — известный французский юрист и писатель, академик М. Гарсон позднее, при переиздании этой вещи, признался, что он первоначально думал приписать пьесы Мольера какому-нибудь «подходящему» аристократу, но потом решил, что обстоятельства жизни этого лица будут мало известны публике, а рассказ о них утяжелит шутку. Поэтому Гарсон объявил, что под маской Мольера скрывается сам Людовик XIV, что даже фамилия драматурга — это анаграмма слова «король» (Moliere — Me Le roi) и что сын обойщика актер Жан Баптист Поклен, разумеется, не имел к этому никакого отношения. Разве не бросается в глаза отсутствие всякой связи между содержанием пьес Мольера и жизнью Поклена, который был крайне невежествен, до 14 лет не умел читать и писать, а поступив через два года в колледж и проявив себя как дебошир и пьяница, конечно, не мог быстро изучить латинский язык, право, географию и другие науки, которые несомненно были досконально известны автору «Тартюфа». Пьесы Мольера мог написать только аристократ, живший

между 1658 и 1673 гг., хорошо знавший двор и столицу, получивший отличное образование: изучавший политику и богословие, а также заинтересованный в поддержании абсолютной власти короля и сословных граней. Это лицо должно было обладать влиянием и общественным положением, которое помешало ему открыто подписывать свои пьесы; кроме того, он должен был знать актера Поклена. Только Людовик XIV удовлетворяет всем этим условиям. Любопытно, что мадам де Севинье утверждала, что король временами пописывал стихи, о судьбе которых ничего не известно. Ясно, что они изданы под чужим именем. В метрике одного из сыновей актера Поклена записано «сын Жана Баптиста Мольера», а в свидетельствах о рождении второго и третьего сыновей уже значится «сын Жана Баптиста Поклена Мольера». Имя первого ребенка было Луи (Людовик). Понятно, что его отцом был настоящий Мольер, т. е. Людовик XIV (аналогичные ситуации можно найти и в сочинениях Мольера). Только король мог сломить сопротивление придворных постановке ряда пьес «Мольера», включая «Тартюфа». Почему Поклена, любимца короля, не избрали в Академию? Явно потому, что не он автор произведений «Мольера». В перечне вещей, оставшихся после смерти Поклена, нет ни одной из пьес Мольера. Правда, после кончины Поклена король не писал пьес, по-видимому, потому, что он не имел удобного псевдонима и, кроме того, под влиянием фаворитки мадам де Ментенон стал религиозным и не хотел предаваться такому греховному занятию... Такова была сплошь построенная на софизмах изящная шутка М. Гарсона, удачно пародировавшая приемы антистратфордианцев. Автор снабдил брошюру обещанием выпустить капитальное исследование на ту же тему, а также работы, доказывающие, что «под маской» Вольтера скрывался прусский король Фридрих II, Наполеона — его мамлюк Рустан, Виктора Гюго — критик Сен-Бёв и т. п. Несмотря на все это, появились глубокомысленные люди, принявшие брошюру всерьез. Один из них доказывал, что пьесы Мольера написаны вовсе не Людовиком XIV, а кардиналом Рецем. Конечно, насмешка еще не доказательство, и шутка Гарсона не могла снять «шекспировский вопрос».

Несмотря ни на что, далеко не все написанное антистратфордианцами может быть отвергнуто. Они сделали многое для понимания немалого числа темных мест в шекспировских творениях. Имеются в их работах и доказательства того, что отдельные современники (например, сатирики Холл и Марстон) считали Бэкона и других претендентов автором или соавтором той или иной вещи, которую мы считаем принадлежащей Шекспиру; это, однако, никак не является даже частичным доказательством антистратфордианских теорий. Словом, серьезным исследователям жизни и творчества Шекспира предстоит еще немало работы...

Теперь, однако, пора вернуться из нашего экскурса и, обрисовав состояние «шекспировского вопроса» на его нынешней стадии, посмотреть, как он оказался связанным с тайной войной и политическими конфликтами елизаветинского времени.

Прежде всего любопытно отметить, что в число претендентов на лавры Шекспира включены главные антагонисты — Роберт Сесил с его шпионами и иезуитский орден, точнее — его лазутчики и проповедники в Англии. Оба «открытия» были сделаны в США. Так, в 1916 г. в Индианополисе появилось исследование Д. М. Максуэлла «Человек под маской: Роберт Сесил, граф Солсбери, единственный действительный автор шекспировских пьес». Годы жизни Сесила близки к годам жизни Шекспира. В сонетах Максуэлл обнаружил намеки на физические недостатки автора, а известно, что всесильный министр был горбуном. Кроме того, Максуэлл объявил автобиографической сцену в «Гамлете», где Полоний прощается со своим сыном Лаэртом перед отъездом того в Париж. Максуэлл счел даже возможным приписать Сесилу пьесы не одного Шекспира, но и большинства других драматургов эпохи (в этом отношении американец, впрочем, следовал только примеру бэконианцев, некоторые из них были столь же щедры в отношении своего кандидата).

В том же 1916 г. другой американец, Гарольд Джонсон, издал в Чикаго работу под названием «Написали ли иезуиты „Шекспира"?». Джонсон ответил на этот вопрос утвердительно. Вынужденные уйти в подполье, святые отцы во время нередко представлявшегося им досуга и сотворили шекспировские трагедии, комедии и сонеты как средства антиправительственной пропаганды. (Сторонники авторства Оксфорда, напротив, уверяют, что он и возглавляемая им группа придворных сочинили шекспировские пьесы для пропаганды против Испании и католиков). Откуда взялся псевдоним «Шекспир»? И на это у Гарольда Джонсона был ответ. Псевдоним навеян именем и фамилией папы Адриана IV (1154—1159 гг.), единственного англичанина, занимавшего кресло главы католической церкви. До избрания папы он носил имя Николаса Брекспира (Breakspeare). По-английски это значит «ломатель копья». Отсюда недалеко и до «потрясателя копья» (Шекспира). К тому же, как и актер Шекспир, папа Адриан был выходцем из простой среды. Понятно, что теория Джонсона не осталась без подражаний, особенно среди католиков. Не раз появлялись книги, сочинители которых тщетно пытались вычитать из шекспировских пьес, что автор их был католиком.

Однако к взглядам, защищаемым Максуэллом и Г. Джонсоном, антистратфордианцы относятся с презрительной иронией, как к незаслуживающим внимания чудачествам. Иное дело — теория, утверждающая авторство Вильяма Стенли, шестого графа Дерби (1561—1642 гг.), который, наряду с Оксфордом и Бэконом, считается одним

из главных претендентов. Его инициалы (W. S.) совпадают с инициалами Шекспира, которыми были подписаны некоторые ранние издания шекспировских пьес.

Отправным пунктом для защитников авторства Дерби служат донесения иезуитского шпиона (его фамилия или псевдоним — Джордж Феннер), переписывавшегося с отцом Парсонсом в Риме и другими лицами. Два из этих донесений, датированные 30 июня 1599 г., были перехвачены контрразведкой Тайного совета и сохранились в английском государственном архиве. Шпион сообщал Парсонсу о попытках убедить нескольких английских аристократов, благосклонно настроенных в отношении католицизма, принять участие в заговоре против Елизаветы. Особенно желательным участником заговора был бы граф Дерби, имевший какие-то отдаленные права на трон. Понятна поэтому горечь иезуитского соглядатая, убедившегося, что на привлечение этого вельможи нет надежды, так как «граф Дерби занят ныне только писанием комедий для простых актеров».

Эта фраза с небольшими вариациями повторяется в обоих перехваченных донесениях. Отсюда, конечно, никак нельзя вычитать, что речь идет о пьесах Шекспира. Это очень скудное основание для выдвижения кандидатуры Дерби (которое, правда, пополняется другими, столь же малоубедительными доводами). Надо лишь заметить, что даже в такой степени приплетение материалов разведки к вопросу об авторстве вызывает большое сомнение. Следует ли понимать буквально сообщение Джорджа Феннера? Зачем он это, довольно безразличное для его иезуитских начальников, обстоятельство настойчиво повторяет в двух донесениях, направленных в тот же адрес, и при этом повторяет почти в тех же самых выражениях? Кто знает, не скрывается ли за этой невинной фразой шифрованное сообщение, относящееся к интересам католического заговора и возможного участия в нем графа Дерби?

Часть антистратфордианцев сочла драму «Ричард II» и роль, которую она сыграла в мятеже Эссекса, тем «недостающим звеном», которое позволяет связать пьесы Шекспира с их «подлинным» автором. Главное усердие в данном случае проявляют бэконианцы и сторонники кандидатуры графа Дерби. Бэконианцы цитируют «Апологию», написанную будущим лордом-канцлером. Бэкон — в прошлом один из приближенных Эссекса, назначенный теперь в число его судей, явно нуждался в том, чтобы объяснить свое поведение. В «Апологии» Бэкон передает разговор с королевой по поводу книги Д. Хейуорда о Генрихе IV, в которой повествовалось о свержении с престола Ричарда II и которая была посвящена Эссексу. На титульном листе книги были поставлены инициалы — Д. Х., а в латинском посвящении полностью фамилия автора — Д. Хейуорд. Однако королева, видимо, заподозрила, что он был лишь подставной фигурой,

и предложила подвергнуть его пытке на дыбе. Бэкон убедил свою разгневанную повелительницу отказаться от этого намерения. Между тем был пущен кем-то слух, что действительным автором был сам Бэкон, поэтому, когда ему предложили указать на процессе Эссекса, что тот потворствовал появлению «мятежной» книги Хейуорда, Бэкон выдвинул возражения. Сочинения Хейуорда, разъяснил он,— это старое дело (книга была издана более чем за год до мятежа), и ему, Бэкону, особенно неудобно выступать обвинителем по данному вопросу, не дав новую пищу слухам об авторстве. Из всего этого разъяснения в «Апологии» бэконианцы (в частности, Б. Д. Теобалд в книге о Бэконе) делают совершенно поразительный вывод, что в ней речь идет вовсе не о сочинении Хейуорда — там ведь точно был указан автор, а о шекспировском «Ричарде II». И что, следовательно, Бэкон — автор «Ричарда II» и других драм и комедий, приписываемых Вильяму Шекспиру. Довод, надо прямо сказать, неожиданный. Дело в том, что в «Апологии» говорится о посвящении сочинения Эссексу — это могло относиться только к книге Хейуорда, а никак не к драме «Ричард II», о которой в рассказе Бэкона вообще не говорится ни слова. К тому же Бэкон не признает себя автором книги, в которой излагалась история гибели Ричарда II, а, наоборот, решительно опровергает, что имел какое-либо касательство к этому сочинению. Приводится еще аргумент, будто королева не могла заподозрить кого-либо в авторстве книги Хейуорда, поскольку его имя было напечатано на титульном листе, тогда как, мол, драма «Ричард II» не содержала таких сведений. Этот довод звучит особенно оригинально в устах людей, которые предполагают, что указания фамилии Шекспира на его произведениях, в том числе прижизненных изданиях, являются лишь мистификацией, скрывающей подлинного автора.

Д. Титерли, один из главных сторонников кандидатуры графа Дерби, пытается подыскать другие аргументы. Он приводит записи начальника государственного архива Вильяма Ламбарда, давно, впрочем, известные, о разговоре с Елизаветой, состоявшемся вскоре после мятежа Эссекса. Королева резко заметила своему собеседнику: «Я — Ричард II, разве вы этого не знаете?». Тогда Ламбард вежливо намекнул, что это, мол, лишь злостная выдумка Эссекса, не назвав его прямо по имени. В ответ Елизавета бросила загадочную фразу: «Кто готов забыть бога, забудет и своих благодетелей; эта комедия 40 раз игралась на площадях и в зданиях». Эти слова уже никак не могли касаться Эссекса. Титерли относит их к Шекспиру — «Дерби», другие — к Оксфорду, некоторые бэконианцы — к Бэкону. Между тем никто из них не подходит к фразе, в которой говорится о безбожии и забвении благодетелей. Ни один из них не получал каких-то исключительных милостей от королевы и не мог быть обвинен в не-

лояльности. Каков же действительный смысл сказанного Елизаветой и переданного в очень несовершенной записи Ламбарда? Вероятнее всего, две фразы толкуют о совсем разных лицах. В первой речь идет явно об Эссексе (в ответ на намек Ламбарда), во второй — о драме Шекспира, которую ставили в день мятежа бывшего королевского фаворита и которую Елизавете было естественно вспомнить в такой связи, тем более что беседа началась с упоминания о Ричарде II и что мысли королевы давно уже были заняты историей свержения и смерти этого монарха.

Постановка «Ричарда II» являлась важным пунктом обвинительного заключения против Эссекса и его сторонников, поскольку являлась единственным опровержением их заверений, что они вооружились лишь для законной самозащиты (Саутгемптон действительно незадолго до этого подвергся на улице нападению и с трудом отбился от направленных против него мечей).

Причина, почему актеры труппы лорда-камергера и особенно автор мятежной пьесы — Вильям Шекспир не были подвергнуты никакому наказанию, наиболее правдоподобно объясняется тем, что их сочли лишь ничего не подозревавшими орудиями заговорщиков. (Напротив, настоявшие на постановке драмы сэр Д. Меррик, Ч. Денверс и Р. Кафф были казнены.) Однако в литературе высказывалось предположение, что актеры все же подпали под подозрение и в последующие год-полтора находились вне Лондона, быть может, даже за границей. Одним из вероятных мест гастролей могла стать шотландская столица Эдинбург — этим объяснялась бы крайняя благосклонность шотландского короля, когда он занял английский престол, к труппе, в которую входил Шекспир. (К сожалению, шотландские архивы этого периода не сохранились — во время революции середины XVII в. по приказу Кромвеля их переправили в Лондон, а когда уже после реставрации на престоле Карла II их было решено вернуть в Шотландию, корабль, перевозивший документы, затонул, не достигнув места назначения.)

Наконец, надо остановиться на попытке части антистратфордианцев еще одним хитроумным путем связать «шекспировский вопрос» с перипетиями тайной войны. Мы имеем в виду теорию, которая выдвигает в качестве действительного автора всего написанного Вильямом Шекспиром его великого современника драматурга Кристофера Марло.

Наиболее известный защитник кандидатуры Марло американский журналист Калвин Гофман издал в 1955 г. нашумевшую книгу, в которой попытался доказать эту теорию. Марло коренным образом отличается от других кандидатов тем, что он был действительно драматургом, и притом гениальным. Если бы не ранняя смерть Кристофера Марло, то у Шекспира, вероятно, был бы среди современников

действительно равный или почти равный ему соперник. Марло погиб 29 лет от роду — в 1593 г., когда подавляющая часть произведений Шекспира явно еще не была написана. Это, казалось бы, непреодолимое препятствие, но и оно не смущает сторонников кандидатуры Марло, у которых находится ответ на любое возражение.

Чтобы понять их аргументацию, надо напомнить несколько фактов из жизни Марло, о которой, между прочим, мы знаем ничуть не больше, чем о жизни Шекспира. Родившись в тот же год, что и Шекспир, сын сапожника из Кентербери Кристофер Марло сумел окончить Кембриджский университет, получив степень магистра. Еще в университете он поступил на службу к Уолсингему. Это не был какой-то исключительный случай. Агентами секретной службы состояли и другие деятели тогдашнего литературного и театрального мира, например шотландский поэт Энтони Мэнди (действовавший в английском колледже в Риме), драматург и актер Мэттью Ройстон, рано умерший талантливый драматург Уильям Фаулер, может быть, и Бен Джонсон.

В феврале 1587 г. молодой Марло исчез из Кембриджа, не сообщив никому, куда он уехал. Он вернулся только в июне того же года. Когда же университетские власти вздумали было строго допросить студента о причинах его продолжительной отлучки, им из столицы намекнули на неуместность подобного любопытства. Марло в качестве тайного агента Уолсингема или одного из его помощников посетил различные страны континентальной Европы. Он выдавал себя за перешедшего в католицизм. Марло заезжал в Реймс, где в то время находился один из центров подготовки католических священников из англичан-эмигрантов, там будущий драматург беседовал с отцом Парсонсом. Резко отзывавшемуся о королеве Елизавете студенту рассказывали о планах католического подполья в Англии.

Однако позднее отношения Марло с правительством явно испортились. Он примкнул к вольнодумному кружку блестящего мореплавателя и ученого Уолтера Ралея. Иезуиты утверждали, что Ралей и его друзья занимались тем, что читали наоборот слово «бог» и получали слово «пес». В правительственных кругах на занятия кружка Ралея тоже смотрели с недоверием. Шпионы Роберта Сесила ведь не могли знать, что через три века часть усердных антистратфордианцев объявит, будто кружок занимался, так сказать, «коллективным написанием» пьес актера придворной труппы Вильяма Шекспира. Марло обвинили в атеизме и хотели предать суду. 20 мая 1593 г. его вызвали на заседание Тайного совета. Однако он не был арестован, его обязали только каждый день отмечаться в канцелярии Совета до тех пор, пока не будет вынесен приговор по его делу. Неизвестно, чем было вызвано это относительно милостивое решение Совета — недостаточно обоснованным обвинением, какими-то сохранившимися у Марло связями

или даже намерением использовать его вновь в интересах «службы», а быть может, и желанием покончить втихомолку со ставшим неугодным писателем, не связывая себя официальным судебным процессом.

Марло был, таким образом, отпущен впредь до нового решения Совета, но оно так и не состоялось, так как через 10 дней подсудимый был убит. Известно, однако, что Тайный совет за это время получил дополнительные обвинения против Марло, содержавшиеся в доносе одного из его агентов — Ричарда Бейнса. Обвинения были, очевидно, настолько серьезны, что копия доноса Бейнса была направлена королеве. В этой бумаге отмечалось, что донос поступил 2 июня, когда, по другим сведениям, Марло был уже два дня как мертв. В самой копии указывалось, что Марло умер через три дня после получения Советом доноса. Странное обстоятельство, если не счесть это результатом ошибки переписчика. Он собирался, вероятно, поставить, что за три дня «до», а указал — через три дня «после» получения доноса наступила смерть неблагонадежного сочинителя пьес. Ибо иначе трудно понять, почему ничего не упоминается о действиях, которые должен был бы предпринять Совет, будь Марло еще живым в момент доставки документа. А таким действием мог быть только приказ о немедленном аресте.

Необходимо отметить еще один многозначительный факт. В доносе Бейнса наряду с Марло названы сэр Уолтер Ралей и математик Гарриот и указано, что обвинение должно быть распространено на ряд других, связанных с ними высокопоставленных лиц, имена которых будут названы позднее. В копии доноса, посланной Елизавете, имя Ралея было опущено.

... В Дептфорде, селении, расположенном в нескольких милях от Лондона, день 30 мая 1593 г. начался, как обычно. Жители городка могли лишь снова поздравить себя с тем, что эпидемия чумы, свирепствовавшая в столице, обошла стороной Дептфорд и даже вызвала сюда наплыв перепуганных лондонцев, платививших хорошие деньги за помещение и стол. Народу понаехало так много, что никто не обратил внимания на четырех человек, также прибывших из столицы, хотя трое из них имели более чем сомнительную репутацию. Это были карточный шулер Инграм Фризер, его достойный помощник вор Николас Скирс и, наконец, правительственный шпион и провокатор Роберт Пули, уже известный читателям. А четвертым был человек, которого, казалось бы, трудно было встретить в такой компании, — Кристофер Марло.

Все четверо отправились в трактир на улице Дептфорд-стренд, принадлежавший некоей Элеоноре Булл. Там они начиная с 10 часов утра, как отмечалось позднее в протоколе, составленном следователем, «пообедали и после обеда мирно прогуливались, бродили по саду, примыкавшему к указанному дому, вплоть до 6 часов вечера. Вслед

за тем они вернулись из упомянутого сада и совместно поужинали». После ужина Марло улегся на кровать в своей комнате, тогда как трое его компаньонов уселись на скамейку спиной к своему знакомому. Инграм Фризер сидел посередине. Вскоре возник спор. Фризер и Марло обменялись резкими словами, дело шло о денежных расчетах.

Марло в ярости схватил нож, который болтался у его противника на ремне за спиной, выхватил его из ножен и ударил Фризера рукояткой, нанеся поверхностную рану на голове. Фризер успел удержать Марло за руку. В последовавшей схватке, говоря словами того же протокола, Фризер «вышеупомянутым кинжалом стоимостью в 12 пенсов нанес названному Кристоферу смертельную рану над правым глазом глубиной два дюйма и шириной один дюйм; от смертельной раны вышеназванный Кристофер Марло тогда же и на том же месте умер».

Поскольку королева Елизавета находилась в пределах 12 миль от Дептфорда, расследование, согласно закону, было поручено королевскому следователю Данби, который и составил цитированный протокол. В течение длительного времени друзья Марло не знали обстоятельств его трагической гибели. Многие считали, что он пал жертвой чумы. По заключению медиков, рана, подобная той, которая описана в протоколе, не должна была вызвать мгновенную смерть. Еще более странной на первый взгляд является судьба убийцы. Его первоначально посадили в тюрьму. Однако уже через месяц он был помилован Елизаветой на том основании, что действовал в порядке самозащиты. Подобная королевская милость редко оказывалась так скоро после свершения преступления. Брат умершего в 1590 г. министра Уолсингема Томас Уолсингем, бывший другом и покровителем Марло, немедленно принял Фризера к себе на службу, на которой тот находился ранее и оставался еще и 20 лет спустя (причем использовался для выполнения особо «деликатных» и уголовно наказуемых дел).

Интересно также еще одно обстоятельство. В мае 1593 г. Роберт Пули уехал из Англии в Гаагу с очередным шпионским заданием. В день, когда был убит Марло, он только возвратился с секретной информацией для сэра Томаса Уолсингема и после встречи с хозяином спешно направился в Дептфорд, в дом Элеоноры Булл, где встретился с Марло, Фризером и Скирсом. Вряд ли это он сделал по собственной инициативе. Однако зачем Марло — в это время уже не безусому юноше — было проводить время со столь подозрительными и опасными лицами, если он не знал твердо, что они получили приказ оказать ему помощь?

Долгое время в распоряжении науки были только сбивчивые показания современников, передававших ходившие тогда слухи о том, как произошло убийство. В 1820 г. один из ученых направил в городок Дептфорд, неподалеку от Лондона, где произошло убийство,

письмо к местному священнику с просьбой поискать какие-либо сведения об этом событии в церковно-приходских реестрах. (В них записывались рождения, браки и смерти.) В ответ священник прислал выписку, гласившую: «1 июня 1593 г. Кристофер Марло убит Френсисом Арчером». В 1925 г. английский ученый Лесли Хотсон отыскал в государственном архиве подлинник заключения, составленного следователем Данби, и приговор присяжных заседателей относительно убийства Марло. Присяжные сочли, что Марло был убит 30 мая 1593 г. Инграмом Фризером, действовавшим для самозащиты. Убийство произошло в присутствии Скирса и Роберта Пули.

Сторонники кандидатуры Марло на роль Шекспира, конечно, не преминули воспользоваться этим разночтением имени убийцы. Калвин Гофман построил такую внешне эффектную гипотезу: Марло опасался нового вызова в Тайный совет, пыток, осуждения. Тогда ему на помощь пришел Томас Уолсингем, который инсценировал убийство, причем для этого вовлек в заговор не только своих слуг и подчиненных — Пули, Фризера, Скирса, но и Данби, который провел следствие с непонятной торопливостью, не допросил даже хозяйку дома Элеонору Булл и, главное, взял с потолка имя убийцы «Арчер», лишь потом заменив его именем Фризера. Быть может, убили какого-нибудь заезжего моряка, которого никто не знал в Дептфорде и которого было легко выдать за Марло? Тот же переждал опасное время в имении Уолсингема, потом уехал на континент и в течение долгих лет посылал в Англию пьесы, которые ставились под именем Шекспира.

Остроумная гипотеза, не правда ли? Однако в ней есть один существенный недостаток — она не опирается ни на какие доказательства, кроме того, что произведения Шекспира стали появляться вскоре после 30 мая 1593 г., а также на не идущих к делу сходных местах в пьесах Марло и Шекспира. Эта теория строится также на домыслах, что в некоторых шекспировских драмах содержится будто бы намек на судьбу Марло и что сонеты, посвященные таинственному «W. H.», в действительности были адресованы Томасу Уолсингему, фамилию которого иногда писали через дефис — Walsing-Ham.

До тех пор, пока Гофман и его сторонники не смогут привести хотя бы одно свидетельство, что Марло видели живым после 30 мая 1593 г., их теория основывается на чистой фантазии. По существу, как ехидно заметил один из статфордианцев, единственное доказательство в пользу авторства Марло сводится к тому, что его убили, а Шекспир остался жить в годы, когда были написаны шекспировские пьесы.

В 1953 г. в колледже Корпус Кристи в Кембридже, в котором обучался Марло, производился ремонт комнаты, почти не переделывавшейся с XVI в. Под слоем штукатурки, относившейся к более позднему времени, была найдена раскрашенная доска. Более тщательное исследование обнаружило, что на ней изображен какой-то мо-

лодой человек. Гофман пытается уверить читателя, что это портрет Марло, и вдобавок вполне схожий с портретом Шекспира, приложенным к первому изданию его сочинений.

В шекспировской комедии «Как вам это понравится» шут Оселок заявляет: «Когда твоих стихов не понимают или когда уму твоему не вторит резвое дитя — разумение, это убивает тебя сильнее, чем большой счет, поданный маленькой компании» (буквально — «большая расплата в маленькой комнате») (акт III, сцена 3). Не только одни сторонники кандидатуры Марло видят в этих словах намек на трагическую сцену в маленькой комнате дептфордской гостиницы. Но почему этот намек должен бы быть сделан «спасшимся» Марло, а не Шекспиром?

Гофман попытался пойти и по еще одному проторенному пути антистратфордианцев — вскрытию могил. После долгих хлопот было получено разрешение разрыть могилу Томаса Уолсингема, где надеялись обнаружить рукописи Марло. В 1956 г. могилу раскопали, и разочарованный Гофман должен был заявить: «Мы нашли песок, нет ни гроба, ни бумаг, один песок». В прессе иронически отметили, что пустота могилы отлично подчеркнула пустоту теории.

Нечего говорить, что гипотеза о «заговоре» Томаса Уолсингема носит совершенно искусственный характер: если бы он хотел помочь Марло, то между 20 мая и временем поступления нового доноса в Тайный совет Уолсингем мог без труда организовать его бегство за границу, не прибегая к громоздкой инсценировке убийства. Что же касается различия в фамилии убийцы, то это, как показал еще в 1925 г. Лесли Хотсон, было результатом ошибки священника. Он плохо разбирал скоропись елизаветинского времени, принял в фамилии Фризера, записанной со строчной буквы и через удвоенное «ф» (ffrizer), первые две буквы за одно большое «А» и просто домыслил остальные знаки. Так получилась фамилия Арчер. Хотсон приводит в своей работе «Смерть Кристофера Марло» фотокопию записи в регистрационной книге прихода, которая неопровержимо доказывает ошибку священника. В книге, несомненно, стоит фамилия Фризера, хотя ему неправильно приписано имя Френсиса. Интересно, что, не раз цитируя Хотсона, Гофман усердно обходит этот неопровержимый вывод английского ученого.

Мало убедительны и попытки Гофмана доказать неправдоподобие картины убийства, которую рисует заключение следователя Данби. Там сказано, что во время возникшей ссоры Марло выхватил нож, который Инграм Фризер носил на спине. Эта деталь вызывает град насмешек со стороны Гофмана относительно необычного способа хранить кинжал. Однако показания современников неопровержимо свидетельствуют, что в елизаветинскую эпоху это было широко распространенной манерой носить оружие.

Гофман уверяет, что у Марло не могло быть ничего общего с такими подозрительными личностями, как Фризер и Скирс. Однако по своему социальному положению они стояли не ниже Марло. Фризер владел некоторой собственностью, Скирс был сыном купца и другом одного из друзей Марло. Гофман обращает внимание и на то, что Фризер после скорого оправдания, а также Пули и Скирс сохранили свои места на службе у покровителя поэта—Томаса Уолсингема. Вместе с тем Гофман упускает из виду одно важное обстоятельство: вся тройка верно служила до этого не Томасу, а Френсису Уолсингему, как и Марло в его молодые годы. Пули сыграл определенную роль в раскрытии заговора Бабингтона. То, что Фризер, Скирс и Пули остались на службе, говорит либо об их полезности, в связи с чем Томас Уолсингем и не счел нужным с ними расстаться, либо действительно был заговор, но с целью не спасти, а покончить с Марло, а Томас Уолсингем и в этом случае выполнял указания властей. Причиной, побудившей избавиться от Марло, мог быть не только его атеизм (как мы помним, наиболее серьезные обвинения поступили в Тайный совет уже после убийства), но и какие-то столкновения секретной службы с бывшим разведчиком и великим драматургом. А может быть, и боязнь Томаса Уолсингема, что Марло под пыткой выдаст какие-то тайны его и кружка Ралея.

Этим догадкам, видимо, навсегда предстоит остаться догадками. Впрочем, и обвинение в атеизме звучало достаточно серьезно для властей, среди которых было немало истовых протестантов. Кроме того, елизаветинская разведка могла иметь особые основания не допускать гласного суда над драматургом. Ведь Марло сохранял возможность рассказать что-либо «лишнее» о своих поездках на континент в качестве агента секретной службы. Во главе разведки при Елизавете стояли умелые и осторожные люди. Так что вряд ли в архивах могли уцелеть свидетельства о причастности королевских министров к случайной потасовке в городке Дептфорде, при которой некий Фризер убил бывшего студента Кембриджского университета Кристофера Марло.

Неудачные эксперименты Гофмана не помешали появлению других работ, поддерживавших авторство Марло — одного или в сотрудничестве с какими-то другими лицами. Примером может служить изданная в 1968 году работа Д. и Б. Уинчкомбов «Действительный автор или авторы Шекспира». В новой книге делается попытка поставить под сомнение факт убийства Марло, утверждается, что драматург был еще более, чем предполагают, вовлечен во многие сражения тайной войны. При этом отдельные интересные наблюдения соседствуют с чистыми домыслами. Уинчкомбы обращают внимание на то, с какой быстротой и категоричностью Тайный совет в своем решении от 9 июня 1587 г. вступился за Марло, когда на него ополчились в Кем-

бридже за необъяснимое отсутствие. В решении, принятом Тайным советом, — в его составе находился и лорд Берли, являвшийся одновременно канцлером Кембриджского университета, — говорилось: «Ее Величеству не угодно, чтобы кто-либо, используемый, как он (Марло. — *Е. Ч.)*, в делах, затрагивавших благополучие страны, подвергался опорочиванию со стороны тех, кто не знал, чем он был занят». Обычно считают, что Марло ездил в Реймс для сбора сведений об иезуитах. Но это лишь воспроизведения ходивших тогда слухов, и не исключено, что их сознательно распускали с целью скрыть действительную миссию Марло.

Все известное нам о жизни Марло с 1587 по 1593 г. говорит о наличии у него вполне достаточных средств. Отношение к нему властей оставалось благосклонным. 18 сентября 1589 г. Марло должен был драться на дуэли с неким Уильямом Бредли. Марло пришел на место назначенного поединка со своим другом поэтом Томасом Уотсоном. Бредли решил сначала скрестить шпаги с Уотсоном, очевидно считая его более легким противником. Он ошибся — Бредли, правда, удалось ранить Уотсона, но тот нанес в ответ своему противнику смертельный удар. Через несколько дней власти нашли, что Уотсон убил Бредли в порядке самозащиты. Марло и Уотсона отправили в тюрьму — до очередной сессии суда. Однако Марло выпустили уже через неделю под залог, а Уотсон оставался в тюрьме пять месяцев.

Важно отметить, что двоих лиц, которые свидетельствовали против Марло в роковом 1593 г., постигло очень суровое возмездие. При аресте 12 мая 1593 г. драматурга Томаса Кида, жившего вместе с Марло, были найдены бумаги, которые официально обозначены, как «Порочные и еретические вымыслы, отрицающие божественность Иисуса Христа». Кид утверждал, что бумаги принадлежали Марло, оставленные им два года назад, когда он снимал это помещение, и что они случайно оказались перемешанными с бумагами самого Кида. В своих показаниях Кид уверял, что Марло не раз высказывал при нем богохульные суждения, а также намерение убеждать высокопоставленных лиц принять сторону шотландского короля. Эти показания привели лишь к тому, что Кида оставили в тюрьме, подвергли пытке за «мятеж и ересь» и выпустили на свободу только в 1594 г., незадолго до смерти. Другой донос был послан, как мы уже знаем, неким Бейнсом. Возможно, что это простое совпадение, но второй обвинитель Марло тоже кончил свои дни в 1594 г. на виселице в Тайберне.

18 мая 1593 г. был издан приказ об аресте Марло, 20 мая того же года в бумагах появилась запись, что Марло предстал перед лордами — членами Тайного совета. Ему было предписано ежедневно являться в помещение Совета до того времени, пока он не получит другого приказания. Сравнительно с наказаниями, постигшими его обвинителей, Марло отделался пока столь легко, что возникает вопрос:

не было ли ему просто-напросто предписано ежедневно посещать Тайный совет впредь до получения нового секретного задания? Между прочим, если бы Марло должен быть соблюдать это решение, он никак не мог утром 30 мая оказаться в Дептфорде и проводить время в обществе Фризера, Скирса и Пули, которые все трое были явно или неявно агентами секретной службы. В этой связи то обстоятельство, что убийство произошло в месте, где его расследование должен был вести королевский следователь, а присяжными могли быть, вполне возможно, люди из находившегося неподалеку, в одной-двух милях, имения Томаса Уолсингема, должно привлечь особое внимание.

В описании убийства Марло, по мнению Уинчкомбов, имеется немало неясностей и темных мест. Особо настораживает, что все участники драмы как будто демонстративно прогуливались в саду, тогда как убийство было совершено в комнате, роковой удар был нанесен в лицо, что затрудняло опознание. Мог ли это быть заговор с целью убийства поэта? По мнению Уинчкомбов, это маловероятно. У Тайного совета, если бы он хотел отделаться от Марло, были для этого куда более надежные средства, как показывает судьба Кида и Бейнса. К тому же Марло быстро бы разгадал ловушку. Куда вероятнее, что он был участником представления и что взамен Марло следствию был представлен труп какого-то другого убитого человека. Можно предположить, что Марло и в 1587 г., и после 1593 г. выполнял важную тайную миссию при дворе шотландского короля Якова, наследника английского престола. По мнению Уинчкомбов, трактаты, которые сочинял Яков, были написаны не без помощи Марло. Драматург, вероятно, участвовал в восстании Эссекса. Не ограничиваясь этим, авторы высказывают и еще целый ряд подобных же догадок, основанием для которых является весьма вольное истолкование отдельных мест из произведений Марло, Шекспира и других современных сочинений. В результате к числу авторов шекспировских пьес Уинчкомбами присоединена графиня Пемброк и еще один «соискатель» — церковный деятель, позднее епископ Джон Уильямс.

Каковы же основания для выдвижения его прав на шекспировский трон? Уильямс был близким другом графа Саутгемптона, которому посвящены поэмы Шекспира, участвовал в сочинении кембриджскими студентами пьесы «Возвращение с Парнаса», в которой упоминался Шекспир. Будущий епископ, как и Марло, был знакомым графини Пемброк, портреты Шекспира, «возможно», срисованы с портретов Джона Уильямса, сей почтенный служитель церкви незадолго до опубликования собрания сочинений Шекспира установил дружеские связи с Беном Джонсоном, написавшим, как известно, предисловие к этому изданию. Герб Уильямса имеет «гротесковое подобие» стратфордскому памятнику. Почерк так называемой «Нортумберлендской рукописи», которую бэконианцы считают доказательством,

что Шекспир — Бэкон, оказывается, напоминает почерк Уильямса. Наконец, известно, что бумаги Уильямса сгорели при пожаре в Вестминстерском аббатстве в 1695 г., — это ли не свидетельство, что он передал их на хранение для опубликования, видимо, через полвека после своей смерти (Уильямс умер в 1650 г.). Некоторые портреты Шекспира, оказывается, рисовались и с ...графини Пемброк, надевшей парик с плешью и привязавшей себе бороду! Авторы приводят и много других аналогичных предположений и «доказательств», но пора остановиться, тем более что становится уже трудным разобрать, утверждают ли все это Уинчкомбы всерьез или просто потешаются над легковерием своих читателей.

КАРДИНАЛ И «СЕРЫЙ КАРДИНАЛ»

Правление Ришелье сыграло не меньшую роль в истории тайной войны, чем в истории Франции и всей Западной Европы. Внимание Ришелье к секретной службе можно назвать наследственной чертой. Его отец был приближенным Генриха III, и в документах того времени не раз встречаются указания о выдаче Франсуа де Ришелье денег для нужд, «о которых король желает, чтобы не было упомянуто».

Арман Жан дю Плесси, кардинал и герцог Ришелье, родившийся в 1585 г., вырос в атмосфере дворцовых интриг. Он рано начал делать придворную карьеру и превосходно овладел техникой разведывания намерений противника и тщательной маскировки собственных планов, которая часто была необходимым условием успеха. Первоначально Арман предполагал стать военным, но по семейным обстоятельствам вскоре принял решение сделаться священником: неожиданно освободилось место епископа Люсонского, которое было фактически наследственным в роде дю Плесси. Имелось одно препятствие — Арману шел только двадцать первый год, он был слишком молод, чтобы по церковным правилам стать епископом. Король Генрих IV, хорошо относившийся к его отцу, конечно, не обратил внимания на такую мелочь и назначил Армана дю Плесси главой Люсонской епархии. Однако посвятить в епископский сан мог только папа Павел V. Угрюмый старик молча выслушал цветистую латинскую речь бледного худощавого юноши, который выглядел моложе своих лет. Папа спросил:

— А Вы достигли уже возраста, который установлен церковными уставами?

— Достиг, Ваше святейшество, — отвечал дю Плесси, кладя, как положено, земной поклон (он успел подделать свое метрическое свидетельство).

Когда торжественный обряд был окончен, новый епископ Люсонский неожиданно простерся ниц перед папой и вскричал:

— Ваше святейшество, отпустите мне великий грех, я ведь еще не достиг надлежащего возраста!

Павлу V оставалось лишь дать епископу отпущение грехов и многозначительно заметить, что этот «плут» далеко пойдет. Может, папа предчувствовал, что «плута» придется сделать кардиналом и прощать ему куда большие грехи и неприятности за то, что он попытается ограничить влияние любимых сыновей церкви — испанских и австрийских Габсбургов, чрезмерное могущество которых очень беспокоило святой престол...

После убийства Генриха IV регентшей при его малолетнем наследнике Людовике XIII стала супруга погибшего и мать нового короля Мария Медичи — недалекая, грузная, капризная флорентийка. Ею, как хотела, вертела молочная сестра королевы Леонора Галигаи и ее красавец муж Кончини. Этот итальянский авантюрист стал маркизом и маршалом д'Анкр. Приехав в конце 1613 г. в Париж, молодой епископ Люсонский постарался втереться в доверие к маршалу и Галигаи. Это оказалось не простым делом. Вдобавок ко всему больная, припадочная, скрывавшаяся под вуалью от дурного глаза Галигаи сочла, что у епископа непереносимо тяжелый взгляд. Первая попытка окончилась неудачей. Однако вскоре регентша и Кончини рассорились с крупнейшими феодальными магнатами, началась гражданская война. Регентша была вынуждена согласиться в 1614 г. созвать Генеральные Штаты. На их заседаниях епископ Люсонский, являвшийся одним из депутатов духовенства, сразу сумел проявить способности политика. После этого он обратился снова к Кончини, с предложением своих услуг, и на этот раз оно было принято. Прошло немного времени, и Ришелье стал членом Королевского совета и использовал все свое красноречие, чтобы очаровать регентшу и ее уродливую любимицу. При этом Ришелье внимательно следил за быстро менявшейся политической конъюнктурой. Уверившийся в своем могуществе маршал д'Анкр не понял, какой угрозой для его власти стала ненависть, которую он возбуждал в пятнадцатилетнем короле. Чтобы усыпить подозрения, молодой король, по его словам, «изображал ребенка». Людовик XIII подозревал чету Кончини в том, что они принимали участие в убийстве его отца Генриха IV, хотел отомстить за то невнимание, граничившее с пренебрежением, с которым они относились к нему в детстве. Король целиком подпал под влияние фаворитов, особенно Люиня, который, учитывая крайнюю непопулярность в Париже сказочно разбогатевшего итальянца, твердо

решнл занять место маршала д'Аикра н прнбрать к рукам его обшнрные владеиия.

Все это быстро усвонл Ришелье. Продолжая засыпать Кончнин увереииямн в своей предаииости н ревиостно заинмаясь вербовкой войск (войиа против вельмож вспыхнула снова), лукавый епископ Люсонскнй одновременно через одиого нз свонх родственнников завязал тайиые контакты с Люннем. В апреле 1617 г. окружение короля решнло отделаться от Кончнин. Был вызваи капнтан гвардии барон де Внтрн, иенавндевшнй регентшу н ее фаворнта. От нменн Людовнка Люниь прнказал Внтрн арестовать маршала д'Анкр.

— Государь, в случае еслн он стаиет защнщаться, как я должен поступнть?

Король остался нем, но однн нз прндворных заметнл:

— Король ожидает, что его убьют.

Внтри поглядел на молчавшего монарха:

— Государь, я выполию Ваше повелеине.

Вечером 23 апреля 1617 г. Рншелье получнл пнсьмо, где сообщалось, что маршал д'Аикр завтра будет убнт. Епнскоп засунул бумагу под подушку н спокойно заснул...

24 апреля на подъемном мосту, переброшенном через ров, который окружал Лувр, Внтри в сопровожденнн несколькнх гвардейцев подошел к Кончннн.

— По прнказу короля, — заявнл барон, — я вас арестую.

Остолбеневшнй фаворнт нзумленно спроснл по-итальянскн:

— Меия?

— Да, вас.

Впоследствин утверждалн, будто флорентнец схватнлся за шпагу. Немедленно раздалось несколько выстрелов, трн пулн уложнли его на месте. Истерзанное тело Кончннн было брошено на потеху толпы.

Без промедлення была арестована и Галнган. Ее свадебный контракт предусматривал раздельность нмущества супругов. Чтобы завладеть состоянием фаворнткн, ее обвнинлн в колдовстве (она гадала на виутренностях животных, пыталась нзлечнться с помощью магнческнх средств) н соучастнн в заговоре, прнведшем к убнйству Генрнха IV. Галнган была осуждена как колдунья. Во время процесса судьн задалн Леоноре вопрос, явно рассчнтанный на компрометацню Марнн Меднчн: почему обвнняемая скрыла получеиное ею предупреждеине о готовнвшемся убийстве Генрнха IV? На эшафоте Галнган спроснлн, какнм колдовскнм путем она подчнннла себе королеву. Осужденная ответила:

— Превосходством, которое существо, снльное духом, нмеет над другим.

После казни Галиган богатства супругов Кончннн досталнсь Люнию, позднее получившему титул герцога.

...Ришелье находился у одного из своих друзей в Сорбонне — Парижском университете, когда там стало известно об убийстве маршала д'Анкр. Епископ сделал вид, что он поражен новостью, и поспешил в Лувр, где встретил очень холодный прием. Король хотел прогнать его прочь, но тут вмешался Люинь — сказались завязанные ранее связи. Новый фаворит чувствовал себя еще очень непрочно и не хотел пренебрегать услугами человека, доказавшего свою ловкость. Епископ произнес искусную речь, подчеркивая, насколько ему был неприятен Кончини, который все время, мол, платил Ришелье крайним недоверием. Смягчившийся Людовик хотя и лишил Ришелье поста министра, но сохранил за ним право заседать в Королевском совете. Не в пример другим придворным Марии Медичи, брошенным в тюрьму или высланным из Парижа, Ришелье сумел удержать большую часть завоеванных позиций. Епископ Люсонский подрядился быть шпионом Люиня при королеве-матери. А для самой Марии Медичи, лишившейся разом всех своих советчиков и потерявшей голову от страха, Ришелье, единственный из ее приближенных, сохранявший хладнокровие и влияние при дворе, предстал как подлинный спаситель.

Епископ провел все необходимые приготовления. 5 мая Людовик XIII наконец соизволил принять свою мать, долго добивавшуюся этого свидания, после чего бывшая регентша отправилась в Блуа, который был предназначен ей для жительства. Там в мрачном замке, где за четверть века до этого по приказанию Генриха III был убит герцог Гиз, разместился небольшой двор Марии Медичи, а главой совета сосланной королевы стал Ришелье. Именно в это время честолюбивый епископ счел целесообразным стать любовником своей госпожи и одновременно посылал частые обстоятельные донесения в Париж Люиню. В одном из таких писем епископ Ришелье горячо заверял, что он действует, как надлежит «добропорядочному человеку».

Служба столь образцового пастыря была хлопотливой во многих смыслах. Среди придворных Марии Медичи нашлось достаточно честолюбивцев, готовых заместить епископа Люсонского — по крайней мере в роли шпиона Люиня. Наиболее опасным соперником был некий аббат Рюкселаи, в недавнем прошлом доверенное лицо Кончини, которого тот даже прочил на пост министра. Ныне Рюкселаи усиленно курсировал между Блуа и Лувром, возбуждая против Ришелье подозрения Люиня и пытаясь раскрыть Марии Медичи глаза на истинную роль ее любимца. Епископу удалось, правда, оправдаться перед королевой, но прирожденное чутье политика подсказало ему целесообразность временно удалиться в тень. В июне 1617 г. прошел слух, что король выразил пожелание, чтобы Ришелье вернулся в свое Люсонское епископство. Воспользовавшись этим предлогом, Ришелье

поспешно покинул Блуа. Напрасно королева направляла негодующие послания сыну и Люиню, напоминавшие, по словам одного современника, «рычание раненой львицы». Тщетно Мария Медичи забрасывала письмами неверного епископа, призывая его вернуться, посылала за ним свою карету. Ришелье остался непоколебим, ссылаясь теперь на действительно полученный приказ короля, хотя и подавал надежду на возвращение в будущем. В письмах к Люиню и другим влиятельным лицам он выражал удовольствие, что ему удалось спасти свою честь и «жить, подобно схимнику, читая книги и выполняя порученные ему обязанности».

Во время своего уединения епископ Люсонский возобновил еще ранее установившееся знакомство с монахом, главой отделения капуцинского ордена в Турени Жозефом дю Трембле. Ришелье, оставив без внимания химерические мечты капуцина об организации крестового похода против турок, отметил у отца Жозефа недурные способности дипломата и разведчика. Отшельничество имело и свои неудобства. Мария Медичи оказалась под влиянием Рюкселаи, а Люинь продолжал подозревать епископа Люсонского в интригах. В апреле 1618 г. Ришелье было предписано покинуть Францию, он уехал в Авиньон, принадлежавший римскому папе, но и там шпионы Люиня продолжали следить за каждым его шагом.

Во Франции обстановка снова осложнилась. Вельможи находились в открытой вражде с Люинем, в Центральной Европе началась война между католиками и протестантами, которая получила впоследствии название Тридцатилетней и которая постепенно охватила почти весь континент.

Аббат Рюкселаи, предав Люиня, сговорился с вельможами об их совместном выступлении с Марией Медичи против фаворита. В ночь с 21 на 22 февраля 1619 г. тучная матрона вылезла из окна, спустилась по приставной лестнице, прижимая к груди шкатулку с драгоценностями, и села в ожидавший ее экипаж. По дороге королеву встретил вооруженный отряд во главе с герцогом д'Эперноном, и вскоре они оказались на территории, занятой войсками возмутившихся вельмож.

В Лувре царила тревога, и находившемуся там отцу Жозефу удалось подсказать Людовику, что лучше всего было бы направить к королеве-матери епископа Люсонского, который уж сумеет добиться примирения ее с сыном. В начале марта 1619 г. Ришелье получил предписание короля без промедления отправиться к Марии Медичи. Изгнание закончилось.

Выполняя поручение короля, Ришелье способствовал заключению в апреле мирного договора между вельможами и королевой-матерью, с одной стороны, и короной — с другой. Марии Медичи было передано наместничество Анжу, большие права получили мятежные магнаты.

Ришелье была обещана кардинальская шапка, но одновременно Люинь тайно дал знать в Рим, что король не хотел бы, чтобы такая милость была оказана епископу Люсонскому. В 1620 г. возобновилась вооруженная борьба с вельможами. Поддержка Марии Медичи приобрела для Люиня большое значение, а вместе с тем возрастала и роль Ришелье. Ловко маневрируя, раздавая обещания направо и налево, Ришелье убедил даже испанскую дипломатию, что в ее интересах способствовать возвышению главы Люсонской епархии. А ведь в это время у Ришелье уже твердо сложилась его политическая программа, включавшая в качестве одного из главных пунктов борьбу против Испании. Противники Ришелье низводили политику до уровня придворных интриг, он же научился скрывать под видом придворных интриг большие политические планы. Их он утаивал пока даже от отца Жозефа, не отказавшегося от проектов, продиктованных католическим фанатизмом. А капуцин в это время стал едва ли не главным помощником Ришелье и постепенно занял место главы его секретной службы. Уступая настойчивому давлению матери, король наконец дал указание просить папу удовлетворить стремление епископа Люсонского стать одним из князей церкви. 5 сентября 1622 г. Ришелье был возведен в сан кардинала, что давало ему более независимое положение. Позднее он снова был включен в состав Королевского совета. Росту влияния Ришелье способствовала неожиданная смерть Люиня в декабре 1621 г. Оставалось еще преодолеть личное предубеждение упрямого и капризного короля. На это ушли месяцы новых маневров и интриг. В августе 1624 г. Ришелье был сделан главой Королевского совета. Потребовалось семь лет, чтобы Людовик перестал видеть в Ришелье креатуру Кончини. После назначения главой Совета кардинал быстро превратился в фактического правителя Франции. Одним из первых его действий был вызов в Париж отца Жозефа. «После бога, — писал Ришелье руководителю французских капуцинов, — отец Жозеф был главным орудием моего теперешнего возвышения».

В течение почти двадцати лет — с 1624 г. и до самой смерти в 1642 г. — кардинал Ришелье сохранял в своих руках бразды правления при ничтожном Людовике XIII. Чтобы не быть низвергнутым с высот могущества, Ришелье пришлось не только научиться играть на слабостях и капризах непостоянного, подверженного посторонним влияниям Людовика XIII, но и быть все время в курсе непрекращавшихся дворцовых интриг. В них принимали активное участие мать, жена и брат короля, а также другие принцы крови, не говоря уже о влиятельных вельможах. Противники кардинала пытались противодействовать усилению королевского абсолютизма, полному подчинению знати верховной власти монарха, чего настойчиво добивался Ришелье, опираясь на поддержку большинства дворянства и буржуа-

зии. Им была нужна твердая власть для подавления крестьяиских и городских восстаний.

В своем сопротивлении Ришелье его протнвники почти неизменно прибегали к излюбленному средству — к сговору с Габсбургами, против которых, продолжая линию Генриха IV, вел упорную борьбу кардинал. Поэтому разведка Ришелье должна была решать многосторонние, хотя и тесно переплетавшиеся, задачи: выслеживать противников кардинала при дворе, обнаруживать их связи с Испанией и Габсбургами и, наконец, прямо обслуживать внешнюю политику, включавшую, в частности, мобилизацию протестантского короля Швеции Густава-Адольфа и протестантских немецких князей против императора. Легко понять, почему в таких условиях Ришелье предпочитал придать разведывательной службе частный характер, оплачивая своих лазутчиков из собственного кармана, который, впрочем, после этого быстро пополнялся за счет казны.

Ришелье не верил даже своим личным секретарям. Когда они переписывали важные бумаги, кардинал сам смотрел за их работой: он хотел убедиться, что при этом не будут сняты дополнительные копии с секретных документов. К числу тех немногих лиц, которые неизменно пользовались неограниченным доверием Ришелье, был отец Жозеф («серый кардинал», как его иронически именовали враги).

Еще в первые годы правления Ришелье против него был составлен заговор во главе с братом короля Гастоном Орлеанским. В заговоре участвовали жена Людовика Анна Австрийская, побочные братья короля принцы Вандом, маршал Орнано и граф Шале. Заговорщики хотели похитить Людовика XIII и Ришелье, а в случае неудачи — поднять вооруженное восстание, которому была обещана полная поддержка в Вене и Мадриде.

В раскрытии заговора большую роль сыграл один из лучших разведчиков отца Жозефа — Рошфор. Он, вероятно, многим известен по знаменитому роману «Три мушкетера» Александра Дюма. Рошфор нарядился капуцином и, получив от отца Жозефа подробные инструкции, как подобает вести себя монаху этого ордена, отправился в Брюссель. Чтобы сбить со следа шпионов враждебной партии, Рошфор говорил по-французски с сильным валлонским акцентом и при случае не забывал упомянуть о своей ненависти к Франции. В Брюсселе мнимый монах сумел вкрасться в доверие к маркизу Лекю, любовнику одной из заговорщиц, герцогини де Шеврез. Вскоре Лекю уже передал услужливому монаху несколько писем для пересылки в Париж. «Таким путем, — добавил Лекю, — Вы окажете большую услугу Испании». Рошфор для верности разыграл комедию, уверяя, что не имеет возможности проникнуть во Францию, обманув шпионов кардинала, и уступил лишь тогда, когда Лекю обещал достать ему разрешение на поездку от духовного начальства. На полдороге Рош-

фора встретил курьер отца Жозефа, который быстро доставил письма в Париж. Депеши оказались зашифрованными, но код был скоро раскрыт, и Ришелье смог познакомиться с планами заговорщиков.

После прочтения письма были снова переданы Рошфору, который вручил их адресату — некоему адвокату Лапьерру, жившему около улицы Мобер. За Лапьерром была установлена постоянная слежка. Таким путем вскоре было открыто, что подлинным адресатом был королевский придворный, граф де Шале, в отношении которого уже давно сгущались подозрения. Однако особенно важно было то, что в письмах, доставленных Рошфором, обсуждался вопрос о желательности смерти не только Ришелье, но и самого Людовика XIII. Это позволило потом Ришелье разделаться с заговорщиками как участниками покушения на священную особу монарха. Ришелье был склонен сразу арестовать и отправить на эшафот графа Шале, но «серый кардинал» настоял на более изощренном методе действий. Стали непрерывно следить за Шале, чтобы открыть остальных заговорщиков. А Рошфор, получивший ответы на привезенные им письма, снова был послан в Брюссель.

Шале был далек от мысли, что он опутан сетью агентов кардинала, и спокойно отправил курьера к испанскому королю с предложением заключить тайный договор, о котором уже велись переговоры с испанскими властями в Бельгии. Испанский двор выразил полнейшую готовность удовлетворить все просьбы заговорщиков. Однако на обратном пути из Мадрида курьер был арестован, и Ришелье получил в свои руки доказательства того, что заговорщики, помимо всего прочего, виновны в государственной измене. После того как разведке кардинала удалось распутать все нити заговора, брат короля Гастон Орлеанский, прирожденный предатель, с готовностью выдал своих сообщников. Шале кончил жизнь на эшафоте.

Примерно к этому времени относится и знаменитый эпизод с брильянтовыми подвесками королевы Анны Австрийской, составляющий стержень интриги в романе «Три мушкетера» Александра Дюма. Впервые об этом случае рассказал современник событий, французский писатель Ларошфуко. В Анну Австрийскую был влюблен герцог Бэкингем — фаворит двух английских королей: Якова I и Карла I и всесильный первый министр Англии. Если верить рассказу Ларошфуко, Анна Австрийская подарила на память герцогу Бэкингему брильянтовое ожерелье, которое было незадолго до того преподнесено ей королем. Кардинал, узнав об этом от своих шпионов, решил воспользоваться случаем, чтобы нанести удар по опасному врагу — королеве. В романе Дюма Ришелье поручает коварной леди Винтер срезать у Бэкингема на балу два брильянтовых подвеска и спешно переслать их в Париж. После этого кардинал намекнул Людовику XIII, чтобы он попросил королеву надеть ожерелье на ближайшем

приеме. У Дюма д'Артаньян и его храбрые друзья мушкетеры доставляют из Лондона — несмотря на тысячи всевозможных препятствий, подстроенных агентами Ришелье, — королеве в Париж ее ожерелье с двумя спешно изготовленными новыми подвесками, которые невозможно было отличить от украденных леди Винтер. Кардинал, заранее торжествовавший победу, был посрамлен. В действительности роль леди Винтер сыграла графиня Карлейль, любовница Бэкингема, если... если только весь этот эпизод не является плодом фантазии Ларошфуко или, что еще вероятнее, передачей им слуха, который ходил в придворной среде.

Активной участницей заговора против Ришелье была герцогиня де Шеврез, тоже фигурирующая в «Трех мушкетерах» как таинственная белошвейка, приятельница Арамиса.

Старшая дочь герцога де Рогана Мария в первом браке была замужем за фаворитом Людовика XIII, герцогом де Люинем. Рано овдовев, она сочеталась вторым браком с герцогом де Шеврез, полнейшим ничтожеством, который целиком попал под власть своей умной волевой красавицы-жены. Герцогиня де Шеврез стала наперсницей Анны Австрийской в ее романе с Бэкингемом и интригах против Ришелье. Быстро возраставший список любовников герцогини составлял значительную часть реестра участников различных заговоров против министра-кардинала. К их числу относился и погибший на эшафоте граф Шале. После неудачи этой конспирации госпожа де Шеврез перебралась в Лотарингию, где ею увлекся правивший там герцог Карл IV, а оттуда распространила сеть своих интриг и на Англию. Контакты с королем Карлом I и герцогом Бэкингемом она поддерживала через еще одного из своих возлюбленных, герцога Монтегю. Неосторожность этого англичанина и послужила для разведки Ришелье той нитью, которая привела к раскрытию замыслов врагов кардинала. Монтегю был арестован на лотарингской территории. Найденные при нем бумаги раскрыли все планы заговорщиков.

Борьба против Ришелье не прекращалась.

Главой следующего заговора была мать Людовика XIII Мария Медичи, ранее не выступавшая против министра, который в молодости был ее фаворитом и даже был обязан ей своим возвышением. Воспользовавшись заболеванием короля, Мария Медичи и ее сторонники стали упрашивать его, чтобы он не уезжал в действующую армию в Савойе, как того требовал кардинал. Болезнь усилилась, и Мария Медичи совместно с Анной Австрийской слезами и мольбами удалось выманить у Людовика согласие расстаться с кардиналом. Королева-мать торжествовала победу и грубо выгнала вон Ришелье, явившегося к ней на прием. Толпы придворных лизоблюдов уже сочли своевременным перекочевать из передней кардинала в прихожую королевы-матери. Но они слишком поторопились. Людовик XIII

выздоровел и, забыв о своем обещаиии, иемедля вызвал к себе кардинала, который снова стал всемогущим правителем страны. Недаром этот день — 10 ноября 1630 г. — вошел в историю под названием «дня одураченных». Многие из «одурачеиных» были удалены от двора, в Мария Медичи после неудачной попытки поднять восстание в крепости Каппель, неподалеку от испанской Фландрии, была выслаиа за границу.

Однако Гастоиу Орлеанскому все же удалось возглавить возмущение в Лотарингии и заключить тайный договор с Испанией, обещавшей помощь противникам Ришелье. Чтобы навести страх на мятежников, кардинал приказал казнить их сторонника маршала Марильяка. Королевская армия вступилв в Лотарингию и разбила войска восставших. Одии из руководителей мятежа, герцог Монморанси, был обезглавлен на эшафоте. Гастои Орлеанский опять «раскаялся», предвл своих сообщиков, со слезами уверял кардинала в вечной любви... и снова начал плести интриги против Ришелье. А Мария Медичи, уехав в Брюссель, занялась ие только настойчивым противодействием внешней политике кардинала, ио и создала своего рода заговорщический центр для организации покушений на первого министра. Людовик XIII советовал Ришелье не прикасаться без проверки к фруктам и дичи, двже если оии присланы ему по приказу короля.

Вернувшаяся поздиее ко двору тридцатилетияя де Шеврез иа этот раз сделала своим любовником маркиза де Шатнефа, занимавшего важный пост хранителя государственной печати. Стареющий мвркиз, еще иедавио верная креатура Ришелье, теперь перешел на сторону врагов кардинала. Тот не прощал измены (к тому же ои и сам был не прочь приобрести расположение красивой герцогини). Разведка Ришелье раскрыла заговор, в котором участвовал прииц Гастон и другие враги кардинала. В 1635 г. Шатиеф был арестован, его бумаги, в частности переписка с госпожей де Шеврез, конфискованы, а он сам посажеи в внгулемскую тюрьму, из которой вышел только через десять лет, уже после смерти Ришелье. Отец Жозеф проследил все ответвлеиия заговора вплоть до Англии. Там противникам кардинала оквзыввла поддержку королева Генриетта-Мария. Герцогиня де Шеврез была отправлеиа в ссылку в Туреиь, где оствваласъ четыре годв (с 1633 по 1637 г.). Однако и оттудв заговорщица вела деятельную тайную переписку ие только с Анной Австрийской, но также с мадридским двором и английской королевой Геириеттой-Мврией.

Обмен письмами с Аииой Австрийской осуществлялся с помощью секретиых агентов, которыми руководил слугв королевы Ла Порт. Один из этих агентов выдал секрет людям кардинала. Ла Порт был посажеи в Бастилию, где его допрашивал канцлер Сегье и другие лицв,

присланные Ришелье, а потом и лично министр. Однако придворные Анны Австрийской сумели уговорить тюремщиков, чтобы они доставили письмо к Ла Порту. На следующий день тот был снова вызван на допрос. Ему угрожали жестокой пыткой, если он не сообщит все о переписке королевы с герцогиней де Шеврез и другими заговорщиками. Ла Порт сделал вид, что испугался угрозы и обещал рассказать все, что от него требовали. В действительности он изложил версию, которой ему рекомендовали придерживаться в тайном письме и которую отстаивала сама королева. Получилось, будто ничего предосудительного с точки зрения государственных интересов в корреспонденции Анны Австрийской не было и в помине. На этот раз Ришелье не получил нужных ему доказательств участия королевы в заговоре.

Тем не менее госпожа де Шеврез сочла благоразумным, переодевшись в мужское платье, бежать в Испанию. Оттуда она перебралась в Лондон и даже завела переписку с кардиналом Ришелье, который обещанием полного прощения пытался побудить ее вернуться во Францию. В этом он не преуспел. Герцогиня участвовала и во всех последовавших заговорах против правительства. (Недаром мысль о неутомимой интриганке преследовала Людовика XIII до гробовой доски. Даже на смертном одре король повторял «Это дьявол! Это дьявол!»)

В 1635 г. необъявленная война между Францией и Испанией была дополнена открытым разрывом и еще более многочисленными тайными покушениями на жизнь Ришелье. Испанские войска вторглись в Пикардию и овладели крепостью Корби. Людовик XIII и Ришелье с армией осадили эту важную крепость. Тогда уверенные в своей безнаказанности Гастон Орлеанский и граф Суассонский договорились с испанцами, что они добьются снятия осады, убив кардинала. На этот раз, видимо, контрразведка министра упустила подготовку покушения. Оно не удалось, так как Гастон по своему обыкновению струсил и не подал условленного знака убийцам. Вскоре Ришелье получил все сведения об этом заговоре, а Гастон и принц Суассонский, узнав, что их планы открыты, поспешно бежали за границу.

Оставалась еще Анна Австрийская, выступавшая против внешней политики кардинала и поддерживавшая тайные контакты с Мадридом и Веной. Разведка Ришелье неустанно следила за каждым движением королевы. После осады Корби шпионы Ришелье сумели раздобыть целый ворох писем, собственноручно написанных Анной Австрийской и адресованных ее подруге, уже знакомой нам герцогине де Шеврез, продолжавшей играть видную роль в заговорах против Ришелье. Королеву подвергли строгому допросу, и она должна была дать клятву не переписываться с врагами Франции.

«Я желаю, — писал Людовик XIII под диктовку Ришелье после краха одного из заговоров, — чтобы мадам Сеннесе мне отдавала отчет о всех письмах, которые королева будет отсылать и которые должны запечатываться в ее присутствии. Я желаю также, чтобы Филандр, первая фрейлина королевы, отдавала мне отчет о всех случаях, когда королева будет что-либо писать, и устроила так, чтобы это не происходило без ее ведома, поскольку в ее ведении находятся письменные принадлежности». Под этими и другими параграфами Анна Австрийская должна была подписать: «Я обещаю королю свято соблюдать указанные условия». Впрочем, такие обязательства и клятвы почти никогда не соблюдались.

В 1637 г. вспыхнуло восстание, поднятое графом Суасонским и комендантом крепости Седан герцогом Бульонским. Как и прежде, заговорщикам была обещана помощь испанского короля и германского императора. К войску мятежников присоединился отряд в 7 тыс. имперских солдат. Королевская армия потерпела поражение в битве при Марфе. Заговорщики надеялись, что после этого Людовик XIII пожертвует Ришелье, и нерешительный король уже был склонен согласиться на удаление кардинала. Но в 1641 г. пришло неожиданное известие — глава заговора граф Суасонский пал от руки неизвестного убийцы. Сторонники кардинала могли лишь разъяснить, что граф, видимо, покончил самоубийством... После смерти графа Суасонского герцог Бульонский предпочел договориться с Ришелье, остальные заговорщики скрылись за границей.

Последней попыткой свалить Ришелье был заговор Сен-Мара. Ришелье сам обратил внимание Людовика на молодого красавца Анри де Сен-Мара, сына сторонника кардинала, маршала Эффиа. Сен-Мар в качестве доверенного лица короля сменил некую мадемуазель Отсфор, так как кардинал-министр считал, что она интриговала против него. Но новый фаворит не оказался послушной марионеткой Ришелье, на что рассчитывал кардинал. Сен-Мар собирался жениться на княгине Марии де Гонзаг, опытной, честолюбивой придворной кокетке, которая, однако, поставила ему условие, чтобы он получил титул герцога или коннетабля Франции. Сен-Мар обратился за помощью к Ришелье.

— Не забывайте, — ледяным тоном ответил кардинал, — что вы лишь простой дворянин, возвышенный милостью короля, и мне непонятно, как вы имели дерзость рассчитывать на такой брак. Если княгиня Мария действительно думает о таком замужестве, она еще более безумна, чем вы.

Не произнеся ни слова, Сен-Мар покинул Ришелье, дав клятву отомстить всемогущему правителю страны. Первый его шаг закончился еще большим унижением. Уступая настойчивой просьбе своего фаворита, Людовик XIII явился на заседание государственного сове-

та в сопровождении Сен-Мара. Король заявил, что Сен-Мару следует познакомиться с правительственными делами и с этой целью он назначает его членом этого высокого учреждения. На этот раз пришла очередь Ришелье промолчать. Он все же устроил так, что на заседании обсуждались совсем маловажные дела. Оставшись один на один с королем, Ришелье предупредил Людовика об опасности нахождения в совете несдержанного и болтливого фаворита, который может с легкостью разгласить доверенные ему государственные секреты. Король согласился с этими доводами, он всегда в конечном счете во всем уступал Ришелье.

Взбешенный Сен-Мар решил любой ценой свергнуть кардинала. Опытные заговорщики — Гастон Орлеанский и герцог Бульонский охотно откликнулись на предложение Сен-Мара. Они вместе составили проект договора с Испанией; точнее, оба герцога любезно диктовали, а Сен-Мар собственноручно писал этот крайне компрометировавший его документ. По договору король Испании должен был выставить 12 тыс. человек пехоты и 15 тыс. кавалерии, а также обеспечить крупными пенсиями руководителей конспирации. Гастон Орлеанский намеревался в случае удачи заговора занять престол, Сен-Мар — место Ришелье, а испанцы — получить выгодный мир, которого они давно и тщетно добивались, воюя с Францией.

Одним из наиболее ловких участников заговора был друг Сен-Мара маркиз де Фонтрай, калека, изуродованный двумя горбами. Однажды Фонтрай вместе с несколькими молодыми дворянами осмеял спектакль, поставленный, как выяснилось, по распоряжению Ришелье. Кардинал не забывал таких выходок. Встретив через несколько дней маркиза в зале своего дворца, в минуту, когда докладывали о прибытии иностранного посла, Ришелье громко произнес: «Посторонитесь, господин Фонтрай. Посол прибыл во Францию не для того, чтобы рассматривать уродов». Ставший смертельным врагом кардинала, Фонтрай превратился в деятельного участника заговора. Переодетый монахом-капуцином, Фонтрай ездил в Мадрид для встречи с Оливаресом.

«Испанский Ришелье», как его называли современники, долго тянул с подписанием бумаги. Решился он на это только после того, как узнал, что кардинал, несмотря на тяжелую болезнь, вместе с королем двинулся во главе сильной армии на юг, чтобы перенести войну в Каталонию.

По-видимому, заговорщики не сумели сохранить тайну. По крайней мере, Мария Гонзаг писала Сен-Мару, что об «его деле» много болтают в Париже. Сен-Мар был окружен агентами кардинала, в их числе была мадемуазель Шемеро, известная под именем «прекрасной распутницы»; ее отчеты о Сен-Маре приведены в мемуарах Ришелье.

Сен-Мар отговаривал Людовика XIII от поездки в армию, куда рекомендовал отправиться кардинал. Мнение кардинала, как всегда, возобладало. Тогда Сен-Мар и другие заговорщики решили осуществить покушение на Ришелье. К этому времени кардинал уже получил от своих разведчиков копию договора, заключенного заговорщиками с Испанией, и настоял на аресте виновников.

Фонтрай первым смекнул, что игра проиграна. Получив известие о посещении короля посланцем кардинала, маркиз заявил Сен-Мару, не верившему в опасность:

— Вы будете достаточно хорошо сложены, даже когда вам снимут голову с плеч.

Сам Фонтрай решил не лишаться такого полезного украшения и, переодевшись капуцином, бежал за границу.

В романе А. де Виньи «Сен-Мар» герой решил умереть, узнав, что Мария де Гонзаг обручилась с королем Польши. Он отказался возглавить двадцатитысячное войско и сам благородно отдал свою шпагу Людовику.

Действительность была много проще. Обручение Марии де Гонзаг произошло уже после ареста Сен-Мара. А тот не только не вручил шпагу королю, а еще до подписания приказа об аресте пытался бежать. Его нашли скрывавшимся в бедной лачуге на одной из столичных окраин: городские ворота были закрыты, и беглец не сумел покинуть Париж.

После ареста первым, как обычно, предал своих сообщников Гастон Орлеанский. Так же поступил вскоре и герцог Бульонский. Взамен они получили помилование (герцогу Бульонскому пришлось, чтобы заслужить прощение, отказаться от крепости Седан). Еще ранее, 30 июня 1642 г., не надеясь на твердость Людовика XIII, Ришелье получил полномочия действовать в исключительных случаях от имени короля, даже до того, как тот будет извещен о случившемся. 12 сентября 1642 г. Сен-Мар взошел на эшафот. Ему было тогда 22 года.

Остается тайной, каким образом разведка Ришелье добыла текст договора с Испанией. Исследователи три столетия никак не придут к согласию по этому вопросу. Некоторые считают, что заговорщиков мог выдать сам Оливарес в обмен на определенные компенсации со стороны Ришелье. Если это так, Оливарес, вероятно, переслал договор через французского командующего в Каталонии де Брезе, шурина кардинала. Однако многое говорит против этой гипотезы. Предателем вряд ли мог быть герцог Бульонский — иначе бы он не поплатился потерей Седана. Не был ли им Гастон Орлеанский — трусливый бездельник и профессиональный предатель? Это возможно. Но выдать заговор могла и Анна Австрийская — ведь ее приближенным и любовником был кардинал Джулио Мазарини, ближайший

советник и преемник Ришелье на посту первого министра Франции.

По преданию, Сен-Мар был тайно обвенчан со знаменитой придворной куртизанкой Марион Делорм. История ее жизни послужила материалом для романтической драмы В. Гюго «Марион Делорм» и романа А. де Виньи. Делорм, среди поклонников которой было много вельмож — даже король Людовик XIII и, наконец, сам кардинал, несомненно, была одним из тайных агентов Ришелье. Позднее она примкнула к противникам Мазарини, и только внезапная смерть в 1650 г. спасла Делорм от тюрьмы. Получила широкое распространение легенда, что Марион Делорм сама инсценировала свою смерть с целью избежать ареста и бежать в Англию. Там, утверждает легенда, она вышла замуж за богатого лорда, которого сменила на атамана разбойников. Похоронив трех мужей, Делорм якобы дожила до 1706 г. или даже до 1741 г., когда ей должно было быть ни много ни мало 130 лет от роду...

КУЗЕН ОТЦА ЖОЗЕФА В ГЕРМАНИИ

Граф Альбрехт Валленштейн выдвинулся в самом начале тридцатилетней войны. В качестве офицера имперской армии он отличился при подавлении восстания в Чехии, которое послужило сигналом к этой войне. Дослужившись до чина генерала и одержав несколько важных военных побед, Валленштейн получил в награду много конфискованных владений протестантской знати, стал самым богатым человеком в Чехии.

Когда ход войны стал менее благоприятным для императора и союзной ему лиги германских князей-католиков, Валленштейн снова предложил свои услуги, при этом он обязался набрать армию и содержать ее за счет владений врагов императора — германских протестантских князей и их союзника датского короля. Полководческий талант позволил Валленштейну выполнить свое обещание — он не только собрал сильное войско, но и добился крупных успехов. Мощь армии Валленштейна стала тревожить католических князей, не заинтересованных в слишком большом усилении императора. Были недовольны и иезуиты, всесильные при Венском дворе, — до них дошли слухи, что надменный полководец, ставший главнокомандующим имперских войск и движимый ненасытным честолюбием, строил какие-то еще не вполне ясные планы и даже через своих агентов зондировал почву у врагов относительно возможных условий мира, хотя это прикрывалось заботой об усилении власти императора за

счет его союзииков — католнческнх киязей. Но ведь совсем неизвестно, что было в действительностн на уме у Валлеиштейна, теперь уже герцога Фридландского, да и разве он ие склонялся к миру с протестантамн? Иезунты становнлнсь все более решительными протнвииками победоносиого, ио сомнительного по своим взглядам и целям полководца. Валлеиштейн усердио старался побороть эти враждебные настроения разиыми средствами (н прежде всего подкупом), создавая себе партню явиых и тайиых сторониннков прн императорском дворе.

Все это было учтеио Рншелье, стремившнмся к ослаблению Габсбургов. Летом 1630 г. к нмператору Фердниаиду II была направлена специальная мнссия во главе с французским послом в Швейцарин Брюалом. В ее составе находился отец Жозеф, который фактически и вел дела. В Регеисбурге, где происходило собранне имперских чниов, таланты «серого кардииала» как дипломата и разведчнка развернулись в полную силу. Используя иедовольство кпязей католической лиги властным коидотьером, капуцнн убеднл императора Фердииаида дать отставку своему иаиболее способному полководцу. Таким образом якобы удалось бы добиться согласия главных киязей-курфюрстов на излюблеииый проект императора провозгласить своего сыиа, венгерского короля Фердииаида, также Римским королем. А впоследствии, убеждал императора Жозеф, когда цель будет достнгиута, что может помешать нмператору снова вериуть на службу Валлеиштейна? Нашептывания лукавого патера возымели свое действие. Стоит лн говорить, что нв деле все обернулось совсем по-другому, чем он предвещал, и что для такого поворота событий немало потрудился отец Жозеф и его люди?

Валлеиштейи был в ярости, хотя н подчинился прнказу императора, ие пытаясь оказать сопротивлеиия. Имперская армия была очень ослаблена. Это произошло накануне решающнх сражеиий: на немецкую землю высадился с сильным войском шведский король Густав-Адольф, возглавивший блок немецких протестаитскнх кннзей, противинков Фердииаида II. Между прочим, обещаиня отца Жозефа сохраиять нейтралнтет в отношении врагов нмператорв давались как раз тогда, когда другие агеиты Ришелье усердио подстрекали шведского короля к высадке в Германии, обещая всяческое содействие со стороны Фраиции. «Дрянной капуции, — иегодовал нмператор, — обезоружил меня своими четками и уложил в свой иебольшой капюшон целых шесть курфюрстских шапок». Валлеиштейи, виешие совершенно спокойио, сдал комаидоваиие армией и удалнлся иа покой. Он был увереи, что без его услуг не обойдутся, н события вскоре подтвердили это. По Германии начал свое победоиосное шествие шведская армия Густава-Адольфа. Войска императора и католической лиги после иескольких неудач потерпели полиый разгром в битве при Брейтенфельде. Фердинаиду II оставалось лншь обратиться за по-

мощью к Валленштейну. Надменный герцог Фридландский заставил себя упрашивать, долго скрывая под видом ледяного равнодушия сжигавший его огонь честолюбия. Валленштейн уступил лишь после того, как были приняты его неслыханные условия. Император передавал в руки Валленштейна неограниченное право распоряжаться всеми имперскими войсками, производить в чины и раздавать награды, повелевать завоеванными землями, значительная часть которых должна была перейти в его владение. Фердинанду II, теснимому врагами и тяготившемуся зависимостью от князей — участников Католической лиги, приходилось соглашаться на все.

Были введены новые тяжелые налоги, и Валленштейн получил крупные средства на формирование армии. Слава непобедимого полководца, надежда на богатую добычу привлекли под его знамена десятки тысяч ландскнехтов. Валленштейн охотно брал всех, умевших хорошо держать в руках меч, — он вербовал наемников в армию даже среди протестантов. Войско было создано, но Валленштейн долго не проявлял стремления вступать в решительную схватку с врагом. Наконец в ноябре 1632 г. состоялось сражение при Люцене — шведы победили, но Густав-Адольф был убит в бою, а Валленштейн сумел быстро восстановить силы своей армии.

Весной 1633 г. в Германию отправился один из наиболее ловких лазутчиков Ришелье маркиз де Фекьер. Этот кузен отца Жозефа, оказавший кардиналу немало услуг, в частности при взятии гугенотской крепости Ла Рошель, получил от своего повелителя целый ряд заданий: и явных — в качестве посла, и тайных — как активного сотрудника секретной службы Ришелье. Впрочем, эти тайные и явные задания настолько тесно переплетались друг с другом, что не всегда их можно было различить. Война только усилила общеизвестную жадность и мелких, и крупных немецких князей до иностранного золота. Французские пистоли пользовались успехом, как, впрочем, и испанские дублоны, — германские монархи не связывали себе руки какой-либо ограниченностью или предрассудками в этом отношении. «Звон пистолей», как неоднократно отмечал Фекьер в своих донесениях, никого не оставлял нечувствительным: «Эта музыка имеет божественную сладость», — добавлял посол. Конечно, не все в «дипломатии пистолей» проходило гладко. Например, герцог Бернард Саксен-Веймарский с любезной твердостью отказался от французской пенсии. «Я думаю, придется повысить сумму до 10 тыс. экю» — таков был категорический вывод, сделанный опытным эмиссаром Ришелье из этого необычного отказа. Некоторые особо ревностные патриоты из числа придворных и военных чинов тоже не хотели слушать о денежных подношениях. Быстрый ум Фекьера и здесь обнаружил главную скрытую причину: порча монеты заметно понизила ее ценность и поэтому для преодоления добродетели указанных чинов

нужно было дарить кому золотую цепь, кому шпагу в дорогих ножнах. Приходилось без брезгливости разбираться в многочисленных претензиях, в паутине противоречивых интересов князей, чтобы мобилизовать их против императора и в ходе войны занять те области, которые Ришелье твердо решил включить в состав Франции. В отношении некоторых более крупных протестантских князей требовалось предотвратить их попытки вступить на путь сепаратных переговоров с императором в условиях, когда смерть главного его противника — шведского короля Густава-Адольфа вызвала серьезные опасения среди участников антигабсбургской коалиции. В мае Фекьер побывал в Дрездене. Там француз сначала дал щедрую взятку советнику Тимеусу и уже через его посредство предложил субсидию самому саксонскому курфюрсту. Побывал Фекьер — уже в июне — и у Бранденбургского курфюрста, а потом в августе 1633 года во Франкфурте, где собрались имперские чины.

Словом, поездка была напряженная, дел было много и не все кончались к обоюдному удовольствию высоких договаривающихся сторон. Однако при всем этом поездка Фекьера имела еще одну скрытую цель, для которой другие его, впрочем тоже многосложные и важные, задания служили лишь прикрытием. Этой целью было подтолкнуть герцога Фридландского к разрыву с императором и переходу на сторону Франции. Еще когда за два года до этого «серый кардинал» встретился с Валленштейном и они из осторожности разговаривали на нейтральную тему — о сокровенном желании герцога начать поход против турок, все еще угрожавших восточным границам империи, отец Жозеф пришел к трезвому заключению, что столь великие мечтания вполне могут привести на практике к столь же великой измене. Ничего лучшего не требовалось — недаром еще до Фекьера Валленштейна навещал другой французский посланец — барон дю Гамель.

У Валленштейна были серьезные мотивы, чтобы вступить в тайные переговоры с врагом. Назначенный против воли «испанской партии» (включая иезуитов) в Вене на должность командующего имперскими войсками, он знал, что получил этот пост только благодаря отчаянному положению, в которое попал император в результате побед Густава-Адольфа.

После битвы при Люцене поведение Валленштейна выглядело как цепь противоречивых поступков. То по предписанию из Вены он двигался вперед против врага, одерживал победы, то потом без особого повода отступал и демонстративно пренебрегал распоряжениями императора, выделив часть своих войск для подкрепления испанской армии, двигавшейся из Италии, или для защиты владений его ненавистного врага курфюрста Максимилиана Баварского. Но герцог Фридландский хотя и колебался, придерживался выработан-

ной им системы. Он ясно осознал, что его терпели в Вене, пока он был необходим. Победа над врагами императора, к тому же явно недостижимая, была бы лишь началом его падения. Напротив, мир сразу же дал бы ему огромные преимущества. Своим сторонникам в Вене он мог бы представить заключение мира как средство укрепить позиции императора за счет его союзников — католических князей, не меньше чем их протестантские собратья заботившихся о сохранении и расширении своих владений и укреплении независимости. А с врагами может быть более открытый разговор: переход на их сторону вместе со всей армией, многочисленные уступки в последующем мирном договоре за одну главную уступку, иными словами признание честолюбивого герцога Фридландского королем Чехии. Именно об этом вел секретные переговоры Валленштейн с саксонцами и шведами и именно об этом был уполномочен Фекьер в сугубой тайне заключить соглашение с герцогом Фридландским.

Тайна была настоятельно необходима для успеха всего дела, а ее соблюсти труднее всего. Штаб-квартира Валленштейна находилась под пристальным вниманием дипломатов и разведчиков доброй половины европейских государств — шпионов императора и испанцев, баварского курфюрста и иезуитского ордена, лазутчиков шведского канцлера Оксенштерна и саксонского главнокомандующего Арнима. Саксонец хотел бы проверить, не были ли предложения герцога Фридландского, и в частности просьба предоставить ему в качестве надежной опоры несколько полков, искусно подготовленной ловушкой. К тому же все, даже шпионы союзных держав, совершенно не доверяли друг другу: шведы подозревали саксонцев в стремлении сговориться с Валленштейном за их счет, баварцы и испанцы опасались, что действия императора направлялись сторонниками герцога Фридландского при Венском дворе, а иезуитский орден — не полагаясь ни на кого, даже на собственных членов, — вынашивал какие-то свои хитроумные планы.

Впрочем, Ришелье имел информацию и от иезуитского ордена. Какие-то нити тянулись от отца Жозефа к влиятельнейшему духовнику императора Фердинанда II иезуиту Ламормену. Ришелье имел в данном случае на руках все козыри — удастся договориться с Валленштейном — хорошо, не выйдет дело — что ж, можно будет стороной сообщить об изменнических сношениях герцога Фридландского в Вену, усилить там стремление испано-баварской партии избавиться от непокорного кондотьера. Пусть эта партия будет считать устранение Валленштейна большим успехом, но ведь одновременно император лишится своего самого авторитетного полководца. Словом, игра была беспроигрышной...

Еще в мае 1633 г. Фекьер установил в Дрездене контакт с графом Кинским, одним из самых близких людей Валленштейна. Кин-

ский открыто предложил — формально пока от своего имени (осторожиый герцог Фридлаидский вообще предпочитал иичего из своих тайных переговоров не заносить на бумагу) — переход Валленштейна в лагерь противников императора взамен признания его королем Чехии. Фекьер с готовностью написал письмо Валленштейну, подчеркивая нетерпимость его положения в имперском лагере, где господствовала испано-баварская партия. Он подчеркивал также благоприятные возможности, которые возникнут для герцога в случае заключения вскоре соглашения с Францией и Швецией. Валленштейн через Кинского задал ряд конкретных вопросов — каковы гарантии, которые готовы предоставить ему Франция и ее союзники, получит ли он командование войсками антигабсбургской коалиции и т. п. Фекьер пошел в своих обещаниях навстречу всем выраженным в этих вопросах пожеланиям Валленштейна. Тем не менее (это было в июле) Валленштейн приказал Кинскому прекратить переговоры с Фекьером. Однако в последние дни июля Валленштейн возобновил переговоры. Потом они опять прервались ходом событий, чтобы снова иачаться уже в конце года. 1 января 1634 г. Кинский уведомил Фекьера во Франкфурте-на-Майне, что Валленштейн принимает прежнее предложение Франции, предусматривавшее, в частности, признаиие герцога чешским королем. Продолжались переговоры с саксонцами и шведами. Все это уже — за исключением подробностей — не могло оставаться тайной для венского двора.

НОЧЬЮ 25 ФЕВРАЛЯ 1634 г.

Последующие события, послужившие сюжетом известной драмы Ф. Шиллера «Смерть Валлеиштейна» (великий немецкий поэт был также автором исторического исследования «Тридцатилетняя война»), хорошо известны.

Генерал-лейтенант Галлас получил из Вены поручение арестовать герцога Фридландского и его ближайших помощников Илло и Терцки и отправить их под стражей в тюрьму для подробного допроса. Отдать этот приказ было легче, чем его осуществить. Галлас находился в ставке Валленштейна в городе Пильзене, где были расположены верные герцогу полки и где его секретная служба, возглавлявшаяся теми же Илло и Терцки, пыталась проследить за всеми действиями его несомненных или только возможных недругов.

Чтобы крепче привязать к себе главных командиров армии, ничего ие знавших об его переговорах с неприятелем, герцог решил взять с них клятву верности. Он пригласил этих офицеров в Пильзеи,

а Илло пригласил их иа банкет. Когда гости сели за стол, Илло подробно изложил им интриги венского двора против Валленштейиа и рассказал о попытках удалить его в отставку. Но герцог, продолжал Илло, решил предупредить действия своих врагов и сам покинуть свой пост.

Собравшиеся были изумлены и потрясеиы этим известием — отставка герцога грозила большими опасиостями для имперской армии и для положеиия ее генералов и полковников. Немедленно была снаряжена делегация к герцогу, которая от имени собрания просила его не подавать в отставку. Валлеиштейи заставил себя упрашивать и только потом выразил согласие исполнить желание своих подчиненных. Однако в обмен он потребовал от них обещания верности, письменного обязательства сражаться за иего до последнего против его врагов. В документе, который было предложено подписать офицерам и генералам, стояла, однако, успокоительная оговорка. В ней указывалось, что их обязательства сохраняют силу, пока Валленштейн будет использовать армию па службе императора. Все собравшиеся выразили готовность подписать этот документ.

Пиршество, прерванное речью Илло и переговорами с Валлеиштейном, было продолжено. Только после его окончания офицерам был передан для подписания документ, обязывающий их храиить верность Валленштейну. Распаленные вином, они один за другим ставили свои подписи. Только немногим пришло в голову вкратце пробежать глазами бумагу. Каково же было их изумление, когда они убедились, что в ней отсутствовала спасительная оговорка о верности, покуда армия Валлеиштейна будет находиться на службе императора. Илло подменил бумагу, с которой ранее познакомил гостей. Возникло общее смятение, некоторые отказались ставить подпись. Тогда Терцки объявил, что всякий, кто не скрепит документ своей подписью, нарушит клятву. Большинство собравшихся быстро согласилось с этим доводом, а другие, хотя и не сочувствовавшие происходившему, не осмелились протестовать и последовали примеру остальных. Слишком опасно было открыто заявлять о своем несогласии. Однако иекоторые подписи были сделаиы столь неразборчиво, что их было невозможно прочесть.

Валлеиштейн был взбешен оказанным сопротивлением. На следующий день он снова собрал офицеров, опять изложил свои претензии к венскому двору и притворно угрожал немедлеииой отставкой. Таким образом ему удалось сломить колеблющихся, которые поспешили выразить согласие подписать документ.

Достигиув своей первоначальной цели — или, вернее, убежденный, что он достиг ее, — Валленштейн вызвал в Пильзеи остальиых генералов и полковников своей армии. Но многие из них уже по дороге узнали о случившемся и прервали свою поездку. А Галлас,

который как раз в это время прибыл в Пильзен, имел единственную цель разузнать подробнее, что произошло, и донести императору. (Писарь личной канцелярии Валленштейна, переписывавший его важнейшие бумаги, впоследствии будет принят на службу Галласом; очевидно, он уже давно служил агентом генерала; быть может, такую же роль играл и астролог Валленштейна — Сени.) В ответ на донесения в Вену Галлас получает предписание арестовать изменника. А чтобы развязать себе руки, Галлас попросил у Валленштейна самолично съездить за одним из видных генералов, не явившихся в Пильзен, — за Альдрингеном. Обманутый Валленштейн даже дал Галласу свою карету. Наблюдение же за действиями герцога в свое отсутствие Галлас поручил другому генералу — итальянцу Пикколомини. В действительности же Галлас и Альдринген занялись быстрым оповещением остальных генералов об измене Валленштейна и приведением в боевую готовность тех полков, на преданность которых они могли безусловно рассчитывать в борьбе против герцога Фридландского. Валленштейн, еще не разглядевший игру своих врагов, попался в ловушку, устроенную Пикколомини. Итальянец, поняв, что нечего медлить, попросил разрешения быстро съездить за Галласом и ускорить возвращение того в Пильзен. Через короткое время Пикколомини уже двигался к Пильзену во главе значительного войска, надеясь захватить там герцога. Одновременно ряд других отрядов, подчиняясь приказам Галласа, действовавшего по уполномочию императора, направились для овладения крепостями и городами, в которых находились сторонники Валленштейна.

Герцог Фридландский предполагал отправиться в Прагу и там провозгласить себя чешским королем. Но уже по дороге он узнал, что генералы, командовавшие там войсками, приняли сторону императора, что к этому городу двигались дополнительные части, посланные из Вены, что Пикколомини спешил со своими полками к Пильзену.

Теперь уже спасение Валленштейна зависело от шведских и саксонских войск. Однако и канцлер Оксеншерн, и генерал Арним понимали, что время игры герцога с ними окончено, что у него нет другого выхода, как целиком предаться им. Они оставили колебания — никакая ловушка им явно не угрожала со стороны Валленштейна, и поэтому надо принять опального полководца под свою защиту и противопоставить его императору.

Валленштейн поспешил в город Эгер. Там он узнал, что Вена объявила его предателем. Но герцог еще не терял надежды. Даже многие отшатнувшиеся от него генералы и офицеры, рассчитывал он, вернутся при первом признаке успеха, еще не все потеряно. В Эгере, где комендант подполковник Гордон заверял его в преданности, Валленштейн рассчитывал задержаться. Счет шел уже не на дни, а

на часы — к городу приближались шведские и саксонские войска и тогда все еще можно вернуть.

Однако «верность» Гордона была маской. Этот наемник, пусть он шотландец и протестант, считал выгодным для себя осуществить приказ императора — захватить изменника делу католицизма. Его сообщниками стали ирландец майор Лесли, офицер из приближенных герцога, и полковник Бутлер. Сначала они собирались арестовать Валленштейна и доставить его в Вену. Но этот план становился неосуществимым, к городу подходили неприятельские армии, об этом Валленштейн сам сообщил Лесли. План быстро изменился. В следующую ночь — решили заговорщики — необходимо умертвить Валленштейна и его приближенных. А пока что Лесли, Бутлер и Гордон уверяли в своей преданности герцогу Фридландскому. Они даже предлагали рассеять мрачные мысли, пригласив вечером герцога на веселый пир. Валленштейн, слишком взволнованный происходившим, отказался, остальные выразили согласие. Что ж, необходимо несколько изменить план.

На веселой пирушке вино текло рекой, произносились тосты в честь Валленштейна, будущего независимого государя, вплоть до того момента, как по сигналу в залу ворвались вооруженные солдаты. Кинский и Терцки сразу пали под мечами убийц. Илло, дольше защищавшийся, тоже погиб, сраженный многочисленными врагами. Четвертая жертва — Неймви — успел во время схватки выбежать во двор, но там его убили часовые.

Теперь осталось главное — расправиться с самим Валленштейном. Нужно было торопиться, пока тот не узнал о происшедшем и не принял меры предосторожности. Лесли сообщил солдатам об измене герцога и отправил отряд для патрулирования улиц города — кто знает, может там найдутся сторонники предателя, способные прийти к нему на помощь. Ворота города закрыты, замок, где находился Валленштейн, окружен плотным кольцом солдат. В эти трагические минуты Валленштейн все еще был далек от мысли о надвигавшейся гибели. Он мирно беседовал со своим астрологом Сени. Многоопытный звездочет напрасно напоминал герцогу, что опасность не миновала. Но тот не верил даже предсказаниям гороскопа. Он спокойно расстался с Сени, разделся и лег в постель.

Между тем наемные убийцы были уже на лестнице. Их возглавил капитан Деверу, который не раз проходил без доклада к Валленштейну. Его неурочное появление не вызвало удивления у часовых. Встревоженного пажа, который хотел было поднять тревогу, прикончили тут же на месте. Деверу и его солдаты взломали запертую дверь в комнату Валленштейна. Разбуженный шумом, он подбежал к окну, чтобы позвать на помощь. Через минуту в комнату ворвались убийцы, с проклятиями они бросились к Валленштейну. Про-

зенный ударом в грудь, он безмолвно свалился на пол. Это произошло ночью 25 февраля 1634 года...

Выполнен приказ императора; впрочем, отдавая дань лицемерию, он выразил глубокое сожаление об убийстве и приказал отслужить три тысячи панихид за упокой души усопшего, одновременно щедро наградив убийц титулами и званиями, а также далеко не сразу и не столь щедро деньгами и поместьями за счет конфискованных богатств герцога Фридландского.

Когда весть об убийстве Валленштейна достигла Парижа, она мало обеспокоила недалекого Людовика XIV. «Я надеюсь, — глубокомысленно изрек король, — что таков будет удел всех, кто предаст своих государей». Шпионы Ришелье поспешили сообщить ему этот образчик монаршего красноречия, которое не доставило кардиналу особого удовольствия, если учесть, сколь часто его самого пытались представить изменником в глазах короля. Ришелье, разумеется, не мог поэтому отказать себе в удовольствии уведомить Людовика, что испанцы, с которыми снова началась война, не делали особой разницы между королем и его первым министром, и сослаться на перехваченное его разведчиками письмо испанского посла Кастаньеде, писавшего: «Дай бог, чтобы скоро появился новый Равальяк».

У преемника Ришелье кардинала Мазарини главой секретной службы стал епископ Ондедей. По способностям ему было далеко до «серого кардинала», но некоторые из его агентов не уступали лучшим разведчикам Ришелье. Одному из них, францисканскому монаху Берто, на основании патента, лично подписанного Людовиком XIV, разрешалось носить любую одежду, если того требовали интересы короля. А они требовали этого постоянно. Так, вскоре после получения патента Берто был арестован восставшими дворянами в Бордо, собиравшимися сурово расправиться со шпионом Мазарини. Берто пустился на хитрость. Он выпросил разрешение написать письмо священнику в город Блей, утверждая, что тот является его дядей. В письме шла речь только о денежных делах, а на полях имелась приписка: «Посылаю Вам глазную мазь; натрите ею глаза, и Вы будете лучше видеть». Берто поручил доставить это письмо одному крестьянину, шепнув ему, что оно должно быть передано в руки сторонника короля, герцога Сен-Симона. Герцог получил письмо и догадался натереть мазью четвертую, чистую, страницу: Берто просил помощи в организации побега. Сен-Симон приказал одному лодочнику тайно доставить Берто костюм матроса. Францисканец сумел переодетым обмануть стражу и бежать из Бордо.

В войнах XVII в. шпионажу придавали такое значение, что не раз сами полководцы брали на себя роль разведчиков. Во время осады Арраса французский маршал Фабер проник во вражескую крепость и осмотрел систему обороны. В 1668 г. французский генерал

Катина пробрался в занятую неприятелем крепость Люксембург под видом трубочиста. Еще чаще крупные полководцы лично руководили своей разведкой. Так, в 1702 г. принц Евгений Савойский на основе показаний своего шпиона Козоли составил план нападения на Кремону. Козоли сообщил о существовании тайного хода, через который в январскую ночь в город ворвался отряд в 600 солдат армии Евгения Савойского. Участь Кремоны была решена. Французский маршал Люксембург получал ценную информацию от секретаря голландского штатгальтера принца Вильгельма Оранского. Однако шпион был разоблачен и согласился передавать Люксембургу ложные сведения о передвижении войск Вильгельма. В результате только случай помог Люксембургу спастись от захвата в плен в его собственном лагере у Штейнкирхена.

Совершенствование секретной службы в течение нескольких столетий было неразрывно связано с развитием абсолютных монархий. Сначала аппарат секретной службы использовался преимущественно в борьбе монархов за упрочение своей власти против притязаний феодальной знати на большую или меньшую независимость от центрального правительства. Позднее, после укрепления абсолютизма, у него не осталось противников справа, а для выполнения своей главной роли — подавления сопротивления эксплуатируемых масс, особенно крестьянства, — абсолютизм опирался прежде всего на армию и на быстрорастущую централизованную полицию. Секретная служба теперь стала преимущественно орудием в борьбе против внешних противников абсолютистского государства (хотя она и раньше, конечно, использовалась для этой цели).

Очень показателен пример Франции: еще в XVI в. и в первой половине XVII в. вплоть до правления Ришелье и Мазарини секретная служба была занята внутренними врагами абсолютизма. Со второй половины XVII в., в царствование Людовика XIV, упор переносится во внешнеполитическую область. Одновременно быстро растет полиция, и секретная служба становится одной из функций полицейских властей. Однако в пестром хаосе административных органов абсолютистской Франции, где функции многих учреждений перекрещивались, шпионажем занимаются и дипломатическое, и военное ведомства, и провинциальные интенданты, и, главное, лично доверенные лица монарха (и его фавориток), порой путавшие карты всех остальных учреждений. Лувуа, знаменитый военный министр Людовика XIV, создал широкую шпионскую сеть в германских государствах. Внутри страны люди Лувуа следили за всеми видными французскими офицерами. В число своих шпионов Лувуа вербовал горничных, слуг, модисток, преподавателей модных танцев, которые по роду своей профессии должны были сталкиваться со многими людьми. Шпионажем при Людовике XIV ведал также генерал-лейтенант полиции де ла

Рейии. Ои ввел в обычай засылку полицейских агентов в уголовный мир.

При Людовике XV обшириую шпионскую сеть содержал генерал-лейтенант полиции Беррье. Еще большего развития достигла разведывательная служба при его преемниках — де Сартене, о котором еще придется говорить, и Леиуаре.

Случаи, когда разведчикам удавалось оказать существенное влияиие иа ход политических событий, не являлись в эту эпоху исключением. Разведчики или подкупленные разведкой политические деятели определенной страны нередко были главными участниками дворцовых переворотов, смеиы правительств и других событий, приводивших к резкому изменению политического курса, хотя, конечио, и не определявших общих исторических судеб страны. Еще чаще роль разведчиков сводилась не к прямому участию в тех или иных событиях, а к сбору информации, дававшему возможность правительству одной страны с помощью военных, политических и других мер оказывать воздействие на другую. Однако и в том и в другом случае решающими оказывались социальио-экономические условия, определявшие политическую обстановку, в которой действовала разведка. Самые ее успехи становились возможными только в определенных исторических условиях. Когда перед разведкой ставились нереальные цели — остановить или направить вспять закономерный процесс исторического развития, оиа иеизменно терпела неудачу.

«ЗАПЕЧАТАННЫЙ УЗЕЛ» И «ЧЕРНАЯ КНИГА» ДЖОНА ТЕРЛО

Аиглийская буржуазиая революция середины XVII в. достигла своего иаивысшего развития в 1647—1649 гг. Король Карл I был казиеи, Англия стала республикой. Однако победившие классы — буржуазия и обуржуазившаяся часть дворянства — боялись народных масс, с помощью которых они одержали победу над королем. Они мечтали о твердой власти, которая гараитировала бы их завоевания от опасности как слева — со стороны трудящихся масс, так и справа — со стороны побежденных, но мечтавших вернуть утерянное роялистов. (Кавалеры, как обычно иазывали тогда роялистов, сплотились вокруг иаходившегося в эмиграции Карла II, сына казнеиного короля.)

В стране была установлена диктатура генерала Оливера Кромвеля, объявившего себя лордом-протектором Аиглии. Кромвель должен был бороться с деятельиым роялистским подпольем. Кавалеры

пытались поднимать одно за другим восстания, вести переговоры со всеми группировками, недовольными режимом протектората, готовили покушения на Кромвеля. В борьбе против кавалеров не меньшее значение, чем армия — знаменитые «железнобокие», имела разведка. Кромвель лично разработал некоторые принципы построения своей разведывательной службы, например ввел правило, что ни один агент не должен знать ничего сверх того, что ему необходимо для его действий, и в особенности не быть посвященным без крайней необходимости в работу других агентов. Лорд-протектор любил порой приглашать к себе за стол друзей и лиц, казавшихся ему подозрительными, чтобы изумлять первых и ужасать вторых степенью своей осведомленности о каждом из них.

Еще в 1649 г. руководство разведкой было возложено на Томаса Скота — одного из «цареубийц», голосовавших за вынесение смертного приговора королю Карлу I. Роялист Клемент Уокер, вспоминая, по тогдашнему обычаю, библейский миф о египетском пленении, жаловался, что агентами Скота «вся Англия кишела, как Египет кишел вшами и лягушками». Скот использовал не только шпионов, но и агентов, провоцировавших плохо организованные выступления кавалеров.

Энергичным помощником Скота вскоре стал капитан Джордж Бишоп, занявшийся целиком организацией шпионажа внутри страны. Другим сотрудником начальника кромвелевской разведки был профессор геометрии в Оксфордском университете Джон Уоллис, достойный наследник Фелиппеса, утверждавший, что он является основателем новой науки «криптографии». Уоллис расшифровал многие коды роялистов. Утверждали, что не было шифра, который ему не удавалось бы раскрыть. При этом, в отличие от Бишопа, ярого сторонника Кромвеля, Уоллис изображал человека не от мира сего, ученого, готового лишь в интересах науки разгадывать передаваемые ему шифры. Гайд — канцлер жившего в эмиграции Карла II — долгое время не мог поверить, что Уоллис раскрывает роялистские шифры. Гайд считал, что ключи к шифрам были выданы кем-то из кавалеров. Лишь после Реставрации, получив в свои руки образцы работы Уоллиса, Гайд должен был сознаться, что недооценивал талантов оксфордского геометра.

Роялисты скоро почувствовали эффективность системы, созданной Скотом. Приближенный короля маркиз Ньюкастл признал это в разговоре с одним из кавалеров, который, между прочим, тоже был агентом Бишопа. Тот писал своим начальникам: «Они думают, что Вы в сговоре с дьяволом. Стоит им только подумать о чем-нибудь, как Вы уже узнаете об этом».

В 1653 г. общее управление разведкой перешло от Скота и Бишопа к Джону Терло, хотя оба прежних руководителя продолжали

свою деятельность. В период после смерти Кромвеля Скот на некоторое время опять стал во главе разведывательного ведомства.

Терло был, несомненно, самым способным руководителем секретной службы, которого Англия имела со времен Уолсингема. Среди агентов Терло были роялисты, готовые перебежать в лагерь Кромвеля, и экзальтированные проповедники наступления царства божьего на земле, мужчины и женщины, старики и молодежь. Глава тайной службы спасал от виселицы приговоренных к смерти на условии, что они станут шпионами лорда-протектора.

Секретная служба Терло обеспечила одну из наиболее крупных побед английского флота под командой адмирала Блейка — захват испанской эскадры, которая везла драгоценные металлы из колоний в Новом Свете. Терло получил от своего агента в Ямайке известие о подготовке эскадры задолго до того, как она вышла в море. Блейк в течение полугода терпеливо ждал свою добычу, которая в конце концов попала в его руки.

Английские путешественники, даже симпатизировавшие роялистам, боялись встречаться с находившимся в Париже в 1654 г. Карлом II, так как об этих посещениях немедленно узнавали в Лондоне. Один аристократ, державший в годы войны сторону парламента, попросил у Кромвеля разрешения съездить за границу. Лорд-протектор дал согласие при условии не видеться с Карлом, в это время переехавшим в Кёльн. После возвращения этот дворянин был вызван к Кромвелю:

— Точно ли вы соблюдали мой приказ?

— Да.

— Это верно, — заметил, усмехнувшись, протектор, — вы не видели Карла Стюарта, чтобы сдержать обещание, данное мне. Вы встретились с ним в темноте, для этого из комнаты были вынесены свечи.

И Кромвель точно изложил остолбеневшему от изумления и страха собеседнику содержание его переговоров с Карлом II.

Терло имел своих людей в ближайшем окружении Карла II: новый государственный секретарь любил получать секретные новости из первоисточников. Впрочем, немало полезного сообщали Терло и его агенты, не принадлежавшие к числу доверенных лиц короля, но вращавшиеся среди кавалеров, часто не умевших держать язык за зубами. В числе шпионов Терло был Джозеф Бэмфилд, которому роялисты поручали выполнение многих секретных миссий. Агенты шефа кромвелевской разведки известили его о всех подробностях подготовки роялистского восстания весной 1655 г. Это было одной из причин, почему действительно начавшееся в марте восстание было без труда подавлено «железнобокими».

Широко применял Терло и старую уловку, подсылая к арестованным роялистам своих людей, изображавших из себя кавалеров.

Немалое число роялистов, постепенно отчаявшись в возможности успеха, стало предлагать свои услуги Терло. Один из них, сэр Джон Гендерсон, был в 1654 г. послан в Кёльн, где находился двор Карла. Гендерсон сумел выудить немалое количество важных сведений у королевского министра Питера Мессонетта. Однако еще большее значение имел другой агент Терло — Генри Меннинг, в прошлом активный роялист.

В начале 1655 г. Меннинг прибыл в Кёльн ко двору Карла II. Хорошо воспитанный, элегантный молодой дворянин сумел представить неопровержимые доказательства своей верности — он привез рекомендательное письмо от доктора Эрла, некогда учителя и капеллана Карла. Меннинг рассказывал, что его отец погиб, сражаясь за короля, а он сам был тяжело ранен. Храбрый кавалер выразил желание нести службу совершенно безвозмездно, что было немаловажно для вечно нуждавшегося в деньгах короля в изгнании. Особенно полезными оказались связи, которые имел Меннинг, — его друг из Антверпена еженедельно пересылал ему публиковавшийся в Лондоне дневник парламентских заседаний — нечто вроде газеты. Это издание приходило во многие европейские столицы и другие крупные города, но в Кёльне его получить было трудно. Меннинг скоро оказался незаменимым человеком. Один из приближенных Карла, Уилмот, представил Меннинга королю. Канцлер Гайд (впоследствии лорд Кларендон) подозрительно отнесся к Меннингу, но больше потому, что считал его протеже своего соперника Уилмота.

Правда, были и другие основания. При встрече с королем и Гайдом Меннинг неожиданно сообщил им, что привез от видного роялиста графа Пемброка вылепленную из воска копию головы античной статуи, находившейся в коллекции этого аристократа. Меннинг сказал, что статуя должна быть известна Карлу, и ее восковой слепок свидетельствует о том, что доставивший его является лицом, заслуживающим доверия. В случае «признания» Карлом и канцлером этого слепка Меннинг был уполномочен предложить королю от имени графа в долг 3 тыс. ф. ст. Предложение было более чем заманчивое. Всетаки Гайда мучила одна мысль — ему казалось, что кто-то сообщил ему, что Пемброк совершенно разорился в годы гражданской войны. Если это было действительно так, то граф явно не мог одолжить королю такую большую сумму денег. Гайд решил навести справки, для чего, конечно, потребовалось немалое время. А Меннинг, обласканный королем, стал своим человеком среди окружения Карла. Его собутыльниками в пьяных оргиях были такие ведущие лица роялистской партии, как граф Рочестер. Вместе с тем Меннинг умел вести себя, проявлял сдержанность и усердие в службе, его вежливость и хорошие манеры резко контрастировали с разгульным поведением других придворных, не раз затевавших драки даже в присут-

ствии короля. «Друг из Антверпена» присылал Меннингу не только дневник парламентских заседаний, но также деньги и инструкции. И взамен переправлял в Лондон приходившие 2—3 раза в неделю подробные донесения из Кёльна. Так продолжалось с января по ноябрь 1655 г. В начале этого года на основании информации, полученной от Меннинга, была арестована целая группа роялистов, некоторые из них были казнены. Так провалилось намеченное на ноябрь роялистское восстание.

О другом мятеже, который вспыхнул в марте, Меннинг также заранее предупредил своих нанимателей. Чтобы добыть тайные сведения, он вел слежку за королем, покидавшим Кёльн для конфиденциальных совещаний с делегатами от роялистского подполья. Широкое выступление кавалеров было сорвано, а восставшие небольшие группки рассеяны солдатами Кромвеля. 20 человек было казнено, сотни других проданы в рабство на остров Барбадос.

В своих первых отчетах Меннинг был очень точен, но и в них сказались его недостатки как агента. Будучи крайне высокого мнения о своих талантах, он считал нужным включать в депеши длинные и банальные рассуждения о смысле жизни, которые ничего не прибавляли к ценности той информации, за которую Терло платил ему хорошие деньги — 1,2 тыс. ф. ст. в год. Когда недоставало новостей, чтобы набить себе цену, Меннинг стал «драматизировать» сообщаемые им сведения. Так, в его донесениях содержалось подробное описание заседаний Королевского совета, в котором участвовали Карл и Гайд. Эти описания были выдуманы от начала до конца.

Тем временем Гайд получил запрошенные им сведения о Пемброке — это, оказывается, был человек, почти без средств и к тому же совершенно не интересовавшийся делами кавалеров. Стало ясно, что Меннинг лгал, и Карл приказал Гайду установить истину. Тем временем начали поступать и другие сведения. Один испанец, вернувшийся из Англии, сообщил роялисту сэру Эдварду Николасу, что все планы кавалеров становятся известными Кромвелю через какое-то лицо в Кёльне, близкое к королю. Подозрение, естественно, пало на Меннинга уже и потому, что он единственный из придворных регулярно получал известия из Антверпена. В Антверпен был направлен еще в конце сентября роялистский разведчик Джеймот. 4 декабря он вернулся в Кёльн с несколькими перехваченными донесениями Меннинга к Терло. Карл спешно созвал совещание своих ближайших советников — Гайда, Ормонда, Николаса. Было решено поймать Меннинга на месте преступления, чтобы иметь неопровержимые доказательства его виновности.

...Вечером 5 декабря к королевскому ужину собрались, как это часто бывало, несколько придворных. К общему изумлению, Гайд и Николас, обычно избегавшие этих шумных трапез, на сей раз приняли

приглашение к столу. Среди присутствовавших был и Меннинг, который в тот вечер не стал поддерживать свою репутацию трезвенника и настолько хватил лишнего, что задремал на стуле. У него незаметно вынули из кармана ключи от комнаты, а веселая попойка продолжалась.

Меннинг вскоре проснулся и, пошатываясь, отправился к себе в комнату. Через несколько минут туда ворвались кавалеры, посвященные в тайну, застав его за разборкой писем и шифров. Меннинг попытался порвать письма, но был схвачен, связан и оставлен под надежной охраной. Произведенный обыск дал дополнительные доказательства помимо донесений, привезенных из Антверпена.

Местные власти по просьбе Карла согласились посадить Меннинга в тюрьму, где его две недели подряд по семь-восемь часов в день допрашивали Гайд, Николас и сам король. По ночам Меннинг писал длинные истерические письма, признавая свою вину и умоляя о прощении.

Разоблачение Меннинга вызвало большой шум в Европе. Учитывая положение, в котором находились в эмиграции роялисты, они должны были вести суд над шпионом со строгим соблюдением всех законных форм. А Меннинг уверял всех, кто соглашался его слушать, что служба у Терло — роковое грехопадение, что он роялист, горящий желанием отомстить за смерть отца и конфискацию семейного имущества, кричал о своей невинновности, ссылался на вымышленность сведений в ряде своих отчетов как свидетельство, что он ненавидит «узурпатора» Кромвеля. Меннинг предлагал сделаться роялистским шпионом, уйти в монастырь, быть приговоренным к пожизненному заключению в тюрьме — только бы его оставили в живых. (Другой агент Терло по фамилии Адамс, тоже связанный с роялистами, посылал из Роттердама в Лондон детальные отчеты о поведении своего бывшего кёльнского коллеги.)

На запрос кавалеров, разрешат ли кёльнские власти приговорить подсудимого к смертной казни, давались уклончивые ответы. Наконец последовало согласие курфюрста с условием, чтобы приговор был приведен в исполнение не на его территории. Пришлось обратиться к курфюрсту Бранденбургскому, владения которого находились по соседству, тот устно дал разрешение. Рано утром 5 декабря отчаянно вопившего Меннинга увезли в лес. Через несколько дней случайный проезжий обнаружил труп англичанина, убитого выстрелом в сердце.

На службе Терло находились и женщины-разведчицы. В мае 1655 г. в роялистских кругах Антверпена появилась молодая красивая Диана Дженнингс. Она ловко изображала вдову недавно убитого на дуэли роялиста — не существовавшего на свете кузена графа Дерби. Диана произвела сильное впечатление на полковника Роберта Фелип-

са, который с готовностью взял на себя заботы об интересной леди. Немало смеялись приятели Фелипса, когда вскоре выяснилось, что мнимая вдова была явной обманщицей. Однако они зубоскалили бы значительно меньше, узнав, что Диана Дженнингс за время своего флирта с Фелипсом сумела разузнать у него все детали подготовлявшегося им и несколькими другими кавалерами покушения на Кромвеля. Заговорщики намеревались застрелить лорда-протектора и бежать под прикрытием вооруженного отряда в 50 человек. Диана Дженнингс быстро села в Дюнкерке на корабль, идущий в Англию, и вскоре уже сумела передать Терло список участников заговора, а также адрес «почтового ящика», через который они вели переписку со своими сообщниками.

Некоторые честолюбцы из партии кавалеров, потерпевшие неудачу в интригах, кипевших вокруг Карла II, решали отомстить, нанимаясь на службу к Терло. Так поступил сэр Джон Марлей, бывший роялистский губернатор Ньюкасла. Ричард Палмер, служивший при дворе Карла II, сам принес в ведомство Терло письма, которые ему было поручено доставить роялистам в Англию из Кёльна, и предложил свои услуги и на будущее. Палмер явно руководствовался желанием получить побольше денег. Терло позднее послал его в Голландию в качестве разведчика при английском после в Гааге.

Не менее ценными агентами были для Терло подкупленные им слуги видных кавалеров. Так, например, лакей роялиста Джейма Холсолла Уильям Мастен помог разоблачить подготовку еще одной попытки убийства Кромвеля. Слуга роялиста Арморера Томас Пирс после ареста не только разоблачил планы своего хозяина, но и по поручению Терло поехал в Кёльн провоцировать новое покушение на протектора. Однако Пирс, видимо, был агентом-двойником. По возвращении в Англию он был снова отправлен в тюрьму и, несмотря на все уверения в преданности, оставался под стражей вплоть до смерти Кромвеля.

Поток перебежчиков из лагеря кавалеров все увеличивался в последние годы протектората. Немалое число из них становилось деятельными агентами Терло. Шпионом стал Джон Уолтерс, направленный в 1656 г. в Антверпен и снабдивший кромвелевскую секретную службу важной информацией о роялистских эмигрантах. Еще более деятельно подвизался в роли разведчика священник англиканской церкви Френсис Коркер. О значении добывавшихся им известий о лондонских роялистах можно судить по тому, что Терло, по некоторым сведениям, платил ему 400 ф. ст. в год — очень крупные деньги по тому времени.

Были случаи, когда отдельные роялисты вроде Генри Бишопа нанимались на службу к Терло исключительно с целью сообщать ложные сведения. А бывало и еще сложнее. Некоторые роялисты,

получая жалованье от Терло, уверяли своих единомышленников, что делают это лишь с целью одурачить секретную службу лорда-протектора. Однако в действительности они снабжали Терло вполне доброкачественной информацией. Так, например, сумел устроить свои дела Джилберт Талбот, участник одного из неудавшихся покушений на Кромвеля в 1655 г. И это был далеко не единственный казус.

Однако самым большим успехом секретной службы Терло в борьбе против роялистов явилось проникновение в так называемый «Запечатанный узел». Это был верховный орган партии кавалеров в Англии, состоявший всего из нескольких влиятельных вельмож. Хотя авторитет «Запечатанного узла» временами оспаривали другие роялистские центры, недовольные его выжидательной политикой, он оставался самой важной организацией кавалеров. Тем большее значение имела измена сэра Ричарда Уиллиса, одного из членов «Запечатанного узла», который, возможно, уже с 1654 г. и наверняка двумя годами позже стал агентом Терло. Сведения об этом постепенно дошли до Карла II и его советников, и они предписали кавалерам прекратить связи с Уиллисом. Однако роялистское подполье, в том числе участники «Запечатанного узла», очень нескоро и неохотно подчинились королевскому приказу. Когда после Реставрации Уиллису надо было оправдываться, он ловко напирал на то, что не выдал ряд роялистских секретов, а свои связи с Терло объяснял желанием перетянуть главу кромвелевской секретной службы на сторону короля! Архивные документы, однако, показывают, что Уиллис продолжал доставлять за солидные деньги информацию властям протектората и в 1659 г., когда Терло был уволен в отставку и главой секретной службы стал опять Томас Скот.

Интересно отметить, что особых успехов разведка протектората достигла в борьбе против роялистского подполья как раз за немногие месяцы до Реставрации, хотя окончательно разгромить «Запечатанный узел» и другие организации так и не удалось. После возвращения Карла II горевшие жаждой мщения роялисты требовали расправы с Терло. Однако тот предупредил, что, если ему нанесут ущерб, он опубликует «черную книгу», которая приведет на виселицу половину кавалеров. Эта угроза подействовала, хотя в ней имелся сильный элемент блефа. Более того, Карл II даже не раз спрашивал советов у Терло.

Разумеется, разведка Терло активно действовала не только против кавалеров, но и против врагов протектора слева — партии левеллеров. Левеллеры отвечали организацией покушений на Кромвеля. Некоторые из бывших лидеров левеллеров, особенно Уальдмен и Сексби, даже вступали с этой целью в соглашения с роялистами. В 1657 г. заговорщики твердо решили взорвать Кромвеля в его доме в Уайтхолле. В заговоре участвовало несколько солдат; часовой Туп раз-

решил пронести порох, но в последний момент раскрыл весь замысел Кромвелю. Явившиеся на другой день заговорщики были арестованы. Между прочим, Джон Уальдмен, который более полувека вел жизнь неутомимого организатора заговоров, во время Реставрации написал сочинение «Краткий трактат о разведывательном деле». Основываясь на опыте Терло, Уальдмен советовал правительству иметь своих агентов во всех партиях, контролировать почтовую переписку, особенно корреспонденцию послов — «великих шпионов», приставлять наблюдателей ко всем подозрительным иностранцам и т. д.

Терло создал обширную сеть наблюдения не только за противниками Кромвеля, но и за иностранными правительствами.

Александр Дюма в своем романе «Десять лет спустя» (одном из продолжений знаменитых «Трех мушкетеров») очень просто объясняет реставрацию Стюартов в Англии, которая произошла в 1660 г. Д'Артаньян незаметно похитил бывшего кромвелевского генерала Монка (как он ранее проделал это с кардиналом Мазарини). Потом мушкетер освободил увезенного им генерала, но Монк уже решился перейти на сторону Карла II и восстановить его на престоле. Это приключенческий роман. А вот что сказать, когда представления многих буржуазных историков не поднимаются над подобным пониманием событий? Это скольжение по политической поверхности явлений, без серьезного анализа глубинных процессов, нередко и приводит к тому, что разведку награждают чудесной способностью оказывать решающее влияние на ход важнейших событий, направлять курс корабля истории.

В действительности подлинная история протектората Кромвеля и последовавшей реставрации Стюартов показывает, насколько решающие события определяются главной движущей силой общественного развития — классовой борьбой. Успехи или неуспехи тайной войны, как бы они ни были порой важны сами по себе, в конечном счете всегда зависят от расстановки сил и борьбы различных классов. Пример истории протектората и Реставрации тем более показателен, что это было время, когда народные массы после их появления как активной политической силы во время гражданской войны и Республики были подавлены и обезглавлены, а борьба велась в основном между различными группами господствующих классов. В Англии на протяжении всего времени правления Кромвеля действовала очень энергичная роялистская партия, широко применявшая оружие тайной войны. Однако все ее действия оказались совершенно бесплодными, пока — уже после смерти Оливера Кромвеля — господствующие классы в целом не почувствовали новой угрозы снизу, со стороны народных масс, и не решились защитить себя реставрацией монархии. Монк, долго колебавшийся, только ощутив давление этих настроений, решился перейти на сторону Стюартов. Не менее важно, что его ар-

мия, из которой давно выветрился старый революционный дух, в которой тон задавали офицеры, награбившие земли в недавно снова покоренной Ирландии, согласилась стать послушным орудием Реставрации.

Во время Реставрации разведка пришла в упадок. Недаром министр Моррис жаловался, что ему дают на разведку только 700 ф. ст., а Кромвель тратил в 100 раз больше и держал у себя в кармане секреты всех монархов Европы. Однако и после этих жалоб скупая «кавалерская» палата общин увеличила ассигнования по графе «секретная служба»... на 50 ф. ст. Моррис, впрочем, прибеднялся. Фактически в 1666 и 1668 гг. расходы на секретную службу превысили 24 тыс. ф. ст.

В числе немногих способных разведчиков времени Реставрации был Джордж Даунинг — бывший тайный агент Терло в Голландии, решивший предать своего хозяина, когда стала реальной перспектива возвращения Карла II на английский престол. Даунинг остался британским резидентом в Гааге. В 1668 г. он хвастал, что его агенты регулярно вытаскивали ключи из камзола де Витта, правителя Голландской республики, когда он спал, списывали извлеченные из-под замка тайные бумаги и возвращали документы и ключи обратно по местам.

СЛАСТОЛЮБИЕ ПРОТИВ ПУРИТАНИЗМА

После реставрации Стюартов в 1660 г. политический маятник качнулся далеко за те пределы, которые ему первоначально были установлены победившими во время английской революции классами — буржуазией и в значительной степени обуржуазившимся дворянством. В страхе перед новым выступлением на политическую арену народа собственнические классы фактически на время предоставили восстановленному на престоле королю Карлу II свободу рук, поскольку речь не шла об основных социальных результатах, которых добились эти классы в ходе революции. На их завоевания у Карла хватало ума не покушаться, и это удерживало его на престоле, вопреки той, обычно крайне непопулярной политике, которую он проводил.

Собственно, политика короля тяготела к одной цели — максимальной независимости от парламента. Но без его согласия нельзя было получить денег (отец Карла II поплатился головой за попытку собрать налоги в обход парламента). Нельзя, конечно, внутри стра-

ны, — вовне, оказывается, было можно. Людовик XIV был готов ежегодно давать Карлу II крупные субсидии, чтобы укрепить его положение по отношению к парламенту, а главное, обеспечить поддержку или, по крайней мере, нейтралитет Англии в тех войнах, которые вел французский король для утверждения своей гегемонии в Европе.

Понятно, что французская дипломатия и французская разведка прилагали крайние усилия, чтобы сохранить под своим контролем внешнюю политику Англии. С этой целью, помимо «официальной» тайной субсидии, которая выплачивалась Карлу II, агенты Людовика установили личные контакты и постоянно делали крупные денежные подарки английским министрам и даже их секретарям. Например, тайный агент английского министра герцога Бэкингема (сына фаворита Карла I) лондонский купец Лейтон, через которого тот вел переговоры с французским двором, получил в 1668 г. подарок в 400 пистолей.

Однако французские агенты подкупали не только министров и их слуг. Нередко французское золото шло и в карманы лидеров парламентской оппозиции, громивших правительство за раболепие перед Людовиком XIV и отказ от противодействия его завоевательным планам. Иногда субсидии были платой за молчание. Например, такое безмолвие обошлось Людовику XIV в феврале 1677 г. в 2950 ф. ст., а во время более короткой сессии в июне — только в 450 ф. ст. В других случаях деньги выплачивались не за молчание, а за более ожесточенные нападки на политику короля. (Так действовали агенты французского посла Баррийона в 1678 г.) Это делалось с целью обострить внутриполитическое положение в Англии и связать руки как правительству Карла II, так и его противникам; тем самым предотвращалось активное выступление Лондона на внешнеполитической арене.

Конечно, успеху такой политики служило не столько золото французской секретной службы, сколько существование противоречивых интересов у имущих классов Англии. «Братская» протестантская Голландия, к союзу с которой против Франции призывала парламентская оппозиция, была главным, не сломленным в то время торговым соперником английской буржуазии. Против Голландии воевал еще Кромвель. Поэтому, когда Карл II также втянулся в войну против Голландии под влиянием Людовика XIV, это вызвало очень смешанные и противоречивые настроения среди английских торговых и промышленных кругов. Лишь когда к концу века Голландия как опасный конкурент Англии была побеждена и ее дальнейшее ослабление стало отвечать исключительно интересам завоевательной политики Людовика XIV, поддержка этой политики Стюартами натолкнулась на решительное и непреодолимое сопротивление английской буржуазии.

А пока что французская разведка имела почву для деятельности, и она отнюдь не ограничивалась подкупом английских политиков.

Людовик XIV пытался окружить Карла II и его приближенных целой сетью французских агентов. Немалую роль сыграл здесь некий Самуэль Морленд. Это была очень колоритная фигура. Ученый и изобретатель, подходивший в своих изысканиях к мысли о создании паровой машины, Морленд одновременно был опытным разведчиком, привыкшим к деятельности шпиона-двойника. Он начал ее еще до Реставрации, во времена протектората Кромвеля.

Однажды в здании, где помещалось управление кромвелевской разведки, ее глава Терло собрал секретное совещание. Помимо Терло в этой беседе участвовали всего двое — сам лорд-протектор Оливер Кромвель и один из главных руководителей роялистского подполья в Англии, уже знакомый нам сэр Ричард Уиллис. Решив перейти на службу к Кромвелю, Уиллис предложил ловкий план — заманить в Англию якобы от имени монархических заговорщиков находившегося в эмиграции Карла II. Карл и его брат герцог Йоркский должны были высадиться в графстве Сассекс, где их арестовала бы полиция. Когда совещание было закончено, подозрительный Кромвель распахнул дверь в соседнюю комнату. Она оказалась не пустой — за письменным столом спал, или притворялся спящим, какой-то человек. Кромвель выхватил кинжал и хотел убить на месте шпиона, подслушивавшего столь важный разговор. Но Терло успокоил своего шефа. Спящий, разъяснил он, — это его личный секретарь Морленд. Бедняга не спал уже две ночи подряд, подготовляя срочные бумаги, и, естественно, мог задремать за письменным столом. Лорд-протектор поверил начальнику своей разведки. Но инстинкт не обманул Кромвеля. Обманутым оказался вездесущий Терло: его секретарь был, или по крайней мере с этого момента стал, агентом изгнанных Стюартов.

Надо сказать, что главари роялистов считали Морленда такой продувной бестией, что именно поэтому далеко не сразу поверили в измену Уиллиса. Сведения исходили из слишком уж мутного источника.

За разоблачение Уиллиса Морленд получил письменное обязательство Карла в случае реставрации наградить его высшим английским орденом Подвязки.

В самые последние годы английские историки (У. Дампиер, Г. Чэпмен) пришли на основе анализа документов к неожиданному выводу, что Морленд подделал все документы, уличавшие Уиллиса. Так ли это или не так, подобный ход вполне в духе помощника руководителя кромвелевской разведки.

Морленд успел к этому времени отличиться на службе Терло, особенно в перлюстрации писем. Он критиковал занимавшегося этим делом Айзека Дорислау (сына убитого за границей роялистами кромвелевского дипломата). Как писал Морленд, Дорислау-младший, «увы, не знал лучшего способа, чем вскрывать письма перочинным

ножом, а потом заливать воском». Техника здесь была усовершенствована лишь во времена Реставрации. Но Морленд еще при Кромвеле сделал важное «изобретение»: при нахождении подозрительных писем адресатам вручались лишь отлично подделанные копии, а самые оригиналы сохранялись на случай, если они потребуются как материал для обвинения.

Велико же было изумление лондонцев, когда сразу после Реставрации чиновник кромвелевской разведки Морленд в числе первых был принят вернувшимся Карлом II и возведен в дворянство. Вскоре, однако, Морленд принялся за старое ремесло, сделавшись шпионом Людовика XIV. Он женился на француженке, приобрел богатое имение во Франции, потом разорился и пережил ряд приключений, которые могли сделать честь любому герою плутовского романа, включая самого знаменитого из них — Жиль Блаза. Именно этот человек и оказался очень кстати французской разведке, раскидывавшей свои сети при английском дворе.

Не меньшую роль сыграл давно поселившийся в Англии отставной офицер Сен-Эвремон, который занимался сбором секретной политической информации для французского посольства в Лондоне. Разведка Людовика XIV использовала и многих других агентов, в том числе одного из лидеров французских протестантов — Рювиньи, имевшего большие связи в Англии. (Это происходило, разумеется, до изгнания из Франции всех гугенотов по приказу короля.) Агентами французской разведки служили также купцы, имевшие связи в Англии, поставщики предметов роскоши и виноторговцы, актеры, даже скромная французская модистка мадам Деборд, совсем подчинившая своему влиянию королеву Екатерину, жену Карла II. Впрочем, польза от этого — с точки зрения Людовика XIV — была минимальной, так как сама, некрасивая и неумная, португальская принцесса, сделавшаяся английской королевой, не имела никакого значения при дворе.

А сколько хлопот стоил Людовику XIV этот брак! Приходилось преодолевать упорное сопротивление Испании, мечтавшей снова подчинить отделившуюся в 1640 г. Португалию и поэтому вовсе не желавшую, чтобы та получила английскую поддержку. Мадридский двор даже принял меры, чтобы римский папа не благословил союза верной дочери церкви с английским еретиком. Пришлось французской дипломатии уламывать римского первосвященника и, главное, не забыть пополнить приданое принцессы солидным денежным кушем, врученным прямо жениху. Невеста не произвела сильного впечатления в Лондоне.

— Мне прислали жердь вместо женщины, — пробурчал недовольный Карл.

Вскоре отношения между королевской парой стали совершенно невыносимыми. Французская разведка должна была считаться с тем,

что королева Екатерина, возведенная ее усилиями на английский престол, не имела никакого влияния на своего мужа.

Зато находились в избытке другие женщины, обладавшие влиянием на сластолюбивого монарха. Карл II не представлял себе жизни без нескольких, так сказать, постоянных метресс, не считая множества временных любовниц. Напрасно пытались докучать королю некоторые министры своими наставлениями. Циничный Карл вполне разделял мнение, высказанное тогда одним остроумным французским писателем, герцогом Ларошфуко: «Старики любят давать хорошие советы, дабы вознаградить себя за то, что они уже не в состоянии подавать дурных примеров». Сам Карл предпочитал последнее. Он порой и послов выбирал из знакомых кутил в расчете, что они позабавят его известиями о своих непристойных похождениях за границей и особо подробным изложением скандальной хроники иностранных дворов. Таким был, например, Джордж Итеридж, посланный представлять Англию при тяжеловесном германском имперском сейме в Регенсбурге. Пятидесятилетний шалопай, путая все дипломатические карты, проводил время в попойках у французского посла, а если и посещал скучные немецкие дома, то только в сопровождении своей любовницы — актрисы местного театра, вызывая крайнее негодование почтенных дворянских матрон. Успехи среди дам легкого поведения на берегах Рейна, впрочем, не приглушили у повесы патриотических чувств, которые выражались преимущественно в воспоминаниях о «милых нимфах Темзы», которыми Итеридж заполнял свою служебную переписку.

Чем дальше, тем больше, наряду с открытой политикой английского правительства и тайной дипломатией Карла, устанавливались прямые контакты между его фаворитками и иностранными дворами. Если сам Карл заключил тайный альянс с Францией, то его главная метресса Барбара Вильерс леди Кастлмейн (позднее, с 1670 г., герцогиня Кливлендская) находилась в союзе с Испанией. Влияние этой фаворитки пришлось не по вкусу даже ее родственнику-королевскому собутыльнику и министру герцогу Бэкингему. Он построил сложную каверзу — с помощью иезуита Питера Талбота, исповедника королевы Екатерины, разъяснил ей, что ненавистная соперница — ведьма, околдовавшая короля. Недалекая королева с суеверным ужасом смотрела на фаворитку, которую по требованию Карла она должна была принимать у себя. Наконец, Екатерина не выдержала и предостерегла мужа. Обвинение, в ту пору ужасное, было сделано явно не по адресу. Король спросил жену, кто ее просветил насчет леди Кастлмейн.

— Отец Талбот уведомил меня, — ответила дурочка.

Карл предписал немедля изгнать отца Талбота из Англии. Впрочем, «ведьма», учитывая дипломатическую обстановку и симпатии

короля, неожиданно объявила, что переходит в католицизм. Французский посол стал усердно приглашать фаворитку на церковные службы в посольство, испанский посол удвоил денежные подношения. К ужасу английских министров она разъяснила, что переходит в католическую веру не из каких-то религиозных соображений, а чтобы сохранить место королевской любовницы и, следовательно, правительницы государства. А король, которого просили для соблюдения благопристойности вернуть фаворитку в лоно англиканства, лишь досадливо отмахнулся:

— Что касается меня, я вообще не имел дело с душой моих знакомых дам.

Если при всем этом декан собора Святого Павла мог еще утешать своих коллег, что англиканство немного потеряло, а Рим столь же немногое приобрел от обращения леди Кастлмейн, то дипломатам и разведчикам явно не подходила эта философия, слишком отрешенная от мирской суеты.

Немалые хлопоты были вызваны появлением на горизонте новой фаворитки. Началось все с приема русских послов. Карлу очень быстро надоели разговоры о скучных торговых делах со степенными посланцами царя Алексея Михайловича. Он быстро перевел разговор на изящество ножек английских женщин, а чтобы убедить недоверчивых московитов, приказал позвать проходившую мимо фрейлину Френсис Стюарт, которая и продемонстрировала стройность своей фигуры, для чего ей пришлось отказаться от значительной части пышного придворного наряда. Послы, если верить английским документам, вежливо согласились, что узрели наивысшее совершенство, и сей эпизод не имел особых последствий для англо-русских отношений. Этого нельзя сказать о положении дел при английском дворе, где сразу поняли, насколько сильным было впечатление, которое произвела мисс Стюарт на короля. Сама девица была полнейшим ничтожеством, даже влюбленный в нее придворный считал немыслимым, «чтобы какая-либо другая женщина обладала меньшим умом и большей красотой». Тем не менее под руководством матери и своры жадных родственников фрейлина так долго водила за нос своего высокого поклонника, что придворным и иностранным дипломатам даже пришлось создать особую «комиссию по доставлению мисс Стюарт королю». Комиссия свою работу выполнила, но Карл вскоре потерял к Френсис особый интерес, хотя и наградил ее титулом герцогини Ричмондской.

В новом Сент-Джемском дворце происходили настоящие сатурналии, в которых участвовали разом леди Кастлмейн, Френсис Стюарт, Нелли Гвини, другие королевские наложницы и, конечно, сам Карл, который при этом пел, аккомпанируя себе на гитаре. К огорчению дипломатов, контроль над увлечениями короля стал вовсе невозмож-

ным. Карл волочился за каждой юбкой. Его называли не иначе, как «старина Роули», это была кличка одного из лучших жеребцов в королевской конюшне. Сам король скорее был даже польщен прозвищем, по крайней мере, когда он ночью с силой ломился в дверь очередной фрейлины, в ответ на негодующий вопрос, кто он такой, неизменно отвечал:

— Мадам, это сам старина Роули.

Мало озабоченный необходимостью поддержания равновесия сил в Европе (о котором много говорилось в парламенте), Карл значительное внимание уделял уравновешиванию отношений между своими главными содержанками. Они нередко действовали еще более предосудительно, чем самые враждебные Англии иностранные державы. От английских политиков и от руководителей европейской дипломатии не могло ускользнуть это обстоятельство, и враждовавшие фаворитки короля стали представительницами различных партий и проводниками иностранных влияний при дворе. «Оценивая любовниц Карла в целом, сомнительно, чтобы какой-либо из государей нового времени в отличие от античности когда-либо собрал воедино лучший гарем»,— уверяет нас Д. Уэйтли, новейший исследователь этого деликатного сюжета.

Большинство подданных веселого монарха не было склонно ни к античным параллелям, ни к восхищению вкусом, проявленным королем. Недаром богобоязненные буржуа-пуритане, ужасавшиеся от безнравственности двора, превращенного в аристократический дом терпимости, были в то же время весьма озабочены тем, чтобы в этом «чертоге сатаны» особым фавором пользовалась угодная им содержанка, а не ее соперницы.

Однажды возмущенная толпа лондонцев остановила экипаж. В нем, как они думали, ехала француженка Луиза де Керуаль, которую подозревали в намерении побудить Карла перейти в католическую веру. Однако в карете сидела другая королевская любовница, Нелли Гвин. Актриса по профессии, она-то знала, как обратить угрожающие возгласы толпы в восторженный гул одобрения.

— Успокойтесь, люди добрые, — воскликнула Нелли Гвин. — Все в порядке. Я — протестантская шлюха!

Луиза де Керуаль, против которой негодовала толпа, вначале Карлу не понравилась — она переигрывала, изображая из себя недотрогу. Ведь королю было отлично известно, что она — агент версальского двора. Тем не менее Карл охотно полез в ловушку, возможно, считая, что тем самым он окончательно рассеет беспокойство Людовика XIV насчет своих планов и обеспечит бесперебойное поступление французской субсидии. Кто мог лучше успокоить французского короля, чем его платная шпионка, сделавшаяся любовницей Карла? Так что все устроилось наилучшим образом. «Шелковый пояс маде-

муазель де Керуаль связал Францию с Англией», — торжествующе писал французский посол Сен-Эвремон.

Луиза де Керуаль получила по милости Карла II титул герцогини Портсмутской. Не менее щедрым оказался Людовик XIV, возведший ее в сан герцогини д'Абиньи. Современники уверяли, что Луизу родители чуть ли не с детских лет предназначали на роль любовницы Людовика XIV. Но случилась осечка: он в то время увлекался мадемуазель де ла Вальер. Однако галантный король нашел Луизе другое место, отправив ее с этой целью в Лондон. От обоих королей, за одним из которых она шпионила для другого, Луиза получила огромную сумму в миллион фунтов стерлингов. Быть может, преувеличены восторги некоторых французских историков (вроде А. Форнерона) по адресу «маленькой бретонки, которая дала нам (французам) возможность завоевать нашу Фландрию и наше Франшконте». Однако несомненно, что Луиза де Керуаль, сделавшись фавориткой Карла II, сумела сохранить свое влияние на протяжении более чем полутора десятка лет. При этом она постоянно действовала в качестве агента версальского двора, хотя и пререкалась порой с некоторыми из сменявших друг друга послов «короля-солнца» (как именовали льстецы Людовика XIV).

А одной из главных задач послов французского короля была охрана прав Луизы от посягательств других «заинтересованных сторон». На сводничество и интриги, связанные с попытками примирения Луизы де Керуаль с другими фаворитками, прежде всего герцогиней Мазарини и Нелли Гвини, и уходили усилия официальных и тайных представителей Людовика XIV. Они имели для этого тем больше оснований, что французские субсидии, выплачивавшиеся Карлу II, превращались в деньги английской секретной службы, а те, в свою очередь, имели теперь одно главное назначение — оплату королевских любовниц. Так что волей-неволей Людовику приходилось содержать за собственный счет и главных соперниц Луизы де Керуаль. Что и говорить, сложная штука дипломатия!

В последний период правления Карла II резко обострилась внутриполитическая обстановка, и тут в довольно неожиданной роли на авансцену снова выдвинулись иезуиты. Несколько поколений англичан привыкли видеть руку «общества Иисуса» в любой политической интриге. Протестанты склонны были считать следствием тайных иезуитских козней чуть ли не любые чем-то неугодные им политические события. Нередко эти подозрения были вполне оправданы, но их не удавалось доказать. Так, иезуиты действительно в Англии во время Реставрации активно интриговали в пользу герцога Йоркского, брата короля, которого как католика значительная часть английских политиков хотела лишить прав престолонаследия (Карл не имел законных детей). Однако те конкретные действия и планы,

которые приписали иезуитам, были чистой выдумкой. Некий Титус Отс, лишенный сана священника англиканской церкви, по неясным причинам отправился на континент и, выдав себя за католика, некоторое время провел в иезуитских коллегиях. По чьей инициативе проделал Титус Отс этот маскарад, который не раз совершали некогда агенты Уолсингема, так и осталось неизвестным.

Вернувшись в Англию, Отс объявил, что 24 апреля 1678 г. в лондонской таверне «Белая лошадь» состоялось собрание английских иезуитов, на котором был составлен план поджога всех судов на Темзе, истребления протестантов и убийства короля (с помощью не то яда, не то кинжала, не то специальных серебряных пуль). Разумеется, все это было сказкой: иезуиты и не помышляли убивать Карла II, тайно им покровительствовавшего. Более того, король отлично знал, что именно в день 24 апреля 1678 г. по чистой случайности действительно происходило собрание конгрегации английских иезуитов, но не в таверне «Белая лошадь», а у герцога Йоркского, о чем Титус Отс, конечно, не имел ни малейшего представления.

Слухи о «папском заговоре» вызвали огромное возбуждение в стране, которое использовала в своих целях парламентская оппозиция. Многие католики поплатились головами, тогда как иезуиты втайне продолжали свои происки. Впрочем, влияние их на ход политической борьбы не стоит преувеличивать.

«НЕСРАВНЕННАЯ АФРА БЕН»

В 1696 г. вышла книга, автором которой значилась «особа прекрасного пола». Возможно, так предпочел назваться некий Чарльз Джилдон — второразрядный литератор, склонный к мистификации (незадолго до этого он опубликовал «Афинскую газету» — ученые записки никогда не существовавшего научного общества). Он был хоть и не «подругой», как значилось на обложке, но все же добрым знакомым женщины, о которой повествовала эта книга, озаглавленная «История жизни и воспоминания миссис Бен». А она была действительно незаурядной личностью. Ее произведения оставили заметный след в истории английской литературы. Знаменитый поэт Драйден восторженно отзывался об «Астрее» (псевдоним Афры Бен):

«Ей, описавшей страсть с небесной добротой,
Поистине пристало быть святой».

Правда, преемник Драйдена на английском Олимпе Александр Поп высказывался более критически:

«Астрея так привыкла блуд изображать,
Что рада всех на сцене уложить в кровать».

Однако это писалось уже тогда, когда модное в годы Реставрации демонстративное пренебрежение моралью отошло в прошлое.

...Афра Бен родилась в бурном 1640 г. Совсем юной девушкой она вместе с семьей прожила несколько лет в Суринаме (позже получившем название Нидерландской Гвианы). Вернувшись в первые годы реставрации Стюартов на родину, рано овдовевшая, молодая красавица обратила на себя внимание Карла II. В последующем враги Афры Бен с большим или меньшим основанием именовали ее великосветской куртизанкой, хотя скорее здесь речь шла о следовании тем свободным нравам, которые преобладали и которыми даже бравировали не только в придворных, но и связанных с ними литературных и артистических кругах английской столицы. Однако эта легкомысленная и ветреная покорительница сердец была в Англии первым профессиональным писателем-женщиной, автором не только блестящих драм и комедий, с успехом шедших на сцене, но и романа «Оруноко» — печальной повести о взятом в плен и обращенном в рабство африканском вожде. Некоторые исследователи считают «несравненную Афру Бен», в произведениях которой возникает образ «естественного человека», не тронутого пороками цивилизации, предшественницей Руссо. Другие видят в Афре Бен далекую провозвестницу антирабовладельческой литературы XIX в. Г. Бичер-Стоу и ее бессмертной «Хижины дяди Тома».

Но вернемся к «Истории жизни и воспоминаниям миссис Бен». В ней «подруга» героини, «особа женского пола», подробно описывает деятельность Афры Бен в качестве разведчицы, посланной английским правительством в Голландию. Дело происходило летом и осенью 1666 г. В «Истории» рассказывается, как, прибыв на континент, Афра Бен установила знакомство с одним из ее прежних голландских поклонников, который именуется далее «Ван дер Альбертом Утрехтским» с оговоркой, что это не его настоящее имя. С помощью своего влиятельного обожателя разведчица добыла планы голландского правительства, которое намеревалось послать в устье Темзы войско, чтобы сжечь английский флот. Ее высокопоставленный друг в Англии не поверил пересланным ему сообщениям и не принял необходимых мер предосторожности, пока голландцы действительно не совершили нападения, о котором заранее предупреждала Афра Бен.

Между тем разведчица в дополнение к тридцатилетнему Ван дер Альберту завела еще одного любовника Ван Бройна, вдвое старшего по возрасту. В последующем Ван Бройн был побежден своим молодым соперником. Однако и последнего вскоре ожидала отставка. Пытаясь вновь овладеть расположением своей ветреной возлюбленной, он попадал в смешные положения, подобно герою комедии.

Подкупив старуху-компаньонку и переодевшись в ее одежду, он улегся взамен нее в постель, чтобы разоблачить неверность Афры. Однако вместо этого он сам стал объектом бурной сцены ревности со стороны какого-то купеческого сынка, который вообразил себя влюбленным в компаньонку, не разглядев, что та годилась ему в бабушки. Афра Бен, приехавшая с бала вместе с группой друзей, могла от души посмеяться над незадачливым Ван дер Альбертом.

Эта смешная сцена была впоследствии использована писательницей в ее знаменитой комедии «Пират». Возникает, однако, вопрос: не происходили ли события в обратном порядке — не попал ли этот эпизод из комедии Афры Бен в ее биографию, написанную «особой женского пола»? Это весьма вероятно. А чтобы представить действительную картину деятельности Афры Бен в Голландии, надо обратиться от рассказа, включенного в «Историю», к материалам, хранящимся в английском государственном архиве «Паблик Рикорд Оффис».

В документах, относящихся к поездке Афры Бен, нет ни слова ни о Ван дер Альберте и Ван Бройне, ни о голландских планах сжечь английский флот. Последнее, впрочем, легко понять: эти планы были разработаны в мае и осуществлены в июне 1667 г., а Афра Бен вернулась в Лондон еще в январе. Задача, поставленная перед Афрой Бен, была не такой, какой она рисуется в «Истории». Ей поручили установить контакт с полковником Уильямом Скотом — офицером кромвелевской армии, который после Реставрации бежал за границу и командовал военным отрядом солдат-эмигрантов, поступивших на голландскую службу. Что не менее важно, полковник Скот был сыном одного из руководителей разведки в годы революции — Томаса Скота. В обмен на обещание помилования, разрешения вернуться в Англию и денежного вознаграждения полковник Скот выражал готовность шпионить за эмигрантами и своими голландскими нанимателями.

Прибыв в июле в Антверпен, Афра уже 16 августа послала первое донесение в Лондон, подписанное именем «Астрея», которое впоследствии, как мы уже знаем, стало ее литературным псевдонимом. «Астрея» сообщила, что связалась с «Селадоном» (Скотом) и убедила его сотрудничать с нею. Одновременно она уведомляла о своем намерении отправиться в Голландию и об одном голландском шпионе в Англии, обещавшем снабжать Гаагу сведениями о передвижении английских кораблей.

В последующих депешах Афры Бен содержится информация об отзыве голландских войск из Германии и о политических волнениях в Амстердаме. Однако жизнь в Антверпене стоила недешево, а посылка гонцов к Скоту в Амстердам — еще дороже. У Афры Бен вскоре вышли все деньги, она была вынуждена заложить свои брил-

лианты, а ее отчаянные письма в Лондон, адресованные, в частности, королевскому придворному и известному драматургу Киллигрью, оставались без ответа. Афра Бен жаловалась также на интриги некоего Корни (или Кэрни) — то ли контрразведчика, посланного наблюдать за нею, то ли просто соперничавшего с ней агента. В результате «Селадон», по словам Бен, опасался, что об его переговорах с представителями английского правительства узнают эмигранты и голландские власти. Одно за другим шли донесения в Лондон с жалобой на отсутствие денег. Это обстоятельство, сообщала Бен, мешает продолжать столь удачно начатое дело, а Корни путает все ее карты. Скот был тем временем арестован за долги, и такая же участь угрожала и самой «Астрее». От этой опасности ей удалось избавиться, получив без всякой помощи со стороны правительства заем в 150 ф. ст. у некоего Эдварда Батлера из Лондона.

Однако Афра Бен спаслась от долговой тюрьмы в Антверпене только для того, чтобы попасть в нее в Лондоне. Как несостоятельную должницу «Астрею» арестовали по требованию Батлера. Неизвестно, каким образом ей удалось раздобыть деньги и освободиться из заключения — может быть, в конце концов Киллигрью побудил Карла II выплатить долги Бен, в которые она влезла для выполнения его поручения. Афра Бен много позднее собиралась использовать свои воспоминания об амстердамской миссии как материал для романа и сделала несколько предварительных набросков. Конечно, сцены из романа имели очень отдаленное сходство с реальными приключениями, которые пришлось пережить «Астрее». А после смерти писательницы они были некритически включены в «Историю жизни и воспоминания миссис Бен» как страницы ее подлинной биографии.

МАЛЬБРУК И ЯКОБИТЫ

В последнюю треть XVII в. претендентом на всеевропейскую гегемонию, на создание «универсальной» монархии выступает абсолютистская Франция. Общеевропейская обстановка как будто на редкость благоприятствовала честолюбивым планам и интригам короля Людовика XIV. Некогда грозная габсбургская Испания переживала полное падение при жалких преемниках Филиппа II: обнищавшая страна с жадным дворянством и прожорливым духовенством, растоптанные ростки промышленности, доведенные до полного разложения армия и флот. В Англии реставрированная монархия Стюартов настолько опасалась внутренних врагов, что ей было не до сопротивления планам могущественного французского короля. К тому же буржуазию Англии разделяло ост-

рое соперничество с буржуазией Голландии, приводившее к неоднократным англо-голландским войнам. А на восточных границах Франции лежали бесчисленные мелкие княжества, на которые была поделена Германия, вдобавок до крайности истощенная только недавно окончившейся Тридцатилетней войной. Германский император (он так же, как и испанский король, был из рода Габсбургов) являлся господином лишь в своих наследственных австрийских и других владениях. Искусная дипломатия всегда могла создать коалицию недовольных им князей.

Первые завоевательные войны Людовика XIV приносили ему успех за успехом. Его дипломаты и разведчики стали действовать совсем бесцеремонным образом. Подобно тому, как в XVI — начале XVII в. католическая партия в Англии ориентировалась на Испанию, так теперь английские католики, являвшиеся крайними сторонниками абсолютизма, искали поддержки у французского короля. В 1685 г. на английский престол вступил король-католик Яков II. Однако его правление продолжалось недолго. В результате переворота 1688 г. Яков, оказавшийся покинутым всеми, кроме кучки придворных и иезуитов, был свергнут с престола, который достался мужу его дочери Марии — голландскому штатгальтеру Вильгельму III Оранскому. Международная обстановка разом круто изменилась. У Англии и Голландии появился общий глава, опытный политик и полководец, поставивший целью сломить могущество Франции.

Как показал опыт истории, у Стюартов не было шансов на новую реставрацию, которой не хотела ни буржуазия, ни обуржуазившаяся часть дворянства. Однако первоначально это далеко не было ясным, и английский трон Вильгельма Оранского казался очень непрочным. Многие из влиятельных деятелей партии тори, опасаясь восстановления католицизма, согласились на удаление Якова. Но теперь, когда перевес получили их противники — виги, они стали подумывать о призвании изгнанного короля. Эту часть тори стали называть якобитами. Не было недостатка и в политических хамелеонах, считавших нужным не сжигать за собой всех мостов и перестраховаться на случай возвращения на престол мстительного Якова II.

Сам Яков нашел приют у Людовика, признававшего его законным английским королем, хотя после окончания одной из войн против Англии он обязался отказаться от этого признания. Яков и его призрачный «двор» во Франции опирались на поддержку со стороны Людовика и, в свою очередь, оказывали ему всю возможную для них помощь. А выражалась она в попытках связать руки правительству Вильгельма, возбуждая против него оппозицию повсюду — в Англии, Шотландии, Ирландии (поводов для недовольства этим правительством, действовавшим в интересах крупных землевладельцев, банкиров и купцов, было более чем достаточно). Одновременно плелись

сети все новых заговоров с целью убийства Вильгельма и восстановления на престоле Якова II, а позднее — его сына.

К якобитским заговорам приложили руки и иезуиты, в частности их английский провинциал отец Уорнер. Большинство якобитских агентов, однако, попадалось в сети английской секретной службы, которую возглавлял фаворит Вильгельма Оранского Уильям Бентинк, получивший титул герцога Портлендского.

Английская разведка внимательно наблюдала за Яковом II, проживавшим со своими придворными в Париже под покровительством Людовика XIV. Непосредственно это задание было дано секретарю британского посольства некоему Мэтью Прайору, второразрядному поэту. Покидая в 1699 г. Париж, Прайор составил отчет об использовавшихся им шпионах. Среди них фигурировал некий Браконье, уже проведший четыре года в Бастилии, какой-то ирландец, выдававший себя за купца. В числе агентов значились также англичанин Бейли — под этим именем скрывался священник и, как сообщалось в отчете, «совершенный развратник» Джонстон и старуха Ланглуа, «хитрейшая шлюха» с двумя дочерьми...

Якобитские заговоры приняли еще более активный характер во время правления наследовавшей Вильгельму и Марии королевы Анны: якобиты хотели после нее возвести на престол сына Якова II. Это уже происходило в годы войны за испанское наследство (1700—1714 гг.), в основе которой лежала борьба против угрозы французской гегемонии.

Во второй половине XVII в. в Испании, переживавшей период глубокого экономического и политического упадка, престол занимал последний представитель династии Габсбургов слабоумный Карл II. После его смерти трон должен был перейти либо к австрийским Габсбургам, либо к французским Бурбонам, находившимся в наиболее близком родстве с бездетным испанским монархом. Мадрид снова превратился в центр тайной войны.

Одним из наиболее деятельных французских агентов сделалась племянница кардинала Мазарини, некогда первая (хронологически) фаворитка Людовика XIV Олимпия Манчини, ставшая графиней Суассон. В мае 1686 г. она прибыла в Мадрид как приближенная королевы Марии-Луизы, француженки, активно интриговавшей в пользу планов версальского двора. Сторонники австрийской партии повели против королевы тайную войну, не останавливаясь перед фабрикацией фальшивок — любовных писем за ее подписью. 11 февраля 1689 г. королева неожиданно заболела и на следующий день скончалась, по мнению многих — от действия яда. Французский посол граф Ребенак прямо обвинял имперскую дипломатию, другие, впрочем, не исключали виновности... самой графини Суассон. Однако и после смерти королевы французская партия отнюдь не сложила оружие, и

даже усилила свою активность. Этому немало способствовали разведчики и разведчицы, засланные по приказу Людовика XIV в Мадрид.

Большую роль среди них сыграла некая Анжелика ле Кутелье, которая после второго замужества стала носить фамилию маркизы Гюдан. Это была особа с весьма сомнительным прошлым. Еще в 1669 г. она поспешно покинула Францию, где ей угрожал процесс по обвинению в вымогательстве. Англичанин А. Стенгоп рассказывал, что встречал будущую маркизу в 1676 г. в Риме. Там она стала любовницей секретаря французского посольства и во время одного свидания выкрала у того дипломатические бумаги, представлявшие чрезвычайный интерес для мадридского двора. Документы оказались настолько важными, что далеко не щедрое испанское правительство назначило француженке ежегодную пенсию и разрешило поселиться в Мадриде.

В свете последующих интриг маркизы этот эпизод представляет особый интерес. Остается неясным, был ли он сознательной провокацией французской разведки, решившей таким путем заслать своего человека в Мадрид, или лишь впоследствии маркиза была «перекуплена» правительством «короля-солнца». Сохранились письма, которые Гюдан регулярно с февраля по декабрь 1693 г. пересылала в Париж и которые содержали массу информации о придворных делах, полученной из первых рук — от министров и других важных государственных сановников. Тщательный анализ этих писем показывает, правда, что кое-где маркиза и присочиняла для придания большего веса сообщаемым ею сведениям.

Особняк маркизы Гюдан в Мадриде имел сад, примыкавший к важному правительственному зданию, что облегчало ее шпионские занятия. Однако роль Гюдан отнюдь не сводилась лишь к сбору информации. В сотрудничестве с другими французскими агентами она по указанию посла Аркура держала салон, где встречались министры и дипломаты, придворные и великосветские куртизанки, модные поэты, парижские аббаты и монахи-доминиканцы из различных испанских монастырей. Здесь Гюдан во время непринужденных бесед за столом узнавала нужные новости и плела заговоры, направленные на усиление французской партии. (Аркур был ярым противником проекта раздела испанских владений, считая, что все они должны перейти по наследству одному из французских принцев.) Активными агентами Парижа были также французские купцы, банкиры, ювелиры, мастера, которые не покидали Мадрида и в годы, когда Испания была втянута в войну против Франции.

Одним из наиболее важных заданий, порученных маркизе Гюдан, было привлечение на сторону Франции гессенской баронессы Берлепш, фаворитки новой королевы Анны-Марии Нейбургской. Вдов-

ствовавшая баронесса — вульгарная особа с манерами престарелой кокотки, приобрела такое влияние, что единолично принимала решения, кого допустить к королеве, которая, в свою очередь, управляла как марионеткой Карлом II. Гюдан действовала через патера Реджинальда, бывшего исповедником и любовником фаворитки. Баронесса питала слабость к деньгам, еще большую, чем к монахам, и за французское золото взялась служить планам правительства Людовика XIV. Это продолжалось до 1700 г., когда сторонникам императора с большим трудом удалось добиться почетного удаления Берлепш. Гюдан выслали еще раньше, в 1698 г., с запрещением приближаться ближе чем на 30 миль к испанской столице. Но все это не помогло австрийской партии одержать победу.

В годы войны за испанское наследство иезуитский орден и его разведка в целом действовали на стороне Людовика XIV. Это было тем более важно для французского короля, что иезуиты пользовались сильным влиянием в Вене, при дворе императора, одного из главных противников Людовика. В 1708 г. иезуитская разведка пыталась устранить наиболее способного императорского полководца принца Евгения Савойского. Занятый осадой города Лилля, командующий австрийскими войсками однажды получил письмо, адресованное «Его Преосвященству принцу Евгению». Титул «преосвященство» употреблялся при обращении к кардиналу, и эта ошибка сразу же возбудила подозрение Евгения, догадывавшегося об иезуитских кознях. Принц разорвал конверт, внутри оказалась серая бумага с сальным пятном, которую Евгений поспешил бросить на пол. Вскоре у него начала кружиться голова. Адъютант и слуга генерала, также страдая от головокружения, засунули бумагу в горло собаки, животное проглотило роковое послание и вскоре околело, хотя ему дали сильное противоядие. Евгений открыто обвинял иезуитов в покушении на свою жизнь, и это обвинение никогда не было опровергнуто.

Борьба разведок происходила на протяжении всей войны за испанское наследство. Но особое значение она приобрела, конечно, в связи с попытками терпевшего поражение Людовика заключить сепаратный мир с Англией. Этого мира желала в Англии партия тори, среди которой было много якобитов. Людовик XIV добился желаемого, но главным образом потому, что в самой Англии влиятельные силы стали тяготиться затянувшейся войной и хотели достигнуть своих целей более быстрым и дешевым путем, не очень заботясь об интересах союзников.

Уже после заключения Утрехтского мира в 1713 г. французское правительство оказало содействие якобитскому заговору, ставившему целью сделать претендента преемником королевы Анны. Но этот заговор, хотя в него были вовлечены руководители торийского министерства, окончился полной неудачей.

Ярким примером иллюзий и несбывшихся надежд были связи якобитской разведки с герцогом Мальборо.

Джон Черчилль, первый герцог Мальборо («Мальбрук», как его в старину именовали на Руси), нашел восторженного адвоката в своем далеком потомке — Уинстоне Черчилле, написавшем о нем многотомное сочинение. Но самое изощренное адвокатское красноречие не может скрыть бесспорных фактов.

Родившийся в 1650 г., Джон Черчилль был сыном мелкопоместного дворянина. Начало карьеры Черчилля было положено, когда его старшая сестра Арабелла стала любовницей герцога Йоркского, будущего Якова II. Принятый ко двору, Черчилль вскоре был взят на содержание королевской содержанкой Барбарой Вильерс, герцогиней Кливлендской. Саму Барбару пристроил на это место ее родственник Джордж Вильерс, герцог Бэкингем, но она скоро успела подставить ему ножку. Герцог не остался в долгу и привел Карла II к его любовнице, когда она принимала молодого Черчилля. К счастью, королю успела порядком надоесть властная, сварливая и, главное, начавшая стареть герцогиня. Поэтому, обращаясь к Черчиллю, король лишь сказал: «Вон! Ты прохвост, но я тебя прощаю, так как ты таким путем зарабатываешь себе на хлеб».

Карл был недалек от истины. Практичный молодой человек, выудив у герцогини 4500 ф. ст., поспешил вложить их в ценные бумаги. Поднакопив таким путем изрядный капиталец, молодой офицер женился на придворной красавице Саре Дженнингс. Благодаря Арабелле Джон Черчилль стал приближенным герцога Йоркского, а его жена — наперсницей принцессы Анны, дочери герцога. Черчилль быстро продвигался по службе, тем более что вскоре успели выявиться его несомненные полководческие дарования.

После 1685 г., когда герцог Йоркский стал королем под именем Якова II, награды и почести посыпались на Черчилля, как из рога изобилия. Именно Черчилля Яков II назначил главнокомандующим своей армией, посланной против войск Вильгельма Оранского, высадившихся в Англии в 1688 г. И именно Черчилль поспешил перейти вместе с этой армией на сторону Вильгельма, что быстро решило исход борьбы. (Черчилль пытался даже похитить Якова и выдать его Вильгельму Оранскому, но этот план не удался.)

В первые годы правления Вильгельм, как уже упоминалось, чувствовал себя далеко не прочно на престоле. Угроза якобитской реставрации была или, вернее, казалась вполне реальной. Тогда Черчилль решил на всякий случай «примириться» с Яковом II. Он пишет Якову душераздирающие письма о будто испытываемом им раскаянии и муках совести. Черчилль стал агентом якобитской разведки, правда очень лукавым и себе на уме, готовым кое-что сообщить в Париж, где жил Яков, выдать ту или иную государственную тайну,

те или иные военные планы, но только чтобы не порывать связей. Надо быть очень наивным, чтобы предполагать, будто герцог Мальборо будет поступать иначе и вопреки своим интересам действительно сделается якобитом.

В 1700 г. началась война за испанское наследство; все свои надежды якобиты возлагали на успехи французского оружия. А Джон Черчилль, герцог Мальборо, стал главнокомандующим войсками, действовавшими во Фландрии и Германии против Франции, и нанес ряд тяжких поражений маршалам Людовика XIV.

На престоле королева Анна. Вначале она находилась под влиянием герцогини Мальборо, потом порвала с ней. Еще не вполне ясно, кому достанется английский трон после смерти Анны — ее отдаленному родственнику, ганноверскому курфюрсту, как этого требует «закон о протестантском престолонаследии», или в Лондон вернется сын умершего Якова II. А раз это неясно, герцог Мальборо, продолжая вести борьбу против Франции, одновременно поддерживал контакты с якобитами, в частности переписываясь со своим племянником (сыном Якова II и Арабеллы Черчилль) герцогом Бервиком, маршалом французской службы. Война дала Мальборо миллионы, и он хотел сохранить их любой ценой. Обещания герцога якобитам, конечно, ничего не стоили. Мальборо отнюдь не собирался помогать претенденту, он просто хотел перестраховаться на случай, если тот все же придет к власти. А между тем, вопреки предостережениям Бервика, на переписке с Мальборо строят планы, лелеют самые смелые надежды. Наиболее влиятельные слои правящих классов Англии явно решили не допустить якобитской реставрации. Невозможная цель породила у якобитской разведки и иллюзорные средства для достижения этой цели.

Мальборо вел тайные переговоры и с агентами Людовика XIV,— речь шла о том, чтобы добиться для побитого французского короля более приемлемых условий мира. Предлагались миллионные взятки — но дело сорвалось на этот раз не по вине Мальборо.

В 1714 г. на английский престол вступил ганноверский курфюрст под именем Георга I. Вопрос о якобитской реставрации был решен в отрицательном смысле раз и навсегда. Но современникам это еще не ясно до конца. И поэтому в 1716 г. Мальборо сообщил «со слезами на глазах» посетившему его якобитскому агенту, что он собирается «служить Якову III» (т. е. претенденту). Разумеется, это уже чистая словесность, а на нее скупой герцог Мальборо был всегда необычайно щедрым.

СТО ИМЕН АВТОРА «РОБИНЗОНА КРУЗО»

Только антистратфордианцы в неуемном рвении стремились связать творчество Вильяма Шекспира с тайной войной. Однако другой знаменитый английский писатель действительно сыграл немалую роль в истории шпионажа.

...В 1702 г. в Лондоне появилась анонимная брошюра «Кратчайший способ расправы с диссидентами». На первый взгляд это было произведение лютого реакционера-тори, ярого сторонника государственной англиканской церкви, призывавшего искоренять сторонников различных протестантских сект каторгой и виселицами. Но вскоре стало очевидным, что этот уже почти неправдоподобно «свирепый» памфлет был явной пародией на торийских церковников. И обнаружен его автор — виг, лондонский купец, несколько раз богатевший и терявший приобретенное состояние в новых спекуляциях, еще недавно доверенное лицо короля Вильгельма. Именно этому человеку, сменившему за свою жизнь добрую сотню псевдонимов и написавшему много различных произведений, было суждено обрести бессмертие благодаря одному из них, название которого «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо».

Но это случилось позже, а пока Даниель Дефо был брошен за дерзкую сатиру в лондонскую тюрьму Ньюгейт без указания срока заключения, предоставленного на «благоусмотрение» королевы. Рукопись памфлета была сожжена рукой палача; самому Дефо пришлось вдобавок не только уплатить большой денежный штраф, но и трижды выстоять у позорного столба. Дефо не унывал. Он даже написал «Гимн позорному столбу» (1703 г.), в котором выступал с защитой свободной мысли и свободы печати. Но Дефо не был принципиальным и стойким борцом, да и столкновение тори и вигов — он отлично понимал это — выродилось в борьбу продажных клик. Через несколько месяцев Дефо помирился с правительством и был выпущен из тюрьмы.

А в 1704 г. достопочтенный Роберт Харли, спикер палаты общин и будущий граф Оксфордский, получил со специальным курьером важный документ, изложенный на 23 страницах ровным, разборчивым почерком. Харли ждал этот документ, содержание которого ему было уже сообщено, и, конечно, знал автора — Даниеля Дефо. А тот, в свою очередь, знал, кому посылать свое сочинение.

Харли был умным, честолюбивым и абсолютно беспринципным политиком, готовым любыми средствами бороться за сохранение и усиление своей власти. Как заметил один современник (Уильям Каупер), достопочтенный мистер Харли по своему характеру «любил за-

ниматься обманом и интригами, даже когда в этом ие было иужды, дабы испытывать удовольствие от своего хитроумия. Если кому-либо от рождения было с необходимостью предопределеио стать мошенником, так это ему». Поиятио, что Харли с большим вниманием прочел послаиие Дефо, содержавшее проект организации всеобъемлющей шпиоиской сети как виутри Аиглии для борьбы с врагами правительства, так и за ее пределами. (И, что ие менее важно, эта секретиая служба должиа была вести также слежку за врагами Харли в самом правительстве и сделать его полновластным главой министерства.) «Если бы я был миинстром,— писал 2 иоября 1704 г. Дефо Харли,— я постарался бы по возможности зиать, что каждый говорит обо мие». Для начала Дефо предлагал создать подобную организацию в юго-восточиой Англии. Учитывая плохое состояние тогдашних дорог, приводившее к изоляции отдельных районов, он рекомеидовал ввести регуляриую засылку секретных агентов в каждый район, которые должны были доносить о малейших призиаках антиправительствеиных настроеиий. Проект был оценен, и Дефо стал оргаиизатором секретиой службы.

Отправляясь в июле 1704 г. в путешествие по стране с поручением сплести шпиоискую сеть, Дефо писал министру: «Я твердо уверен, что эта поездка заложит основание такой разведки, которой еще никогда не знала Англия». Под именем Александра Голдсмита Дефо объехал восточную часть страны, настороженио прислушиваясь к разговорам в гостиницах, тавернах, в дорожных каретах и пытаясь таким образом определить политические настроения, выясиить шансы правительства во время предстоящих выборов в парламент.

Путешествуя уже в следующем году, на этот раз по западным графствам, Дефо едва удалось избежать ареста, приказ о котором был отдан местным мировым судьей. Еще большее недоразумение возникло в городе Уэймаусе, куда прибыло письмо от Харли с инструкциями для Дефо. Письмо было послано на адрес некоего капитаиа Териера, но попало по ошибке к его однофамильцу. Тот, естественно, иашел пнсьмо весьма туманным и показал его чуть ли не всему городу в надежде, что найдется кто-либо, сумеющий разобраться в этом непоиятном послаиии. В целом, однако, Дефо после своей поездки мог с торжеством сообщить Харли: «Мне кажется, я могу сказать, что имею полное представлеине об этой части Англии и корреспондентах в каждом городе и в каждом уголке».

Вскоре сеть Дефо была раскинута и за рубежом. Центрами сбора информации стали Париж, Дюикерк, Брест и Тулои. Дефо был главой секретной службы в течеиие примерно десяти лет, оставаясь иа этой должности при сменявших друг друга торийских и вигских миинистерствах. В 1706 г. Дефо был послаи в Шотландию с целью определить отношение населеиия к иамеченному тогда объединению

с Англией. Ему предписывалось также ликвидировать в зародыше любые тайные заговоры против Унии.

В разных местах он принимал те или иные обличия. Беседуя с рыбаками, Дефо интересовался рыбным промыслом, купцам говорил, что намерен завести стеклодувное предприятие, льняное или шерстяное производство, с пасторами рассуждал о переводах библейских псалмов, ученым мужам выдавал себя за историка, изучающего отношения между Англией и Шотландией. А так как время шло и все предпринимательские планы не претворялись в жизнь, то Дефо для объяснения своего длительного пребывания распустил слухи, что он банкрот, скрывающийся в Шотландии от преследования кредиторов (это было недалеко от истины). «Сэр,— писал при этом Дефо Роберту Харли,— мои шпионы и получающие от меня плату люди находятся повсюду. Признаюсь, здесь самое простое дело нанять человека для того, чтобы он предал своих друзей». Связи Харли с Дефо держались в глубокой тайне, и другие агенты министра не раз доносили ему, что писатель является опасным человеком.

Поручение, которое выполнял Дефо, оказалось небезопасным. Толпа противников Унии даже разбила стекла дома в Эдинбурге, где остановился англичанин, но ошиблась этажом. Кажется, Дефо удалось в Эдинбурге устроить не только государственные дела, но и отчасти поправить свои собственные. Надевая маску предпринимателя, он, видимо, и на деле совершил несколько небезвыгодных спекуляций. Разведка и торговля шли рука об руку. После утверждения акта об Унии Дефо получил (после долгих проволочек) от министра часть следуемого ему вознаграждения. Но когда Дефо вернулся в Лондон, Харли должен был покинуть свой пост. Один из его клерков оказался иностранным шпионом, и враги торийского министра воспользовались удобным предлогом, чтобы заставить его уйти в отставку. Дефо устроился тогда на службу к другому министру — Годолфину и по его поручению снова дважды ездил в Шотландию разведывать планы тамошних якобитов.

В 1710 г. власть перешла от умеренных тори и вигов в руки крайних тори с явно якобитскими симпатиями. В их числе, однако, оказался не кто иной, как Харли, снова принявший Дефо на свою службу. Дефо стал активно поддерживать новое министерство своим острым пером журналиста, а в бумагах секретной службы появляются сведения о выплате некоему Клоду Гило — один из его бесчисленных псевдонимов — солидных денежных сумм. Но в 1714 г. обстановка снова круто изменилась. Умерла королева Анна, поддерживавшая в последние годы своего царствования партию тори. Интриги якобитов были разрушены. На английский престол вступил Георг I, и у власти прочно обосновались виги. В последующие годы Дефо выступал несколько лет в качестве ведущего автора в торийских журналах,

особеино в главном оппозиционном органе «Мист джорнел». Только делал он это теперь... по поручению министров-вигов, предпочитавших, понятиое дело, иметь «якобнтский» журиал, которым руководил бы правнтельствениый агент. Если раньше Дефо в качестве вигского журналиста служнл умерениому торийскому правительству, то ныие в роли торн и якобита ои выполнял задания вигского мнннстерства. Коиечио, эти поступкн Дефо выглядят не очень-то приглядно. Но знамеиитый романист в жизни, как и в литературе, был плоть от плоти своего класса — буржуазии эпохи «первоначального накоплеиия капитала», считавшей, что все средства хороши, если они приносят достаточно крупиые доходы.

В коице жизни, когда Дефо было 70 лет, он иеожидаиио исчез. Ученые два столетия ломали голову иад тем, от какого таннствеиного недруга скрывался зиамеиитый писатель. Сравнительио иедавио удалось добраться до разгадки — великий романнст прятался от самого неумолимого врага — кредиторов, проделав это е использоваиием всех хорошо зиакомых ему приемов секретной службы...

Годы войиы за нспаиское наследство, когда развериулась деятельиость Дефо в качестве руководителя разведкн, были, как уже отмечалось, временем расцвета тайиой войны. Одии из ее эпизодов получил тогда широкий отклик в газетах и памфлетиой лнтературе. Коистаитин де Рениевиль, неодиократно выполиявшнй за граиицей тайиые поручеиия правительства Людовика XIV, в 1702 г. был арестоваи французскими властями по подозреиию в шпионаже в пользу противника. В 1713 г. после освобождеиия де Рениевиль нздал книгу «Фраицузская инквизицня, нли История Бастилии», привлекшую шнрокое внимание. По уверению Рениевиля, Бастилия была полиа арестованными разведчиками и коитрразведчиками. Хотя автора побуждали к продолжению его книги такие влиятельные лица, как английскнй король Георг I, новых разоблачеиий не последовало. Неизвестно, как кончил Ренневиль, — однажды на него в Амстердаме было совершено безуспешиое нападение. Возможно, оно было делом рук фраицузских агентов, которые в следующий раз сумели добиться удачи.

Был и другой, несравиеиио более известиый и драматический эпизод, в котором история Бастнлии переплелась с нсторней тайной войиы.

«ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА»

В три часа после полудня 18 сентября 1698 г. в Париж через Сент-Антуанское предместье проехала большая карета с плотно занавешенными окнами. Со всех сторон ее охраняли вооруженные всадники. Карета принадлежала Сен-Мару, который в молодости (пришедшейся на середину века) служил мушкетером под началом знаменитого д'Артаньяна. Когда король поручил д'Артаньяну арестовать всемогущего министра финансов Фуке, лейтенант, в свою очередь, приказал Сен-Мару задержать одного из приближенных этого министра. Сен-Мар удачно выполнил приказ, чем заслужил милость короля. С тех пор он бессменно служил начальником различных крепостей, которые были превращены в тюрьмы для государственных преступников. И вот теперь — увенчание карьеры: Людовик XIV назначил Сен-Мара на высокий пост губернатора Бастилии.

Экипаж, в котором ехал Сен-Мар и еще одно лицо, остановился перед подъемным мостом Бастилии. Мост был немедленно опущен, ворота распахнулись и снова захлопнулись, пропустив карету. Вместе с нею в Бастилию проникла тайна, которую надежно охраняли толстые стены средневекового замка и которую вот уже более двух с половиной веков пытаются разгадать ученые...

История «железной маски» как в капле воды отразила режим бесправия, произвола и беззакония, которые были неразрывно связаны с внешней и внутренней политикой абсолютистской монархии. Устрашающие королевские lettres de cachets — тайные (а порой и безымянные) приказы об аресте, содержание десятилетиями людей в тюрьмах без предъявления обвинения и даже без признания самого факта ареста, возведение в высший закон монаршего каприза, желаний короля и его фаворитов, ради которых неугодный человек превращался в беспощадно преследуемого «государственного преступника», — все это были повседневные явления во Франции до Великой буржуазной революции конца XVIII в. И немудрено, что загадочный случай с «железной маской» привлек внимание не только своей нераскрытой тайной.

Легенда о «железной маске» настолько заслонила реальные факты, что только она известна большинству тех, кто слышал что-либо об этой знаменитой истории. О ней написана целая библиотека книг. И среди них, конечно, прежде всего «Три мушкетера» Дюма, точнее, одно из их продолжений — «Десять лет спустя, или Виконт де Бражелон». Этот роман немало способствовал популяризации легенды.

— Вы сын короля Людовика XIII, вы брат короля Людови-

ка XIV, прямой и законный наследник французского трона... Ваше право на царствование оспаривают — значит, вы имели на него право; пролить вашу кровь, как проливают кровь ваших слуг, не осмелились — значит в вас течет священная кровь; теперь взгляните, как много даровал вам господь, тот господь, которого вы столько раз обвиняли. Он дал вам гербы, лицо, рост, возраст и голос вашего брата, и все, что побуждало ваших врагов преследовать вас, все это станет причиной вашего триумфального воскресения.

С такими словами в романе «Виконт де Бражелон» один из мушкетеров, Арамис, ставший генералом ордена иезуитов, обратился к бастильскому узнику Филиппу, носившему железную маску.

Людовик XIV, на сутки брошенный в Бастилию, возвращается с помощью д'Артаньяна на свой трон, а эфемерный король Филипп вновь становится арестантом, кочующим из одной темницы в другую с лицом, навсегда скрытым под железной маской. Увлекательный рассказчик отнес этот эпизод к началу 60-х годов XVII в., за три с половиной десятилетия до того времени, когда человек в маске действительно был водворен в Бастилию. (По мотивам Дюма создан и известный французский кинофильм «Железная маска».) К истории «железной маски» обращались в своей поэме «Тюрьма» Альфред де Виньи, Виктор Гюго в драме «Близнецы» и тот же Дюма в «Узнике Бастилии». Существует и много романов второстепенных французских писателей о «маске», печатавшихся еще с середины XVIII в. вплоть до наших дней: де Муши (1750 г.), Ренью-Варена (1804 г.), Ле Турнера (1849 г.), де Робвиля (1860 г.), Лейнадье (1874 г.), Буагобея (1870 г.), Лядусета (1910 г.), Дюнана (1929 г.), Бернеда (1930 г.) и др.

Еще за сто лет до Дюма версию о том, что этой «маской» был брат Людовика XIV, выдвинул Вольтер, сам в молодости сидевший в Бастилии — через 13 лет после смерти загадочного узника. Во времена Наполеона I этого заключенного пытались объявить предком императора. На роль «маски» выдвигалось большое число кандидатов, включая английского герцога Монмоута, графа Вермандуа, герцога Бофора, министра финансов Фуке и еще многих известных и малоизвестных политических деятелей XVII в. В число претендентов попал даже Мольер, который якобы оказался в Бастилии в результате интриг иезуитов, ненавидевших автора «Тартюфа».

Приведем в качестве примера некоторые подобные, отнюдь не наименее «солидные» гипотезы.

Два французских эксперта по кодам Бюрго и Базерье в 1893 г. опубликовали книгу, в которой на основании разгадывания секретной корреспонденции времен Людовика XIV уверяли, что «маской» был некий генерал Булонд. Однако выяснилось, во-первых, что в архивах сохранилась эта же переписка, уже расшифрованная в XVII в. под-

чиненными военного министра Лувуа, кроме слова, произвольно прочтенного Бюрго и Базерье как «маска», и, во-вторых, что генерал Булонд умер в 1709 г., через шесть лет после кончины «маски» в Бастилии.

Примерно в то же время, что и исследование Бюрго и Базерье, появилось сочинение Анны Вегеман. В ее работе делалось сногсшибательное открытие, что «маской» был английский король Карл I, которого заменил на плахе какой-то фанатически преданный ему кавалер. Напрасно было бы, конечно, искать у А. Вегеман ответа, зачем было Людовику XIV держать в темнице спасенного им английского короля. Карл I, судя по этой версии, отличался завидным долголетием — к моменту смерти «маски» ему должно было стукнуть 103 года. Одним из главных доказательств А. Вегеман было то, что и Карл I и маска любили тонкое белье...

Еще одна версия. Жак Бретель шевалье де Гремонвиль родился в Руане в дворянской семье. Он был младшим сыном и, не рассчитывая на наследство, как это было нередко в ту пору, стал священником. Духовное звание послужило ему лишь трамплином для дипломатической карьеры. В 1664 г. Гремонвиль был назначен французским послом в Вену. Любезный француз сумел очаровать стареющую императрицу Элеонору, мать императора Леопольда. Посол стал любовником императрицы и получил значительное влияние на ее сына. 19 января 1668 г. ему удалось подписать тайный договор о разделе владений Испании между Францией и австрийскими Габсбургами в случае смерти бездетного испанского короля Карла II. Весной 1669 г. содержание этого договора сделалось известным иностранным дворам. Чтобы сохранить французское влияние в Вене, Гремонвилю было поручено добиться заключения союзного договора с императором. Посол окунулся с головой в вихрь придворных интриг. Ему удалось получить лишь обязательства Леопольда не воевать против Франции, если не будут затронуты границы габсбургских владений в Испании. Но и это было большим успехом. Вскоре последовали неудачи, и Гремонвиль растерял свое влияние при венском дворе. Император все более склонялся к союзу с врагами Людовика XIV, стремившегося к европейской гегемонии и уже начавшего войну против Голландии. В конечном счете Леопольд заключил союзный договор с Испанией и Голландией против Франции. Гремонвиль проиграл игру. Французскому послу были вручены паспорта, но он все еще не терял надежды отыграться и не спешил покидать Вену. Тогда его выслали под военным конвоем. Хотя Гремонвиль вряд ли нес главную долю вины за такой ход событий, бывший прямым следствием агрессивных действий Людовика XIV, гнев короля обратился против злополучного дипломата. Гремонвиль должен был прибыть в Париж 12 ноября 1673 г. — после этого о нем ничего

ие было слышно. Утверждали, будто он умер от огорчения (об этом сообщалось в изданной в 1696 г. в Аугсбурге «Истории императора Леопольда»). Датой смерти считали 1683, 1684 и 1686 гг. Таковы факты, на основе которых Ф. Шейхль построил гипотезу о том, что «железной маской» был Жак Бретель де Гремонвиль. Ниже мы убедимся, что эта гипотеза не соответствует действительным событиям.

Еще в 1934 г. вышла книга Вернардо «Врач королевы». «Маской» в ней был объявлен племянник хирурга Анны Австрийской П. Гондине, по словам автора книги, участвовавший во вскрытии тела умершего Людовика XIII и знавший, что король не мог быть отцом Людовика XIV. Гондине сообщил об этой тайне своему племяннику — судье, тот почему-то начальнику полиции ла Рейни. Остальное ясно без слов. Первая же проверка, однако, выяснила, что Гондине был назначен на пост врача королевы в 1644 г. и не мог участвовать во вскрытии трупа короля, умершего за год до этого. А судья мирно скончался в своем родном городе в декабре 1680 г., оставив завещание, которое и поныне сохраняется в местном архиве...

Все подобного рода гипотезы опровергаются при сличении их с немногими сохранившимися документами, относившимися к аресту и содержанию в тюрьме «маски». Выяснилось, что «маской» мог быть только заключенный, который находился в тюрьме итальянского города Пинероля, тогда входившего в состав Франции, и который потом был переведен в тюрьму на острове Сен-Маргерит и, наконец, в Бастилию. Комендант (помощник губернатора) Бастилии Дю Жюнка 18 сентября 1698 г. отметил в своем дневнике, что недавно назначенный губернатор Сен-Мар привез с собой заключенного в маске. 19 ноября 1703 г., как это следует из того же дневника и из тюремного регистра, узник внезапно скончался.

Всюду заключенного под «маской» (она, кстати, была, видимо, бархатной, а не железной) сопровождал бывший мушкетер, подчиненный д'Артаньяна, Сен-Мар, последовательно сменивший посты коменданта тюрем Пинероля, Экзиля, острова Сен-Маргерит и губернатора Бастилии. Он имел письменное приказание военного министра Лувуа соблюдать в отношении «маски» особые меры предосторожности, не допускать того, чтобы узника увидели даже его тюремщики. В последние годы пребывания «маски» в Бастилии строгость заключения была ослаблена. Из одиночки его на время переводили в камеры других арестантов. (Это отрицают некоторые новейшие исследователи, вычитавшие из документов, что «маска» сидел в одной башне, а не в одной камере с другими заключенными.)

Дю Жюнка отметил в своем дневнике, что Сен-Мар привез с собой «своего старого заключенного, которого он ранее держал в Пинероле». Сен-Мар уехал из Пинероля в 1681 г. К этому времени находившийся там в тюрьме бывший министр Фуке уже умер, а дру-

гой узник — представитель высшей французской аристократии герцог Лозен был освобожден. Оставалось пятеро заключенных, среди которых, несомненно, был человек в «маске». В эту пятерку входили мантуанский министр Маттиоли, слуга Эсташ Доже, бывший камердинер Фуке ла Ривьер, которого после смерти хозяина оставили в заключении, монах, к этому времени сошедший с ума, и шпион Дюбрей. Большинство из этих заключенных различные авторы считали узником в «маске». В письме военного министра Барбезье (сменившего на этом посту своего отца, знаменитого Лувуа) от 13 августа 1691 г. предписывалось хранить молчание о том, что сделал «маска». Ла Ривьер ничего не сделал, его держали в тюрьме только потому, что он знал какие-то секреты своего умершего господина — Фуке.

Относительно монаха позднее выяснилось, что речь идет об одном лице, арестованном в 1674 г. за участие в мошеннических проделках, в которых были замешаны фаворитки короля. Кроме того, Сен-Мар не раз сообщал, что монах сошел с ума, а Лувуа не проявлял к нему никакого интереса. Дюбрея, кажется, еще никто не предлагал считать «маской».

Итак, в отношении трех последних лиц из пятерки вопрос ясен. Остаются двое. Первый из них — Маттиоли. Известный историк Ф. Функ Брентано, приложивший немалые усилия к тому, чтобы представить Маттиоли таинственным узником, утверждал, что тождество «маски» с итальянцем доказано с «математической точностью». Посмотрим, за что же попал Маттиоли в тюрьму Пиньероля.

...13 марта 1678 г., когда часы на башне Компаниле возвестили наступление полночи, на опустевшей площади Святого Марка в Венеции встретились четверо мужчин. Богатство костюмов говорило, что все они знатные и влиятельные люди, а низко надвинутые широкополые шляпы и маски из черного шелка могли свидетельствовать о желании сохранять инкогнито, если бы не происходивший карнавал, во время которого венецианцы — от дожа до последнего гондольера — показывались на улицах с закрытыми лицами. После кратких приветствий вся четверка поспешно направилась к дворцу дожа, около которого темнели величественные бронзовые и мраморные статуи, слабо освещенные светом луны. Никто не потревожил оживленной беседы, участниками которой были мантуанский герцог Карл IV, его министр граф Маттиоли, посол Людовика XIV аббат д'Эстрад и его главный разведчик Джулиани.

Граф Эрколе Маттиоли родился в 1640 г. Уже в молодости Маттиоли удалось приобрести благосклонность Карла III герцога Мантуанского, а потом и его наследника Карла IV. Последний был типичным итальянским князьком той эпохи, думавшим только о своих удовольствиях. Карл IV на несколько лет вперед запродал государственные доходы откупщикам и проводил время в Венеции, растрачи-

вая полученные деньги. При нем находился и государственный секретарь Маттиоли.

Все это вполне соответствовало планам Людовика XIV. Еще с 1632 г. французы находились в Пинероле (где, как мы уже знаем, помещалась и одна из французских государственных тюрем). Людовик хотел пополнить свои итальянские владения за счет Казаля, входившего в состав Мантуанского княжества. Город был нужен из-за своего выгодного географического положения. Овладев им, французы могли бы эффективнее оказывать давление на Пьемонт, что, в свою очередь, было весьма важно и для борьбы за Италию и для дипломатических комбинаций Людовика в других частях Европы. И он решил купить Казаль.

У Людовика в Венеции был предприимчивый посол — аббат д'Эстрад. По его поручению один издатель газеты, некий Джулиани, бывший на деле французским разведчиком, окружил Маттиоли своими шпионами. Собранные сведения оказались благоприятными. Джулиани быстро договорился с Маттиоли об уступке Казаля. 12 января 1678 г. Людовик, оказывая особую честь Маттиоли, написал ему собственноручно благодарственное письмо. А еще через два месяца во время венецианского карнавала д'Эстрад и герцог Мантуанский встретились будто случайно на площади и уточнили все условия соглашения. Обычно вездесущие венецианские разведчики, которые не спускали глаз с посла Людовика XIV, прозевали эту встречу, столь опасную для интересов Республики...

В декабре 1678 г. Маттиоли в Париже подписал договор, Карл IV получал взамен Казаля 100 тыс. экю. Не был забыт и государственный секретарь. Во время частной аудиенции Людовик XIV подарил ему ценный бриллиант и приказал выдать 100 двойных луидоров. Людовик платил Маттиоли не только за проведение самого трактата, но и за соблюдение тайны. «Король-солнце» надеялся в этом случае, как и в ряде других, поставить Европу перед свершившимся фактом, иначе противники Людовика, конечно, не согласились бы на такое ничем не компенсированное им усиление французских позиций.

Но тайна не была сохранена. Не прошло и двух месяцев после поездки Маттиоли во Францию, как о договоре уже знали и в Вене, и в Мадриде, и в Турине (столице Пьемонта), и в Венеции. А вскоре перестало быть секретом не только само соглашение, но и то, каким путем его содержание стало известно во всех заинтересованных европейских столицах. Получив деньги с Людовика XIV, Маттиоли немедля запродал сведения о договоре всем противникам французского короля. А герцогиня Савойская сочла выгодным для себя раскрыть Людовику двойную игру Маттиоли. Одни испанцы заплатили Маттиоли за раскрытие секрета солидный куш — 4 тыс. пистолей, как сообщал Джулиани его шпион пастор Рандони.

Людовик XIV был взбешен. Д'Эстрад опасался за свою карьеру. По приказу разгневанного «короля-солнца» аббат, делая вид, что ему ничего неизвестно о предательстве Маттиоли, пригласил его посетить Францию. Итальянец принял приглашение, так как ему намекнули, что его ожидают новые денежные подношения. Карета д'Эстрада, которого сопровождал Маттиоли, пересекла границу, аббат и Маттиоли вышли и направились в одиноко стоявшую сельскую таверну. Там их ожидал представитель короля генерал Катина. Вскоре он и посол под каким-то предлогом отлучились из комнаты, оставив Маттиоли одного, а через минуту в помещение ворвались драгуны, арестовавшие мантуанского министра. 2 мая 1679 г. Маттиоли был заключен в крепость Пинероль.

«Маска» в записи о смерти значится под именем «Маршиоли», а Сен-Мар нередко именовал мантуанца «Мартиоли». О том, что «маской» был подданный мантуанского князя, позднее говорили в кругу своих придворных Людовик XV и Людовик XVI.

Однако в последние десятилетия появился ряд исследований (среди них работа известного историка Ж. Монгредьена «Железная маска», изданная в 1952 г.), в которых подвергнута убедительной критике кандидатура Маттиоли. Мантуанцу, родившемуся в 1640 г., было в момент смерти «маски» 63 года, а не 45 лет, как это указано в тюремном реестре о скончавшемся арестанте. Далее выясняется, что факт ареста итальянца был широко известен, о нем даже сообщалось в голландских газетах. Кроме того, что очень важно, когда Сен-Мар переехал в Экзиль — итальянский город, присоединенный к Франции, Маттиоли был оставлен в крепости Пинероля.

После 1693 г. имя Маттиоли исчезло из официальной переписки, а в апреле 1694 г. умер заключенный, имевший слугу. Известно, что камердинера держал лишь аристократ Маттиоли. Все остальные заключенные были либо сами слугами, либо не могли иметь слуг по своему социальному положению, тем более находясь в тюрьме, где держать камердинера разрешалось лишь в виде редкого исключения (бывшим министрам Фуке и Маттиоли). Путем подробного разбора переписки и ряда косвенных данных Ж. Монгредьен пришел к выводу, что Маттиоли умер в 1694 г., а «маской» был другой заключенный, именуемый в документах «слуга Эсташ Доже». Он был арестован в 1669 г. около Дюнкерка.

В первом же письме Сен-Мару от 13 августа 1691 г., написанном Барбезье, тюремщику предписывалось соблюдать прежние предосторожности в отношении заключенного в маске. В письме упоминалось, что этот заключенный находится под надзором Сен-Мара в течение 20 лет. Не дает ли это указание ключа к установлению личности томившегося в крепости человека?

Вернемся опять к нашей пятерке. Монах был доставлен в Пине-

роль, по всей видимости, 7 апреля 1674 г., Дюбрей — в июне 1676 г., Маттиоли — в мае 1679 г., Ла Ривьер — вообще до 1680 г. был не заключенным, а слугой заключенного. Наконец, Эсташ Доже был заточен в Пинероль в 1669 г., иначе говоря, только он мог находиться в 1691 г. под надзором Сен-Мара в течение 20 лет, остальные же арестанты — много меньше. Из них монах — 17 лет, Дюбрей — 15, а Маттиоли — 12 лет. 12 и 20 — слишком большая разница, чтобы допустить возможность ошибки со стороны Барбезье. Уже одно это говорит против кандидатуры Маттиоли и в пользу Доже.

Долгое время считали, что Доже — это некий аббат Преньяни, участник важных переговоров между Людовиком XIV и английским королем Карлом II, которые держали в строжайшей тайне даже от британских министров. Преньяни получил заграничный паспорт, на котором стоит дата 15 июня 1669 г., а через два дня итальянец был в Кале. 19 июля неподалеку от Дюнкерка, в 15 милях от Кале, был, как мы узнаем из письма Лувуа Сен-Мару, арестован Эсташ Доже. Однако еще в 1912 г. удалось выяснить, что Преньяни не был заключен в крепость Пинероль, а проживал в последующие годы в Риме; он умер там в 1679 г. (между прочим, и тайны, которые мог знать Преньяни или другие участники переговоров, потеряли свое значение после того, как в 1688 г. в Англии была свергнута династия Стюартов). А в отношении Доже, доставленного под охраной в Пинероль, Лувуа сразу же приказал соблюдать самые строгие меры предосторожности, полную изоляцию даже от тюремщиков. Позднее Доже был приставлен слугой к Фуке вплоть до смерти бывшего министра. Однако Фуке приказали, чтобы этот странный слуга ни в коем случае не встречался с еще одним узником Пинероля — герцогом Лозеном, впоследствии выпущенным на свободу. Возможно, что Доже поплатился за знание опасных придворных секретов, которые мог сообщить ему Фуке. Но, быть может, — это вероятнее — под «маской» скрывался Доже, а под этим псевдонимом какое-то другое лицо, настоящее имя которого не упоминалось даже в конфиденциальной служебной переписке. Поэтому его и похоронили под именем «Маршиоли», наводя на след Маттиоли.

Следует, наконец, обратить внимание на еще одно обстоятельство, которое хорошо помнил Дюма, но которое как-то было отодвинуто на задний план в последующих изысканиях. Зачем было скрывать под маской Маттиоли, которого все равно никто не знал во Франции, или тем более никому неведомого слугу Эсташа Доже, если это был действительно просто Доже?

В 1965 г. известный французский писатель академик М. Паньоль опубликовал книгу «Железная маска», которую он потом дополнил статьями в журналах. Однако в распоряжении Паньоля не было никаких документов, неизвестных его предшественникам, особенно Мон-

гредьену. Писатель лишь сделал новую попытку раскрыть тайну путем анализа, казалось бы, досконально изученных материалов.

Паньоль вполне согласен с Монгредьеном, что «маска» — это Эсташ Доже, и даже приводит соображения, опровергающие новейшие доводы сторонников Маттиоли. Последние, в частности, оперируют тем, что Дю Жюнка писал о заключенном, которого Сен-Мар держал под стражей в Пинероле, а не в Экзиле, куда тюремщик отбыл без Маттиоли. На этот аргумент Паньоль отвечает, что Дю Жюнка, возможно, и не знал о пограничной крепости Экзиль или тем более о том, что она была превращена в тюрьму для государственных преступников по секретному приказу. А то, что Сен-Мар уехал без Маттиоли, говорит против отождествления мантуанца и «маски».

Сообщение Вольтера о «маске», а также рассказы о нем других лиц, заключенных в Бастилии в первой половине XVIII в., раскрывают некоторые черточки в поведении узника, которые подтверждаются секретной корреспонденцией Сен-Мара и Лувуа. Например, Вольтер передает, что «маска» не раз жаловался на несправедливость судьбы. Об этом же доносил Сен-Мар военному министру еще в декабре 1673 г.

Впервые имя Доже возникло в деловой переписке Лувуа и его подчиненных 19 июля 1669 г. Именно этим числом датировано письмо Лувуа Сен-Мару, содержавшее предписание подготовить темницу для узника, который будет препровожден в Пинероль. В письме Лувуа называл Доже «несчастным» и вскользь добавлял, что он «всего лишь слуга». Это нарочито брошенное как бы мимоходом замечание давало понять Сен-Мару, какой линии ему следует держаться. Вместе с тем другие указания, содержавшиеся в письме, не оставляли сомнения, что речь шла о человеке, крайне интересовавшем и короля, и военного министра. Действительно, зачем иначе было готовить помещение для арестованного, когда у Сен-Мара под стражей находился всего один заключенный — Фуке и было достаточно свободных казематов? Речь шла, следовательно, о камере, обеспечивавшей возможность соблюдения особых мер предосторожности, о которых, как уже отмечалось выше, подробно говорилось в письме Лувуа.

Когда министр писал свое письмо, Доже, по всей вероятности, находился на свободе. «Слуга» был осужден на бессрочное одиночное заключение еще до его ареста. Об этом говорит сопоставление следующих факторов. Королевское lettre de cachet об аресте Доже было подписано 26 июля, через неделю после письма Лувуа к Сен-Мару. А Доже был схвачен еще позднее, в начале августа. «Слугу» доставили в Пинероль 24 августа, дорога должна была занять примерно десять дней. Из всех предписаний Лувуа вытекает, что вряд ли Доже подвергали длительному допросу. Это приводит к выводу, что «слуга» должен был быть арестован в начале августа.

Такой вывод влечет за собой и другой — подготовка к аресту началась заблаговременно, и Лувуа было заранее известно, когда и в каком месте появится Доже, где его будет возможно заключить под стражу. Очевидно, этим местом был город Дюнкерк или его окрестности. Иначе трудно объяснить, почему именно губернатору этого города капитану де Вороа было поручено руководить перевозкой арестанта в Пинероль. Вместе с тем местоположение Дюнкерка наводит на мысль, что «слуга» прибыл из-за границы, скорей всего из Англии.

Еще до того, как «слуга» был доставлен в Пинероль, туда прибыли два королевских приказа, посланных вслед за письмом Лувуа от 19 июля. Оба приказа датированы 26 июля. В одном из них, адресованном маркизу де Пьенну, начальнику гарнизона Пинероля, предписывалось оказать Сен-Мару всяческую помощь. Приказ на имя Сен-Мара уведомлял его о предписании, которое было направлено де Пьенну. Вместе с тем Сен-Мару указывалось, чтобы он обратился за помощью к начальнику гарнизона, если при осуществлении мер в отношении Доже тюремщик встретится с «какими-либо трудностями». Возникает вопрос: что это за «трудности»? Ведь Сен-Мар имел в подчинении не менее 70 солдат и офицеров и помимо Доже всего одного заключенного (Фуке). Зачем ему могла потребоваться помощь шести рот, иначе говоря — 600 солдат, де Пьенна? Ответ может быть только один: король и Лувуа явно опасались возможности нападения на Пинероль с целью освобождения Доже и для отражения такой атаки считали нужным предоставить в распоряжение Сен-Мара внушительную военную силу.

Можно считать, что «слуга» был вовлечен в какой-то важный заговор, участники которого стремились освободить арестованного (или, наоборот, его убить, чтобы избавиться от опасного свидетеля). Однако это предположение слабо согласуется с тем, что крайние меры предосторожности, предписанные Парижем, в результате постоянных напоминаний правительства соблюдались в течение 35 лет, вплоть до смерти «маски». Исследователи до сих пор проходили мимо имеющихся сведений о расходах на содержание этого заключенного. Оказывается, на это отпускались очень большие суммы. Лувуа не раз указывал, что Сен-Мар может кормить «слугу» всем, что захочет заключенный. Странное разрешение, если учесть, что существовали строгие нормы выдачи пищи арестантам. Сохранилось письмо короля, в котором он выражал беспокойство по поводу возможности бегства «слуги». Письмо Лувуа от 26 марта 1670 г. показывает, что у министра был тайный шпион в тюрьме, доносивший, с кем и о чем говорит Доже.

Обращает на себя внимание, что Сен-Мара при переезде из тюрьмы сопровождали несколько его подчиненных, в том числе майор

Росарж и священиик Жиро, причем происходило это не по их желанию, а по приказу короля. Не выглядит ли это как стремление окружить загадочного узника раз и навсегда отобранной охраной и не посвящать в секрет новых людей?

Не следует некритически подходить к переписке между Лувуа и Сен-Маром, чем ранее грешили исследователи. Основная ее часть, вернее — девять десятых писем Сен-Мара, пропала. Так, мы ничего не знаем о жизни узника в течение более чем двух первых лет заключения в Пинероле, а ведь Лувуа неизменно требовал присылки подробных отчетов о нем каждые два-три месяца. Более чем вероятно, что пропажа бумаг из архива Лувуа была неслучайной, что исчезли письма, содержавшие какие-то секретные известия, а осталась лишь та часть корреспонденции, в которой либо таких сведений не было, либо они были так зашифрованы, что их мог понять только Лувуа. Весьма возможно, что подобной чистке подверглись не только бумаги Лувуа. Нельзя не учитывать также, что современники были хорошо осведомлены о существовании «черного кабинета» для перлюстрации писем и поэтому из-за осторожности не касались в корреспонденции вопросов, составлявших государственную тайну. (Об этом прямо пишет, например, герцог Сен-Симон в своих знаменитых мемуарах, относящихся к концу XVII и началу XVIII в. Нельзя не отметить, между прочим, что бумаги самого Сен-Симона после его смерти также были конфискованы по приказу короля — дело происходило уже в 1760 г., в царствование Людовика XV.)

Людовик XIV не раз обнаруживал склонность фальсифицировать имевшуюся документацию по тому или иному вопросу, если это отвечало его интересам. Не останавливался «король-солнце» и перед тайными расправами. Стоит напомнить, что современники считали подозрительной внезапную смерть Лувуа и строили догадки, не был ли он после того, как впал в немилость, отравлен по предписанию короля. Людовик, правда, назначил преемником Лувуа его 22-летнего сына Барбезье, но когда тот через 10 лет умер (быть может, тоже насильственной смертью), король даже не скрывал своей радости. Так что в случае, если бы у Людовика был действительно брат, ставивший под сомнение его права на престол, король не поколебался бы ни на минуту, отдавая приказ о расправе с возможным претендентом на трон.

Имеются доказательства, что нередко государственных преступников держали в тюрьмах под фальшивыми именами — отсюда «Маршиоли» в тюремном регистре, чтобы навести на мысль о Маттиоли. Быть может, псевдоним «Эсташ Доже» сознательно взят, чтобы считали арестованного около Дюнкерка «слугу» неким Эсташем Доже де Кавуа (которого, между прочим, тоже одно время выдвигали на роль «маски»). О заключении в тюрьму этого гвардейского лей-

тенанта за убийство 15-летнего пажа и другие преступления было широко известно в придворных кругах. Как явствует из сохранившегося письма Эсташа Доже де Кавуа от 28 января 1678 г., он подвергался аресту «более 10 лет назад», то есть до 1669 г., когда был схвачен «слуга». Отсюда мог возникнуть псевдоним «слуги». Если это так, то и назначение Эсташа Доже слугой к Фуке могло служить средством этой маскировки. Допустимо, впрочем, и предположение, что это была милость к заключенному, избавление его от одиночного заточения. Если бы Фуке и узнал, кем является Доже, — не беда. Людовик XIV твердо решил, что бывший министр финансов не выйдет живым из темницы. Интересно письмо Лувуа Фуке от 23 ноября 1678 г., где осужденному предписывалось не допускать встречи нового слуги с герцогом Лозеном. Итак, или Лозен знал Доже, или тот напоминал кого-то знакомого герцогу, или, наконец, «слуга» мог сообщить ему нечто такое, что надо было сохранять в тайне от герцога, впоследствии помилованного королем. Даже через девять лет после ареста Доже Лувуа все еще боялся, что «слуга» может раскрыть какую-то важную тайну.

Любопытно отметить непонятные колебания относительно строгости заключения Фуке. Летом 1679 г. режим в отношении Фуке (и Лозена) был заметно ослаблен, в тюрьму приехала семья бывшего министра, все думали, что вскоре его освободят. Потом, в начале 1680 г., положение резко изменилось к худшему после прибытия важного курьера из Парижа. Этот курьер был ранее направлен Сен-Маром в столицу с какими-то особенно секретными сведениями, которые нельзя было, как писал Лувуа, доверить бумаге. Родных Фуке стали допускать к нему значительно реже. 23 марта 1680 г. бывший министр неожиданно умер. Была ли естественной эта смерть? Ранее предполагали, что Доже содержался в тюрьме, так как знал секреты Фуке или то, что он был отправлен по приказу короля. Но допустимо и другое предположение, что Фуке отравили, так как ему стала известна тайна Доже. Тело Фуке не было выдано родным — это лишь усилило подозрение, что он умер от яда. Некоторые исследователи старались вычитать из переписки Сен-Мара намек на то, что Фуке был отравлен Доже. Но и в этом случае Доже мог получить яд только от Сен-Мара, у которого, кстати, он действительно имелся. Может быть, слух об участии Доже в таком преступлении был сознательно пущен по приказу Лувуа.

Почему, однако, тайна не была разгадана в XVIII в., когда по приказу Людовика XV, а затем Людовика XVI были произведены новые расследования? Негативный результат розысков является следствием того, что уже никто не знал тайны «маски», либо сознательного желания опровергнуть легенду, ставившую под сомнение права царствовавших монархов на престол. Имеются какие-то глухие

сведения о том, будто Людовик XVI говорил, что обещал хранить тайну «маски».

Логическим выводом из всей этой цепи предположений и догадок будет то, что «маска» был действительно старшим братом Людовика XIV. А избавиться от брата посредством яда или тайной казни (подобно тому, как поступили, например, с рядом аристократических заговорщиков в 1674 г.) набожный «король-солнце» не решился — он помнил, что братоубийце Каину было уготовано место в аду. Допустимо предположить, что «маска» воспитывался в Англии (отзвуком этого могли быть упорно ходившие слухи, что «маска» был незаконным сыном Карла II — герцогом Монмоутом, сыном Кромвеля, «английским лордом» и т. д.). Его заманили в 1669 г. во Францию с помощью аббата Преньяни, причем заранее обрекли на вечное заточение. Не следует забывать, что все это лишь возможный вывод из мало чем подкрепленных — и даже не всегда убедительных — гипотез. Словом, изучение истории «маски», сделав полный круг, вернулось ныне к версии, которую с таким блеском отстаивали Вольтер и Дюма.

Но на этом дело не кончилось. В 1970 г. французский журналист П. Ж. Аррез опубликовал объемистую книгу «Железная маска. Наконец решенная загадка», в которой объявил, что таинственным узником является Фуке, скончавшийся в Пинероле. Это не новая теория — она была выдвинута еще в прошлом веке, но Аррез (он также опирается на уже известные документы) пытается доказать ее, используя все добытые исследователями сведения о «маске». Аррез считает, что 23 марта 1680 г. умер не Фуке, а Эсташ Доже и что впоследствии под именем этого «слуги» Лувуа и Сен-Мар в своей переписке имели в виду бывшего главу финансового ведомства Франции. Упоминания о «железной маске» появляются как раз после 1680 г., хотя в Пинероле не прибавилось новых арестованных. Отсюда и такие большие расходы на содержание «маски», чрезвычайные меры предосторожности. Это объясняет и слова министра Шамийяра, что узник — «человек, посвященный во все секреты Фуке». (Слова Шамийяра приведены Вольтером в его сочинении «Век Людовика XIV».) Дело остается за малым — привести доказательства, что 23 марта 1680 г. умер не Фуке. Доводы же Арреза малоубедительны. Он основывается на двусмысленно звучащих фразах в переписке того времени, из которых якобы можно заключить, что Фуке 23 марта или даже позднее видел его сын, приехавший в Пинероль. Аррез, отстаивая свою версию, приводит сведения о тех мерах, которые принимались властями при перевозке и захоронении тела Фуке. Ла Ривьера оставили в тюрьме, так как он знал, что умер Доже. А герцогу Лозену, когда его выпустили на свободу, чтобы сбить с толку, заявили, что Доже и Ла Ривьер еще ранее покинули стены тюрьмы.

Аррез приводит и другие столь же иатяиутые доводы. Ему явио не удалось доказать, что у правительства Людовика XIV могли быть осиоваиия для столь замысловатой игры. Следует добавить, что Фуке должен был бы быть к 1703 г. дряхлым старцем, а ие человеком средиих лет, каким считали «маску». Словом, и после книги Арреза история «самого таииственного узиика в истории» остается по-прежиему нерешениой загадкой.

ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА И ЗАВЕДЕНИЕ МАДАМ ФИЙОН

9 декабря 1718 г. 30 королевских мушкетеров, одетых в штатское платье, заияли здание испаиского посольства и арестовали киязя Челлемаре — посла короля Филиппа V (виука Людовика XIV), для утверждеиия которого в Мадриде Фраиция вела изнурительную «войну за испанское наследство».

Правда, минуло уже более трех лет, как сошел в могилу сам Людовик, которому раболепствовавшие перед иим придворные при жизни ставили памятники; под мордой лошади его коииой статуи днем и иочью горели лампады, как перед икоиой. Человек, который провозгласил: «Государство — это я», оставил потерпевшую воеииое поражение, обнищавшую страну. Престол перешел малолетнему внуку «короля-солица» — Людовику XV, регентом стал его дядя герцог Филипп Орлеанский, фактическим главой правительства — бывший воспитатель регента и участник всех его распутных оргий — кардииал Дюбуа. Имеиио старому цинику Дюбуа принадлежит крылатое определение абсолютизма: «Правительство, которое объявляет банкротство, когда хочет».

Автор известиых мемуаров герцог Сеи-Симон писал о Дюбуа: «Все пороки соперничали в ием, претендуя на главеиство. Честолюбие, корысть, беспутство были его богами; коварство, лесть, прислужиичество — его средствами; полнейшая нечестивость, убеждеиие, что порядочность и честиость — это химеры, являлись его достоинствами. Он занимался самыми изменными интригами...». Здесь иам придется прервать столь колоритиую аттестацию — у Сен-Симона она занимает целых две страницы. Надо лишь добавить, что такие черты характера Дюбуа оказались ему очень кстати, когда ои возглавил фраицузскую дипломатию и разведку.

В 1716 г. Дюбуа был направлен послом в Лондои, чтобы подготовить крутую смену внешиеполитического курса — союз с Англией,

оказавшийся, впрочем, недолговечным. Новый посол нередко покидал свою официальную резиденцию на Дьюк-стрит и спешил на конспиративную квартиру, где он получал секретную корреспонденцию и разведывательные донесения, адресованные на имя «учителя танцев Дюбюссона». Назначение Филиппа Орлеанского регентом вызвало сильное недовольство в Мадриде — не столько у самого слабовольного Филиппа V, сколько у его жены Екатерины Пармской и ее первого министра Альберони. Хотя Филипп V, заняв испанский престол, должен был под давлением держав отказаться от притязаний на французский трон, он никогда не рассматривал этот отказ как окончательный. В испанской столице считали, что в случае смерти Людовика XV (в детские годы он часто болел) ему наследует Филипп V. А пока что он был готов поддержать план передачи регентства в руки сына Людовика XIV (от его фаворитки Монтеспан) герцога Мэна. За кулисами всей этой интриги стояла жена Мэна, внучка «великого Конде» — участника Фронды, а непосредственное осуществление плана взял на себя князь Челлемаре. Все было задумано в духе уже знакомых нам заговоров XVII в. — использование народного недовольства, сепаратистских настроений провинциальных дворян, вторжение испанских войск. Одно время заговорщики намеревались арестовать регента, когда он будет совершать прогулку, и произвести государственный переворот.

Дюбуа, создавший довольно действенную секретную службу, был осведомлен о подготовлявшемся заговоре. В числе приближенных герцогини Мэн была шпионка мадам де Шовиньи. Она ввела в общество, собиравшееся в замке Мэна, бывшего капуцина, а ныне наемного писаку аббата Камю, которому герцогиня поручила составить записки о законности притязаний заговорщиков. Камю с готовностью представлял герцогине требуемые ею литературные сочинения, а регенту (ради надлежащей оплаты) — не только копии этих произведений, но и протоколы тайных совещаний в замке, к которым допустили столь обязательного человека. Писец, которому поручили переписывать черновики писем, отправлявшихся в Испанию, уразумел, что попал в опасную историю, и по совету приятеля отправился к Дюбуа. Кардинал поручил ему составить список заговорщиков и вообще лиц, посещавших испанского посла. С помощью этого писца глава полиции граф д'Аржансон взял под наблюдение секретных агентов герцогини Мэн. «Черный кабинет» д'Аржансона перехватил несколько писем судей парламента и военных, вовлеченных в заговор. Авторы этих писем, адресованных испанскому министру Альберони, без всякой конспирации предлагали свои услуги мадридскому двору.

Не обошлось без курьезов. Некто Теодор де Шевиньяр, очутившийся в Гааге без всяких средств к жизни, завоевал сердце одной служанки гостиницы. Он находился со своей возлюбленной в одной

из комнат отеля, когда девицу позвала хозяйка. Шевиньяр едва успел укрыться в шкафу, как в комнату вошли двое знатных иностранцев. Не подозревая о присутствии злополучного любовника, они принялись детально обсуждать планы свержения регента. Шевиньяр решил использовать этот случай. Он не только записал слово в слово разговор незнакомцев, но с помощью служанки еще неоднократно прятался в нише, подслушивал беседы заговорщиков. Несколько раз он писал регенту, но тот не поверил ему и не удостоил ответа. Тогда Шевиньяр отправился в Париж и добился приема у Филиппа Орлеанского. И при личном свидании рассказ Шевиньяра показался регенту неправдоподобным, тем более что тот не раскрыл, каким путем он получил свои сведения о заговоре. Но он не растерялся:

— Прикажите посадить меня в Бастилию и держите там до смерти, если известия, которые я вам сообщаю, не подтвердятся.

Регент согласился, а когда заговор был раскрыт, то возымел столь высокое мнение о способностях Шевиньяра, что... назначил его послом в Португалию!

Однако главную роль в раскрытии заговора сыграл дом свиданий мадам де ла Фийон. Это заведение осведомленные современники считали филиалом министерства иностранных дел, которым заправлял Дюбуа. Девицы, нанятые Фийон и наставляемые этой весьма опытной особой, смогли выудить не один секрет у иностранных дипломатов, не умевших противостоять чарам обитательниц веселого заведения. Фийон составляла доклады для Дюбуа и регента.

Пополняя постоянно свой штат, эта облеченная государственным доверием дама приняла на службу молодую девушку, некую Марианну, которую предназначала для особо богатых гостей и пока не вводила в курс ее обязанностей. Марианна влюбилась в одного из посетителей — секретаря князя Челлемаре и, когда тот не пришел на назначенное ночное свидание, устроила ему сцену ревности. Все оправдания принимались с недоверием. Наконец испанец не выдержал и разъяснил, что участвует в заговоре против регента, что он провел ночь, переписывая бумаги, которые князь Челлемаре отправляет кардиналу Альберони в Мадрид.

...Мадам Фийон не упустила ни одного слова из этого взволнованного объяснения влюбленных. За отчет о нем она получила от регента несколько десятков тысяч ливров в звонкой монете. Впоследствии мадам Фийон удачно вышла замуж, стала графиней. Но это произошло много позднее, а вот резиденцию князя Челлемаре королевские мушкетеры заняли через неделю после беседы, подслушанной содержательницей филиала министерства Дюбуа (о заговоре донесли и шпионы кардинала из Лондона). Рядовые участники этой авантюры поплатились головой, знатные руководители сумели отделаться незначительными наказаниями.

НОВШЕСТВА ГАЛАНТНОГО ВЕКА

Кальер, издавший в 1716 г. руководство по ведению переговоров, указывал на ту роль, которую может сыграть хороший посол. Он подчеркивал, что успеха можно добиться умелым сочетанием средств дипломатии и разведки: «Мы, — писал он о значении дипломатических переговоров, — ежедневно наблюдаем их результаты: неожиданные перевороты, соответствующие великим намерениям государства, использование мятежей и разжигание ненависти, побуждение завистливых соперников к вооружениям, к выгоде третьей стороны, расторжение искусными мерами самых крепких союзов... Часто случается, что хорошо выбранные шпионы больше, чем какое-либо другое средство, способствуют успеху великого начинания. Ими нельзя пренебрегать. Посол — это почетный шпион, так как его обязанностью является выведывание важных секретов».

В арсенале секретной службы по-прежнему большое место занимали подарки министрам и другим должностным лицам враждебной страны. Французский дипломат де Викфор, автор известного сочинения «Посол и его функции», доказывал, что подкуп иностранных министров находится в полном соответствии со всеми признанными обычаями и нормами международного права. Подкуп стал искусством. В одном случае надо было передать деньги и все, в другом — их следовало оформить как королевский подарок, в третьем — проиграть в карты, в четвертом — проиграть в те же карты, но при посредстве подставного лица, в пятом — дать в долг, в шестом, — употребляя позднейшее выражение, вручить «борзыми щенками». Так, австрийский канцлер Кауниц принимал в дар только картины, лошадей и вино особо редких марок. Лорд Стенгоп, которого пытался в 1716 г. подкупить французский посол, уже известный нам аббат Дюбуа, вежливо отказался от предложенной взятки.

В письме к регенту, герцогу Орлеанскому, Дюбуа назвал поведение англичанина «героическим и поразительным», а затем послал Стенгопу шестьдесят ящиков лучшего вина с просьбой передать половину королю Георгу I. На этот раз британская добродетель не устояла. А на Георга I, который был одновременно курфюрстом Ганновера, наряду с вином подействовал вывод, что Франция будет охранять его родовые владения от покушений со стороны Австрии и Пруссии. Дюбуа вслед за Стенгопом отправился в его ганноверскую резиденцию, где любезный хозяин предоставил гостю полное право подслушивать свои разговоры с представителями других держав. Дюбуа описал, в частности, торжественный обед, который Стенгоп дал 13 иностранным дипломатам. Прелат сидел в соседней

комнате за чуть приоткрытой дверью и записывал разговоры, становившиеся все более откровенными. По его подсчетам, на каждого собеседника пришлось по пяти с половиной бутылок вина, к концу вечера только англичанин оказался на высоте положения, не будучи мертвецки пьяным. Стенгоп с удовольствием просмотрел записи, сделанные Дюбуа. Это было за два месяца до 4 января 1717 г., когда был подписан англо-французский союз.

Взятки были настолько обыденным делом, что их брали порой с целью обмануть чужое правительство, поставляя ему неверные сведения или вводя в заблуждение обещанием помощи. Графа Панина, министра Екатерины II, подозревали в том, что он получил деньги от Фридриха II с тайного согласия царицы, чтобы таким образом войти в доверие к прусскому королю и заранее быть осведомленным об его намерениях.

В XVII в. говорили, что война обязана питать войну, то есть добыча, взятая у неприятеля, и контрибуция, наложенная на мирное население, должны покрывать военные расходы. Французская разведка нередко исходила из убеждения, что шпионаж должен питать шпионаж. Трактирщики и содержатели игорных и публичных домов и другая подобная им публика не только сами состояли на службе в полиции, но и были обложены специальной данью, шедшей на содержание шпионов-дворян.

В XVIII в. на смену придворным интриганкам приходит тип профессиональных шпионок. Большого успеха удалось достигнуть в начале XVIII в. французской разведчице мадам де Тансен. Министр иностранных дел Франции Торси представил Тансен английскому министру, знаменитому Болинброку. Она произвела столь сильное впечатление на англичанина, что скоро сумела получить доступ к секретным государственным бумагам. Французское правительство постоянно подсылало к иностранным дипломатам своих агентов-женщин. Так, за герцогом Дорсетским, бывшим послом во Франции в 80-е годы XVIII в., было поручено шпионить актрисе Бачелли.

Старое соседствовало с новым. Предпринимались даже попытки возродить такие давние приемы тайной войны, как использование самозванцев, широко применявшееся, например, в Англии в конце XV в. или в России в начале XVII в. Во время русско-турецкой войны 1768—1773 гг. на Западе в различных кругах возникала мысль о возможности создать затруднения для правительства Екатерины II, исподтишка поддерживая притязания красивой авантюристки неизвестного происхождения, которая именовала себя Елизаветой, княжной Всероссийской, дочерью царицы Елизаветы Петровны (от ее морганатического брака с А. Г. Разумовским) и, следовательно, внучкой Петра I. Самозванка принимала и много других имен. В историю она вошла под именем княжны Таракановой. (Существовала и дру-

гая княжна Тараканова, которую считали дочерью Елизаветы и Разумовского. В детстве ее увезли за границу, в 1785 г. она по распоряжению Екатерины вернулась в Россию, постриглась в монахини московского Ивановского монастыря под именем Досифеи и умерла в 1810 г. Казна отпускала на ее содержание крупные суммы.) По поручению Екатерины граф Алексей Орлов, который находился с русской эскадрой в Средиземном море, разыскал Тараканову в Риме. Орлов предложил самозванке выйти за него замуж, взамен чего он постарается возвести ее на российский престол. Они поехали в Ливорно, где стояли русские суда, и прибыли на флагманский корабль «Исидор». Там Тараканова была арестована. 11 мая 1775 г. она была доставлена в Кронштадт и вскоре заключена в Петропавловскую крепость. В своих показаниях узница не раскрыла ничего существенного и 4 декабря 1775 г. умерла от туберкулеза. Таким образом, она не дожила до наводнения 1777 г. и не утонула в залитом водой каземате, как это изображено в известной картине К. Д. Флавицкого «Княжна Тараканова в Петропавловской крепости во время наводнения» (1864 г.).

XVIII в. широко развил унаследованную от прошлого практику перлюстрации писем. Западноевропейскую монархию XVIII столетия нередко называют «просвещенным абсолютизмом». Нельзя отрицать, что он действительно прилагал крайние усилия, чтобы «просветиться» за счет чужих государственных и частных секретов путем просмотра почтовой корреспонденции. Это было время расцвета «черных кабинетов», начало которым было положено еще в первое десятилетие XVI в. германским императором Максимилианом.

Во Франции «черный кабинет» получил особое значение при Марк-Рене д'Аржансоне, который с 1697 г. в течение более двух десятилетий занимал пост генерал-лейтенанта полиции. Его правление совпало с последними, наиболее тяжелыми для страны годами правления Людовика XIV, военными поражениями и голодом, приведшим к продовольственным волнениям в Париже. В этих условиях д'Аржансон еще более расширил систему слежки и шпионажа. Начальник полиции умел следовать даже в личной жизни придворной моде. Первоначально он действовал просто, собирая дань натурой со всех столичных домов терпимости. Однако, когда «король-солнце» в конце жизни впал в ханжеское благочестие, д'Аржансон тоже нашел выход: он поселился в Транельском монастыре, разумеется женском, где его любовницами состояли едва ли не все монахини, начиная от самой настоятельницы. Обитательницы монастыря не остались в накладе — генерал-лейтенант полиции разрешил им выпустить лотерею, принесшую большую прибыль. Недаром в монастыре даже построили часовню, посвященную Святому Марку — патрону д'Аржансона. Из этого монастырского уединения, если можно употребить здесь это

слово, д'Аржансона не извлекли даже смерть короля и назначение в 1718 г. президентом финансового совета и фактическим главой правительства. Просто Транельская обитель, являвшаяся долго центром французской разведки, стала теперь местом, где вершились дела, связанные со знаменитой «Системой Ло» — неограниченным выпуском бумажных денег без золотого покрытия, которое привело к острому финансовому кризису и массе банкротств.

Пример д'Аржансона вызвал много подражаний. Кауниц, будучи австрийским канцлером с 1753 по 1794 г., создал целую систему «черных кабинетов» в разных городах — Франкфурте, Нюрнберге, Аугсбурге, Майнце, Эйзенахе и многих других. Он широко использовал также подкуп иностранных дипломатических курьеров. Так, его людьми выплачивалось жалованье всем прусским курьерам, за исключением двоих. На австрийских границах эти курьеры передавали свои депеши чиновникам канцлера, которые снимали с них копии и отсылали в Вену, где производилась дешифровка полученных материалов.

Английский посол в Вене Р. М. Кейт как-то пожаловался Кауницу, что порой венская почта доставляет ему не подлинники депеш, посланных из Лондона, а снятые с них копии. В ответ Кауниц лишь попробовал отшутиться: «Такой уж это неуклюжий народ!».

Впрочем, и в Англии, где абсолютизм был уничтожен еще в XVII в., а «черные кабинеты» официально упразднены в 1844 г., через столетие после беседы Кауница с Кейтом, состоялся точно такой же разговор русского уполномоченного Н. П. Игнатьева с британским министром иностранных дел. Дипломат протестовал против того, что его корреспонденция систематически вскрывается на почте. Англичанин пытался отрицать существование «черного кабинета», но был приперт к стене фактами, приведенными Игнатьевым; главе внешнеполитического ведомства пришлось выкручиваться:

— Неужели Вы думаете, что нам неинтересно знать, что пишет Ваш министр и что Вы ему докладываете?

Еще в эпоху Реставрации почтмейстер Джеймс Хикс изобрел устройство, позволявшее снимать копию с письма за две минуты, однако, как утверждают, этот прибор погиб во время пожара. Часть корреспонденции была шифрованной. Поэтому почта прибегала к услугам опытных дешифровщиков, обычно вербуемых из числа профессоров математики Оксфордского и Кембриджского университетов. Они нередко получали в награду помимо официального жалованья назначение на высокие церковные посты — деканов и епископов. Однако английская разведка проводила перлюстрацию корреспонденции не только в Англии, но и в других странах. Для этого использовалось то обстоятельство, что с 1714 г. английский король был одновременно курфюрстом Ганновера, а через ганноверскую почту

проходила тогда корреспонденция между рядом стран, в частности между Францией и Швецией.

Кроме того, английские агенты подкупали почтмейстеров в различных городах для получения доступа к письмам. Так, в начале 20-х годов XVIII в., когда отношения между Англией и Россией были прерваны, английский тайный агент в Данциге Джошуа Кенуорзи организовал снятие копий с донесений французских представителей в Петербурге. В 1722 г. Кенуорзи предложил своим лондонским хозяевам просматривать всю дипломатическую корреспонденцию, проходившую через Данциг. Подкуп почтовых служащих, по его расчетам, должен был стоить 1590 ф. ст. в год. (В Лондоне сочли, что это слишком дорогая затея.) Известный английский шпион Джон Маки — автор опубликованных в 1733 г. «Секретных мемуаров» — организовал переговоры между английским премьер-министром Робертом Уолполом и директором почты в Брюсселе Жупейном, обязавшимся посылать в Лондон копии писем из всех стран Европы, которые могли представлять интерес для британского правительства. Подобного рода секретные соглашения заключались и с почтмейстерами других стран. Такая широко поставленная перлюстрация писем использовалась английским правительством не только в разведывательных целях, но и для контршпионажа, выявления иностранных агентов, а также для наблюдения за собственными дипломатами и тайными агентами.

Чтобы избежать «черный кабинет», наиболее важные депеши отправляли со специальными курьерами, но и это не давало гарантий. На курьеров нападали, бумаги выкрадывали тем или иным способом.

Уже в 1700 г. французский дипломат де Торси пришел к выводу, что говорить правду — лучший способ обмануть иностранные правительства, которые наверняка будут исходить из предположения, что сказанное им — ложь. К этому средству стал прибегать известный нам Стенгоп (позже, уже в XIX в., к такому оригинальному способу не раз обращались Пальмерстон и Бисмарк).

Один из крупных полководцев времени войны за австрийское наследство, которая велась в 40-е годы XVIII в., Морис Саксонский, сыграл большую роль в организации французской разведки. Он обращал особое внимание на необходимость действий, которые ввели бы в заблуждение неприятеля. Он писал, что «проведение подготовки к неправильному размещению своих частей имеет гораздо большее значение, чем обычно принято думать, при том условии, конечно, что это размещение делается преднамеренно и осуществляется таким образом, что может быть в кратчайший срок превращено в правильное. Ничто так не обескураживает противника, рассчитывающего на победу, как военная хитрость подобного рода».

Наконец, стоит упомянуть еще об одном новшестве XVIII в., хотя, строго говоря, и оно имеет давнюю историю — о создании негосударственной разведки и контрразведки. Подобную организацию имели еще в конце XVII столетия пираты, охотившиеся за своей добычей в водах Карибского моря. Не пренебрегали разведкой и работорговцы, вывозившие негров для продажи на американские плантации. Позднее, в начале XIX в., это занятие было объявлено вне закона, и столкновение с военным кораблем грозило капитану и членам команды рабовладельческого судна серьезными неприятностями, точнее, большинству из них предстояло в этом случае вскоре висеть на реях. Однако вместо того, чтобы бросать выгодный промысел, торговцы невольниками пытались получить через своих осведомителей в портовых городах подробную информацию о передвижении военных кораблей.

В истории известны также многие случаи создания собственной разведки и контрразведки в уголовном мире. В начале XVIII в. в Париже действовала шайка знаменитого разбойника Картуша, в которую входило около 2 тыс. человек. Награбив огромные суммы денег и других ценностей, Картуш подкупил и превратил в своих агентов многих полицейских, чинов тюремной администрации, судей и военных, даже наиболее видных врачей, ухаживавших за ранеными участниками шайки. Сотни трактирщиков выполняли роль хранителей и скупщиков краденого. Чтобы окончательно сбить с толку полицию, Картуш имел целую дюжину двойников. Полицейские — даже те, которые не были подкуплены, — не хотели ловить Картуша: пока он находился на воле, им выплачивали повышенное жалованье (лишних 30 су в день) за участие в поисках знаменитого разбойника. Людям Картуша удавалось проникать и в покои регента — герцога Орлеанского.

Чтобы одурачить воров, регент приказал не употреблять во дворце драгоценной посуды и заказал себе шпагу без золота и бриллиантов, со стальной рукояткой. Впрочем, рукоятка была с очень тонкой отделкой и обошлась в полторы тысячи ливров. Когда регент выходил из театра, шпага исчезла. В Париже смеялись, уверяя, что Картуш наказал главного вора Франции, который хотел надуть своих коллег.

Картуш имел в разных городах своих соглядатаев. Они заранее извещали его о поездках богатых людей и агентов правительств или торговых фирм, перевозивших большие суммы денег. Особенно ловким шпионом был молодой лекарь Пелисье, вхожий в самые знатные дома Лиона. Он не только сообщал о посылке денег из этого города, но и сам не раз возглавлял банды, нападавшие на путешественников. Во время одной из таких дерзких попыток ограбления Пелисье был схвачен полицией. Однако даже под пыткой он не выдал своих сооб-

щников и был казнен. Власти не узнали от него ничего важного о шайке Картуша.

По слухам, когда полиция организовывала настоящую охоту за королем парижских разбойников, он несколько недель скрывался в Англии, где встретился с «лондонским Картушем» — Мекинстоном. Они условились заранее извещать друг друга об отъезде вельмож и толстосумов, которых можно хорошенько потрясти, повстречав на большой дороге. Картуша схватили лишь в результате предательства Дюшатле, одного из членов шайки, который после ареста решил спасти себе жизнь и получить большую награду, обещанную за поимку главаря разбойников. Но и в тюрьме Картуш похвалялся, что ему удастся выбраться на волю, и только особые меры предосторожности помешали его бегству. Уже на эшафоте, чтобы наказать своих сообщников за то, что они не спасли его, Картуш назвал имена членов своей шайки, после чего в Париже были произведены сотни арестов. Банда Картуша и ее разведка перестали существовать. Но попытки создать такие организации неоднократно делались преступниками и в другие эпохи.

ЛИССАБОНСКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

XVIII столетие — век Просвещения — было временем резкого падения авторитета и политического влияния римской церкви. Иезуитский орден, столкнувшийся с государственной властью, подвергся изгнанию из ряда католических стран. Удар последовал вдруг с самой неожиданной стороны — из Португалии, которая десятилетиями находилась под духовной опекой иезуитов. Поражение в Португалии было для ордена катастрофой не меньшей, чем для Лиссабона землетрясение, как раз в это время до основания разрушившее португальскую столицу.

Упорным врагом иезуитов стал фактический правитель Португалии при безвольном короле Иосифе I маркиз Помбаль. Вначале Помбаль находился в отличных отношениях с «обществом Иисуса» и был обязан своим возвышением иезуитскому духовнику короля. Конфликт — сначала скрытый — между Помбалем и иезуитами развернулся вскоре после землетрясения 1755 г. Правда, Помбаль долгое время скрывал свою враждебность ордену, шел на уступки. Еще в 1756 г. с его согласия была передана просьба Ватикану причислить одного иезуитского священника Франциска Борджиа к лику святых и объявить патроном Португалии для предотвращения новых земле-

трясений. Не слишком возражая против патронажа новоявленного святого, Помбаль решил положить конец господству иезуитского ордена в своей стране. Партию сторонников реформ в духе «просвещенного абсолютизма», которую возглавлял Помбаль, раздражало сопротивление иезуитов всем попыткам улучшить систему управления португальскими колониями. Вскоре к этому прибавилась и личная вражда, иезуиты стали плести дворцовые интриги, чтобы добиться смещения Помбаля.

Однако надо было найти удобный предлог, чтобы нанести удар по такому сильному противнику, как португальские иезуиты, имевшему большое влияние в стране и особенно при дворе, чтобы вырвать согласие крайне религиозного короля на меры против ордена. Помбалю удалось вызвать королевский гнев против иезуитов, сопротивлявшихся реформам колониальной администрации и даже доходивших до возбуждения волнений в португальских владениях в Америке против этих реформ. Был издан указ, устранявший иезуитов — духовников и учителей — от их должностей при дворе. Их заместили францисканцы.

Португальским послом при Ватикане стал двоюродный брат Помбаля Франциско де Альмада е Мендоса, начавший сколачивать антииезуитский блок среди верхов католического духовенства. Португальский посол создал энергично действовавшую секретную службу, собиравшую материалы против иезуитов. По слухам, в подвале посольства была даже организована подпольная типография, печатавшая памфлеты, обличавшие орден. Посол добился от папы Бенедикта XIV распоряжения, ограничивавшего деятельность иезуитов в Португалии. Им было запрещено исповедовать и проповедовать. Но иезуиты не собирались складывать оружие. Когда сторонники Помбаля указывали как на явно знамение божье, что дом первого министра не был разрушен во время катастрофы, иезуиты категорически отказались в данном случае узреть чудеса господни. Они ехидно добавляли, что, несмотря на землетрясение, сохранилась невредимой также улица Руажужа, целиком отданная под публичные дома.

Иезуиты сумели быстро сколотить тайный союз с аристократами, недовольными политикой Помбаля. Центром оппозиции стали семейства герцога Авейру и маркиза Тавора, связанные тесными родственными узами. Было известно, что семейство Тавора очень неодобрительно относилось к тому, что одна из представительниц этого знатного рода стала королевской фавориткой. В ночь на 3 сентября 1758 г. король возвращался в карете в свой дворец, по всей вероятности, от молодой маркизы Тавора. Его сопровождал доверенный секретарь Педро Тейшера. В то время, когда карета проезжала по темной и узкой дороге, кучер заметил трех всадников в масках. Вскоре послышался звук, напоминавший тот, который производит

давший осечку пистолет, а когда карета проехала еще несколько метров, она попала во вторую засаду. Раздались два выстрела из ружья. Король Иосиф был ранен в правое плечо и руку. Выстрелы задели также кучера. Король спас себе жизнь тем, что приказал быстро ехать в совершенно другом направлении — к жилищу придворного лекаря. Таким образом королевский экипаж избежал третьей засады. В доме врача королю перевязали раны, и он, вернувшись во дворец, спешно потребовал к себе Помбаля.

На следующий день в столице поползли слухи о покушении на короля, но вскоре последовало официальное заявление, что он повредил себе случайно руку и должен поэтому несколько дней не выходить из комнаты. О покушении было официально сообщено лишь 9 декабря, более чем через три месяца. Помбаль, вероятно, хотел, сохраняя в тайне ранение короля, заставить участников покушения подумать, что оно осталось незамеченным и вследствие этого выдать себя каким-нибудь неосторожным поступком. А многочисленным шпионам, составлявшим секретную службу Помбаля, тем временем был отдан приказ раскрыть обстоятельства и участников покушения.

Подозрение сразу пало на герцога Авейру и маркиза Тавора. О том, что они объединились для борьбы с Помбалем, говорили их секретные совещания, тем более что ранее они находились в очень недружественных отношениях. Только через два месяца ключ к заговору, наконец, оказался в руках Помбаля. Некий Мигуэль Сервейра, мастер-перчаточник, пришел в дом министра и сообщил, что 3 августа человек по имени Антонио Алварес Феррейра одолжил у него ружье, а 8 сентября — через пять дней после покушения — вернул одолженную вещь, заметив при этом: «Спасибо за это ружье. Я с ним проделал самое лучшее дело за всю мою жизнь». Перчаточник спросил у Феррейра, где он служит. Тот ответил, что у герцога Авейру. Через несколько дней секретный агент донес, что один учитель-француз заявил в таверне, что если король и вправду ранен, как о том ходят слухи, то он подозревает в этом своего приятеля Антонио Феррейра, который попросил у него за несколько дней до 3 сентября пистолет якобы с целью поупражняться в стрельбе.

Помбаль, позаботившись о том, чтобы перчаточник и француз находились под надежной охраной во дворце, приступил к осуществлению хитроумного плана. Министр исходил из того, что Авейру и Тавора, имевшие многочисленных родных и друзей в португальской колонии Бразилии, непременно постараются уведомить их о случившемся. Последовало запрещение кораблям покидать португальские гавани без дозволения правительства. Такое разрешение получил лишь один бриг. Как только это стало известно, на корабль было принесено множество писем для доставки в Бразилию. Перед отплытием капитан получил запечатанный конверт с предписанием вскрыть

его на Азорских островах. Капитан точно выполнил инструкцию. В конверте находился приказ передать все письма, находившиеся на бриге, губернатору Азорских островов. Тот внимательно прочитал письма, задержав те, которые показались ему важными. Судно отправилось в Бразилию, а военный корабль доставил конфискованную часть корреспонденции в Лиссабон. Через три недели Помбаль имел в своих руках все, что ему было нужно, в том числе ряд писем, написанных герцогом Авейру, маркизом Тавора и иезуитами. В письмах излагалась новость о покушении на короля и содержались ярые нападки на правительство Помбаля.

Неожиданно появились и дополнительные доказательства. Слуга священника Салвадор Дурао был влюблен в служанку в доме Авейру. 3 сентября Дурао пошел на очередное свидание к своей даме сердца. Когда заговорщики вернулись домой после покушения, он спрятался среди каких-то хозяйственных вещей во дворе. Дурао слышал, как они обсуждали вопрос о том, попали ли пули в короля.

В декабре были произведены аресты многих членов семейств Авейру и Тавора. Одновременно был недвусмысленно сделан намек на участие в деле иезуитов, которые сначала «предрекали всякие несчастия королю, а потом взялись за исполнение этих предсказаний». Процесс окончился казнью всех активных участников покушения. В январе 1759 г. было конфисковано имущество иезуитов, а в сентябре того же года — издан королевский указ об изгнании их из страны. Их объявили вне закона, посадили на корабли и доставили во владения римского папы. Хотя иезуиты после падения Помбаля снова подняли голову, им уже не удалось добиться прежнего могущества.

ОЛЕНИЙ ПАРК

В 1745 г. начала всходить звезда маркизы Помпадур, которая сумела два десятилетия сохранять место главной фаворитки, несмотря на быструю смену других привязанностей любвеобильного Людовика XV. А это уже имело политическое значение. Маркиза получила решающий голос при назначении и смещении министров. Во второй половине 50-х годов Помпадур активно содействовала сторонникам переориентации французской внешней политики от союза с Пруссией, которая заключила соглашение с Англией, к союзу с Австрией. Эта крутая перемена противоречила прочным традициям французской политики, нацеленной на борьбу с Англией на море и с притязаниями Габсбургов в Европе. И хотя Австрия давно уже перестала представлять прежнюю силу,

новый курс политики Версаля вызывал серьезные сомнения. Поэтому свалить Помпадур пытались не только ее многочисленные соперницы, но и опасавшиеся за свое положение министры и противники австрийского союза и, наконец, действовавшие заодно с ними агенты прусского короля Фридриха II.

Маркиза взяла на себя руководство перлюстрацией писем. Директор почт докладывал Помпадур ежедневно о результатах работы «черного кабинета» и по другим вопросам, связанным с секретной корреспонденцией. Помпадур возложила на начальника полиции Беррье задачу развлекать вечно скучавшего короля подробными скабрезными «рапортами» о происшествиях в публичных домах, в частности при тайном посещении сих мест иностранными дипломатами. (Парижский архиепископ Христоф де Бомон после настойчивых просьб добился, чтобы ему доставляли копии этих отчетов.) Монаршее благоволение вскоре выразилось в форме приказа, повелевавшего включать в отчеты и пикантные материалы, добываемые от перлюстрации частной переписки. Вместе с тем расторопному генерал-лейтенанту полиции было предписано строго-настрого следить за точным исполнением королевского указа от 8 июня 1747 г. Этот указ запрещал печатать и распространять книги, содержание которых противно религии и отеческой заботе Людовика о чистоте нравов.

Некоторые французские биографы Людовика XV делят его любовниц на два ранга — больших и малых; последние, часто сменяясь, не нарушали влияния настоящих фавориток. А маркиза Помпадур, принявшая на себя заведование увеселениями монарха, сама регулировала отбор и поставку малых, — а нередко и малолетних — метресс своему повелителю.

Порой фаворитками становились сразу несколько сестер; например, молва утверждала, что пять дочерей маркиза де Флавакура были удостоены королевской милости. Впрочем, очень благосклонные к Людовику его новейшие биографы считают это явным преувеличением, полагая, что из списка надо исключить третью и четвертую дочь, а первая, Луиза, почти совсем лишилась милости, когда наибольшую силу в 1742 г. забрала младшая Мария-Анна, которая получила титул герцогини де Шатору и поместья, приносившие 80 тыс. ливров ежегодного дохода («в компенсацию за ее преданность королеве», как значилось в акте дарения). Постепенно Людовик пришел к мысли, что нельзя зависеть от случая. Воспитание будущих фавориток было поручено специальному закрытому пансионату («Оленьему парку»), во главе которого поставили знатных вельмож. От дворянских семей, желавших пристроить дочерей в столь перспективное учебное заведение — после его окончания выдавалось 100 тыс. ливров, не было отбоя, так что отбор претенденток пришлось вверить заботам дотошного Беррье.

«Что только ни воображали об этом скверном месте, которое памфлетисты конца века рисовали ареной оргий и гнусных махинаций, рассчитанных на совращение бедных невинных девушек! — с негодованием писал в 1965 г. историк Ж. Леврон. — Какой бы тяжелой ни являлась действительность, кажется, нет надобности рисовать ее в еще более черных красках». Нужды в этом и вправду нет. Все происходило проще. С полицейской точки зрения «Олений парк» был очень даже удобным делом, если бы не все новые королевские причуды, при которых альковные секреты не раз вплетались в перипетии тайной войны.

Опасным моментом для Помпадур и руководимого ею «пансионата» была весна 1753 г., когда король увлекся некоей Марией-Луизой О'Мэрфи, настойчиво добивавшейся положения официальной фаворитки. Этой проблемой пришлось всерьез заняться дипломатии и разведке ряда стран. Папский нунций монсеньор Дурини сообщал в Рим о близком падении Помпадур: «По всей видимости, главная султанша теряет свое положение». Однако и на этот раз нереальность планов, связанных с «концом режима Помпадур», выяснилась еще до конца 1753 г.

Летом 1756 г., в самый острый момент дипломатической борьбы накануне семилетней войны, некая мадам де Куаслен прорвалась в официальные фаворитки, ее поддерживали все враги Помпадур и противники австрийского союза. Маркиза уже подумывала о том, чтобы покинуть Версаль. В конце концов королевский лакей Лебель нашел подходящую замену для Куаслен. Внутренний конфликт был таким образом улажен. Оставался внешний — война против Англии и Пруссии.

Уже во время войны Людовик, прогуливаясь однажды по саду Тюильри, обратил внимание на некую мадемуазель Тьерселен, почти ребенка. Агенты Беррье быстро определили адрес Тьерселен и столь же оперативно сломили первоначальное сопротивление родителя. Словом, молодая Тьерселен под новым именем мадам де Бонваль была помещена во внутренних покоях Версальского дворца, а отец ее стал активным участником придворных интриг. Через некоторое время влияния Тьерселена начал опасаться даже министр иностранных дел Шуазель. Новичок в придворных лабиринтах, Тьерселен вскоре стал деятельным агентом прусской партии. Однако Помпадур с ее хорошо поставленной разведкой и на этот раз провести не удалось. Маркиза разобралась в хитросплетениях врагов и сумела представить свою соперницу в виде слепого орудия прусского короля, которого Людовик совершенно не выносил. В результате Беррье получил повеление направить Тьерселена в Бастилию, а его дочь — в монастырь (мадам де Бонваль содержали в заключении, пока продолжалось царствование ее галантного поклонника).

Маркиза Помпадур выслушала последний доклад министра почт, лежа на смертном одре. А на следующий день в кабинет умершей проник под каким-то благовидным предлогом премьер-министр герцог Шуазель. Хотя на улице было тепло, герцог явился в широком пальто из красного драпа, под которым ему удалось унести наиболее важные секретные бумаги скончавшейся фаворитки.

МЕТОДЫ СТАРОГО ФРИЦА

Реакционная немецкая историография, восхваляя короля Фридриха II (1740—1786) — «Старого Фрица» — это олицетворение прусского милитаризма, целое столетие распространяла лживую легенду о благоденствии страны под мудрым управлением «философа на троне». Составной частью этого мифа был вымысел о будто бы исключительной честности прусских чиновников, установивших в стране образцовый правопорядок. Действительные факты бросают любопытный свет на эти измышления.

Коррупция при прусском дворе была обыденным явлением. Она утвердилась еще в правление отца Фридриха II «солдатского короля» Фридриха-Вильгельма I. Главное доверенное лицо прусского монарха генерал, а позднее премьер-министр фон Грумбков был, по существу, платным французским шпионом. Позднее Грумбков был перекуплен императорским послом в Берлине графом Зекендорфом и стал регулярно переправлять в Вену тайную дипломатическую корреспонденцию прусского правительства, а также придворные новости в слегка зашифрованном виде: Фридрих-Вильгельм именовался «Юпитером», а королева — «Олимпией». Грумбков был далеко не единственным прусским министром, служившим иностранным разведкам. У Зекендорфа было несколько агентов среди самых доверенных лиц короля. Прусский посол в Лондоне Рейхенбах также был австрийским шпионом.

Широкая деятельность австрийской агентуры не была тайной для Фридриха-Вильгельма I. Самое интересное, что этот тупой солдафон, помешанный на скопидомстве и плац-парадах, считал подобное положение более или менее неизбежным. Король рассматривал шпионское жалованье как пополнение обычно незначительного оклада своих министров, послов и генералов и дополнительное средство держать их в ежовых рукавицах. Себя же Фридрих-Вильгельм считал совершенно не подверженным влиянию своих должностных лиц, получавших иностранное золото. Когда, например, королю показа-

лось, что какая-то бумага, представленная одним из министров, слишком благоприятна для британских интересов, он с негодованием начертал резолюцию, касавшуюся составителя этого документа: «Он слишком любит гинеи». Но этим монарший гнев и ограничился.

Однако Фридриху-Вильгельму не было известно, что в числе получавших золото из Вены был и его старший сын, Фридрих. Отношения Фридриха с отцом были полностью испорчены, и он охотно принимал австрийские деньги. Фридриху стали выплачивать их по приказанию принца Евгения Савойского, известного полководца, который в начале 30-х годов XVIII в. ведал австрийской разведкой. Сначала это была плата за согласие Фридриха на планы прусского короля обручить своего наследника с родственницей австрийского императора, чтобы помешать росту английского влияния. Но вскоре — при очередном повороте в политике Вены, на этот раз в сторону Лондона, — Фридриху стали уже советовать пойти на брак с английской принцессой. (Грумбкову предложили 40 тыс. талеров за то, чтобы он убедил Фридриха-Вильгельма согласиться на этот проект, но прусский премьер-министр отказался, считая поручение неисполнимым.) В конце концов в 1733 г. Фридрих женился на племяннице императора, что не помешало ему через семь лет, сразу же после вступления на престол, начать войну против Австрии — первую, но не последнюю. И тут Фридриху понадобилась собственная, хорошо действующая разведка.

Одним из важных агентов Фридриха стал Максимилиан фон Вайнгартен, секретарь австрийского посольства в Берлине, которому король выплатил 2 тыс. флоринов. Английский посол в Пруссии граф Гайндфорд оказался столь же неловким дипломатом, сколь плохим разведчиком. Он подкупил некоего Шметтау, доверенного агента прусского монарха. Через Шметтау Фридрих передавал в Лондон под видом секретной информации как раз то, в чем хотел убедить британских министров. Прусским шпионом был также служащий саксонского архива Менцель, переславший в Берлин копию секретного русско-австрийского союзного договора 1756 г. (о котором Саксония была извещена), а позднее — важные донесения саксонских дипломатов из Вены и Петербурга. Фридрих воспользовался полученными известиями, чтобы неожиданно напасть на австрийскую союзницу — Саксонию, которую он собирался присоединить к Пруссии. Это нападение послужило сигналом к Семилетней войне (1756—1763).

Англия в борьбе против Франции за колониальную и морскую гегемонию решила взамен ослабевшей Австрии заключить союз с Фридрихом II. Прусский король, строивший планы широких завоеваний, с удовольствием принял английскую субсидию. Но ему не хотелось рвать и со своим прежним союзником — Францией, поэтому прусско-английские переговоры велись в глубокой тайне. Австрийская развед-

ка сумела узнать об этих переговорах, и Вена заблаговременно известила о них через маркизу Помпадур Людовика XV. В Лондоне и Берлине не учли, что их сближение делает невозможным сохранение прежних союзных отношений Англии с Австрией и Пруссии с Францией. Вдобавок перегруппировка держав привела к тому, что Россия, несмотря на все попытки Лондона перетянуть ее на свою сторону, выступила против завоевательных планов Фридриха II. Против Пруссии возникла мощная коалиция держав. Прусскому королю удалось одержать победы — в немалой степени с помощью своей разведки — над австрийскими и французскими войсками, но он потерпел ряд сокрушительных поражений от русских войск, которые в 1760 г. вступили в Берлин.

Но вернемся к началу Семилетней войны.

У Фридриха II был шпион даже в личной канцелярии австрийского командующего Броуна. Был подкуплен также заведующий складами австрийской армии. Не менее активно действовали шпионы Фридриха и в дипломатических кругах. 14 ноября 1756 г. были завершены секретные переговоры между Австрией и Францией. Через три недели Фридрих II получил полную информацию об их содержании

Фридрих II, создавший к этому времени большую шпионскую организацию, писал: «Зная всегда и заблаговременно намерения противника, можно заручиться превосходством сил даже при численно слабейшей армии». При Росбахе Фридрих наголову разгромил французского маршала принца де Субиза. Объясняя причины своей победы, Фридрих откровенно заметил: «За маршалом де Субизом двигаются сто поваров, а впереди меня — сто шпионов». Сменивший Субиза новый командующий французскими войсками граф де Клермон писал Людовику XV: «Я нашел армию Вашего Величества разделенной на три корпуса. Первый находится на земле: он состоит из воров и мародеров; все люди напоминают оборванцев с головы до пят. Второй корпус покоится в земле, а третий — в госпиталях».

Для пополнения рядов своей секретной службы прусский король не брезговал никакими средствами. Как он сам признает в мемуарах, по его приказанию местных жителей заставляли шпионить, угрожая в противном случае расправой с их семьями.

Английская разведка во время Семилетней войны перехватывала секретную переписку французского министра иностранных дел Шуазеля с испанскими послами в Париже и Лондоне, получала от своих агентов в Стокгольме и Мадриде сведения о планах версальского двора. Это помогло Питту Старшему — фактическому главе английского правительства — выбрать правильный момент для нанесения удара по французским владениям в Вест-Индии. Напротив, французская разведка делала промах за промахом. Посол Людовика XV в Голландии Боннак, которому король поручил организацию французского

шпионажа в Англии, направил в Лондон некоего Мобера, лишенного сана священника, ставшего уголовным преступником. Под именем Боттемана Мобер посылал отчеты в Гаагу на имя одного голландца — владельца типографии. Часть из его донесений попала в руки английского посла в Гааге генерала Йорка, но тот не сумел раскрыть трудный шифр. Впрочем, он потерял от этого немного. Боттеман пытался подкупить члена парламента Селвинса, чтобы получить сведения о намерениях английского кабинета. Но почтенный парламентарий заломил за свои услуги такую цену, что Боттеману было предписано оставить это намерение. В остальном же Боттеман, отрабатывая высокое жалованье, забрасывал Боннака всяческими прожектами, вроде массовой подделки банкнот Английского банка («новаторская» мысль для того времени). Но Боттеман благополучно получал немалые деньги; хуже пришлось другому шпиону, засланному Боннаком, некоему Робинзону. Тот попал в Тауэр. Отчеты третьего шпиона — врача Хенси, пересылавшиеся с австрийской дипломатической почтой, перехватывались английской разведкой. Помимо нее и, разумеется, Боннака с информацией Хенси знакомились Мадрид и Вена — об этом заботился сам практичный лондонский эскулап.

Граф д'Афри, сменивший осенью 1756 г. Боннака на посту французского посла в Гааге, стал жертвой авантюристов. У него последовательно выманивали деньги то английский шпион Фальконе, обещавший представить список британских агентов во Франции, то итальянец Филипи (по всей видимости, тоже представитель английской секретной службы), направленный в Лондон для тайного увоза некоего Пишона и взамен присылавший планы похищения ...короля Георга II и захвата Тауэра. Выпущенный из Тауэра уже известный нам Робинзон прибыл в Гаагу и потребовал возмещения убытков. Когда д' Афри отказал, Робинзон подделал два векселя французского посла и получил по ним 1200 ф. ст. Швейцарец Вотрав, направленный в Лондон с целью разведать цели подготовлявшейся экспедиции британского военного флота, порекомендовал д' Афри... заключить мир с Англией и предложил себя в качестве посредника! Словом, один провал следовал за другим.

После Семилетней войны французское правительство, особенно Шуазель, никак не хотело примириться с поражением. Один за другим разведчики Шуазеля — полковники Грант, де Бевиль — посещали Англию с целью не только составить подробное описание английских гаваней, но и выработать на месте планы высадки французской армии. Эти планы остались на бумаге. Неудачи французов были успехами британской разведки.

Секретная служба английского военно-морского ведомства подчинялась в те годы секретарю адмиралтейства. Секретарь осуществлял общие распоряжения морского министра — Первого лорда адмирал-

тейства и его коллег. В течение ряда десятилетий этот пост занимал Филипп Стефенс. Во второй половине XVIII в. секретная служба, раньше действовавшая только в военное время или от случая к случаю, превратилась в постоянно функционировавшую организацию. И вполне естественно, учитывая значение, которое имело для Англии поддержание ее господства на море, и роль военного флота в сравнении с небольшой армией, что руководство разведкой стало функцией адмиралтейства. Впрочем, другие ведомства также занимались шпионажем, и особенно, конечно, Форин оффис.

Разведка адмиралтейства имела внутренний и внешний отделы. Внутренний отдел занимался сбором информации от частных лиц, англичан и иностранцев. Эти сведения приобретались у капитанов и матросов кораблей, прибывших из дальнего плавания, у вернувшихся из-за границы купцов. Подобную информацию агенты адмиралтейства получали, непосредственно расспрашивая этих людей, подслушивая разговоры в отелях, кофейнях или трактирах. (Все эти сведения суммировались и перепроверялись путем сличения с известиями, добытыми в результате перлюстрации писем.) Внешнему отделу был поручен шпионаж за рубежом, преимущественно во Франции и Испании — в двух связанных союзом державах, которые являлись наиболее опасными соперниками Англии на море и в колониях. Немаловажную информацию удавалось извлекать из французских и испанских газет, памфлетной литературы, из слухов, которые ходили в парижских или мадридских салонах.

Однако наиболее важные известия добывались другим путем: опытные агенты направлялись для наблюдения за главными французскими и испанскими гаванями и в столицы. Подкупив того или иного служащего военного или морского министерства, они получали доступ к секретным бумагам.

Собранная информация направлялась в разведывательный центр, находившийся в Голландии, которая в эту пору была центром международного шпионажа. Здесь материалы сортировались, сводились воедино и пересылались в Лондон. Тем самым адмиралтейство избегало непосредственного контакта со своими агентами, провал которых мог бы поставить его в неудобное положение. Более того, разведывательный центр, находившийся в 70-х годах XVIII в. в голландском городе Роттердаме, создал отделения в Париже и Мадриде, осуществляя, в свою очередь, связи с нанятыми агентами только через руководителей этих филиалов. В 1770 г. умер Ричард Волтерс, четверть века возглавлявший роттердамский центр. Руководство центром было поручено его вдове Маргарите Волтерс. Ей удалось иметь шпиона в числе служащих канцелярии герцога Шуазеля. В результате британское адмиралтейство было во всех деталях осведомлено о состоянии французского флота. Были созданы шпионские ячейки в Бресте, Дюн-

керке, Рошфоре и Тулоне. Не менее искусными оказались руководитель мадридского отделения и его агенты. Имена их никогда не упоминались даже в секретной переписке, и поэтому о них, видимо, нельзя найти никаких сведений в архивах. Когда через несколько лет Голландия вступила в войну против Англии, шпионская информация стала пересылаться в Лондон через австрийские Нидерланды (Бельгию). Помимо этой постоянной сети шпионов адмиралтейство посылало и особых агентов, поручая им специальные, обычно весьма «деликатные», миссии.

НАСТАВНИК ПИКОВОЙ ДАМЫ

Приходилось ли вам слышать фамилию графа Сен-Жермена, того загадочного человека, который сообщил старухе-графине из пушкинской «Пиковой дамы»* тайну трех карт? Это имя давно уже было окутано темным покровом легенд. В романе известного английского писателя середины прошлого века Э. Булвера-Литтона «Занони» главный герой, обладающий неземным могуществом, мудростью и бессмертием, явно списан с Сен-Жермена. Булвер-Литтон уверял читателя, что этот роман основан на рукописи, принадлежавшей мистическому обществу розенкрейцеров, которые, по распространенному поверью, поддерживали связь с потусторонними, сверхъестественными силами.

Еще в 1785 г., после смерти Сен-Жермена, одна газета объявила, что он жив. Подобные сведения получили широкое распространение. Мадам де Жанлис утверждала, что встретила Сен-Жермена в 1821 г. в Вене. Его видела также фрейлина графиня д' Адемар, которой он якобы еще перед смертью обещал явиться пять раз. Приходил он всегда перед какими-нибудь историческими событиями, казавшимися особо важными для фрейлины, например перед казнью Марии-Антуанетты или расстрелом по приказу Наполеона I герцога Энгиенского. Одно только сомнительно, жила ли вообще на свете графиня д' Адемар, точнее — была ли какая-либо представительница этого действительно существовавшего дворянского рода фрейлиной в Версале или вышедшие в 1863 г. под ее именем «Воспоминания» являются, как считают некоторые ученые, подделкой, изготовленной малоизвестным

* Прототипом «пиковой дамы» послужила княгиня Наталья Петровна Голицына (1741—1837), в молодости блиставшая при английском дворе и в Версале. В те же годы во Франции подвизался Сен-Жермен.

французским романистом Ламот-Лангоном. А в мемуарах некоего Франца Греффера, опубликованных в Вене в 1845 г., Сен-Жермен пророчески объявлял их автору: «В конце (XVIII) столетия я исчезну из Европы и отправлюсь в Гималаи. Я буду отдыхать, я должен отдыхать. Ровно через 85 лет люди опять увидят меня». Однако в мемуарах заботливо обойден вопрос о точной дате этого пророчества. В 1938 г. утверждали, что Сен-Жермен еще живет в Венеции «в одном из дворцов на Большом канале».

В США даже возникла в 30-х годах XX в. секта «балларднстов», которые в своих церквах почитают Сен-Жермена наравне с Иисусом Христом. Вплоть до наших дней появляются книги, в которых подробно повествуется о встречах с таинственным незнакомцем, который оказывается Сен-Жерменом, открывшим секрет физического бессмертия.

Однако, если читатель сделает отсюда вывод, что граф Сен-Жермен вообще с самого начала являлся мифом, это будет ошибкой. Нет, это был вполне реальный человек, после которого остались собственноручно написанные им письма, о котором мы имеем многочисленные показания очевидцев — от рассказов мемуаристов до хроникерских заметок в газетах и архивных документов. Современники, бывшие свидетелями многих, казавшихся необъяснимыми, действий и поступков Сен-Жермена, заложили первые основания той волшебной сказки, в которую обратились рассказы о его жизни. В середине XIX в. император Наполеон III приказал собрать все, что сохранилось в государственных архивах относительно Сен-Жермена. Однако во время вскоре начавшейся франко-прусской войны и осады Парижа здание, где хранились документы, сгорело. Тайна, вместо того чтобы рассеяться, когда рассеялся дым от пожара, стала еще более непроницаемой. От ученых потребовалось немало терпения и усиленных поисков достоверных сведений, чтобы приподнять хотя бы частично завесу неизвестного. И при этом открылись факты, имеющие прямое отношение к нашему повествованию о тайной войне.

Пока не удалось установить ни места, ни года рождения Сен-Жермена. Сам он распускал слухи, что является одним из сыновей Ракоци, руководителя венгерского национального восстания против власти австрийских Габсбургов, которого он действительно напоминал чертами своего внешнего облика. Имеется много и других предположений о происхождении Сен-Жермена, но все они остаются малообоснованными догадками. Горвций Уолпол утверждает, что еще в 1743 г. этот авантюрист был арестован в Лондоне как «якобитский агент». Примерной датой рождения графа считают 1710 г. Впрочем, встретившая Сен-Жермена в Париже в конце 50-х годов XVIII в. вдова французского посла в Венеции мадам де Жержи объявила, что видела его в этом знаменитом итальянском городе в 1710 г. и

что тогда ему было примерно 45 лет. Поскольку через полвека Сен-Жермен выглядел не старше 45—50 лет, возможно, отсюда и возникла молва о его бессмертии. Стоит лишь добавить, что самой мадам де Жержи, конечно, не удалось так хорошо сохраниться: ей было уже больше восьмидесяти лет, и на память старой дамы вряд ли можно было очень полагаться. Между прочим, на это иронически обратил внимание и сам Сен-Жермен, когда его стали расспрашивать по поводу утверждений мадам де Жержи. Однако у загадочного графа была одна особенность — ему всегда удавалось таким образом отрицать связи со сверхъестественными силами, что его собеседники окончательно убеждались в обоснованности ходивших на сей счет слухов.

А слухи нарастали, как снежный ком. В Париже в начале 60-х годов появился «двойник» Сен-Жермена. Это был повеса и ловкий самозванец, известный и под фамилией лорда Гоуэра. Свой псевдоним он приобрел во время Семилетней войны, когда, будучи французским шпионом, выдавал себя за чистокровного британца и посылал донесения о состоянии английской армии. Мнимый Сен-Жермен, имя которого принял столь же мнимый «лорд Гоуэр», небрежно разъяснял, например, что ему случалось присутствовать на вселенском церковном соборе в Никее, состоявшемся в IV в.

«Настоящий» Сен-Жермен действовал более осторожно, рассказывая с деталями многие исторические события отдаленных эпох. У его собеседников возникала мысль, что эти детали могли быть известны только очевидцу. Блестящее знание многих языков помогало Сен-Жермену придавать правдоподобие этому «подтексту» своих рассказов. Не выучил ли он эти языки во время одного из своих прежних «перевоплощений», — задавали себе вопрос его знакомые. Иногда Сен-Жермен очень обдуманно «проговаривался».

Однажды, когда разговор зашел о Христе, Сен-Жермен заметил мимоходом:

— Я был с ним близко знаком. Это был лучший человек в мире, но неосмотрительный и романтически настроенный. Я часто предсказывал ему, что он плохо кончит.

Подлинный Сен-Жермен, появившийся в Париже около 1757 г., успел стать предметом всеобщего любопытства. Даже вечно одолеваемый скукой Людовик XV был заинтересован, когда приезжий на его глазах одним движением руки уничтожил трещину на бриллианте, что сразу повысило втрое стоимость этого драгоценного камня. Чудотворца стали приглашать к королевскому столу, создали небольшую лабораторию, где он показывал свои опыты королю. Правда, дело шло не о «жизненном эликсире», а о предмете более прозаическом — новых красках для французских тканей. Но и здесь Сен-Жермен не только умел придать своим занятиям ореол таинственности,

но и убедить короля, что он открывает новые источники дохода для французской казны.

Влияние приезжего незнакомца стало настолько велико, что с ним начали советоваться по государственным делам, и ему удалось добиться смещения некоторых сановников. Симпатии графа Сен-Жермена были явно на стороне Пруссии, воевавшей с Францией. Он был сторонником антиавстрийской политики, от которой отказалась Франция, выступая в союзе с Веной против Фридриха II. Прорицания Сен-Жермена приобретали политический характер. Он предрекал, что сокрушительные поражения, которые были нанесены русской армией войскам Фридриха II, не приведут к поражению Пруссии. (Этого действительно не произошло. После смерти Елизаветы Петровны вступивший на русский престол Петр III, ярый поклонник прусского короля, поспешил заключить мир со своим кумиром.) Скептически настроенные лица, в которых не было недостатка во Франции, стали подозревать, что граф Сен-Жермен просто являлся агентом Фридриха II. Это подозрение никогда не было доказано. Быть может, оно было и несправедливым, и граф отражал в своих высказываниях взгляды военного министра маршала Бель-Иля, с которым он был в то время тесно связан. Эта пропрусская линия не могла не вызвать столкновения с министром иностранных дел Франции герцогом Шуазелем, который строил всю свою карьеру на политике союза с Австрией.

В 1760 г. Сен-Жермен, заподозренный ранее в шпионаже в пользу Фридриха II, сделался тайным агентом Людовика XV. Граф Сен-Жермен становился одним из людей, осуществлявших личную дипломатию французского короля. В том же году графа направляют с секретными поручениями в Гаагу. Он выражал настроения той части французского правительства, которая была склонна закончить войну, приведшую к крупным неудачам для Франции. К этой группе принадлежали военный министр Бель-Иль и маркиза Помпадур. Действуя в обход официальной французской дипломатии, возглавлявшейся герцогом Шуазелем, активным поборником продолжения войны, Сен-Жермен должен был вести тайные переговоры с английским послом в Гааге генералом Йорком. Другим французским агентом, посланным в это время в Гаагу, был известный международный авантюрист Казанова. Он рассказывает, что жил с Сен-Жерменом в отеле «Принц Оранский». Казанова постарался очернить Сен-Жермена как опасного конкурента в глазах французского посла в Гааге д' Афри. Посол, вероятно, способствовал неудаче тайных переговоров Сен-Жермена с английскими и прусскими представителями. Однако наибольший вред нанес Сен-Жермен себе сам. Ему еще удавалось создавать ореол загадочности вокруг собственной персоны, но сохранять в секрете порученное дело оказалось выше его сил. Граф явно вел свою опасную

дипломатическую и разведывательную работу как очередную авантюру. Секретный агент с готовностью рассказывал всем о предпринятых им действиях, чтобы повысить мнение окружающих об его влиянии и талантах. Кроме того, как передает саксонский представитель в Гааге Каудербах, Сен-Жермен распространялся также на тему о слабости французского короля и пороках версальского двора.

Французский посол д' Афри некоторое время колебался — зависть боролась с робким почтением к сверхъестественным силам, которыми повелевал Сен-Жермен и с которыми побаивался связываться осторожный французский дипломат. Однако в конце концов он послал подробные и крайне враждебные Сен-Жермену сведения в Париж своему начальству — герцогу Шуазелю. Тот действовал быстро. Шуазелю удалось упросить маркизу Помпадур показать ему донесения, посылавшиеся ей Сен-Жерменом. На заседании министров, на котором присутствовал король, Шуазель продемонстрировал эти документы. Людовик XV и другие министры, посвященные в тайну, поспешили отречься от Сен-Жермена. После этого Шуазель послал д' Афри инструкцию, чтобы тот вызвал Сен-Жермена и объявил ему повеление не вмешиваться более в политику под угрозой тюрьмы. Более того, Шуазель попробовал даже добиться выдачи голландскими властями графа и препровождения его во Францию. Незадачливого ясновидца спас один его влиятельный поклонник, предупредивший об опасности и убедивший его бежать в Англию. Однако английские власти решили не допускать пребывания в стране уволенного агента, который мог осложнить их переговоры с Шуазелем. Из Англии Сен-Жермен перебрался в Германию.

В своих мемуарах Казанова утверждает, что он встретил Сен-Жермена в Париже в мае 1761 г., прогуливавшегося с маркизом д' Юрфе. Казанова считал, что до этого Сен-Жермен выполнял в Лондоне задания Шуазеля, точнее говоря, был французским контрразведчиком, действовавшим на вражеской территории. С этим перекликаются сведения еще одного мемуариста, ссылающегося на того же маркиза д' Юрфе. Тот якобы рассказал Шуазелю о присутствии Сен-Жермена в Париже и получил неожиданный ответ: «Я не удивлюсь этому, так как он провел ночь в моем кабинете». Однако другие бесспорные факты делают малоправдоподобной эту версию.

В последующие годы Сен-Жермен бывал при различных дворах Европы, всюду предлагая свои мнимые и действительные секреты. Не владея ни «эликсиром жизни», ни «философским камнем», ни умением превращать неблагородные металлы в золото, он, кажется, действительно знал рецепты нескольких важных химических красителей, которые и пытался применять в производстве тканей.

Умер Сен-Жермен в Германии, в Экернферде, 27 февраля 1784 г. и похоронен 2 марта, о чем были сделаны соответствующие записи в

церковно-приходской книге. Таким образом, место и дата смерти Сен-Жермена зафиксированы совершенно точно — в отличие от места и даты рождения. Но его мистически настроенные последователи продолжали распространять легенды о таинственном графе, наделенном многими талантами и знаниями, обладателе секрета бессмертия.

ФИГАРО В ЛОНДОНЕ

Первоначально прибытие в Лондон французского дворянина шевалье де Ронака не привлекло особого внимания — мало ли иностранцев ежедневно приезжало в многолюдную английскую столицу. Однако те из французских эмигрантов, находившихся в Лондоне, к которым этот приезд имел непосредственное отношение, без труда узнали все нужное о человеке с никому ничего не говорившей фамилией Ронак.

Надо сказать, что и сам прибывший не очень стремился сохранять инкогнито, иначе он не выступал бы под прозрачным псевдонимом, который легко расшифровывался как анаграмма слова «Карон». Это была фамилия Пьера Огюстена Карона, добавившего к ней аристократически звучащее «де Бомарше». Человек, которому предстояло обессмертить свое имя созданием «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро», успел прожить к этому времени бурную, полную приключений жизнь, послужившую во многом материалом для создания образа главного героя знаменитых комедий.

Бомарше родился в 1732 г.; он был сыном зажиточного чиновника. Искусство, унаследованное от отца, вместе с приобретенным искусством интриги помогли молодому буржуа втереться в придворные круги, быть представленным мадам Помпадур. Недурной собой, ловкий, смелый, острый на язык, Бомарше к тому же умел мастерить миниатюрные часики, которые не меньше, чем бриллианты, украшали кольцо на руке знатной красавицы, или разыгрывать модную музыкальную безделушку на арфе, флейте или скрипке. У Бомарше возник конфликт с парижским парламентом — бюрократическим судебным учреждением того времени. Его блестящие «Мемуары», разоблачившие порядки в парламенте, снискали Бомарше громкую известность. Но автор «Мемуаров» не был сознательным борцом против абсолютизма. Он совмещал политические интриги с любовными приключениями, литературную деятельность, столь способствовавшую идеологической подготовке революции, с умением завоевать доверие и престарелого Людовика XV, и наследовавшего ему Людо-

вика XVI, и, что не менее важно, их министров — от недоверчивого де Бролье до подозрительного Верженна.

И, конечно, Бомарше с удовольствием воспользовался представившимся случаем услужить Людовику XV, который за это решил бы в его пользу затянувшуюся тяжбу с парламентом. А «деликатное» поручение, которое принял на себя Бомарше, было вполне в духе многих других предприятий, осуществлявшихся личной дипломатией и разведкой короля.

В Лондоне в это время жил некто Тевено де Моранд, француз по национальности, мошенник и вымогатель по профессии. За ним числилось немало историй чисто уголовного характера, но любимым делом Моранда был шантаж. Конечно, это было дело беспокойное (один из невольных «клиентов» Моранда, например, жестоко отколотил его прямо на улице), но, как оказалось впоследствии, довольно прибыльное.

Моранд собирал компрометирующие сведения о разных лицах и заставлял дорого платить за свое молчание. Перебравшись в безопасный Лондон, он быстро использовал возможности существовавшей тогда там свободы печати (надо сказать, весьма ограниченной, когда дело шло об обсуждении серьезных политических вопросов). Теперь шантажируемым лицам Моранд угрожал появлением уже печатных разоблачений. В число этих лиц Моранд решил включить и Людовика XV. Влияние над королем захватила в это время очередная любовница — мадам Дюбарри. И ей, и Людовику, конечно, мало улыбалось увидеть изданной книгу под броским названием «Тайные мемуары публичной женщины». Там излагалось немало скабрезных эпизодов из весьма красочного прошлого новой фаворитки. Самыми невинными из них были изложенные во всех подробностях срамные рассказы о том, как архиепископ Реймсский и канцлер Мопу исполняли обязанности камеристок Дюбарри...

Сначала версальский двор решил действовать испытанным методом. В Лондон был откомандирован отряд переодетых полицейских. Они должны были под предлогом увеселительной поездки заманить или просто силой затащить Моранда на корабль, который доставил бы шантажиста во Францию; а там он был бы помещен за решетку одной из многочисленных французских тюрем. Но нашла коса на камень. Полицейские шпики вскоре убедились в этом буквально на своих боках. Не на того напали — решил опытный мошенник... и любезно пригласил незадачливых шпионов к себе на квартиру. Сначала Моранд, между прочим, выиграл у них немалую толику казенных денег, а потом поднял отчаянный крик. Сбежались люди, и Моранд без труда натравил лондонскую толпу на агентов «версальского деспота». Агентов едва не линчевали и в виде предостережения бросили в Темзу. Случай этот получил широкую огласку и

вызвал большое возбуждение. После этого нечего было и думать о насильственном увозе Моранда. Французские полицейские чины грустили и терялись в догадках, что делать. Бомарше считал, что после изобретения денежных знаков эти размышления по крайней мере излишни.

Правда, когда он приехал в Лондон, Моранд некоторое время отказывался встретиться с шевалье де Ронаком. Разве это не повторенне попытки вероломного похищения или убийства? — вопрошал набивавший себе цену вымогатель. В конце концов встреча состоялась. Моранд не скрыл от шевалье де Ронака, что «Тайные мемуары» должны вот-вот выйти из печати. Впрочем, Бомарше удалось уговорить шантажиста задержать их выход в свет до тех пор, пока тайный посланец Людовика не съездит в Версаль за новыми инструкциями. Тот принял к сведению разъяснения памфлетиста, что он, Моранд, кроме всего прочего, нуждается в возмещении убытков за ущерб, который он претерпел от попытки его похитить. Неясно, требовал ли Моранд еще и оплаты тех усилий, которые ему пришлось затратить, чтобы обыграть в карты и выудить деньги у полицейских. Однако положительно известно, что вернувшийся из Парижа Бомарше передал мошеннику 32 тыс. ливров и обязательство французского правительства выплачивать Моранду пожизненную пенсию размером в 4 тыс. ливров в год. Заботливый издатель «Тайных мемуаров» добился включения в это обязательство пункта, гарантирующего его жене после смерти Моранда продолжение выплаты пенсии в половинном размере. Один приятель Моранда — о нем пойдет речь в следующей главе — иронически упрекал своего дружка, что тот позволил провести себя, не воспользовавшись прекрасной возможностью обеспечить государственными пенсиями своих незаконных детей, а также собак и кошек в его доме.

Как бы то ни было, весь тираж «Тайных мемуаров» был торжественно сожжен в присутствии Бомарше и других французских представителей. У Бомарше даже возникла мысль превратить вполне удовлетворенного теперь Моранда (за особую плату, конечно) в шпиона, наблюдающего за французскими эмигрантами, чтобы избежать появления новых острых и опасных «пасквилей» против французского короля.

Министр иностранных дел Эгийон, завидовавший успеху Бомарше, потребовал, чтобы тот похитил Моранда, теперь ставшего французским шпионом в Англии. С трудом Бомарше сумел добиться от короля отмены этого нелепого приказа. Однако, когда посланец Людовика вернулся в Лондон, он натолкнулся на стену недоверия памфлетиста — тот получил анонимные письма, написанные, как выяснилось, по приказу Эгийона, в которых сообщалось, что шевалье де Ронак собирается насильственно увезти его во Францию. Бомар-

ше пришлось сиова мчаться в Версаль и везти оттуда убедительиые доказательства благоволеиия короля к Мораиду.

Опьяиеииый успехами, Бомарше вериулся в Париж, ио сообщить о иих было уже иекому: Людовик XV скоропостнжно скончался, а Дюбарри лишилась всякого влияиия при дворе. «Какая разиица между миой н Вами! — жаловался Бомарше в пнсьме своему иовому зиакомцу Тевеио де Мораиду в Лондои. — Вы без труда заработали 100 000 фраиков, а я, проехавший за шесть иедель 780 миль н истративший 500 гиней, ие зиаю даже, возместят ли мие мои дорожиые расходы. И к тому же Ваша киига через иеделю потеряла бы какое-либо зиачеиие!».

Впрочем, автор «Фигаро» ие терялся и в более тяжелых ситуациях. Король умер, да здравствует король! Нет Людовика XV, но есть Людовик XVI, который также будет озабочеи потоком памфлетов против его жеиы Марии-Аитуаиетты. (Мораид, отвечая добром иа добро, прислал нз Лоидона Бомарше полиый каталог этих сочииеиий.) Бомарше ие только получает иовое задание, ио и добнвается личиого письма Людовика XVI, уполиомочнвающего его иа выполиенне «секретных поручеиий» в Аиглин и Голландии.

Началась еще одна серия приключений Бомарше в Лоидоие: шевалье де Роиак усердио разыскнвал и умиротворял «пасквилянтов». Вскоре Бомарше броснлся вдогонку за одним из иих, взявшим деньги, ио ие уиичтожившим «пасквильиую рукопись». Преследоваине продолжалось на коитииеите. Здесь были все приметы приключеического ромаиа: переодеваиия, бешеиые скачки, разбойинки, ограбившие Бомарше, иаконец, иитриги в Веие, где ему хотелось завоевать доверне императрнцы Марии-Терезии, матерн Марии-Аитуаиетты Но мы ие будем следовать за иеутомимым Фигаро в его страиствиях. В Вене ему не повезло: Бомарше даже попал под арест, — ио в Париже ои сиова оказался в фаворе.

ПОДЛОЖНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Весна 1812 года. Наполеои I стягнвает свои войска к Немаиу, готовясь к вторжеиию в Россию. И как раз в эти месяцы в Париже выходит в свет пухлый труд «О возрастаини русского могущества с самого его иачала и до XIX столетня». Этот том в 500 страииц был иапнсан, как указывается в заголовке, историком Лезюром, состоявшим иа службе во французском мииистерстве иностраииых дел. Французское правительство приложи-

ло особые усилия к распространению этой книги. А когда зимой того же года разгромленная русским народом и войсками наполеоновская великая армия бежала из пределов России, солдаты Кутузова обнаружили в захваченных неприятельских штабах сотни экземпляров того же объемистого сочинения. Современники прямо указывали, что книга Лезюра была издана по личному распоряжению Наполеона, который пытался, используя ссылки на «русскую угрозу», оправдать свое вторжение в Россию.

В книге Лезюра, между прочим, сообщалось: «Уверяют, что в домашнем архиве русских императоров хранятся секретные записки, писанные собственноручно Петром I, где со всей откровенностью сообщаются планы этого государя, на которые он обращал внимание своих современников и которым его преемники следовали, можно сказать, почти с религиозной настойчивостью. Вот сущность этих планов». И далее излагается совершенно фантастическая программа русского завоевания всей Европы и Азии.

В книге Лезюра содержался лишь пересказ этих заметок, получивших название «Завещание Петра Великого». Но впоследствии во Франции был опубликован и полный текст «Завещания». С тех пор на протяжении многих десятилетий он неизменно использовался дипломатией и публицистикой тех европейских держав, которые находились во враждебных отношениях с Россией. И в 1941 г., когда гитлеровцы совершили вероломное нападение на Советский Союз, германское министерство пропаганды по указанию Геббельса вспомнило об этом «Завещании». Не оставалось оно без употребления и в послевоенные годы. Немало поборников «холодной войны» по обе стороны Атлантического океана спекулировали все на том же «Завещании», уверяя, что большевики продолжают начертанную в нем программу.

Бросается при этом в глаза одно любопытное обстоятельство. Многочисленные западные пропагандисты, оперировавшие «Завещанием», с редким единодушием старались забыть о том, как оно появилось на свет. И старались, конечно, далеко не случайно. А между тем история его появления связана с одним очень любопытным эпизодом тайной войны в XVIII в.

...Стояло лето 1755 г. По пыльным дорогам Пруссии, а потом через Польшу и побережье Балтийского моря ехала карета, в которой находились, не считая прислуги, двое путешественников. Точнее, пассажир и пассажирка, так как пожилого мужчину, явно чужеземца, сопровождала молодая девушка, его племянница, к которой он относился со всеми внешними знаками внимания и заботы. Путником был шотландский дворянин Дуглас-Макензи, якобит, хотя приверженность изгнанному дому Стюартов давно уже вышла из моды. Быть может, якобитство Дугласа поддерживала ненависть к англичанам, которую он не очень скрывал. Впрочем, шотландец не раз во все-

услышаиие говорил, что отошел от политики и отдался своему любимому занятию — геологии. И действительно, проезжая через чешские земли, Дуглас особенно интересовался тамошними копями и даже сделал большой крюк, чтобы заехать в Саксонию и осмотреть иекоторые пользовавшиеся широкой известиостью рудники.

До поры до времени вряд ли кто-нибудь догадывался, что все это было лишь маской и что якобит вместе со своей спутницей едет выполнять задание Людовика XV, осуществляя «секрет короля». Под этим названием скрывалась секретная дипломатия Людовика, иногда полиостью противоречившая официальиой дипломатии версальского двора.

«Секрет короля» можно с полным правом иазвать и его разведкой. (Агеитами «секрета короля» был и Сен-Жермеи, и Бомарше во время уже знакомых читателю событий.) Может быть, вернее было бы сказать, что Людовик XV с помощью разведки усердно пытался подорвать позиции собственной дипломатии.

Казалось, Людовик считал обременительиым для себя принуждать министра иностраииых дел и послов придерживаться своей политической лииии. Зато у иего хватало терпеиия противопоставлять им целую сеть тайных агентов, которые должны были разрушать усилия официальиой французской дипломатии. Порой того или иного французского посла посвящали в «секрет короля», и тогда его обязаиностью становилось в одно и то же время выполиять инструкции министра иностранных дел и мешать их выполнеиию. Чаще, однако, последиие функции поручались секретарю посольства или мелкому служащему, который дополиительно должеи был и шпионить за послом.

Постепеиио король все более втягивался в организацию заговоров против самого себя, в игру с таинствениыми переодеваниями, фальшивыми паспортами и другим реквизитом, прочио вошедшим в арсеиал авторов авантюриых ромаиов. Более того, продолжая эту игру, Людовик иачал создавать иаряду с, так сказать, официальиым «секретом короля» другой, неофициальиый, действовавший не только за спиной первого, но и часто опять-таки вопреки ему.

«Секрет короля» имел ие только своих дипломатов в дополнение к официальным французским представителям, ио также своих особых шпиоиов и даже собственный «чериый кабинет» для перлюстрации всей корреспонденции министерства иностранных дел. В письме к одному из руководителей «секрета короля», Терсье, Людовик жаловался, что ои сам уже с трудом разбирается в созданном им лабиринте. Эти две, потом три и четыре секретиые дипломатии и разведки, тянувшие каждая в свою сторону, вносили совершенный хаос в дела и, коиечио, крайне вредили интересам Франции. Но подобные «пустяки», разумеется, мало интересовали Людовика XV.

Во время, к которому относится наш рассказ, т. е. в середине 50-х годов XVIII в., «секретом короля» руководил принц Конти. Ему-то и поручил Людовик направить Дугласа и его спутницу — и отнюдь не для осмотра саксонских рудников, а для прощупывания возможностей возобновления переговоров между Парижем и Петербургом. Отношения между двумя державами в силу ряда существенных и совсем несущественных причин были испорчены до предела. Послы были отозваны. Французская дипломатия подготовляла крутой поворот: от традиционного векового соперничества с австрийскими Габсбургами к союзу с ними для противодействия крайне беспокоившей обе страны политике Фридриха II. Прусский король не только пытался рядом захватов изменить в свою пользу соотношение сил в Германии, но и вступил в союз с Англией, которая продолжала упорную борьбу против Франции за колониальное и морское преобладание.

В этих условиях позиция России имела огромное значение для Парижа, занятого формированием антипрусской коалиции. А между тем в Петербурге настолько еще преобладали настроения, враждебные Людовику XV, что он опасался официально предложить возобновление обмена послами, боясь наткнуться на отказ, болезненный для престижа французского двора. Даже посылать тайных послов было небезопасно: один из них, шевалье Вилькруассан, был без всяких церемоний признан шпионом и посажен в Шлиссельбургскую крепость. Пограничная стража получила приказ отправлять за решетку и других французских агентов. Так что во всех столицах Людовик имел не менее двух послов (одного — явного, другого — тайного), а в Петербурге — ни одного. Вот почему поднимала пыль на бесконечных дорогах Восточной Европы карета Дугласа и его племянницы.

Данное ему деликатное поручение совсем не располагало к экстравагантным поступкам, и Дуглас, конечно, не предполагал облачаться в традиционный национальный костюм — шотландскую юбочку. Этого нельзя было сказать о его спутнице, которая не только не была его племянницей, но и, кажется, не более, чем бравый якобит, имела основания обряжаться в женские одежды.

«Племянница», или иначе — шевалье д'Эон де Бомон, родился в 1728 г. Некоторые биографы утверждают, что в детстве его одевали как девочку, а лишь потом заставили носить мужское платье. Объясняют это желанием не совсем нормального отца обязательно иметь дочь, которое он решил осуществить вопреки самой природе. А иногда более прозаически — с помощью такого маскарада родители надеялись получить для своего ребенка какое-то выгодное наследство, которое иначе ускользнуло бы из фамильного владения. Однако пари, которые заключались на большие суммы относительно пола д'Эона, и споры по этому вопросу, продолжавшиеся долгое время, давно уже

решены. Имеются неопровержнмые доказательства, что д'Эон несомненно был мужчнной. (Об этом говорнт и протокол медицниского вскрытня.)

Прнчнны, по которым он в ряде случаев должен был продолжать мнстнфнкацню, одеваясь в женское платье, остаются не всегда понятнымн. Нанменьший вес прн этом имеют заявлення самого д'Эона, не отлнчавшегося твердостью во мненин, к какому полу ои принадлежал. Некоторые французскне исследователн на этом основанин даже делают вывод о «женском» непостоянистве взглядов, но мы убеднмся, что в этом непостоянстве была система.

Еслн верить мемуарам д'Эона (а нм и нх издателю вряд ли можно доверять хоть в чем-нибудь), он однажды шутки радн явнлся на прндворный бал в женском костюме, и это переодеванне понравнлось Людовнку XV. Однако откуда у короля возннкла шальная мысль посылать д'Эона в женском платье в Россию, так и остается загадкой. Ясно лншь, что этот французскнй разведчнк нисколько не собнрался в духе героев модных тогда плутовскнх романов проннкать переодетым в женский монастырь нли мусульманскнй гарем. Новоиспеченной девице, разумеется, по положению вещей было неразумно злоупотреблять кокетством. Наоборот, прнходнлось прннимать робкнй, застенчнвый внд, чтобы не подпускать блнзко ретнвых поклонинков. Это было ие очень удобно, но счнталось, что в женском наряде д'Эону будет легче втереться в круг прнближенных императрицы Елнзаветы Петровны н нашептывать ей вещи, угодные «секрету короля».

Надо заметить, между прочим, что руководитель «секрета» принц Контн нмел н собственные галантные планы. Именно поэтому он довольно щедро за личный счет снабдил д'Эона роскошными женскими туалетами. Честолюбнвый принц собирался ни более и нн менее как предложить себя в супруги царице, а если это дело не выгорит, то просить, чтобы Елизавета предоставила ему, Контн, командование русскими войсками нлн уж, на худой конец, посадила его на престол какого-лнбо княжества, например Курляндин. (О своих планах заделаться польскнм королем Контн предпочнтал пока помалкивать.) Скажем заранее, что нз всех этих планов, конечно, ннчего не вышло. А несколько позже русский посол уже сообщал нз Парижа о раздорах принца с маркизой Помпадур: «Контн с Помпадуршей был в великой ссоре». После ссоры принцу, понятно, пришлось расстаться и с «секретом короля».

Но случнлось это, повторяем, позднее, а пока Контн условился с Дугласом н д'Эоном о шифре. Самому Дугласу разрешалось отправить нз Петербурга только одно письмо. Поскольку он должен был демонстрировать интерес к торговле мехами, то и шифр был составлен соответствующим образом. Так, усиление австрийской партни

должно было обозначаться как «рысь в цене» (под рысью подразумевался канцлер А. П. Бестужев-Рюмнн), а прн ослабленнн ее влняння следовало сообщнть, что «соболь падает в цене»; «горностай в ходу» — означало преобладанне протнвннков австрнйской партнн; «чернобурой лнснцей» нменовался англнйскнй посол. Собственно говоря, для того чтобы «чернобурая лнснца» не пронюхала нн о чем, и составлялся прежде всего этот код.

Но он был не едннственным. Явнвшнсь на тайное свнданне с вице-канцлером М. И. Воронцовым, которого счнталн сторонннком улучшення отношеннй с Францней, новоявленная мадемуазель де Бомон была буквально нашпнгована шнфрамн н тайнымн бумагамн. Прн ней была кннга Монтескье «Дух законов». В кожаном переплете этой кннгн, предназначавшейся для Елизаветы, былн вложены секретные пнсьма Людовнка XV. В подошве ботинка оборотистая девнца носнла ключ от шнфрованной перепнскн. Наконец, в корсете было зашнто полномочне на ведение переговоров.

Конечно, не стонт переоценнвать роль, сыгранную новоявленной «чтнцей нмператрицы», которой, похоже, устронлся ловкнй авантюрнст. Недаром некоторые серьезные нсследователн, н средн ннх Вандаль н Рамбо, отрнцалн достоверность всей этой исторнн в целом н утверждалн, что д'Эон появнлся в Петербурге лншь в 1756 г. Напротив, Гайярде, Бутарнк, а нз авторов новейшнх работ — А. Франк, А. Кастело не сомневалнсь в ее правднвостн. (Намекн на поездку «Лни де Бомон» встречаются в корреспонденцнн французского днпломата де Л'Опнталя и в пнсьме самого Людовнка XV от 4 августа 1763 г., адресованном д'Эону.) Мнссня Дугласа н д'Эона удалась, конечно, больше всего потому, что у самих руководителей русской политнкн появнлнсь серьезные основания для сблнження с Версалем. Вернувшнсь на короткнй срок в Париж, д'Эон снова отправился в Петербург уже в качестве секретаря посольства (поверенным в делах стал Дуглас). Д'Эон продолжал некоторое время служнть посреднком между обонмн дворамн даже после того, как в 1757 г. в Петербург прнбыл официальный французскнй посол маршал де Л'Опнталь. Когда же после ссоры с «Помпадуршей» Контн был заменен другнми лнцамн (Терсье н Моненом), д'Эон получнл новые шнфры, и перепнска не прекращалась.

Еще в молодости д'Эон проявлял склонность к сочнннтельству и даже напнсал трактат о доходах, что подало Людовику XV мысль занять будущую «Лню де Бомон» в финансовом ведомстве. Эта склонность, как мы увиднм, не пропала у него н в зрелые годы. Не будем останавлнваться на тех прндворных н днпломатнческнх интрнгах, в которые был вовлечен в Петербурге д'Эон. Его роль н в ннх была, вероятно, значнтельно меньшей, чем он это представляет в свонх мемуарах. Именно во время второго пребывания в русской столн-

це д'Эон, по его словам, и сумел похитить из самого секретного императорского архива в Петербурге копию завещания Петра I.

Рассказ об этом выглядит более чем неправдоподобно и рассчитан на большой запас легковерия у читателя. Но еще более разоблачает д'Эона текст «Завещания». Достаточно самого беглого анализа, чтобы сделать бесспорный вывод: этот документ не исходил и даже не мог исходить от Петра. А вот от д'Эона и его начальников по «секрету короля» он вполне мог исходить! Временами это «Завещание» весьма напоминает ответ на вопросник, который был включен в тайную инструкцию для Дугласа и д'Эона.

Сфабриковал ли «Завещание» сам д'Эон? Во всяком случае, оно, несомненно, было составлено лицом, обладавшим самым приблизительным знанием русской политики. Среди массы нелепостей и очевидных выдумок вкраплены и «планы», действительно отражавшие цели политики царского правительства. Но это мог сделать любой современник, сколько-нибудь знакомый с дипломатической историей первой половины XVIII в. Нет сомнения, что д'Эону было чрезвычайно выгодно похвастать перед Людовиком XV якобы выкраденным в Петергофе документом. А проверить точность снятой копии все равно было невозможно — не обращаться же было Людовику в Петербург с подобной просьбой! Впрочем, тогда французское правительство не придало документу особого значения. Копия эта так и оставалась в архивах, пока не попалась на глаза Лезюру в 1812 г. Тот, решив, вероятно, что не стоит текстуально воспроизводить явно поддельное «Завещание», пересказал его в сокращенном виде. Возможно, что Лезюр так поступил по указанию Наполеона. А потом, при издании тоже в основном подложных мемуаров д'Эона, был уже напечатан полный текст фальшивки, откуда она перекочевала в бесчисленные сочинения антирусски настроенных литераторов и журналистов.

Как же сложилась дальнейшая судьба предполагаемого автора (или одного из авторов) фальшивого «Завещания»?

Послужной список д'Эона включает различные «художества»: пребывание в драгунском полку в чине капитана, руководство французским шпионажем в Англии и заключение — через подставных лиц — крупных пари о том, к какому полу принадлежал шевалье, являвшийся посланником версальского двора; официальные переговоры с представителями британского Форин оффиса и кража, при случае, портфеля заместителя министра иностранных дел Роберта Вуда; совмещение должности советника посольства, обязанного проводить линию французской внешней политики, и агента «секрета короля». И главное, наконец, разыгрывание роли верного слуги этого самого «секрета короля», когда шевалье им давно уже перестал быть и занялся шантажом Людовика XV, крайне опасавшегося за важные компрометирующие бумаги, которые правдой и неправдой раздобыл

бывший шпиои. Прн этом на «девичью честь» драгуиского капитана,— на которую любил ссылаться д'Эон, не прекращавшнй небезвыгодную нгру вокруг вопроса об его поле, — полагаться было трудно. Французская разведка пыталась похитнть наглого авантюриста, яо она напала на человека более ловкого, чем она сама, и дело сорвалось. Вдобавок Людовик XV не мог объяснить нн своей властной фаворнтке мадам Помпадур, нн своим дипломатам, чего следует опасаться от д'Эона, так как онн в отличие от него не былн посвящены в «секрет короля». Попытки через французского посла де Герши добиться выдачи д'Эона оставались неудачными. Дело приобрело скандальную огласку, последовало осужденне д'Эона за клевету в печати, его бегство, суд в Лондоне н контрпроцесс, начатый протнв де Герши. Злополучному послу пришлось отбыть на родину, но тайники д'Эона были полны бумаг, которые жаждали получнть в Версале.

Приписываемая Людовику XIV фраза «государство — это я» приобрела особый смысл в царствованне его преемника. Людовик XV, с его слабостями н пороками, с его известным прннципом «после меня хоть потоп», мог служнть жнвым олнцетворением крнзиса я разложения французского абсолютнзма. При полном равнодушнн Людовика XV к благу страны личные прихотн развращенного короля былн возведены в ранг государственных нитересов. Герши был спешно отозван не столько потому, что опасались, как бы его процесс не подорвал престнж Францни, сколько потому, что Людовнк решил сторговаться с д'Эоном. Пойти на мировую король хотел не только потому, что д'Эон обладал бумагамн, содержавшнмн сведения о французском шпнонаже н о «секрете короля», но и потому, что авантюрнст стал угрожать опубликовать материалы о другом государственном секрете — Оленьем парке. Это была информация делнкатного свойства, н ей ннкак не следовало стать предметом обсуждения в газетах.

Взамен борьбы в судебном зале, которую так неудачно начал посол Герши, его преемннку — временному поверенному в делах Дюрану пришлось вступнть в тайные переговоры с д'Эоном. Тот обменял часть своих бумаг на большую ежегодную пенсию в 12 тыс. ливров, но некоторые, особо пнкантные, письма шевалье оставил у себя как гарантню регулярности денежных выплат из Парижа. И разве не характерно, что со своей стороны Людовик XV выговорил условне, что д'Эон будет ходить в женском платье (кто поверит сплетням, распространяемым старой девой), ...и вновь сделал его агентом «секрета короля»! Последующие два с лишним десятилетия заполнены сотрудничеством, новымн пререканиямн и новым шантажом со стороны «капнтана драгун в юбке» в отношенни версальского двора. К этому временн шумная известность экс-шпнона была уже позадн. Однн остроумный англичанин заметнл: «Месье д'Эон стал своей собственной вдовой».

Но «вдова» время от времени умела показывать волчьи зубы. Для улаживания дел в Лондон ездил Бомарше, не раз выполнявший такого рода королевские поручения. Сначала д'Эон выдал Бомарше лишь незначительные по содержанию бумаги, но посланник версальского двора потребовал «настоящий товар». Только после этого шевалье открыл тайник под паркетом и достал нужные документы. Теперь пришла очередь Бомарше проявить купеческую хватку — он заплатил капитану значительно меньше, чем тот ожидал. Раздосадованный д'Эон по-дворянски попрекнул Бомарше происхождением, назвав «сыном часовщика». Королевский представитель предпочел отшутиться: «Что можно ожидать от женщины».

Впрочем, еще ранее «секрет короля» стал секретом Полишинеля. Удар последовал из Вены вследствие измены одного австрийского почтового чиновника.

В один из вечеров 1772 г. Горгелю, секретарю французского посла в Вене князя Луи Рогана, была передана через портье анонимная записка: Горгелю назначалась встреча в полночь в уединенном месте с обещанием сообщить важные государственные тайны. Хотя записка возбудила у секретаря сильные подозрения, он не смог удержаться от искушения и отправился на назначенное ему свидание. Раскаиваться не пришлось. Укрытый плащом человек, говоривший низким, сознательно измененным голосом, предложил ему просмотреть несколько бумаг. Если они окажутся интересными, то Горгель может прийти завтра в тот же час и на то же место, чтобы получить следующую порцию — в обмен на 1000 дукатов. Горгель принял предложение — вторая встреча состоялась, и секретарь посольства стал дважды в неделю получать материалы из австрийского «черного кабинета». Сомнения в их подлинности быть не могло: Горгелю были переданы копии расшифрованных депеш французских послов в Стокгольме и Берлине, с которыми французский дипломат был знаком и до этого. Среди материалов он получил инструкции Фридриха II своим секретным агентам в Париже и Вене, которые давали возможность судить о действительных намерениях прусского короля, остававшихся тайной даже для его собственных послов. В числе переданных австрийским чиновником документов была и секретная переписка графа Бролье, руководителя «секрета короля». А Бролье был давним врагом рода Роганов... Обрадованный посол поспешил переслать «изменническую» корреспонденцию Бролье в Париж. Однако вместо того, чтобы сослужить службу Людовику XV, неловкий Роган, кажется, свел в могилу своего больного повелителя, тяжело воспринявшего это разоблачение «секрета короля», который столь долго сохранялся от французского министерства иностранных дел, хотя он давно уже перестал быть тайной для австрийского канцлера Кауница.

СВИДАНИЕ В ГРОТЕ ВЕНЕРЫ

Предреволюционные годы во Франции видели необычный феномен — использование отдельными лицами своего рода частной разведки при дворе для заведомо преступных, уголовно наказуемых деяний. Речь идет не о многочисленных высокопоставленных казнокрадах, использовавших хорошее знание закулисных сил и влияние при дворе для осуществления разных махинаций. В истории, о которой пойдет речь, точное представление о взаимоотношениях королевы с ее придворными было использовано для столь ловкого грабежа, что жертвы его далеко не сразу поняли, насколько ловко их провели.

Суть этого дела была очень простой. Аферистка Жанна Ламотт, именовавшая себя графиней, убедила впавшего в немилость кардинала Рогана, что есть верное средство вернуть утерянную благосклонность королевы Марии-Антуанетты и находившегося под влиянием своей супруги Людовика XVI. Королева, по словам Ламотт, хочет купить у парижских ювелиров Бессера и Бассанжа красивое колье, но ей сейчас неудобно просить у короля нужные для этого 1600 тыс. ливров. Пусть Роган гарантирует уплату требуемой суммы несколькими взносами, королева получит ожерелье и будет, конечно, крайне благодарна услужливому придворному.

Позднее на допросе Роган утверждал, что инициатива целиком принадлежала Ламотт, обещавшей снискать ему милостивое расположение королевы. По показаниям Ламотт, дело обстояло совсем по-иному. Ей действительно представили ювелира, уговаривавшего ее купить колье, но она не проявила никакого интереса к этому предложению и мимоходом рассказала о нем кардиналу. Тот заинтересовался, узнал у нее адрес ювелира, и через некоторое время якобы заметил:

— Я сделал хорошее дело... Это для королевы.

Жанна прежде всего попыталась — и с успехом — убедить Рогана в том, что она является интимным другом королевы. Роган получал письма якобы от Марии-Антуанетты, в действительности подделанные Ламотт и ее сообщниками. Авантюристка даже устроила кардиналу вечером в Версальском парке, около грота Венеры, мимолетное свидание с «королевой», которая произнесла несколько благосклонных слов. Роган не разглядел в темноте, что роль Марии-Антуанетты исполняла во время этой встречи молодая модистка Николь Лаге («баронесса д'Олива»), кстати сказать, не подозревавшая смысла разыгрывавшейся комедии.

Кардинал попал в ловушку. Драгоценность перешла в руки Ла-

мотт, якобы для передачи королеве. Воровка пустила бриллианты в продажу. Но приезд ювелиров в Версаль — они хотят выразить радость, что их государыня обладает лучшим в мире колье, — разоблачает обман. Ламотт и ее сообщники схвачены, вслед за тем арестовывают и их жертву — Рогана. Попадает на скамью подсудимых еще один, пожалуй, самый яркий персонаж процесса — великий маг граф Калиостро — под этим именем скрывался итальянский авантюрист Джузеппе Бальзамо.

В 1785 г. Калиостро приобрел в Париже дом, который роскошно обставил как жилище чародея: «универсальные» молитвы, начертанные на стенах золотыми буквами, зал, салоны, где Калиостро давал банкеты, на которые приглашал аристократов, а также известных писателей и ученых. Там стояли и пустые стулья для знаменитых мертвецов — Монтескье, Вольтера, их тени из загробного мира давали ответы на вопросы потрясенных гостей.

Узнав, что Роган желает с ним познакомиться, Калиостро ответил: «Если кардинал болен, пусть придет ко мне, и я его излечу, если он здоров, то мы друг другу не нужны». Роган явился к Калиостро, сделался его восторженным поклонником и рекомендовал всей парижской знати. Советник Рогана слывет заклинателем духов, обладателем эликсира жизни, дающего бессмертие (Калиостро любил говорить о себе, что был знаком с Иисусом Христом), человеком, безошибочно угадывающим будущее. Он не сумел лишь предсказать Рогану мошенничество Ламотт. Итальянец, годами дурачивший многих людей, на этот раз, по-видимому, так же был обманут, как и кардинал. Но этому мало верили даже те, кто не очень доверял магической силе графа. Ламотт уверяла, что Калиостро был главным организатором кражи бриллиантов.

Чтобы окончательно подчинить своему влиянию Рогана, Калиостро продемонстрировал опыт магнетизма. Для этой цели привлекли молоденькую племянницу Ламотт, некую де ла Тур. «В комнате кардинала были зажжены двадцать свечей. У постели был поставлен экран, перед ним стол с факелами и графином чистой воды. Калиостро вынул шпагу, положил ее на голову коленопреклоненной девушки и начал с ней разговор, который она заучила раньше на одном из сеансов.

— Приказываю тебе, — сказала она Калиостро,— именем Михаила и Великого Кофта показать мне то, что я хочу видеть.

— Малютка,— отвечал Калиостро,— что ты видишь?

— Ничего.

— Топни ногой. Кого ты видишь?

— Никого.

— Топни еще раз. Не видишь ли ты высокой женщины в белом? Знаешь ли ты королеву? Узнаешь ли ее?

— Да, я вижу королеву.

— Посмотри сюда, я возношусь на небо. Видишь ли меня?

— Нет.

— Топни ногой и скажи: «Я приказываю именем Великого Кофта и Михаила...». Видишь ли ты королеву?

— Да, я вижу ее.

После этой церемонии девушка созналась Ламотт, что Калиостро научил ее говорить таким образом. «Когда ангел меня целовал, на самом деле я целовала свою руку, как мне приказывал граф». Девушка все же уверяла, что с ней случилось нечто необыкновенное и что, когда сдвинули графии, она действительно увидела королеву. Кардинал в экстазе целовал руки мага и называл его великим человеком.

Таким образом, по версии Ламотт, шарлатанство не обошлось без гипноза и имело целью втянуть кардинала в операцию с покупкой ожерелья. Викарий кардинала, присутствовавший при опыте, добавляет:

«Он (Калиостро. — *Е. Ч.*) стал на свой треножник и начал египетские заклинания. Оракул произнес, что сделка вполне достойна князя, что она будет иметь полный эффект и что после нее взойдет солнце над Францией и над всем человечеством, причем все это случится благодаря редким талантам кардинала».

Сам Калиостро на допросе утверждал нечто другое — он проделал этот опыт, уступая настойчивым просьбам Жанны, по ее словам, часто бывавшей у королевы, и кардинала, присоединившегося к этим просьбам. Чтобы отделаться, Калиостро приказал привести какого-нибудь ребенка; на другой день Жанна пришла с племянницей.

Суд признал виновной одну Ламотт.

Скандал, вызванный свиданием в гроте Венеры, потушить не удалось. Поскольку дело об ожерелье получило огласку, в него активно вмешалась французская официальная дипломатия и тайная агентура за границей. Для французского двора стало задачей первоочередной важности захватить всех участников кражи, чтобы доказать невиновность королевы. Поэтому не жалели ни усилий, ни денег, но добраться до находившегося в Англии мужа Жанны было трудно. А только он мог дать показания, куда исчезла большая часть бриллиантов В связи с этим французский посол в Лондоне граф Адемар был чрезвычайно обрадован, когда он получил из Эдинбурга помеченное 20 марта 1786 г. письмо от некоего итальянца Франсуа Беневента, именовавшегося Дакоста, «учителя иностранных языков».

В этом письме Беневент предложил обеспечить тайный увоз из Англии не только Ламотта, но и находившихся у него бриллиантов. За свои услуги сей педагог, который уже достиг почтенного возраста — 70 лет, запросил ни много ни мало, как 10 тыс. гиней, т. е. 260 тыс.

ливров. Ламотт действительно был хорошо знаком со старым итальянцем, который в обмен за некоторое вознаграждение согласился выдавать «графа» за своего племянника (Ламотт опасался, что его разыскивает английская полиция).

Несмотря на чудовищную сумму, запрошенную итальянцем, Адемар счел предложение приемлемым и поспешил переслать письмо Беневента Марии-Антуанетте, которая быстро добилась согласия короля. 4 апреля министр иностранных дел сообщил Адемару, что Беневенту можно заплатить в виде аванса тысячу гиней и дать твердые гарантии в отношении остальной суммы, которую тот получит, как только Ламотт будет находиться под стражей в любом из французских портов. Адемар известил Дакоста, что его предложение принято, и возложил организацию похищения на первого секретаря посольства Сибиль д'Арагона. Секретарь, в прошлом офицер, был человеком действия. Он быстро составил план. Беневент должен будет убедить Ламотта покинуть Эдинбург якобы потому, что там оставаться долее весьма небезопасно. После этого итальянец приедет с Ламоттом в Ньюкасл, где будет нетрудно убедить «графа» посетить расположенный неподалеку порт Шилдс. К этому времени за Дакоста и Ламоттом будут следовать два тайных французских агента. Двое других людей д'Арагона прибудут морем в Шилдс на небольшом судне с надежным экипажем. Это судно не могло вызвать ни у кого подозрения, поскольку из Шилдса вывозилось за границу большое количество каменного угля. Беневент даст «графу» снотворного, Ламотта быстро перенесут на корабль, — и вскоре он уже будет в руках французского правосудия.

29 апреля Беневент сообщил из Эдинбурга, что он на днях известит о своем отъезде вместе с Ламоттом в Ньюкасл, куда они действительно отправились. В Лондон спешно прибыли выделенные для выполнения секретной миссии французские полицейские инспекторы Кидор и Гранмезон. Узнав только от д'Арагона о возложенном на них поручении, полицейские чины отнюдь не пришли в восторг. Им явно не улыбалось быть повешенными в Англии в случае неудачи плана. Однако до этого дело не дошло. Оказалось, что еще меньше эта перспектива устраивала Беневента, уже получившего аванс. При встрече с французами он выдвинул множество предлогов для отказа участвовать в похищении. Кроме всего прочего, «граф», по словам итальянца, заподозрил опасность и не пожелал ехать в Шилдс. На деле, по всей вероятности, Беневент предпочел признаться во всем Ламотту и поделиться с ним полученными деньгами. Возможно даже, что весь план заранее был разработан самим Ламоттом, который, в таком случае, оказался достойным учеником своей жены.

В новейших французских работах, основанных главным образом на письмах Марии-Антуанетты, хранящихся в Венском архиве, выска-

зывается предположение, что королева сама инсценировала это «дело», чтобы сделать смешным ненавистного кардинала. Если это и так, то она, конечно, не предусмотрела большого морального ущерба, который был нанесен делом об ожерелье французской монархии. Через несколько лет Мирабо даже назвал историю похищения колье прологом Великой французской революции.

КАНЦЕЛЯРИЯ ВЗЯТОК

Одним из центров, где сталкивались разведки крупных европейских держав, была столица Блистательной Порты, как именовали Оттоманскую империю. Военно-политический упадок Турции способствовал и, в свою очередь, ускорялся разложением правящей верхушки. Султаны изыскивали самые невероятные предлоги для взимания налогов: например, выдавались «замуж» их малолетние дочери за богатых сановников, которых обязывали вносить крупные суммы на содержание своих «жен». Сановники также были обязаны брать в спутницы жизни жен, наскучивших падишаху, а их, в свою очередь, заставляли следить за своими новыми мужьями и доносить обо всем во дворец. Стало обычаем принятие султаншами взяток от иностранных дипломатов. Еще большие суммы получал главный евнух — «начальник девушек». Один из них — Бешир (первая половина XVIII в.) был в течение 30 лет фактическим правителем страны. Раб, купленный в Абиссинии за 30 пиастров, он оставил после себя 29 млн. пиастров, не считая огромного количества драгоценных камней и другого имущества. Пост великого визиря, напротив, редко занимался более двух-трех лет, — обычно временщики, вынырнувшие на поверхность в результате придворных интриг, пытались побыстрее ограбить казну. Теряя свое место, они часто шли на плаху; нередко само смещение и казнь были лишь предлогом для конфискации их имущества. Наследники престола воспитывались в строгой изоляции во избежание их возможного участия в заговорах. Проводя в затворничестве значительную часть жизни, ко времени вступления на трон они бывали ничтожными, невежественными людьми, если не просто дегенератами. Немудрено, что они вместе с министрами торговали государственными тайнами. Так, в 1771 г. английская разведка приобрела по сходной цене копию архисекретного австро-турецкого соглашения против России и переслала ее в Петербург и Берлин.

В Стамбуле иностранные дипломаты, не знавшие турецкого языка, должны были нанимать местных переводчиков — драгоманов

(обычно греков), которые одновременно служили им и как шпионы. Однако, чтобы выполнить свою «деликатную» миссию и не лишиться головы — что было в турецкой столице проще простого, — драгоманы создали своего рода тайный союз. Они приобрели специальный дом, где за приятной беседой и карточной игрой выдавали коллегам секреты «своего» посольства, чтобы взамен узнать секреты чужие, которые тут же сообщали нанимателям. Даже привычных дипломатов коробила, как писал один из них, «бешеная страсть к деньгам» у всех чиновников Блистательной Порты. Золотой ключ открывал любые двери. Правительство султана решило, что можно извлекать выгоду из столь бурного и непреоборимого темперамента своих чиновников, установив налог со взяток, который аккуратно собирала особая канцелярия.

Атмосфера, царившая в столице Порты, оказывалась заразительной и для иностранных дипломатов и разведчиков, также не брезгавших подношениями, от кого бы они ни исходили. Так, русский посол Дашков, посланный в Стамбул в 1719 г., вскоре по прибытии просил Петра I присылать побольше «мягкой рухляди» (мехов) «для удержания интересов Вашего Величества, понеже визирь великий емец». Дашков передавал, что к нему являлись сановники с выписками «из давних книг», в которые были занесены взятки, розданные прежними царскими послами, и требовали таких же выплат как освященных дипломатической традицией. Однако Дашкову данная ему инструкция предписывала не ограничиваться турками, а «разведывать о тамошних поведениях и намерениях прилежно через известных приятелей». Под «приятелями» подразумевался граф Кольерс, опытный голландский посол, который почти сорок лет занимал дипломатические посты в Стамбуле. Он уже несколько лет получал щедрые ежегодные «подарки» из Петербурга, так же как и его переводчик Вильгельм Тейльс. Такие же «дачи» и «награждения» вручались Дашковым (в обмен на разведывательные сведения и прочие услуги) еще ряду лиц, включая французского посла де Боннака, который, впрочем, возможно, действовал так с согласия версальского двора. В этом случае, как подозревали английские и австралийские дипломаты, ловкий француз не только получал взятки, но и делал это, дабы скрыть, что его действия были результатом не стремления отработать полученную мзду, а выполнения инструкций из Парижа, где не желали в тот момент ссориться с Лондоном и Веной. Переводчик французского посла Фернерон стал оказывать различные услуги русским дипломатам еще за несколько лет до этого, когда предшественник де Боннака усердно действовал против России. В инструкции Дашкову приписывалось, однако, не доверять информации Фернерона, тщательно ее проверяя. Фернерон сообщал важные сведения и о политике Порты, и о действиях самого французского посла.

Когда Голландия стала сближаться с Англией и Австрией, Кольерсу пришлось отказаться от русской субсидии. Переводчик Тейльс не обладал потребным для этого характером стоика, однако старался больше выманить деньги, не давая ничего взамен. Дашков с раздражением замечал: «Первое, что оглох совсем, ничего ни слышит, и глуп стал и к Порте и близко не ходит». Однако ни глухота, ни впадение в детство не мешали переводчику — по свидетельству того же Дашкова — все, что он узнавал от русского дипломата, немедленно передавать австрийскому послу.

Позднее дипломатом-шпионом, обслуживавшим многих «клиентов», был датский посланник барон Гибш. Он имел собственную банкирскую контору и по поручению своих доверителей снабжал деньгами иностранных разведчиков и курьеров. Так, в 1806 г. предприимчивый барон ухитрялся оказывать услуги не только своему правительству, но также Франции и России, воевавшим тогда друг с другом. Правда, целиком полагаться на барона не приходилось, ибо, как напоминал, пересылая его донесения в Петербург, русский генерал Прозоровский, «он (Гибш. — *Е. Ч.*) многим дворам служит».

Когда в XIX в. Турция была объявлена «больным человеком», за наследство которого возникла борьба между великими державами, в этой борьбе наряду с официальной дипломатией немаловажную роль сыграла разведка.

ИЗМЕНА В ВЕСТ-ПОЙНТЕ

Джордж Вашингтон, главнокомандующий войсками американских колонистов, сражавшихся за независимость, против Англии, отлично понимал значение разведки. Еще в юношеские годы, участвуя волонтером в англо-французской войне, он стал свидетелем поражения, которое 13 июля 1755 г. понесли английские войска под командованием генерала Брэддока около форта Дюкена (на месте, где впоследствии возник город Питтсбург). Поражение было следствием того, что Брэддок не имел понятия о силах французов, оборонявших форт.

Когда же через два десятилетия, в начале войны за независимость, Вашингтон стал во главе войск колонистов, он сразу же предпринял попытку создать собственную разведывательную службу. Первым из его разведчиков был, очевидно, знаменитый Натан Хейл, которого англичане поймали и казнили в сентябре 1776 г. Хотя имя Натана Хейла уже стало легендарным, почти ничего не известно ни о

цели переброски его в тыл врага, ни о том, чего ему удалось достигнуть.

Когда разведывательная служба колонистов получила некоторое развитие, Вашингтон поручил ее дальнейшее усовершенствование майору Бенджамину Толмеджу (Джону Баттому). Майор отобрал нескольких лично знакомых ему людей в Нью-Йорке и других районах, занятых тогда английскими войсками. Обычно агенты, действовавшие в одной местности, были старыми друзьями, — таким образом Толмедж надеялся наладить сотрудничество своих людей и получить уверенность, что в случае ареста и гибели одного из них все остальные будут с удвоенным рвением продолжать работу, чтобы отомстить за друга. Первые агенты Толмеджа учились вместе с ним в Йельском университете. Хотя это были лица, ранее совершенно не знакомые с разведкой, большинство из них сумело быстро освоиться со своей новой деятельностью. Все они имели конспиративные имена, и никто даже в американском лагере, помимо майора, не знал их подлинных фамилий.

Наиболее успешно действовал Роберт Таунсенд из Нью-Йорка, фигурировавший под именем Самуэля Калпера-младшего. Таунсенд организовал торговую фирму по доставке продуктов в Нью-Йорк от фермеров окрестных районов. Помещение, которое занимала его фирма, было все время полно покупателями, в том числе английскими военными и их женами. В разговорах, которые никто не думал держать в секрете, проскальзывало немало полезной военной информации. Таунсенд ее записывал и пересылал в штаб Вашингтона. Два других разведчика — Авраам Вудхилл (Самуэль Калпер-старший) и Остин Рой соответственно выполняли роли «почтового ящика» и курьера. Рой, живший в Нью-Йорке под видом служащего фирмы Калпера, доставлял донесения Вудхиллу, который обосновался за городом. Получив информацию, Вудхилл спешил развесить на веревках в определенном месте и заранее условленным образом нижнее белье. Это было сигналом, что все в порядке, и второй курьер, Брюстер, лодочник по профессии, переправлял собранные сведения Толмеджу или одному из его доверенных лиц. При этом использовался довольно громоздкий код, требовавший специальных справочных книг для шифровки и прочтения донесения. Одни буквы заменяли другие, различные фигуры означали название места, имя или просто определенные слова. Так, цифрой 711 обозначался генерал Вашингтон, 712 — английский генерал Клинтон, 745 — Англия, 592 — корабли.

Вашингтон очень нуждался в информации, поступавшей от Таунсенда и его друзей, и специально приказал, чтобы ее передавали ему немедленно после получения. Толмедж лишь один раз отчасти нарушил этот приказ. Майор не вручил генералу Вашингтону, как это имел привычку делать, нераспечатанным очередное послание от

Самуэля Калпера-младшего, а сам прочел его и даже задержал на какой-нибудь час. Из-за этой незначительной задержки произошли события, имевшие чрезвычайное значение для армии колонистов.

Английские войска заняли небольшой городок, где родился Роберт Таунсенд. Там ему принадлежал дом, который находился на попечении его сестры Сары. В этом доме поселились английские офицеры, в том числе полковник Симко. Сара Таунсенд знала о том, что ее брат стал разведчиком армии колонистов, и пыталась оказать ему всю возможную помощь. Делая вид, что она руководит слугами, которые подавали обед английским офицерам, Сара старалась ничего не пропустить из того, о чем говорилось за столом.

Однажды, это было вечером в конце августа 1780 г., полковник Симко беседовал с недавно прибывшим знакомым. Это был майор Андре, натурализовавшийся в Англии сын швейцарского купца. Поступив в английскую армию, Андре быстро продвинулся по службе. Сейчас он был уже генеральным адъютантом британских экспедиционных войск в Северной Америке и доверенным лицом генерала Клинтона. Все это побудило Сару Таунсенд с особым вниманием прислушиваться к беседе двух офицеров, которая, впрочем, не содержала ничего особенно важного. Однако, когда ужин был еще далеко не кончен, произошел странный случай. Было доставлено письмо на имя Джона Андерсона. Сара, естественно, спросила Симко, не знает ли он кого-либо, кто носит это имя. Тогда Андре неожиданно заявил, что ему это известно, и спрятал письмо в карман. И что еще более странно — внимательный глаз хозяйки скоро заметил, что Андре никому не передал это письмо, а сам вскрыл и прочел его. Это происходило, когда офицеры пили кофе и вели разговоры об американской крепости и главном военном складе Вест-Пойнте.

Сара Таунсенд разумно решила, что все это должно заинтересовать ее брата. Она попросила одного из квартировавших в ее доме офицеров — капитана Даниеля Юнга переслать в Нью-Йорк со своим ординарцем пакет в фирму, поставлявшую продукты питания. Галантный капитан, конечно, не мог отказать в исполнении такой просьбы красивой девушке, тем более что продовольствие было нужно Саре, чтобы кормить полковника Симко и его офицеров. Сара Таунсенд передала солдату запечатанный пакет. Подразумевалось, в нем содержался перечень необходимых продуктов... Сразу же после получения письма сестры Роберт Таунсенд направил его обычным путем Толмеджу.

Но за полчаса до того, как оно достигло начальника разведки, майор получил другое письмо. Оно было подписано командиром Вест-Пойнта генералом Бенедиктом Арнольдом. Он сообщал, что, вероятно, к нему должен прибыть его близкий друг Джон Андерсон, который не знаком с местностью. Начальник Вест-Пойнта очень просил

послать для сопровождения мистера Андерсона нескольких драгун...

Фактическим главой секретной службы Англии был заместитель лорда Сеффолка Уильям Иден (впоследствии известный также под именем лорда Окленда). Честолюбивый трезвый политик, обладавший недюжинным умом и редко изменявшим ему чутьем, Иден не был все же способным осознать необратимость процесса освобождения английских колоний из-под власти метрополии. Он считал, что сохранение над ними контроля какого-либо европейского государства неизбежно и что Англия при проведении соответствующей политики имеет шансы остаться такой державой-метрополией. Иден разделял близорукое мнение лоялистов, что с «мятежом» можно будет покончить умелым сочетанием кнута и пряника, причем «пряником» должны были служить не только уступки политического и экономического характера, но и прямой подкуп руководителей повстанцев. Так думал не только Иден, — это был, так сказать, естественный ход мыслей английского политика, привыкшего действовать в парламенте, где все имело цену — голоса избирателей «гнилых местечек», сохранявших со средних веков право посылать депутатов в палату общин, голоса самих парламентариев, продававшихся оптом и в розницу. Коррупция была методом управления, а возможность раздавать пенсии, синекуры, взятки и, конечно, дворянские титулы — источником власти. Недаром незадолго до начала войны за независимость Франклин, хорошо знавший английские порядки, говорил, что, «если бы Америка сэкономила деньги, которые она за три или четыре года тратит на модные английские предметы туалета и украшения, она смогла бы купить весь парламент, всех министров и еще кого угодно».

Стратегия и тактика английской секретной службы определялись во многом расстановкой классовых и политических сил в восставших колониях. Дело в том, что против разрыва с Англией были значительная часть крупной торговой буржуазии, богатых землевладельцев, высшего духовенства (особенно священников англиканской церкви — государственной церкви в метрополии), лица, связанные с британской колониальной администрацией. Они называли себя тори или лоялистами, народ именовал их предателями. Лоялисты оказывали влияние примерно на треть населения. От 30 тыс. до 50 тыс. лоялистов пополнили ряды английской армии и флота, не считая тех, кто вступил во вспомогательные отряды милиции. Сменявшие друг друга английские командующие, особенно генерал Клинтон, пытались воспользоваться и тем обстоятельством, что даже среди патриотов было все же немало людей, сохранявших традиционное почтение к британским властям. Оказывалось нетрудным делом с помощью угроз, лести, подкупа перетянуть этих людей на сторону Англии (Клинтон писал: «Я не казнил ни одного вражеского шпиона, а находил им хорошее применение в качестве шпионов-двойников».)

Еще большее значение имело другое. Даже среди части крупной буржуазии и плантаторов, которая участвовала в борьбе против Англии, многие рассматривали эту борьбу лишь как удобный случай для того, чтобы нажиться на военных поставках и участии в денежных и земельных спекуляциях. «Такого отсутствия чувства гражданского долга, — писал вождь армии колонистов Джордж Вашингтон, — такой спекуляции, такого множества всяческих ухищрений для получения той или иной выгоды... я никогда еще не видел и молю бога, чтобы никогда не быть свидетелем подобного и впредь». Все это не могло не вызвать возмущения среди солдат Вашингтона, получавших известия о том, как тяжко приходится их семьям. А в имущих верхах росло число тех, кто явно тяготился затянувшейся войной, с опаской поглядывал на вооруженные массы, среди которых бурлило глухое недовольство богачами и спекулянтами. Участились разговоры об опасности «господства черни», о том, что, быть может, еще не поздно найти приемлемое соглашение с англичанами.

Арнольд, бывший военным губернатором Пенсильвании, насмерть разругался с властями — исполнительным советом штата (а до этого штатов Коннектикут и Массачусетс). Местные политиканы не без основания обвиняли генерала в нечистоплотных коммерческих сделках, в частности в том, что он использовал для личного обогащения армейские подводы. Генерал считал, что ему помешали вести выгодные торговые операции. Арнольд подал в отставку, — его не удерживали. Разбором дела занялся Континентальный конгресс. По вынесенному им решению Арнольду было выражено лишь «неудовольствие» конгресса. Главнокомандующий войсками колонистов генерал Вашингтон учредил военно-полевой суд для рассмотрения обвинений Арнольда в совершении воинских преступлений. В январе 1780 г. суд признал Арнольда виновным в «неблагоразумных действиях» и присудил его к общественному выговору со стороны Вашингтона. Главнокомандующий объявил этот выговор в достаточно мягких тонах и закончил его выражением уверенности, что Арнольд снова проявит таланты командира на поле сражения, для чего ему будет предоставлена возможность, и опять завоюет уважение своей родной страны. Арнольд нисколько не был смягчен этими словами, тем более что конгресс отказался выплатить следуемое ему жалованье за прошлые годы, а настойчивость кредиторов быстро возрастала.

В оккупированном Нью-Йорке, где располагался штаб британского главнокомандующего генерала Клинтона, внимательно наблюдали за «делом Арнольда». Сэр Генри Клинтон даже регулярно сообщал о нем в Лондон. 17 февраля 1780 г. нью-йоркская «Королевская газета» посвятила большую статью тому, как конгресс обошелся с раненым героем: «Генерала Арнольда до сих пор сравнивали с Ганнибалом, но, когда он лишился ноги на службе конгресса, тот счел

генерала неспособным к дальнейшему проявлению его военных дарований и отдал на растерзание исполнительного совета Пенсильвании».

В обстановке, сложившейся в 1780 г., Клинтон не мог ожидать подкреплений из Англии, которая вела войну против нескольких сильных противников; тем больше надежд сэр Генри возлагал на свою секретную службу. А что могло быть лучше, чем привлечь на английскую сторону одного из наиболее известных американских генералов. Пока тучный, брюзгливый Клинтон еще только размышлял об этом, его 27-летний энергичный начальник разведки майор Андре уже составил план действий. Молодой майор был светским человеком, считался дамским угодником и имел склонность к постановке любительских спектаклей. В месяцы, когда английские войска занимали временную столицу колонистов — Филадельфию, Андре познакомился с красивой актрисой Пегги Шиппен, на которой вскоре после того женился рано овдовевший генерал Арнольд. Майор продолжал поддерживать переписку с новой миссис Арнольд, — это был один из возможных способов установления контактов с отставным генералом. Можно было для этой же цели использовать многочисленных британских шпионов, вроде Метквлфа Браулера — спикера законодательного собрания штата Род-Айленд и священника Даниэля Хаттвела (прихожане, позднее узнавшие о таком совмещении обязанностей их духовным пастырем, весьма неделикатно бросили его в реку). Имелись опытные курьеры и «почтовые ящики», вроде Филиппа Скина и Биверли Робинзона. Впрочем, если Андре опередил в своих действиях приказы Клинтона, Арнольд успел опередить самого майора.

В Филадельфии на Фронт-стрит имелся небольшой магазин стеклянных и фарфоровых изделий, принадлежавший некоему Джону Стенсбери. Не было секретом, что этот купец был тори — сторонником подчинения бывшей метрополии. Но Арнольд знал больше — лавочник являлся одним из британских резидентов в городе. Арнольд, разумеется, под строжайшим секретом сообщил Стенсбери о своем намерении перейти на сторону англичан. Для передачи этого сообщения Стенсбери тайно отправился в Нью-Йорк и поспешил передать Андре важную новость. Обрадованный майор сразу же положительно ответил на вопросы Арнольда, — да, англичане собираются воевать до победного конца и готовы щедро вознаградить тех лиц, которые окажут им важные услуги, — вознаградить за потери, которые понесут эти люди ради службы британской короне. Что же касается лично Арнольда, ему целесообразнее пока внешне оставаться в лагере колонистов и снабжать британское командование нужной информацией. Стенсбери привез и перечень того, что особенно интересовало штаб Клинтона: кого из влиятельных политиков можно перетянуть на сторону англичан, содержание дипломатической корреспонденции конгресса, дислокация армии, подготовка резервов, возможные пути и

способы нанесения ударов аиглийскими войсками, местонахождение военных складов и многое другое. Переписку с Андре было решено вести через Стенсбери. Письма предполагалось писать невидимыми чернилами и шифровать, причем ключом к коду должно было служить знаменитое сочинение английского юриста Блекстона «Комментарии к законам Англии». Первая цифра означала страницу, вторая — строку и, наконец, третья — слово в этой строке.

Одновременно было решено, что Андре будет продолжать внешне вполне невинную переписку с Пегги Арнольд, в которую можно было, как бы невзначай, включить нужные указания и информацию. По совету британского разведчика в «почтовый ящик» была превращена ничего не подозревавшая подруга миссис Арнольд некая Пегги Чью. Пегги Арнольд и Андре посылали письма на адрес Пегги Чью, в та уже отправляла по назначению эти, как она считала, послания двух романтических влюбленных. Позднее, наряду с Стенсбери, майор Андре стал использовать и других курьеров, когда нужно было спешно получить информацию от Арнольда. В ответ шли обещания удовлетворить честолюбивые планы и растущие денежные притязания генерала, особенно если бы ему удалось перейти к англичанам, уведя с собой значительный отряд солдат. Шифрованная переписка все время содержала переговоры о размерах финансовой компенсации за предательство.

Войдя во вкус продажи государственных секретов, Арнольд все время мучился сознанием, что может продешевить. Возникала у него и мысль, является ли сэр Генри Клинтон наиболее выгодным и щедрым клиентом, не стоит ли поискать другого, не порывая связи и с первым? Обуреваемый алчностью, Арнольд предложил свои услуги — в обмен на уплату долгов — не кому иному, как посланнику Франции — главного противника Великобритании, однако натолкнулся на вежливый отказ. У Франции — союзника Америки не было особой нужды покупать втридорога сведения, которыми мог располагать отставной генерал.

Теперь решение Арнольдом было принято — постараться получить важный командный пост и после этого склонить на сторону англичан вверенные ему войска. Вашингтон согласился снова принять на службу Арнольда, хотя был очень удивлен его просьбой о назначении комендантом Вест-Пойнта — важного укрепления, где были сосредоточены крупные интендантские склады. Ведь этот пост давал мало надежды отличиться в бою и восстановить репутацию, к чему, как предполагал Вашингтон, стремился Арнольд. Но у того, как мы зивем, были совсем другие планы.

3 августа 1780 г. зачисленный снова в ряды армии генерал-майор Арнольд был назначен комендантом Вест-Пойнта. Он поспешил потребовать жалованье — в том числе за прошлые годы — и одновре-

менно тайно известил Клинтона, что готов продать Вест-Пойнт за 20 тыс. ф. ст. Правда, осуществить такую крупную «негоциацию» сразу было нельзя, требовалась подготовка. Поэтому вначале Арнольд решил поторговать другими товарами. Он попросил командира французских волонтеров генерала Лафайета и своего предшественника по Вест-Пойнту генерала Гоу сообщить ему имена американских разведчиков, действующих в тылу англичан. Лафайет и Гоу благоразумно отказались удовлетворить эту просьбу. Все же Арнольд раздобыл список шпионов-двойников и отослал его Андре. Переписка, однако, была пока налажена скверно. Нетерпеливому и раздражительному Арнольду приходилось самому изыскивать курьеров и подолгу тщетно дожидаться ответа. Наконец, в сентябре майор Андре решил самолично явиться для окончательных переговоров с комендантом Вест-Пойнта.

...Письмо Арнольда не могло вызвать никакого подозрения у майора Толмеджа, но только до тех пор, пока он не получил донесение Таунсенда из Нью-Йорка. По какой-то случайности начальник разведки вскрыл этот пакет прежде, чем нести его главнокомандующему. Толмеджа поразило, что во второй раз на протяжении часа ему приходилось читать о том же Джоне Андерсоне, который, оказывается, был не кем иным, как английским майором Джоном Андре — начальником британской секретной службы в Америке. Само собой разумеется, возникал вопрос: зачем понадобилось британскому офицеру под вымышленным именем отправляться к командиру Вест-Пойнта, а генералу Арнольду проявлять такую озабоченность о безопасности этого тайного агента английского командования? Толмедж приказал задержать и допросить Андерсона.

Но майор Андре избрал другую дорогу. Он не очень доверял Арнольду и вообще был недоволен порученной ему миссией. Поэтому он не отправился сушей, как это советовал командир Вест-Пойнта, а добрался до места назначения по реке Гудзон на британском шлюпе «Хищник».

Переговоры майора с заломившим чрезмерную цену предателем продолжались до утра, когда их беседу прервала артиллерийская канонада: американская батарея стала обстреливать обнаруженный утром английский корабль, который должен был спешно убраться.

Посланцу генерала Клинтона пришлось переодеться в гражданское платье и вместе с проводником, которого ему предоставил Арнольд, двинуться по суше в обратный путь. За несколько миль от расположения английских войск проводник отказался идти дальше.

Андре пошел один и вскоре очутился среди солдат, одетых в британские мундиры. Он на всякий случай спросил, кто они. Последовала короткая пауза, после чего один из солдат сказал, что они из английского военного лагеря. Майор тогда сразу же объяснил, что он

английский офицер из штаба генерала Клинтона. Его подлинная фамилия выгравирована на задней стенке его часов, а путешествует он под именем Джона Андерсона, причем паспорт на это имя был ему выдан генералом мятежников по фамилии Арнольд. Начальник небольшой группы английских солдат внимательно выслушал объяснения Андре, и, когда он для подтверждения своих слов показал часы со своей фамилией.., его немедля арестовали. Андре наткнулся на американских ополченцев, которые нашли британские мундиры на ферме, поспешно покинутой противииком. Быстро сообразив, что произошло, Андре попытался переиграть игру. Он со смехом объявил, что является американским офицером, и старался проверить бдительность солдат, а часы он просто взял с трупа убитого англичанина. Однако воины революционной армии оказались более сообразительными, чем считал английский майор. Они обыскали своего пленника и нашли обличающие документы, которые Андре запрятал в сапоги. Тщетной оказалась и попытка майора подкупить солдат крупной денежной суммой. Они доставили его к своему начальнику подполковнику Джемсону.

В то же утро генерал Арнольд и его жена принимали за завтраком штабных офицеров. Вскоре должен был приехать и сам главнокомандующий. Неожиданно принесли пакет: подполковнпк Джемсон не был в курсе планов Толмеджа и послал курьера информировать генерала Арнольда об аресте Андерсона. Арнольд извинился перед присутствовавшими и покинул их на минуту, попросив жену следовать за ним. Сообщив ей, как обстоят дела, и более не обращая внимания на упавшую в обморок женщину, он сел на коня и вскоре уже был в расположении английских войск.

После бегства Арнольд прислал письмо Вашингтону, где всячески восхвалял свое предательство как служение высшим интересам британской империи и требовал предоставления его жене, якобы ничего не знавшей о его делах, возможности последовать за мужем. Много позднее изучение английских архивов доказало, что Вашингтон и его штаб ошибались, поверив в невиновность миссис Арнольд. Она была вполне в курсе всех изменнических переговоров, которые ее муж вел с англичанами. И истерические припадки, которые должны были свидетельствовать об испытанном ею потрясении, возможно, были лишь хорошо разыгранной комедией.

Арнольд получил чин английского генерала и «отличился» потом жестокими расправами с мирным населением. В качестве возмещения понесенных им имущественных потерь английское правительство выдало ему несколько тысяч фунтов стерлингов, которые послужили основой для его выгодных торговых операций. Умер он в 1801 г. в Лондоне богатым человеком, заслужив презрение и ненависть народа, которому он изменил.

Напрасно англичане уверяли, что майор Андре явился по приглашению американского командования в лице генерала Арнольда и поэтому в соответствии с международным правом его следует рассматривать как парламентера и немедленно отпустить на свободу. Все попытки генерала Клинтона спасти своего начальника разведки оказались тщетными, и Андре был по приговору суда повешен в октябре 1780 г.

Однако самый опасный для американских колонистов шпион действовал за тысячи километров от территории, где происходили военные действия...

ДВАЖДЫ ОПЛАЧЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ ДОКТОРА БАНКРОФТА

Еще во время своих визитов в Лондон для улаживания дел с д'Эоном Бомарше занялся шпионажем, посылая в Версаль подробные отчеты об английских планах в отношении бурливших от недовольства и вскоре открыто восставших британских колоний в Северной Америке. Бомарше, ранее находясь в Испании, подружился с британским послом в Мадриде лордом Рочфордом, который был страстным меломаном и обожал распевать дуэты со своим всегда любезным и занимательным приятелем-французом. Вернувшись в Лондон, Рочфорд вплоть до конца 1775 г. занимал пост министра, ведавшего американскими делами, да и после этого, оставаясь приближенным короля Георга III, был в курсе всех намерений и действий британского кабинета. Если меломания была еще извинительной слабостью для дипломата, то этого никак нельзя сказать о другой слабости Рочфорда — чрезмерной говорливости, которая позволяла Бомарше без труда выуживать у него секреты британской политики. Одновременно Бомарше завязал связи с агентами колонистов в Лондоне, которые с помощью оппозиционных кругов в самой Великобритании пытались закупить и переправить за океан оружие, столь нужное американским революционерам.

Бомарше с категоричностью, делавшей честь его проницательности, сообщал в Версаль, что попытки Лондона достичь компромисса с колонистами окончатся неудачей, что конфликт неизбежен и что попытки подчинить силой восставших окончатся неудачей. Эти выводы, содержавшиеся в меморандумах, посланных Бомарше 21 сентября 1775 г. Людовику XVI и министру иностранных дел графу Верженну, несомненно оказали влияние на политику версальского двора.

Именно с того времени Верженн стал оказывать денежную н всяческую другую помощь нескольким купцам в Наите, которые должны былн доставлять контрабандным путем оружне в брнтанскне колоиии.

Первоначально эта тайная торговля не приобрела больших размеров, пока за нее не взялся Бомарше. Для этого Верженну при помощи Бомарше надо было рассеять опасения Людовика XVI. Мечтая взять реваиш за пораженне в Семнлетней войне, в результате которого Франция уступила Англни свою колоннию Канаду и большинство владений в Индии, Людовик, вместе с тем, боялся войны. Тем более иеприятиой для него была мысль о войне в поддержку американских колонистов, восставших против своего монарха, помазанника божьего. Правда, испанский король (тоже из династни Бурбонов, которая правнла там с 1700 г.) Карл III предлагал своему племяннику Людовику XVI совместное выступление против общего врага, но и это не покончнло с колебаннями недалекого и боязливого французского монарха. Верженн н Бомарше пытались сломить нерешительность Людовнка XVI, подчеркивая, что Франция упустнт счастливую возможность отомстнть Англни, что Лондон может пойти на уступкн колонистам, помирнться с нимн и с их помощью захватнть богатые французскне владения в Карибском бассейне, являвшнеся тогда одннм из главных пронзводителей сахара. Но н это не переубедило короля, как и не сняло возраження министра финаисов Тюрго, угрожавшего, что война может привестн к полному экоиомнческому банкротству. Поэтому Вержеин предложнл политнку, которая своднлась к оказанию тайной помощи колоиистам и обещанию в будущем заключнть с ннми военный союз с целью воспрепятствовать их примнреиию с метрополией. План Верженна встретнл полную поддержку Испаннн. И в Парнже, и в Мадриде иадеялись, что затяжная война между Аиглией и восставшнмн колоиями истощнт силы обенх сторон к выгоде фраицузского и испаиского дворов. К тому же к Фраицни перейдет торговля с колоннямн, ранее сосредоточениая в руках Аиглии. Накоиец, можио будет подумать и об отвоевании потеряииых владенйй.

2 мая 1776 г. Людовнк XVI, согласившись с планом Верженна, приказал выделить миллион лнвров для тайной помощи колоннстам и предпнсал продавать для этого по низкой цене лншнее оружне, хранившееся во французских арсеналах. Покупателем выступила фирма «Хорталес н К°», которую возглавлял Бомарше под именем Дюраиа н капитал которой был составлен из ассигноваииого королем миллнона.

Английская разведка просмотрела иовый этап, в который вступнла французская политнка поддержки колоннстов. 1 мая, за день до подпнсания Людовнком XVI прнказа о предоставлении для тайной помощи колонистам миллноиа ливров, из Парнжа было отправлено

донесение на имя лорда Уэймауса — преемника лорда Рочфорда на посту министра — относительно подозрительных вояжей французского писателя Бомарше в Лондон. За предшествовавшие 18 месяцев он совершил восемь поездок в Великобританию. По мнению английского агента, Бомарше посещал Англию, чтобы добыть деньги для закупки оружия, которое собирался переправить колонистам. Эта информация могла только запутать английское правительство относительно планов версальского двора.

Получив деньги и королевское разрешение, Бомарше начал действовать с присущей ему энергией, которая преодолевала даже инертность и некомпетентность французской бюрократии. Переписываясь с американским делегатом Артуром Ли, Бомарше ни единым словом не упоминал, что фирма получила деньги из правительственных фондов. Предполагалось, что в обмен на оружие «Хорталес и К°» будет поставлена крупная партия американского табака.

В начале июля 1776 г. в Париж прибыл представитель колонистов Сайлес Дин — сын кузнеца, в прошлом школьный учитель, а позднее делец, преуспевший в торговых операциях. 4 июля Второй континентальный конгресс провозгласил независимость колоний, но эта новость вследствие медлительности тогдашних сообщений и британской блокады достигла Дина лишь через три месяца. Дин изображал богатого купца с Бермудских островов, впрочем, не очень искусно играя взятую роль. Верженн некоторое время колебался, принимать ли Дина, — дело в том, что английская разведка заранее узнала об его прибытии и британский посол в Париже лорд Стормонт выразил протест Верженну. Решившись все же принять Дина, Верженн предложил дальнейшие переговоры вести через первого секретаря французского министерства иностранных дел Жерара де Райневаля. При этом и Жерар предпочитал письменно договариваться только о дате и месте очередной встречи и не рисковал подписывать свои записки Дину. А Верженн еще при первом свидании специально предостерегал американца против британских шпионов и советовал остерегаться всех англичан, находившихся во Франции.

По всей вероятности, даже сам многоопытный французский министр не подозревал, насколько своевременным было его предупреждение. Вскоре Сайлес Дин узнал, что вслед за ним, когда он ехал из Бордо в Париж, двигались двое джентльменов — сэр Ганс Стенли и сэр Чарлз Дженнинсон — английские разведчики, которым было поручено следить за действиями представителя колонистов во Франции. Дин поспешил сменить имя и гостиницу, в которой проживал в Париже. Еще через некоторое время Дин известил, что для наблюдения за ним прибыли из Лондона очень важные персоны — генеральный прокурор Уэддерберн и бывший министр лорд Рочфорд, не говоря уже о мелких агентах. «Все кафе, театры и другие общественные мес-

та кишат их эмиссарами»,— писал на родину встревоженный Дин. Однако более опасным, чем все эти агенты, оказался человек, которому Дин по рекомендации своих американских друзей и советников считал нужным оказывать полное доверие, которого не заподозрили никто — ни Верженн, ни посол колоний — известный ученый Бенджамин Франклин, ни Джон Адамс и Томас Джефферсон, оба впоследствии ставшие последовательно президентами Соединенных Штатов. Его заподозрил только Артур Ли, но тот настолько впал в шпиономанию, что его подозрения стоили очень мало. Истина вскрылась лишь более полувека спустя... Но об этом речь пойдет в дальнейшем, а пока вернемся к лету 1776 года.

Бомарше поспешил связаться с Сайлесом Дином. Верженн, намекнув американцу, что он может целиком полагаться на Бомарше, долгое время делал вид, что ему ничего не известно о деятельности фирмы «Хорталес и К°», которая заняла спешно отремонтированное здание «Отель де Голланд», где некогда размещался нидерландский посол. Если Дин и был новичком, путавшимся в сложных сплетениях европейской политики, то в вопросах торговли он оказался искушенным человеком. Где же видано, писал он в Америку, чтобы человек, который, подобно Бомарше, еще несколько месяцев назад скрывался от кредиторов, теперь ворочал огромными суммами. Это столь «необычный факт, что он перестает быть тайной», добавлял практичный американец.

К тому времени французское правительство ассигновало для тайной помощи американским колонистам уже два миллиона, миллион был ими получен от Испании и такая же сумма в виде кредитов от частных лиц — судовладельцев и купцов. Позднее последовали и новые миллионы из французской казны. За короткий срок, к октябрю 1776 г., в Марсель, Бордо, Нант и другие французские порты было доставлено обмундирование на 30 тыс. человек, 200 артиллерийских орудий, много тысяч ружей, большие запасы пороха и пушечных ядер и других видов военного снаряжения. Были зафрахтованы восемь кораблей, благополучно, правда после длительных проволочек, доставившие это снаряжение колонистам. Только один из кораблей этого флота был перехвачен англичанами и то после выгрузки части товаров на острове Мартиника. Задержки были вызваны помимо разных бюрократических неурядиц резкими протестами лорда Стормонта. Дин пытался побудить к посылке кораблей в колонии и другие купеческие фирмы во Франции, Голландии и Германии, однако со значительно меньшим успехом. Колонисты терпели в первый период войны одно поражение за другим, и среди негоциантов находилось мало охотников рисковать своими капиталами в столь неверном деле. Постепенно положение изменилось. В 1777 г. уже более ста французских кораблей участвовало в контрабандной доставке оружия коло-

нистами. За годы войны «Хорталес и К°» предоставила Америке товаров на сумму 42 млн. ливров, большая часть которых осталась неоплаченной.

Дину приходилось принимать все решения самостоятельно. С Артуром Ли его разделяло личное соперничество, а связи с родиной были очень затруднены. Каждое письмо отправлялось в трех экземплярах на разных кораблях, в надежде, что хотя бы одно достигнет цели. По дороге большая часть этих писем перехватывалась британскими шпионами или спешно выбрасывалась в море капитанами при приближении английских военных кораблей.

В декабре 1776 г. в Париж прибыл полномочный представитель колоний доктор Бенджамин Франклин, который принял на себя общее руководство действиями молодой американской дипломатии в Европе. Ученый с мировым именем, представлявший страну, которая поднялась на освободительную войну, Франклин был восторженно встречен во Франции, которая сама находилась в преддверии своей великой революции. Франклин умело использовал общественные симпатии, которые он стремился укреплять, печатая свои (разумеется, не подписанные) брошюры в защиту дела колонистов. Поддержка общественности была тем более нужна Франклину, что военные неудачи армии Вашингтона очень охладили Верженна. В Мадриде первым министром вместо дружественно настроенного Гримальди стал граф Флоридабланка, который не скрывал опасений, что новое американское государство, отстояв свою независимость, будет представлять опасность для испанских владений в Западном полушарии.

Однако, умело используя благоприятное отношение общественного мнения, что было очень необычно для той эпохи, Франклин вместе с тем должен был волей-неволей сосредоточить внимание на секретной дипломатии. А тайная дипломатия переплеталась с тайной войной в значительно большей степени, чем это предполагал сам Франклин.

В то время как Сайлес Дин продолжал жить в гостиницах и вел свои якобы частные операции с «Хорталес и К°» и другими торговыми фирмами, в распоряжение Франклина в марте 1777 г. было предоставлено уютное здание, ставшее неофициальным американским посольством. А пост генерального секретаря этой небольшой миссии любезно принял на себя старый друг и ученик Франклина доктор Эдуард Банкрофт. Выходец из колонии Массачусетс, он давно уже поселился в Лондоне. В ученых кругах английской столицы весьма ценили Банкрофта не только как врача, но и как ботаника — знатока тропических растений, специалиста по естественным красителям. По инициативе доктора Франклина в 1773 г. Банкрофт был избран в Королевское общество — честь, которая редко оказывалась уроженцам колоний. Банкрофт занимал еще и другие почетные и выгодные на-

учные посты. И тем более было похвально, что приобретенная известность не заставила его забыть интересы родины — он выступил с памфлетами, в которых горячо отстаивал дело колонистов. Так или примерно так рисовался облик Банкрофта и для публики, и даже для хорошо знакомого с ним Франклина, который не часто ошибался в своих оценках людей. Мог ли Франклин предполагать, что памфлеты в защиту американской революции выходили из-под пера платного агента английской разведки? Банкрофт играл на бирже, и 1000 ф. ст., которые ежегодно уплачивала ему британская секретная служба, были очень нужны для его финансовых спекуляций. По сравнению с этими деловыми соображениями такие понятия, как верность родине или друзьям, были для доктора Банкрофта совсем несерьезными факторами. Правда, он порой не был чужд и благородных порывов, оказывая своим знакомым землякам личные услуги, которые как будто прямо не диктовались интересами английской разведки. Впрочем, действительно ли не диктовались? Ведь такие поступки поддерживали общее представление о Банкрофте как об испытанном человеке, на искренний патриотизм, бескорыстную преданность и помощь которого всегда можно рассчитывать в затруднительных случаях.

Когда Сайлес Дин направился в Европу, Франклин и другие руководители колонистов очень рекомендовали ему использовать помощь влиятельного и верного доктора Банкрофта. Едва прибыв в Бордо, Дин поспешил воспользоваться этим советом, написав длинное письмо Банкрофту. Достойный патриот ответил в самых теплых выражениях и действительно с тех пор не оставлял неопытного Дина своими заботами. Рекомендации Банкрофта представляли, по мнению Дина, такую ценность, что он по просьбе доктора добился оплаты этих консультаций американским казначейством. Доктор впоследствии не раз шумно досадовал, что выплата ему американским конгрессом компенсации за труд и опасности производилась далеко не регулярно. Надо признаться, что эти жалобы были не вполне основательными, если учесть, что сразу же после получения первого письма Дина Банкрофт настрочил о нем подробный отчет английской разведке, при этом потребовав и добившись солидного увеличения установленного ему оклада. Банкрофт просил Дина подробнейшим образом держать его в курсе всех действий, которые предпринимал американский представитель во Франции. В свою очередь, доктор сообщил Дину информацию о передвижении английского флота и планах правительства, исходившей из самых осведомленных кругов Лондона. Конечно, известия, посылавшиеся Банкрофтом, обычно успевали порядком устареть и иногда содержали неверные сведения, но как обойтись без этого, когда с риском для жизни добываешь столь секретные данные? Все эти сведения Банкрофт переправлял Дину через французского поверенного в делах в Лондоне Гарнье, друга Франклина, так что с

информацией Банкрофта могли уже совсем бесплатно знакомиться и в Версале, где очень ценили рвение и осведомленность почтенного ученого.

И вот теперь этот бесценный человек в Париже. Ему пришлось покинуть Лондон из-за преследований со стороны британских властей. Доктор некоторое время даже провел в английской тюрьме. Этот маскарад был частью тщательно продуманного плана английской секретной службы. В задачу Банкрофта вменялось подробно извещать своих нанимателей о ходе переговоров между Франклином и версальским двором, о французской помощи колонистам, об американских портах, о позиции Испании, об американских представителях в Вест-Индских колониях Франции и многих других подобных вопросах. Легко понять, какую ценность представляла такая информация для Лондона, стремившегося помешать заключению франко-американского союзного договора, и для британского адмиралтейства, старавшегося не допустить переброску оружия колонистам и уничтожить американские каперы, нарушавшие английское торговое судоходство. Мистер Уильям Иден осведомил Банкрофта, что он готов получать копии всех сколько-нибудь важных документов, хотя все же предпочтительнее было иметь оригиналы.

Связь с Банкрофтом было поручено поддерживать другому крупному английскому разведчику — Полу Уэнтворту. Подобно доктору, выходец из колоний, родственник губернатора Уэнтворта, этот ловкий делец был именно тем лицом, которое привлекло Банкрофта на службу в британскую разведку. Роднила Уэнтворта с Банкрофтом и страсть к игре на бирже. Те 500 ф. ст., которые ему платили, сама по себе весьма солидная сумма, мало значили для богатого Уэнтворта. Он предоставил свои недюжинные способности и бесспорную находчивость в распоряжение Идена в обмен на обещание места в английском парламенте и особенно получение громкого дворянского титула. Иден вряд ли сообщил Уэнтворту, что ханжески благочестивый Георг III, от которого зависело такое пожалование, хотя и восхищался размахом работы, проделанной американцем, самого его считал спекулянтом и развратником.

Уэнтворт часто приезжал в Париж, изображая богатого прожигателя жизни, и получал от Банкрофта устные отчеты. Для конспирации даже при тайных встречах Банкрофта с Уэнтвортом и лордом Стормонтом собеседники именовали доктора Эдуардом Эдвардсом. Кроме того, еженедельно Банкрофт составлял письменное донесение. Оно наносилось на бумагу невидимыми чернилами, а между строк обычными чернилами писалось любовное письмо некоему «Ричардсону». После этого Банкрофт относил свою депешу в сад Тюильри и незаметно спускал на веревке на дно глубокого дупла букового дерева. Каждую неделю во вторник вечером у дерева появлялся агент

британского посла, брал донесение и оставлял взамен очередные инструкции «мистеру Эдвардсу».

Отчеты Банкрофта относительно хода франко-американских переговоров позволяли лорду Стормонту выражать очень убедительные протесты. Они нервировали Верженна, но не очень путали планы Франклина. Быть может, даже наоборот — ведь его задачей как раз было привести возможно скорее к открытому конфликту между Лондоном и Парижем и выступлению Франции на стороне восставших колоний. Иначе обстояло дело с информацией, поставлявшейся Банкрофтом о планах американских каперов, — она являлась прямой помощью английскому адмиралтейству. Надо учитывать, что с помощью рейдов каперов из французских гаваней Франклин и Дин рассчитывали не только усилить оппозиционные настроения в Англии против войны, но и способствовать достижению главной цели — разрыву между Францией и Великобританией.

Протесты лорда Стормонта, опиравшегося на информацию Банкрофта, конечно, в известной степени связывали руки Верженну в оказании помощи колонистам, но мало способствовали улучшению англо-французских отношений. На пользу колонистам играли объективные факторы, оказывавшиеся неизменно более весомыми, чем усилия агентов Уильяма Идена. Не помогла даже установленная английской разведкой слежка за капитанами каперских судов.

Один из них, Джо Хайнсон, прибыл с секретным поручением в Лондон. Людей было мало, и выбор в этом случае пал на человека, являвшегося чем-то средним между шекспировским Фальстафом и традиционной фигурой любящего приврать старого морского волка. Недалекий, самовлюбленный хвастун проболтался своей домохозяйке о данном ему поручении, а та решила посоветоваться о доверенной ей тайне со своим духовным пастырем. Почтенная вдова Элизабет Джамп не подозревала, что этот молодой священник Вардилл родом из Нью-Йорка был доверенным агентом Идена, продавшись за 200 ф. ст. в год и обещание предоставить ему кафедру теологии в Королевском колледже (впоследствии Колумбийском университете). Однако если миссис Джамп не ведала о второй профессии Вардилла, то тот совсем не случайно взял вдову под свою духовную опеку. В гостинице Элизабет Джамп часто останавливались американские моряки, а будущему профессору была поручена слежка именно за этим беспокойным людом. Вардилл встретился с Хайнсоном и угрозой суда и виселицы, с одной стороны, и обещанием небольшой пожизненной пенсии — с другой, сумел склонить капитана к измене. Своим приятелям Хайнсон сообщил, что Вардилл пытался побудить его к предательству, но он отверг все угрозы и предложения. По заданию Вардилла Хайнсон должен был выполнить возложенную на него колонистами миссию — купить в Англии шхуну, которую можно было бы

использовать для пересылки корреспонденции в Америку. Таким образом английская разведка надеялась заполучить оригиналы отчетов, которые Франклин собирался направить на родину. Предполагалось даже, что подобную операцию можно будет повторить не раз — заранее извещенное британское военное судно перехватывало бы корабль Хайнсона, конфисковывало бы документы, а сам капитан мог «вырываться из английского плена» и снова являться в Париж. В конце концов, этот план рухнул из-за чистой случайности, — Франклин решил использовать Хайнсона для других заданий, и семь британских кораблей тщетно поджидали встречи со шхуной под командой нового английского агента. Разгневанный Георг III писал Идену: «Я всегда сомневался, можно ли хоть в какой-то мере доверять Хайнсону. Теперь я пришел к твердому убеждению, что он, как и любой другой шпион из Северной Америки, действует по наущению Дина и Франклина и сообщает информацию только для обмана». Иден не стал разубеждать короля, но сам придерживался совсем другого мнения. Посовещавшись с Уэнтвортом, он пришел к выводу, что Хайнсона можно будет еще использовать для большой игры. Фактический глава британской разведки задумал завербовать самого Сайлеса Дина и его деятельного помощника Уильяма Кармайкла. Хайнсону было поручено играть роль американского патриота, стремящегося к прекращению братоубийственной войны, и докладывать дважды в неделю об успехах секретарю лорда Стормонта. Попытки Хайнсона выступать в качестве посредника между сражавшимися сторонами вызвали лишь веселые насмешки у его приятелей — капитанов. Стормонт должен был сообщить в Лондон, что Хайнсон не пользуется доверием Франклина и Дина и поэтому мало что знает полезного.

Эта пессимистическая оценка не вполне оправдалась. Через некоторое время, в октябре 1777 г., Хайнсон встретил в Нанте капитана Фолджера, которому было поручено доставить секретные документы в колонии. Хайнсон, как только Фолджер отлучился на четверть часа, умело вскрыл его морской сундук и похитил переписку Франклина и Дина с французским правительством, а взамен засунул чистую бумагу. Фолджер обнаружил пропажу, только прибыв в Америку, и был посажен в тюрьму, где просидел три месяца, пока была установлена его невиновность. Хайнсон, похитив бумаги, поспешил в Лондон, и уже 20 октября Иден переслал выкраденные документы королю, добавив, что надо будет еще раз попытаться использовать отличившегося агента, пока его не раскроют. «Он честный мерзавец, — добавлял Иден, — и не дурак, хотя с виду кажется тупицей». Впрочем, Дин еще не знал о краже бумаг, но, получив известие о поездке Хайнсона в Лондон, заподозрил неладное. Вопреки надеждам Идена использовать Хайнсона более не удалось. Когда он вернулся в Париж, с

ним почти никто не захотел иметь дела, хотя даже много позднее, уже после получения известия о краже бумаг у Фолджера, не было неопровержимых доказательств виновности капитана. Убедившись, что в Париже Хайнсон не может принести пользы, британская разведка отправила его на военный корабль «Кентавр», охотившийся за американскими торговыми судами. Какими-то путями Хайнсон раздобыл сведения о выходе в море одного такого судна, груженного оружием для колоний, и оно было захвачено англичанами.

Хотя Хайнсон еще ранее был забракован как лицо, которому можно было бы поручить завербовать Сайлеса Дина и его помощника Кармайкла, сам этот план не был отставлен. Кармайкл упоминает в своих письмах, что его пытался подкупить какой-то английский агент, предлагая выступить сторонником компромиссного мира между колониями и метрополией. Этим агентом вряд ли мог быть Банкрофт — он рисковал быть разоблаченным,— хотя доктор усиленно ездил с Кармайклом в оперу, на маскарады, всячески втягивал в омут светских развлечений. К Сайлесу Дину был приставлен английской разведкой некий Ван Зандт, сын богатого торговца из Мэриленда, давнего знакомого американского уполномоченного. Находясь в Лондоне, избалованный купеческий сынок неожиданно перестал из-за превратностей военного времени получать денежные переводы от отца и стал легкой добычей сладкоголосого вербовщика — уже знакомого нам священника Вардилла. Правда, как раз в это время пришли, наконец, долгожданные отцовские деньги в Амстердам, однако Уильям Иден распорядился, чтобы молодой повеса так и не узнал об этой посылке и считал себя целиком зависящим от жалованья, которое ему выплачивала британская разведка. Принятый первоначально хорошо Дином, новый шпион под именем Джорджа Лаптона регулярно снабжал Лондон не только сплетнями, которые слышал за обеденным столом, но и обрывками сведений об американских каперах, некоторые из них в результате попали в руки англичан. Как подобает истинному сыну негоцианта, Лаптон разбавлял подлинную информацию отдельными выдуманными деталями или просто пересылал в Лондон продукты самой чистой фантазии. В конце концов он вызвал подозрение Дина. В страхе перед разоблачением и спасаясь от кредиторов, Ван Зандт поспешил удрать из Парижа.

Английским шпионом был и секретарь Артура Ли майор Джон Торнтон. Он вначале вкрался в доверие к Франклину, представившись благотворителем, пекущимся о быте американских военнопленных в английских тюрьмах. При этом Торнтон уверил, что знаком с премьер-министром лордом Нортом и может добывать важные военные секреты. Через Торнтона британская разведка подбросила Ли поддельные оперативные планы английского командования на 1777 г., прямо противоположные действительным планам. Эта фальшивка была в фев-

рале спешно отправлена Артуром Ли за океан и способствовала многим успешным действиям английских войск. Ли послал Торнтона в Портсмут и Плимут разведать состояние английского флота. Торнтон вернулся с сообщением, будто флот находится в полной боевой готовности, что совершенно не соответствовало действительности и, возможно, было одной из причин, побудивших французское командование, после начала войны с Англией, отказаться от намерения атаковать британские эскадры. Убедившись, что Торнтон вовлечен в какие-то сомнительные, неугодные Ли финансовые операции, американский уполномоченный подыскал нового секретаря священника Форда. Стоит ли говорить, что и он был платным английским шпионом, причем об этом догадывались даже в Вирджинии, где он подвизался до того времени. Конгресс послал Ли специальное предостережение на сей счет. Ли игнорировал предупреждение, а ведомство Идена настолько изучило слабости Артура Ли, что без труда устраивало своих агентов на работу к этому американскому уполномоченному, подозревавшему всех без исключения и обвинявшему всех, кто вызывал его недовольство или задевал и без того уязвленное тщеславие. Британская разведка подбирала людей, которых Ли направлял в Англию для сбора секретной информации и особенно всяких слухов, порочивших Франклина и Дина. К числу таких «агентов» Ли принадлежали английские шпионы братья Томас и Джордж Диггеры. Помимо выполнения приказов Идена братья проявляли и собственную инициативу — в краже доверенных им денег, которые предназначались для американских военнопленных. Близким лицом к Артуру Ли оказался еще один английский шпион — его бывший школьный товарищ доктор Джон Беркенхаут. Еще накануне военных действий против повстанцев Беркенхаут был послан в составе специальной миссии лорда Карлайля в колонии и занялся подкупом членов конгресса, причем действовал настолько беззастенчиво, что угодил, правда ненадолго, в тюрьму. Хотя личность Беркенхаута не вызывала ни у кого сомнений, Артур Ли продолжал поддерживать тесные связи с этим шпионом.

Летом 1777 г. Ли отправился в Берлин, надеясь добиться поддержки Фридриха II. Английский посол Хью Эллиот подкупил слугу в гостинице, где остановился американец, и получил ключи от номера Ли. Эллиот лично в отсутствие Ли побывал в его комнате, похитил находившиеся там бумаги и поспешил в посольство. Там несколько человек принялись лихорадочно переписывать похищенные документы, а Эллиот тем временем вернулся в гостиницу и, изображая из себя путешественника, сочувствующего делу колонистов, встретил возвратившегося Ли и втянул в длинную двухчасовую беседу. Лишь в 10 часов вечера Ли поднялся к себе в комнату. Вскоре оттуда раздались вопли: «Разбой! Ограбление!». Между тем англичанини поки-

нул отель, наскоро переоделся в посольстве и, прихватив документы, с которых уже были сняты копии, опять появился в гостинице. Он передал бумаги портье, сказав, что они были вручены ему каким-то незнакомцем, который после этого немедля исчез.

Атташе английского посольства Листон, загоняя лошадей, помчался в Гамбург, чтобы оттуда с первым кораблем добраться до Лондона. Подозрения в краже бумаг, естественно, пали на Эллиота. А тот со свойственным ему цинизмом и бесцеремонностью даже не отрицал этого, небрежно объяснив, что, мол, один из его слуг из чрезмерного усердия похитил бумаги, но он, как только узнал об этом, поспешил вернуть их законному владельцу. Даже в Лондоне были несколько смущены поведением Эллиота, хотя вполне оценили его рвение. В конечном счете, буря улеглась, а Эллиот получил от правительства в виде подарка 500 ф. ст.

Эффективность английской разведывательной службы сказывалась на политике континентальных правительств, действовавших исходя из предположения, что они находятся под постоянным наблюдением британских шпионов. Когда Артур Ли отправился переодетым в костюм британского купца из Франции в Испанию, дружески настроенное к колонистам мадридское правительство задержало его на границе: оно уверяло, что не поддерживает никаких связей с «мятежниками», и опасалось, что о прибытии американского уполномоченного немедленно станет известно в Лондоне, а это повлечет нежелательные дипломатические осложнения.

На протяжении почти всего 1777 г. из Америки поступали сообщения об успехах только английских войск, и политика правительства Людовика XVI в отношении колоний приобретала все более нерешительный характер. С одной стороны, правительство не препятствовало расширявшемуся вывозу в колонии оружия, боеприпасов, обмундирования и покупке по дешевке французскими купцами захваченных американскими каперами английских судов. С другой стороны, под давлением протестов лорда Стормонта часть американских капитанов и матросов была арестована. Учитывая, что Франция пыталась не допустить открытого разрыва, британская дипломатия усилила нажим. Параллельно английская секретная служба по приказу Георга III решила прибегнуть к шантажу. Для этой цели был использован английский разведчик в Париже Натаниэль Паркер Форт, который поддерживал дружеские связи с главой французского правительства Морепа. Форт доверительно сообщил своему другу, что Англия, вероятно, в ближайшие дни объявит войну Франции, если версальский двор не примет требований, предъявленных лордом Стормонтом (запрещение приводить захваченные английские суда во французские гавани, выдача находившихся там трех каперских кораблей и т. д.). Встревоженный Морепа поспешил созвать совещание. В ко-

нечном счете, английские требования были отчасти удовлетворены. Блеф удался, если учесть, что Лондон и не думал сам объявлять войну Франции и, напротив, всячески старался ее избежать. Более того, Георг III даже раздражался, когда читал отчеты Уэнтворта, который, ссылаясь на донесения Банкрофта, сообщал о надвигавшейся угрозе войны. Так, вскоре после того, как удалось заставить Париж отступить, Георг писал: «Два письма, полученные от мистера Уэнтворта, несомненно, любопытны. Однако, поскольку Эдвардс (Банкрофт. — *Е. Ч.*) биржевой игрок и к тому же шпион-двойник, в его донесениях нельзя верить ничему, кроме того, что в его личные намерения входит побудить нас считать, что французский двор намерен начать войну. На деле же, безусловно, имеются серьезные основания предполагать, что эта возможность ныне является более отдаленной, чем мы могли предполагать шесть месяцев тому назад». Уэнтворт в этом королевском письме был также удостоен нелестных эпитетов...

Осенью 1777 г. сведения об успехах английской стороны стали приходить реже; наоборот, поступали известия об отдельных неудачах; начало выявляться, что британские планы уничтожения армии колонистов очень далеки от осуществления. В середине ноября Георг III приказал послать Уэнтворта в Париж, чтобы с помощью Банкрофта выяснить, не собирается ли Испания вступить в войну. Уэнтворт прибыл во французскую столицу крайне озлобленным на Банкрофта: они вместе спекулировали на бирже, и доктор не поделился выигрышем со своим компаньоном.

Дело заключалось в том, что Банкрофт, узнав об очередном поражении британской армии, приказал своему лондонскому поверенному играть на понижение английских ценных бумаг. Он, видимо, не учел, что все его письма тщательно просматривались в «черном кабинете», который функционировал под руководством начальника лондонского почтамта Энтони Тодда. Как-то раз Уильям Иден спросил Тодда, умеют ли его подчиненные подделывать письма и ставить фальшивые печати. Почтмейстер с гордостью ответил: возможно, в Англии среди молодежи имеются лучшие подделыватели, чем его ребята, но зато его — самые надежные, ведь он сам обучил их этому ремеслу. Действительно, «черный кабинет» Тодда сумел скопировать переписку Франклина с лидерами вигской оппозиции — лордами Шелборном и Кэмденом, Томасом Уолполом и др. Мы еще познакомимся с тем, как использовала английская разведка эти полезные сведения, а пока что вернемся к тому, что люди Тодда перехватили письмо Банкрофта и Уэнтворт узнал о проделках своего приятеля.

Банкрофта не смутило недовольство Уэнтворта — чего не случается в делах. Игра на бирже требовала новых средств, и доктор решил заставить раскошелиться обе воюющие стороны. Он отправил письмо комитету по иностранным делам американского конгресса с

настоятельным требованием оплаты года беспорочной службы, а от Уэнтворта запросил за информацию о намерениях Испании 500 ф. ст. Уэнтворт отказал. Но ссориться дальше не было расчета, и Банкрофт сообщил: Испания пока еще не согласна вступить в войну на стороне колонистов. Вынужденный даром уступить столь ценные сведения, «Эдвардс», в свою очередь, упрекал Уэнтворта и особенно лорда Стормонта за то, что посол в своих нотах протеста почти буквально повторял содержание бумаг, которые были списаны у Франклина и Дина Банкрофтом и оставлены в дупле букового дерева в саду Тюильри. Это обратило уже внимание и Верженна, и Франклина. Верженн заподозрил, что это дело рук Кармайкла. Банкрофт навел подозрения на секретаря Бомарше, но очень опасался разоблачения, просил заранее британский паспорт на случай бегства и вмешательства английского правительства, если «мистера Эдвардса» арестуют французские власти. На этот раз визит Уэнтворта вызвал полное удовлетворение у Георга III, ведь он привез известие, что нет угрозы немедленного вступления Испании в войну.

Однако через две недели дипломатическая обстановка резко изменилась — в конце ноября 1777 г. в Париж пришла весть о крупной победе колонистов под Саратогой — взятии в плен английской армии под командованием генерала Бургоня. В Версале теперь уверились, что Англии не выиграть войну против восставших колоний. Но Верженн, обрадованный тем, что его политика строилась из верного расчета, вместе с тем начал опасаться, что Англия пойдет на мир, признав независимость колоний, и Франция упустит свой лучший шанс в борьбе против главного соперника. Сразу же последовало обещание Версаля предоставить колонистам дополнительную субсидию в три миллиона ливров и заключить союзный договор, от подписания которого правительство уклонялось целых полтора года. Разумеется, все действия версальского двора через Банкрофта становились немедленно известны в Лондоне.

По указанию премьер-министра Норта в начале декабря Уэнтворт снова отправился в Париж, на этот раз для переговоров с Франклином и Дином. Британский кабинет был теперь готов на любые уступки, кроме признания независимости колоний. Уэнтворт учитывал, что колонисты не подозревают, что он английский шпион, и рассматривают его как бывшего патриота, в начале войны перешедшего в лагерь лоялистов. Он рассчитывал прежде всего получить свежую информацию от Банкрофта, но того не оказалось в Париже — доктор спешно отбыл в Лондон для осуществления очередной биржевой спекуляции. Миссия Уэнтворта оказалась серьезной ошибкой британской дипломатии. Франклин, получив предложения Лондона, три недели уклонялся от встречи с британским эмиссаром. В то же время Франклин известил об этих предложениях Верженна и, усилив опа-

сения французского министра, что примирение колоний и метрополии все же возможно, побудил ускорить заключение франко-американского союзного договора.

В канун рождества в Париж вернулся Банкрофт, — он выиграл на бирже столько денег, что предложил Уэнтворту выплатить английской разведке все полученное от нее жалованье. Банкрофт, чувствуя, что Англия проигрывает войну, стал особенно опасаться разоблачения. Его страхи заразили и Уэнтворта, который начал бояться, что французские агенты, следившие за ним и пытавшиеся взломать его сейф, могут при случае прибегнуть и к удару кинжалом. В панике Уэнтворт сжег находившиеся при нем письма и даже просил уничтожить все его донесения, хранившиеся в ведомстве Уильяма Идена (эта просьба была оставлена без внимания). Он потребовал от Стормонта как-то легализовать его положение, добился приема у Верженна и поспешил убраться восвояси, не рискуя больше появляться в Париже. Вскоре произошло то, чему Георг III отказывался верить до последней минуты, — франко-американский договор стал фактом. И как следствие этого Франция, а вслед за ней Испания вступили в войну против Англии.

Положение Англии стало очень серьезным, шла речь о сохранении ее позиций как колониальной державы. Ведомство лорда Сеффолка и Уильяма Идена начало работать с удвоенной энергией. Как раз в это время английской разведке удалось достигнуть цели, к которой она тщетно стремилась, — привлечь на сторону Англии одного из уполномоченных американского конгресса Сайлеса Дина. Обстоятельства, которые заставили Дина пойти на это отступничество, не ясны. Известно, что Дин насмерть рассорился с Артуром Ли и его братьями, составлявшими влиятельный политический клан. В ноябре 1777 г. они добились принятия конгрессом решения об отзыве Дина, которое стало известным в Париже уже в следующем году. Его преемником был назначен Джон Адамс. Братья Ли публично обвиняли Дина в бесчисленных вымышленных преступлениях, за исключением одного действительного — установления связей с британской разведкой. Это тем более удивительно, что Ли бросал обвинения в шпионаже направо и налево всем, за исключением своих секретарей и помощников, которые действительно почти все без исключения были платными английскими агентами.

Роль змия-искусителя сыграл Уэнтворт (еще до своего отъезда из Парижа). Он намекнул Дину, что тот может получить крупный пост в английской администрации. Не клюнуло. Тогда Уэнтворт, отлично осведомленный Банкрофтом о делах Дина, нащупал другой, более эффективный путь воздействия на американского уполномоченного. Разведчику было известно, что, выполняя поручения конгресса, Дин не прекращал и собственных торговых операций. Вместе с круп-

ным амернквиским иегоциантом Робертом Моррнсом, пользоааашимся большим алиянием в политическнх кругах колонні, Дии задумал создать вторую компанию типа «Хорталес и К°» с целью выаоза из Англии через Фрвицню изделий для населення колоиий, испытывавшего большую иужду в прнвычных британскнх товарах. Ожидвввшееся аступленне Францин в войну протиа Англин помешало осуществлеиию этого плана. Насколько можно судить по сохранившимся документам, Уэнтаорт предложил Днну сделку иа следующнх условнях: создается — частичио иа квзенные средства — Британская торговая компания, которая будет доставлять аиглийскне промышлеиные изделня в Нью-Йорк, заиятый английскнми войсквми, и оттуда продавать либо передавать их лицам, назначенным Дииом и его братьямн, также заннмавшимися крупнымн торгоаыми операциями. Дин вырвзил согласие с этнм планом и готовиость, взамен получаемых услуг, сообщать в Лоидои имевшуюся у иего секретиую информацию. Все это прямо следует из корреспонденции Георга III, лорда Норта и секретаря британского казиачейства, относящейся к январю 1778 г.

В начале февраля Георг III пнсал своему премьер-миннстру, что сведения, поступающие от Беисона (псевдоиим Дина), «очень важны». В марте 1778 г., узиаа об отъезде Дииа иа роднну, король счнтал, что это иадо использовать для достижения приемлемого мира с колониямн. Ноаый англнйский агент отбыл вместе с французской эскадрой и с орнгниалом франко-амернканского союзного договора, который был ратифицнроаан коигрессом в начале мая 1778 г. Враги Дина добнлнсь того, что коигресс занялся рвсследованием его деятельности ао Фрвнцнн. Дииа обвиняли в крвже частн французского займа, двже хищенин депеш, им самим посланных в Амернку. Артур Ли и Джои Адвмс присылали из Францни все новые обвнннення. Однвко по-прежнему ннкто (возможио, за исключеиием бышего помощннка Дннв — Кармайкла) не подозревал о действительной аиие Диил — сгоаоре с Полом Уэитвортом и брнтанской секретной службой. В конечиом счете, коигресс счел обвнннення против Дина иеобосиоаанными.

Через два года после своего прибытия на родиу Днн сноаа уехал уже а качестве частиого лица в Европу. Ои был ожесточен преследоввииямн и тем, что коигресс ие заплатил ему 12 тыс. ф. ст. за товары, куплеиные и послаииые им в первые годы войны. Дии, обеднезший и временами терявший рассудок, поселился в австрийскнх Нидерлаидвх, а Геите. Из Геита Дии сноаа установил связи с англичанами, — теперь ои был шнроко нзаестиым человеком и мог продать свое имя. Квк раз а это время английская разведка занималась фабрикацией подложных писем — вплоть до корреспоиденцни самого Вашннгтона, якобы конфискованиых при захвате америкаискнх судов. По соглашению с английской разаедкой Дии иачал писать пнсь-

ма, которые будто потом были перехвачены британскими кораблями. Они публиковались в газете, издававшейся в Нью-Йорке, который все еще был оккупирован английскими войсками. Георг III внимательно читал письма и очень одобрительно отзывался об их содержании. В бумагах Дина имеются его письма к Банкрофту и связанные с ними по содержанию письма к Э. Эдвардсу, которые, возможно, содержат и какой-то зашифрованный текст. К этому времени Дин, видимо, уже знал о роли, сыгранной главным английским шпионом. Впрочем, может быть, Дину и раньше было известно о деятельности «Эдуарда Эдвардса»? Категорический ответ на этот вопрос дать нельзя, главным образом потому, что бумаги Банкрофта более чем через полстолетия были сожжены его внуком, когда всплыла наружу правда о дважды оплаченном «патриотизме» достопочтенного члена Королевского общества.

Английская разведка считала Дина лишь наполовину своим агентом, ему платили только правом вывозить английские товары в колонии во время войны, чем занимались и многие американские купцы, не состоявшие в списках британской секретной службы. После окончания военных действий Дин поселился в Англии, где встречался с Бенедиктом Арнольдом, с которым познакомился еще в молодые годы, и пытался вместе с Банкрофтом возобновить различные торговые дела. Умер Дин в сентябре 1789 г. Известие о предательстве Дина вызвало большое торжество друзей Ли. Напротив, Фрвнклин, сурово осуждая отступничество своего бывшего коллеги, по-прежнему ценил работу, проделанную Дином в пору их совместной борьбы в первые годы американской революции.

КЕМ ЖЕ БЫЛ МОНТЕГЮ ФОКС?

В 1780 г. сформировалась мощная антианглийская коалиция. Международное положение Великобритании стало очень сложным. Не менее напряженная обстановка сложилась и внутри страны. Усиление народного недовольства грозно проявилось в выступлении трудящихся Лондона в начале июня 1780 г., получившем название Гордонова мятежа (по имени лорда Гордона, которого считали вождем восстввших). Массовое движение, вылившееся в уродливую форму борьбы против предоставления прав католикам, было, по существу, выражением глубокого возмущения экономическим и политическим гнетом. Народ разрушил тюрьмы и вы-

пустил на свободу арестованных, разгромил здания судов, дома крупнейших государственных сановников. Против повстанцев была двинута 10-тысячная армия; только через несколько дней правительству удалось подавить волнения. А еще через неделю, 16 июня 1780 г., к испанскому послу в Голландии виконту Эррериа явился приятного вида молодой английский джентльмен по имени Монтегю Фокс и попросил о встрече. Это свидание было непродолжительным, и уже через час Эррериа взволнованно вбежал в кабинет своего друга французского посла герцога Лавогийона.

34-летний герцог, принадлежавший к самым верхам французской знати, сравнительно недавно стал делать дипломатическую карьеру и мечтал заставить говорить о себе в Версале. Вначале это плохо удавалось, — слишком опытным был его противник британский посол в Гааге Джозеф Йорк, двадцать лет занимавший свой пост и опиравшийся на влиятельную проанглийскую группировку в правящих и финансовых кругах Голландии. Сэр Джозеф создал в Голландии собственную разветвлённую сеть шпионажа (независимую от разведки адмиралтейства). Лавогийон пытался следовать его примеру, хотя французский министр иностранных дел граф Вержени весьма скептически оценивал полезность этих действий. С тем большим интересом выслушал герцог рассказ взволнованного Эррериа о разговоре с Монтегю Фоксом. Этот англичанин словно послан самим Провидением, чтобы Лавогийон смог преодолеть недоверие в Париже к своим способностям дипломата и разведчика, достигнуть действительно крупного успеха.

Монтегю Фокс, оказавшийся весьма образованным и любезным человеком, рассказал Эррериа и повторил, встретившись в тот же день с Лавогийоном, что он является представителем партии вигов, которая во главе с Чарлзом Фоксом, лордом Шелборном, герцогом Ричмондским и другими видными политическими деятелями решительно осуждала политику правительства Норта и требовала достичь соглашения с колонистами. Монтегю Фокс признался, что он, переодетым, принимал участие в Гордоновом мятеже. Когда толпа разгромила дом первого лорда адмиралтейства, Фоксу удалось овладеть рядом секретных бумаг. Вскоре он был арестован, брошен в Тауэр, но сумел бежать еще до суда. Спасаясь от преследования, эсквайр на первом же корабле уехал в Голландию, прихватив с собой нужные бумаги. Англичанин добавил, что он готов передать их испанскому или французскому послу, и подчеркнул, что он при этом не требует взамен ни одного пенса. Его цель, как и всей оппозиции, — создать максимальные трудности для кабинета Норта, сделать невозможным продолжение борьбы против колонистов, которая превратилась одновременно и в войну против европейских держав — Франции и Испании. Бумаги, которые привез Фокс, были действительно

первостепенной важности. Они подробно перечисляли военные корабли и полки, которые включались в состав экспедиции, направлявшейся для занятия испанских колоний в Южной Америке, содержали инструкции соответствующим адмиралам и генералам, губернатору Ямайки. Даже беглое ознакомление с документами говорило о их подлинности; если же это была подделка, то подделка исключительно ловкая.

Эсквайр дал понять, что ему более чем понятны сомнения своих собеседников, и добавил, что настоящая цель его миссии совсем другая: драгоценные документы являются своего рода паспортом или верительными грамотами, которые должны ему, Фоксу, облегчить начало переговоров от имени оппозиции. Она готова знакомить Францию и Испанию с самыми важными военными и дипломатическими секретами британского правительства. О, конечно, нельзя каждый раз, переодевшись в костюм простолюдина, врываться в дом морского министра — первого лорда адмиралтейства лорда Сэндвича. Но оппозиция имеет своего человека — клерка в адмиралтействе, который будет снимать копии с нужных бумаг, их будут суммировать в Лондоне лица, сведущие в военном деле, и пересылать в распоряжение французского и испанского правительств. Что оппозиция желает получить взамен? Конечно, не деньги (ее возглавляют многие из богатейших людей Англии), а на первых порах четыре тысячи ружей. Да, именно ружей. У оппозиции имеется план организовать вооруженное выступление против лорда Норта на юго-западе Англии, в Корнуэлле, народ которого говорит на диалекте, близком к языку французской Бретани и тяготится зависимостью от правительства Лондона. В результате Норту придется уйти в отставку, виги придут к власти и поспешат заключить мир с колонистами, а также с Францией и Испанией.

Оба посла обещали подумать над предложением, переданным через эсквайра, и известить свои правительства, что они и поспешили сделать. Герцог Лавогийон, тщательно обдумав все, что ему сообщил Фокс, пришел к выводу, что тот говорит правду, — такой вывод было тем более приятно сделать, что документы, предоставленные этим английским джентльменом, предоставляли, наконец, герцогу долгожданный случай показать себя на королевской службе. Фокс явился через два дня и попросил паспорт для поездки в Париж, чтобы лично передать графу Верженну предложения лидеров вигов. Лавогийон охотно пошел навстречу желаниям эсквайра и по его просьбе даже дал рекомендательное письмо к американскому послу в Париже Бенджамину Франклину.

Надо сказать, что Верженн с самого начала очень недоверчиво отнесся ко всему, связанному с именем Фокса. Хитрому министру Людовика XVI показалось очень подозрительной история похищения

бумаг во время разгрома толпой дома лорда Сэндвича, который, казалось, должен был находиться под надежной военной охраной. Однако вскоре пришли более подробные известия о Гордоновом мятеже, и стало очевидным, что рассказ англичанина, по крайней мере в той части, в которой он поддавался проверке, несомненно соответствовал истине, — дом морского министра действительно подвергся разгрому и разграблению разъяренной толпой. Однако и после получения этих сведений, а также после встречи с Фоксом подозрения Верженна не рассеялись. В своих инструкциях Лавогийону он высказывал большие сомнения насчет того, способен ли «Дюмон» (так для конспирации именовался в переписке Фокс) выполнить свои обещания, имеет ли тот действительно влиятельных друзей. Министр рекомендовал послу соблюдать величайшую осторожность. Соблюдать осторожность, но все же не прерывать завязавшихся связей.

Лавогийон опасался, что разочарованный крайне холодным приемом в Париже эсквайр может вообще отказаться от дальнейшего выполнения поручений британской оппозиции. Однако англичанин по возвращении в Гаагу явился к герцогу и даже между прочим сообщил, что к нему, Фоксу, обратился агент британского правительства с предложением щедрого вознаграждения, если он согласится выполнять поручения английской разведки. Эсквайр, разумеется, отверг это предложение. Его, видимо, не смущало недоверие Верженна. Он считал естественными сомнения при подобных обстоятельствах, тем более у него, заметил Фокс, есть способ рассеять подозрения. Он обещал съездить в Лондон и вернуться с бумагой, подписанной руководителями вигов и уполномочивающей его на дальнейшие переговоры. Итак, Монтегю Фокс сам предлагал лучшее средство проверить, является ли он тем, за кого выдает. Было бы глупо не воспользоваться этим средством.

В середине августа 1780 г. Монтегю Фокс возвратился в Гаагу из лондонской поездки. Он привез документ, подписанный Чарлзом Фоксом, Шелборном и другими вождями вигов. Эта бумага уполномочивала эсквайра Вильяма Монтегю (псевдоним Монтегю Фокса) вести переговоры за границей с целью борьбы против «антиконституционных и тиранических мер правительства... и восстановления конституции». Вместе с тем подчеркивалось, что Фокс не должен делать никаких предложений или уступок без получения для этого дополнительных указаний от лидеров оппозиции.

Одновременно эсквайр привез копии ряда приказов морского министерства командующим британскими эскадрами адмиралу Роднею и адмиралу Гирн, а также сведения о состоянии английских доков и другие важные материалы. Вместе с тем Фокс выразил крайнюю озабоченность оппозиции тем, что начались сепаратные переговоры между Лондоном и Мадридом. Заключив мир с Испанией, пра-

вительство Норта ведь собирается с удвоенной энергией вести войну против Франции и утверждать тиранию в самой Англии. Французская дипломатия получила от мадридского двора сведения об этих переговорах, и ей было крайне важно проверить их испанскую версию материалами, полученными из английских источников. Лавогийон не скрывал своего удовлетворения,— бумаги были очень важными и позволяли наконец преодолеть ни на чем не обоснованный скептицизм Верженна.

В ходе дружеского разговора герцога с Монтегю Фоксом выяснилась одна пикантная подробность — англичанин, оказывается, приходился родней самому главному врагу Лавогийона — британскому послу Джозефу Йорку. Эсквайр с иронической усмешкой даже показал собеседнику письмо, в котором сэр Джозеф горько упрекал своего родственника за связи с французским и испанским послами, которые не остались незамеченными британской разведкой, и советовал, пока не поздно, поддержать правительство, как это подобает джентльмену и патриоту. Фокс, по его словам, вежливо ответил Йорку, что ему не нравится политика правительства и он будет действовать, как и прежде, исходя из своих убеждений.

Документы, привезенные Фоксом, произвели впечатление и на графа Верженна. Нет, министр отнюдь еще не избавился от своих подозрений, но все же считал случай слишком соблазнительным, чтобы пройти мимо него. Верженн поручил Лавогийону выплачивать Фоксу ежемесячно немалую сумму — 50 луидоров, разъяснять ему, что Франция не ставит целью подорвать позиции Англии как великой державы и просить о присылке новой информации. Лавогийон это передал Фоксу, а тот обещал сделать все возможное для доставки нужных сведений. Эсквайра лишь беспокоило, как бы сэр Джозеф, убедившись, что его советам не вняли, не добился от голландского правительства выдачи своего родственника, как уголовного преступника — участника грабежей во время Го́рдонова мятежа. Нельзя ли было бы, между прочим спросил Фокс, как-нибудь пристроить его в штат русского, прусского или шведского посольств, что будет нетрудно при таких связях, которыми располагает герцог Лавогийон. Посол ответил, что это, к сожалению, никак невозможно осуществить. Англичанин не настаивал.

Вскоре Фокс снова съездил в Лондон и вернулся с письмом, которое ему послал один из видных вигов и в котором излагался ход англо-испанских переговоров. Через несколько дней — это происходило уже в сентябре 1780 г. — он предложил найти британских лоцманов для помощи французскому флоту в осуществлении десанта в Англии (подготовка к этому усиленно велась в то время). Фокс вызвался даже нанять лоцманов за собственный счет, если Лавогийон даст ему письменное обязательство возместить расходы.

Между тем герцогу пришлось заняться снова убеждением графа Верженна, у которого пробудилось прежнее недоверие — отчет об англо-испанских переговорах показался ему слишком туманным, сведения военного характера — малоценными, просьба Фокса пристроить его в штат одного из европейских посольств — крайне подозрительной. Но все это были скорее придирки, — не было никаких данных, которые свидетельствовали бы, что англичанин пытается обмануть своих французских контрагентов. Лавогийон, внутренне убежденный в беспочвенности сомнений Верженна, тем не менее, прямо сказал Фоксу: Париж хотел бы получить дополнительные свидетельства, что эсквайр действительно действует в качестве агента оппозиции вигов. Фокс, как обычно, не возражал. Невозмутимого британца нисколько не оскорбляло недоверие, — он понимал, что в такой ситуации нельзя возражать против просьбы предоставить самые безусловные доказательства лояльности. Конечно, привезенное им письмо относительно англо-испанских переговоров основано на слухах, но он надеется получить точную копию официального отчета британской делегации о ходе этих переговоров, а также данные о положении гарнизона Гибралтара, который в это время держали в блокаде испанцы и французы, о состоянии эскадры адмирала Гири и планах нападения на испанское побережье. Собственно, информацию о состоянии Гибралтара Фокс уже имел на руках и передал ее французскому послу. А через две недели, 1 октября, Фокс снова посетил герцога. На этот раз он привез целый ворох документов, и каких!

Здесь был меморандум, составленный министром лордом Хилсборо и подытоживавший содержание депеш, которые были получены в августе от английских уполномоченных о ходе переговоров с Испанией; имелась копия новых инструкций, посланных лордом Хилсборо английским делегатам. В них, в частности, говорилось, что правительство не считает возможным уступить Гибралтар во время, когда внутри страны столь усилилось брожение. Иначе говоря, англичане, вопреки тому, что они заявляли ранее, все же считались с возможностью позднее передать Гибралтар Испании как плату за отход от союза с Францией. Наконец, Фокс привез несколько весьма важных документов о составе английских эскадр, вооружении кораблей, о планах прорыва франко-испанской блокады Гибралтара, о строительстве новых военных судов. Короче говоря, эти документы в целом создавали совершенно ясную картину численности вооружения и дислокации британского королевского флота и намерений его командования. Фокс подчеркнул, что недовольство в Англии скоро достигнет критической точки и что оппозиция готова действовать. Обрадованный Лавогийон поспешил переслать драгоценные сведения в Париж.

В октябре и сам посол уехал в Париж для обсуждения сложной обстановки в Голландии. 16 декабря 1780 г. Англия объявила войну

Голландии, и появление британского подданного на нидерландской территории стало невозможным. Вернее, так казалось, потому что Фоксу удалось посетить французского посла в Гааге дважды — сначала в конце января, а потом через месяц, на исходе февраля 1781 г. Второй раз эсквайр прибыл опять с кипой бумаг, еще более важных, чем те, которые он доставил в октябре прошлого года. Среди них были новые «верительные грамоты» — лидеры оппозиции герцог Ричмондский и лорд Шелборн письменно засвидетельствовали свою полную поддержку комитета, по поручению которого действовал Монтегю Фокс. Это веское подтверждение, что эсквайр действительно выступал от имени руководства вигов, было совсем не лишним для Лавонийона,— он побывал в Париже и подвергся разъедающему воздействию скепсиса, с которым Верженн продолжал смотреть на Фокса. Письмо герцога Ричмондского и лорда Шелборна произвело должное впечатление на французского дипломата. Среди бумаг особое значение имела копия донесения адмирала Роднея о состоянии его эскадры и детальные планы занятия французских колоний, в частности Санто-Доминго и Гваделупы. Далее среди бумаг был составленный адмиралом Хьюзом подробный план завоевания голландских колоний в Южной Африке и Азии. Привлекали внимание также оригиналы двух депеш — от 17 и 24 октября 1780 г., — посланные британским уполномоченным лордом Кэмберлендом из Мадрида о ходе англо-испанских переговоров. В то же время Фокс пожаловался на утечку информации в Париже, в результате чего британское правительство получило известие, что Франция извещена о ходе его переговоров с Испанией. Фокс обещал добыть во что бы то ни стало вскоре новые ценные сведения.

Документы были немедленно пересланы Верженну, тот предписал обязательно получить от Фокса новые бумаги, в частности оригинал письма испанского министра Кастехона, адресованный лорду Хилсборо. В Версале еще не совсем расстались с подозрениями. Одновременно с этой директивой от Верженна посол получил письмо от Фокса. Он переслал инструкцию адмиралтейства коммодору Джонстону от 12 февраля 1781 г., она предписывала адмиралу с эскадрой двинуться на помощь Гибралтару и конвоировать британские торговые корабли. Затем эсквайр отбыл в Англию за оригиналом письма Кастехона. Он не возвращался два месяца. За это время Лавонийон, нисколько не обескураженный этим отсутствием, попытался добиться увеличения суммы, которая выплачивалась эсквайру для возмещения его расходов. Верженн не разрешил.

В середине апреля Фокс появился снова. Ему все еще не удалось достать письмо Кастехона, зато он привез датированную 20 февраля 1781 г. копию приказа генерал-майору Медоусу, которому поручалось возглавить экспедиционный корпус для занятия голландских коло-

ний в Вест-Индии. Устно англичанин сообщил послу совершенно невероятную новость: он, Фокс, участвует в переговорах о продаже оппозицией Голландии десяти фрегатов, с вооружением от 24 до 36 пушек каждый. В письме Верженну Лавогийон извиняющимся тоном писал, что это известие звучит довольно фантастически. Однако по наведенным вскоре справкам герцог мог убедиться, что Фокс и в этом случае не солгал, — действительно, велись переговоры о продаже, правда не фрегатов, но вооруженных 24 или 36 пушками купеческих судов. Фокс, не являясь военным, мог не придать значения такому различию.

В конце апреля Фокс в очередной раз съездил в Лондон, и 4 мая посол получил от своего добросовестного разведчика еще один пакет секретных документов с инструкциями командующему эскадрой в Северном море адмиралу Паркеру и другим военным чинам. Но главное было даже не в этом, эсквайр привез новый план оппозиции. Французский флот должен был одновременно атаковать устье Темзы и побережье Шотландии около Эдинбурга, это вызвало бы необходимость разделить английские морские силы. Одновременно оппозиция должна была поднять восстания в разных частях Англии. Сообщая об этом плане Верженну, взволнованный Лавогийон хотел сам отправиться в Париж для обсуждения деталей с морским министром де Кастри. Однако у Верженна план вызвал сильное подозрение, несмотря на то что он признавал, что многое говорило в пользу Фокса, его искренности. Лавогийон съездил в Париж и вернулся в Гаагу через месяц, в конце июня, явно под влиянием того недоверия, которое вновь возобладало в настроениях министра, предписавшего порвать отношения с Фоксом. При получении плана оппозиции герцог не обратил особого внимания, что Фокс так и не привез обещанного уже неоднократно письма Кастехона. Теперь он напомнил Фоксу об этом обещании и решил несколько помедлить с выполнением приказания министра. 5 июля состоялась встреча с Фоксом, и тот неожиданно заявил, что ему рекомендовали не выпускать из рук письма Кастехона. Посол запротестовал: это совершенно подорвет всякое доверие к Фоксу, его предложениям и документам. Посол добавил, что он видел в Париже присланные из Испании документы, написанные рукой британского делегата лорда Кэмберленда, и они разительно отличаются от тех, которые были получены от Фокса. Англичанин с обычным бесстрастием отверг это обвинение: вероятно, испанцы передали французам фальшивку; к тому же проверить почерк Кэмберленда очень легко, так как он сам, будучи драматургом, регулярно переписывается с рядом французских писателей. Это звучало правдоподобно, и Лавогийон даже писал Верженну, что, может быть, Мадрид сознательно переслал в Париж подложные бумаги, чтобы скрыть действительный ход переговоров.

Тем не менее вскоре подозрения самого посла тоже усилились. 24 июля ему сообщили, что продажа английских судов не состоялась и что Фокс порвал с голландскими представителями, с которыми велись переговоры. Вдобавок посол узнал, что Фокс пытался сманить на английскую службу некоего француза по фамилии Монина, авантюриста, вернувшегося из Польши, где он командовал отрядом наемников, и собиравшегося вместе с ними завербоваться в войска голландской Ост-Индской компании. Это была непонятная и непростительная ошибка, раскрывавшая Фокса как британского разведчика. Тем не менее разъяренный посол, самолюбие которого было уязвлено тем, сколь долго его водили за нос, все же решил еще раз встретиться с эсквайром. При свидании англичанин заявил, что его патроны изменили свое решение: письмо Кастехона может быть передано в обмен на определенную сумму денег, часть из которых должна была быть выплачена сразу, по получении этого документа, а остальная — после того, как выяснится его подлинность.

Герцог отказался платить, не видя самой бумаги, и в конце концов Фокс уступил. Одного взгляда на письмо было достаточно Лавогийону, чтобы понять, отчего англичанин так долго не хотел передавать этого документа французам. Оно не содержало сколько-нибудь существенных сведений, да и сообщаемые в нем выглядели очень неправдоподобно. Вдобавок письмо было подписано De Castegonde, тогда как действительное написание фамилии министра было Castejon.

Герцог тут же презрительно расстался с Фоксом, прекратив с ним всякие отношения. В действительности же послу менее всего удалось сохранить хладнокровие, он рвал и метал, настаивал, чтобы английский шпион не ушел от наказания. Лавогийон предложил послать вслед за Фоксом, возвращавшимся в Англию, полицейского офицера Ресевера, оказавшегося в Гааге, чтобы тот в Бельгии заманил англичанина на французскую территорию. Вержен выразил полное согласие. Были отданы приказы соответствующим властям. Впрочем, Монтегю Фокс был стреляной птицей и быстро заметил ловушку. Ничего из планов его поимки не вышло, и Вержен поспешил в начале августа отдать приказ прекратить всякие попытки арестовать увертливого агента британского адмиралтейства. С тех пор архивы молчат о Монтегю Фоксе. Возможно, правда, они сообщают о нем под другим именем, ведь «Монтегю Фокс», несомненно, такой же псевдоним, как «Вильям Монтегю» и «Дюмон» — фамилии, под которыми он фигурировал в привозимых им документах и переписке герцога Лавогийона с графом Верженном.

Английский разведчик и автор ряда работ о секретной службе Р. Сет — из его книги, основанной на материалах французских и английских архивов, и извлечены данные о Фоксе — считает шпиона адмиралтейства классическим примером агента-провокатора. Органи-

заторы этого дела имели полные сведения о характере и слабостях честолюбивого французского представителя в Гааге. Именно на этой основе было принято решение подослать к герцогу джентльмена, к которому посол должен был почувствовать известное доверие, как дворянин к дворянину. Провокация Фокса имела сразу несколько целей. Во-первых, максимально втянуть Францию — традиционного врага Англии в — пусть мнимые — связи с оппозицией и тем самым скомпрометировать вигов в глазах английского населения. В 1780 г. это было особенно важно для кабинета Норта, непопулярность политики которого росла с каждым месяцем. Ссылки на Корнуэлл придавали правдоподобие рассказу Фокса о подготовке к восстанию.

Во-вторых, с помощью Фокса Лондон пытался подорвать франко-испанский союз. Переговоры лорда Кэмберленда были заведомо обречены на неудачу, так как Англия не собиралась удовлетворять требование Мадрида о возвращении Гибралтара. Однако эти переговоры вызывали чувство беспокойства в Париже; Фокс должен был усилить это чувство.

В-третьих, задачей Фокса было снабдить Париж максимально возможным количеством ложной информации об английских военных планах, чтобы помешать успешному действию французского и испанского флотов. Каждая крупица информации, содержавшаяся в бумагах Фокса, была ложью, — если в подлинном приказе британской эскадре предписывалось атаковать испанские владения к северу и к востоку от Ямайки, то в фальшивке говорилось, конечно, — к югу и к западу. Поддельные документы должны были оттянуть морские силы французов и испанцев как раз от тех мест, где английское адмиралтейство предполагало наносить удары. В числе других целей была попытка запугать голландцев угрозой их владениям, сбор информации о намерениях других держав (беседы разведчика с Лавогийоном и попытки попасть с помощью этого французского дипломата в штат одного из посольств нейтральных государств). Адмиралтейству не составило особого труда так подделать собственные документы, чтобы фальшивки носили все внешние черты подлинности, сфабриковать дипломатическую корреспонденцию или письма от лидеров оппозиции. В «деле Фокса» немало ловких ходов, остроумно придуманных деталей. Например, использование Гордонова мятежа, обострения борьбы оппозиции, против правительства или объявления разведчика родственником британского посла сэра Джозефа Йорка. Ошибки, правда очень грубые, были допущены только в самом конце (попытка вербовки Монина, неправильное написание фамилии Кастехона). Ошибки были настолько грубыми, что никак не вязались с ювелирной отделкой всего остального. Причины этого странного обстоятельства на основе сохранившихся материалов вряд ли поддаются объяснению.

В 1783 г. война за независимость американских колоний окончилась их победой. Но Англия долго не хотела отказаться от надежды вернуть власть над своими прежними владениями. После войны одной из главных форм продолжавшегося вмешательства Великобритании в дела ее бывших колоний стала активность британской секретной службы. Руководство этой деятельностью было возложено на опытного разведчика Д. Беквита, сумевшего еще в годы войны сплести свою агентурную сеть и теперь назначенного английским резидентом в Нью-Йорке. Уже в 1787 г. Беквит установил связь с властолюбивым Александром Гамильтоном — министром финансов, придерживавшимся консервативных монархических взглядов. Англичанин использовал стремление Гамильтона и стоявших за ним крупнобуржуазных и плантаторских кругов к восстановлению тесных экономических связей с бывшей метрополией. Гамильтон — министр, приближенный президента Вашингтона, превратился, по существу, в британского агента «№ 7» (как он обозначался в шифрованной переписке Беквита). Гамильтон не останавливался перед выдачей англичанам государственных секретов, занимался компрометацией в глазах президента неугодных Лондону американских дипломатов. Особенно усердно клеветал Гамильтон на представителя США в Лондоне Морриса, который следовал инструкциям нового государственного секретаря Т. Джефферсона. После того как Джефферсон стал догадываться о связях Гамильтона с Беквитом, англичанин был отозван под предлогом замены его официальным дипломатическим представителем Д. Хаммондом. Тот, конечно, также поспешил установить контакт с «№ 7». Во многом из-за Гамильтона американской дипломатии не удалось добиться выполнения Англией некоторых статей мирного договора (в частности, эвакуации британских войск, еще остававшихся на территории США). Гамильтону страна была обязана также подписанием крайне неравноправного торгового договора с Англией («договора Джея»). Он вызвал широкое возмущение и был ратифицирован только после исключения из текста статей, ущемлявших интересы молодого государства. Гамильтону удавалось сохранять свои связи с британской разведкой в глубокой тайне. Давно уже были опубликованы личный архив Гамильтона, отчеты английского губернатора Канады Дорчестера, через которого Беквит пересылал свои донесения в Лондон. Однако и эти публикации не пролили света на подлинную роль «№ 7», которого в США принято было считать одним из отцов-основателей республики. (Лишь в 1964 г. профессор Д. П. Бойд в своей книге «№ 7» осветил связи Гамильтона с Беквитом, остававшиеся нераскрытыми более 175 лет.)

Британские разведчики еще долго продолжали орудовать в США, поощряя англофильские элементы и сепаратистские тенденции отдельных штатов. Особую активность проявляли британские агенты

накануне англо-американской войны 1812—1815 гг. Один английский шпион, Джон Генри, решил выдать своих хозяев и напечатал в 1809 г. в газете «Бостон пэтриот» свою переписку с государственными деятелями Англии, уличавшую их в шпионаже против США.

ФАЛЬШИВЫЙ ПАСПОРТ БАРОНЕССЫ КОРФ

1789 г. вспыхнула Великая французская революция, открывшая новую страницу в мировой истории. Она оказалась важной вехой и в истории тайной войны.

В ночь с 20 на 21 июня 1791 г. на площади Карусель стояли две большие старомодные кареты. Постепенно стали собираться пассажиры, и экипажи тронулись в путь. В одном из них, судя по паспорту, сидела баронесса Корф, вдова полковника царской службы. После смерти мужа баронесса поселилась в Париже, из которого уезжала теперь вместе с детьми за границу, вероятно, почувствовав себя неуютно в охваченном революционными событиями городе. Баронессу сопровождали несколько горничных и слуг. Ничто, казалось, не возбуждало подозрения в этом отъезде богатой иностранки. Ведь встречающиеся по дороге патрули национальной гвардии не могли знать, что одна баронесса Корф с точно таким же паспортом уже успела уехать в Германию.

На деле происходило весьма важное событие революционной эпохи. Роялистские заговорщики, включая фаворита Марии-Антуанетты графа Ферзена, давно готовились к похищению короля, являвшегося пленником революционного Парижа. Бежавший за границу Людовик XVI должен был стать центром притяжения для контрреволюционеров и с помощью иностранных армий двинуться против непокорного народа Франции.

Дубликат паспорта баронесса Корф получила под предлогом, что оригинал сгорел. Роль баронессы играла воспитательница королевских детей герцогиня де Турзель. Людовик изображал лакея, а Мария-Антуанетта и сестра короля — горничных баронессы Корф. Карету сопровождали, также под видом лакеев, трое дворян из лейбгвардейского полка. Действительные горничные ехали в другом, ранее отбывшем экипаже. Наконец, по другой дороге уехал и добрался до Бельгии брат короля граф Прованский. Бегство короля происходило на два дня позже намеченного срока, и поэтому некоторые отряды, выставленные заранее роялистским генералом Буйе на пути

следования кареты, пришлось отвести, чтобы не возбуждать подозрения. По дороге у экипажа сломалось колесо, что тоже вызвало потерю целого часа драгоценного ночного времени. Но все бы это сошло с рук, если бы не бдительность революционного народа, которую не могли правильно оценить заговорщики.

В то время, когда не существовало фотографии, нелегко было узнать по рисункам человека, переодетого в чужую одежду. Однако почтмейстер небольшого селения около Варенна Жан Баптист Друэ был стойким и проницательным революционером. Он знал о том, что уже неоднократно предпринимались попытки увезти Людовика XVI из революционного Парижа. Друэ поразило сходство лакея в карете баронессы Корф с портретом короля на ассигнациях: та же толстая фигура и нос с горбинкой на типичном бурбонском лице! Другие факты сразу подтвердили мелькнувшее подозрение: лошади для экипажа баронессы заказаны были самим герцогом Шуазелем, а кавалерийский отряд под командованием дворян-монархистов, приближавшийся к городку, явно был послан для охраны Людовика.

Друэ не терял времени: быстро созвал местную национальную гвардию, чтобы задержать отряд, вскочил на коня и помчался в Варенн, куда отбыла королевская карета. Окольными путями почтмейстер обогнал экипаж мнимой баронессы. За немногие минуты, которые были в его распоряжении, Друэ и несколько встреченных им жителей перегородили с помощью опрокинутой телеги мост, по которому должна была проехать карета. Потом Друэ разбудил мэра, который призвал к оружию национальную гвардию Варенна. Зазвенел набат, со всех сторон из города и окрестных деревень сбегались вооруженные люди; когда показался королевский экипаж, все было подготовлено к встрече. Король и его спутники были арестованы. Прибывшие кавалерийские эскадроны отказались повиноваться офицерам-роялистам и перешли на сторону народа. Роялистский заговор потерпел полное крушение. Арестованных отправили обратно в Париж.

В истории бегства в Варенн остается неясным, насколько царский посол барон Симолин был посвящен в планы заговорщиков. В его переписке с Петербургом имеются фразы, которые можно истолковать в том смысле, что посол не знал о назначении выданного по его приказу дубликата паспорта баронессы Корф. Но в то же время это неведение царского дипломата, игравшего одновременно роль разведчика и полицейского, наблюдавшего за поведением русских, которые оказались в революционном Париже, не очень вероятно. Симолин, осуществлявший контрреволюционные планы царицы Екатерины II, создал свою шпионскую сеть. Через секретаря посольства Мешкова он завербовал себе на службу в качестве секретного агента одного из чиновников французского министерства иностран-

ных дел. Таким путем Симолин получил и переслал в Петербург шифр, которым пользовались в своей переписке министр иностранных дел Франции граф Монморен и французский поверенный в делах в России Жене. В результате французская дипломатическая переписка свободно прочитывалась в Петербурге. Даже когда Симолин покинул революционную столицу, он продолжал получать подробные разведывательные донесения от своих осведомителей во Франции.

ПРИВИДЕНИЕ ПРИ ВАЛЬМИ

10 августа 1792 г. французский народ сверг монархию, страна стала Республикой. 29 августа границы революционной Франции пересекли войска интервентов. Их авангардом был отряд французских дворян — эмигрантов, жаждавших мщения и расправы с ненавистными революционерами. Костяк 80-тысячной интервенционистской армии составляли пруссаки. 2 сентября был занят Верден. Главнокомандующий войсками контрреволюционной коалиции герцог Брауншвейгский считал, что французская армия, большая часть офицеров которой дезертировала или перешла на сторону врага, не сумеет оказать сопротивление лучшим прусским дивизиям. Что же касается отрядов волонтеров, спешивших на границу для сражения с интервентами, то в прусском штабе их вообще не принимали всерьез, рассматривая как неорганизованную толпу, которая разбежится после первых же выстрелов. Действительность оказалась совсем иной. Интервенты наткнулись на нескрываемую враждебность населения на занятых территориях; крестьяне вооружались и нападали на небольшие отряды неприятельских солдат; снабжение армии стало серьезной проблемой.

20 сентября у селения Вальми прусские войска после артиллерийской канонады предприняли попытку наступления на позиции французов, которая не принесла успеха. Революционная армия выдержала испытание огнем, и вскоре началось общее отступление пруссаков, которые довольно быстро отошли с французской территории. Причины такого поспешного отступления не вполне ясны. Не кто иной, как Наполеон I, считал это отступление загадкой. Во всяком случае, само сражение при Вальми не является ключом к объяснению этой загадки. Дело в том, что неудача пруссаков вовсе не носила столь серьезного характера, чтобы вызвать последующее отступление. По мнению крупнейших авторитетов в области военной истории, ка-

нонада у Вальми была смехотворной, а наступательные действия прусских войск носили столь жалкий характер, что были скорее демонстрациями, чем серьезными атаками. Решительный натиск, несомненно, мог изменить ход сражения в пользу пруссаков.

Чем же объяснить отступление интервентов? Возможно, к этому времени прусское командование пришло к выводу, что война против Франции будет затяжной и дорогостоящей кампанией, что, завязнув в ней, Пруссия рискует быть обделенной при намечавшемся новом разделе Польши и в других вопросах, в которых интересы Берлина сталкивались с интересами других участников антифранцузской коалиции, особенно Австрии и царской России. Подобные мотивы выявились во время переговоров, которые повел герцог Брауншвейгский с французами для прикрытия отступления своих войск. Впрочем, возможно, прусские уполномоченные сознательно преувеличивали свои опасения, чтобы создать у французов иллюзию, будто Берлин склоняется к миру. Отступавшие вместе с интервентами эмигранты не только проклинали герцога за «измену», но и распространяли для объяснения отхода его армии нелепые слухи, будто главнокомандующий прусскими войсками был подкуплен комиссарами конвента: те якобы передали герцогу бриллианты французской королевской семьи для оплаты его миллионных долгов.

Но, может быть, есть еще какие-то объяснения случившегося? В 1839 г., через сорок семь лет после битвы при Вальми, в газете «Журналь де виль и де кампань» был опубликован рассказ одного современника революции, который проливает необычный свет на прусское отступление. Автор этого рассказа аббат Сабатье принимал участие во многих событиях революционных лет и был знаком с известными политическими деятелями и писателями того времени. Сабатье был близким приятелем Бомарше, и именно от него он и узнал историю, которую поведал почти полвека спустя читателям «Журналь де виль и де кампань».

...В середине сентября 1792 г. Бомарше отправился проведать своего старого друга, известного комедийного актера Флери, который участвовал еще в премьере «Женитьбы Фигаро». Дома оказалась только 10-летняя девочка, знавшая Бомарше и охотно ответившая на его вопросы. Судя по ее словам, Флери не было в столице, восемь или десять дней тому назад он уехал в Верден. Писатель был изумлен. В Верден, который был уже занят пруссаками? Какие дела были в этом городе у парижского актера? Во всяком случае, Верден был самым неподходящим местом для того, чтобы пытаться там выступать в театре. Через некоторое время Бомарше снова заехал к Флери и на этот раз застал его дома. Писатель поспешил с вопросами, но здесь его неожиданно ждало разочарование. Обычно разговорчивый Флери наотрез отказался сообщить что-либо о цели поездки,

более того, уверял, будто вообще не покидал Париж. Это, конечно, лишь разожгло любопытство Бомарше, — воображение признанного мастера интриги подсказало ему самые различные причины для скрытности словоохотливого Флери. Правда, узнать что-либо точнее было невозможно, артист продолжал отмалчиваться или отделываться голословным отрицанием.

Но Бомарше не был бы Бомарше, если бы не создал, тем не менее, гипотезу, которая, несмотря на всю свою экстравагантность, получила впоследствии косвенное подтверждение в одной легенде, относящейся к пребыванию прусской армии в Вердене. Говоря о том, что ее главнокомандующим был герцог Брауншвейгский, мы до сих пор не упоминали еще одно лицо, имевшее решающий голос в штаб-квартире, о самом прусском короле Фридрихе-Вильгельме II, сопровождавшем свои войска во французском походе.

Фридрих-Вильгельм был племянником Фридриха II, который почти полвека занимал прусский престол. Фридрих-Вильгельм II ничем не напоминал своего умного, образованного, ловкого и циничного дядю, которого он сменил на троне. Новый король был неспособным, ограниченным, туповатым человеком, вдобавок отличавшимся странными причудами. Он был поклонником оккультизма, столь блестяще представленного графом Калиостро, состоял в тайном мистическом обществе «Иллюминатов» и, кажется, еще в каких-то секретных орденах. Одним словом, лучшей жертвы для одурачивания было не найти.

Но вернемся в занятый пруссаками Верден, как раз в дни, предшествовавшие сражению при Вальми. Его величество в один из вечеров давал бал в честь прусских офицеров и французских дворян — роялистов. На балу было шумно и весело; темой разговоров были, конечно, предстоящие разгром революционеров и вступление в Париж. Неожиданно к королю почтительно подошел какой-то человек, весь в черном, и шепотом произнес несколько слов. Фридрих-Вильгельм вздрогнул,— эти слова были хорошо известным королю паролем таинственного ордена «Розенкрейцеров». Повинуясь знаку, поданному незнакомцем, Фридрих-Вильгельм вышел из шумного зала. Пройдя роскошные апартаменты, предназначенные для знатных гостей, король и незнакомец очутились в небольшой комнате. Ее стены были окрашены в темный цвет и зловеще освещались отблесками пламени, которое вырывалось из пылавшего камина. Пока король оглядывал это мрачное помещение, незнакомец исчез. Тут у Фридриха-Вильгельма впервые возникло легкое опасение, не завлекли ли его в ловушку. Он уже сделал движение, чтобы двинуться в обратный путь, когда его остановил мягкий голос, звучавший приглушенно, как будто из другого мира.

— Остановись! Не уходи отсюда, пока не выслушаешь того, что я тебе скажу....

В полутьме король различил какую-то фигуру — нет, это не был живой человек. Перед Фридрихом-Вильгельмом стоял призрак его покойного дяди. Сомнений быть не могло, даже в полумраке король мог разглядеть столь знакомое худое лицо с плохо выбритыми щеками, характерный профиль, нос, запачканный табаком, живые глаза, сгорбленные плечи. Фридрих II — конечно, это был он и никто другой — явился одетый в свой силезский сюртук, известный каждому, видевшему покойного короля в последние годы его жизни. Старый Фриц опирался на трость, ручка которой была покрыта кожей, сильно потертой от долгого употребления.

— Ты узнал меня? — спросил призрак голосом покойного Фридриха II, хотя в нем, быть может, слышались какие-то нотки сомнения. Но кто знает, какие изменения претерпевает голос человека в ином, загробном мире! Впрочем, убедившись с каким вниманием и почтением его слушают, призрак быстро приобрел былую уверенность в себе.

— Ты меня узнал? Когда ты двигался из Баварии в Бреслау вместе с войсками, которыми я тебе поручил командовать, я заключил тебя в объятия и сказал: «Ты больше, чем мой племянник, ты мой сын; ты унаследуешь мою власть и мою славу». Так вот сегодня я пришел потребовать от тебя сыновнего послушания. Я пришел повторить тебе слова, которые император Карл VI услышал в лесу Манса: «Не езди более впереди на коне, тебя предали».

Призрак поведал Фридриху-Вильгельму, что французские роялисты вовлекли Пруссию в опасное предприятие, что французы не желают вмешательства иностранцев в свои дела...

На следующий день прусские войска, которые должны были возобновить свое движение в сторону Парижа, неожиданно получили контрприказ оставаться в Вердене. Две недели прусская армия топталась на месте. А потом произошло сражение при Вальми, где нерешительность прусского командования являлась одной из главных причин неудачи попытки сломить сопротивление французских войск. Вслед за тем последовало отступление интервентов.

Бомарше, тщательно собрав все слухи, ходившие тогда в Париже, и сопоставив их с известными ему сведениями, пришел к убеждению, которое он поведал аббату Сабатье: Флери ездил в Верден, чтобы предстать перед суеверным прусским королем в виде призрака Фридриха II. За несколько лет до этого Флери уже пришлось сыграть на парижской сцене роль Фридриха, причем с огромным успехом. Побуждаемый добросовестностью подлинного артиста, Флери научился искусно гримироваться под Фридриха, копировать его жесты и голос; знавшие прусского короля в один голос говорили, что было трудно отличить «копию» от «оригинала». Флери даже ухитрился получить из Берлина старую шляпу, сапоги и сюртук прусско-

го короля... Бомарше был убежден, что французское правительство решило использовать талант Флери, поручив ему еще раз сыграть роль Фридриха II. Идея, вероятно, принадлежала Дантону или его секретарю Фабр-д'Эглантину, который сам писал пьесы и хорошо был знаком с актерами «Комеди Франсез». Конечно, эти предположения Бомарше, о которых мы знаем вдобавок только из рассказа аббата Сабатье, являются не больше чем догадками. Это признает и известный французский историк Ж. Ленотр, раскопавший всю эту историю, погребенную в газетах первой половины XIX в. Но если предположения Бомарше и неправильны, если история поездки Флери в Верден и не является правдой, она, говоря словами известной итальянской пословицы, настолько хорошо придумана, что заслуживает упоминания в анналах тайной войны.

ИНТРИГИ БАРОНА БАТЦА

Нередко центром шпионажа в эти годы становились банкирские конторы, поддерживавшие связи с заграницей. Шпионаж часто дополнялся грязными финансовыми спекуляциями. Примером может служить деятельность одного из руководителей роялистского подполья в Париже барона де Батца, которому французский историк Ж. Ленотр приписал план спровоцировать кровавые столкновения между различными группами якобинцев в конвенте и таким путем погубить республику.

Этот выходец из Гаскони (носивший ту же фамилию, что и некогда д'Артаньян) до революции стал офицером, предъявив, возможно, подложные документы о дворянском происхождении. В начале революции Батц был депутатом Учредительного собрания, потом эмигрировал, но через некоторое время тайно вернулся во Францию. Он предоставил крупную сумму денег Людовику XVI и одновременно завел знакомства среди жирондистов. После падения монархии Батц бежал в Англию. Но вскоре он снова в Париже уже в роли разведчика эмигрантов, а возможно, и тайного агента английского правительства. Последнее дает возможность объяснить источник денежных ресурсов барона, который свободно ворочал миллионами, правда, считая на падающие в цене бумажные ассигнации. Впрочем, другим способом пополнения кассы было для Батца участие в различных денежных спекуляциях, поставках в армию, получение взяток за устройство подрядов и т. п.

21 января 1793 г., когда короля везли на казнь, Батц собирался его освободить с помощью 500 ожидавших сигнала роялистов. Но большинство заговорщиков было задержано еще ночью полицией и на призыв Батца «Спасем короля!» на улице никто не отозвался. Тем не менее ловкому авантюристу удалось ускользнуть, и он снова принялся за интриги. Батц, несомненно, подкупил немалое число служащих различных учреждений революционного правительства. Он имел своих людей даже в числе чиновников Комитета общественной безопасности и полицейских органов, занимавшихся борьбой с иностранными шпионами и роялистскими агентами. Это позволяло Батцу не раз заблаговременно уходить от преследования и даже подставлять под удар тех, кто пытался его разоблачить.

К числу агентов Батца — или, во всяком случае, его тайных союзников — относились австрийские банкиры братья Фрей (во Франции они приняли это имя, означающее по-немецки «свободный», и выдавали себя за жертвы политических преследований). Братьев подозревали в шпионаже, но доказательств не было. Между тем рьяно демонстрировавшие горячий республиканизм банкиры сделали ловкий ход: осенью 1793 г. они выдали замуж свою 16-летнюю сестру Леопольдину за влиятельного депутата Конвента Шабо. Бывший капуцин, ставший на словах ультрареволюционером и входивший в группу дантонистов, получил за женой богатое приданое в 200 тыс. ливров. А братья Фрей по рекомендации Шабо были приняты в члены якобинского клуба. Шабо также добился сначала легализации деятельности английского банкира Уолтера Бойда — заведомого агента Питта, а потом помог тому достать заграничный паспорт и уехать в Великобританию.

Осенью 1793 г. Батц предпринял неудавшуюся попытку освободить из тюрьмы Марию-Антуанетту. Одновременно он сблизился с дантонистами, а некоторых из них (с помощью Фреев) втянул в аферу, связанную с делами Ост-Индской компании. Группа депутатов-дантонистов — Шабо, Делонэ, Фабр-д'Эглантин, Базир и Жюльен — за взятку в полмиллиона ливров так средактировала текст закона о ликвидации Ост-Индской компании, что она смогла уклониться от выплаты государству причитавшихся с нее денежных взносов.

Один из участников этой темной махинации — Фабр-д'Эглантин — пытался еще шантажировать Ост-Индскую компанию, нападая на нее публично и одновременно вымогая мзду за прекращение своих выступлений. Вместе с тем, чтобы укрепить свое положение, Фабр-д'Эглантин направил Комитету общественного спасения обширный донос, включив в него обвинения по адресу и своих сообщников, и своих противников. Он уверял в доносе, что агенты иностранных правительств организовали обширный заговор для свержения республики. В числе заговорщиков Фабр-д Эглантин называл австрий-

ского подданного бельгийского дельца Бертольда Проли (действительно получавшего деньги из секретных фондов венского правительства), виноторговца Дефьё, австрийского шпиона банкира М. Симона (прикрывавшего свою разведывательную деятельность поставкой из-за границы остро дефицитного пороха), банкира Перейра, голландского банкира Вандениера и ряд других, столь же подозрительных лиц. Большинство из них имело связи с людьми, близкими к Дантону, как и Фабр-д'Эглантин. Другие, как Перейра и Вандениер, поддерживали контакты с видными деятелями эбертистов — левого крыла якобинцев.

В апреле 1793 г. в Париж прибыла англичанка Аткинс, поддерживавшая переписку с самим Питтом. Аткинс передала барону Батцу 20 млн. ливров. Батц облюбовал пустовавшее здание на окраине Парижа — Эрмитаж де Шарон. Этот дом с его многочисленными потайными комнатами и темными закоулками, скрытыми дверями, с люками, подвалами, из которых целый лабиринт проходов вел в соседние глухие дворы, превратился в штаб-квартиру заговорщиков. Здесь получали из-за границы и отсылали туда шифрованные депеши, написанные невидимыми чернилами, получали инструкции роялистские шпионы, разрабатывались планы действий против революционной власти. Батц поручил организацию бегства королевы одному из своих сообщников — шевалье де Ружвилю. В заговор деньгами и обещаниями вовлекли нескольких членов Коммуны — городского управления Парижа, которым были подведомственны тюрьмы, сторожей и жандармов, охранявших Темпль и Консьержери. Несколько раз попытки увезти королеву терпели крушение в самую последнюю минуту из-за различных случайностей.

Почувствовав, что почва уходит из-под ног, Шабо сообщил властям, что получил 100 тыс. ливров, но для подкупа Фабр-д' Эглантина. Чтобы отвести подозрение от дантонистов, Шабо утверждал, будто агентами Батца являются Эбер и другие левые якобинцы. Часть из упоминавшихся в доносах лиц, включая Шабо, была арестована еще в ноябре 1793 г., другие скрылись за границу. Задержать Батца не удалось. Материалы, сообщенные Фабр-д'Эглантином и Шабо, послужили одним из главных пунктов обвинения, выдвинутого на процессах дантонистов и эбертистов. В числе казненных дантонистов были Шабо и Фабр-д' Эглантин.

ШПИОН В КОМИТЕТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

Грозная, насыщенная революционной борьбой осень 1793 г. Париж — сердце республиканской якобинской Франции, отбивавшейся от коалиции реакционных держав во главе с Англией, от ударов в спину, наносимых внутренней контрреволюцией. Якобинцы отвечают революционным террором на происки врага, весь народ поднимается на защиту родины.

Боевым штабом революции становится назначенный народным представительством — Конвентом — Комитет общественного спасения. Перед 12 членами этого Комитета отчитываются министры и генералы, он руководит армией на фронте, снабжением столицы хлебом, производством пороха, дипломатией молодой Республики.

На секретном, как всегда, заседании 2 сентября 1793 г. Комитет общественного спасения заслушивает доклад министра иностранных дел Дефорга. Члены Комитета откровенно обсуждают вопрос о поведении французских послов, многие из которых были еще дипломатами старого режима; честны ли они, может ли Республика доверять их способностям и их верности? Говорится немало горьких слов по адресу некоторых из этих дипломатов и среди них — Энина, французского поверенного в делах в Константинополе. Его даже заподозрили в продажности.

Через несколько недель Энин получил письмо от одного своего давнего знакомого, дона Симона де Лас Казаса, посла испанского короля в Венеции. Испания уже воевала с Францией, а дипломаты все еще не считали нужным прерывать старые связи. Лас Казас дружески и доверительно предупреждал Энина относительно обвинений, которые были выдвинуты против него на заседании грозного Комитета общественного спасения. Энин написал возмущенное письмо в Париж, с жаром отвергая обвинение в коррупции. Получив письмо Энина, Комитет общественного спасения пришел к выводу, что в его составе находится иностранный шпион. Нечего говорить, что это было открытие первостепенной важности: утечка секретных сведений, которыми располагал Комитет, могла принести неизмеримый вред. Дело шло о жизнях тысяч солдат, об исходе военных операций, о безопасности всей Республики.

И очень характерно — отметим это с самого начала,— ни у Робеспьера, ни у Сен-Жюста, ни у других членов Комитета не возникло подозрение в отношении кого-либо из служащих, секретарей, присутствовавших на заседаниях. Все были убеждены, что шпионом должен быть один из членов Комитета. Для этого были основания, и мы — незнакомые со многим из того, что было известно членам Комитета

в 1793 г., но зато осведомленные о ряде фактов, которые они не могли знать,— должны признать серьезность этих оснований.

Комитет заседал по утрам — до заседаний Конвента, а иногда и по вечерам, так что прения затягивались до глубокой ночи. На заседаниях помимо членов Комитета присутствовали различные секретари для записи и передачи решений, министры, которых вызывали для отчетов, и некоторые другие лица. Так что, несомненно, имелись люди, частично посвященные в его секреты. Однако у Комитета не было постоянного секретаря, таким образом, видимо, никто, кроме самих членов Комитета общественного спасения, не имел возможности постоянно сообщать о том, что происходило на заседаниях. Комитет мог лишь догадываться, что подобная утечка информации происходит регулярно, но теперь, когда открылись государственные архивы разных стран, хранящие документы той эпохи, мы знаем это наверняка. Напомним, однако, кто осенью 1793 г. входил в состав Комитета (часть была избрана раньше, часть — несколько позднее). Членами Комитета состояли 12 человек, а именно: 1) Робеспьер, 2) Сен-Жюст, 3) Жанбон Сен-Андре, 4) Эро-де-Сешель, 5) Приёр из Марны, 6) Ленде, 7) Барер, 8) Билло-Варенн, 9) Колло-д'Эрбуа, 10) Карно, 11) Кутон, 12) Приёр из Кот-д' Ор.

Комитет был перегружен огромным количеством работы, каждый день он рассматривал сотни самых различных дел, для разбора которых было образовано шесть секций (по два человека в каждой). В результате за членами Комитета были закреплены определенные отрасли администрации (Робеспьер ведал делами, касающимися «общественного мнения», Сен-Жюст и Кутон — революционной полицией и т. д.). Иностранные дела подлежали ведению Барера и Эро-де-Сешеля, а военные (включая производство оружия и снаряжения) — Карно и Приёра (из Кот-д'Ор). Каждый член Комитета имел собственную канцелярию.

Когда Комитет ознакомился с письмом Энина, свидетельствовавшим об утечке информации, подозрения сразу сосредоточились на бывшем аристократе Эро-де-Сешеле. Вероятно, в большей мере это было вызвано тем, что сторонник Дантона Эро-де-Сешель имел какие-то подозрительные знакомства с международными банкирами и спекулянтами, и, несомненно, — недовольством, находившим пищу в связи с внешнеполитическим курсом Эро. Этот курс отдавал авантюризмом, прикрываемым революционной фразой, и мог увеличить и без того длинный список врагов Французской республики.

В ноябре—декабре 1793 г., когда пришло письмо Энина, Эро выполнял какое-то поручение Комитета на Рейне. Его отозвали и прямо обвинили в измене. Хотя Эро сумел оправдаться в Конвенте, который даже отказался принять его отставку, Комитет общественного спасения был непоколебим. Он потребовал, чтобы Эро либо

представил более убедительные оправдания, либо настоял на своей отставке. На этом дело ненадолго замерло, а уже через несколько месяцев Эро-де-Сешель был арестован в числе других дантонистов и 5 апреля 1794 г. гильотинирован по приговору революционного трибунала. В его судебном деле имеется копия письма Лас Казаса, в котором сообщались детали заседания Комитета 2 сентября 1793 г. В заголовке копии указывалось, что эти сведения были сообщены за границу Эро. Революционные деятели так и остались при своем убеждении. Однако это было ошибкой. Оставляя в стороне вопрос, был ли Эро вообще связан с иностранной разведкой, можно лишь с полным основанием утверждать, что источником известий о заседаниях Комитета был кто-то другой, так как передача информации продолжалась и после казни Эро...

В течение целого века после революции не было пролито ни малейшего света на то, каким образом материалы о секретных заседаниях Комитета общественного спасения попадали в руки врагов якобинской Франции. Но вот в 1894 г. в Англии появился второй том научной публикации «Рукописей эсквайра Д. Б. Фортескью, сохраняемых в Дромпоре». (Благодаря родственным связям этот владелец Дромпора унаследовал личные архивы ряда крупных государственных деятелей Англии.) В томе были напечатаны 28 информационных бюллетеней, которые английский посланник в Генуе Френсис Дрейк пересылал с сентября 1793 г. по июль 1794 г. в Лондон. Это были донесения какого-то роялистского агента о деятельности Комитета общественного спасения. В их числе находился и отчет о заседании 2 сентября 1793 г., материалы которого Лас Казас изложил в письме к Энину. Пользующиеся европейской известностью историки — француз А. Олар, англичанин Д. Клефем и др. — единодушно объявили эти бюллетени фальшивкой, с помощью которой роялисты дурачили иностранных дипломатов, а возможно, просто выуживали у тех деньги. Действительно, бюллетени содержат ряд сведений, которые плохо согласуются с тем, что мы знаем о некоторых событиях революции из других, безусловно достоверных источников. Бюллетени говорят о каких-то разногласиях Робеспьера и Сен-Жюста, приписывают этим выдающимся революционерам и другим членам Комитета труднообъяснимые и потому малоправдоподобные поступки. И, тем не менее, нам известно: Комитет общественного спасения сам придерживался мнения, что посланная за границу информация (иначе говоря, те же бюллетени) содержала, по крайней мере, правильный отчет о заседании 2 сентября 1793 г.

Прошло еще 20 лет после опубликоваиия «Рукописей» Фортескью. В 1914 г. выдающийся французский историк Альбер Матьез занялся изучением бюллетеней, присланных Дрейком, и пришел к выводу, что их нельзя попросту игнорировать, как это делали до той поры. Ко-

нечно, во многое, о чем они рассказывают, трудно поверить, но некоторые сообщавшиеся в них сведения, тоже поначалу не внушавшие доверия, при тщательной проверке полностью подтвердились (в том числе такие детали, которые, вероятно, мог сообщать лишь человек, присутствовавший на заседаниях Комитета общественного спасения). Даже то, что на первый взгляд кажется ложным, не оказывается таковым при тщательном исследовании. Например, в бюллетене от 2 июня 1794 г. сообщалось о посылке Бийо-Варенна в Северную армию. Бийо-Варенн остался в Париже, но, как выясняется, действительно имелось принятое, но неосуществленное решение направить Бийо-Варенна для инспектирования Северной армии.

Матьез предлагал: ни в чем не верить бюллетеням на слово, а стараться проверить упоминаемые ими факты. Этой работой и занялись в последние годы историки, опубликовавшие ряд интересных исследований. Пожелаем им успеха, а сами пока отметим два обстоятельства: во-первых, опубликованные бюллетени составляют лишь часть хранящихся в Англии и, во-вторых, аналогичные сводки информации содержатся и в архивах ряда других стран. Совершенно очевидно, что роялистские шпионы рассылали свои сведения по разным адресам, оказывая услуги всем противникам революционной Франции, а заодно многократно получая плату за один и тот же товар.

Кто же был информатором Френсиса Дрейка? Лицо, непосредственно доставлявшее материалы английскому дипломату-разведчику, мы знаем достаточно хорошо. Это некто граф д'Антрег — в начале революции сторонник конституционной монархии, вскоре, однако, эмигрировавший за границу и взявшийся руководить из Швейцарии роялистской шпионской сетью в Париже. Изучив архивы короля Людовика XVIII (брата казненного Людовика XVI), который во время революции находился в эмиграции, а в 1814 г. вернулся при поддержке иностранных войск на трон, Матьез доказал, что д'Антрег весьма серьезно менял содержание сведений, присылавшихся его агентами. Делал он это с явной целью подстрекнуть иностранные державы к усилению борьбы против якобинцев.

Но от кого же получал информацию сам д'Антрег? Его главным резидентом в Париже в 1792—1793 гг. был некий шевалье де Поммелле, профессиональный военный и близкий друг члена Конвента Тальена, который в 1794 г. стал одним из лидеров контрреволюционного переворота 9 термидора. Вторым, не менее важным агентом являлся Пьер Жак Леметр — бывший крупный чиновник, который после того, как Поммелле в 1793 г. эмигрировал из Франции, возглавил шпионскую сеть. Леметр имел массу знакомств и умело добывал информацию: иногда просто выспрашивая болтунов, в других случаях подкупая мелкими подачками неустойчивых чиновников или депутатов. Помощниками Леметра были аббат Бротье, издатель газеты «Жур-

наль женераль де Франс», поддерживавший связи с контрреволюционерами в Вандее, и Николя Сурда, бывший судейский чиновник из провинции. Шпионский центр был размещен в подвале здания, которое занимало одно правительственное учреждение. Организация имела многочисленные явки, нелегально печатала роялистские листки, многие материалы пересылались в Швейцарию по почте на многочисленные, заранее установленные адреса. Чтобы обмануть цензуру Комитета общественного спасения, шпионские донесения вписывались симпатическими чернилами. Хотя Леметр был в 1795 г. арестован и казнен, шпионская сеть в целом продолжала действовать. Ученые нашли много писем из Парижа к д'Антрегу: к сожалению, как правило, большинство строчек, написанных невидимыми чернилами и «проявленных» при получении писем, теперь от времени настолько выцвели, что разобрать их пока не удалось.

От кого, однако, сами участники роялистского шпионского подполья получали сведения о заседаниях Комитета общественного спасения? Здесь мы вступаем в самую темную и неизведанную область. Многое, как уже отмечалось, говорит за то, что источником информации мог быть только один из членов Комитета. Но кто? Надо попытаться, говорят западные исследователи, определить предателя, не полагаясь на историческую репутацию членов Комитета. Прежде всего для облегчения задачи в списке деятелей Комитета общественного спасения, приведенном выше, следует выделить тех, кто физически был не в состоянии выполнять функции осведомителя роялистов. Кто же имеет алиби? Как мы уже знаем, прежде всего главный подозреваемый — Эро-де-Сешель. Кроме того, сразу же отпадают Жанбон Сен-Андре и Приёр из Марны, так как они долго находились вне Парижа и не присутствовали на заседаниях. Билло-Варенн и Колло-д'Эрбуа еще не были членами Комитета во время заседания 2 сентября 1793 г., отчет о котором д'Антрег направил своим иностранным клиентам. Кутон как раз осенью 1793 г. долгое время был в Лионе. Сен-Жюст перемежал пребывание в Париже с поездками в сражавшиеся армии. Ленде находился на западе страны и был отозван в Париж лишь в конце октября 1793 г. Робеспьер? Помимо того, что нелепо и кощунственно подозревать «Неподкупного», фактического главу революционного правительства, Робеспьер также часто не присутствовал на заседаниях, отчеты о которых попадали в руки д'Антрега.

Итак, остаются трое. Среди них один — Барер, человек с не очень чистой репутацией, доказавший своей последующей карьерой, что он был способен на многое. Но в отчетах немало специфически военных сведений (притом, оказавшихся при проверке правильными). Барер, видимо, не мог знать эти детали. Остаются двое: Приёр из Кот-д'Ор и Карно — они оба были в курсе всех военных вопросов. Кто же из

двух? Формальным анализом нельзя более исключить ни одного из них. И тут нам на помощь приходит д'Антрег. Оказывается, он вовсе не держит в тайне имя своего осведомителя. В письмах к Лас Казасу от 20 и 27 августа 1794 г. он прямо называет это имя: Карно. Лазарь Карно! Человек, которого сначала сочувствовавшие ему современники, а потом буржуазные историки назвали «Организатором победы». Правда, сочувствовали ему буржуазные историки именно потому, что Карно был «белой вороной» среди якобинцев. Он стремился к созданию «обычной», «регулярной» армии скорее не из-за того, что хотел покончить с анархией, с партизанщиной, а потому, что желал оседлать, подчинить буржуазному руководству грозную стихию народной революционной войны. Даже в наши дни подозрение, высказанное против Карно, вызвало бурное негодование среди влиятельных буржуазных ученых во Франции.

Да и вообще, какая цена словам д'Антрега? Есть ли какие-либо доказательства, помимо слов этого весьма нечистоплотного авантюриста? На это можно ответить: у д'Антрега вряд ли могли быть основания лгать в письмах Лас Казасу, не говоря уже о том, что к Карно мы подошли методом исключения почти всех остальных членов Комитета. Данных о связях Карно с роялистскими шпионами в Париже нет. Зато есть косвенное свидетельство связей Карно и д'Антрега. Когда в 1797 г. д'Антрег был арестован в Италии солдатами Наполеона Бонапарта (об этом ниже), он переписывался с Карно — по-прежнему занимавшим высокий пост в правительстве,— испрашивая паспорта для членов своей семьи.

Роялисты могли соблазнить Карно не столько деньгами, сколько обещанием безопасности в случае реставрации монархии Бурбонов. А член Комитета общественного спасения Лазарь Карно в глубине души явно не очень верил в прочность революционного правительства. Его даже прямо обвинили однажды в передаче врагу тайн Комитета. Он участвовал в перевороте 9 термидора. Позднее у Карно явно были роялистские связи, какие-то контакты с армией интервентов. Внутренний анализ бюллетеней д'Антрега также как будто указывает на Карно. В них сообщается, как уже говорилось, много военных сведений. Бюллетень от 23 марта 1794 г. излагает план кампании революционных армий в Северной Франции и Бельгии. Приказы, которыми французским войскам предписывалось начать осуществление этих планов, были подписаны Карно частью непосредственно **до**, частью сразу же **после** 23 марта. Многие данные, сообщавшиеся в бюллетенях, были, несомненно, ложными и вряд ли могли исходить от Карно. Но ведь Карно (если это был он) вовсе не являлся единственным источником информации д'Антрега. Да и сам Карно мог, чтобы не выдать себя, сообщать наряду с правдивыми также вымышленные сведения.

И все же... И все же это еще далеко не доказательство. Ведь можно представить себе, что информатором шпионов мог быть кто-либо из служащих Комитета общественного спасения, секретарей, в частности роялистски настроенных помощников того же Карно. Этому информатору вовсе не обязательно было лично присутствовать на всех заседаниях Комитета, чтобы в общем и целом быть знакомым с решениями высшего органа революционного правительства. Для этого достаточно было бесед с коллегами по работе, просмотра составленных секретарями протоколов заседаний, новых приказов, подписанных членами Комитета. Дрейк в одном из писем в Лондон, посылавшихся вместе с бюллетенями, глухо указывает на секретаря Комитета как источник информации. Но это, возможно, было сделано из соображений конспирации. Кроме того, до личной встречи с д'Антрегом, состоявшейся позже, Дрейк вряд ли мог знать имя шпиона в Париже.

Вероятно, разгадка будет найдена. Но пока архивы продолжают хранить свою тайну...

А ДАНТОН?

В связях с английской разведкой еще в годы самой революции подозревали Дантона. По некоторым догадкам ученых, именно представленные в последнюю минуту присяжным революционного трибунала во время процесса дантонистов доказательства существования этой связи и решили окончательно их судьбу.

Дантон, что бы ни думали о его морали, был крупным буржуазным революционером. Он имел большие заслуги перед революцией — на первых этапах ее развития. Однако во время якобинской диктатуры Дантон своим образом жизни нувориша, «нового богача», жадностью к материальным благам, к богатству, всеми своими общественными связями и симпатиями тяготел к буржуазным кругам, недовольным революционным террором, напуганным угрозой потери собственности, которая им чудилась в якобинских мечтах о равенстве, и выступал рупором этих кругов. Борьба против якобинской диктатуры закончилась весной 1794 г. гибелью Дантона и его друзей. Позднее, в конце XIX в., Дантон стал признанным героем французских либеральных республиканцев. Сочувствующие им историки, вроде А. Олара, восхваляли Дантона, противопоставляли его «диктатору» Робеспьеру.

Вызов принял демократический историк А. Матьез. В своей защите Робеспьера он не щадил Дантона. В результате многолетних настойчивых поисков в архивах, сверки нотариальных актов, купчих и других документов Матьез выдвинул против него тяжкие обвинения в продажности, в сотрудничестве со двором и иностранными разведками.

Как же доказывает Матьез свои утверждения? Он скрупулезно подсчитывает все возможные законные источники доходов Дантона (адвокатская практика, жалованье депутата) и приходит к выводу, что они никак не могли послужить даже основой для того довольно крупного состояния, которое успел сколотить за короткий срок бывший провинциальный стряпчий. В 1787 г. у Дантона было всего на 12 тыс., а в 1794 г. — уже свыше чем на 200 тыс. ливров различного имущества. Однако обязательно ли считать, что это были деньги, полученные Дантоном от роялистов или от английской разведки? Подобно многим другим депутатам-буржуа, Дантон, вероятно, занимался спекуляцией национальными имуществами (так назывались конфискованные земли дворян-эмигрантов, пущенные в продажу во время революции). Кроме того, в руках Дантона в бытность его министром были очень большие секретные суммы, которые он имел возможность расходовать почти бесконтрольно. Мог он попользоваться и кое-чем из добычи, захваченной французской армией в Бельгии (о чем тоже имеются весомые намеки в документах). Все это, конечно, не украшает облик Дантона, но оставляет недоказанным обвинение в подкупе и шпионаже.

Вместе с тем есть и другие свидетельства. Еще в начале революции, в ноябре 1789 г., французский посол в Лондоне доносил министру иностранных дел: «...В Париже есть два англичанина, один по имени Дантон, а другой по имени Паре (секретарь Дантона.—*Е. Ч.)*, которых некоторые подозревают в том, что они состоят специальными агентами английского правительства». Трудно подозревать французского дипломата в предубеждении против Дантона. Его имя тогда было еще совершенно неизвестно, и посол даже считал Дантона англичанином.

После ареста Дантона среди его бумаг было обнаружено письмо от английского министерства иностранных дел банкиру Перрего с поручением выплатить довольно большие суммы денег лицам, обозначенным инициалами. Эти деньги должны были составлять вознаграждение за услуги, оказанные Англии, в частности за выступление с провокационными речами в якобинском клубе. Неясно, как могло попасть это письмо к Дантону, если оно не было передано ему самим банкиром Перрего.

Как бы ни относиться к таким прямым свидетельствам, обвинение Дантона в шпионаже получает и косвенное подтверждение в доказа-

тельстве того факта, что он принимал деньги от французского двора. В 1851 г. была опубликована переписка Мирабо с графом Ламарком. В этих доверительных личных письмах, относящихся к 1791 г., Мирабо, который уже состоял на жалованье у двора, упоминает как само собой разумеющееся обстоятельство, что Дантон получал деньги за помощь королю в подготовке контрреволюционного переворота. Одним из лиц, сотрудничавших с Дантоном в этих махинациях, был некто Талон, проходимец, занявший пост начальника королевской тайной полиции, организатор роялистской пропаганды. Уехав за границу и разбогатев в Англии на финансовых спекуляциях, Талон через девять лет после казни Дантона, в 1803 г., рискнул вернуться во Францию, но был немедля арестован полицией консула Бонапарта. В своих показаниях он рассказал о сотрудничестве с Дантоном, что тот, будучи министром юстиции, когда Талону стало опасно оставаться во Франции, добыл ему заграничный паспорт. Талон подтвердил, что он вел переговоры с английскими агентами относительно попытки спасения короля. В этом деле ему опять-таки вызвался помочь Дантон, который думал добиться этой цели принятием декрета об изгнании. По словам Талона, Дантон потребовал, однако, такую крупную сумму, которую английский премьер-министр Уильям Питт-младший никак не соглашался дать, хотя бы даже после спасения короля. Не следует думать, что Талон своими показаниями думал очернить память Дантона. Скорее наоборот, для Талона, как роялиста, эти поступки Дантона были вполне похвальными, хотя и не бескорыстными. Так что у Талона не было причин лгать.

Надо добавить, что еще один из роялистов, Теодор Ламет, в своих мемуарах, увидевших свет только в XX в., вполне независимо от Талона подробно излагает эту историю переговоров Дантона с иностранными державами, в том числе с Англией, о спасении короля за 2 млн. и об отказе Питта дать согласие уплатить запрошенную сумму.

Нет нужды продолжать, воспроизводя многочисленные дополнительные свидетельства, которые приводит Матьез, для подтверждения рассказов Талона и Ламета. Французский историк попытался под углом зрения этой версии «пересмотреть» всю деятельность Дантона в годы революции. Большинство специалистов сочло в целом теорию Матьеза недоказанной. Эти историки с полным основанием решительно отвергли его попытку представить Дантона только взяточником и шпионом, игнорируя ту объективно большую революционную роль, которую он сыграл в ряде важнейших событий тех грозовых лет.

ЗОЛОТО ПИТТА

Во время революции во Франции постоянно сохранялась настороженность, опасение того, что государственные тайны будут выданы шпионами врагу, что прикрывающиеся маской патриотов неприятельские агенты нанесут удар в спину якобинской республике. Реакционные историки любят говорить о «шпиономании» в годы Великой французской революции. Оснований для этого нет. Правда, в ходе политической борьбы руководителям побежденной партии приписывались связи с врагом, и не раз это было ложным обвинением (например, в отношении так называемых «бешеных», левых якобинцев и других политических течений и партий).

«Золото Питта» — таковы были крылатые слова, не сходившие с уст ораторов и со страниц печати. Но нельзя не видеть и другой стороны: в революционной Франции действительно орудовала агентура дворян-эмигрантов, получавшая деньги от иностранных государств, действовали и шпионские организации этих держав, прежде всего Англии. Мы уже говорили о разведывательной сети д'Антрега, который продажей бюллетеней фактически обеспечивал финансирование своей агентуры иностранными правительствами. Деньги притекали не только через Френсиса Дрейка, но и через английского посла в Швейцарии Уикхема. Именно Уикхем передавал английские субсидии эмигрантской армии Конде, руководителям контрреволюционного восстания в Лионе, организаторам роялистской пропаганды в годы правительства Директории.

Еще более тесными были связи контрреволюционеров Вандеи с Лондоном, осуществлявшиеся через остров Джерси, где находились тысячи эмигрантов. Была налажена регулярная система разведки и доставки новостей — так называемая «Корреспонданс». Ее возглавлял Н. Ф. Прижан. В течение нескольких лет агенты «Корреспонданс» действовали на севере Франции. Проскальзывая мимо якобински настроенных деревень и республиканских патрулей, эти агенты останавливались на многочисленных тайных квартирах, которые называли «домами Корреспонданс». Были созданы регулярные «пути Корреспонданс» — от побережья до Парижа и других центров Франции. Особенно разветвленной была сеть «Корреспонданс» в Вандее и Бретани. «Корреспонданс» участвовала не только в организации вандейского мятежа, но и в предпринятой в 1795 г. попытке высадки армии эмигрантов, которую вскоре же после этого разгромили республиканские войска. Агенты Питта даже вели пропаганду в пользу присоединения Вандеи, Бретани и других северных французских областей к Англии!

Одним из типичных руководителей «Корреспонданс» был английский авантюрист, капитан, а позднее адмирал британского флота Филипп Довернье. Еще до революции, во время войны Англии с Францией, он попал во французский плен и там... был усыновлен герцогом Бульонским. Герцог умер в 1792 г., и английский капитан, мечтавший заполучить владения приемного отца, люто ненавидел революцию. Впоследствии, при правлении Наполеона, в период кратковременного прекращения войны между Англией и Францией, Довернье приехал в Париж хлопотать об отцовском состоянии. Власти поспешили упрятать в тюрьму докучливого просителя: ему бы следовало знать, что земли, на которые он претендует, попали в руки самого первого консула Бонапарта!

В числе наиболее опасных для Республики форм активности «Корреспонданс» была заброска во Францию фальшивых ассигнаций, которые еще с 1791 г. стали печатать на специальных фабриках в Лондоне. В роли фальшивомонетчиков подвизались, в частности, эмигранты-священники. Тюки с фальшивыми ассигнациями переправлялись во Францию для снабжения деньгами роялистов и для того, чтобы вызвать финансовый хаос в стране.

Эмигранты-роялисты, в частности граф Пюизе, даже сочинили теоретическое обоснование фальшивомонетчества: поскольку, мол, власть правительства Французской республики является незаконной и поскольку собственность, объявленная обеспечением бумажных денег, конфискована у дворянства, ассигнации, выпущенные Конвентом, следует признавать подделкой; напротив, производившиеся английской разведкой совместно с Пюизе фальшивые деньги являются якобы самым законным средством платежа. В конце 1794 г. в мастерской Пюизе, где работало 70 человек, рассчитывали «производить» не менее одного миллиона ливров поддельных ассигнаций в день. Расчет оказался даже заниженным. Когда осенью 1795 г. отряды эмигрантов высадились в Кибероне, на севере Франции, и были вскоре разгромлены войсками генерала Гоша, в числе трофеев, захваченных республиканцами, находились фальшивые бумажные деньги на сумму в 10 млрд. ливров. Поддельные французские ассигнации фабриковались в большом количестве не только в Англии, но и в Нидерландах, Швейцарии и Италии, в тех районах Франции, которые временно захватывали иностранные интервенты и роялисты. Как отмечает французский историк Ж. Бушари, специально занимавшийся изучением роли, сыгранной фальшивыми ассигнациями в годы революции, широко известный факт их существования, не меньше чем массовый выпуск правительством бумажных денег для покрытия правительственных расходов, способствовал быстрому росту инфляции. А потеря доверия к обесценивавшимся бумажным деньгам имела серьезное экономическое и политическое значение.

Фальшивомонетчеством как оружием в тайной войне впоследствии широко пользовался Наполеон. Когда Наполеону показали добротно сработанные в Лондоне французские ассигнации, он, пораженный их качеством, приказал расплатиться ими с военными поставщиками. С 1806 г. в Париже была налажена подделка австрийских и английских банкнот. Клише изготовил гравер военного ведомства Даль. Фальшивые деньги печатались в типографии, расположенной на Монпарнасском бульваре, под наблюдением министерства полиции и тайной канцелярии самого императора. Готовые банкноты опускали в пыль, чтобы придать им вид давно уже бывших в обращении.

Однажды в беседе с австрийским послом Меттернихом — дело происходило во время сближения с Веной — Наполеон обещал прекратить подделку австрийских денег. Даже обычно невозмутимое лицо Меттерниха невольно отразило такое недоверие, что император не смог сдержать улыбки. Наполеон и сам понял, насколько неправдоподобным было его обещание. В Париже, а позднее в Дрездене и Варшаве по распоряжению Наполеона были отпечатаны фальшивые русские ассигнации на много десятков миллионов рублей. Выпуск поддельных денег французские власти старались наладить даже в Москве за то короткое время, которое город находился в руках наполеоновской армии. Для этого было приспособлено помещение на окраине, около Преображенского кладбища.

Но вернемся к «Корреспонданс». Не следует думать, что «Корреспонданс» только поддерживала предприятия, не приведшие к успеху, а сама не терпела серьезных неудач. Совсем напротив. Разведка республиканцев засылала под видом эмигрантов на остров Джерси своих людей, чьи сообщения указывали пункты, где предполагали высадиться роялисты, путали многие их планы. Так, из 130 вооруженных эмигрантов, заброшенных однажды Прижаном во Францию, только он один и спасся, остальные были захвачены в плен. В годы Директории и Консульства министр полиции, известный политический хамелеон Жозеф Фуше наладил систему контрразведки, и агенты «Корреспонданс» стали попадаться очень часто. Но все же организация продолжала действовать и после того, как были подавлены роялистские восстания на севере Франции и даже в первые годы империи Наполеона: теперь эта шпионская сеть главным образом собирала сведения о подготовлявшемся вторжении французской армии в Англию.

После объявления Наполеоном в 1806 г. континентальной блокады действия английских разведчиков тесно переплетались с операциями контрабандистов, промышлявших ввозом запрещенных товаров во Францию и другие континентальные страны. Тайные донесения прятались под камнями на морском побережье, в выдолбленных от-

верстиях, в веслах и в днищах лодок, которые надо было разобрать на части, чтобы обнаружить скрытое послание. Множились способы шифровки. Донесения посылались под видом нот, научных трактатов, технических описаний и даже кулинарных рецептов. Десятки и сотни агентов попадались, но другие продолжали работу, щедро оплачиваемую британской секретной службой.

Представление о том, какой рекой лилось английское золото, дает случай с аббатом Рателем. Во время Консульства (1799—1804) достопочтенный аббат и его сотрудница проститутка Жюльена Спер, действовавшие в Булони-сюр-Мер, помимо собственного значительного жалованья получили от англичан около 300 тыс. франков для раздачи агентам. Немалую толику от этой большой суммы оборотистый отец Ратель оставил у себя, и британской разведке пришлось приложить значительные старания, чтобы выудить у него хотя бы часть прихваченных между делом казенных денег.

Сменивший Рателя аббат Леклерк был опытным и ловким заговорщиком. Выдавая себя за адвоката, он не покидал Парижа даже в годы якобинской диктатуры, поддерживая связи с роялистским подпольем. Под различными именами аббат разъезжал в экипаже по всему северному побережью Франции и собирал сведения о войсках, которые концентрировал там Наполеон для высадки в Англии. Эти сведения Леклерк пополнял известиями, доставлявшимися его отборными агентами. Один из них был крупным чиновником военного министерства, а другой занимал пост в административном отделе военно-морского флота. Всегда находился и рыбак, готовый за 500 франков тайно доставить в Англию письмо «коммерсанта Лароза» (как часто называл себя Леклерк). Рыбаки были убеждены, что везут частные послания (Леклерк даже предварительно зачитывал им содержание писем, не упоминая, разумеется, о шпионских донесениях, написанных симпатическими чернилами между строк). В числе агентов Леклерка в 1804 г. находилась 18-летняя легкомысленная мадемуазель Руссель-де-Превиль из Булони, прозванная «Нимфой». Она стала ловким и удачливым курьером. Министр полиции Фуше поручил самым опытным полицейским сыщикам выследить Леклерка и его агентов. Основываясь на показаниях одного из арестованных участников разведывательной организации, жандармы едва не захватили Леклерка и «Нимфу» в Абвиле, но им удалось скрыться и после долгих скитаний добраться до Англии.

Ряд провалов английских разведчиков был вызван случайностью. Так, Арман де Шатобриан (двоюродный брат известного писателя), уполномоченный «Корреспонданс», в течение месяца ожидал на побережье корабль, который должен был доставить его на Джерси. В начале января 1808 г. небольшое рыболовецкое судно действительно прибыло с опозданием в назначенный порт, и Шатобриан был

взят иа борт. Однако после недолгого плаввния корабль был ветром отиесен обратио к берегам Фраиции. Тогда агеит «Корреспондаис» поспешил завязать находившиеся при нем донесения и карты в иепромокаемую ткань и выбросить пакет в море. Офицер пограиичной стражи, к которому привели арестоваиных, поверил их рассказам, что оии рыбаки с Джерси; им угрожало лишь интернироваиие. Но через пару дией в 30 милях от того места, куда прибило судно, волна выбросила на берег пакет с донесеииями и картами. Префект депвртамента Ла-Манш имел список 108 активных агеитов «Корреспондаис». Получив доиесения об аресте миимых рыбаков и пакет с бумагами, он сразу сообразил, в чем дело. Вскоре Арман Шатобриаи был казнен в Париже по обвиинению в шпиоиаже.

Дольше всех держался Прижан — ои совершил 184 разведывательные поездки из Джерси во Францию, ио в коице коицов летом 1808 г. его выдал один из роялистских агеитов, переметиувшийся на сторону империи. После ночи в тюрьме Прижаи попросил свидание с префектом Реина и в течеиие шести часов со всеми подробиостями сообщал, что ему было известно о «Корреспоидаис»: имеиа и внешность агентов, тайиые квартиры и пуикты высадки, пароли и т. д. Для «Корреспоидаис» зто было смертельиым ударом. По показаниям Прижана арестовали и судили в Реиие 30 человек. Впрочем, ни Прижан, ии выдавший его агент ие спасли шкуры — оии были в числе девяти, которых казнили по приговору суда.

Успехи аиглийской секретиой службы были связаны с рядом благоприятных для иее факторов. Отдельиые настроенные против якобииской диктатуры крупные граждаиские и воеииые чины сами предлагали свои услуги врагу. А после переворота 9 термидора активизировались скрытые роялисты, заиимавшие порой важиые административиые посты. Такие факты, как переход на сторону врага генервла Дюмурье и предательство ряда других геиералов, служат ярким тому примером. Некоторые из подобных лиц превращались в платных агеитов иностраииой секретной службы, иногда через заграничиые роялистские цеитры, вроде оргаиизации д'Антрега в Швейцарии.

Английская разведка не пыталась, кажется, сама прибегвть к организации покушений иа главиых деятелей революции. В Лондоне не без основания полагали, что убийство того или иного революционера ие изменит общего хода событий. А кроме того, спокойнее было действовать руками роялистов и вообще всех врагов революционного правительства. Кинжал Шврлотты Кордэ, оборвавший жизнь Марата, был иацелен жирондиствми, уже связанными многими нитями со злейшим врагом Республики — Англией.

Ярая борьба Англии против фрвнцузской революции связывалась в сознвнии ее современников и учвстников с имеием главы английского кабинета — Уильяма Питта-младшего. Поэтому нет ии-

чего удивительного, что в революциоиных кругах немало говорилось о необходимости во имя свободы устранить главного вдохновтеля всех тиранов, ополчившихся на французскнй народ, — британского премьер-министра Пнтта.

В бюллетене д'Антрега содержнтся указанне, что этот вопрос обсуждался в сентябре 1793 г. иа заседании Комнтета общественного спасения. Не присочинил ли здесь д'Аитрег для придания большей значимости и цены своей информацни в глазах Дрейка и его лондонского начальства? Как будто иет. Дрейк после личного свидания с д'Антрегом сообщнл в Лондои и имя иекоего Болдуина, который должен был совершить покушенне на Питта (аналогичная информацня доставлялась в Лондои и от других британских днпломатов. Она также восходила к д'Антрегу). Однако иеожиданно были получены и сведения из совершенно другого источника.

13 октября 1793 г. в Англню прибыл некто Ричард Феррнс, имевшнй какие-то задаиия от французского правнтельства. Однако Феррис вместо выполнеиия этих поручений явился к мнннстру иностранных дел Гренвиллю н выдал свох доверителей. Феррнс был нрландским католическнм священником, уехавщим до революции во Францию. В 1791 г. ои ие принял гражданской прнсягн, как требовалось по новому революцнонному закону от священннков, бежал нз Франции и состоял при армии эмигрантов. В конце 1792 г. Феррнс вернулся во Францию и, выдавая себя за англнйского подданного (войиа протнв Англии еще ие началась), получнл британский паспорт. Французские архнвы подтверждают существованне н значительио более тесных связей между революционнымн властями в Париже и Феррисом (в частиости, иамереиие использовать его для контактов с ирландскими республнкаицами). Эти связи, впрочем, были далеко не безоблачиыми — в августе 1793 г. во Францни Ферриса даже арестовали. Осенью 1793 г. французские власти разрешили ирландцу уехать в Англию взамен обещания выполнять там разведывательные функции.

Гренвилль вначале поверил Феррнсу и решнл с его помощью дурачить французское правительство, посылая фальшнвую информацию. Однако вскоре Феррис перестал внушать доверие: он встречался с одним подозрительным, с точки зрения английских властей, эмиграитом из австрийских Нидерландов и, несомиенно, в написанной им в Англии «исповеди» скрыл многое из своего прошлого. Поэтому Питт н Гренвнлль, в конечном счете, пришлн к выводу, что Феррису нельзя давать иикаких поручений, так как иеясно, что у иего на уме. Его даже счнтали возможиым участником заговора против Пнтта и установили за иим полицейскую слежку.

Но главный, по уверению д'Антрега, участиик этого заговора, Болдуин, так и не приехал в Лондои. Дрейк сообщил, опять-таки со

слов д'Антрега, что Болдуин был признан негодным к выполнению такого важного дела, арестован и несколько месяцев содержался в тюрьме. Взамен его поехал какой-то бывший аристократ под именем американца Элиа Томмина, но и он не достиг Англии. В феврале 1794 г. Дрейк передавал, что в Англию через австрийские Нидерланды отправятся швейцарец Колла и генуэзец Годони. Австрийские власти, предупрежденные Лондоном, задержали каких-то двух человек, являвшихся якобы этими Колла и Годони, и вежливо запросили английское правительство, что оно желало бы делать с арестованными. Гренвилль немедля ответил: «Держать их в заключении вплоть до окончания войны». Кажется, не было никаких доказательств участия арестантов в заговоре, и они были посажены в тюрьму «впредь до приискания улик».

Таким образом, имеющиеся факты не позволяют говорить о том, имели ли отношение все или некоторые из этих лиц к подготовке покушения на Питта и даже, больше того, не был ли сам заговор продуктом богатого воображения главы роялистского шпионажа д'Антрега. Зато английская разведка подумывала даже о таком виде борьбы, который впоследствии стали именовать бактериологическим оружием. Еще во второй половине XVIII в., во время войн в Северной Америке, лорд Амхерст намеревался с целью ослабить «мятежные» индийские племена распространить среди них эпидемию оспы. Инфекцию предполагалось возбудить с помощью зараженных одеял, которые должны были быть подброшены доверчивым «дикарям». В 1804 г. наполеоновский военный министр Бертье предупреждал своих подчиненных, что, по слухам, англичане собирались разбросать на французское побережье шесть или семь тысяч мешков с шерстью, зараженной чумой.

ПОРТФЕЛЬ ГРАФА Д'АНТРЕГА

С лета 1796 г., когда армия молодого генерала Бонапарта стала одерживать победу за победой в Северной Италии над превосходящими ее силами австрийцев, д'Антрег имел уже своих агентов в числе офицеров штаба молодого командующего. В письмах Ф. Дрейка, хранящихся среди бумаг английского министерства иностранных дел, встречаются намеки, что д'Антрег поддерживал связи даже с самим Бонапартом. К этому вопросу мы еще вернемся, а пока посмотрим, что же за агенты Дрейка и д'Антрега были в штабе армии генерала Бонапарта. Еще в письме от 23 ию-

ия 1796 г., посланном Ф. Дрейком из Венеции в Лондон, указывалось, что его человек поддерживает контакт с «генеральным комиссаром» французских войск. Такого поста во французской армии тогда не существовало. Имелся, однако, глава военной администрации, которого называли «главным комиссаром-распорядителем». На этой должности в июне 1796 г. быстро сменилось трое. Первого из них, Денние, уволили по плохому состоянию здоровья и «недостатку энергии». О преемнике Денние — Ламберте генерал Кларк, инспектировавший в ноябре 1796 г. армию, сражавшуюся в Италии, заметил, что он «обладает талантом, но не честностью». Ламберта сменил Вильмаизи, который, по мнению того же Кларка, относился «прохладно к Республике». Все трое, таким образом, подозрительны, кто более других — сказать трудно за отсутствием фактов.

Но был и еще один агент Дрейка и д'Антрега — «генерал Булар». Сохранилось много его писем, содержащих шпионские сведения. Имена всех генералов армии Бонапарта хорошо известны, и среди них нет никого с фамилией Булар. Следовательно, агент либо не имел генеральского чина, либо Булар — вымышленная фамилия, заменявшая настоящую в целях конспирации. Письма, посланные «Буларом», датированы одним и тем же месяцем — июлем 1796 г., после чего сведения о нем прерываются до 1798 г. В марте 1798 г. один из агентов д'Антрега сообщил из Парижа, что генерал Булар должен вскоре прибыть в столицу и получить назначение командиром дивизии, направляемой в Гавр. Еще через несколько месяцев тот же агент передавал, что Булар собирается принять участие в экспедиции, которую подготовляет Бонапарт (это была экспедиция в Египет), и с этой целью отплыл на корабле «Ориент». В донесении указывается фамилия спутника Булара — генерала Казабянка, хорошо известного по сохранившимся документам.

В бумагах д'Антрега имеется важный ключ для определения действительной фамилии Булара — указывается, что он родился в Ардеше и был до поступления на военную службу адвокатом. Среди генералов французской армии, действовавшей в Италии, из Ардеша родом был только Байяр де Боревуар. Он, однако, никогда не был адвокатом и, кроме того, оставаясь в Италии до 1799 г., не мог, следовательно, отправиться с Бонапартом в Египет. Генерал Сервье родился неподалеку от Ардеша и придерживался (по характеристике Кларка) взглядов, не очень благоприятных в отношении Республики. Но он не служил в армии после марта 1797 г. Адвокатом до поступления в армию был генерал Сервони. Он родился на Корсике. Вполне возможно, что до революции Сервони мог быть адвокатом в Ардеше, где его в таком случае, вероятно, знал д'Антрег. Но об этом нет никаких документальных свидетельств. Военная карьера Сервони в общем совпадает с карьерой «Булара». Сервони в 1798 г. был пере-

веден в армию, сосредоточенную на севере Франции для действий против Англии. 15 февраля 1798 г. Сервони был назначен дивизионным генералом. Всего этого, однако, еще мало, чтобы превратить догадку в уверенность, гипотезу в точно установленный факт.

В связи с действиями роялистских и иностранных агентов в штабе армии генерала Бонапарта надо рассмотреть обстоятельства ареста их шефа — графа д'Антрега. Обстоятельства эти таковы. Д'Антрег с семьей находился в Венеции, когда она была осаждена французскими войсками. Граф попытался, спешно приняв русское подданство, выехать из города в свите царского посла Мордвинова. Французские власти знали и о том, что д'Антрег находится в Венеции, и о том, каким образом он собирался ускользнуть из города. Тем не менее д'Антрегу удалось в составе сотрудников посольства благополучно проехать через расположение французских войск. Однако в Триесте 27 мая 1797 г. он был опознан и арестован французскими жандармами. При нем находился только один портфель, очевидно, содержавший особо важные бумаги.

Из Триеста д'Антрега под сильной охраной доставили в Милан, где держали в строгом заключении. В Милан же прибыли жена и сын д'Антрега. В своих воспоминаниях Наполеон Бонапарт так описывает дальнейшие события (о себе он пишет в третьем лице): «Генералы Бертье и Кларк произвели проверку всего найденного у него (т. е. д'Антрега. — *Е. Ч.*) в портфеле, составили об этом протокол, разобрали все документы и отослали все в Париж. В ответ французское правительство приказало, чтобы д'Антрег был предан суду военной комиссии для обвинения по законам Республики. Но тем временем он заинтересовал Наполеона, который виделся с ним несколько раз. Сознавая всю опасность своего положения, он постарался понравиться тому, от кого зависела его судьба, говорил с ним без утайки, раскрыл все тогдашние интриги и выдал секреты своей партии. Понравиться ему удалось. Он добился разрешения проживать в городе на честное слово без охраны. Через некоторое время ему дали бежать в Швейцарию». Наполеон, как это часто случалось с ним при писании мемуаров, сообщая формально все обстоятельства дела (особенно, если они были и так известны), о многом умалчивал. Нет сомнения, что он так поступил и в данном случае.

Незадолго до ареста д'Антрег имел встречу с другим организатором роялистского подполья — Монгайяром. В ходе беседы Монгайяр ознакомил д'Антрега со всей картиной организации роялистов во Франции. Протокол беседы находился в портфеле д'Антрега и был прочтен Наполеоном. Однако этого протокола не оказалось среди бумаг, пересланных в Париж! Взамен сохранилась лишь копия, составленная д'Антрегом по требованию Бонапарта во время их долгого свидания без свидетелей. Впоследствии д'Антрег, рассказывая

об этом эпизоде Мордвинову, сообщал, что протокол имел тридцать три страницы. В «копии», которая сохранилась в архивах, всего шестнадцать страниц. Д'Антрег, чтобы успокоить встревоженных роялистов, уверял, что копия содержала лишь фальшивые сведения и была написана под диктовку Бонапарта. (Весьма вероятно, что Бонапарт, помимо всего прочего, пытался скомпрометировать д'Антрега в глазах роялистов и таким путем перетянуть опытного заговорщика на свою сторону.) Это заверение д'Антрега опровергается, однако, тем, что данные копии протокола совпадают с другими материалами о деятельности роялистской агентуры. Словом, обе стороны — и Наполеон, и д'Антрег — в своих объяснениях о чем-то умалчивают и хитрят. Можно лишь догадываться о том, что счел нужным изъять Наполеон из текста протокола, — вероятно, что-то компрометирующее его офицеров или других лиц, падения которых он не хотел допустить. Бумаги, которые были пересланы в Париж, сообщали лишь об измене генерала Пишегрю.

Понятно, что д'Антрег после своего ареста и освобождения стал подозрительной фигурой в кругах роялистов и их главы Людовика XVIII, хотя и не потерял доверия своих иностранных заказчиков. Интереснее отметить, что и отношения Наполеона с д'Антрегом, как мы убедимся, отнюдь не отличались сердечностью. Вероятно, обе стороны при торге основательно надули друг друга. Наполеон в своих мемуарах особенно негодует на д'Антрега за памфлет, который тот опубликовал, расписывая темницы, а также пытки, которым он якобы подвергался, с достойной скромностью знакомя вдобавок человечество с проявленной им при этом отвагой. Наполеон опять-таки умалчивает о том, как он попытался отомстить. Но об этом потом; прежде — об измене Пишегрю.

ПОТАСОВКА НА РАССВЕТЕ

Граф Морис де Монгайяр был одним из наиболее важных агентов-двойников, действовавших в период Великой французской революции. Настоящее имя этого уродливого горбатого человека с длинным носом было Роке. Он происходил из обедневшей дворянской фамилии и до революции служил офицером в полку, сражавшемся с англичанами на острове Мартиника. После возвращения во Францию он выгодно женился и сумел втереться в доверие к министру финансов Неккеру, что в большой мере способствовало его карьере. После начала революции Монгай-

яр поступил на секретную службу короля и был в числе организаторов безуспешного бегства Людовика XVI в Варени. В годы якобинской диктатуры Моигайяр остался во Фраиции, причем ои ие подвергся ии аресту, ни преследованиям. Это было явио результвтом того, что хитрому авантюристу удалось поступить иа тайиую службу революциоииого правительства.

Когда в 1794 г. Моигайяр прибыл в расположеиие австрийской армии, а потом переехал в Лондои, одии считали его твйиым эмиссаром Робеспьерв, другие — французским аристократом, сумевшим спастись от саикюлотов. Моигайяра принимали в Лоидоие представители придвориой знати и сам премьер-мииистр Питт, который предложил ему поступить иа аиглийскую секретиую службу. Француз согласился иа это предложеиие, так как зиал, что аигличаие щедро оплачивают цеииых агеитов. Вериувшись иа коитиieнт, Моигайяр быстро проиик в число приближеииых руководителя 5-тысячиой эмиграитской армии приица Коиде. Тот послал его в Лоидои с просьбой о фииаисовой помощи, поскольку роялисты испытывали острый иедостаток в средствах. Аваитюрист возвратился с обещанием большой аиглийской субсидии и дополиительиого вссигиоваиия на секретиую службу, главой которой его немедля назначил прииц Коиде.

Монгайяр стремился сразу же добиться какого-либо крупиого успеха и с этой целью решил попытаться переманить на сторону эмигрвитов одного нз самых известиых в то время, в 1795 и 1796 гг., республиканских генералов — Пишегрю, который втайие сочувствовал роялистам. Трудиость заключалась в том, как завязать связь с Пишегрю, за которым иаблюдали три специальных представителя французской Директории. Моигайяр прибег к услугам некоего Луи Фош-Бореля, киtermорговца из иебольшого швейцарского городка Невшателя. Моигайяр обещал ему золотые горы в случае реставрации монархии: миллион луидоров, место главного инспектора французских библиотек, высшие ордеиа и другие блага. В случае же иеудачи Фош-Борель должеи был получить все же солидиую сумму в тысячу луидоров.

В июле 1795 г. Фош-Борель, которому был придви в качестве помощника старый прусский шпиои Кураи, отправился в дорогу. В конце коицов Фош-Борель добрался до Пишегрю и, щедро расходуя внглийские деиьги, сумел завязать с иим переговоры. Но книготорговец чем-то вызвал иеиависть к себе генерала; тот даже сказал своему адъютанту: «Вы очеиь обяжете меия, если пристрелите этого господииа, когда ои еще раз явится ко мие».

Сведеиия о переговорах Пишегрю с иностраииыми агеитами ие ускользиули от виимания фраицузской секретиой службы в Швейцарии, которую возглавляли секретарь французского посольства Башэ и бывший член Коивента Бассвль. Французское правительство

отдало приказ об аресте Фош-Бореля. 21 декабря он был захвачен в Страсбурге. Фош-Борель сжег все опасные бумаги, кроме одной. (Возможно, что сам Пишегрю и местный начальник полиции Фишер дали роялистскому лазутчику время уничтожить компрометирующие документы, заранее уведомив его о предстоящем аресте.) Это была записка от принца Конде, которую он получил незадолго до ареста и спрятал в потайном отделении своего портфеля. Полицейские Фишера, видимо, не очень внимательно осмотрели портфель; записка осталась необнаруженной. Фош-Борелю удалось подкупить тюремщика и обеспечить себе поддержку влиятельных лиц. Вскоре его выпустили за недостатком улик. (Переговоры с Пишегрю продолжали другие агенты.)

Надо лишь прибавить, что лицом, наведшим французские власти на след Фош-Бореля, был, вероятнее всего, не кто иной, как Монгайяр. Он рассчитывал вначале, что Фош-Борель будет поддерживать связь с Лондоном исключительно через него, Монгайяра, и ему перепадет немалая толика тех денег, которые правительство Питта выделило на подкуп Пишегрю. Но Фош-Борель рассудил, что этим деньгам куда более место в его собственном кармане, и завязал прямую переписку с английским посланником в Швейцарии Уикхемом. Со своей стороны, англичане, хотя и с опозданием, сообразили, что деньги, щедро отпускаемые ими Монгайяру, не обязательно шли на свержение правительства Французской республики, что граф считал целесообразным тратить их на более неотложные нужды, к которым он относил преимущественно личные расходы, и, главное, что от Монгайяра можно было ожидать всего. В ноябре 1797 г. от Дрейка было направлено в Лондон на имя Джорджа Каннинга тревожное предупреждение: «Лорду Мэлзберн (одному из крупных дипломатов того времени. — *Е. Ч.*) будет небесполезным принять к сведению, что Монгайяр обладает талантом к точному подделыванию любого почерка. Зная это, я обращал особое внимание на то, чтобы он не заполучил образец моей подписи. Всякий раз, когда я имел случай отвечать на его письма, мой секретарь писал ему записку, формально обращенную к третьему лицу». Дрейк, правда, немного ошибся: «талантом» обладал не сам Монгайяр, а его столь же достойный соратник аббат Монте. Но английской разведке не было от этого, разумеется, легче. Однако и графу стало утомительным выносить столь обидное недоверие.

Что же оставалось после этого делать оскорбленному в своих лучших чувствах руководителю секретной службы эмигрантов, как не компенсировать себя продажей Директории сведений о Фош-Бореле и его переговорах с Пишегрю? Для этого Монгайяр специально съездил в Венецию и повидался с французским послом, которому передал все необходимые данные.

Конечно, после такой поездки возвращение в армию Конде становилось делом рискованным. Вместо этого Монгайяр написал принцу убедительное письмо о том, что собирается порвать с политикой и поселиться мирно во Франции. Вот только он, Монгайяр, не знает, что делать с хранящейся у него секретной корреспонденцией Конде — не передавать же ее Директории? Принц понял намек, если это можно назвать намеком, и выслал ему чек на 20 тыс. франков. Монгайяр чек принял с удовольствием. Можно было даже сказать — с благодарностью, если бы мошенник не усвоил так хорошо английскую поговорку, что «благодарность — это живое предвкушение будущих благодеяний». Ждать их от Конде более не приходилось, и Монгайяр, сочтя посему излишним продолжать ставшую бесполезной переписку с принцем, отправился со всеми секретными документами во Францию. На всякий случай, перед отъездом Монгайяр заглянул в Венеции к д'Антрегу и сообщил через него королю эмигрантов — Людовику XVIII о переговорах с Пишегрю. Правда, во время поездки не обошлось без досадной неприятности. Фош-Борель настиг Монгайяра в одной швейцарской гостинице. Неблаговоспитанный гость поднял путешественника ото сна в 6 часов утра. Бывший книготорговец имел крепкие мускулы и, кроме того, для верности прихватил с собой двоюродного брата...

Что произошло потом, мы знаем главным образом из «Мемуаров», опубликованных впоследствии обоими участниками потасовки. И тот и другой, не сговариваясь, опускают в своем рассказе неприятные для них подробности (они всплыли при изучении писем Фош-Бореля, написанных по свежим следам событий). Однако оба рассказа вместе с тем мало походят один на другой. Каждый авантюрист пытался представить себя в ореоле благородного рыцаря без страха и упрека, поливая ушатами грязи своего противника.

Как бы то ни было, Фош-Борель силой вырвал у Монгайяра его портфель. Однако в портфеле не оказалось никаких важных документов. Тогда невшателец заставил Монгайяра, очень уважительно относившегося к кулачному праву, сознаться, что бумаги спрятаны в потайном месте в Базеле. Узнав о месте нахождения бумаг, Фош-Борель наконец отпустил своего вороватого сообщника и поспешил в Базель. Там его ждало горькое разочарование. В тайнике действительно находились немаловажные бумаги, но самые секретные и опасные для роялистов документы Монгайяр благоразумно припрятал в другом убежище, сохранив их как удобное орудие шантажа.

Вскоре после этого печального происшествия французские войска заняли Венецию, и Бонапарт овладел бумагами д'Антрега, часть из которых, в том числе и материалы о Пишегрю, он переслал в Париж. Пишегрю был арестован и обвинен в измене, но сумел бежать. А граф Монгайяр сделался рьяным республиканцем, а потом —

столь же ярым бонапартистом. В 1810 г. графа посадили было в долговую тюрьму, но Наполеон выплатил его долги и назначил солидное ежегодное жалованье в 14 тыс. франков, используя Монгайяра для различных шпионских заданий. После реставрации Бурбонов Монгайяр, конечно, всюду разъяснял, что всегда был и оставался в душе роялистом, но уверения эти уже не имели успеха.

РОМАН ПРИ ПИРАМИДАХ И ВЗРЫВ НА УЛИЦЕ СЕН-НИКЕЗ

Еще до переворота 18 брюмера, приведшего Наполеона к власти, он стал объектом ряда заговоров, организованных против него стараниями английской разведки.

Шел 1798 год. Молодого генерала Бонапарта, одержавшего ряд блестящих побед в Италии, Директория мечтает отослать куда-нибудь подальше от Франции. Бонапарт делается слишком популярным. Честолюбивый генерал становится все более грозным соперником для непрочного и не внушающего уважения правительства. И вот во главе Армии Востока Бонапарта направляют в Египет и втайне вздыхают с облегчением, когда английский адмирал Нельсон при Абукире уничтожает французский флот. Теперь для французской армии и ее генерала путь на родину прочно отрезан английской морской блокадой. В битве при пирамидах Наполеон одержал победу над мамлюками — феодальным войском правителей Египта, но так и не смог подавить сопротивление народа завоевателям. Многие месяцы Франция не имеет никаких достоверных сообщений о победах и поражениях своей Армии Востока.

Зато британская разведка получает их в изобилии. Египет и Сирия буквально кишели ее агентами. Английская разведывательная паутина окутывает всю французскую армию. Для наблюдения за портами, захваченными французской армией, выделены специальные сторожевые фрегаты английского флота. На военном корабле «Лайон» была расположена штаб-квартира разведки. Здесь у одного из ее руководителей, Джона Барнета, и зародилась идея обезглавить вражескую армию, убив Наполеона. Конечно, шансы проникнуть к хорошо охраняемому генералу могли быть только у какого-нибудь офицера его армии, желательно — лично известного командующему. Барнет решил, что наилучшим образом эту роль сможет сыграть один французский офицер, от которого Бонапарт как раз хотел поскорее избавиться.

Это был молодой человек по фамилии Фуре. Его красивая жена в мужском платье проникла на военный транспорт и вместе с Армией Востока добралась до Египта. Белокурая красавица вскоре привлекла внимание Бонапарта и стала его любовницей.

Не удивительно, что у услужливого начальника штаба Армии Востока генерала Бертье возникла мысль: Фуре — идеальный курьер для доставки в Париж известий о действиях французских войск в Египте! Конечно, учитывая английскую блокаду, предстояло опасное путешествие, и молодому офицеру нечего было и думать брать с собой жену, отправляясь выполнять возложенную на него важную миссию. Итак, мадам Фуре, которую солдаты-республиканцы именовали «нашей восточной королевой» и «Клеопатрой», осталась в Египте, а ее муж с депешами сел на корабль, чтобы попытаться прорваться через блокаду.

Вскоре, однако, он очутился не во Франции, а в английском плену, и Джон Барнет, отлично осведомленный обо всем, открыл глаза обманутому супругу. (Опытный разведчик умолчал лишь о том, что вначале попытался было превратить в своего агента саму мадам Фуре и, лишь когда дело сорвалось, решил прибегнуть к услугам ее мужа.) Хорошо разыгранный на английском корабле спектакль, когда Барнет внешне очень тактично и ненавязчиво дал понять Фуре, какую роль ему отвели Наполеон и Бертье, почти подготовил француза к той роли, к которой его предназначал английский разведчик. Пылая гневом, оскорбленный офицер решил вернуться, чтобы отомстить генералу. Но когда Фуре при содействии англичан возвратился в Египет и пробрался в расположение Армии Востока, здравый смысл и солдатская честь побудили его отказаться от того, чтобы стать орудием неприятельской разведки. Он вышел в отставку и сумел добраться до Франции.

Аппарат французской разведки, вернее — тайной политической полиции, выполнявшей ее функции внутри Франции, был немаловажным фактором во время переворота 18 брюмера, приведшего к свержению Директории и установлению режима Консульства во главе с Наполеоном Бонапартом.

Министр полиции Директории Жозеф Фуше, в прошлом «ультрареволюционер», а потом активный участник свержения якобинской диктатуры, сразу нашел общий язык с генералом Бонапартом, оставившим свою армию в Египте и спешно прибывшим в Париж. Участие Фуше в намечавшемся перевороте должно было сводиться к тому, что его вездесущая полиция на этот раз обязана была показать себя глухой и слепой.

Впрочем, сторонники Бонапарта не очень доверяли профессиональному предателю Фуше. (От него даже пытались скрыть точную дату намеченного выступления.) А Фуше, со своей стороны, стремил-

ся не связывать себе руки, чтобы в случае неудачи переворота сыграть роль верного слуги Директории, разоблачившего опасный заговор. Он, кажется, даже наслаждался двойственной ролью, позволявшей ему не только обезопасить себя на случай неудачи попытки переворота, но чувствовать в эти решающие дни, что именно в его руках судьбы страны. Фуше не мог даже отказать себе в удовольствии дать понять заговорщикам, насколько они в его власти. Министр полиции воспользовался тем, что Бонапарт в конспиративных целях не сообщил своим сторонникам об участии Фуше в заговоре.

Однажды вечером, за несколько дней до переворота, Фуше принимал у себя видных участников заговора, в том числе Редерера, Реаля, адмирала Брюи. Улыбающийся хозяин подвел к ним позже других приехавшего Наполеона и заметил генералу:

— Я хочу представить Вам наиболее приятных для Вас лиц.

Заговорщикам показалось, что они попали в западню.

В другой раз на светском приеме, беседуя с членом Директории Гойэ, Фуше приблизился к Жозефине, жене Наполеона.

— Какие новости, гражданин министр? — допытывался Гойэ.

— Новости? — отвечал Фуше. — Да никаких.

— Ну, а все же?

— Все время та же болтовня!

— О чем?

— О заговорах.

— О заговорах? — воскликнула встревоженная Жозефина.

— Да, о заговорах,— спокойно отвечал Фуше. — Но я-то знаю, как к этому относиться. Поверьте мне, я их хорошо умею различить, гражданин директор. Я не принадлежу к тем, которые дают на себя напасть. Если бы существовал заговор, Вы получили бы тому доказательство на площади Революции.

После этого уже сам Гойэ успокаивал Жозефину: она может спать спокойно, министр полиции — человек, знающий свое дело. А до 18 брюмера оставалось всего несколько дней...

После переворота Бонапарт — правитель Франции с неограниченной властью. Понятно, что в таких условиях желание Лондона «убрать» Наполеона отнюдь не пошло на убыль. И осуществить это желание британская разведка попыталась руками роялистов.

Еще весной 1800 г. шуаны (вооруженные сторонники Бурбонов, которые продолжали свою партизанскую войну) предполагали напасть на конвой, сопровождавший карету первого консула, и похитить Наполеона на пути из Парижа в Мальмезон, где находился дворец Жозефины.

...3 нивоза VIII года Республики (24 декабря 1800 г.) в парижской опере было назначено первое исполнение оратории Гайдна «Сотворение мира». 250 первоклассных оркестрантов, участие лучших пев-

цов обещали невиданный успех. За билеты брали двойную цену, но их рвали из рук. Было известно, что будет присутствовать первый консул с супругой.

Вечером, когда карета Наполеона неслась к театру по узкой улице Сен-Никез, произошел взрыв. Только бешеная скорость, с которой мчался экипаж, спасла Наполеона. В следовавшей в нескольких десятках метров позади карете Жозефины от сотрясения разлетелись стекла. Пространство между двумя экипажами было залито кровью и завалено телами убитых и раненых. О силе взрыва, вызванного адской машиной, красноречиво свидетельствовало и то, что были повреждены 46 расположенных вблизи домов. Демонстрируя неустрашимость, бледный, с трясущимися губами Наполеон все же выслушал ораторию и затем спешно покинул театр.

В тот же вечер первый консул объявил министру полиции Фуше: он уверен, что адская машина была подложена якобинцами. Намеки Фуше, что, возможно, заговор был другого происхождения, встретили лишь насмешку: конечно, бывший член Конвента, бывший «левый» якобинец теперь стремится выгородить своих прежних единомышленников. Уверенность Наполеона подкреплялась тем, что адская машина, взорванная на улице Сен-Никез, представляла собой точную копию машины, изготовленной как раз в это время революционером, противником режима Консульства, неким Шевалье. Фуше через одного из своих агентов узнал об этом изобретении. В ночь с 7 на 8 ноября друзья Шевалье были захвачены и брошены в тюрьму Тампль. Теперь, после покушения на улице Сен-Никез, нескольких якобинцев отправляют на эшафот. Составляются проскрипционные списки революционно настроенных лиц, — их высылают на каторгу, в колонии. Фуше послушно выполняет приказ первого консула — раздавить «якобинскую» оппозицию новому режиму.

Но министр полиции теперь уже окончательно убеждается в том, что заговор — роялистский. В Бретань был послан один из опытных лазутчиков, Дюшателье, с задачей разузнать о связях руководителя шуанов Жоржа Кадудаля с Парижем. Дюшателье быстро разведал, что два помощника Кадудаля — Сен Режан и Лимоелан — тайно отправились в Париж. Однако Кадудаль считал, что не имеет смысла убивать первого консула: его место займет кто-либо другой, а роялисты останутся ни с чем. Лучше было похитить Бонапарта и держать его в качестве заложника.

Сен Режан и Лимоелан прибыли в Париж как раз тогда, когда полиция сообщила об обнаружении взрывного устройства Шевалье. Шуаны решились последовать примеру Шевалье и, опираясь на имевшиеся у них связи в столице, принялись за изготовление адской машины. 24 декабря они поставили на улице Сен-Никез телегу, где находился заряженный механизм. Но они подорвали ее на секунду

позже, чем следовало по плану,— и карета Наполеона промчалась мимо. Шуаны скрылись на одной из конспиративных квартир.

Фуше и его помощник Реаль возглавили следствие. На месте взрыва был обнаружен труп лошади, запряженной в телегу с адской машиной. Произведенный опрос торговцев лошадьми позволил быстро установить, что эта лошадь была куплена неким Карбоном. Полиция еще ранее узнала, что Карбон — слуга шуанов, прибывших в Париж. Начались поиски. Лимоелан успел с помощью родственников сбежать в Бретань, прежде чем ловушка захлопнулась. Потом он эмигрировал в Америку. Карбон 18 января 1801 г. был схвачен в кабаре, куда он захаживал, покидая свое тайное убежище. Карбон выдал двух шуанов, помогавших Сен Режану и Лимоелану. Самого Сен Режана сначала захватить не удалось — он покинул конспиративную квартиру за два часа до прихода полиции, но забыл сжечь бумаги. На этой квартире полицейские Фуше нашли письмо Кадудаля и отчет Сен Режана о подготовке покушения. Получив дополнительные данные, полиция стала арестовывать одного за другим помощников заговорщиков, кроме нескольких, за которыми было установлено наблюдение. Оно навело на след Сен Режана, который был захвачен и вместе с Карбоном казнен 20 апреля 1801 г. Фуше подослал к Кадудалю двух агентов, чтобы отравить руководителя шуанов. Кадудалю удалось раскрыть план министра полиции. Суд был скорый: оба агента были повешены на ближайших деревьях. Чувствуя, что почва начала гореть под его ногами, Кадудаль снова вынужден был покинуть пределы Франции.

Через несколько месяцев после неудачного покушения на улице Сен-Никез в другой столице Европы — Петербурге увенчался успехом заговор гвардейских офицеров против императора Павла, начавшего проводить политику сближения с Францией. Для всех было ясно, что нити заговора, как и при парижском покушении, тянулись в Лондон. Недаром Наполеон, узнав о событиях в русской столице, воскликнул: «Англичане промахнулись по мне в Париже 3 нивоза, но они не промахнулись в Петербурге!». Английская разведка, впрочем, пыталась исправить и свой «промах» в Париже.

В начале 1803 г. находившиеся в Англии Кадудаль и его помощники предложили графу д'Артуа, брату Людовика XVIII, план нового покушения на Наполеона. В случае удачи власть должны были захватить популярный генерал Моро (которого считали республиканцем, находившимся в оппозиции к Бонапарту, но который скрыто сочувствовал роялистам) и генерал Пишегрю, высланный в колонии и бежавший оттуда в Англию. Позднее для руководства роялистами во Францию должен был приехать кто-либо из принцев королевского дома — граф д'Артуа или герцог Беррийский. Кое-что о новом заговоре (но без конкретных имен и точных данных) Напо-

леон узнал от своих разведчиков, подосланных к английским дипломатам (об этом ниже). Консульская полиция долгое время не мешала действиям роялистов. Наполеон хотел, чтобы Моро скомпрометировал себя участием в заговоре и чтобы во Францию прибыли и попали бы в заранее расставленную ловушку бурбонские принцы.

Кадудаль решил с группой своих сторонников похитить первого консула. Среди шуанов, собранных в столице, стало известно, что 30 августа 1803 г. в Париж прибыл их главный шеф — Кадудаль, пользовавшийся у них непререкаемым авторитетом. Об его прибытии они сообщили одному, по их мнению, вполне заслуживающему доверия лицу, на деле — полицейскому агенту. Но информация, раздобытая им, была недостаточной для поимки Кадудаля, из предосторожности ни разу не ночевавшего два раза в одном и том же доме. Месяцами продолжалась охота. Обнаружить главаря шуанов не удавалось, хотя правительство Наполеона вновь, как в годы борьбы против вандейского мятежа, создало подвижные колонны для сплошного прочесывания многих районов в Вандее и Бретани, где, как предполагали, скрывался Кадудаль. А Фуше пустил в ход свое тайное оружие — «шуанскую географию» — так он называл составленную министерством полиции картотеку, в которой имелись подробные сведения о 1000—1200 наиболее активных роялистах, об использовавшихся ими явках и т. д.

В январе 1804 г. во Францию в сопровождении нескольких эмигрантов приехал Пишегрю. 28 января произошла встреча Моро, Пишегрю и Кадудаля. Из них единственным человеком, пользовавшимся влиянием в новой, послереволюционной Франции, был Моро, но он колебался, следует ли ему способствовать реставрации Бурбонов. Стороны расстались, недовольные друг другом.

А тем временем полиция первого консула все же напала на след. Был арестован один из шуанов, — он указал на некоторые используемые ими конспиративные квартиры. Там обнаружили слугу Кадудаля и после основательного допроса «с пристрастием» (точнее, просто под пыткой) заставили арестованного выдать, что он знал о конспиративных квартирах, где бывал Кадудаль.

Однако прошло еще несколько недель, прежде чем полиции, шедшей буквально по пятам руководителя шуанов, удалось наконец схватить его. Остальных участников заговора полиция постепенно выловила одного за другим. Многие из них, включая Кадудаля, кончили жизнь на гильотине. Пишегрю нашли мертвым в его тюремной камере. Моро приговорили к пожизненному изгнанию из Франции. Так закончилась очередная попытка английской разведки руками роялистов свергнуть Наполеона.

Стремясь сильнее запугать Бурбонов, Наполеон приказал своим войскам захватить проживавшего на чужой территории — в Баде-

не — герцога Энгиенского (близкого родственника Людовика XVIII) и расстрелять его как участника заговора, хотя никаких доказательств тому не было.

Несмотря на свои неудачи, английская разведка не унывала. В 1804 г. были арестованы во Франции два ее новых агента — братья Даниэль и Шарль Тома, которые по заданию Тейлора, английского консула в Касселе, готовили еще одно покушение на Наполеона. В 1806 г. аналогичное поручение было дано британской разведкой двум французам — фальшивомонетчику Лесэмплю и Дранобу. Французская полиция в Гамбурге выследила Драноба, который поспешил после ареста выдать Лесэмпля. Драноб разругался со своим сообщником еще до того, как они покинули Англию, и был даже рад рассчитаться с ним руками французских полицейских. Оба террориста были захвачены во Франции.

Организатором австрийской секретной службы в этот период был канцлер Тугут. Внутри страны его шпионы и провокаторы пытались выявить всех противников австрийской монархии. Агентам Тугута приписывали убийство в 1797 г. французских дипломатов, участвовавших в работе Раштадтского конгресса, который разбирал вопрос об установлении границ между германскими государствами. Впрочем, в борьбе с Наполеоном разведка Тугута понесла ряд поражений. Один раз австрийский канцлер перехитрил самого себя. После поражения при Маренго (июнь 1800 г.) Тугут, не желая заключать мир, не осмеливался в то же время прямо отклонить мирные переговоры, предложенные Наполеоном. Это предложение Бонапарт переслал с австрийским офицером графом Йозефом Сен-Жюльеном. Тугут отправил Сен-Жюльена к Наполеону с письмом, составленным в двусмысленных выражениях, из которых никак нельзя было заключить, согласна ли Австрия на заключение перемирия. При этом, конечно, недалекому графу не дали никаких полномочий для ведения переговоров. Наполеон и Талейран сразу разгадали нехитрую игру австрийского канцлера, желавшего выиграть время. Они притворились, будто рассматривают австрийца не как простого курьера, а как лицо, которому поручено заключить соглашение с Францией. Лестью и угрозами начать новое наступление Талейран окончательно сбил с толку неумного Сен-Жюльена. Тот согласился подписать мирный договор. А по этому трактату Австрия отказывалась от Рейна, от Баварии, обещала прекратить торговлю с Англией. Когда Сен-Жюльен вернулся в Вену, Тугута едва не хватил удар от ярости. Незадачливого «дипломата» посадили на год в крепость, а в Париж было послано извещение, что Австрия не считает действительным подписанный договор. Там, впрочем, на это и не рассчитывали, — игра Тугута была разоблачена, а новые поражения австрийцев заставили их вскоре согласиться на тяжелые условия, предписанные Бонапартом.

ОДУРАЧЕННЫЙ ДРЕЙК

Пора, однако, вернуться к нашему старому знакомому — графу д'Антрегу, которого мы оставили вскоре после его освобождения из-под ареста в Милане. Очутившись на свободе, граф сразу же принялся за привычное ремесло — в Лондон, Вену, Неаполь, Санкт-Петербург опять потекли донесения, полученные от его тайных осведомителей. В январе 1798 г. один из агентов д'Антрега вступил от его имени в переговоры с неким Ваннеле, который с того времени стал поддерживать регулярную переписку со своим новым нанимателем. В этих письмах содержались подробные сведения о планах и намерениях Директории в последние два года ее существования (1798—1799). Ваннеле пересылал д'Антрегу копии инструкций французским послам, донесений дипломатов, поступавших в Париж, возможно, впрочем, являвшихся фальшивкой (торговля государственными секретами не обходится без обмана). Находясь на службе в министерстве иностранных дел, а позже — в министерстве финансов, Ваннеле сообщает о ряде своих служебных командировок в Швейцарию, в Эльзас. Достаточно ли всего этого для раскрытия подлинного имени шпиона? Ведь «Ваннеле» — почти наверняка — конспиративная кличка. Пока что поиски французских историков в архивах не привели к установлению фамилии корреспондента графа д'Антрега.

Однако, оказывается, есть другое средство для выяснения подлинной фамилии «Ваннеле». В одном месте он сообщает, что являлся комиссаром государственного казначейства, а в другом — что в 1799 г. состоял членом Административного совета расчетной кассы — крупного банковского учреждения, впоследствии преобразованного во Французский банк. Нужно, следовательно, обратиться к спискам высших должностных лиц этих учреждений за 1799 г. (они печатались в ежегодном «Национальном альманахе») и найти там фамилию, которая бы стояла в двух списках. Однако совершенно одинаковых фамилий нет. Есть две, очень похожие, отличающиеся лишь одной буквой — Desrez и Desprez. Выясняется, что это разные люди. О Desrez известно мало; напротив, Desprez — крупный финансовый воротила, карьера которого хорошо прослеживается. («Ваннеле» тоже утверждает о себе, что он очень богат.) Французские историки склонны считать «Ваннеле», как и некоторых других агентов д'Антрега, плодом воображения ловкого графа. С помощью таких вымышленных персонажей он, возможно, пытался придать больший вес сведениям, которые добывал из самых различных, иногда заведомо недостоверных источников.

Директорию во Франции сменил режим Консульства, а потом —

Первой империи. Войны с различными европейскими государствами продолжались. С Англией война длилась, не считая короткого перерыва в 1802—1803 гг., вплоть до крушения империи Наполеона. Английская разведка удвоила свои усилия. В германских государствах появился Френсис Дрейк. Туда же перебрался и д'Антрег. Старые коллеги снова действовали совместно, причем Дрейк имел помимо «сети» д'Антрега и собственных шпионов во Франции. В руки французских властей даже попала письменная инструкция Дрейка своим агентам с указанием, в частности, где и как пользоваться симпатическими чернилами.

Деятельность обоих друзей очень раздражала первого консула. Он даже потребовал от саксонского курфюрста выдачи поселившегося в его владениях д'Антрега. Но это было еще до решительных побед Наполеона на германской территории над войсками Австрии и Пруссии, и поэтому саксонский курфюрст рискнул не выполнить требование Бонапарта.

Вскоре после этого в столице Саксонии появился французский офицер Саго. Саксонские власти могли только ломать голову над тем, что привело его в Дрезден. На деле Саго, по поручению первого консула, должен был внимательно изучить местопребывание д'Антрега и предложить план его похищения. Однако Саго пришел к неутешительным выводам: д'Антрег жил в доме, подготовленном к любому нападению, и увезти его без шума было почти невозможно. Наполеону пришлось ограничиться нападками в печати. Монгайяр, перешедший к этому времени на сторону Бонапарта, опубликовал «Тайные мемуары». Перебежчик Монгайяр обвинял в них профессионального шпиона д'Антрега в предательстве!

Не забывал Наполеон и о Френсисе Дрейке. Но если трудно было похитить д'Антрега, то тем более сложнее — английского посла...

Если Вы, читатель, попадете в старый московский дом, в котором располагается Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук, и заглянете на третий этаж в Отдел редких книг, Вам по Вашей просьбе охотно дадут небольшую книжицу в добротном переплете. Она, как указано на титульном листе, опубликована в «12-м году» в типографии Республики в Париже. «12-й год» считался от падения монархии в 1792 г. Но в 1804 г., когда была издана книга, Республика уже давно стала тенью и в том же году была заменена империей во главе с Наполеоном I. Книга не принадлежит к числу ни особых библиографических редкостей, ни, тем более, к числу изданий, оставивших след в истории общества, науки или культуры. И, тем не менее, она весьма небезынтересна историку тайной войны.

Недоумение может вызвать самый заголовок, очень длинный, как почти все названия книг, издававшихся в те времена. Он гласит:

«Союз французских якобинцев и английских министров; представителем первых является гражданин Меэ, а английских министров — господа Хэммонд, Йорк и лорды Пелгам и Хоксбери. Дополненное описанием уловок Фр. Дрейка, его корреспонденцией, его планами действий и т. д.».

Что же это за непонятный союз между английским правительством и ненавистными для него якобинцами, «представленными» неким Меэ? И зачем к тому же приплетен здесь известный нам английский дипломат и разведчик Френсис Дрейк? Конечно, этот «союз» существовал лишь в заявлениях правительства первого консула Бонапарта, которое, чтобы укрепить свое положение, пыталось изобразить своих противников слева — революционеров-якобинцев агентами Англии и даже сообщниками роялистов. Все это было только лживой пропагандой, и книга, о которой здесь говорится, была написана отчасти для того, чтобы как-то подкрепить клеветнический вымысел. Но речь в ней идет совсем о другом, и главная цель ее также другая, тесно связанная с «уловками Френсиса Дрейка».

Наполеон быстро понял, что похитить Дрейка не удастся. Надо было придумывать что-то иное. А исполнение придуманного плана было поручено некоему Меэ де ла Тушу. Полицейский чиновник при Людовике XVI, в годы революции — разведчик, выполнявший поручения в Польше и России, рядившийся по возвращении в крайнего революционера, служащий Парижского городского управления (коммуны), журналист в период якобинской диктатуры, участник тайных революционных организаций в годы Директории (быть может, в качестве правительственного осведомителя), вскоре генеральный секретарь военного министерства и опять служащий министерства полиции, возглавленного Жозефом Фуше, — таков был путь, пройденный этим человеком. Однако в период Консульства Меэ де ла Туш первоначально сильно просчитался. Не поверив в прочность нового режима, он оказался замешанным в действиях политической оппозиции, причем, по-видимому, одновременно установил связи и с якобинцами, и с роялистами. Его арестовали и сослали. Освободившись из заключения, Меэ де ла Туш даже съездил в Лондон к брату Людовика XVIII — графу д'Артуа с проектом объединения всех противников первого консула, но роялисты отнеслись с подозрением к бывшему якобинцу. Меэ де ла Туш тогда решил снова круто сменить политическую ориентацию, тем более что и деньги подходили к концу. Это было в начале 1803 г., во время кратковременного перерыва в войне между Англией и Францией. Меэ де ла Туш явился с предложением услуг к французскому послу в Лондоне.

Услуги проходимца оказались очень кстати французскому правительству. А Меэ спешил доказать свое усердие. Именно он был тем полицейским агентом, которому ничего не подозревавшие шуаны

сообщили о приезде в Париж Кадудаля. Наполеон решил использовать Меэ де ла Туша против Дрейка.

Получив новое поручение, Меэ отправился на английский остров Гернси, расположенный близ французского побережья и служивший одним из центров британской разведки. Меэ удалось быстро завоевать доверие губернатора острова Дойла. Меэ разъяснил ему, что он, Меэ, — роялист и член тайного «якобинского комитета», ставящего целью свергнуть Бонапарта. Для пущего правдоподобия Меэ без удержу распространялся на тему о том, что, конечно, ряд членов комитета — неисправимые якобинцы, но большинство его участников легко можно увлечь на сторону «законного короля». Для этого Людовик XVIII и принцы королевского дома должны вести себя таким образом, чтобы привлечь к себе этих бывших якобинцев. У комитета есть средства свергнуть Бонапарта, имеются сторонники среди служащих министерства иностранных дел и в полиции. Меэ должен обо всем этом поскорее сообщить английскому правительству, чтобы оно, всегда поддерживавшее роялистов, не пропустило удобного случая. Генерал Дойл поспешил, разумеется, известить о такой чрезвычайно важной новости Лондон. Но в английской столице не очень-то доверяли французу со столь подозрительным прошлым и не спешили с ответом. Тогда Меэ, дабы заставить поторопиться флегматичных британцев, конфиденциально поведал генералу Дойлу, что имеет при себе также план французской высадки в Ирландии. Но и это не ускорило прибытие ответа. Губернатор Дойл первым не выдержал, порекомендовав Меэ самому немедля отправиться в Лондон и постараться заставить себя выслушать. А когда Меэ мимоходом заметил, что несколько поиздержался в дороге, Дойл одолжил ему 10 луидоров в счет будущих субсидий, которые француз должен был получить от английского кабинета.

В Лондоне все усилия Меэ оказались тщетными. Ему просто не верили. После долгих хлопот он был принят каким-то мелким чиновником министерства иностранных дел; тот выслушал рассказ француза о «тайном комитете», — и дальше дело не пошло. А тем временем кончились деньги, отпущенные Фуше, и луидоры губернатора Дойла. Пришлось брать взаймы, и вскоре кредиторы упрятали тайного французского агента в долговую тюрьму. Спасло Меэ то, что ему еще до этого довелось познакомиться с Бертраном де Мольвилем, который до революции был королевским министром морского флота и теперь находился в эмиграции. Мольвиль поручился за Меэ на 48 часов, и тот на двое суток очутился на свободе.

У находчивого мошенника уже возникла новая идея. Он разыскал знакомого французского фабриканта Боде, который, воспользовавшись заключением мира, приехал в Англию по своим торговым делам. Боде, сам того не подозревая, превратился в козырную карту

посланца Фуше. Меэ всюду разъяснял, что Боде — курьер, присланный из Парижа от «тайного комитета», который был обеспокоен отсутствием вестей от своего представителя. Курьеру было, оказывается, дано строжайшее указание не сообщать никому о своей миссии, кроме как самому Меэ. Мольвиль был окончательно убежден появлением этого неожиданного курьера и поехал к знакомому ему лорду Хоксбери. На этот раз лед недоверия был сломан. Мольвиль вернулся с 50 фунтами стерлингов для Меэ, переданными ему английским министром, а также с советом очень осторожно «управлять» якобинцами в «тайном комитете». Целую неделю фабрикант Боде ходил неразлучно с Меэ, который из предосторожности не отпускал его ни на шаг, даже ночью спал с ним в одной комнате. Потом Боде уехал, так и не раскрыв рта, чем окончательно убедил всех в правдивости рассказа, сочиненного Меэ.

Еще до отъезда Боде Меэ успел составить обширный меморандум о планах «тайного комитета», включавших восстания в ряде областей Франции и занятой французскими войсками Швейцарии (чтобы отрезать наполеоновским войскам в Италии пути отступления на родину). Меморандум был принят весьма благосклонно в английских правительственных сферах, судя по тому, что Меэ стали выплачивать большое жалованье впредь до осуществления похвальных намерений комитета. Англичане сделали только одну оговорку: Меэ должен дать обязательство ничего не сообщать о «тайном комитете». . . французским роялистам, а то, чего доброго, сведения могли просочиться и во Францию. Меэ без колебаний дал требуемое обещание, которое было не очень обременительным, особенно если учесть то количество звонкой монеты, на которое оно было обменено. Наконец, настала пора действовать, и Меэ отбыл из Лондона, снабженный двумя паспортами, переданными ему английской разведкой. Один из этих паспортов был выдан на имя Меэ де ла Туша, «высылаемого из Англии по подозрению в якобинизме», а второй — на имя Станислава Яблоньского, «польского дворянина, путешествующего по своим делам». Перед отъездом Меэ вручили 200 луидоров на дорожные расходы и 500 фунтов стерлингов на нужды «тайного комитета».

Из Лондона Меэ направил свои стопы в Мюнхен, столицу Баварии, прямо к английскому послу сэру Френсису Дрейку, который был уполномочен из Лондона передавать необходимые денежные субсидии «тайному комитету». Меэ получил также инструкции для передачи английским диверсантам во Франции. (Они собирались захватить крепость Гюнинг и город Безансон на востоке Франции.) Обговорив все детали с Дрейком, Меэ мог, наконец, закончить свое путешествие и возвратиться в Париж. Вскоре из французской столицы Дрейка стали осаждать настойчивыми требованиями денег. 250 фунтов стерлингов ежемесячно требовалось для самих членов

«тайного комитета», потом — золото для посланного комитетом эмиссара в Савойю, 100 фунтов — для одного «доброго республиканца», который может оказаться полезным, а также необходимые средства на покупку лошадей, нужных для секретных курьеров, деньги на карету, на слуг. Воображение никогда не подводило Меэ. Вскоре он сообщил Дрейку о создании подпольной типографии, потребовавшей немало расходов. Английскому послу пришлось высылать деньги на оборудование для типографии, для оплаты журналиста, вызвавшегося писать памфлеты против Бонапарта (для этой цели понадобилось 150 фунтов). 16 фунтов составляло ежемесячное жалованье рабочих типографии, 372 фунта стерлингов (главное — точность!) поглотила закупка необходимой бумаги, 30 фунтов — изготовление печатей будущего «временного правительства». 200 фунтов ушло на оплату служащих, которые обязались взорвать пороховые склады. Немало средств съедали и взятки чиновникам министерства иностранных дел, чтобы выудить у них информацию, пересылавшуюся в Мюнхен. Дрейк платил и платил...

Правда, французская полиция не хотела все ставить на одну-единственную карту. К Дрейку и еще одному английскому дипломату, Спенсеру Смиту, с предложением услуг обращалось несколько лиц, внешне мало похожих друг на друга, но имевших в своей биографии одну общую деталь: все они состояли на службе у министра полиции Фуше и не собирались покидать эту службу. Кое-кому из них повезло. Так, капитан Розэ из гарнизона Страсбурга был послан к Дрейку. Розэ представился ему как член тайной организации в Эльзасе, подготовлявшей вооруженное восстание против режима Консульства. Дрейк передал Розэ 65 тыс. франков золотом.

Однако главным орудием для компрометации Дрейка и Смита все же оказался Меэ де ла Туш. Он регулярно направлял Дрейку и Смиту информацию, сфабрикованную в ведомстве Фуше. Когда дело зашло достаточно далеко, все материалы были опубликованы с многочисленными издевательскими комментариями во французской печати. Изобличенному Дрейку пришлось спешно покинуть свой дипломатический пост. Проезжая через германские государства, во многих из которых уже хозяйничали наполеоновские войска, англичанин переоделся в женское платье, чем подал повод для нового взрыва насмешек и издевательств...

Оставалось обезвредить д' Антрега. Он успел завербовать секретаря французского посольства в Вене Позюеля и еще ряд других сотрудников дипломатического ведомства. В Ганновере у д' Антрега находились агенты в штабе французских оккупационных войск. У него по-прежнему имелось немало корреспондентов в Париже. Некоторые из них, вроде генерала Дюма или генерала Сюше, были просто старыми знакомыми.

Но среди лиц, поддерживавших переписку с д' Антрегом, двое сообщали сведения явно шпионского характера. Они подписывались: «парижский друг» и «парижская подруга». Что касается «парижской подруги», то она, как явствует из ее письма, была до революции любовницей д' Антрега, а после того, как он эмигрировал, вышла замуж и вскоре овдовела. В 1803 г., когда «парижская подруга» возобновила переписку с д' Антрегом, она вращалась в кругах, близких к Наполеону и его жене Жозефине. Однако ее информация не содержала ценных военных или политических известий. Иное дело информация «парижского друга», которая включала данные первостепенной важности.

Историки уже долгое время пытаются определить подлинное имя «парижского друга». Еще в прошлом веке было выдвинуто предположение, что им был Ноёль Дарю, занимавший ряд важных административных и военных постов при Наполеоне I. Многие сведения, которые нам известны о «парижском друге», совпадают с биографией Ноёля Дарю, но далеко не все. Вот особенно важное совпадение: «парижский друг» умер летом 1804 г., Ноёль Дарю скончался 30 июня 1804 г. Переписку с д' Антрегом продолжал сын «парижского друга», сообщая, что он по своему положению еще лучше, чем отец, может наблюдать за важными событиями.

Ноёль Дарю имел двух сыновей — Пьера и Марсиаля, оба они занимали видные должности. Пьер Дарю уже в 1801 г. был назначен генеральным секретарем военного министерства и в последующие годы еще выше продвинулся по административной лестнице. Карьера не была прервана даже падением Наполеона и реставрацией Бурбонов. Людовик XVIII возвел Пьера Дарю в 1819 г. в звание пэра Франции. Пьер и Марсиаль Дарю были двоюродными братьями великого французского писателя Стендаля (Анри Бейля), который даже жил у них в 1799 и 1800 гг. Однако у Стендаля, впоследствии очень критически относившегося к Пьеру Дарю, нигде нет ни малейшего намека на возможность того, что его кузен был шпионом. Ноёль Дарю был если не миллионером (каким изображает себя в своих письмах «парижский друг»), то человеком богатым, так же, как и его сын. Поэтому денежные мотивы вряд ли могли побудить их к посылке информации.

Имея, однако, дело с таким человеком, как д' Антрег, можно ожидать всего. Французские историки выдвигают ряд гипотез, объясняющих происхождение писем «парижского друга». Может быть, это лицо вымышленное, а может быть, д' Антрег и сообщал по секрету покупателям его бюллетеней имя своего корреспондента, называя при этом кого-либо из окружения Наполеона и «подгоняя» данные «парижского друга» под биографию этого лица (например, того же Ноёля Дарю, а потом его сына). Таким путем д' Антрег мог допол-

иять правдоподобио звучащимн выдумкамн подлнниые, ио ие очеиь важные сведения, которые ему сообщалн его агенты. Д' Антрег мог н действительио перепнсываться с Дарю, но ие получать от него какнх-лнбо сведеннй шпноиского характера, а потом на основе этой перепнскн составлять вымышлеииую корреспонденцию «парижского друга». Наконец, учнтывая случай с Мез де ла Тушем, допустнмо ведь и еще одио предположенне: отец и сын Дарю по указаиию Наполеоиа снабжали д' Аитрега заведомо фальшнвой ниформацией. Только обнародовать эту мнстнфнкацию сочлн иецелесообразиым. Но... предположення остаются предположеннямн, пока онн не подкреплены неопровержимымн фактами.

Д' Аитрег тем временем успел поступнть на русскую дипломатическую службу, потом уехал в Аиглию, где получнл щедрую пенсию от аиглнйского правнтельства. Утверждают, что она была платой за сообщенне в Лоидон секретиых статей Тильзнтского мнрного договора между Францней и Россней. Французский нсторнк Л. Пинго, напнсавший спецнальное нсследованне о д' Аитреге, счнтает это легендой, так как граф уехал в Англию еще до Тильзнтскнх переговоров. Однако подобный довод совсем инчего ие доказывает, когда речь ндет о таком человеке, как д' Антрег, всюду нмевшем своих агентов.

12 июля 1812 г. д' Антрег н его жена были зарезаны нх слугой нтальянцем Лоренцо, уволенным иакануне. Подлнниые прнчины убнйства оказалнсь нераскрытыми, так как сам Лоренцо сразу же покончил с собой. Вероятиее всего, ои был агеитом французской секретной службы, накоиец настнгшей своего ловкого н опасного врага. Так сшел в могнлу одни нз главиых поставщиков секретиой ннформацни для всех протнвнников республнканской, а позднее императорской Францнн.

Было бы ошибочно думать, что актнвность секретиой службы обенх враждующнх сторон коицентрнровалась в основном на добываннн информацнн. Мы уже вндели, насколько энергнчно действовала аиглнйская разведка в разжнганнн вандейского мятежа, в подстрекательстве республикаискнх генералов к нзмеие, в органнзацнн покушеиия на Наполеона, в печатаннн фальшивых ассигнаций.

СЕКРЕТНОЕ БЮРО БОНАПАРТА

Сам Наполеон основательно организовал свою разведку еще во время итальянской кампании 1796—1797 гг. Когда молодой, мало кому известный Бонапарт прибыл в армию, ему пришлось столкнуться с оппозицией генералов. Те враждебно встретили «выскочку», назначенного «парижскими адвокатами», как они презрительно именовали членов Директории. Недаром один из наиболее способных генералов, Массена, заметил другому, Стенжелу: «Наш командующий — идиот!». Наполеону нужна была разведка не только против неприятеля, но и для слежки за своими собственными генералами (особенно после того, как армия стала одерживать победы, и они старались присвоить себе значительную часть добычи).

С самого начала Наполеон широко практиковал опрос пленных и вербовку среди них своих агентов. Взятым в плен офицерам обещали большое вознаграждение, если они привлекут на французскую службу более высокие чины.

Но особые услуги оказал Бонапарту хорошо знакомый ему еще с 1794 г. швейцарский банкир Халлер. В своих воспоминаниях об итальянском походе Наполеон сознательно умалчивает о том, как была захвачена важнейшая пьемонтская крепость Кераско. Дело в том, что Халлер просто договорился с комендантом, который без боя сдал крепость французам, хотя она имела много артиллерии и боеприпасов и неподалеку находилась пьемонтская армия, готовая прийти на помощь осажденным. Капитуляция гарнизона крепости Кераско сыграла большую роль в согласии Пьемонта начать мирные переговоры с Францией, что, в свою очередь, весьма способствовало дальнейшим победам армии Наполеона.

Одним из наиболее успешно действовавших наполеоновских агентов был Франческо Толи. Он сообщил австрийскому главнокомандующему Меласу ложные сведения о расположении и численности французской армии, что в серьезной степени способствовало поражению австрийцев. Толи доставил Наполеону важнейшие данные о новой австрийской армии генерала Вурмсера; она была также разгромлена французами. Сопровождавший Наполеона в итальянских походах художник Биожи писал, что французский главнокомандующий каждый день принимал множество никому не известных лиц: «Среди них были изящно одетые дамы, священник и лица разных сословий. Он хорошо платил им и потому знал все».

Одновременно в штаб главнокомандующего стекались и данные разведки, которой руководили французские дипломаты. «Всякий генерал, действующий не в пустыне, а в населенном крае и недостаточно

осведомлеиный о противнике, — не зиаток своего дела», — любил говорить Наполеон. Многие генералы, усвоившие его указания, даже лично выполняли функции разведчиков. Так, генерал (впоследствии маршал) Ней, переодетый крестьянином, проник в город Маигейм, убедился в возможности внезапной атаки на этот город и на осиове собранных им самим сведений одержал победу над иеприятелем.

Еще в мае 1796 г. после битвы при Лоди и взятия Милана Наполеон взамен прежних разведывательных организаций, которые имелись при главной квартире и при штабах отдельиых генералов, создал «Секретное бюро» и во главе его поставил командира кавалерийского полка Жана Ландре. Бюро было разделеио иа два отдела: общий и политический; в задачи последнего входило наблюдение за оккупированиой территорией, подавление народных волнений и другие обязаиности. Глава политического отдела Гальди навербовал массу агеитов, в числе которых можно было встретить монаха-капуцина, выпущенного по амнистии из тюрьмы уголовного преступника, инженера, светских женщин вроде графини Албани (в Милане) и графиии Уджери (в Брешии).

Ландре засылал своих агеитов в Неаполь, Рим, Флоренцию, Турии, Венецию и австрийскую армию, наконец, даже в Вену. Часто «Секретное бюро» составляло для Наполеона по нескольку отчетов в день. Помимо командующего доклады бюро имел прввo читать только начальник штаба Бертье. Таким образом, «Секретное бюро» заиималось и разведкой, и контршпионажем. Лаидре имел своих агентов и в Париже — в их обязанность входило наблюдеиие за лицами, которых Директория направляла на различные должности во французскую армию, сражавшуюся в Италии.

«Секретное бюро» было обильно сиабжено средствами, иекоторым агентам за доставлявшиеся ими сведения платили большие суммы (по нескольку десятков тысяч фраиков). Иногда информация, содержавшаяся в докладах «Секретного бюро», оказывалась настолько неожиданной, что Наполеон отказывался ей верить, угрожая Ландре смещением с должности. Однако почти всегда сообщенные известия оказывались правильными.

Ландре и его Бюро применяли технику, впоследствии прочно вошедшую в практику разведки. В частности, «Секретиое бюро» вело сложную игру с агентами-двойниками, одним из которых была, иапример, графиня Палестрина. Через нее австрийцев снабжали фальшивыми сведениями. В игру включился сам Наполеои. Не раз в присутствии графини он «проговаривался» о важных вещах, симулируя то припадок гнева, то, напротив, порыв радости.

«Секретное бюро» прибегвло и к провокациям. Именно сотрудники Бюро организовали сбор «компрометирующих материалов» против Венеции, территорию которой Наполеои решил заиять, чтобы потом

использовать как разменную монету в переговорах с австрийцами. При этом использовались различные методы: то организовывали «народные восстания» против венецианского правительства с призывом французов на помощь, то, напротив, подстрекали к волнениям против завоевателей и убийству раненых солдат армии Наполеона. В Вероне этим руководил некий Джованелли. Натравив толпу на раненых французов, этот шпион, занимавший официальный пост в городе, поспешил удрать до вступления в Верону войск, спешно направленных туда Бонапартом. Беглеца не стали искать... А впоследствии, уже после провозглашения Наполеона императором, Джованелли сделал быструю карьеру на французской службе. Правда, провокация в Вероне, вероятно, была организована помимо «Секретного бюро» самим Наполеоном. Он с некоторого времени перестал доверять Ландре, бывшему до того его самым близким и высоко ценимым сотрудником. Честолюбивый начальник «Секретного бюро» имел собственные планы, не всегда совпадавшие с целями Наполеона.

Во время ареста д'Антрега (о чем речь шла выше) произошел открытый разрыв. Наполеон обвинил Ландре в том, что тот подозрительно долго держал у себя портфель д'Антрега, и в гневе приказал посадить начальника «Секретного бюро» под арест на 15 суток. Этот отданный сгоряча приказ был вскоре отменен, но отношения обострились до предела. Ландре был вынужден подать в отставку и уехать во Францию. В годы правления Наполеона ему угрожающе посоветовали держать язык за зубами. Император запретил использовать его на любом государственном посту.

После возвращения из Италии во Францию победоносный генерал Бонапарт был направлен Директорией во главе большой армии на завоевание Египта. По пути в Египет эскадра, перевозившая французскую армию, с ходу захватила остров Мальту. Этот имевший большое стратегическое значение остров принадлежал Ордену мальтийских рыцарей. Об его длительной осаде нечего было и думать, так как за французской эскадрой охотился более сильный английский флот под командованием адмирала Нельсона. Почему же так быстро удалось занять Мальту?

Примерно за год до этого один французский дипломат, сотрудник посольства в Генуе, некий Пуссьельг, был по предложению Наполеона направлен на Мальту. Опытный француз быстро сговорился с наиболее влиятельными членами Ордена, и, когда в начале июня 1798 г. флот Наполеона подошел к Мальте, превращенной в сильную крепость, она была без боя сдана французам. Победители со своей стороны выплатили щедрую компенсацию рыцарям, проявившим незаурядные коммерческие способности в запродаже острова.

Во время египетской экспедиции Наполеон не смог создать разведывательной службы, которая могла бы соперничать по эффектив-

иости с «Секретиым бюро» Ландре. Все же французской разведке удалось подкупить одиого из вождей египетских мамлюков — Мурадбея.

После своего возвращеиия во Фраицию и переворота 18 брюмера, поставившего его у власти в качестве первого консула, Наполеои как одним из первоочередиых дел занялся созданием своей разведки, точнее — иескольких разведывательных организаций сразу. Разведывательные и коитрразведывательиые обязаниости были возложены на миннистерство полицин, возглавляемое Фуше, иа бюро иезависимого от иего префекта парижской полиции Дюбуа, иа персоиальиых агеитов первого коисула, создававших свои особые оргаинзации (в их число входили такие видные воениые, как Дюрок, Даву, Лани, Жюно, Савари — будущие маршалы и мнинстры наполеоновской империи). Этой личиой разведкой Наполеон управлял через своего секретаря Бурьеииа.

Впоследствни иаполеоиовская разведка имела агеитов во всех столицах и во многих крупных городах большинства европейских государств. Обычно это были хорошо оплачиваемые резиденты. Когда райои деятельности того или иного агента выдвигался в центр событий, этому разведчику выдавалнсь очень большие суммы денег для добывания ииформации.

Особую активность проявлял «черный кабинет», возглавляемый опытным разведчиком, директором почт Лаваллетом. В 1811 г. Наполеон отдал приказ учредить филналы «черного кабннета» во миогих городах своей огромиой импернн — в Турине, Генуе, Флореиции, Риме, Амстердаме, Гамбурге. Лаваллет фактически превратнлся во второго мннисгра полиции н одного из руководнтелей наполеоновской контрразведкн. Между прочим, при содействии Лаваллета Наполеои завел дюжину высокооплачиваемых агентов, которые должны былн представлять ему тайные доклады о настроениях различных кругов французской буржуазин и бюрократии. В числе этнх агеитов была известная писательиица мадам Жанлнс. Доклады передавались в запечатаниых конвертах Лаваллету, который вручал нх Наполеону.

Наполеоновская разведка часто прибегала н к услугам эмиграитов-роялистов не только для слежки за другимн роялистами, ио и для выполнения самых разнообразных шпионскнх заданнй. Осуществлять эти поручения таким агентам помогала их репутацня противников режима империи. Вот один из ннх. Н. Э. дю Буше был сиачала эмигрантом, потом ударился в крайнюю «революциониость», чтобы несколько позднее стать участником роялнстского подполья. Ои находился прн дворе Людовнка XVIII (в 1795 г.), провозглашал себя ярым сторонником короля. После падения Наполеона н реставрацин Бурбонов Буше в письме к Людовику XVIII, излагая свон подвиги во славу трона и алтаря, остановился иа дате прнхода к власти

Наполеона. «С этого времени, — скромно добавлял Буше, — наступает длительный перерыв, во время которого я был лишен возможности представить Вашему Величеству новые доказательства своего рвения. Я был вынужден замкнуть его в своем сердце». Буше лишь забыл упомянуть, что, «замкнув в сердце» вышеописанное «рвение», он сразу же явился в наполеоновскую полицию и стал агентом министра иностранных дел Талейрана в Лондоне (1804 г.), потом шпионом в Варшаве (в 1807 г.), пока непрошеными советами не навлек на себя гнев императора.

Пытаясь организовать широкий шпионаж против своих противников, Наполеон стремился в то же время создать эффективную контрразведку для борьбы с неприятельскими агентами. Когда в 1804 г. французская армия из булонского лагеря, где она была сосредоточена для предполагавшейся (но не осуществленной) высадки в Англии, была ускоренным маршем двинута на Рейн против Австрии, Наполеон писал министру полиции: «Запретите газетам говорить об армии, как будто ее вовсе не существует». Частных лиц временно лишали права пользоваться существовавшим тогда оптическим телеграфом. Принимались чрезвычайные меры для соблюдения секретности. Для особо важных бумаг существовал шифр Наполеона и шифр начальника его штаба Бертье.

Сам Наполеон демонстративно оставался в Булони, а потом перебрался в Париж, где устраивал пышные празднества. Все делалось для дезориентации неприятеля. Но главный успех был достигнут благодаря особо удачливому наполеоновскому разведчику, засланному в Австрию. Речь идет о знаменитом Шульмейстере.

УЛЬМСКИЙ КАПКАН

Карл Шульмейстер родился в 1770 г. в семье протестантского пастора, хотя впоследствии и утверждал, что его отцом был венгерский аристократ. Это утверждение было, впрочем, лишь одним из проявлений той мании величия, в которую вылилось вскоре природное тщеславие Шульмейстера. Фальшивые документы, «подтверждавшие» этот вымысел, появились лишь позднее. Занявшись вначале торговлей железом, молодой Шульмейстер вскоре решил, что контрабанда — ремесло куда более выгодное. Доходы от этой новой профессии позволяли Шульмейстеру удовлетворить свою давнюю страсть к элегантной одежде, изображать богатого и знатного человека. В 1799 г. он познакомился с французским

полковником Савари, будущим герцогом Ровиго, которому предстояло сменить Фуше на посту министра полиции. Савари не отличался способностями своего предшественника. Но надо отдать должное будущему министру в выборе людей: возможности Шульмейстера как разведчика он оценил вскоре же после их знакомства.

Савари поручил Шульмейстеру несколько мелких дел, и тот осуществил их с полным блеском. Так, Шульмейстер подделал письмо любовницы герцога Энгиенского, которое помогло французским жандармам захватить его на чужой территории и доставить во Францию.

В 1805 г. развернулась война Наполеона против Австрии и России. Шульмейстер отправился в Вену с поручением разузнать подробности относительно характера, а если возможно, то и планов австрийского командующего генерала Мака. Вряд ли Наполеон мог рассчитывать, что Шульмейстер достигнет большего, но его успех превзошел все ожидания.

Шульмейстер приехал в Вену, скрываясь под уже ставшей привычной ему маской венгерского аристократа. По его словам, он был выдворен из Франции по подозрению в шпионаже в пользу Австрии. Шульмейстер проявил знание многих важных вопросов положения во Франции, и особенно во французской армии. Он быстро завоевал доверие и симпатии в аристократических кругах Вены, был представлен генералу Маку, назначенному командующим австрийскими войсками. Сведения, которые Шульмейстер передал Маку, показались тому настолько важными, что он включил любезного, осведомленного и дельного человека в число офицеров своего штаба. У Шульмейстера были два доверенных агента — Венд и Рульский, которые «подтверждали» его сведения.

Вскоре Шульмейстеру предложили должность, которая до него не доставалась ни одному разведчику, — начальника разведки страны, в которую его послали шпионить. На этом посту таланты Шульмейстера развернулись в полной мере. Мало того, что он переслал все важнейшие планы Мака Наполеону. По приказу французского императора были отпечатаны специальные номера газет, сообщавшие о волнениях во Франции. Об этом же говорили чуть не ежедневно поступавшие письма — якобы от недовольных во французской армии. «Желание — отец мысли», — гласит пословица. Маку стало казаться, что Франция находится на пороге восстания против Наполеона. В этих условиях у австрийского полководца не вызывали никакого сомнения вести о том, что Наполеон стал оттягивать войска с фронта, проходившего по Рейну. Конечно, нужно было преследовать французов, что Мак и сделал. Его очень удивило, когда австрийские войска значительно раньше, чем казалось возможным, по его расчетам, столкнулись с корпусом «отступавшего», а в действительности зама-

нившего австрийцев в ловушку генерала Нея. Еще больше возросло удивление Мака, когда он обнаружил, что на его флангах и в тылу также находятся войска других наполеоновских генералов — Мармона, Сульта, Мюрата. Вскоре армия Мака была окружена в Ульме. Австрийскому командующему, в мечтах уже победоносно двигавшемуся на Париж, оставалось лишь сдаться в плен со своей армией (33 тыс. солдат, 18 генералов, 60 орудий). Лучшие австрийские дивизии оказались во французском плену в самом начале войны, вся тяжесть которой пала теперь на плечи русских войск.

Вместе с Маком попал в «плен» и Шульмейстер. Но он еще не считал свою миссию законченной. Был инсценирован его побег из французского лагеря с поддельными документами, которые должны были убедить австрийского императора Франца, а главное — русского царя Александра действовать таким образом, чтобы привести их войска к быстрому разгрому.

Вечером 24 октября 1805 г. (через четыре дня после капитуляции Мака) Шульмейстер достиг расположения австрийских войск около Инна. Вначале австрийцы встретили его с недоверием, но все же разведчику удалось добраться до городка Мюльдорф, а там ему подвернулся счастливый случай в лице некоего лейтенанта Франца Рутского, старого знакомца, с которым они распили не одну бутылку доброго вина в Италии. Рутский не только с готовностью сообщил Шульмейстеру все, что знал об армии Кутузова и находившихся вместе с ним австрийских войсках. Лейтенант вез важное донесение к австрийскому командующему генералу Мервельдту в Браунау, где размещался штаб Кутузова. Шульмейстер поспешил рассказать Рутскому о своем «бегстве» из французского плена и о том, что он сможет ознакомить австрийское командование с самыми последними планами Наполеона и его маршалов. Надо ли говорить, как обрадовался лейтенант возможности представить генералу Мервельдту друга, имевшего столь важные сведения. Назавтра утром приятели поспешили отправиться в путь, и вскоре Шульмейстер уже был на приеме у Мервельдта. Разведчик снова разыграл с небольшими вариациями пьесу, с которой незадолго до этого ознакомился Мак. Шульмейстер сообщил самые точные данные о расположении французских войск. Мервельдт мог легко убедиться при проверке, что ему сообщили чистую правду. Другое дело, что сведения эти уже устарели, — ведь с момента «бегства» Шульмейстера прошло несколько дней, и корпуса французской армии за это время находились уже далеко от тех районов, где их обозначил на карте наполеоновский лазутчик. Зато завоевавший доверие разведчик получил взамен значительно более свежую информацию о дислокации австрийцев и, главное, армии Кутузова — теперь основного противника победоносных наполеоновских войск. Не теряя времени, Шульмейстер на другой день, 26 октября, сообщил в Мюнхене, заня-

том французам, генералу Савари все добытые сведения. Они очень пригодились, и генерал Савари еще раз послал своего агента за новой добычей.

Шульмейстер на этот раз прихватил одного из своих помощников по прежнему занятию контрабандой — некоего Рипмана. В конце октября оба шпиона уже прибыли в город Линц, где остановились в местной гостинице. Шульмейстер не привык упускать того, что могли дать встречи со случайными попутчиками. В отеле наметанный глаз разведчика отметил очень расстроенного с виду буржуа средних лет. Завязать разговор не представляло труда. Это был некий Йозеф фон Рюф, который вместе с семьей бежал при приближении французов из Браунау. Рюф надеялся, что венское финансовое ведомство предоставит ему какую-нибудь должность, — это была единственная надежда, так как он остался без средств к существованию. Нечего говорить, что Рюф весьма резко отзывался о неспособности австрийских властей, которые считал ответственными за обрушившиеся на него страдания. Завербовать такого человека на французскую службу ссылками на близкую победу Наполеона, обещанием денег, а после войны — выгодного места в Страсбурге оказалось не очень сложным делом. За полчаса устроив свои личные дела, Рюф присоединился к двум разведчикам, которые снова двинулись в дорогу и через несколько часов достигли Амштеттена. В этом городке Шульмейстер составил подробные донесения: одно — для Савари, другое — для Мюрата и поручил Рипману остаться в городке, чтобы передать эти бумаги по назначению, после того как Амштеттен будет занят наступавшими французскими войсками. Сам Шульмейстер вместе с Рюфом двинулись дальше на восток, в сторону Вены, но в деревне Кемельбах им пришлось остановиться — все лошади в округе были реквизированы военными властями. А тут еще купец, прибывший вслед за ними из Амштеттена, сообщил тревожную новость: Рипман задержан русскими вскоре после отъезда его компаньонов. Шульмейстер попытался любой ценой найти экипаж для бегства. Поздно! Разведчик был арестован австрийскими драгунами, которые захватили его бумаги и деньги. Закованный в ручные кандалы, Шульмейстер тщетно доказывал, что он верный австрийский агент, ссылался на имевшуюся среди его бумаг охранную грамоту генерала Мервельдта. Все напрасно: столь легко завербованный Рюф, оказывается, с самого начала предпочел сообщить обо всем австрийским властям и сопровождал Шульмейстера по их указанию.

Теперь разведчик вместе с Рипманом был отправлен под конвоем в Вену, где их могла ждать только виселица. Впрочем, это еще не худший вариант, справедливо рассудил Шульмейстер, ведь обычных шпионов вешали там, где их арестовывали. Шульмейстера избавила от этого не только важная роль, которую он явно играл во француз-

ской разведке. Допрашивавшие его офицеры и чиновники не могли до конца разобраться, на кого же в действительности работал ловкий шпион-двойник. Ответ могли дать только те австрийские генералы, с которыми имел дело Шульмейстер. Поэтому под конвоем троих солдат и капрала Шульмейстер и Рипман были отправлены на восток навстречу неведомой судьбе.

Первоначально было предписано доставить их в одну из чешских тюрем (чешские земли входили тогда в состав австрийских владений). Путь оказался очень длинным, и конвоиры устали не менее арестованных. Австрийская дисциплина не выдержала такого испытания. Капрал посовещался со своими подчиненными, после чего солдаты отняли у конвоируемых все имевшиеся у них ценности и документы, избили до полусмерти шомполами от ружей и бросили у дороги. Придя в себя, Шульмейстер после некоторого раздумья составил план действий. Разведчики решили, чтобы избежать подозрений, разными путями добраться до Вены. Рипман по дороге от слабости окончательно слег и, по некоторым данным, вскоре умер в какой-то провинциальной больнице. Более живучий Шульмейстер 10 ноября, пробираясь окольными путями, добрался до Вены и три дня прятался у знакомых содержателей отелей. Он знал, что скрываться ему придется недолго. Через три дня в австрийскую столицу вступили наполеоновские войска, а 15 ноября, по совету Савари, обрадованный спасением своего главного разведчика Наполеон назначил Шульмейстера полицмейстером Вены, после чего Карл (по-французски Шарль) Шульмейстер стал впредь именоваться господином Шарлем или Шарлем-Фредериком, чиновником императорской администрации.

Кутузов, командовавший русской армией, долго не давал вовлечь себя в сражение, которое при тогдашнем соотношении сил не могло не окончиться в пользу французов. Тогда Наполеон, по существу, повторил трюк, проделанный Шульмейстером. Он отправил генерала Савари к Александру I с просьбой о личном свидании. Александр ограничился посылкой для переговоров своего представителя — недалекого князя Долгорукова. В беседе с ним Бонапарт притворился, будто очень напуган неблагоприятными известиями из Франции и предстоящим сражением. Долгоруков попался в расставленные сети. По словам Наполеона, князь говорил с ним «как с боярином, которого хотят сослать в Сибирь». Вопреки категорическим возражениям Кутузова Александр I настоял на том, чтобы дать сражение Наполеону. Нелепые распоряжения царя и австрийского генералитета усугубили и без того тяжелое положение союзников. Битва при Аустерлице была проиграна, Австрия должна была искать сепаратного мира с Наполеоном.

Шульмейстер покинул Вену вместе с французскими войсками в январе 1806 г., а осенью того же года «капитан Шарль» руководил

разведкой против Пруссии, которую Наполеон разгромил в ходе кратковременной кампании.

Во время войны против Австрии в 1809 г. Шульмейстер снова действовал в тылу австрийцев, был арестован и приговорен к расстрелу. Он напоил вином сторожививших его солдат, переоделся в австрийский мундир и бежал. Шульмейстер умел отлично гримироваться и изменять до неузнаваемости свою внешность. Он проявлял редкую находчивость. Ему случалось в украденном мундире австрийского генерала присутствовать на военном совете у императора Франца и выбираться в гробу из осажденного города. Одно время Шульмейстер не расставался с коротко остриженной собачкой, на которую он надевал чехол из кудрявой шерсти. Мнимый пудель носил под покрывалом важные документы. Деньги, которые получил Шульмейстер от Наполеона, а до этого — от австрийцев, сделали его богатым человеком. Однако еще большее состояние Шульмейстер нажил, бесцеремонно беря взятки от военных поставщиков, после того как император назначил его в 1809 г. генеральным комиссаром по снабжению французской армии.

Шульмейстер выполнял еще целый ряд разведывательных поручений Наполеона (даже побывал в Англии), но они не имели большого значения. В последние годы правления Наполеона дальнейшей карьере разведчика помешали интриги второй жены императора — австрийской принцессы Марии-Луизы и ее окружения, ненавидевших Шульмейстера за его роль в разгроме Австрии в 1805 г.

После первой Реставрации (1814—1815 гг.) полиция Бурбонов тщетно искала Шульмейстера в Париже и других местах. Во время Ста дней — нового правления Бонапарта — австрийские власти опасались, что бывший главный шпион корсиканца находится в Вене и пытается похитить сына Наполеона, который как внук австрийского императора воспитывался при его дворе. На деле Шульмейстер находился в это время в Париже, но, по-видимому, предпочел не поступать снова на императорскую службу, не очень высоко расценивая шансы Наполеона удержаться в борьбе против мощной коалиции держав. После битвы при Ватерлоо австрийская и прусская полиция снова занялись розыском Шульмейстера в оккупированной французской столице — и снова тщетно. А Шульмейстер вел переговоры с австрийским полицейским комиссаром в Париже Лангвертом о намерении снова служить Австрии, которой он, по словам Шульмейстера, оказал множество услуг в 1805 г. Кажется, Лангверт даже поддерживал ходатайство Шульмейстера. В августе 1815 г. Шульмейстер был арестован пруссаками и отправлен в крепость Везель. 20 ноября того же года был подписан мирный договор, и Шульмейстер вернулся во Францию. Там он был отдан под суд и приговорен к уплате огромного штрафа, равного трем четвертям его состояния. Оставшуюся

часть Шульмейстер потерял в спекуляциях на бирже. Как видно, биржевые волки сумели обойти и этого матерого шпиона.

Он прожил еще почти сорок лет, до 1853 г. В последние годы ему в виде милости разрешили заняться продажей табака в маленькой лавке в Страсбурге, являвшейся государственной монополией.

ТРОЙНАЯ ИГРА

Не следует представлять себе французскую разведку и контрразведку при Наполеоне как нечто единое и целиком действовавшее в интересах императора. До 1810 г. с коротким перерывом пост министра полиции занимал пресловутый Жозеф Фуше. Этот хамелеон и профессиональный предатель был в то же самое время лучшей полицейской ищейкой, которую мог найти Наполеон.

Фуше понял, что лучше угроз и физических пыток действует нередко подрыв морального состояния, психологическая пытка, взятие измором попавших в его руки агентов неприятеля. Подручным Фуше удавалось выведывать все нужные сведения под маской дружеского участия и только потом отправлять уже до предела «выжатую» жертву на гильотину.

Фуше был нужен Наполеону, но тот никогда не доверял своему министру полиции. Хозяин отлично знал, что слуга готов на любую измену, когда сочтет ее выгодной для себя. Поэтому личные шпионы императора не спускали взоров с его верного министра полиции, а тот прилагал, конечно, немалые усилия, чтобы выявить соглядатаев своего государя. Ближайшими помощниками Фуше являлись генеральный инспектор полиции Реаль и начальник отдела общественной безопасности секретной полиции Демаре.

Фуше, никогда не желавший сжигать за собой всех мостов, вел очень хитроумную линию в отношении роялистов. Во Франции его полиция их ревностно выслеживала и немало отправила на эшафот. Но вот с роялистами, обретавшимися в безопасности на английской почве, у министра полиции был совсем другой разговор. Его агенты не раз пересекали Ла-Манш и нашептывали разным эмигрантам-роялистам, что Фуше, оказывается, в глубине души всегда остается на стороне «законного короля» Людовика XVIII. В Лондоне приманку Фуше жадно заглотнул Фош-Борель, уже известный нам по делу Пишегрю. Скрытые «роялистские симпатии» наполеоновского министра стали предметом, вызывавшим интерес среди ближайшего окруже-

ния короля эмигрантов. Все шло хорошо, но Фуше приходилось учитывать, что его маневры не могут долгое время оставаться скрытыми от шпионов Наполеона. Поэтому министр полиции в частых верноподданнических докладах Наполеону подробно излагал свою интригу, объясняя, что ведет ее в интересах службы. Он-де хочет разложить изнутри эмигрантский лагерь и заманить некоторых, особо опасных, людей во Францию. Действительно, несколько роялистов, тайно пробравшихся во Францию прежде всего для того, чтобы установить связь с Фуше, были арестованы и казнены по приказу Наполеона как английские шпионы (в их числе племянник Фош-Бореля Шарль Витель, приехавший с письмом к министру полиции). Наполеон, который мало кого уважал, не мог скрыть своего удивления ловкостью «цареубийцы» — Фуше голосовал в Конвенте за казнь Людовика XVI, — сумевшего убедить эмигрантов, что именно он является надеждой роялистской партии. Сношения Фуше с эмигрантами казались императору весьма и весьма подозрительными. Он решил не довольствоваться провокаторами, которых засылал Фуше, а направить в Лондон своих, так сказать, личных шпионов с целью разузнать, каковы действительные связи министра полиции с роялистами.

В 1807 г. с Фош-Борелем вступил в тесный контакт некий Перле, выражавший громко свою преданность Бурбонам. Это был шпион, подосланный к роялистскому шпиону префектом парижской полиции Дюбуа. Чтобы завоевать доверие роялистов, Перле передал им список политических заключенных, содержавшихся в парижской тюрьме Тампль. Перле уверял Фош-Бореля, что во Франции действует секретный роялистский комитет, который вскоре свергнет Наполеона и создаст временное правительство, а оно призовет обратно во Францию Людовика XVIII. Перле привел в восторг роялистов в Лондоне, от них он ездил с поручениями к эмигрантам в Берлин и обо всем подробно доносил в Париж. В числе членов секретного комитета был упомянут и Фуше. Поскольку невозможно было оставить Фуше в неизвестности относительно поездки Перле в Лондон, министру полиции разъяснили, что цель этого путешествия — заманить во Францию Фош-Бореля. Министр бурно запротестовал против организации подобной западни, ссылаясь при этом на гуманные соображения. Подобные доводы в устах человека, пролившего море крови часто ни в чем не повинных людей, были, конечно, для Наполеона лишь доказательством нечистой совести Фуше, опасавшегося разоблачений, которые сделал бы Фош-Борель в случае ареста. Надо, решил Наполеон, скомпрометировать Фуше в глазах эмигрантов. Поэтому Перле неожиданно получил новое задание — доказать роялистам, что им нечего рассчитывать на содействие министра полиции! Таким путем Наполеон пытался через Перле побудить роялистов отказаться от попы-

ток установить связи с Фуше. Однако постепенно Фуше разными маневрами сумел усыпить подозрения Наполеона. Полиция Фуше как раз в это время разгромнла английскую шпионскую сеть во Франции и арестовала одного нз главных агентов Лондона н роялистов, Прижана, о чем читатель уже знает.

Фуше снова удалось захватить в свои руки н провокационные «переговоры» с Фош-Борелем. Летом в 1808 г. к Фош-Борелю прибыл некто Бурляк, который, продолжая игру Перле, плел небылицы о том, что он послан роялистской подпольной организацией — «секретным комитетом», — в который входят крупные сановники н генералы Наполеона, что уже подготовлен переворот, который произведет сенат, воспользовавшись отсутствием императора. Мнимого роялистского эмиссара в Лондоне опять приняли всерьез. Бурляк встречался с министрами Каннингом и Хоксбери. Любопытно, что посланный с согласия Наполеона провокатор Бурляк имел особое поручение снова поднять акции Фуше в глазах Фош-Бореля и роялистов, несколько подорванные казнью Вителя и интригами Перле. Бурляк довел до сведения Людовика XVIII, что Фуше тайно предан королю. Людовик выслушал зто известие с большим вниманием и выразнл пожелание добиться наряду с этим поддержки маршалов Бертье н Макдональда, а также находившегося в змиграции генерала Моро. Таким образом, король эмигрантов весьма благосклонно принял заверения в тайной преданности от бывшего «цареубийцы».

Как опытный психолог, Фуше решил не упоминать об зтой последней детали в отчете Наполеону о миссии Бурляка. Слишком уж большая ловкость министра полицин опять могла прийтись не по вкусу подозрительному императору... Впрочем, Фуше и не думал в тот момент предавать Наполеона Бурбонам. Он счел выгодным сделать это лишь после разгрома наполеоновской «великой армии» в России, а до этого было пока еще очень далеко.

Вскоре «секретный комитет» был ликвндирован министром полиции за ненадобностью. Зато когда наступили годы реставрации Бурбонов и роялисты сталн разыскнвать следы «секретного комитета», Фуше объявил, что являлся активным участником этой славной организации, героическн боровшейся против корсиканского узурпатора.

АЛЧНАЯ «АННА ИВАНОВНА»

Обер-разведчик Наполеона Шульмейстер сумел отличиться во время эрфуртского свидания французского и русского императоров (сентябрь 1808 г.), организовав хорошо поставленное наблюдение за его участниками, и особенно, конечно, за царем Александром I. Быстро сменявшиеся любовницы царя все, как на подбор, оказывались состоявшими на службе у Шульмейстера. Но вездесущий главный шпион, окружая слежкой императора Александра, пропустил все же одно важное свидание царя, точнее — не знал и не догадывался, о чем говорилось на этом свидании.

Английские разведчики, которые тучей вились вокруг Эрфурта, раздобыли довольно точные и подробные отчеты о встрече императоров. В этих шпионских донесениях сообщалось о столкновениях, скрывавшихся за фасадом дружественных переговоров двух могущественных монархов.

Однако многоопытная английская разведка тоже ничего не узнала об интересующем нас эпизоде Правда, сам Наполеон в последующие годы начал смутно подозревать, что нечто подобное произошло, но где, при какой обстановке и, главное, при чьем участии,— все это так и осталось для императора тайной вплоть до конца его дней. А рассказал впервые об этой истории уже в наше время известный советский исследователь академик Е. В. Тарле на основе изучения русских дипломатических архивов.

Главными действующими лицами были русский царь Александр I и ушедший в отставку французский министр иностранных дел князь Талейран, впрочем, по-прежнему сохранявший влияние на политику Франции. Представлять их нет необходимости. «Властитель слабый и лукавый», по пушкинской характеристике, русский царь известен так же хорошо, как и его собеседник, самое имя которого стало синонимом дипломатической изворотливости и коварства. Это был тот самый князь Талейран — аристократ, ставший дипломатом и министром Французской республики (он не мог ужиться лишь с якобинцами), предавший потом Республику Наполеону, а затем предавший самого Наполеона Бурбонам, чтобы еще через полтора десятилетия предать Бурбонов, перейдя на службу к королю-буржуа Луи-Филиппу Орлеанскому. «Что-то есть во мне, — иронически отмечал Талейран, — приносящее несчастье правительствам, которые пренебрегают моими услугами». Про Талейрана современники говорили: он так богат, потому что продавал всех, кто его покупал. Человек, после смерти которого острословы спрашивали: «Талейран умер? Интересно узнать, зачем ему это понадобилось?».

Но и в 1808 г. репутация Талейрана была уже вполне устоявшейся. Русские дипломаты в официальной переписке называли его «попом-расстригой», «письмоводителем тирана», профессиональным предателем и столь же профессиональным взяточником и казнокрадом, который обоими этими способами награбил несчетное число миллионов. Но никто не отрицал его выдающегося ума, проницательности и дальновидности, сочетавшихся с готовностью на любое преступление, если оно выгодно, и с абсолютным бесстыдством, которое он умело скрывал за величавой и ленивой надменностью прирожденного вельможи.

Такова была личность, представшая перед Александром Павловичем в Эрфурте, и, вдобавок, личность крайне царю несимпатичная. Александр всю жизнь не мог простить Талейрану одну ноту, составленную тем по приказу Наполеона. В этой ноте более чем прозрачно намекалось на соучастие Александра в убийстве его отца Павла I.

Встреча с «подлецом» Талейраном была тем более неприятна царю, что политика сближения с Францией и вражды с Англией, которую пришлось проводить после Тильзита, вызывала растущее неодобрение русского дворянства, как сильно задевавшая его экономические интересы. Александр тревожился даже за свою личную безопасность в Эрфурте, занятом наполеоновскими войсками. Еще недавно при таких же обстоятельствах Наполеон в Байонне приказал арестовать приехавших туда испанского короля и наследного принца!

Тем более поразительным оказалось для Александра содержание его беседы с ближайшим советником Наполеона. Суть того, что было сказано Талейраном, — если отбросить многочисленные экивоки и красивые слова, — сводилась к следующему. Он, Талейран, не согласен с безудержными завоевательными планами Наполеона. Не согласна с этим и Франция. Страна хочет лишь границ по Рейну, Альпам и Пиренеям. Все остальное — т. е. добрая половина Европы, подчиненная Наполеону, — это личные завоевания императора, до которых, по любезному разъяснению князя, Франции нет никакого дела. Иначе говоря, Талейран заранее отказывался от этих аннексий — он был убежден, что их все равно не удастся долго удержать, — в пользу того, кто помог бы покончить с властью Наполеона. А чтобы закрепить новые отношения с Александром, Талейран выразил готовность поступить на русскую службу, разумеется, тайно и, что тоже само собой понятно, с полагающимся при таком случае жалованьем. Все это, конечно, было обговорено и согласовано не при первой встрече, а на нескольких последующих свиданиях.

Более того, чтобы доказать серьезность своих намерений, Талейран тут же стал выдавать царю секреты Наполеона, указывать пределы, до которых можно доходить в сопротивлении требованиям и планам французского императора, не вызывая окончательного раз-

рыва. А потом в беседах с Наполеоном Талейран горестно вздыхал, слушая его жалобы на неожиданное упорство, проявленное царем в ходе переговоров.

Хотя Талейран и не был уже главой министерства иностранных дел, он по-прежнему, как лицо, близкое к Наполеону, был посвящен во все тайны внешней политики Франции. Кроме того, поскольку многоопытный князь знал, что ему никак не удастся утаить свои метаморфозы от обладавшего особым нюхом на подобные дела Фуше, Талейран счел за благо привлечь его на свою сторону. Тот, как и Талейран, понимавший опасность дальнейшей завоевательной политики Наполеона, занял позицию дружественного нейтралитета и даже при случае начал поставлять Талейрану недостававшие тому сведения для передачи в Петербург. В секретной русской дипломатической переписке герцог Беневентский, светлейший князь Талейран-Перигор, кавалер бесчисленных орденов, с той поры стал именоваться «юрисконсультом», «моим другом», «нашим книгопродавцом», «кузеном Анри», а то и просто «Анной Ивановной».

Надо сказать, что «Анна Ивановна», подобно одной гоголевской героине, оказалась дамой, приятной отнюдь не во всех отношениях. За поставляемый ею товар она неукоснительно требовала значительной оплаты и проявляла столь неумеренное корыстолюбие, что переписка русского посольства в Париже с Петербургом все время сопровождалась настойчивыми просьбами о присылке дополнительных денежных сумм. Чего, однако, никак нельзя было узнать из информации, поставлявшейся почтенной особой, так это то, что она вскоре же (через посредство Меттерниха, бывшего тогда австрийским послом в Париже) нанялась по совместительству на службу к Австрии и ловко маневрировала между двумя нанимателями, интересы которых далеко не совпадали. Не брезговала «Анна Ивановна» и военным шпионажем, поставляя австрийцам сведения о движении французских войск как раз накануне новой войны Наполеона против Австрии в 1809 г.

Наполеон, конечно, ничего не знал об этих «негоциациях», как писали старинным слогом в тогдашних русских дипломатических бумагах. Но императору тотчас же донесли о непонятном сближении Талейрана и Фуше, бывших до этого явными врагами. Это сообщение заставило Наполеона, находившегося в Испании, бросить армию и спешно, загоняя лошадей, вернуться в Париж. На торжественном приеме 23 января 1809 г. император в ярости набросился на Талейрана, публично напомнив ему все его измены и соучастие в самых темных делах. «Почему я Вас еще не повесил на решетке площади Карусель? Но есть, есть еще для этого достаточно времени! Вы — грязь в шелковых чулках! Грязь! Грязь...», — кричал в исступлении Наполеон.

Однако Талейран меньше, чем кто-либо из смертных, был склонен обращать внимание на обидные слова, даже и публично произнесенные, если, конечно, за ними не маячила угроза более существенных неприятностей. А так как пока Наполеон не знал о деятельности князя в роли шпиона-двойника, то «Анна Ивановна» продолжала с прежним усердием выполнять свои служебные обязанности по линии Петербурга и Вены. Талейран даже истребовал с Вены, в тот период особенно нуждавшейся в его услугах, несколько сот тысяч франков в виде компенсации за понесенный ущерб.

Работа не прекращалась и в следующем, 1810 году. Однако ценность информации, которой князь торговал, резко уменьшилась в середине этого года. Иссяк главный источник информации — Фуше...

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЗ ПЕПЛА

Герой одного фантастического рассказа Г. Уэллса приказал Земле остановиться. Началась космическая катастрофа. Насмерть перепуганный ее виновник успел лишь потребовать, чтобы все вернулось в прежнее состояние, а люди так ничего и не узнали о своей гибели и чудесном спасении. Нечто подобное произошло и с французской секретной службой в июне 1810 г. Не будучи птицей Феникс, она, тем не менее, возродилась из пепла... сожженных документов.

Уже 12 лет с небольшим перерывом возглавлял Жозеф Фуше министерство полиции, создав огромную всепроникающую сеть шпионажа — за всеми слоями населения, за придворными, за военными, за дипломатами, как французскими, так и иностранными, за чиновниками наполеоновской администрации и литераторами, покорно черпавшими вдохновение в указаниях императорской цензуры. Полиция запрещала сколько-нибудь многочисленные собрания, даже семейные праздники и встречи друзей без ее представителей. Однажды один известный генерал намеревался собрать немногих своих боевых товарищей за дружеским столом. Бравый воин с негодованием узнал, что делать это без участия полиции запрещено. Он пожаловался Фуше. Министр ласково кивал головой в знак сочувствия, но не отступал от своих требований. Когда возмущение генерала дошло уже до предела, Фуше внезапно осенила какая-то мысль.

— Вы не можете дать мне список приглашенных? — спросил он и, бегло взглянув лишь на первые два-три имени среди дюжины, спокойно добавил:

— Хорошо, генерал, нет нужды в присутствии представителя полиции...

Фуше превратился в силу; перед ним, посвященным во все закулисные стороны жизни великих мира сего и их слабости, испытывали больший страх, чем перед самим императором. Фуше была отлично известна вся подноготная императорской фамилии, вплоть до распутства сестер Наполеона или того, с кем изменяет императору его любовница. Но новоиспеченного герцога Отрантского неустанно гложет неудовлетворенное честолюбие. Ему тесно в стенах министерства полиции. Наполеон в Испании, англичане используют его отсутствие для высадки в Бельгии. Фуше именем императора создает, обучает, снаряжает в короткий срок целую армию и посылает ее навстречу высадившемуся неприятелю. Английскому десанту приходится спешно убраться восвояси.

Но Жозеф Фуше мечтает о большем. Он знает, насколько широко распространена тяга к миру, который бы покончил с многолетней изнурительной войной с Англией, и что в Лондоне тоже имеются влиятельные силы, готовые подумать о компромиссе, о соглашении, которое снова открыло бы для английских товаров захлопнутые Наполеоном ворота в европейские страны. И вот Фуше по собственной инициативе продолжает тайные переговоры с Англией, прерванные неуступчивостью Наполеона. Фуше готов отказаться от части завоеваний, сделанных французами. Его агентом является темный делец банкир Уврар, но и тот думает, что действует по поручению императора, исполнителем воли которого является министр полиции. Более того, даже голландский король, брат Наполеона, Людовик Бонапарт уверен, что переговоры, ведущиеся через Голландию, проходят, несомненно, с ведома и с согласия императора.

Конечно, у Наполеона имелась не только полиция Фуше, но и другая полиция, шпионившая за Фуше, а также полиция главного директора почт, которая должна была наблюдать за полицией, следившей за хитроумным герцогом Отрантским. Были у императора еще и другие полиции... Но ведь и сам Фуше следил за следившими за ним полициями. Как бы то ни было, этот переплетенный клубок змей продолжал извиваться, а нужной информации Наполеон от своих агентов так и не получил. Узнал он о действиях Фуше совсем случайно. Когда Наполеон с новой женой — дочерью австрийского императора Марией-Луизой посетил Голландию, Людовик Бонапарт мимоходом упомянул об этих переговорах как о хорошо известном факте. Не надо быть Наполеоном, чтобы понять, кто скрывается за спиной Уврара. Взбешенный император отдает приказ командиру жандармерии Савари герцогу Ровиго немедленно без шума задержать агента Фуше. В Париже Наполеон спрашивает министра полиции, известно ли ему что-нибудь о переговорах Уврара? Тот, разумеется, спешит отречься от своего представителя. Тогда, продолжая игру, Наполеон приказывает Фуше арестовать уже находящегося за решет-

кой Уврарв. Министр полиции пытается возражать и этим лишь разоблачает себя.

Нв другой день Нвполеон назначает Савври мнннстром полиции. Правда, герцог Отрантский знает слншком много, чтобы его можно было просто вышвырнуть пинком ноги. Как и во время одной уже имевшей место краткой отставкн Фуше, увольнение от должности сопровождается почетным назначеннем на пост императорского посла в Рим. Но Фуше уже закуснл удила. Он стремнтся показать Наполеону, что стоит большего, чем окружающая его толпа придворных льстецов и покорных слуг с министерскнми портфелями. Полицейская машина создана Фуше и не будет иметь другого хозяина!

Когда герцог Ровиго является к герцогу Отрантскому с извещеннем о том, что он, Савари, назначен на пост мннистра полнции, Фуше встречает своего преемннка с исключительной любезностью. Савари обманут. Он даже вздыхает с облегченнем. Вместо тяжелых разговоров, ссоры с властным и опасным человеком состоялась дружеская беседа людей, один из которых обязан по приказу прннять дела, а другой готов отказаться от ставших весьма обременительными обязанностей. Фуше выражает даже готовность всяческн быть полезным новому министру в ознакомленнн со множеством новых и незнакомых для него вопросов. Конечно, потребуется немного времени, чтобы привести в порядок дела этого ведомства — ведь императорскнй приказ последовал так неожиданно, что герцог Отрантскнй не успел подготовиться для передачи всего многосложного аппврата мнннстерства своему преемнику. Если герцог Ровнго не возражает, он, Фуше, за несколько дней все доведет до полнейшего ажура, а тем временем н герцогиня Отрантская успеет перебраться на новую квартиру. Конечно, Саварн не возражает и крайне довольный удаляется. А Фуше вместе с самым доверенным помощником прннимается за дело. Документы, касающиеся нанболее важной секретной агентуры, илн уннчтожаются, или быстро вывозятся в личные тайники, где их не разыскать императорским соглядатаям. Многочнсленные агенты — военные, чнновникн, придворные, священники — все они шпионы Фуше и только Фуше, и он не желает передавать их в руки Наполеона. Для внда оставляются лишь сведення о малозначнтельных агентах, от которых нельзя узнать ничего серьезного. Четверо суток продолжается лихорадочная работа. Четверо суток дымит камнн, бесследно пожнрая все то, что Фуше не считает нужным сохранить для себя и в то же время не желает уступнть Савари.

А после этого происходит передача дел ничего не подозревающему герцогу Ровиго. Вся разведывательная сеть Фуше порвана на множество мелких, не связанных между собой клочков, главные звенья ее бесследно исчезлн. Через сутки об этом догадывается и Савари, который вынужден с тревогой доложить о странном проис-

шествии самому императору. Наполеон посылает Фуше требования вернуть похищенные бумаги. Одно, второе, третье... Но тот в ответ лишь утверждает, что давно сжег документы, которые у него требуют. Он как бы мимоходом бросает посланному от Наполеона, что это сделано для поддержания чести императорской фамилии (явный намек на имеющиеся в руках отставленного министра важные и компрометирующие бумаги). Но Фуше просчитался — он недооценил решительность Наполеона. Тот сразу отдает приказ начальнику своей личной полиции Дюбуа: или Фуше вернет требуемые бумаги, или его надлежит отправить в тюрьму под конвоем десятка жандармов, и он скоро почувствует, что значит навлекать на себя императорский гнев.

Только теперь Фуше понимает, что зашел слишком далеко, — Дюбуа опечатывает бумаги бывшего министра. Конечно, все важное давно припрятано в надежных местах, но ясно, что император ни перед чем не остановится, дабы сломить Фуше. И Фуше на какой-то момент действительно сломлен. Тщетно пишет он униженные письма Наполеону, добивается приема. Ему грубо сообщают, что в его услугах более не нуждаются. Объятый паническим страхом, Фуше уезжает из Парижа, мчится в Италию, петляя по различным городам, собирается уехать за океан, — его останавливает лишь страх попасть в руки англичан. А тем временем герцогиня Отрантская вступает в соглашение с Наполеоном. Она отдает самые важные бумаги, касающиеся лично Наполеона и императорской фамилии. После этого отставленный министр имеет возможность вернуться в свое поместье. (Это еще не последний этап в карьере Фуше — его ожидают новые взлеты и новые падения.)

А пока что Савари, начисто лишенный способностей Фуше, но трудолюбивый и настойчивый служака, начинает шаг за шагом восстанавливать разрушенное. Кое-какие следы Фуше не успел уничтожить, — остается, например, регистрационная книга фамилий и адресов второстепенных осведомителей. Кое-кого знают чиновники министерства, даже швейцар. И когда посетители — среди них много агентов Фуше, — не подозревая о произведенном разгроме, из осторожности наносят ни к чему не обязывающий визит новому хозяину в здание министерства полиции, министр спешно консультируется у привратника, посещало ли данное лицо герцога Отрантского. Скрывая свое незнание, Савари удается убедить большинство явившихся на прием людей, что у него находятся все материалы об их прошлом, которыми располагал Фуше. А ведь эти материалы часто, куда более чем деньги, служили гарантией верности агента. Так постепенно, незаметно для самих агентов, и не подозревавших о развале механизма, частью которого они являются, эта машина снова восстанавливается винтик за винтиком. И хотя многие «части» утеряны, ее снова пускают в ход.

ЗЛОВЕЩАЯ ЛЕДИ ГАМИЛЬТОН

В тайной войне, сопровождавшей открытую войну между термидорианской, а потом наполеоновской Францией и Англией, немалое место занимала борьба разведок на юге Италии, где она приобретала местную окраску в связи с особыми условиями этого района.

Королевство обеих Сицилий (так называлось Неаполитанское королевство, в состав которого входила и Сицилия) с 30-х годов XVIII в. управлялось одной из ветвей династии Бурбонов. Фактическим правителем королевства в конце этого столетия была властная Мария-Каролина, сестра французской королевы Марии-Антуанетты, обладавшая такой же узостью взглядов, аристократическим презрением к народу и вдобавок злобным, мстительным характером, испепеляющей ненавистью к своим противникам. Напротив, ее муж, король Фердинанд IV, был полнейшим ничтожеством. Его почти открыто называли «королем лаццарони», как именовали суеверную, детски невежественную и любопытную, всегда склонную к грабежу и насилиям толпу неаполитанских босяков. Действительно, трусливый, полный предрассудков, равнодушный ко всему, кроме охоты да еще грубого разврата, король был олицетворением лаццарони на королевском престоле. Когда известная авантюристка Сара Годар (англичанка, жена карточного шулера и приятельница знаменитого авантюриста Казанова) взялась, вероятно по поручению «испанской партии», враждовавшей одно время с Марией-Каролиной, обольстить короля, она великолепно учла, какой язык будет доступен пониманию Его Величества. Встретившись однажды с королем на охоте и вскоре разместившись в театральной ложе, расположенной так, чтобы ее никак не миновал монарший взор, Годар послала Фердинанду записку довольно категорического характера: «Жду Вас на том же месте и в тот же час с тем же нетерпением, с каким корова стремится к быку». Однако Годар все же переоценила королевский интеллект. Взрывы довольного хохота, которым сопровождал Фердинанд чтение этой записки, вызвали подозрение королевы. Записка оказалась в ее руках, и авантюристке пришлось покинуть Неаполь.

Более преуспела другая искательница приключений, тоже англичанка. Она поняла, что значительно вернее будет действовать не при посредстве короля, а через Марию-Каролину. Еще менее тайной была эта нехитрая истина для британской разведки и дипломатии, которая долгое время не использовала ее просто за ненадобностью. Поэтому первоначально Эмме Лайон, более известной под именем Эммы Харт, пришлось действовать на собственный страх и риск.

Выросшая на самом дне общества, Эмма с ранних лет была втянута в омут разврата. Позднее ей удалось подцепить одного молодого аристократа, который взял свою любовницу в заграничное путешествие и представил в Неаполе своему дяде, английскому послу Уильяму Гамильтону. Задолго до этого овдовевший, пожилой сэр Уильям уже очень давно занимал свой дипломатический пост. Его обязанности, впрочем, не были столь многосложны, чтобы не оставлять досуга для собирания коллекций картин и античных статуй, — англичанин был большим поклонником и знатоком греческого и римского искусства.

Прошло немного времени, и Эмма перешла от племянника к дяде, став не только любовницей посла, но и признанным центром артистического и литературного салона, в который был превращен богатый дом Гамильтона. Гости сравнивали ее с античными статуями, которые украшали мраморные лестницы и залы пышного посольского особняка.

Современники — от молодого Гёте, как раз в это время, в 80-е годы XVIII в., совершавшего свою поездку по Италии и посетившего Гамильтона, до какого-нибудь итальянского аббата с артистическими наклонностями — в один голос пишут об исключительной красоте белокурой хозяйки салона. О том, что они не преувеличивали, свидетельствуют все портреты, сделанные известным художником Ромни. Эмма быстро выучила французский и итальянский языки, она обладала хорошим голосом и отлично танцевала. Этим, впрочем, не ограничивались ее способности прирожденной актрисы — она могла исполнить любую роль, в том числе и роль супруги посла. После пяти лет пребывания в Неаполе она достигла своей цели, выйдя замуж за Гамильтона. Ему перевалило за шестьдесят, Эмме было всего 26 лет. Ей удалось добиться еще одного успеха. Хотя женщине с таким прошлым, как у нее, нельзя было и думать, чтобы быть принятой при чопорном английском дворе, а это, в свою очередь, по существовавшему обычаю закрывало для нее доступ в королевский дворец в Неаполе, леди Гамильтон сумела преодолеть препятствие.

Сначала при неаполитанском дворе Эмму принимали, поскольку было особенно нужно поддерживать добрые отношения с английским послом. Но прошло немного времени, и Эмма Гамильтон сумела сделать себя необходимой, что сразу же было оценено в английском Форин оффис.

Эмма мобилизовала все свои актерские способности, чтобы понравиться королеве Марии-Каролине, и это ей удалось в полной мере. По-видимому, немалую роль здесь сыграло и умение тонко льстить. Леди Гамильтон не могла отделаться от слащаво-восторженного тона в отношении королевы даже в сугубо деловых бумагах, которые она потом посылала в Лондон и в которых этот тон мог быть

уместным, только если существовала опасность перехвата дипломатической почты иностранными разведчиками. Вскоре леди Эмма уже пела дуэты с Фердинандом и обедала за одним столом с членами королевской семьи. Эмма добилась роли наперсницы надменной королевы не только с помощью своих артистических талантов. Она умела раньше всех сообщить ей, иногда с видом полной беспечности или неопытности, немаловажные дипломатические секреты. Марии-Каролине было, разумеется, не обязательно знать, что такая «неосторожность» была заранее одобрена в Лондоне. Эмма как раз в это время писала английскому министру иностранных дел Гренвиллю: «Сообщите мне какие-либо новости как частного, так и политического порядка. Помимо моей воли я вследствие своего положения здесь оказалась втянутой в политику и хотела бы получить новости для нашей горячо любимой королевы, которую я обожаю» (далее шел целый абзац, повествующий о талантах и добродетелях Марии-Каролины и том безграничном восхищении, которые они вызывают у леди Гамильтон). Гренвиллю не стоило скупиться на новости — шел 1792 год, назревала война с революционной Францией, и Неаполь мог оказаться небесполезным орудием английской политики.

Разумеется, французские события вызвали у Марии-Каролины ярость, смешанную со страхом и сознанием собственного бессилия. Правда, непосредственной опасности изнутри ждать не приходилось: влияние французских идей не распространялось за пределы узкого круга интеллигенции и либерального дворянства. Тем с большей жестокостью двор обрушился на местных якобинцев.

Постепенно Неаполь оказался втянутым и в войну против Франции. Первые наполеоновские победы в Италии насмерть перепугали Фердинанда. Однако в это время в планы Наполеона, сосредоточившего все силы против Австрии, не входило завоевание Неаполя. Грозу временно пронесло. Наполеон отправился в далекий Египет, а победа при Абукире сделала англичан хозяевами Средиземного моря. Немудрено, что победителя лорда Нельсона встречали в Неаполе с триумфом. Еще ранее познакомившийся с Эммой, прославленный адмирал на этот раз целиком попался в искусно расставленные сети. Однако, находясь во многом под влиянием своей возлюбленной, Нельсон в то же время через посредство Эммы оказывал прямое воздействие на умонастроение и планы Марии-Каролины. А цель, которую ставил Нельсон, — не допустить никакого компромиссного соглашения между Неаполем и Францией, втянуть Королевство обеих Сицилий в новую антифранцузскую коалицию. Это ему удалось без особого труда — симпатии королевы Марии-Каролины целиком принадлежали воинственной политике, а не тем уклончивым маневрам, которые рекомендовали Фердинанду и пытались проводить более осторожные министры.

Неаполитанская армия — во главе ее был поставлен австрийский генерал Мак, тот самый, который через несколько лет после этого был разгромлен Наполеоном и капитулировал в Ульме, — двинулась в поход и первоначально вытеснила численно уступавшие ей французские войска из Рима. Однако французский командующий Шампионне быстро сосредоточил свои силы и нанес неаполитанцам одно за другим ряд тяжелых поражений. Кое-как сколоченная неаполитанская армия фактически распалась.

Французские войска форсированным маршем и не встречая особого сопротивления двинулись к Неаполю. Во дворце царила паника, и 21 декабря королевская семья поспешно отплыла в Сицилию на английском корабле «Вэнгард», прихватив с собой драгоценности, любимых собак Фердинанда, некоторых избранных придворных, а также послов держав, находившихся в войне с Францией. По дороге разразился шторм, по мнению Нельсона, самый сильный из испытанных им на море, пассажиры готовились к смерти. Сэр Уильям Гамильтон ходил с двумя пистолетами, решив не глотать соленой воды при кораблекрушении, а сразу пустить себе пулю в лоб. А австрийский посол князь Эстергази даже выбросил за борт украшенную алмазами табакерку, на которой была нарисована в вольной позе его любовница, ибо — как невозмутимо доносил Нельсон в Лондон — «считал крайне неблагочестивым держать при себе столь мирскую вещь, находясь на пороге вечности». Однако все обошлось. В Палермо Фердинанд занялся, как обычно, своими собаками и охотой на вальдшнепов, а Мария-Каролина целиком отдалась ярости против французов и неаполитанских республиканцев.

Придя в себя после пережитых волнений, королева и ее английские советники сделали вывод, что далеко еще не все потеряно. Правда, лаццарони, с таким неистовством еще недавно грабившие и убивавшие всех заподозренных в симпатиях к французам, теперь восторженными кликами встретили вступившего в Неаполь Шампионне и его пышную свиту (и использовали время безвластия для того, чтобы основательно разграбить королевский дворец). Однако за пределами Неаполя французы почти не имели опоры, и их небольшая армия, легко одолевшая войска Мака, не могла справиться с начавшимися почти стихийно партизанскими выступлениями против завоевателей. К тому же Шампионне был вскоре сменен генералом Макдональдом, больше думавшим не о насаждении республиканских принципов, а о реквизициях, чтобы удовлетворить требования Директории, да и самому разбогатеть на войне.

В этих условиях Мария-Каролина — с прямого благословения ее неизменной приятельницы леди Гамильтон — выразила готовность оказать содействие предприятию, предложенному кардиналом Руффо. Решительный прелат, напоминавший чем-то кондотьеров Возрож-

дения, взялся поднять бунт против французов и республиканцев в своей родной Калабрии, превратить ее во вторую Вандею и повести навербованную и фанатичную массу невежественных крестьян против французских и неаполитанских «безбожников». План удался на славу. Действия Руффо сопровождались страшными зверствами, которые творили толпы, стекавшиеся в ряды «армии Святой веры», над захваченными в плен республиканцами. Вскоре обстановка на других театрах войны побудила Директорию отозвать армию из южной Италии. По настоянию Эммы Гамильтон Нельсон, вернувшийся с флотом в Неаполь, объявил недействительными условия капитуляции, которую заключил кардинал Руффо с республиканцами. Началась полоса белого террора, который превосходил все виденное доселе. Людей пытали, подвергали мучительной казни по одному подозрению в республиканизме. Среди этой оргии убийств и истязаний королевская чета вернулась в Неаполь. Даже кардинал Руффо был обескуражен кровавым разгулом, осуществлявшимся по решению спешно созданного трибунала «Государственной хунты» и вовсе без всяких судебных формальностей. Он твердо решил отказаться от дальнейших военных планов, заявив, что «некоторые глупости делают лишь раз в жизни». Были довольны лишь королева и ее английские друзья, стремившиеся превратить Неаполь в антифранцузский бастион на юге Европы. Все эти расправы помогли Бурбонам сохранить престол еще несколько лет.

После прихода к власти Наполеон первое время предпочитал делать вид, что верит в желание Фердинанда поддерживать мирные отношения с Францией. Вся остальная Италия была занята французской армией, и даже в пределы самого Неаполитанского королевства были введены наполеоновские войска. Французский посол в Неаполе, бывший депутат Конвента Алкье создал свою сеть осведомителей, наблюдавших за интригами двора. Наполеоновская разведка прилагала особые усилия, чтобы перехватывать всю корреспонденцию между королевой и неаполитанским послом в Париже Галло. Тот знал, что их переписка попадает в руки французов, и просил королеву быть осторожной в выражениях. Однако Мария-Каролина не всегда могла сдержать себя, когда начинала поносить последними словами «корсиканского авантюриста». Французы сумели наладить регулярный перехват корреспонденции Марии-Каролины с другими иностранными державами, особенно с Австрией, на которую неаполитанская королева возлагала свои надежды.

Осенью 1805 г. началась война с Австрией, и вскоре Алкье мог с торжеством сообщить Марии-Каролине о капитуляции Мака при Ульме, иронически подчеркнув, что австрийская армия потерпела значительно большее поражение, чем неаполитанцы под командой этого незадачливого генерала, и поэтому они не могут нести ответствен-

ность за их разгром французами. А после Аустерлица Наполеон попросту объявил, что неаполитанские Бурбоны перестали царствовать. Французские войска заняли Неаполь, королем был провозглашен брат Наполеоиа Жозеф. Когда он получил испанский трон, Королевство обеих Сицилий было передано маршалу Мюрату. Фердинанд и Мария-Каролина снова — на этот раз надолго, на целых десять лет, — бежали в Сицилию, находившуюся под охраной английского флота.

Одному из высокопоставленных слуг королевы маркизу Галло смена режима нисколько ие повредила. Призывая свою повелительницу к осторожности в переписке с ним, чтобы не сыграть на руку французской разведке, маркиз, руководствуясь тоже похвальной предусмотрительностью, пока еще было время, тайно поступил на службу к Наполеону. Недаром император горячо рекомендовал его в своем письме, вернее приказе, Жозефу Бонапарту: «Он (Галло) будет первым неаполитанцем, который принесет Вам присягу». Галло обладал иеплохим архивом — 1400 письмами королевы Марии-Каролины, которые он предпочел сохранить, а не предавать огню по прочтении, как того требовала инструкция королевы Эти письма раскрывали всю дипломатическую игру неаполитанского двора за предшествовавшие годы.

ВОРОН ВОРОНУ ГЛАЗ НЕ ВЫКЛЮЕТ

В Королевстве обеих Сицилий была до известной степени воспроизведена общеевропейская ситуация, при которой главные антагонисты — Франция и Англия — не могли нанести друг другу решающего удара, так как одна преобладала на суше, другая — на море. Режим, установленный французами в Неаполе, противостоял Бурбонам, находившимся в Сицилии. Насколько Бурбоны в своем сицилийском убежище были недоступны для наполеоновских генералов вследствие превосходства английского флота, настолько же были бесперспективны попытки организовать в Сицилии армию, которая могла бы высадиться на континенте и помериться силами с французской армией. Оставалось оружие тайной войны. В Калабрии Бурбоны разжигали партизанскую войну против французов, которая, однако, не приобрела больших размеров и ограничилась многочисленными стычками, засадами, отдельными убийствами солдат, отставших от своих частей.

Фанатичный реакционер, палач по своим склонностям и убеждениям, князь Каноза стал главой секретной службы Бурбонов, соз-

дав довольно широкую сеть своих агентов на территории, занятой наполеоновскими войсками и организуя многочисленные заговоры, чтобы держать французов в постоянном напряжении.

Разобраться, впрочем, в деятельности Каноза в эти годы очень затруднительно, потому что его соперник — начальник полиции (и разведки) на службе у Жозефа Бонапарта Салисети не только и не столько ловил агентов Бурбонов, сколько изобретал «заговоры», иногда организовывал их с помощью провокаторов, чтобы создать предлог для суровых репрессий, запугивания населения и, разумеется, для собственного продвижения по службе. При аресте одного из руководителей подполья, созданного сторонниками Бурбонов, полковника Агостина Моска, были, по утверждению Салисети, найдены письма из Сицилии, в том числе одно письмо Марии-Каролины, предписывавшие организовать убийство Жозефа Бонапарта. Был, конечно, и заговор, ставивший целью похищение Салисети (как же без этого?). За каждым разоблачением заговорщиков следовали казни. В 1807 г. Салисети опубликовал длинный доклад, обвинявший Канозу в попытке убить Жозефа. Каноза ответил не менее длинным печатным заявлением, в котором объявлял все заговоры фабрикацией Салисети, а показания обвиняемых — вырванными у них с помощью жестоких пыток. Тайная война сопровождалась публичными поношениями руководителей разведок друг друга.

Впрочем, брань на вороту не висиет. Тот же Салисети довел до сведения Канозы, что французы готовы вступить в соглашение с неаполитанскими Бурбонами и предложить им солидную компенсацию. Каноза хотел было вступить в переговоры со своим достойным партнером, но королева осталась непреклонной. Нечего делать, Каноза взялся за организацию настоящего покушения на Салисети. В ночь на 31 января 1808 г. был взорван дом министра полиции. Было убито несколько слуг, сам хозяин настолько перепугался, что два месяца отсиживался взаперти. Происхождение покушения, впрочем, остается далеко не ясным. Конечно, на процессе заговорщиков, происходившем в июне 1808 г., 138 свидетелей подтвердили своими показаниями все, что было угодно министру полиции. То же самое следует сказать и о самих обвиняемых. Шестеро из 17 заговорщиков были приговорены к смерти. Однако даже 12 объемистых томов, составивших стенографическую запись показаний, далеко не раскрыли картину событий. Главному свидетелю Онофрио Вискарди, владельцу аптеки, расположенной неподалеку от дома министра полиции, было ни много ни мало 76 лет. Подозревали, что только пытки заставили старика объявить, что трое его сыновей были организаторами покушения. В официальном заявлении правительства вся ответственность возлагалась непосредственно на Марию-Каролину и Канозу. Тот ответил контробвинениями Салисети в вымогательстве показаний. А чтобы не ос-

таваться в долгу, Каноза сообщил об аресте двух преступников, собиравшихся его убить по наущению Салисети. Арестованные, разумеется, тоже «признались».

Мнимые заговоры не мешали действительной разведке и диверсиям. Английский генерал Стюарт, находившийся в Сицилии, обнаружил переписку ряда видных сицилийцев с французами в Калабрии.

После женитьбы (в марте 1810 г.) Наполеона иа австрийской принцессе Марии-Луизе, внучке Марии-Каролины, снова возникла возможность переговоров между французским императором и Бурбонами. Эта возможность серьезно беспокоила и Мюрата, сменившего Жозефа Бонапарта на престоле в Неаполе, и — в не меньшей степени — английский кабинет. Понятно, что в интересах Мюрата было всячески усилить подозрительность англичан, чтобы активизировать их усилия, направленные на срыв любого компромиссного соглашения между Наполеоном и неаполитанскими Бурбонами. Агенты Мюрата отлично выполнили это возложенное на них задание. Английский разведчик, секретарь британской миссии в Сицилии Меллиш сообщал: «Королева... много месяцев подряд вела переписку с Австрией через Фиуме... Имеются серьезные подозрения, что она через этот канал сделала предложение Бонапарту начать переговоры...».

Положение все более запутывалось. Мюрат вел энергичные приготовления к вторжению в Сицилию, а его начальннк штаба Гренье, по слухам, получил указание Наполеона не трогаться с места. В этих условиях глава полиции Неаполя Магелла (преемник Салисети) доставил Мюрату перехваченное письмо Марии-Каролины, свндетельствовавшее, что она переписывается с новой женой французского императора. Мюрат не растерялся и официально объявил своим войскам об этом письме как о свидетельстве того, что сицилийцы рады объединиться с французами, чтобы изгнать с острова английские войска.

Когда прокламация Мюрата была получена в Палермо, встревоженные англнчане потребовали от Марии-Каролины официального опровержения. Британский посол лорд Амхерст доносил с тревогой в Лондон, что английских войск достаточно для отражения французского десанта, если, разумеется, им не ударят в тыл сицилийцы. Пора, возмущался посол, положить конец действиям «этого слабого и продажного правительства, ...подвергающего опасности храбрые войска своего союзника». Опасения посла еще более возросли, когда в одной из испанских газет, издававшихся в Кадисе, было напечатано «перехваченное» письмо Наполеона к Марии-Каролине, призывавшее заключить соглашение с целью изгнать англичан из Сицилии. Тревога британского кабинета далеко не улеглась и после категорических опровержений со стороны королевы, содержавших на этот раз чистую правду. Оба письма являлись подлогом, сфабрикованным разведками в ходе бушевавшей тайной войны. Она продолжалась иа

юге Италии с незатихавшей силой вплоть до падения Наполеона и даже некоторое время после этого, поскольку Мюрат еще продолжал цепляться за свой неаполитанский престол. Свергнутый с него, он сделал новую попытку поднять восстание против вернувшихся Бурбонов, был схвачен и расстрелян по приговору военного суда.

В Неаполе опять воцарился режим белого роялистского террора. Каноза снова стал министром полиции, организовывавшим дикие преследования, пытки, публичные сечения и казни всех, подозреваемых в симпатиях к французам и вообще в свободомыслии. Используя свой провокаторский опыт, он для борьбы с возникшим революционным движением карбонариев создал союз «Калдерари», который с помощью запугивания, тайных угроз и убийств из-за угла терроризировал противников церкви и монархии Бурбонов. Эта погромная организация еще долгие годы была бичом неаполитанского населения.

ТОНКОСТИ ПЕРЕПЛЕТНОГО ДЕЛА

В последние годы наполеоновской империи тайная война все обострялась. Монах шотландец Джеймс Робертсон не заставил себя долго упрашивать, когда ему предложили сменить келью на службу в английской разведке. Хорошо говоривший по-немецки отшельник был через остров Гельголанд, превращенный в центр британской секретной службы, заброшен в Северную Германию. Скинув рясу, Робертсон обзавелся паспортом на имя Адама Рорауера, уроженца города Бремена. В Гамбурге «Рорауер» познакомился с одним испанским священником, а через того с испанским капитаном, который находился на излечении в местном госпитале. Приняв личину мелочного торговца, монах в сопровождении своих новых приятелей отправился в Данию. Там, на островах, были размещены отборные полки испанской армии, которые Наполеон еще до начала завоевания Испании затребовал в качестве вспомогательных войск и отослал подальше от родины. Робертсон пробрался к командующему испанского корпуса генералу Ла Романа и назвал ему пароль, о котором тот еще в Мадриде договорился с секретарем английской дипломатической миссии Б. Фрерром. В условленное время Ла Романа сосредоточил почти 10 тыс. своих солдат якобы для принесения присяги новому испанскому королю Жозефу, брату Наполеона, и... под носом у французов посадил их на подошедшие английские корабли адмирала Китса. Эти войска влились в английскую армию

Веллингтона, сражавшуюся в Испании против наполеоновских маршалов. В 1810 г. британская секретная служба пыталась похитить с помощью роялистов испанского наследника принца Фердинанда, который содержался под арестом во Франции, и тем самым нанести Наполеону чувствительный удар. Англичане стремились усугубить трудности, с которыми столкнулся французский император в Испании. Попытка не удалась, и ее организатор — барон де Коллн был арестован. В 1813 г., желая ускорить вступление Австрии в войну с Наполеоном, английская разведка приняла участие в заговоре против императора Франца. Заметно усилилась борьба французской и русской разведок.

Прибывший в Париж представитель царя, его адъютант полковник Чернышев внимательно присматривался к французской армии, сопровождая Наполеона во время войны против Австрии в 1809 г. Чернышева, разумеется, особенно заинтересовали официальные доклады о состоянии всех вооруженных сил французской империи, которые еженедельно представляло военное министерство Наполеону. Имея такие материалы, можно было ясно представить себе численность, дислокацию, вооружение французских войск. Конечно, эти доклады являлись строжайшим государственным секретом. Чернышев мог лишь увидеть красивые папки, в которые переплетались доклады. Но и этого было немало. Доклады переплетаются в папки, значит кто-то делает это. Нельзя ли поближе познакомиться с этим переплетчиком? Вскоре Чернышеву не только удалось встретиться с чиновником военного министерства Мишелем, но и с его помощью, разумеется, щедро вознаграждавшейся, просматривать доклады, предназначенные только для глаз императора Наполеона. У Мишеля были сообщники — Саже, Сальмон, Мозес, являвшиеся его сослуживцами, и австриец Вустингер — швейцар отеля, где размещалось русское посольство. Вустингер был посредником между Мишелем и Чернышевым.

Лишь в феврале 1812 г., т. е. более чем через два года, наполеоновская тайная полиция напала на след. Воспользовавшись отсутствием Чернышева, полицейские произвели неожиданный обыск на его квартире и нашли неопровержимые доказательства разведывательной работы.

Чернышев, сделавший позднее, при Николае I, умелым угодничеством большую карьеру, не принадлежал к числу серьезных и проницательных разведчиков. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что сведения, добытые царским адъютантом, сильно занижали численность французской армии. Это наводит на мысль о возможности сознательной провокации со стороны Наполеона.

Возмущаясь «азиатским коварством» русских, Наполеон, в свою очередь, вел напряженную разведывательную подготовку похода.

Французский представитель в России Лористон собрал подробные сведения о силах и расположении русской армии, добыл граверные доски, с которых печатались секретные военные карты. Еще в конце 1811 г. Наполеон предписал бароиу Биньону, французскому послу в герцогстве Варшавском, организовать специальный отдел, занимавшийся военным н полнтическим шпионажем против Россин. Наполеон приказал заслать в Россию резидентов, которым поручалось создать разведывательные ячейки в Петербурге, Москве, в главных городах прибалтийскнх провинций, в ряде укрепленных центров, на основных дорогах, по которым наполеоновская армия предполагала наступать от западной границы к сердцу России. Однако Биньону ие удалось выполнить прнказа императора.

Уже в начале войны русская разведка сумела добиться ряда важных успехов. Активную роль в развертывании русской разведывательной сети в порабощенных Наполеоном германских государствах сыграл Штейн, бывшнй глава правительства Пруссии. Штейн был непримиримым врагом Наполеона, и прусский король должен был по требованию грозного победнтеля изгнать своего министра из страны. С помощью Штейна русской разведке удалось иаладить печатание в Германии подпольной антинаполеоновской газеты. Агентами русской разведкн стали пастор прусского короля Шлейермахер, мнннстр полиции Груннер. Они пытались помешать доставке военных грузов наполеоновской армни по дорогам Пруссии, организовать поджоги французских военных складов на прусской террнтории, дезертирство среди прусских солдат, входивших во вспомогательный корпус, двииутый по требованию Наполеона против России. Особенно серьезное значение приобрела эта деятельность, когда выявился разгром великой армни Наполеона русским народом и войсками. Во время освободительного похода русской армни в Европу отличился в качестве разведчика известный партизанский командир А. С. Фигнер, который под видом итальянца проник во французскую армию и завоевал доверие наполеоновского генерала Раппа.

В самой России во время Отечественной войны немалую роль сыграл английскнй разведчик Вильсон, который усиленно нntриговал протнв Кутузова, не желавшего подчинять русские интересы целям английской политнки. Когда наполеоновская империя была уже иа самом краю гибели, Лондон снова вовсю использовал свою роялистскую агентуру, устанавливая связи с императорскими маршалами и министрами, которые стремились спастись с тонущего корабля, способствуя ускорению надвигавшегося краха.

Один из величайших полководцев мировой историн, Наполеон был и талантливым организатором разведки, превосходя и в этом деле большинство своих противнков. Сеть наполеоновского шпионажа покрыла всю Европу. И до тех пор, пока французская разведка слу-

жила исторически достижимым целям, она достигала крупных успехов. Неудачи стали следовать одна за другой, когда Наполеон попытался использовать свою разведку для осуществления химерических планов завоевания мирового господства. И эти неудачи стали быстро множиться после того, как «великая армия» была разгромлена на полях России и русские войска начали свой освободительный поход в Европу, приведший, в конечном счете, к крушению наполеоновской империи.

В марте 1814 г. союзные войска вступили в Париж. Наполеон отрекся от престола и был отправлен в изгнание на остров Эльбу в Средиземном море. Во Франции была восстановлена монархия Бурбонов. Целые тучи разведчиков пытались выведать тайны дипломатов, которые, собравшись осенью 1814 г. на конгресс в Вене, занялись обсуждением вопросов послевоенного устройства Европы. Англия и Австрия заключили союз с правительством Людовика XVIII против России. Однако Наполеон на Эльбе продолжал оставаться угрозой для Бурбонов и для планов Австрии и Англии опереться на Людовика XVIII в борьбе против России.

26 февраля 1815 г. Наполеон покинул Эльбу, высадился с небольшим отрядом на юге Франции и без единого выстрела дошел до Парижа. Людовик XVIII бежал. Начались знаменитые Сто дней нового правления Наполеона, закончившиеся поражением в битве при Ватерлоо и ссылкой императора на далекий остров Святой Елены. (Между прочим, у победителя при Ватерлоо герцога Веллингтона действовала эффективная разведка, которой руководил Генри Гардинг, будущий вице-король Индии, а также полковник К. Грант.)

В последние годы английский историк П. Бартел выдвинул гипотезу, будто «полет орла» — так именуют высадку Наполеона во Франции и Сто дней — был результатом провокации, организованной британской и австрийской разведками. Мысль об этом не была чужда многим довольно осведомленным современникам *, которые считали, что английский министр иностранных дел Кэслри, австрийский канцлер Меттерних и Талейран, перешедший на службу к Бурбонам, решили заманить Наполеона во Францию, чтобы там либо убить его, либо создать предлог для изгнания куда-нибудь подальше от европейских берегов. (До этого делались попытки убийства Наполеона, — для организации покушения французская разведка отправила на Эльбу некоего Брюла, но план не удался, так как бывший император имел надежную личную охрану.)

В январе 1815 г. из Вены без всякого шума уехал генерал Коллер, австрийский комиссар на острове Эльба. Коллер прибыл на

* Лидер оппозиции вигов в парламенте лорд Грей прямо обвинял английское правительство в «большой степени преступного пренебрежения» своим долгом и требовал расследования.

Эльбу и якобы сообщил Наполеону, что Англия и Австрия готовы согласиться на возвращение императора на трон, если он удовлетворит ряд требований Лондона и Вены. Намеки на эту провокацию содержатся в переписке французского консула в Ливорно Мариотти, который руководил шпионской сетью, следившей на Эльбе за Наполеоном. Конечно, Мариотти — свидетель, заслуживающий весьма малого доверия. Однако есть и другие показания. После Ватерлоо во Франции состоялся суд над маршалом Неем, который был послан Людовиком XVIII с войсками против Наполеона и перешел на его сторону. Ней утверждал, будто Наполеон уверил его, что союзные державы не возражают против возвращения императора на престол. Наполеон добавил, что ему неоднократно заявлял об этом генерал Коллер. 26 февраля, незадолго до отъезда с Эльбы, принимая представителей местной администрации, Наполеон заметил, что его прибытие во Францию будет встречено с удовлетворением иностранными державами.

Имеется и косвенное доказательство — пассивность английских, австрийских и французских властей, хотя они получали от своей агентуры на Эльбе многочисленные (сохранившиеся в архивах) донесения о подготовке Наполеона к высадке во Франции. В недавно опубликованных мемуарах ближайшего сотрудника Меттерниха графа Лебцелтерна сообщается, что австрийская разведка перехватила секретную переписку Наполеона с его бывшим маршалом и королем неаполитанским Мюратом, которая не оставляла сомнения в намерении Наполеона покинуть Эльбу. Меттерних ознакомился с этими бумагами и... не принял никаких мер. Граф Ферран, морской министр в правительстве Людовика XVIII, уверяет в своих мемуарах, что он отдал приказ послать из Тулона два или три военных корабля для наблюдения за островом Эльба, так как получил достоверную информацию о предполагавшейся высадке Наполеона во Франции. Однако Ферран ушел в отставку, а его приказ был отменен.

Агенты Мариотти заранее информировали английского комиссара на Эльбе Кемпбела, что Наполеон намерен совершить побег с острова. Кемпбел — опытный военный и дипломат, получив это известие.., на целых 12 дней (с 16 по 28 февраля) уезжает с Эльбы — сначала в Ливорно, а потом во Флоренцию, к своей любовнице. Правда, 23 февраля он направил на остров корвет «Партридж». Капитан судна Эди нанес визит Наполеону, и корабль сразу покинул остров. У императора должна была создаться уверенность, что Кемпбел не в состоянии в данный момент следить за его планами и помешать их осуществлению.

Не уехал ли Кемпбел, дабы потом иметь возможность оправдываться ссылкой, что его не было на месте во время бегства Наполеона с Эльбы? Конечно, в английской официальной переписке нет

никаких указаиий, что Кемпбел получил нз Лоидона подобные инструкции. Но в таких деликатных случаях аиглийское адмиралтейство н миннстерство иностранных дел предпочитало ие оставлять следов.

Несомиеино, гипотезв П. Бвртела остается очень слабо обосиоваииой. Тем ие менее она продолжает вызывать жнвой нитерес во Францин.

Еще одна теория такого рода связаиа с имеием фраицузского разведчика Моитолоиа. Квк уже отмечалось, в последнне годы прввления Наполеоиа качество императорской разведки заметно ухудшилось. Многие ее наиболее способные организаторы былн удалены со своих постов. К тому же и сам Наполеон все меиее был склонен выслушивать прввдивые доиесеиия, если оии противоречили его плвнам. В 1812 г. одии из иаполеоновских рвзведчиков, Моитолон, создал в городе Вюрцберге специальиую организацию, которая должна была держать под наблюдением германские государства во время похода «великой армии» в Россию. Монтолон с каждой неделей сообщал в Париж министру иностраниых дел Маре все более тревожные известия. 19 октября, когда Наполеон начал отступление из Москвы, Маре уведомил Моитолона, что тот впал в полиую иемилость у императора. Причииой оказалась женитьба Моитолона на племяиинце каицлера Камбасереса, которая успела уже до этого побывать три раза замужем н все три мужв которой развелись с ней, обвиияя ее в супружеской невериости. Наполеон выступил блюстителем нравов в самый иеподходящий для себя момент, когда донесения Моитолоиа стали представлять особую цениость. Следует добавить, что Моитолои сопровождал императора иа остров Святой Елены, а его жеиа, оставаясь верной своей репутации, сделалась любовиицей Наполеона.

Исследоваиия, проведенные в 1964 г. аиглийскими учеными в лаборатории атомиого центра в Харуэлле, привели к выводу, что Наполеон на острове Святой Елены в течение долгого времеин подвергался воздействию мышьяка. Этот вывод был сделаи после того, как четыре образца волос Наполеона бомбардировали нейтронами и было зафнксировано нзлучение ставших радиоактивиыми атомов мышьяка в этнх волосах. Наиболее вероятиым нсследователи сочлн предположение, что Наполеон был отравлеи Монтолоиом, которому он завещал крупное состояиие.

К числу ученых, проводивших опыты с волосами Нвполеона, прниадлежвт, в частиости, Гамнльтон Смит, физик из уииверситета в Глазго, а также шведы Свен Форсхувуд н Аидерс Вассеи. Форсхувуд еще за три года до этого, осиовываясь иа предшествовавших экспериментах, опубликовал кингу, в которой пытался доказать версию об отравленин Наполеона.

Сообщения об опытах британских и шведских ученых вызвали шум во Франции, где кое-кто даже заподозрил во всем этом деле «английскую интригу», желание снять с себя и возложить на самих французов ответственность за смерть Наполеона. Подчеркивалось, что приведенные «доказательства» отравления научно неубедительны, что крайне сомнительно даже, принадлежали ли действительно императору взятые для исследования волосы, что мышьяк мог попасть в волосы от пудры или когда тело умершего Наполеона лежало в земле.

Однако в самой Франции имела хождение еще менее обоснованная легенда, связанная со смертью императора. Существовало предание о бегстве Наполеона с острова Святой Елены. Оно приписывало тайной бонапартистской организации похищение бывшего императора из-под стражи и подмену его чрезвычайно похожим на Наполеона капралом Франсуа Робо, который и умер на Святой Елене 5 мая 1821 г. Сам же Наполеон якобы добрался до Италии, где и поселился в Вероне под именем лавочника Ревара. Там он жил до 1823 г. В сентябре этого года Ревар исчез, а через пару недель часовой, охранявший Шёнбруннский замок в Вене, где лежал больной сын Наполеона, застрелил какого-то незнакомца, пытавшегося перелезть через каменную дворцовую ограду. Тело убитого отказались выдать явившимся немедленно представителям французского посольства и похоронили рядом с тем местом, которое было предназначено для погребения жены и сына Наполеона. Этот рассказ с некоторыми вариациями был не раз использован в литературе: на него падал отсвет «наполеоновской легенды», которой отдали дань Пушкин, Лермонтов, Гейне.

Версия о подмене Наполеона не подтверждена никакими доказательствами. Все документальные свидетельства, которые приводились ее приверженцами (например, запись в архиве селения Баленкура, департамент Мёз,— родине Робо — о том, что тот умер на острове Святой Елены), при проверке оказались вымыслом. Легенда страдает и явными противоречиями. Робо уехал из Баленкура в конце 1818 г., между тем болезнь, которая свела в могилу Наполеона, обнаружилась еще за год до этого, в октябре 1817 г. Бумаги, которые писал и диктовал Наполеон в последние годы и даже месяцы жизни, свидетельствовали о знании сотен вещей, множестве подробностей, деталей, которые были известны только императору, а никак не его двойнику. (Сведения о провалах памяти у Наполеона в это время, на которые ссылаются сторонники легенды, не соответствуют действительности.) В 1823 г. Наполеон достиг бы 54-летнего возраста, и вряд ли тучный, больной человек мог перелезть ночью через высокий каменный забор, окружавший Шёнбруннский замок. Таким же образом оказываются неправдоподобными и другие эпизоды расска-

за о подмене Наполеона, не говоря уже о тех, которые прямо опровергаются сохранившимися документами.

В 1968 г. французский историк Ж. Ретиф де ла Бретони выдвинул гипотезу о подмене англичанами тела умершего Наполеона трупом скончавшегося за три года до этого домоправителя пленного императора — некоего Франческо Киприани. Он был уличен Наполеоном в занятии шпионажем в пользу англичан и отравился крысиным ядом. По мнению французского историка, в 1840 г. в Париж перенесли останки Чиприано, а тело Наполеона было похоронено в часовне, в Вестминстерском аббатстве. Эта гипотеза также была сочтена необоснованной большинством заинмавшихся ею историков.

С крушением наполеоновской империи связан классический случай «коммерческой» разведки, т. е. сбор сведений в коммерческих целях.

Еще в позднее средневековье наряду с «государственной» разведкой Венеции и других торговых республик зародилась частная разведка крупных североитальянских торговых компаний. В XVI веке свою разведку имел южногерманский банкирский дом Фуггеров, который давал деньги многим европейским монархам и должен был в точности знать, насколько прочны положение и платежеспособность его должников. Впрочем, эта разведка, конечно, не смогла предусмотреть полное банкротство финансов главного должника — испанских Габсбургов, которое подорвало могущество Фуггеров. В начале XIX века свою разведку имел банкирский дом Ротшильдов. Она действовала против Наполеона (хотя и он, в свою очередь, использовал не раз деловую переписку этих финансистов, чтобы вместе с векселями и траттами регулярно получать разведывательные донесения из Лондона). Благодаря ей лондонский банкир Натан Ротшильд в июне 1815 г. первым в Лондоне задолго до прибытия правительственного курьера узнал о полном поражении французского императора при Ватерлоо. Ротшильд сначала стал играть на бирже на понижение английских государственных облигаций, а так как все за ним следили, ни у кого не осталось ни малейшего сомнения, что банкир имеет сведения о сокрушительном разгроме британских войск. Биржевики бросились сбывать свои бумаги, опасаясь их дальнейшего падения. Возникла паника, котировка падала все ниже и ниже. А тем временем Ротшильд через подставных лиц скупил по дешевке огромное количество ценностей. Назавтра все узнали о результатах сражения при Ватерлоо. Курс бумаг резко подскочил вверх, и Ротшильд нажил на «досрочно» полученном известии огромное состояние.

НАПРАСНОЕ СХОДСТВО

В борьбе против идейного влияния революции роялисты создали настоящий культ «мучеников» — Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Но при этом сразу возникло одно неприятное обстоятельство: как объяснить, что не только народ не вырвал из рук «злодеев», т. е. революционеров, «обожаемого монарха», но и дворяне оказались также бессильными спасти короля и королеву. Эта немощь роялистского сопротивления «кучке злодеев» никак не поддавалась удобному объяснению. На этой почве очень рано возникла легенда: если не удалось вызволить короля, то зато роялисты сумели тайно похитить и увезти из Франции его сына и наследника, которого в эмигрантских кругах именовали Людовиком XVII. Спрос рождает предложение. Когда после 1815 г. спрос увеличился, Людовик XVII вскоре нашелся. Правда, было сразу несколько Людовиков, но все они оказались не очень искусными мошенниками и были разоблачены без особого труда. Претендент обнаружился даже за океаном. Им оказался уроженец штата Нью-Йорк метис Элизар Вильямс, который имел немалое число последователей. В разное время объявилось до 40 претендентов! (Окончательно деградировавшего представителя этой малопочтенной компании «Людовиков XVII» Марк Твен весьма красочно изобразил, повествуя о приключениях Гекльбери Финна.)

Все эти Людовики, следует повторить, быстро были разоблачены. Все, кроме одного, с которым дело обстояло далеко не так ясно.

Дофин (наследный принц), сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты, Шарль-Луи герцог Нормандский был во время революции отдан в семью башмачника Симона. Эта мера была продиктована вовсе не желанием «наказать» 7—8-летнего ребенка, а, напротив, верой во всемогущество воспитания, убеждением, что лишь в честной, трудовой семье «сын тирана» превратится в полезного члена общества. Слухи, распространявшиеся в роялистских кругах, о том, что супруги Симон жестоко обращались с порученным их попечениям ребенком, были лишены основания. Симон, убежденный якобинец, стремился воспитать мальчика преданным сторонником Республики, а его жена явно полюбила доверенного ей мальчика. После крушения якобинской диктатуры в результате контрреволюционного переворота 9 термидора Симон погиб на эшафоте в числе других членов Парижской Коммуны — сторонников свергнутого Робеспьера. Новые термидорианские власти решили изолировать ребенка, объявленного за границей «королем Людовиком XVII», в тюрьме Тампль: слишком велика была опасность, что он будет похищен роялистами и станет центром сосредоточения сил дворян-эмигрантов. 8 июня 1795 г.

10 лет от роду «Людовик XVII» умер в Темпле. Есть документы, засвидетельствовавшие его смерть и погребение в общей могиле. Попытки найти останки дофина, предпринятые после реставрации Бурбонов, остались безуспешными.

Очень рано возникла версия о спасении дофина, появились претенденты на роль Людовика XVII. Так был завязан узел, распутать который пытались потом десятилетиями в ходе газетной полемики и судебных процессов, запросов в парламентах и официальных правительственных заявлений, в сотнях исследований, в работах специального Исторического общества и журналах, целиком занятых изучением этого вопроса.

Такому непрекращавшемуся вниманию способствовали личные и политические интересы влиятельных кругов. В эпоху Реставрации и июльской монархии притязания будто бы «спасшегося» дофина вызывали смущение среди приверженцев Бурбонов и нескрываемую иронию среди республиканцев, отмечавших это появление «самого законного», «легитимного» из всех претендентов на французский престол. Позднее, в конце XIX в., вопрос о дофине стал одним из излюбленных способов подогревания интереса обывательской публики к пропаганде монархистов. Тут переплелись и планы монархической реставрации во Франции в конце XIX в., и нравы падкой на сенсацию бульварной печати. Исследования, посвященные вопросу о «Людовике XVII», можно с основанием приводить в качестве примера занятия буржуазных историков малозначительными сюжетами и ухода от подлинно важных научных проблем. Все это так. И все же это вопрос, который нельзя обойти в повествовании о тайной войне.

Важен, конечно, вовсе не вопрос, были ли «законны» (с точки зрения легитимистов — сторонников «законной» монархии Бурбонов) притязания претендента на роль Людовика XVII. Куда интереснее установить, имела ли место та напряженная борьба разведок, которая должна была разыграться в случае, если Шарля-Луи действительно увезли из Франции и вместе с тем обеспечили его полное «устранение», по крайней мере из политической жизни. Если история бегства «Людовика XVII» не вымысел, то перед нами один из наиболее запутанных и совсем не столь уже маловажных эпизодов тайной войны в годы Великой французской революции и наполеоновской империи, в период, когда реставрация монархии Бурбонов была возможностью, остававшейся в сфере практической политики и потом превратившейся в действительность (1814—1830 гг.). Да и позднее возможность новой реставрации Бурбонов отнюдь не была исключена, причем многие современники считали ее значительно более реальной, чем она была в действительности.

В претендентах, как уже отмечалось, недостатка не было. Один из них, авантюрист Жан-Мари Эрваго, пользовавшийся тайным по-

кровительством наполеоновского министра полиции Фуше, умер в 1812 г. Среди других кандидатов были явные мошенники вроде Ришмона, который в 1834 г. был приговорен к 12 годам каторги. Единственным претендентом, притязания которого нельзя было отвергнуть с легкостью, был некий Карл-Вильгельм Наундорф, появившийся неизвестно откуда в Берлине и ставший часовщиком. В своих мемуарах, изданных в 1834 г., он рассказывает, как якобы его похитили из Тампля, положив в камеру большую куклу, как удалось обмануть полицию Директории, как ему пришлось кочевать из страны в страну. Его не раз какие-то таинственные враги бросали в тюрьму (предполагалось, что «дофина» преследовали агенты Людовика XVIII, находившегося тогда в эмиграции, поскольку спасшийся Шарль-Луи был бы в глазах роялистов законным королем Франции). В 1810 г. он явился к полицей-президенту прусской столицы и передал имевшиеся у него документы, свидетельствовавшие об его истинном имени и происхождении. Лекок взял бумаги для передачи прусскому королю, а взамен претендент получил паспорт на имя Наундорфа, уроженца Веймара, и поселился в городе Шпандау. Если в остальных своих частях рассказ Наундорфа не допускает проверки, то в данном случае бесспорным фактом является, что не удалось найти следов происхождения Наундорфа и прусские власти пошли на выдачу ему заведомо фальшивого паспорта. Это было установлено, когда Наундорф связался с какими-то темными личностями при покупке дома и в результате попал на скамью подсудимых. Выяснилось, что в Веймаре не родился и не проживал никакой Карл-Вильгельм Наундорф. Рассказы Наундорфа о своем происхождении вызвали, естественно, недоверие судей, и претендент, ставший к этому времени главой умножавшегося семейства, попал на три года в тюрьму (1825—1828 гг.). После выхода на свободу, получив известие о том, что прусский король якобы отдал распоряжение об его новом аресте, претендент бежал из Пруссии и после скитаний по другим германским государствам в 1833 г. прибыл во Францию.

Надо сказать, что и во время империи, и после реставрации, и даже после июльской революции, когда Бурбоны лишились престола, но перспектива их нового возвращения к власти долго еще не считалась исключенной, притязания Наундорфа имели известное значение: он мог выступать как орудие каких-то влиятельных, скрытых сил. Поэтому вопрос о последних месяцах пребывания Шарля-Луи в Тампле и версия об его похищении снова и снова служили предметом внимательного анализа. При этом вскрылся ряд интересных обстоятельств. Имелись сведения, что присутствовавший при вскрытии тела агент Комитета общественной безопасности Сенар составил заметку, в которой указывалось, что умерший не дофин. Сам Сенар скончался через несколько месяцев после этого, в марте 1796 г. Врач Десо,

наблюдавший дофина, умер 1 июня — за неделю до смерти своего пациента. Племянница Десо, мадам Тувенен, в 1845 г. уверяла, будто ее дядя сообщил нескольким депутатам Конвента, что дофин был подменен другим ребенком. После этого Десо был приглашен на званый обед, по возвращении домой почувствовал себя больным и вскоре скончался. Этот рассказ подтвердил в Лондоне доктор Аббейе, ученик Десо, который, по его словам, опасался также за собственную жизнь. Тюремные сторожа Гомен и Лан в эпоху Реставрации и июльской монархии твердили, что умерший ребенок — дофин. Однако они могли это утверждать в угоду сильным мира сего, явно не заинтересованным в установлении истины (оба сторожа получали пенсии и другие подачки). Были найдены письма третьего сторожа — Лорана, который был приставлен к дофину еще до того, как вступили в должность Гомен и Лан. Письма сообщают о подмене Шарля-Луи другим ребенком. Однако аутентичность самих писем может быть поставлена под сомнение. В последующие годы «дофина» встречали и «узнавали» различные лица, видевшие его ребенком в Версале. Когда же в 1834 г. в Париже появился Наундорф, его сразу признали Жоли, последний министр юстиции при Людовике XVI, и мадам Рамбо, гувернантка дофина. Другой вопрос, насколько имело цену это узнавание — отождествление пятидесятилетнего человека с пятилетним ребенком, которого они видели много десятилетий назад. Сестра Шарля-Луи Мария-Тереза герцогиня Ангулемская демонстративно отказывалась вступать в какие-либо переговоры с Наундорфом и обсуждать детские воспоминания, которые он рассказывал и которые, если бы они соответствовали действительности, могли принадлежать только Шарлю-Луи. Однако герцогиня была замужем за сыном графа Артуа, позднее короля Карла X, и ее шансы стать королевой Франции зависели от признания брата умершим. По утверждению Наундорфа, на него не раз совершались покушения — в Париже и в Лондоне, куда он перебрался после высылки из Франции.

В 1845 г. претендент умер. Его наследникам, натурализовавшимся в Голландии, нидерландский король предоставил право носить фамилию Бурбонов. Французские суды столь же неизменно отказывали им в этом праве. Вопрос постепенно терял политическое значение, превращаясь в одну из неразгаданных загадок истории. Интерес к ней подогрел известный французский историк А. Кастело, опубликовавший в 1947 г. книгу «Людовик XVII. Раскрытая тайна». Главное внимание в этой книге привлекал рассказ о произведенной судебно-медицинской экспертизе — сравнении прядей волос Наундорфа и дофина (сохранившихся в его деле). Экспертиза подтвердила, что они принадлежат одному и тому же лицу! К середине 50-х годов число книг о «тайне Тempля» далеко перевалило за две сотни. К ним надо добавить процесс в Высшем апелляционном суде, который был затеян

потомками Науидорфа, настаивавшими на аннулировании акта о смерти дофина и признании его умершим в 1845 г. В ходе судебного разбирательства была внесена ясность в ряд вопросов.

Например, было установлено, что переговоры с Мадридом могли побудить некоторых членов термидорианского правительства участвовать в похищении мальчика или способствовать усилиям роялистов в этом деле. Испанские Бурбоны ставили условием заключеиия мира (весьма выгодного для Франции, которая была вынуждена воевать с вражеской коалицией держав) выдачу дофина. Открыто согласиться с этим требоваиием термидорианцы не могли, ие роняя своего престижа; тем более желательным становилось для них «исчезновение» Шарля-Луи.

Выявилось также непонятное и подчеркнутое равнодушие Людовика XVIII к памяти племянника. Он был единственным из членов королевской семьи, по которому на протяжении всего периода реставрации не служились поминальные обряды.

Многие считали утверждение Наундорфа о том, что он передал свои бумаги полицей-президенту Лекоку, выдумкой и притом не очеиь ловкой. Трудно представить себе, чтобы бумаги могли сохраниться после всех тех бесчисленных приключений и злоключений, которые, по увереиию Наундорфа, ему пришлось пережить. Однако один немецкий аристократ клятвенно засвидетельствовал в 1949 г., что принц Август-Вильгельм Прусский сообщил ему в 1920 г., будто видел в немецком архиве эти бумаги, безусловно подтверждавшие притязаиия Наундорфа. Таковы иовые аргументы «за». Но число доводов «против» или, по крайней мере, недоуменных вопросов возросло еще более. Мог ли Наундорф ие знать французский язык, если он был дофииом и до 10 лет говорил только по-французски? Между тем в своей декларации Наундорф прямо заявил, что «забыл» родной язык. Сторонники его пытаются ослабить силу этого аргумента «против» ссылками иа то, что после приезда во Францию Наундорф уже умел говорить по-французски, объясняясь со многими «признавшими» его лицами. Очень серьезным доводом «против» является отсутствие малейших сведений о том, кем именно было осуществлено похищение. Письма Лорана, о которых речь шла выше, теперь признаются подделкой даже частью приверженцев Науидорфа.

Сторонники Наундорфа в течеиие целого века упорно утверждали, что герцогиня Ангулемская сообщила всю правду в своем завещании, которое, по ее желанию, должио было быть вскрыто через 100 лет после ее смерти, т. е. 19 октября 1951 г. Однако и после этой даты ие было иайдено никаких следов завещания. Вместе с тем опубликоваиные сравнительио недавно письма герцогини Ангулемской доказывают, что она, вопреки своим публичным заявлеииям, ие верила в смерть брата в Темпле.

Новая экспертиза волос (даже если считать, что это действительно волосы Наундорфа и волосы дофина) выявила, что они принадлежат разным лицам. Кастело пришлось выпустить новое издание своей книги, доказывая, что Наундорф — самозванец. Установлен был и дополнительный факт. Дофину были сделаны прививки на обеих руках. А на теле умершего Наундорфа такая прививка была обнаружена только на одной руке. Но, может быть, это лишь более поздняя прививка, сделанная всем жителям Берлина в 1810 г.?

Выяснились и некоторые обстоятельства, связанные с кончиной дофина. Незадолго до смерти его посещали чиновники Коммуны — Герен, Дамон, которые знали его ранее и должны были бы обнаружить подмену. Оба они подтвердили (один в 1795 г., другой в 1817 г.), что виденный ими ребенок был дофин. Что касается смерти Десо — она последовала, к слову сказать, 20 мая, а не 1 июня 1795 г., как утверждалось ранее,— то в ней вряд ли было что-либо таинственное. В госпитале, где он служил, вспыхнула эпидемия, от нее, помимо Десо, умерло двое его коллег — Дюбю и Ферран, которые не видели дофина. Так что нет никаких доказательств отравления.

Один из еще неопровергнутых аргументов защитников претендента — это сохраняющаяся неизвестность места рождения Наундорфа. Но мало ли людей, происхождение которых не удается выяснить, особенно если они сами принимали меры, чтобы скрыть свое прошлое. Поиски обнаружили, что Наундорф даже после своей женитьбы вел некоторое время себя как лютеранин, а не как католик. Путем сопоставления ряда бумаг из немецких архивов можно с известной долей правдоподобия отождествить Наундорфа с Карлом Вергом — дезертиром из прусской армии. Однако, хотя французский суд отверг ходатайство наследников Наундорфа, его сторонники и не думают складывать оружие. Ажиотаж вокруг «тайны», питаемый главным образом страстью к сенсации, но нередко приобретающий реакционную, политическую окраску, по-прежнему не стихает.

ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО

После поражения Наполеона префект парижской полиции Паскье принял меры, чтобы обеспечить себе теплое место в администрации вернувшихся Бурбонов. В официальных бумагах не осталось никаких упоминаний о видных роялистах, состоявших агентами наполеоновской разведки. Зато Людовик XVIII, принявший Паскье, получил от него из рук в руки оригинальный подарок — изящно переплетенный том, содержащий список всех

агеитов полиции начиная с 1790 г. Паскье увернл короля, что это единственный экземпляр столь ценного реестра. Может быть, это соответствовало действнтельностн. Несомненно, однако, что список был не совсем полным, — в нем отсутствовали нмеиа немалого числа влиятельных роялнстов. Они сумелн оценить скромность Паскье, усердно способствуя его карьере (он стал позднее министром иностраниых дел) и всячески рекомендуя бывшего нмператорского префекта вниманню н без того благосклонного к нему короля.

Между прочнм, Реставрация не уменьшила количества соперничавших полнций и разведок. Была дворцовая полиция, полнция графа д'Артуа — наследника престола, военная полиция, разведки отдельных министров, собственная полиция н разведка духовенства. Это перечнсление можно легко продолжнть. Специальиую разведку завело и французское посольство в Лондоне. Ее возглавлял в 1822 г. некий Брнвазак-Бомон, Эта разведка имела прежде всего задачу наблюдать за бонапартистамн, но отнюдь не гнушалась и дипломатических тайн. Бривазак-Бомон тратил на разведку больше, чем присылали из Парижа; в результате два раза он попадал в долговую тюрьму. Позднее его отозвалн, но созданная нм секретная служба продолжала активно действовать.

Полиция Реставрацнн очень гордилась улучшением техники перлюстрацнн пнсем — особенно днпломатической корреспонденцин, прн вскрытии которой прнходнлось соблюдать особые меры предосторожности. Служащий полиции — некнй Лендар нзобрел быстро застывавший сплав, с помощью которого можно было легко по конвертам, запечатанным сургучом, сделать копин употреблявшнхся днпломатами печатей. Впрочем, использовался и другой, старинный способ. Был подкуплен, например, служащнй британского посольства, который передавал на просмотр французской полнцни все посылавшнеся через него депеши. Англичаннн брал недорого, всего 300—400 франков в месяц (эти деньгн ему еще выплачнвались осенью 1822 г.).

К эпохе Реставрацин относится действие одного из наиболее известных романов А. Дюма «Граф Монте-Кристо», сюжет которого большинству читателей хорошо знаком с детских лет. Однако далеко не всем известно, что главные линин сюжета знаменитый французский романист позанмствовал из исторической работы некоего Пеше, основанной на архнве парнжской полнцнн. Дюма отнес начало романа к 1814—1815 гг. — ко временн первой Реставрации. Юный моряк Эдмон Дантес, выполняя последнюю волю своего умершего капитана, прнвознт во Францию пнсьмо, не подозревая, что в нем содержатся ннструкцни тайной бонапартнстской органнзацнн, подготовлявшей возвращение Наполеона с острова Эльба. Данглар, завидовавший сослуживцу, который теперь стал капитаном корабля, и Фернан, мечтавший отнять у него невесту Мерседес, пишут донос на Дантеса.

Следователь Вильфор приказывает без суда заточить Дантеса в замок Иф. Таким путем этот судейский чиновник, сделавший карьеру при Бурбонах, надеется скрыть, что Дантес привез письмо к отцу Вильфора — руководителю бонапартистского подполья.

В жизни все было иначе, хотя тоже самым непосредственным образом было связано с происходившей тогда ожесточенной тайной войной. Прототипом Дантеса являлся бедный парижский сапожник Франсуа Пико родом из Нима. Однажды он зашел к своему земляку трактирщику Матье Лупиану и с торжеством сообщил радостную новость — в следующий вторник он женится на богатой и красивой девушке Маргарите Вигору. Завистливый кабатчик был уязвлен в самое сердце. Когда Пико ушел, Лупиан предложил трем своим приятелям, тоже уроженцам Нима, наказать хвастуна Пико. Сказано — сделано. Несмотря на робкие возражения одного из друзей — Антуана Аллю, был состряпан донос полицейскому комиссару, а тот поспешил переправить его начальнику одной из наполеоновских полиций Савари. В доносе утверждалось, будто Пико — агент английской разведки, дворянин из Лангедока, обеспечивающий связь с роялистами в южных и восточных департаментах Франции. По приказу Савари Пико был схвачен и брошен в темницу. Тщетно родители и невеста пытались наводить справки — арестованный исчез без следа.

Семь лет просидел Пико в мрачном каземате. Другой заключенный — прелат из Милана, также, очевидно, жертва тайной войны, завещал ему свое наследственное имение, капиталы, положенные в иностранные банки, рассказал о тайнике, где им было спрятано много золота и драгоценных камней. После падения Наполеона, в 1814 г., Пико вышел из тюрьмы и отправился в Италию, потом в Амстердам и вступил в права наследства.

Трудно было поверить, что этому сгорбленному от страданий человеку всего 34 года, невозможно было узнать в нем прежнего жизнерадостного и веселого малого, завоевавшего любовь красавицы Маргариты. Однако бедный ремесленник вышел из тюрьмы миллионером.

Во время Ста дней Пико притворялся больным. После вторичного воцарения Бурбонов он стал наводить справки о причинах своего ареста. Он узнал, что его невеста Маргарита Вигору два года ждала пропавшего жениха, а потом приняла предложение кабатчика Лупиана. Под именем аббата Бальдини Пико приехал в Рим, где жил Антуан Аллю. Итальянский священник рассказал Аллю, что во время владычества Наполеона его, Бальдини, держали в суровом заключении в Неаполе, в замке Окуф. В тюрьме Бальдини познакомился с Пико. Тот перед своей кончиной просил прелата выполнить одну его просьбу. Он, Пико, получил от другого заключенного — англичанина в наследство алмаз стоимостью в 50 тыс. франков. Пусть Бальдини

съездит в Рим к Антуану Аллю и расспросит того, не известны ли ему прнчина ареста Пико. Если Аллю согласится рассказать об этом, Бальдини должен передать ему в подарок алмаз, а сам вернуться в Неаполь и начертать имена людей, погубивших Пнко, иа его могильной плите. После некоторых колебаний Аллю назвал имена Лупиана н двух его сообщников. Получнв алмаз, Аллю продал его ювелиру за шестьдесят с лишним тысяч франков. Однако вскоре Аллю узнал, что драгоценный камень был перепродан ювелиром какому-то турецкому купцу за сумму, вдвое большую. Подстрекаемый женой, Аллю убил ювелира и похитил его деньги, после чего преступная чета скрылась из Франции.

А Пико приступил к осуществлению своего плана местн. Он добыл отличные рекомендацнн и нанялся офнциантом в ресторан, который содержал разбогатевший Лупиан. Его жене показалось знакомым лицо нового слуги по фамилин Просперо, но и оиа не узнала его. Двое соучастников Лупиаиа по-прежнему часто бывали у земляка. Вскоре одного из них нашли на мосту, заколотого кннжалом, на ручке которого были вырезаны слова: «номер первый». Прошло немного времени, и был отравлен другой сообщник; к черному сукну, которым был обтянут его гроб, кто-то прикрепил записку: «номер второй». Еще до этого на семью Лупиана обрушнлись тяжкие несчастья. Его дочь была обесчещена каким-то богатым маркизом. Он, правда, неожиданно согласился жениться на обольщенной им девушке, но во время свадебного бала выяснилось, что мнимый маркиз — беглый каторжник, который снова скрылся от преследовавшей его полиции. А еще через несколько дней сгорел дом, где помещался ресторан Лупиана. Прошло немного времени, и юного сына Лупиана втянули в воровскую компанию, его арестовали и приговорили к двадцати годам тюрьмы. Жена Лупиана умерла от горя, а дочь стала любовнннцей Просперо, который обещал уплатить долгн ее отца.

Поздно вечером в темной аллее парка Тюильри Лупнан встретил человека в маске. Это был Пико, который рассказал Лупиану о своей мести и поразил его кннжалом, на котором было написано «номер три». Однако, когда Пнко покидал место преступления, на него набросился какой-то незнакомец, заткнул рот, связал веревками рукн и ноги. Пико пришел в себя в темном подвале. Незнакомец — Аллен Аллю, который наконец догадался, кто погубил Лупиана и его друзей. Несколько дней Аллю издевался над теперь беззащитным Пико, морнл его голодом и жаждой, требуя за каждый кусок хлеба и глоток воды по 25 тысяч франков. Пико, которого богатство сделало скупым, отказывался платнть до тех пор, пока голод и страх не лишилн его рассудка. Надежды Аллю овладеть миллионами Пико были разрушены. Аллю в яростн убил своего пленника и бежал в Англию. В 1828 г., перед кончиной, он прнзнался во всем католиче-

скому священнику, который под диктовку умирающего записал страшный рассказ о целой цепи преступлений. Скрепленный подписью Аллю, этот документ поступил в архив парижской полиции, был изложен в работе Пеше и стал после этого материалом для лучшего романа Дюма.

Конечно, под пером художника мрачная история Пико преобразилась. Кровожадный убийца превратился в мстителя, воплощавшего справедливость и правосудие. Неизвестно, чем руководствовался Дюма, отнеся арест своего героя ко времени не империи, а Реставрации. Возможно, здесь сыграло роль стремление приблизить годы, когда в «Графе Монте-Кристо» развертываются сцены мщения, ко времени написания романа (таковым было пожелание издателя). Однако Эдмона Дантеса, как и Франсуа Пико, бросают в тюрьму на основании столь же обычного, сколь и страшного в ту эпоху обвинения, что он — секретный агент неприятеля. Герой «Графа Монте-Кристо», как и его прототип, становится одной из многих случайных жертв тайной войны.

ПИНКЕРТОН И ВЕСЕЛАЯ ВДОВА

Условия гражданской войны в США (1861—1865 гг.) наложили сильный отпечаток на секретную службу северян и южан. На Севере центральный государственный аппарат, включая армейские круги, накануне войны буквально кишел сторонниками южных мятежников или по крайней мере сочувствующими рабовладельческой конференции и поборниками примирения с нею любой ценой. Секретную службу пришлось фактически строить с самого начала. Она стала пополняться различными людьми. Одни шли в нее, охваченные общим подъемом народной борьбы против рабовладельческого мятежа, другие — во имя интересов собственной карьеры, в погоне за чинами и золотом, причем среди них также оказывалось немало сторонников компромисса с Югом. Были, впрочем, и расчетливые честолюбцы, не обделенные ни умом, ни энергией, ни силой воли, которые делали ставку на использование народных настроений, ожесточенной борьбы против рабовладельцев, чтобы, изображая непреклонных борцов с мятежниками, добиваться личного продвижения, почестей и власти.

К их числу, несомненно, принадлежал и 36-летний уроженец Нью-Йорка Лафайет Бейкер, внук одного из известных деятелей войны английских колоний в Северной Америке за независимость. К 1861 г.

за плечами Бейкера был уже немалый опыт странствий по стране, участия в наведении жесткого буржуазного «порядка» в Сан-Франциско.

В годы гражданской войны Лафайет Бейкер стал главой секретной службы Соединенных Штатов. Его не без основания прозвали «американским Фуше».

Соперником Бейкера, организовавшим широкую разведывательную сеть на Юге и контрразведывательную — на Севере, был директор частного сыскного агентства Аллен Пинкертон. (Его фамилия была использована в бесчисленных детективных романах.) Сын полицейского офицера из Шотландии, убитого во время стычки с забастовщиками, Аллен Пинкертон, если верить его биографам, в молодости пережил увлечение радикализмом и вынужден был покинуть родину, чтобы избежать тюремного заключения за участие в рабочем движении. Как бы то ни было, в Америке мы его сразу же видим в другой роли — сначала сыщика в полицейском управлении Чикаго, а потом организатора частного детективного агентства, уже тогда, и особенно впоследствии, широко использовавшегося предпринимателями для слежки за рабочими, для организации провокаций во время стачек и т. п.

Однако в борьбе с Югом симпатии Пинкертона находились на стороне северян. Его агентура сообщала ему о тайных планах южан еще до начала гражданской войны. Так, Пинкертону удалось узнать о готовившемся в штате Мэрилend покушении на недавно избранного президента Авраама Линкольна. В Балтиморе, столице этого штата, на одной из улиц несколько заговорщиков, инсценировав драку, должны были отвлечь внимание, а восемь других, отобранных в результате тайной жеребьевки, намеревались броситься к экипажу президента и убить Линкольна. В разговоре с Линкольном Пинкертон уверял, что его агент даже принимал участие в этой жеребьевке. Получая отовсюду тревожные сигналы, Линкольн согласился принять меры предосторожности.

Избраннику американского народа пришлось приезжать на железнодорожные вокзалы в наглухо закрытых каретах; были приняты меры для прекращения движения поездов по железным дорогам, чтобы воспрепятствовать столкновению с экспрессом президента. Агенты Пинкертона перерезали телеграфные линии, чтобы заговорщики не успели сообщить о передвижении поезда, в котором ехал Линкольн. В Филадельфии Пинкертон, напротив, с помощью уловки задержал регулярный ночной экспресс, отправлявшийся в Вашингтон. Кружным путем президента доставили в закрытом экипаже с вокзала на вокзал, где до этого одна женщина, из числа агентов Пинкертона, закупила большое число мест в спальном вагоне. Она объясняла всем, что предполагает везти в столицу своего больного брата и его друзей. Пин-

кертон и его помощники тщательно следили за путем, заранее зная места, где могла быть сделана попытка покушения.

Поезд прибыл в Балтимору в половине четвертого утра. Чтобы продолжать путешествие, надо было пересесть в поезд на другом вокзале. Экипаж ехал через весь город. Путешествие по ночной Балтиморе прошло без происшествий,— заговорщики не проникли в секрет изменения маршрута и времени проезда президента. Однако на вокзале выяснилось, что поезд отправится только через два часа. Это были часы тягостного ожидания, когда каждую минуту инкогнито Линкольна могло быть раскрыто и он оказался бы беззащитным в руках своих злейших врагов. Впрочем, президенту удалось скрасить время мучительного напряжения, рассказывая своим спутникам различные веселые истории и анекдоты. Вскоре подошел железнодорожный состав, и балтиморский заговор 1861 г. окончился полной неудачей.

С начала войны Пинкертон предоставил себя в распоряжение генерала Мак Клеллана, назначенного Линкольном после первых неудач федеральной армии главнокомандующим войсками Севера. Мак Клеллан — избранник и любимец крупной северной буржуазии, не сочувствовал стремлению превратить борьбу против Юга в революционную народную войну за ликвидацию рабства. Позднее он стал сторонником соглашения с Югом и соперником Линкольна на президентских выборах 1864 г. Таким образом, Пинкертон явно связал себя с наиболее консервативной частью северной буржуазии, помышлявшей о компромиссном мире с Югом. Но соглашаться на условия, выдвигавшиеся рабовладельцами, идти на раздел страны не хотели и эти буржуазные круги. И Пинкертон, продолжая сохранять лояльность в отношении правительства Линкольна, стал усердно заниматься выслеживанием агентов южан в Вашингтоне.

Пределы его деятельности были сразу же, однако, резко ограничены. Пинкертон мог ловить и арестовывать прямых агентов Юга, передававших шпионские донесения о передвижениях войск северян. Но он и пальцем не осмелился тронуть тех многочисленных представителей банковских и торговых кругов, которые требовали мира с южанами-плантаторами, открыто выступали в купленных ими газетах против стремления окончательно подавить мятеж рабовладельцев и освободить невольников. Эти «медянки», как тогда называли лиц, симпатизировавших Югу, могли почти до самого конца войны практически без препятствий продолжать свою деятельность. А она включала в себя и тайную корреспонденцию с главарями южан о согласовании действий против президента Линкольна, и провоцирование антиправительственных волнений в Нью-Йорке и других городах, и попытки помешать вербовке солдат в армию. Все это «не касалось» ни Пинкертона, ни других организаторов федеральной контрразведки.

Но и без этого у них было дел по горло. Чувствуя безнаказанность, агентура южан в Вашингтоне окончательно распоясалась. Показателен случай со шпионкой Розой О'Нил Гринхау, особняк которой, как впоследствии писали южане, находился на расстоянии «ружейного выстрела от Белого дома». Рано овдовевшая миссис Гринхау имела большое число знакомых в самых высокопоставленных кругах столицы. Многие из ее друзей, правда, перекочевали на Юг, заняв важные правительственные посты в Конфедерации. Но их сменили другие влиятельные люди, среди которых был государственный секретарь Сьюард. Роза Гринхау стала фактически руководителем широко разветвленного шпионского центра, собиравшего самую различную информацию о северной армии и переправлявшего ее рабовладельческому правительству Юга. Тысячи и тысячи солдат армии северян заплатили жизнью за долго не прерывавшуюся ничьим вмешательством деятельность веселой вдовы из Вашингтона. Ее информация сильно способствовала поражениям, которые потерпела армия северян в первые месяцы гражданской войны.

За ликвидацию этого шпионского гнезда и должен был взяться Пинкертон. Целыми днями он наблюдал за домом Розы Гринхау. Как-то раз ее посетил один из многочисленных поклонников. Сыщик узнал в нем пехотного капитана, служившего в управлении военной полиции. Пинкертону удалось подсмотреть, что он принес шпионке карту вашингтонских укреплений, и даже подслушать их разговор. Разумеется, Пинкертон и сопровождавший его помощник стали следить за офицером и после того, как он покинул гостеприимный дом. Очевидно, капитан заметил слежку. На углу Пенсильвания-авеню он вдруг исчез в одной из дверей дома, откуда почти немедленно вышло со штыками наперевес четверо солдат, которые... арестовали обоих сыщиков. Здание оказалось казармой, и капитан, считавший себя хозяином положения, стал допрашивать арестованных. Пинкертон назвался Е. Д. Алленом — псевдонимом, которым он пользовался, работая сыщиком. Ночь Пинкертон провел в темной камере, и эта ночь могла оказаться далеко не единственной, если бы ему не удалось завоевать доверие часового и передать через него весть о себе.

На утро Пинкертон был, конечно, сразу же освобожден. После доклада контрразведчика военному министру капитана задержали. Его год держали за решеткой, но он отказывался сообщить какие-либо сведения. Однажды заключенного нашли на полу камеры с перерезанным горлом. Осталось неизвестным, было ли это самоубийство или имитация самоубийства, совершенная агентами южан, чтобы избежать разоблачений. При засоренности правительственного аппарата сторонниками рабовладельцев в этом не было бы ничего удивительного. Роза Гринхау, правда, в конце концов была арестована, но, несмотря на доказанность обвинения, подержав некоторое время

в тюрьме, ее отправили на территорию, занятую южаиами. Там шпионку с почестями встретили и восхввляли руководители Конфедерации.

Пинкертоиу удалось сплести свою разведывательную сеть в южиых штатах. Твк, успешным разведчиком оказался принятый им на службу рядовой 21-го пехотиого нью-йоркского полка Дейв Грехем. Под видом коробейника, разносчика и мелочного торговца он исходил вдоль и поперек многие районы расположения армии южан. Однажды ои даже взорввл склады и ввгоны, груженные боеприпвсами. Кажется, Грехем ни разу не вызввл серьезных подозрений у южных властей. Ему даже не пришлось, выпутываясь из затрудиительиых положеиий, прибегнуть к своему коронному трюку. Грехем умел иастолько артистически изображать эпилептический припадок, что вводил в заблуждение и опытных врачей.

СЛУГА ШЕСТИ ГОСПОД

Другой находчивый разведчик северян, Филипп Хенсон, не был связан с Пинкертоном. Зато он имел одновременно несколько хозяев. Шесть генералов разом считали его иаходящимся у них на службе. Четверо из этих генералов были южанами, а двое — северянами. Однако, несмотря на такое обилие нанимателей, Хенсон верно служил своим северным хозяевам и обманывал южных. Не то, чтобы он совсем обделял конфедератов материалами — это могло бы испортить все дело. Более того, его информация даже отвечала действительности, просто речь в ней всегда шла о сравнительно весьма незначительных вещах. Истинной прввдой было также, что Хенсон являлся южанином по происхождеиию, как он и сообщил генералам конфедератов, а о том, что его симпатии были целиком на стороне Севера, Хенсон предпочитал умалчивать, не доверяя этой детали никому, даже ближайшим родственникам. Его жена и ведать не ведала о сложной игре, затеянной ее мужем. А ее обмануть было ие легче, чем генералов южан.

В отличие от своих родных Хенсон ловко избежал призыва в армию южаи и довольно оригинальным способом — он поступил надсмотрщиком на плвнтацию одного приятеля, а это по законам штата Миссисипи освобождало от воинской повинности. Когда часть территории штата была занята войсками северян, высадивших десаит около Нового Орлеана, Хенсон познакомился с несколькими крупными военными наступавшей армии, в том числе руководителем разведки

Трюсдейлом. Вначале Хенсон оказал помощь северянам в закупке и вывозе хлопка, необходимого для фабрик на Севере, а потом согласился выполнить просьбу Трюсдейла разузнать, каковы плвны генерала южан Прайса.

Сила Хенсона заключалась в том, что этот южанин средних лет, с приятными манерами и, главное, со связями во влиятельных плантаторских кругах, рассматривался ими как свой человек. Если он и принес формально прнсягу на верность правительству в Вашннгтоне, то ведь так поступили и многие другие плвнтаторы, находившиеся на территории, занятой войсками северян. А для солдат южной армии джентльмен, у которого всегда была при себе про запас лучшая хлебная водка, никак не мог быть агентом «проклятых янки». Полагаясь на свою великолепную пвмять, Хенсон никогда не делал никаких звписей, которые могли бы выдвть его. Поэтому выполнить просьбу Трюсдейла оказалось для Хенсона не твким уж трудным делом. Он просто добрался до линии расположения южных войск, перекннулся шутками с часовыми и таким образом без всяких помех добрался до штаба Прайса. А вскоре Хенсон уже мог отправиться в обратный путь и, пожелав всего хорошего своим знакомцам-часовым, передать собранные сведения командованию северян.

Потом такие рейды повторялись не раз. Повсюду у Хенсона были приятели, готовые поклясться, что он является подлинным джентльменом-южанином. Правда, генерал конфедератов Родди, командовавший войсками в штате Алабама, все же выразил сомнение и приказал доставить Хенсона к нему. Хмурый генеральскнй взгляд не обещал ничего доброго. Но вскоре выяснилось, что гнев Родди вызван тем, что Хенсон не состоит в рядах армии южан. На это у разведчика было, конечно, заранее подготовлено оправдание. Его дом находится на террнторнн, занятой северянами, н он надеется прежде всего вызволить семью, а уж потом непременно записаться в ряды конфедератов. Генерал отпустил его после обещания завербоваться в каввлерийские части, находившиеся под командованием Родди.

К этому времени Хенсон перешел на службу к генералу северян Гренвилю Доджу, впоследствии известному строителю трансконтинентальной железнодорожной магистрали Юнион Пасифнк. В конце 1862 г. предстояло крупное столкновенне враждебных армий в Миссисипи, и Додж хотел получить сведения о планах конфедератов. Хенсон отбыл с новым заданием... и сразу же был арестован патрулем южан, который доставил его к генералу Раглсу. Хенсону ннчего не оставалось, как воспользоваться услугами этого генерала и не отказывvаться от любезно предложенных денег. Конечно, Раглсу при этом казалось, что не он оказывает услугу Хенсону, а Хенсон ему. Однако, поскольку эта иллюзня была очень на руку Хенсону, он не стал ее рассеивать, а взял, как уже говорилось, деньги и обещал

вести разведку в пользу южан. Так чуть ли не еженедельно в течение полутора лет он кочевал между Доджем и Раглсом, присвоив себе за это титул полковника, который не оспаривался ни одной из сражавшихся сторон.

Вскоре перед Хенсоном была поставлена более сложная задача. Расположенный на Миссисипи город Виксбург конфедераты превратили в сильную крепость. Много месяцев подряд осаждала эту крепость армия северян. Со взятием Виксбурга они установили бы полный контроль над важнейшей водной артерией страны и разрезали на две части территорию мятежных южных штатов. Понятно, что северная секретная служба жаждала получить наиболее подробные сведения об укреплении Виксбурга.

Хенсон стал действовать испытанным способом. Одним из его соседей был некто Джонси, сыновья которого сражались в армии конфедератов, причем как раз в частях, стоявших неподалеку от Виксбурга. Он предложил Джонси сопровождать его в путешествии, дружески одолжив соседу вдобавок хорошую лошадь. Мотив для путешествия, таким образом, был найден вполне благовидный. Тем более, что Хенсон считался агентом южан и при встречах с конфедератами мог завоевывать доверие, сообщая им в какой-то мере правдивую, хотя и маловажную, информацию о северянах. Пробравшись в Виксбург, Хенсон стал подробно распинаться о лишениях, которые терпят все истинные конфедераты, подпавшие под власть янки. Генерал Пембертон попросил его публично повторить свой рассказ перед солдатами. Хенсон мимоходом успел высмотреть все, что ему требовалось в оборонительных сооружениях Виксбурга.

Вернувшись к Доджу с ценной информацией, неутомимый Хенсон поступил вскоре на службу сразу к двум генералам-южанам — Голстону и Фергюсону. Набившему руку разведчику удалось достигнуть того, чего редко могли добиться его коллеги по ремеслу, действовавшие и до, и после него. Он не столько снабжал своих южных нанимателей информацией, сколько исподволь выуживал у них самих многие ценные сведения, немедля передавая их генералу Доджу. А некоторые предметы роскоши, которые нельзя было достать в блокированных южных штатах и которые Хенсон доставлял через линию фронта жене одного из своих южных генералов-нанимателей, только еще больше закрепили за ним славу незаменимого человека.

Случались, конечно, и недоразумения. Во время очередного рейса к своему другу Раглсу Хенсон убедился, что генерал переведен на другой участок фронта, а заменившие его офицеры весьма подозрительно встретили прибывшего разведчика. Хенсона арестовали, но он сразу же бежал, подкупив стражу сотней южных долларов, которые быстро теряли ценность.

Это происшествие, разумеется, не помешало Хенсону посетить своего другого нанимателя, генерала Голстона, и там, отдыхая в военной палатке, услышать доклады, которые делали разведчики и командиры частей. Обогащенный сведениями первостепенного значения, Хенсон думал только о том, как бы быстрее вернуться к Доджу, и поэтому с готовностью принял предложение Голстона снова пробраться в расположение северян. Правда, достигнуть места назначения по разрушенной войной местности оказалось делом очень нелегким. Например, как было переправиться через реку Теннесси, когда все лодки уничтожены или угнаны солдатами обеих армий? Хенсону очень помог добраться его зять Янси Ноблс, ярый конфедерат, считавший, что Хенсон является агентом южан.

Одна поездка Хенсона оказалась особенно опасной. На этот раз Додж поручил ему совершить длительное путешествие по территории, занятой войсками конфедератов. Додж предварительно открыл ящик стола, где лежали все его оперативные планы, предлагая Хенсону выбрать то, что ему сможет оказать помощь в лагере южан. Хенсон отобрал с толком несколько бумаг, выглядевших на первый взгляд более важными, чем они были на самом деле. Получив согласие Доджа на их использование, Хенсон спешно отбыл — прямо в пасть ко льву. Путь его вел к штаб-квартире одного из главных генералов Юга, Форреста, известного своими беспощадными расправами со всеми, заподозренными в том, что они тем или иным образом помогают северянам.

Рекомендация одного офицера-южанина, попавшего в широкий круг «друзей» Хенсона, не оказала ожидаемого действия на Форреста. «Откуда вы явились?» — с откровенным недоверием и суровостью спросил он Хенсона. Спасти, как ни странно, могла только правда, конечно, не вся правда. «Из штаб-квартиры генерала Доджа», — прямо ответил Хенсон и разъяснил, что он прибыл, выполняя приказания генерала Голстона. Хенсон говорил это, не зная, что Голстон находился совсем неподалеку. Когда того вызвали к Форресту, разведчик снова пережил неприятную минуту. Но Голстон ничего не подозревал, и те две недели, которые Хенсон отсутствовал после их последнего свидания, показались генералу вполне естественным сроком для выполнения порученных заданий. Голстон заверил Форреста, что Хенсон является верным агентом Юга. Но Форрест все еще не был убежден. Однако и он поколебался, когда Хенсон выложил материалы, полученные от Доджа.

В том, что по крайней мере некоторые из них были верны, Форрест уже не мог сомневаться. Тем более он был взволнован новостью, переданной ему Хенсоном, что генералом Доджем послана целая группа разведчиков в тыл южанам. Хенсон скромно добавил, что он всех их знает в лицо. В этом сообщении все было правдой, кроме

одного: эти разведчики не достигли поставленных целей и вернулись назад в расположение северян.

Однако Форрест уже принял решение. Он поручил Хенсону отправиться в сопровождении одного из своих офицеров разведки на поиски засланных шпионов Севера. С паспортом, подписанным Форрестом, а потом другим южным военачальником — генералом Полком, Хенсон после объезда многих районов боевых действий опять беспрепятственно вернулся к Доджу с ценнейшей информацией. Это было уже поздней весной 1864 г.; шел последний год войны, приближался крах рабовладельческой Конфедерации.

Додж предложил совершить еще одну поездку, которая, как он надеялся, будет последней. Он не ошибся, хотя события развивались совсем неожиданным образом. Просто Хенсон после перехода линии фронта попался на глаза генералу Родди, которому еще три года назад обещал вступить в ряды его кавалерии.

Родди сразу же, не слушая объяснения, арестовал Хенсона и отправил под конвоем в штаб генерала С. Д. Ли, однофамильца главнокомандующего южан Роберта Ли, где его подвергли усиленному допросу. Жизнь Хенсона висела на волоске, и он смело заявил, что, являясь жертвой роковой ошибки, готов умереть за любимый Юг.

Наконец Ли, все еще не знавший, что думать об арестанте, решил лично допросить его. Генерал спросил его, был ли он в одном городе, занятом войсками северян. Хенсон ответил, что был, и сочинил правдоподобную историю для объяснения своего приезда в этот город. Тогда Ли в упор спросил, откуда, по мнению Хенсона, последует очередной удар северян. Хенсон без колебаний указал на направление, где должно было начаться наступление (он хорошо понимал, что у южан все равно не будет уже времени для принятия контрмер). Действительно, тут же Ли принесли телеграмму: наступление северян началось как раз в том пункте, который назвал Хенсон. Ли переправил пленника к генералу Полку, тот был уже готов освободить его, но в дело снова вмешался Родди, убедивший Форреста, который никогда окончательно не переставал подозревать Хенсона, что этого опасного человека следует держать под стражей.

Потянулись месяцы заключения... Но Форрест снова вспомнил о Хенсоне. Армия конфедератов уже переживала агонию. Она отчаянно нуждалась в пополнении, и Форрест приказал зачислить арестованного в войска Юга. Хенсон сумел упросить, чтобы его направили в 26-й полк, составленный из жителей штата Миссисипи. Он знал, что полк направляется в Виргинию, и надеялся сбежать по дороге. В конце концов Хенсону и удалось это сделать, несмотря на то что в тюрьме он заболел и был очень слаб. Отсидевшись в тайниках у родных (которые только теперь сообразили, что он все же

не является шпионом южан), Хенсон дождался прихода федеральных войск.

История гражданской войны знает немало других разведчиков, во многом напоминавших тех, о которых рассказывалось выше, впрочем, как правило, менее удачливых.

Успешной была деятельность Элизабет Ван Лью в столице Конфедерации Ричмонде. Подобно Филиппу Хенсону, она обладала одним неоценимым для разведчика преимуществом. По рождению и общественному положению ее считали своей в кругах правившей на Юге рабовладельческой знати. Правда, она не скрывала своей приверженности к Северу и даже организовала, несмотря на косые взгляды и прямые угрозы, медицинскую помощь и снабжение теплыми одеялами военнопленных армии северян, которых содержали под стражей в Ричмонде. Однако и эти, открыто и демонстративно высказывавшиеся симпатии Северу оказались полезными для ее разведывательной работы, — трудно было заподозрить человека, нисколько не скрывавшего своего сочувствия к врагу. В этой работе ей активно помогали слуги, состоявшие в основном из отпущенных ею на волю рабов. Мисс Элизабет имела небольшой участок земли за городом, где были разведены огороды. Это создавало удобный предлог для посылки за город слуг, которые исполняли обязанности связных. Более того, продолжая играть свою роль, она явилась даже на прием к Джефферсону Девису с требованием защиты против угроз со стороны соседей, яростно ненавидевших ее за помощь военнопленным. Что значительно важнее, по совету Элизабет одна из ее бывших рабынь, Мэри Элизабет Баузер, поступила служанкой в дом президента и часто с наступлением темноты встречалась со своей прежней хозяйкой.

Элизабет не только удалось создать довольно обширную разведывательную организацию. Она осуществляла руководство и разведчиками, которых засылали в южную столицу с Севера. В крайнем случае они всегда могли скрываться от преследования и находить убежище в ее доме. Среди агентов Элизабет было несколько чиновников военного министерства южан.

Элизабет Ван Лью сообщила массу важных сведений генералу Батлеру и главнокомандующему северян генералу Гранту. Несколько раз к Элизабет подсылали провокаторов, неоднократно она находилась на грани разоблачения. Однако все обошлось благополучно, и она смогла встретить вступившие в апреле 1865 г. в Ричмонд войска северян. После ухода конфедератов Элизабет бросилась к зданию правительства, где среди массы сжигавшихся архивов пыталась разыскать бумаги, представлявшие интерес для федеральных властей.

БЛАГОЧЕСТИЕ И ПОРНОГРАФИЯ СОВЕТНИКА ШТИБЕРА

Около восьмидесяти лет назад в Берлине была издана книга, повествующая, на основании неопубликованного личного архива недавно скончавшегося тайного советника Штибера, о его добродетелях и бескорыстном служении отечеству. Почти все, что читатель сейчас узнает, не вошло в книгу: Штибер и его душеприказчики предпочитали умолчать о том, что представляет особый интерес для истории тайной войны.

Вильгельм Штибер родился в Саксонии в 1818 г. После окончания юридического факультета он стал довольно известным адвокатом по уголовным делам. Штиберу очень везло на процессах. Ему часто удавалось спасти от наказания многих своих заведомо виновных клиентов. Этот успех проистекал отнюдь не из адвокатского красноречия. Штибер стал издателем «Полицейского журнала» и приобрел солидные связи в полиции. Их укреплению способствовало также поступление Штибера на полицейскую службу в качестве тайного агента. В его обязанности теперь входило втереться в доверие к немецким революционерам и подстрекать их к авантюрам, которые помогли бы арестовывать и отправлять за решетку всех врагов прусской монархии.

При таких условиях судебные власти сквозь пальцы смотрели на то, что Штибер заранее узнавал о всех доказательствах, которые собирала полиция против его клиентов-уголовников, и мог заранее соответствующим образом подготовить защиту.

Однако настоящая карьера Штибера началась во время революции 1848 г. Однажды, в марте, он сумел спасти короля Фридриха-Вильгельма, на которого напала угрожающе настроенная толпа. Штибер увлек короля в ближайшее здание и захлопнул дверь.

После этого случая и вплоть до 1857 г., когда Фридрих-Вильгельм, и ранее выказывавший признаки ненормальности, окончательно сошел с ума, Штибер мог твердо рассчитывать на королевские милости. Он начал быстро продвигаться по службе к великой зависти своих менее удачливых коллег, считавших его невежественным дилетантом и выскочкой.

Совместно с другим полицейским чиновником, Вермутом, Штибер опубликовал в 1853 г. двухтомное сочинение «Коммунистические заговоры девятнадцатого века», которое в известном смысле является началом систематической фальсификации в буржуазной литературе истории революционного рабочего движения.

Штибер занялся фабрикацией документов, которые должны были служить предлогом для обысков, арестов и других полицейских преследований. Подложность документов, изготовлявшихся Штибером, должен был признать даже прусский королевский суд.

Однако жандармское рвение Штибера только увеличило к нему благосклонность короля, которому к тому же очень нравились рьяно монархические взгляды провокатора. В правительственных кругах острили: «Все у Штибера полицейское, даже фамилия». («Штибер» по-немецки — собака-ищейка.) А Фридрих-Вильгельм с удовольствием каждый день заслушивал его длинные отчеты, которые состояли неизменно из двух частей: первая касалась «противоправительственной» активности революционеров, а вторая была посвящена... королевской свите и представителям прусского царствующего дома. О них Фридрих-Вильгельм получал самые подробные сведения: от меню обеда до того, как в данный день складывались отношения братьев короля с их любовницами. С некоторого времени, как опытный царедворец, Штибер к удовольствию Фридриха-Вильгельма тактично стал передавать в закрытых конвертах отчеты о каждом из братьев короля.

В октябре 1854 г. король поручил Штиберу наладить шпионаж против Франции, Австрии и других государств. В марте 1855 г. прусский парламент выделил значительную сумму на финансирование шпионской службы, которую возглавлял Штибер.

Правда, потом, после помешательства короля, карьера Штибера прервалась на несколько лет. Он успел нажить много врагов, и, главное, его деятельность вызывала возмущение в широких кругах общества. Принц-регент (впоследствии король Вильгельм) считал благосклонность Фридриха-Вильгельма к такому проходимцу, как Штибер, лишь еще одним свидетельством слабоумия своего предшественника. Штибера отдали под суд, но шпик ускользнул от наказания, утверждая, что все инкриминируемые ему незаконные деяния он совершал по приказу Фридриха-Вильгельма. Пойти на осуждение монарха прусский королевский суд, конечно, не мог, но Штиберу все же пришлось расстаться с государственной службой. Штибер даже уезжал в Россию, куда он был приглашен для «консультации» в связи с реорганизацией царской тайной полиции. Однако и здесь Штибер «на всякий случай» собрал много сведений о состоянии русской армии, представлявших крупный интерес для прусского командования.

Тем временем в Пруссии взошла звезда Бисмарка. Штибер был представлен новому прусскому премьер-министру издателем подкупленной правительством газеты «Норддейче альгемейне цейтунг» Брассом, который был известен более под именем «великого пресмыкающегося». Теперь бывшему чиновнику недолго пришлось убеждать

главу правительства, что он, Штибер, является весьма полезным человеком.

Бисмарк предложил Штиберу организовать разведывательную службу против Австрии, с которой Пруссия собиралась воевать. Штибер понял, что ему нужен крупный успех и при этом достигнутый лично им самим. Только таким путем разжалованный полицейский чиновник мог рассчитывать на новую карьеру. Штибер отправился в Австрию и стал путешествовать по стране под личиной коммивояжера. А торговал он двумя не совсем схожими изделиями: иконами и порнографическими картинками. Разделив по примеру господа бога род человеческий на овец и козлищ, Штибер считал, что ему удастся прельстить любого одним из этих товаров, если не обоими сразу. Разъезжая по деревням и оживленно болтая со своими покупателями, прусский шпион в обмен на припасенные им городские новости умел незаметно выудить сведения о дислокации воинских частей, о расположении укреплений и казарм.

В течение двух лет, с апреля 1864 г. по май 1866 г., Штибер исколесил вдоль и поперек все провинции Австрии, которые должны были стать ареной военных действий. В одном небольшом селении, когда он прислушивался к разговору торговцев на постоялом дворе, его узнали. «Это — Штибер»,— гневно закричал один из присутствовавших, указывая на бывшего главу прусской тайной полиции. Ночью под эскортом двух австрийских жандармов Штибер был доставлен на границу. Но в Берлин он вернулся не с пустыми руками. Прусское командование получило подробные сведения о состоянии вооруженных сил будущего противника — столь подробные, сколь возможно было добыть без кражи секретных документов австрийского генерального штаба.

На территории Австрии были созданы шпионские гнезда, и, когда вскоре прусские войска двинулись в поход, в каждом селении они находили заранее указанного им человека, который сообщал детальные сведения о положении неприятельских сил, о местных ресурсах продовольствия и фуража для лошадей.

Бисмарк мог быть доволен. Он поручил Штиберу создать особую службу, формально для охраны жизни короля и министров, а в действительности выполнявшую функции контрразведки. Подобной специальной контрразведывательной службы в мирное время не имела еще ни одна европейская страна.

Штибер занялся также организацией военной цензуры и военной пропаганды для поддержания духа внутри страны и дезориентации противника.

В 1866 г. прусские войска в короткой кампании разгромили австрийскую армию. Бисмарк начал подготовку к войне против Франции, которая оставалась главным препятствием на пути к объединению

Германии «железом и кровью» под прусским владычеством. Щедро снабженный деньгами, Штибер опутал Францию густой разведывательной сетью, подобной которой еще не знала история шпионажа. На Штибера, по настоянию Бисмарка, посыпались награды и почести, хотя высокородные генералы и третировали полицейского выскочку. Штибер стал главой полиции. Даже король Вильгельм покаялся, что вначале не сумел оценить этого верноподданного человека, оказавшего столь большие услуги.

С сентября 1866 г. по октябрь 1869 г. Штибер четыре раза ездил во Францию. Он и его ближайшие помощники — поляк Зеринцкий и баварец Кальтенбах — прожили во Франции более чем по году, методически организуя одну за другой локальные ячейки прусской шпионской организации. Постепенно стала действовать целая армия шпионов — по позднейшему хвастливому утверждению Штибера — в 30 тыс. или даже 40 тыс. человек. (На деле, конечно, меньше, так как Штибер не имел штаба для управления такой армией.) В их числе якобы было 4—5 тыс. человек, замаскировавшихся под местных крестьян, торговцев, мелких служащих, 7—9 тыс. служанок в кафе, ресторанах и отелях, 600—700 бывших прусских унтер-офицеров, разъезжавших по Франции под видом коммивояжеров или путешественников, которые сами добывали сведения или собирали их от остальных шпионов Штибера.

Агентов Штибера интересовали не только военные планы, вооружение, организация и дислокация французской армии, но также характер и семейные связи офицеров и генералов. Заранее предвидя, что прусские войска вторгнутся на французскую территорию, Штибер детально выяснял пропускную способность всех французских дорог и мостов, расположение складов, исчислял поголовье скота и домашней птицы в каждом из предполагаемых районов военных действий, поскольку будущие оккупанты намеревались содержать себя за счет местного населения. Были заранее установлены размеры контрибуции, которую можно будет наложить на каждый город, каждое селение, каждое крестьянское хозяйство. В 1870 г. прусская армия вторглась во Францию, обладая знанием всего того, что могло пригодиться для захвата и ограбления страны. Напротив, французы, по позднейшему признанию Наполеона III, не имели никаких сведений о противнике.

Во время самой войны Штибер был одним из организаторов беспощадного террора против мирного французского населения. Смертной казни подвергали за самые ничтожные или даже мнимые провинности, по простому подозрению. Однако, когда война приобрела для Франции характер освободительной борьбы против прусского нашествия, успехи Штибера заметно уменьшились. Сотни и тысячи людей, рискуя жизнью, пробирались с важными донесениями в осажденные

пруссаками французские города, и контрразведка Штибера не смогла победить в этой тайной войне.

В январе 1871 г. в прусскую ставку для переговоров прибыл французский министр Жюль Фавр. Штибер вырядился лакеем и в течение переговоров Бисмарка с Фавром тщательно просматривал корреспонденцию французского представителя. В первый раз Штибер не успел сделать копии с некоторых документов, тогда Бисмарк нарочно под каким-то предлогом отложил на день заседание. Копии были сняты.

В своих мемуарах Штибер без удержу хвастает, что ему удалось провести Жюля Фавра. «Я вспоминаю, — иронически писал Штибер,— что я, стоя наверху лестницы, наблюдал, как карета, увозившая Фавра обратно в Париж, исчезала вдали. Почти падая от усталости, вызванной двумя бессонными ночами, я не мог все же не улыбаться, когда сжимал и бренчал монетами, которые вложил мне в руку Фавр».

Бахвальство Штибера не совсем лишено основания: он имел дело с матерым политиканом и, главное, с адвокатом, который был не только знаком со всеми преступными уловками своих клиентов, но и сам при случае пускал их в ход. Фавр сумел с помощью цепи подлогов отсудить крупное наследство, которое сделало его богатым человеком. От разоблачения Фавра спасла поддержка со стороны сановников Наполеона III. Активный участник кровавой расправы с парижскими рабочими в июне 1848 г., Фавр ненавидел французский пролетариат. В страхе перед рабочими массами Фавр, хотя и корчил из себя борца против прусских оккупантов, давно уже встал на путь капитуляции. Для Жюля Фавра, как для Тьера и его сообщников, главным врагом были героические защитники французской столицы от прусских войск, вскоре провозгласившие бессмертную Парижскую Коммуну. Ради того, чтобы снова потопить в крови выступление парижских пролетариев, Жюль Фавр был готов трижды на предательство национальных интересов, на любое пресмыкательство перед пруссаками. Все это Бисмарк отлично знал еще до того, как ознакомился при помощи Штибера с содержимым портфеля французского уполномоченного.

После окончания войны Штибер приступил к организации шпионской сети во многих европейских странах. Секретные фонды, расходуемые на шпионаж, выросли в 10—15 раз. Агентами Штибера были служащие отелей, продавцы в табачных лавках или гувернантки в богатых домах, странствующие ремесленники и фешенебельные кокотки, модные парикмахеры и скромные чиновники почтового ведомства. Шпионами у Штибера служили немцы, швейцарцы, бельгийцы, а также жители страны, в которой проводилась шпионская «работа».

В эти годы произошел один из колоритных эпизодов в деятель-

ности Штибера — случай с французским генералом Сиссе. Этот генерал попал в плен во время франко-прусской войны. С ним обращались подчеркнуто хорошо. Генерал жил на вилле около Гамбурга и под честное слово не делать попыток к бегству получил разрешение пользоваться, в известных пределах, свободой. В Гамбурге он близко познакомился с молодой красавицей баронессой Каулой. Бездарный генерал оказался, несмотря на свои пожилые годы, отличным и искусным любовником. Связь стала настолько приятной, что разомлевший старик едва нашел в себе силы после войны покинуть место, где проходили столь приятно дни плена, и возвратиться во Францию. Его назначили командиром одного из корпусов версальских войск. По приказу Сиссе были расстреляны сотни коммунаров.

В 1875 г. Сиссе оказался на посту военного министра. Время было тревожное. Бисмарк замышлял новую войну, чтобы окончательно сокрушить Францию, быстро оправлявшуюся от военного разгрома. Штибер вызвал баронессу Каулу и попросил ее отправиться в Париж для новой встречи с генералом Сиссе. Просьба была равносильна приказу. Но он был излишним. Баронесса явно не имела ничего против возобновления знакомства с пускай немолодым, но пылким французским поклонником. Штибер щедро снабдил своего агента деньгами, и перекочевавшая во французскую столицу Каула быстро восстановила прежние связи с генералом. Ее роскошный дом был куда богаче квартиры Сиссе, вынужденного ограничиваться не очень большим жалованьем. Отдыхая в этом доме от трудового дня, Сиссе, облачась в халат и ночные туфли, часто рассказывал своей любовнице о трудностях и превратностях службы, о планах реорганизации французской армии. Все это напоминало скверный фарс, но на карту было поставлено слишком многое.

Французская контрразведка — Второе бюро — вскоре заинтересовалась баронессой и установила, что она встречается со Штибером. Но Второе бюро могло ограничиться лишь тем, что Каулу быстро выдворили из Франции как нежелательную иностранку: президент Мак-Магон и правительство любой ценой стремились избежать скандала.

Однако победителем все же оказался Штибер. К тому времени, когда Каула была выслана в Германию, немецкая разведка знала все, что ей было нужно знать о французских планах.

Позднее великосветскую красавицу в роли главного немецкого шпиона заменил скромный кучер экипажа, принадлежавшего другому военному министру генералу Мерсье. Под этой маской скрывался немец Людвиг Виндель. Вместе с Мерсье он объездил многие крепости и укрепленные районы Франции, которые посещал во время своих инспекционных поездок глава военного ведомства.

Виндель издал в Америке мемуары, к которым приложил гравюру, изображавшую его на козлах министерской кареты.

Начав свою службу разведчика в качестве офицера, прикомандированного к генеральному штабу, Виндель быстро продвигался по службе. Однажды ему было дано деликатное поручение — разузнать, кто являлся автором анонимных писем, в которых сообщалось много разоблачений относительно жизни великосветского общества. Виндель пришел к выводу, что автором этих наделавших много шума писем был близкий родственник кайзера Вильгельма II герцог Шлезвиг-Гольштинский. Доказательства Винделя были признаны неубедительными, и он сразу впал в немилость. После этого ему ничего не оставалось делать, как согласиться на службу за границей. Совершая частые поездки по Франции, Виндель сумел добиться ряда заметных успехов: он разоблачил одного шпиона-двойника и, переодевшись в мундир французского артиллерийского офицера, посетил секретные армейские маневры. В 1893 г. Винделю было приказано проверить полученное известие, что французы выкрали чертежи немецкого торпедного аппарата и намереваются испытать его в Тулонском арсенале. Виндель на лодке приблизился к запретной зоне. Часовой подал ему знак остановиться. Тогда Виндель сделал вид, что оступился, и перевернул лодку. Потерпевшему была оказана помощь, а он тем временем успел разглядеть все, что ему было нужно на территории арсенала. Вопреки полученным в Берлине сведениям, французы не собирались проводить испытания нового оружия.

Служба кучером у военного министра была, таким образом, далеко не единственной удачей в карьере разведчика Винделя.

В 1875 и 1884 гг., когда Бисмарк предполагал спровоцировать новую войну против Франции, немецкие агенты подготовили планы разрушения французских железных дорог. О существовании разведывательной сети Штибера было широко известно, но большинство европейских стран не создало эффективной системы контршпионажа. Штибер же придавал большое значение контрразведке.

Интересный случай произошел уже после смерти Штибера. В 1893 г. немецким судом были осуждены два французских морских офицера — Дежуи и Дельге Малава, обвиненные в попытке составить карту укреплений Гельголанда. На суде выяснилось, что о путешествии этих офицеров на яхте к Гельголанду немецкая полиция узнала еще до того, как оба француза покинули Париж.

Наряду со шпионажем Штибер занимался налаживанием системы полицейской слежки, запугивания и шантажа внутри Германии.

Одним из нововведений «короля шпионов», как назвал Штибера восхищенный его успехами Вильгельм I, было создание в Берлине «Зеленого дома», или просто фешенебельного публичного дома под непосредственным управлением министра полиции. Любезно приглашавшиеся туда буржуазные политики и вообще власть имущие (вплоть до родственников императора) вначале втягивались в «обык-

ноаеиный» разарат, который аскоре дополиялся асеми аидами изаращеиий. Широко использоаались также иаркотики. Штибер позаботился, чтобы «уровень» разврата в его «Зеленом доме» был выше, чем где-либо в Европе. В результате в отношении жертв этого аристократического притона можио было проводить политику «кнута и пряиика». Пряиик мог легко обратиться а кнут; угроза позорного разоблачения дополнялась часто ие менее мучительной для жертвы угрозой лишить ее услуг «Зелеиого дома». Штибер получил такие дополнительные рычаги власти, что стал одним из иаиболее алиятельных людей а стране. Быть может, лучшим доказательством страха, который анушал Штибер, была нескрыааемая и почти неприличная веселость толпы на его похоронах: это был действительно для многих праздник освобождения от угроз и вымогательств со стороны полицейской тени «железного каицлера».

СЕКРЕТЫ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ

Хотя регулярно выпускаемые памфлеты или пришедшие им на смену еженедельные и — значительно позднее — ежедневиые газеты получили распространение а Еаропе еще в XVII а., долгое время их ие считали имеющими отношение к возможному разглашению государственных секретов. Даже как орудие пропаганды эти издаиия имели ограниченное значение, поаышавшееся во аремена острых политических кризисов, таких как английская буржуазная революция середины XVII в., Фронда во Франции, война английских колоний в Севериой Америке за независимость (1775—1783 гг.). Положение резко изменилось в годы Великой французской революции. После устаиовления власти Наполеои I постааил печать под строгий полицейский контроль, который включал а себя и аоенную цензуру. С другой стороны, пресса, начиная с правительственного «Моиитера», широко использовалась для распространения официальной пропаганды, в том числе путем преуаеличеиия успехоа и замалчивания иеудач на войне, а также для введения в заблуждеиие противника. Это достигалось не столько печатанием фальшиаых газетных номероа, которые, как мы помним, Шульмейстер передал австрийскому генералу Маку, сколько помещением ложной информации а самых доподлинных французских изданиях. Вместе с тем Наполеон из английских газет узиал ряд важных новостей, в частности о передаижеиии армии Веллингтопа на Пиренсйском полуострове.

Во время Крымской войны в январе 1855 г. лорд Раглан, командующий английскими войсками, которые совместно с французскими войсками осаждали Севастополь, писал военному министру о представителе газеты «Таймс» У. Расселе: «Я задаю вопрос, мог ли платный агент русского императора лучше служить своему хозяину, чем это делает корреспондент газеты, имеющей самый большой тираж в Европе». Впрочем, возможно, Раглан больше опасался критики своих действий, чем действительного раскрытия военной тайны. По крайней мере, после войны Рассел письменно запросил русского командующего М. Д. Горчакова, узнавал ли тот какие-либо секреты из его корреспонденций. Горчаков ответил, что никаких, которых бы он не знал заранее. Правда, царю Александру II приписывали утверждения противоположного характера.

Во время гражданской войны в США правительство президента Линкольна столкнулось с фактом выдачи газетами многих секретных сведений о передвижении войск. Поскольку на большей части театра военных действий не существовало сплошной линии фронта, эти газеты быстро попадали в руки южан. Разглашение военных секретов порой носило злостный характер, было результатом враждебности «медноголовых» — влиятельных кругов на Севере, которые стремились к компромиссному миру с рабовладельцами. Газеты «медянок» нередко печатали ложную военную информацию с целью ввести в заблуждение не противника, а население северных штатов. В 1864 г. газеты «Нью-Йорк уорлд» и «Нью-Йорк джорнел оф коммерс» напечатали поддельную прокламацию президента Линкольна, в которой давалась мрачная оценка военного положения и провокационно объявлялось о мобилизации в армию еще четырехсот тысяч человек. Обе газеты отделались легко — запрещением выхода на три дня. Известный генерал Севера Шерман, обнаружив присутствие в его армии корреспондента «Нью-Йорк геральд» Т. Нокса, не получившего на это специального разрешения, приказал отдать репортера под суд как вражеского шпиона. Журналист был признан виновным, но президент Линкольн отменил приговор. Разгневанный вмешательством сверху, Шерман заявил: «Если уж американцы требуют и должны получать информацию, даже правдивую, но все же информацию, — пусть получают. Только они будут напоминать по своим привычкам пьяницу, у которого настолько испорчены природные наклонности, что он находит удовлетворение лишь в коньяке». Когда Шерману сообщили, что несколько корреспондентов пропали без вести, он лишь пробурчал, что теперь будет получать к завтраку новости из ада. Шерман и Грант даже думали подавать в отставку из-за разглашения газетами военных тайн. Шерман предлагал распространять в газетах ложные известия, чтобы подорвать доверие к печатавшейся там правильной секретной информации. Южный командующий генерал

Роберт Ли тщательно изучал газеты северян; у него были даже любимые издания, сообщавшие особо ценные сведения, например «Филадельфия инкуайер».

Впрочем, немало тайн было выдано и южными газетами. На основании печатавшихся в них известий «Нью-Йорк геральд» в начале войны опубликовала сведения о численности армии южан, списки офицеров, причем военный министр Конфедерации признал потом, что эта информация была столь же точной, как и та, которой располагал он сам. В последний период войны президент рабовладельческой конфедерации Д. Девис, чтобы приободрить население в Джорджии, разболтал в своих речах планы борьбы против наступавшей армии Шермана. Некоторые современники уверяли, впрочем без достаточного основания, что Шерман заимствовал из южных газет идею своего марша к морю, в результате которого территория Конфедерации была рассечена на две части, и вскоре ее армия была разгромлена.

Примеры разбалтывания военных секретов печатью очень многочисленны. Во время франко-прусской войны 3-я немецкая армия после сражения при Верте, двигаясь на запад, разминулась на два-три перехода с французскими войсками Мак-Магона, наступавшими на восток. Однако немцам попалась французская газета, сообщавшая, что армия Мак-Магона находится в Реймсе. Немецкое командование направило свои войска на север и воспрепятствовало планам французов. Утверждают, будто незадолго до сражения при Седане Мольтке получил из английских газет точную картину расположения французской армии.

Примером преступного разглашения военной тайны может также служить «Вестник маньчжурской армии», издававшийся царским командованием во время русско-японской войны. В нем печатались сообщения о прибытии на Дальний Восток различных воинских соединений, отчеты о расположении частей, приказы, содержавшие данные о составе и состоянии различных корпусов и дивизий. В «Вестнике» публиковалось множество объявлений о розыске военнослужащими родных и друзей. Эти объявления давались офицерами, указывавшими свои адреса, что еще более раскрывало картину дислокации русских войск на Дальнем Востоке.

Военная цензура, не только как средство пресечения утечки военных секретов, но и как орудие дезинформации противника и военной пропаганды, широко применялась пруссаками во время войн против Австрии и Франции. Этим делом занимался Штибер. Позднее, уже во время первой мировой войны, военная цензура распространялась также на деловую и частную переписку, особенно на корреспонденцию с нейтральными странами, и превратилась в одно из важнейших орудий контрразведки.

ВОЙНА ДО ВОЙНЫ

Первой мировой войне предшествовала длительная подготовка, и в том числе в форме тайной войны. Немецкая разведка, едва ли не единственная из всех разведок европейских государств, пыталась насадить массовую агентуру в пограничных районах своих будущих противников. Такими немецкими резидентами были заполнены восточные департаменты Франции и западные губернии России. Германская разведка также, кажется, одна из всех составляла обширную картотеку («черную книгу»), включавшую десятки тысяч имен жителей других стран, которых можно было бы завербовать на службу. На каждое лицо, внесенное в «черную книгу», была заведена особая карточка. В ней отмечались имущественное, служебное и семейное положение указанного лица, его наклонности, слабости, тайные пороки. Опираясь на эти сведения, при вербовке прибегали в одном случае к запугиванию, в другом — к подкупу, в третьем — к обману.

В XX в. германскую разведку по-прежнему считали непревзойденной в Европе. Однако ее руководители столь же уступали Штиберу, сколь посредственные политики, сменявшие друг друга на посту германского канцлера, были неудачными преемниками Бисмарка. Новые главари германского шпионажа были лишены изворотливости и гибкости, являвшихся неотъемлемыми качествами старой полицейской ищейки. Правила, установленные Штибером, выродились в шаблоны, применявшиеся без воображения и изобретательности и, что еще важнее, нередко без учета изменившихся условий. Даже главный «принцип» Штибера — массовость шпионажа — иногда становился источником неудач. У Штибера крупицы сведений, сообщаемых ему агентами, каждый из которых был далек от главных источников информации, ложились как малый, но необходимый элемент в мозаике, как частички, совокупность которых создавала четкую общую картину.

Теперь же такие крупицы собирались в груду малоценных и часто не поддающихся проверке известий, в которой могли отсутствовать самые основные звенья. Эта информация создавала лишь иллюзию осведомленности, тем самым парализуя стремление исправить дело.

Английская разведка делала упор не на количество, а на качество информации, которая должна была освещать главное и основное, не рассеивая внимания на мелочи. Такая линия была, конечно, не случайной. Правящие круги Великобритании все еще лелеяли надежду, что, как и в прежних войнах, им удастся заставить другие страны таскать для них каштаны из огня. Английское правительство в это

время еще не предполагало, что ему придется спешно создавать массовую армию для посылки ее на Западный фронт против немцев и на ряд других фронтов. Поэтому до поры до времени «мелочи», которые могли сообщать многие шпионы, казались тогда нужными скорей для союзников Великобритании, чем для нее самой. А чрезмерное попечение об интересах союзников было совсем не в традициях английской политики.

Французская разведка сосредоточивала главные усилия против основного противника — Германии. Однако в конце XIX в. контрразведывательная секция Генерального штаба (и он в целом) оказалась сильно скомпрометированной участием в пресловутом «деле Дрейфуса», с помощью которого монархисты и клерикалы пытались вести подкоп под республику. Было неопровержимо доказано, что контрразведка фабриковала подложные документы, призванные засвидетельствовать мнимую «виновность» офицера Генерального штаба Дрейфуса, ложно обвиненного в шпионаже в пользу Германии. В целом французская разведка не могла похвастать особыми успехами. Бывали, правда, исключения.

Интересной особенностью японского шпионажа в конце XIX и в начале XX века было то обстоятельство, что им занимались не только государственные органы — военное и морское ведомства — но также частные «патриотические общества», основанные и финансируемые богатыми помещиками и буржуа.

Русская разведка сумела еще в 1904 г. добыть знаменитый план Шлиффена. Он был передан французам, но там сочли его фальшивкой. Ведь план предусматривал нарушение нейтралитета Бельгии, что вызвало бы вмешательство Англии. А в Берлине любой ценой хотели бы не допустить присоединения Англии к Франции и России.

Австрийский штаб в течение ряда лет командировал в Россию для стажировки специально отобранных офицеров. Они должны были изучать страну и русский язык. Русская разведка не возражала против этой посылки в Россию будущих руководителей австрийского шпионажа. Им, в частности, разрешалось проживать в Казани. Но в Вене не знали, с каким успехом удавалось спаивать австрийцев, вводить их в долги и перекупать, как говорится, «на корню»...

Это была история, вполне достойная детективного романа, история, в которой неполученное письмо до востребования, потерянный футляр от перочинного ножа и неудачный футбольный матч привели к раскрытию и обнародованию тайны...

26 мая 1913 г. газеты, выходившие в австро-венгерской монархии, опубликовали два сообщения, не имевшие никакой связи между собой. Одно из них — перепечатанное всеми газетами заявление венского телеграфного агентства, извещавшее о неожиданном самоубийстве полковника Альфреда Редля, начальника штаба 8-го корпуса

австро-венгерской армии. «Высокоталантливый офицер, которому предстояла блестящая карьера, — говорилось в этом заявлении, — находясь в Вене при исполнении служебных обязанностей, в припадке сумасшествия...». Далее сообщалось о предстоящих торжественных похоронах офицера, павшего жертвой нервного истощения, которое было вызвано многими неделями бессонницы.

Другая новость относилась к области спорта и касалась состязания двух любительских команд города Праги. Неожиданное поражение, которое потерпела команда «Шторм-1» в воскресном матче, привлекло внимание лишь газеты «Прагер тагеблатт», выразившей свое горестное изумление по поводу проигрыша. И, однако, небольшому отчету о футбольном матче суждено было не только отменить уже назначенные торжественные похороны, но и раскрыть государственную тайну, которую отчаянно пыталось сохранить официальное агентство печати.

Горечь, с которой пражская газета сообщала о поражении «Шторма-1», нисколько не была наигранной. Ведь автор отчета — один из редакторов газеты, являлся одновременно капитаном этой команды. Он считал, что проигрыш был результатом отсутствия двух сильных игроков, и, отведя душу в заметке о матче, после обеда отправился к одному из них, Вагнеру, по профессии слесарю.

На упреки своего капитана Вагнер мог лишь ответить, что он отсутствовал по вполне уважительной причине. К нему на квартиру приехали важные военные чины и увезли его в какой-то очень богатый пражский дом, принадлежавший одному крупному военному, который в этот день умер в Вене. В доме уже находились начальник пражского корпуса и другие господа, некоторые из них, по-видимому, прибыли из Вены. Вероятно, они искали завещание, так как Вагнеру было приказано взломать замки всех ящиков, шкафов и сейфов. Это была совсем нелегкая работа, — хозяин предпочитал держать свои бумаги под очень надежными запорами. Было извлечено большое количество бумаг, военных планов, фотографий, а также большая сумма денег.

Часть этих бумаг была написана по-русски. Содержание найденных материалов буквально ошеломило офицеров, которые даже не пытались скрыть своего ужаса.

Больше ничего Вагнер не знал, но и рассказанного было достаточно, чтобы в капитане футбольной команды проснулся газетчик. Еще недоумевая, он вернулся в редакцию, где ему на глаза попалось сообщение венского телеграфного агентства о самоубийстве Редля. Все стало на свои места. Написанные по-русски бумаги, военные документы, поспешный обыск в присутствии командующего корпусом и прибывших из столицы офицеров... Объяснение могло быть только одно: Редль оказался шпионом царской России.

Конечно, нечего было н думать о том, чтобы опубликовать это известие. Полиция конфисковала бы весь тираж еще до того, как он вышел бы нз типографии, а самой газете грозили бы штрафы н судебные преследования. Но австрийским журналистам было не заимать опыта владения эзоповскнм языком, умения иносказательно сообщить все, о чем не разрешалось помещать сведеиий в печати, передать новость под видом ее опровержеиия.

На другой день в «Прагер тагеблатт» была помещена небольшая заметка, сразу превратнвшаяся в крупнейшую сенсацию. «Одно высокопоставленное лицо, — говорилось в заметке, — просит иас опровергнуть слухн, распространяемые преимуществеино в военных кругах, относнтельио начальника штаба пражского корпуса полковника Редля, который, как уже сообщалось, покоичил самоубийством в Вене в воскресенье утром. Согласно этим слухам, полковиик будто бы обвиняется в том, что передавал одному государству, а имеино Россни, военные секреты. На самом же деле комиссия высшнх офицеров, принехавшая в Прагу для того, чтобы произвести обыск в доме покойного полковнника, преследовала совсем другую цель».

До напечатання заметкн в тайиу былн посвящены лишь 10 высших офицеров Австро-Венгрии. Ее скрылн даже от императора Франца-Иосифа. После выпуска во вторник очередиого номера «Прагер тагеблатт» тайиа стала известной всему миру. Одиако миогие важиые подробности всплыли на свет только после распада в 1918 г. лоскутной австро-веигерской нмперии.

Разоблаченне Редля, вндимо, было делом случая. В начале 1913 г. на главиый почтамт Вены прибыло письмо до востребоваиия, послаиное из небольшого городка Эйдкуиена в Восточной Пруссии, близ русской граиицы. Никто долгое время не приходил за письмом, и его отправили обратно в Германию. Там, так как автор был иеизвестеи, письмо вскрыли, и о содержимом германская полиция поспешила уведомить разведку Австро-Веигрии. Так, по крайией мере, излагает дело в своих мемуарах начальник австро-веигерской разведки и контрразведки Макс Ронге. Однако, вероятнее всего, письмо вовсе ие отсылали в Гермаиию, и вся эта нстория была выдумана Роиге, чтобы скрыть существование в Австро-Венгрни «черного кабииета».

Каким бы то ии было путем, ио содержимое письма из Эйдкунена оказалось в распоряжеини австрийской коитрразведки. А оио было совсем иеобычиым для простого письма: баикиоты на сумму в 6 тыс. австрийскнх крон и два адреса: один — в Женеве, другой — в Париже. Оба адреса были хорошо известиы австрийской контрразведке как «почтовые ящики» для шпиоиов различиых стран. Несомнеино, что 6 тыс. крон представляли собой плату за шпионскую работу. Об этом говорили не только адреса, но самый факт посылки столь

значнтельной суммы в письме. Ясио, что деньги нельзя было отправнть открыто, общепринятым путем. Как же поймать шпиона, проживавшего, очевидно, в Австрии и по каким-то причииам (может быть, по болезни) не сумевшего получить посланное ему вознаграждеиие? Письмо было адресовано какому-то Никоиу Ницетасу. Это, как выяснилось, было вымышлеииое имя. Едннствеиным возможным способом было иаблюденне за почтой в надежде, что иностранный разведчик сам попадется в поставлениую ему ловушку.

Тем времеием прншло еще одно письмо до востребоваиия, адресоваиное, как и первое, Никону Ницетасу. В нем было 7 тыс. крон. Потом прибыло третье письмо. Одиако прошел апрель, половииа мая, а загадочиый Ннцетас так и не являлся за довольно круглой суммой, которая лежала в трех письмах до востребоваиия (коитрразведка вернула иа почтамт и первый пакет). Напряжение нарастало. Почтовое окно было соединено прямым проводом с расположениым неподалеку полицейскнм отделением. Достаточно было чииовннку нажать электрический звоиок, и за одиу-две миирты, уходившне на формальиости при выдаче корреспоидеиции, перед окошком оказались бы агеиты веиской полиции, которым было поручеио иаблюдение за этим делом. Но шли дни, а письма по-прежиему лежали на почтамте.

Поздно вечером в субботу 24 мая начальник контрразведки капитаи Ронге отправнлся с работы домой. Как только ои вошел в квартиру, раздался телефоииый звонок, — его вызывал из веиского полицейского управлення статский советник Гайер: «Пожалуйста, приходите ко мне в бюро. Случилось что-то ужасное!»

В субботу, во второй половине дия, к окошку почтамта подошел, накоиец, человек, потребовавшнй столь долго ждавшие его письма. Почтовый служащий немедленно нажал кнопку звоика н попытался немиого задержать посетителя. Но сыщики все не являлнсь, — как раз в эту мииуту в комиате полицейского управления не оказалось ии одиого человека. Клиент, получив свои письма, вышел из здання почтамта. Примчавшиеся через минуту трое агеитов бросились за ним следом. Неудача! Онн увидели лишь, как человек, получнвшнй письма, сел в такси и уехал. Поблизости не было другой машииы, н от преследоваиия пришлось отказаться. Полицейские успели лишь заметить номер машииы. Это была единствеииая оставшаяся в их руках иить. Оии стоялн около 20 мннут, обсуждая создавшуюся ситуацию, когда увидели едущее им иавстречу такси. Номер совпадал, это был тот самый автомобиль, который увез незиакомца!

Сыщнки сели в такси и спросили шофера, куда он отвез недавно с этого места одного их друга. «В кафе „Кайзерхоф"», — ответнл шофер. Новые пассажиры попросили ехать туда же. По дороге они имели время виимательно обшарить такси. Прн осмотре агенты наткнулись иа серый шерстяиой футляр от перочинного ножика. Не

очень верный след: футляр мог забыть и кто-либо из пассажиров, бравших такси до получателя писем.

В кафе «Кайзерхоф» было многолюдно. Хотя сыщики ранее могли видеть лишь спину незнакомца, они сразу же убедились, что его не было среди посетителей кафе. Однако, быть может, он вовсе и не собирался заходить в «Кайзерхоф», а просто решил, заметая следы, сменить такси. На ближайшей стоянке такси детективы выяснили, что примерно полчаса назад какой-то человек, приметы которого совпадали с общим обликом незнакомца, взял машину и отправился в отель «Кломзер». Детективы спешно помчались в эту гостиницу. Швейцар на заданный ему вопрос, кто приехал в отель за последний час на такси, не мог дать точного ответа. Прибыло несколько человек, по крайней мере четверо, в их числе проживающий в отеле полковник Редль. Детективы попросили швейцара опросить, кто из постояльцев потерял футляр. Их разговор был прерван появлением человека в хорошо сшитом штатском костюме. Конечно, сыщики сразу же узнали полковника — восходящую звезду генерального штаба, долгое время возглавлявшего разведывательную службу австро-венгерской монархии.

— Извините, господин полковник, не Вы ли потеряли футляр от перочинного ножика? — спросил швейцар.

— Да, это мой, спасибо, — ответил полковник, посмотрев на чехол. И тут его лицо покрылось смертельной бледностью, — он вспомнил, где потерял футляр. Медленно Редль оглядел трех свидетелей, присутствовавших при этом саморазоблачении, и стремительно вышел на улицу. Двое агентов последовали за ним, а один бросился звонить в полицейское управление статскому советнику Гайеру. А Гайер поставил обо всем в известность Ронге. Тот вспоминает: «Услышав известие, что многолетний член нашего разведывательного бюро, военный эксперт на многочисленных шпионских процессах разоблачен как изменник, я прямо-таки окаменел».

Вскоре детективы принесли обрывки записок, спешно разорванных и выброшенных Редлем. Когда их собрали и восстановили текст, отпали последние колебания. В них был указан ряд «почтовых ящиков», которые доказывали связь Редля не только с Россией, но и с Францией и Италией.

Ронге, когда писал о потрясении, которое он испытал, узнав о предательстве Редля, нисколько не преувеличивал. На него и его сотрудников в первую минуту просто-таки напал столбняк. Редль принадлежал к числу офицеров, делавших быструю карьеру в австро-венгерской армии, причем вся его служба была связана со шпионажем. Он работал в разведке с 1900 г. и ввел ряд «усовершенствований», например незаметное фотографирование всех посетителей, которых он принимал в своем служебном кабинете, и даже записывание

разговора на фонограф. Ручки кресла и папиросы, которые предлагались посетителю, были посыпаны специальным порошком, так что каждый входивший в кабинет Редля незаметно для себя оставлял отпечатки пальцев. Начальник Редля генерал Гизль очень ценил своего подчиненного. Когда Гизль был переведен на службу из Вены в Прагу, где был расположен один из главных центров австро-венгерской армии, он прихватил с собой и своего опытного офицера разведки. Редль к этому времени был уже полковником. В Вене его заменил капитан Ронге. Он, в свою очередь, к «нововведениям» Редля добавил один очень старый прием — строгую почтовую цензуру, которую до того времени не применяли систематически. Целью был контршпионаж, но даже цензорам внушили, что их задачей является борьба с контрабандой.

Работники австрийской разведки считали полковника Редля своим учителем и образцом, составленная им секретная инструкция «Советы по раскрытию шпионажа» была настольной книгой для его преемников. От Редля у австрийского генштаба не было тайн. А это означало, что не было тайн и от неприятельских разведок! В смятении Ронге отправился известить начальство о неслыханном открытии.

...Тем временем Редль бродил по венским улицам, видимо, обдумывая свое положение и пытаясь определить, установлена ли за ним слежка. Вскоре ему все должно было стать ясным: сыщики следовали за ним по пятам. Редль круто повернулся и возвратился в отель «Кломзер». Трудно сказать, чем руководствовался Редль в своих действиях. Может быть, он не терял надежды ускользнуть, хотя у столь опытного разведчика, как он, вряд ли могли быть сомнения в неосуществимости такой попытки, — кольцо уже замкнулось. Вероятнее всего, он, с его психологией великосветского игрока и прожигателя жизни, поняв, что ставка проиграна, решил провести наиболее приятно немногие оставшиеся у него часы.

Пока Ронге докладывал по команде и получал от коменданта города санкцию на арест, Редль встретился в гостинице со своим другом Виктором Поллаком, прокурором Верховного кассационного суда, совместно с полковником выступавшим на процессах иностранных шпионов. Редль и Поллак вдвоем отправились в ресторан «Ридхоф», где в отдельном кабинете им был подан роскошный ужин. Чтобы подслушать их разговор, один из агентов предъявил свои полномочия директору ресторана и, надев костюм официанта, стал прислуживать двум важным посетителям. Однако Редль предпочитал делать свои признания Поллаку, когда официант выходил из комнаты.

В своей исповеди он признался, что для удовлетворения своих извращенных склонностей ему приходилось добывать много денег. Редль говорил о душевных расстройствах, о том, что он стал невме-

няем и не отвечает за свои поступки. Однако полковник не упомянул о своей шпионской деятельности. Поллак немедленно позвонил Гайеру, сообщив о разговоре и о том, что Редль, видимо, страдает серьезным психическим заболеванием. В половине двенадцатого Редль, распрощавшись с Поллаком, вернулся в гостиницу «Кломзер», оцепленную со всех сторон полицией. К нему в номер постучали. Вошли четверо офицеров в форме... Редль отказался отвечать на вопросы, — все материалы можно будет получить в его пражской квартире. Он попросил, или ему предложили, револьвер. Офицеры ушли.

В пять часов утра один из агентов зашел в отель, заявив, что ему надо спешно передать письмо Редлю. Войдя в номер, он обнаружил труп полковника, пустившего себе пулю в лоб. Агент быстро проскользнул мимо швейцара, дремавшего в этот ранний час на своем посту. Власти пытались скрыть причины самоубийства, изобразить его как полную неожиданность. Через несколько минут после ухода сыщика телефонный звонок разбудил швейцара, какой-то властный голос, отказавшийся назвать себя, попросил немедленно вызвать полковника Редля к телефону в вестибюль. Швейцар зашел в номер, увидел мертвое тело полковника и поднял тревогу. Прибыла полиция. Рядом с убитым лежала записка, в которой Редль сообщал о решении покончить жизнь самоубийством в расплату за свои грехи.

Было дано «маскировочное» сообщение в печать, начата подготовка к торжественным похоронам, которые так неожиданно были сорваны проигрышем пражской футбольной команды «Шторм-1».

Специальная комиссия начала лихорадочно определять размеры ущерба, нанесенного Редлем, выяснять, что из военных секретов Австро-Венгрии попало через него в руки иностранных разведок. Окончательно это так и не удалось установить, тем более, что в дело вмешались политические расчеты. Сначала всячески старались преуменьшить размеры деятельности Редля. Эту линию продолжал и Ронге в своих воспоминаниях, пытаясь задним числом спасти престиж австро-венгерской контрразведки. Имелась и другая крайность — представить Редля могильщиком Австро-Венгрии. Он, мол, с одной стороны, дезинформировал австрийское правительство о состоянии русской армии, преуменьшал ее мощь и тем толкнул Вену на проведение авантюристической политики, вызвавшей военный взрыв; с другой стороны, Редль, выдав все военные планы габсбургской монархии, серьезно ослабил ее вооруженные силы и предопределил последующее поражение австрийских войск в мировой войне.

Конечно, все это крайние преувеличения — не из-за дезинформации Редлем венского правительства вспыхнула мировая война, да и не состояние австрийской армии было главным фактором, определившим исход мирового конфликта. Однако несомненно, что знание сербами (через Россию) австрийского мобилизационного плана, который

был выдан Редлем, помогло им длительное время выдерживать натиск превосходящих сил неприятеля. Узнав об измене Редля, венский генеральный штаб предпринял серьезные попытки изменить мобилизационный план, но в основе его пришлось оставить прежним. О произведенных коррективах можно было легко догадаться, зная старый план.

Шпионская деятельность Редля длилась более десяти лет — с 1902 г. Он получил за нее сотни тысяч крон, и выданные им секреты стоили этого. На основе сообщенных им данных можно было составить полное представление о личном составе, материальной части австрийской армии, планах командования. Не меньшее значение имело и то, что, будучи начальником разведки и контрразведки, Редль выдавал наиболее опасных австрийских шпионов, засланных в Россию и в другие страны. Однажды какой-то царский полковник предложил находившемуся проездом в Варшаве австрийскому военному атташе продать русский план наступления на Австро-Венгрию и Германию в случае войны. Документ попал прежде всего к Редлю. Он отослал настоящий план в Петербург, а взамен его подложил в дело фальшивый. Кроме того, он сообщил царской разведке о предателе-полковнике. Тот, поняв, что разоблачен, покончил самоубийством. Австрийский военный атташе, якобы купивший фальшивый военный план, был отозван в Вену, в Редль получил от царской разведки колоссальный «гонорар» за свои услуги.

Правда, положение Редля было не из легких. Для укрепления своего престижа он должен был ловить шпионов и в то же время не мог раздражать своих нанимателей. Приходилось лавировать. В 1903 г. он постарался поймать одного из шпионов царской разведки, ставшего уже бесполезным для своих хозяев. Это был бывший военный прокурор Зигмунд Гекайло. Он был арестован сначала совсем по другому делу — о растрате казенных денег, но улик было недостаточно, и выпущенный на свободу Гекайло поспешил эмигрировать в Бразилию, где принял имя Карла Вебера. Редль заявил судебным властям, что у него есть доказательства того, что Гекайло выдал русской разведке план совместных боевых действий Германии и Австро-Венгрии против России. Были представлены неопровержимые вещественные доказательства, для получения которых, по словам Редля, было израсходовано 30 тыс. крон.

Австрийской дипломатии удалось добиться выдачи Гекайло как уголовного преступника (о шпионаже при этом умалчивали), и он был предан суду. Следователи смогли вырвать у Гекайло важное признание о связи с майором Венчковским, который был арестован. Найденные при нем бумаги повели к задержанию капитана Ахта, служившего адъютантом у губернатора города Львова. Дело приобрело большой резонанс. Однако поведение главного эксперта Редля,

бывшего тогда еще майором, трудно было объяснить. Внезапно он стал прилагать отчаянные усилия, чтобы обелить Венчковского и Ахта. Эти усилия даже вызвали подозрения у австрийского юриста Габердица, участвовавшего в сборе обвинительного материала. Он, вначале очень дружески относившийся к Редлю, теперь прямо просил заменить майора другим, менее пристрастным экспертом. Однако намеки и обвинения Габердица вызвали лишь смех у начальников Редля. А тот неожиданно снова изменил позицию и стал самым рьяным помощником прокурора. Все обвиняемые были присуждены к каторжным работам на длительные сроки.

Изменения в позиции Редля были вызваны серьезными причинами. Царская разведка охотно сама предоставила ему материал против Гекайло, и Редль мог положить в карман 30 тыс. крон, якобы истраченных на расследование этого дела. Однако царские разведчики были обеспокоены арестом Венчковского и Ахта и ультимативно потребовали от Редля приложить все усилия для спасения обоих агентов. Он должен был попробовать — и убедился, что взялся за невыполнимую задачу. Тогда Редль вступил в новую сделку со своими хозяевами, — те согласились пожертвовать Венчковским и Ахтом, а Редль за это выдал им австрийского майора, посланного с разведывательными целями в Варшавский военный округ.

Интересно отметить, что австрийская разведка опростоволосилась, не только тщетно пытаясь скрыть причины самоубийства Редля. При обыске в его квартире начальник разведывательного управления полковник Урбанский и военный следователь Форличек не обратили внимания на два фотоаппарата. Эти фотоаппараты вместе с другим имуществом Редля были проданы с аукциона. Ученик реального училища, которому попал один из этих аппаратов, проявил находившиеся при нем пластинки. На пластинках были засняты секретные военные документы. Правда, школьный учитель отобрал эти снимки у мальчишки и передал военным властям. Но инцидент уже получил широкую огласку в газетах, которая и похоронила разведывательную карьеру Урбанского.

В «деле Редля» осталось немало темных мест. Начиная, например, от труднообъяснимой у опытного разведчика оплошности — запоздания в получении конверта с деньгами (словно их выслали в неурочный срок) до предоставления полковнику возможности покончить самоубийством до того, как он дал подробные показания (их, конечно, не могли заменить никакие бумаги, которые были захвачены у него на квартире). Число недоуменных вопросов можно было бы умножить. Действовал ли Редль в одиночку, без влиятельных сообщников? Вероятно, архивам еще предстоит здесь сказать свое окончательное слово.

СТРИЖКА ПОСЛЕ ПОХОРОН

Организация немецкой разведывательной сети в Англии страдала недостатком, который оказался роковым. Все немецкие агенты сообщались с Берлином через один и тот же «почтовый ящик».

Разгром немецкого шпионажа в Англии начался отнюдь не с началом первой мировой войны, а со времени... смерти, точнее — похорон, английского короля Эдуарда VII, случившейся за четыре года до того, как вспыхнул военный пожар. На похороны короля съехались делегации от многих стран, в том числе ряд коронованных особ. Среди них, конечно, выделялся германский кайзер Вильгельм II, которого сопровождала пышная свита. Один немецкий придворный сразу привлек внимание Особого отдела Скотланд-Ярда, ведавшего контрразведкой. Этот аристократ, барон Росток, был известен как один из организаторов немецкого шпионажа. (Росток уже попался с поличным, будучи морским атташе в одной из южноамериканских республик.)

Наблюдение за Ростоком, старательно маскировавшееся, но тем более тщательное, выявило интерес гостя к Вулиджскому арсеналу и столичным казармам. Вдобавок в центре Лондона, на улице Чэринг-кросс, немецкий разведчик как бы невзначай встретился и побеседовал с человеком, которого английские власти уже давно подозревали в шпионаже. Вечером Росток и его знакомый снова встретились в кафе, после чего первый из них отправился к себе в отель. Однако трое опытных английских контрразведчиков, следившие за каждым шагом опасного гостя, решили на всякий случай проверить, не покинет ли он позднее свою гостиницу. Английские агенты разделились, установив наблюдение за всеми выходами из гостиницы.

Потянулись часы ожидания. Около 12 часов ночи немец осторожно проскользнул через черный ход из гостиницы и сразу же сел в такси. Контрразведчики быстро разыскали другое такси, но было уже поздно: первое такси исчезло из вида. Английским агентам помог счастливый случай: на одной из улиц образовался затор машин, среди них оказалось и такси, которое везло немца. Вскоре он вышел из автомобиля и зашел в маленькую парикмахерскую, которую покинул лишь через час. Эти не совсем обычные в столь поздний час стрижка и бритье дорого обошлись германской разведывательной службе. Пройдя несколько кварталов по длинной Каледонской улице, немецкий разведчик снова сел в такси и, как убедились следовавшие за ним агенты Скотланд-Ярда, вернулся в гостиницу.

Причины посещения высокопоставленным придворным герман-

ского кайзера в полночь маленькой уличной парикмахерской, вдали от его аристократического отеля, были слишком очевидны, чтобы оставить место сомнению. Однако немцу позволили на следующий день мирно отбыть на родину. Конечно, отчасти это было вызвано нежеланием тогда английских властей производить арест, который неминуемо должен был вызвать крупный международный скандал.

Но были и другие соображения: барон явно посещал какой-то центр германского шпионажа в Англии, хотя заранее нельзя было сказать, насколько важным узлом была маленькая парикмахерская в разведывательной сети, сплетенной в Англии наследниками Штибера.

После некоторых усилий была выяснена роль, которую играл хозяин этого заведения, немец, натурализовавшийся в Англии. Он формально занимался импортом оборудования для парикмахерских, и к нему на дом еженедельно приходило несколько десятков писем в служебных конвертах различных иностранных фирм. Владелец парикмахерской вскрывал эти конверты, под которыми были другие (адресованные в различные части Англии, особенно в главные гавани и места стоянок военного флота), наклеивал английские марки и опускал в почтовый ящик. Так посылались инструкции всем германским агентам в Англии.

Уяснив себе общую картину, Скотланд-Ярд, конечно, не тронул хозяина парикмахерской. Однако вся направлявшаяся ему корреспонденция тщательно переснималась. Английская контрразведка таким путем узнала фамилии и местожительство всех немецких шпионов в Англии. Но и после этого Скотланд-Ярд отказался от соблазна произвести аресты: ведь на месте уничтоженной разведывательной сети немцы, в условиях мирного времени, наверняка сумели бы сплести новую. Английская контрразведка благоразумно решила дождаться войны, чтобы нанести свой давно подготовлявшийся удар.

После объявления войны сразу же были произведены аресты многих германских шпионов (число этих арестов, по разным данным, колеблется от двадцати до более чем пятидесяти). Берлин в решающие дни совершенно лишился притока жизненно важной информации об английских вооруженных силах. Более того, в военное время немецкой разведке так и не удалось снова создать в Англии шпионскую сеть, подобную уничтоженной в первые дни войны. Это имело самые серьезные последствия. Конечно, немецкая разведка прилагала отчаянные усилия, чтобы снова заслать своих агентов в Англию. Она прибегала к услугам как немцев, так и граждан нейтральных стран. В редких случаях Берлину удавалось добиться успеха. (О приключениях одного из наиболее удачливых германских разведчиков, Зильбера, еще будет рассказано в другой связи.) Но неудачи случались у немцев значительно чаще.

Одним из непосредственных следствий «ослепления» немецкой разведки в Англии в начале войны было то, что германское командование ничего не узнало о переброске (в основном за четыре дня, с 10 по 13 августа) во Францию британского экспедиционного корпуса численностью в 90 тыс. человек. Правда, какие-то немецкие агенты все же остались неопознанными и пытались известить Берлин об отправке британских дивизий на фронт в Северную Францию и Бельгию.

В первые дни войны французская военная цензура обратила внимание Второго бюро на телеграммы, которые посылались несколько раз в день лондонской фирмой Струкера своим парижским партнерам. В этих телеграммах сообщались с большими техническими подробностями сведения о количестве угля и хлопка, доставляемого из Кардиффа и Манчестера в северные порты Франции. Начальник французской контрразведки капитан Ладу обратился за помощью к своему знакомому, занимавшемуся импортом во Францию различных товаров, и тот заявил, что телеграммы выглядят вполне правдоподобно.

Навели осторожно справки о фирме Струкера в Париже, учрежденной в марте 1914 г. Однако в поведении ее трех представителей, среди которых был один голландец, не было ничего, внушавшего подозрение.

11 августа Ладу беседовал с одним из своих друзей, капитаном Илером. Разговор, естественно, шел о массированном германском наступлении. Ладу заметил, что французской армии придется одной выдержать натиск, так как трудно рассчитывать на прибытие английских подкреплений ранее октября. Лучше осведомленный Илер заметил, что англичане вскоре сумеют бросить на поле боя 100 тыс. человек и что уже сейчас во Франции высадилось 15 тыс. солдат. Илер показал другу документ, где по дням отмечалась численность английских частей, высаживавшихся во французских и бельгийских гаванях. Ладу эти цифры показались знакомыми, — конечно, они соответствовали тем, которые содержались в телеграммах лондонского Струкера парижской фирме того же названия — телеграммах, над которыми уже несколько дней ломали голову капитан и его сотрудники!

Однако уведомить обо всем этом Лондон оказалось делом далеко не простым. Чтобы пройти все звенья французской бюрократической машины, у которых надлежало получить визу на передачу сведений, надо было время. Ладу сначала пошел по официальному пути, но его донесения где-то так и осели в досье, не дойдя до места назначения. Пришлось обратиться к частным каналам. Один американец, рекомендованный Ладу, уехал с необходимыми материалами в Англию.

Телеграммы от Струкера в Лондоне внезапно прекратились 25 августа. За французской «фирмой» контрразведка продолжала наблюдать. Пока шли формальности с получением ордеров на арест, все трое служащих парижского отделения Струкера успели исчезнуть. Позже было установлено, что эту роль играли немецкие офицеры. Но уже с 14 августа 1914 г. они получали не подлинные телеграммы из Лондона, а «телеграммы», составленные во Втором бюро. В них сообщалось об отправке очень слабых британских контингентов. Поэтому, когда Первая германская армия под командованием генерала фон Клука, наступавшая на Париж, столкнулась и вступила в бой с английским экспедиционным корпусом, это оказалось для немцев полной неожиданностью. Внезапное появление на фронте небольшой английской армии повлияло на ход военных действий. Но французскую победу на Марне сделало возможным совсем другое — переброска значительных германских сил с Запада на Восточный фронт для отражения русского наступления.

Немцы заранее приняли меры, чтобы иметь подробные сведения о русской армии. Развитию немецкого и отчасти австрийского шпионажа в царской России способствовало несколько благоприятных условий. Во-первых, отсталость русской экономики, большое проникновение в нее германского капитала (а многие немецкие фирмы, пустившие крепкие корни в России, были, как уже указывалось, филиалами разведки). Во-вторых, разложение государственного аппарата царизма, его продажность, выдвижение на главные роли самых растленных и готовых идти на все людей, делавших карьеру на кровавой расправе с революционным движением, на «умиротворении» страны с помощью виселиц, казачьих нагаек и черносотенных погромов. В-третьих, сильное германофильское течение при дворе. Оно концентрировалось вокруг царицы-немки, которая могла вертеть, как хотела, жестоким и тупым деспотом, носившим имя Николая II, императора всероссийского. В-четвертых, засилье немецкого по национальности дворянства в пограничных прибалтийских губерниях России, то влияние, какое имели эти «лифляндские», «курляндские» и «эстляндские» бароны, считавшиеся верной опорой трона, в бюрократических и придворных кругах Петербурга. В-пятых, существование большого числа немецких поселенцев, в частности в юго-западном крае, среди которых шпионские гнезда создавались едва ли не со времени колонизации (во второй половине XIX в.). Часть колонистов даже проходила до войны службу в германской армии. Чтобы обойти закон, запрещавший иностранцам приобретать земли в пограничной полосе, многие немцы имели двойное (германское и русское) подданство.

В первом десятилетии XX в. в царской России действовали более дюжины крупных организаций, созданных немецкой и австрийской разведками. Им удалось узнать весь план подготовки армии цар-

ской России к мировой войне. В строении шпионской сети немцы применяли тот же групповой метод, который определил провал в начале войны их агентурной сети в Англии. Русская контрразведка имела данные о большинстве немецких шпионских групп. Но все же факторы, о которых говорилось выше, помогли немецкой агентуре уйти из-под удара.

Неисчислимыми жертвами, потерей огромных территорий заплатили русские войска за фактически беспрепятственную деятельность большинства высокопоставленных шпионов.

Немецкая разведка забросила значительное число своих разведчиков в тыл русского фронта. Наряду со шпионажем большую роль сыграла расшифровка австрийцами и немцами русского военного кода, что позволило им значительную часть войны свободно читать передававшиеся по радио донесения и приказы царских штабов. Это также было причиной неоправданно тяжелых, поистине кровавых потерь, которые понесла русская армия.

Свою роль сыграли и тайные дипломатические каналы, связывавшие германофильские элементы в бюрократических и придворных сферах Петербурга с Берлином.

МОБИЛИЗАЦИЯ ГОЛУБЕЙ

Война была империалистической. Однако для воздействия на массы правящие классы скрывали свои подлинные цели, кричали об «обороне отечества». Империалисты Антанты уверяли, что ведут «войну, которая покончит с войнами», твердили, что стремятся спасти европейскую культуру от немецкого милитаризма. Империалисты Германии, в свою очередь, распространялись о том, будто защищают «свободу» Европы от царизма, сражаются за то, чтобы европейцы не превратились в колониальных рабов Англии. Буржуазия в своих реакционных целях подогревала идеологию национальных движений ушедшего времени. Так, например, французские империалисты усердно ратовали за «освобождение» Эльзаса и Лотарингии, буржуазия Италии — итальянского меньшинства в Австрии, оправдывая таким образом свое участие в войне, которая велась для усиления национального гнета, для порабощения новых стран и народов.

Германия и ее союзники в ходе войны захватили территорию ряда стран. Империалисты Антанты, сами угнетавшие и грабившие сотни миллионов людей в колониях, пытались, тем не менее, изобра-

жать себя освободителями народов, родина которых была оккупирована немцами. Империалистические разведки со свойственным для них цинизмом широко использовали то обстоятельство, что немало людей стало жертвами этой изощренной пропаганды. Успехи секретной службы Антанты в огромной, часто решающей степени зависели от того, что ей удавалось эксплуатировать в своих интересах ненависть народов малых стран к германским оккупантам.

В годы первой мировой войны огромные ресурсы были предоставлены в распоряжение разведки — от технических новинок и до сторожевых собак; на разведывательную работу мобилизовали и математические кафедры университетов, и легионы почтовых голубей.

Война привела к невиданному росту вооруженных сил. Уже не десятки и даже не сотни тысяч, а миллионы и десятки миллионов солдат сражались друг против друга в армиях Антанты и Германии с ее союзниками. Еще более быстрыми темпами росла численность армий, занятых в тайной войне. Разведки главных воюющих держав разрослись в десятки, иногда в сотни раз. Антанта, по некоторым (впрочем, преувеличенным) сведениям, имела свыше 500 разведывательных бюро в одной Голландии. В Бельгии действовало более 2 тыс. английских агентов. Не было единого центра, который мог бы дать отчет о количестве агентов, работавших на каждый из воюющих блоков. Немцы одно время верили, что где-то имеется карта, на которую нанесены места действий всех шпионов Антанты. Немецкая разведка даже пыталась через одного англичанина добыть эту никогда не существовавшую карту. В целом соотношение сил между разведками соответствовало общему соотношению сил враждебных коалиций. К концу войны, когда Германия стала все более приближаться к поражению, заметно выявилось и превосходство разведывательных служб главных государств Антанты.

По мере расширения той или иной разведки отдельные ее небольшие секции превращались в разветвленные шпионские организации, насаждавшие агентуру в тысячах городов, деревень и железнодорожных станций. По своей структуре эти организации, если речь шла не о войсковой или морской разведке, часто очень походили друг на друга. Во главе небольшой ячейки стоял резидент (он же и «почтовый ящик»). К этому тщательно законспирированному лицу, обычно жителю данной страны или — реже — нейтрального государства, стекалась информация, которую он тем или иным путем передавал особым курьерам — сборщикам полученной «добычи». Нередко самому резиденту поручали вербовку агентов: в его интересах было тщательно проверить собственных людей. Ведь агенты не знали друг друга, всем им был известен лишь резидент, который тем самым подвергался опасности быть схваченным после ареста любого из сво-

их подчиненных. Каждый из агентов имел свой номер или кличку, часто менявшуюся, чтобы сбить с толку противника.

Иногда такая организация становилась двух- или трехступенчатой. Главный резидент был связан с несколькими разведчиками, а те, в свою очередь, служили резидентами и «почтовыми ящиками» для агентов второй ступени и так далее. Однако немалое число разведчиков работали независимо, передавая информацию специально посылаемому к ним разъездному агенту, или же, если они по своей официальной профессии могли это делать, сами доставляли свои сведения «заказчику», обычно где-нибудь в нейтральной стране.

Во время первой мировой войны чрезвычайно расширился круг вопросов, по которым разведки хотели бы получать информацию. К чисто военным прибавилось огромное количество политических, экономических, социально-психологических, технических и других проблем, решение которых было важно для успешного ведения войны. К их числу могли относиться взаимоотношения различных недомств враждебного государства и темпы замены выходившей из строя части вагонного парка железных дорог, морской код и нормы выдачи продуктов по продовольственным карточкам, планы создания нового вида снарядов и настроения населения какой-либо местности, часто очень удаленной от театра военных действий. Порой многие сведения, которые добывали шпионы, нужны были лишь как «материал» для работы других разведчиков (данные о том или ином заводе для того, чтобы новый важный агент мог изобразить опытного мастера этого завода, новые инструкции военной полиции — с целью избежать опасных ловушек, в которые могут попасться шпионы, не зная этих инструкций, и т. п.).

Крайняя пестрота объектов, которые нужно было разведывать, увеличила и многообразие личин, под которыми должны были действовать разведчики. Шпион скрывался под маской человека любой профессии, национальности. Это были люди самого различного возраста. Агентом мог оказаться лощеный аристократ и старый нищий на улице, широко известная артистка и бухгалтер завода, местный врач или заезжий коммивояжер.

Среди агентов было множество любителей торговать гнилым товаром в надежде на то, что его оплатят прежде, чем сумеют проверить. Немало было шпионов-двойников, поставлявших материал обеим воюющим сторонам. Иногда двойники были мнимыми двойниками, т. е. агентами одной из разведок, снабжавшими ложными данными разведку противника. Нередко, впрочем, эта последняя догадывалась, что с ней ведут игру, и продолжала получать фальшивые сведения только с целью понять, во что враги попытаются заставить ее поверить. Некоторые шпионы-двойники «честно» работали на обе стороны. Другие стремились сбыть подложные известия обеим сто-

ронам, причем, поскольку дело касалось одной из «сторон» — Антанты, продать свои сведения нескольким разведкам одновременно (например, французам, англичанам и американцам). Существовала даже своеобразная шпионская «биржа» в нейтральных странах. Французский агент вместо того, чтобы рисковать, добывая нужную ему информацию, просто использовал сведения, которыми располагал о Франции. Эти сведения он передавал немецкому шпиону в обмен на информацию о Германии.

На службу в буржуазную разведку людей привлекали различные мотивы. Иногда националистические чувства и ненависть к оккупантам, желание сделать карьеру, склонность к авантюризму, но чаще всего — деньги, надежда на богатую наживу от занятия, как считалось, прибыльным ремеслом шпиона.

Конечно, разведке приходилось тщательно проверять информацию, исходящую сплошь и рядом из более чем сомнительных источников. Это производилось прежде всего путем сопоставления со всеми имеющимися сведениями по данному и смежным вопросам, полученными самыми различными путями (войсковая наземная, воздушная и морская разведки; дипломатические источники; допрос пленных и дезертиров; просмотр бумаг, найденных на убитых вражеских солдатах; материалы, собранные почтовой цензурой; изучение периодической печати страны-противника, особенно провинциальной; подслушивание телефонных разговоров; перехват и расшифровка радиодонесений и многое другое). К тому же нередко сравнительно маловажное известие, какая-нибудь незначительная мелочь, вставленная в рамку других известий, приобретали большое значение.

Проверка часто усложнялась тем, что порой ложное известие, исходящее от того или иного агента (будь то по его собственному намерению или потому, что он был обманут противником), входило в общую систему дезинформации по определенному вопросу, разработанную вражеской разведкой. Например, целая серия ложных приготовлений к наступлению на одном участке фронта, когда в действительности оно планировалось совсем в другом районе. Немцы на Западном фронте неоднократно использовали для маскировки прогон к месту мнимого будущего наступления пустых воинских эшелонов и грузовых составов. Германское командование полагало, что антантовские шпионы, наблюдавшие за железнодорожными перевозками, обязательно заметят усиленное движение воинских составов и даже подсчитают примерное количество якобы перебрасываемых войск (из простого расчета: один воинский эшелон — один батальон). Рассчитывали, что вражеские лазутчики не сообразят, что эшелоны идут пустыми. В одних случаях этот маневр удавался, в других — его разгадывали с самого начала.

Иногда дезинформация оказывалась настолько удачной, что вво-

дила в заблуждение не только противника, но и собственное командование. Это происходило потому, что почти каждая из стран имела по нескольку соперничавших между собой разведывательных органов.

Значительно разнообразнее стали виды связи, применявшиеся шпионами: шифрованные письма и детские воздушные шары, прифронтовая ветряная мельница, вращение крыльев которой являлось своеобразным кодом, и доставка известий самолетами (тогда еще новинкой военной техники), по-особому вспаханные участки крестьянского поля, снаряд, внутри которого вместо взрывчатых веществ содержалось донесение, или невинные с виду объявления в газетах нейтральных стран и тысячи других аналогичных способов, не похожих друг на друга. Чем более оригинальным, необычным был способ, тем меньше шансов, что его обнаружат. Новые симпатические чернила доставляли германским агентам в Англию, пропитывая этой жидкостью обычную одежду, которую привозил в чемодане специально нанятый курьер — житель нейтральной страны. Сведения пересылали переснятыми на микроскопическую пленку, которая подкладывалась к оборотной стороне почтовой марки, наклеивавшейся на открытку.

Применение получило и радио — другая техническая новинка. Заработали тайные радиопередатчики. В ответ контрразведчики создали целую сеть радиопеленгационных станций для обнаружения этих передатчиков. Особенно прославился во время войны построенный англичанами радиопередатчик в Бар-ле-Дюке. Это был небольшой клочок бельгийской земли, окруженный со всех сторон голландскими владениями. Немцы не могли захватить его, не нарушив голландского нейтралитета. Однако раздосадованные потоком шифрованной информации, передававшейся в эфир радиостанцией, которую можно было видеть невооруженным глазом с территории Бельгии, оккупированной немцами, они сумели нанести удар по противнику. По требованию немцев голландские власти запретили завозить в Бар-ле-Дюк бензин, на котором работала станция. Тогда бензин начали доставлять контрабандным путем. Голландские и бельгийские женщины стали носить бидоны с горючим, пряча их под подолом юбки. Но с германской стороны последовал новый удар: немцы подкупили нескольких работников радиостанции, и те стали передавать ложные сообщения. Ее сведениям перестали доверять.

С помощью радиопередач союзники, узнавшие германские коды, передавали фальшивые приказы немецким подводным лодкам, которые, не ведая, что действуют по указке противника, двигались на верную гибель. В то же время радиопереговоры между торговыми кораблями, на которые были пересажены радисты с английских линкоров, создавали у немцев, перехватывавших эти беседы в эфире, ложное представление о местонахождении британских эскадр.

Огромное увеличение разведывательной службы в собственном смысле этого слова вызвало неменьший рост контрразведки. Вся почтовая и телеграфная корреспонденция, особенно шедшая за рубеж, стала подвергаться тщательной военной цензуре. Так, в Лондоне просматривали письма на 60 языках. Цензорам пришлось разгадывать зашифрованные донесения на 31 языке. Подозрительные письма и газеты стали подвергать химической обработке, чтобы определить, не содержат ли они тайнописи. Эксперты изучали вызывавшие подозрения письма и с другой стороны — не является ли явный безобидный текст шифром, скрывающим шпионское донесение. Под строгий контроль были поставлены границы с нейтральными странами. Прифронтовая полоса была разбита на небольшие участки, за каждым из которых наблюдала специальная группа офицеров контрразведки. Там, где можно было положиться на лояльность гражданского населения, из его среды вербовали людей, которые должны были сообщать контрразведке о всех подозрительных или просто незнакомых лицах. В районах, где военные власти не могли рассчитывать на сотрудничество местных жителей, — особенно на оккупированных территориях — вводились жесткие ограничения для передвижения. Чтобы покинуть свое местожительство даже на короткий срок, жители занятой немцами Бельгии должны были получать специальные пропуска в полиции. Образцы этих пропусков, чтобы затруднить их подделку, часто менялись.

Огромная, громоздкая система полицейской слежки была создана во всех воюющих странах.

Разведки пытались засылать своих людей в контрразведывательные органы врага, хотя и сравнительно редко достигали здесь успеха.

Шпионаж в узком смысле слова дополнялся войсковой разведкой (данные, полученные от траншейных наблюдений, разведки боем, посылки патрулей, артиллерийского наблюдения, воздушной разведки, опроса пленных, дезертиров, местных жителей, захвата почты противника и т. д.), не говоря уже о материалах, которые доставляла цензура, о сведениях, поступавших по дипломатическим и другим каналам. В разведке работали специалисты по прессе, цензуре, секретной связи, переводчики, дешифровальщики, химики, эксперты по множеству различных вопросов.

Для доставки донесений антантовские разведки постоянно прибегали к помощи почтовых голубей. До 1914 г. Бельгия славилась почтовыми голубями. Перед отступлением бельгийская контрразведка приказала уничтожить более 30 тыс. голубей, принадлежавших к наиболее ценным породам, чтобы они не достались немцам. Голуби оказались не только быстрыми, но чрезвычайно надежными порученцами. Бывали случаи, когда смертельно раненные неприятелем пер-

натые курьеры часами ползли по земле и все же успевали добраться до родной голубятни. Не раз торговые и военные суда, торпедированные подводными лодками или по другим причинам терпевшие аварию, посылали с голубями сигнал бедствия и вовремя получали помощь. Окруженный немцами командир форта Во отправил с последним имевшимся у него голубем донесение с просьбой о помощи. Нередко разведчики, пробиравшиеся в тыл врага или прыгавшие с парашютом, первым делом находили надежное укрытие своим голубям. Клетку с крылатыми помощниками обычно привязывали где-нибудь на вершине ветвистого дерева. В этом случае приходилось ночью незаметно взбираться на деревья и приносить пищу голубям. К концу войны одни англичане имели на Западном фронте «штат» в 6 тыс. голубей. Во Франции даже поставили памятник героям голубиной почты и многих из них наградили орденами!

Так как за голубями следили, их пытались... маскировать под других птиц. Англичане подстрелили на Западном фронте голубя, окрашенного под попугая.

Широко использовали для передачи донесений и служебных собак. Немецкая овчарка «Фриц», не раз переносившая шпионские донесения через линию фронта, причинила немало хлопот союзной разведке. «Фрица» надо было поймать живьем. Успеха удалось достигнуть, лишь воспользовавшись услугами суки по кличке «Рози», которую подсадили на пути четвероногого почтальона.

Для заброски шпионов стали широко использовать подводные лодки (особенно в Средиземном море) и самолеты.

Арсенал средств, с помощью которых доставлялись донесения, расширялся с каждым годом. Сотни способов раскрывались контрразведками, но на смену приходили новые. Один немецкий разведчик надрезал брюхо живой рыбы, вкладывал письмо и пускал ее в реку. Рыбу вылавливали около немецких позиций. Другой германский шпион, находившийся во французском городе Бельфоре, применял такой способ. Разведчик садился в поезд, который шел в нейтральную Швейцарию, и занимал отдельный столик в вагоне-ресторане. Пообедав, он сходил с поезда, приближавшегося к границе. На первой швейцарской станции место шпиона за столиком сразу занимал другой разведчик. Во время еды он проливал как бы случайно немного вина на скатерть и, прикрыв это место салфеткой, продолжал есть. Первый шпион писал симпатическими чернилами сообщение. Второй проявлял его вином и, быстро прочитав, ждал, пока появившиеся на скатерти буквы снова не исчезали. Донесения прятали в повязках на ранах, под париками, в пеленках грудных детей, в карандашах, в шнурках башмаков.

Оперную певицу арестовали при переезде франко-швейцарской границы из-за... несоблюдения моды. Чрезмерно накрахмаленная

юбка показалась подозрительной таможенникам. Нв ией, действительно, симпатическими чернилвми было иаписано разведывательиое донесение. Случались и курьезы. Французская цензура задержала письмо, присланное из Голлаидии на имя одной дамы полусвета — белокурой актрисы Евы М. — в ее виллу «Алкивиад». Письмо имело вид шифрованного текстъ, тем более что оно начиналось обращением: «Ваше преосвященство...». На деле это было мудреное письмо ученика одного аббата, участника диких оргий разврата на вилле «Алкивиад». Контрразведки все это не касалось...

Передвча сведений по радио не получила большого развития. При тогдашнем уровне техники очень трудно было держать тайный рвдиопередатчик на террнтории противника. Тем не менее в тылу германских войск на Западном фронте в доме бельгийского священника аббата Пинта был установлен такой передатчик. Иногда линия передачи информации была довольно сложной. Французская контрразведка ломала голову над тем, какнм образом немецкое командование получало сведения о выходе транспортных судов из Марселя. Хотя офицерам сообщали о дате выхода и маршруте только накаиуне отъезда, немцы менее чем через сутки давали по радно соответствующие распоряжения своим подводным лодкам, оперировавшим в Средиземном море. Решили первоначально, что информация доставлялась с помощью шифрованных писем, но расследование выявило малую правдоподобность такого пути. Оставались шифрованные телеграммы, которые имели право посылать своим правительствам только иностранные дипломаты. Было отдано распоряжение задерживать на несколько дней на телеграфе все депеши, поступавшие от иностраиных посольств и коисульств.

Одновремеино было установлено наблюдение за одним из подозрительных консулов в Марселе. Выяснилось, что он регулярно встречается в кафе с каким-то человеком. Слежка за этим последним привела к иностранке, которую застали при разговоре с ним. Было быстро выявлено, что это немецкая шпионка. После ареста она призналась, что получала сведения от одного офицера парохода «Севастополь», являвшегося ее любовником. Как раз незадолго до ареста разведчицы «Севастополь» вышел в море. Пароходу по радио приказали изменить маршрут, но гроза помешала принятию корабельной станцией этого приказа. «Севастополь» был потоплен, не спасся ни один нз 500 человек, паходившихся на его борту.

Приемы разведывательной работы менялись в ходе войны. Воюющие страны далеко не сразу закупорили каналы, через которые была возможна массовая утечка информации. Французский разведчик Лаказ, действовавший осенью 1914 г. на территории, где сходились граиицы Франции, Германии и нейтральной Швейцарии, неожиданно напал на настоящую «золотую жилу». Как ему стало известно, ка-

менщик-итальянец Витторио Каваньетто подрабатывал на жизнь таким оригинальным способом. Он обходил пограничные французские деревни, где было много жителей-эльзасцев, родственники которых служили в немецкой армии, и собирал письма для отправки в Германию. После этого итальянец переходил швейцарскую границу и передавал одному содержателю бара полученную корреспонденцию, которую тот отправлял адресатам. Ту же дорогу, но в обратном направлении, совершали письма германских солдат.

Местные французские власти, действуя на основании приказа, запрещавшего всякие сношения с неприятелем, положили было конец деятельности предприимчивого почтальона. Лаказ решил нарушить приказ: ведь авторы писем из Франции, будучи гражданскими лицами, не могли сообщить особо важной информации, тогда как сумка с первыми 250 письмами от германских солдат содержала чрезвычайно ценные сведения. Все эти письма носили печати и отметки полевой почты, в которых указывался номер дивизии, корпуса и армии. Аккуратные отправители писем, давая обратный адрес, сообщали дополнительные ценные подробности. В этой системе был один недостаток: большинство эльзасцев служили в 14-м германском армейском корпусе, а французская разведка жаждала сведений и о других соединениях. Постепенно положение стало исправляться, так как многие солдаты-эльзасцы после ранения попадали в различные воинские части.

Германская цензура спохватилась лишь летом 1915 г. Номера дивизий и полков, обратные адреса стали появляться все реже, а потом исчезли вовсе. Однако Лаказ к этому времени завел специальную карточку на каждого солдата, переписывавшегося с родственниками. На карточку заносились все добытые о нем сведения — часть, в которой он служил, имена родных и знакомых и так далее. В результате даже открытка, подписанная одним именем без фамилии, но адресованная какой-либо уже внесенной в картотеку семье, была часто достаточной для того, чтобы определить, где в данный момент расположена та или иная германская воинская часть. Секрет «обработки» солдатской корреспонденции, в конечном счете, был разгадан даже местными жителями; письма из Германии окончательно перестали приходить незадолго до начала сражения под Верденом в 1916 г.

Наряду с изменением методов в зависимости от обстоятельств менялась и структура разведывательных организаций. Например, тот же Лаказ, который после ряда столкновений со швейцарскими властями предпочитал находиться постоянно в разъезде, установил своеобразную систему связи со своими резидентами. Заранее устанавливались место и час свидания. А дату встречи резидент узнавал из открытки, которую он получал незадолго до указанного дня и

которая внешне выглядела просто как безобидное письмо от родных. Если же агенту почему-либо надо было спешно передать важные новости, он давал в одной из местных газет заранее согласованное объявление. На следующий день Лаказ мог прочитать объявление и послать открытку, назначая внеочередное свидание. Конечно, к различным агентам Лаказ являлся под различными псевдонимами, что также уменьшало опасность провала.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «БЕЛОЙ ДАМЫ»

Разведывательную сеть в Бельгии обычно организовывали, действуя с голландской территории. В Голландии, хотя и не сразу, главное место среди соперничавших разведок стран Антанты заняла английская разведка (точнее, один из ее отделов, поскольку и внутри разведывательных органов Англии, подчинявшихся первоначально различным ведомствам, царили зависть и конкуренция). Ее фактическим главой был Генри Ландау, впоследствии рассказавший об ее деятельности в своих мемуарах.

Англичане учли опыт провала в 1916 г. организованной ими разведывательной сети, наблюдавшей за немецкими перевозками в Бельгии и северо-восточной Франции, занятых немецкими войсками. Английский агент Франкиньуль построил ее строго централизованно. Все донесения сосредоточивались в одном месте и доставлялись одним путем: их прятали в трамвае, который ежедневно приезжал из Бельгии в голландский город Маастрихт. Долгое время система работала успешно, но в конце концов немецкая полиция напала на след. К тому же агенты Франкиньуля знали друг друга, а он сам не имел способов предупредить своих подчиненных об опасности. В результате немцам удалось одним ударом разгромить эту организацию, ликвидировать более сорока постов наблюдения за поездами и арестовать почти всех людей Франкиньуля. Его попытка воссоздать организацию на тех же основах успеха не имела. Г. Ландау построил новую разведывательную организацию по-иному.

С помощью бельгийцев, бежавших в Голландию, удалось образовать на бельгийской территории значительное число разведывательных ячеек. Начальник каждой из них пересылал собранные донесения в «почтовый ящик» в Антверпене, Льеже и Брюсселе. Отсюда они доставлялись на один из нескольких пунктов переправы через границу. Каждая ячейка имела свой независимый «почтовый ящик»

и пункт переправы. Курьер, перевозивший донесения к границе, не знал никого из членов разведывательной ячейки, кроме самого «почтового ящика». А «почтовый ящик» не знал даже курьеров, привозивших и забиравших у него донесения. Для наблюдения за каждым важным объектом или районом нередко создавались две параллельно действовавшие группы, не подозревавшие о существовании друг друга.

...Еще со средних веков в Восточной и Средней Германии получила распространение легенда о «Белой даме». В Пруссии рассказывали, что некая Доротея, овдовев к сорока годам, удалилась в келью, расположенную недалеко от собора в Мариенвердере, и приказала замуровать вход. Она умерла после четырнадцати лет добровольного затворничества. Монахине приписывали многочисленные чудеса. После ее смерти была послана в 1414 г. просьба папе о причислении Доротеи к лику католических святых. Время было неподходящее. Церковь переживала великий раскол. Пап было разом двое, а то и более. Каждый папа проклинал и отлучал от церкви своих соперников — антипап. Ни одному из них не было досуга рассмотреть ходатайство, пришедшее из далекой Пруссии. После этого среди населения сложилось убеждение, что святая отшельница, обиженная неблагодарностью людей, появляется в белом одеянии, чтобы предвещать им несчастье.

Некоторые немецкие историки отвергают эту версию. По их мнению «Белая дама» — жена так называемого Великого курфюрста Брандербурга. На одной старинной гравюре ее изображают идущей в белом одеянии вслед за гробом мужа, умершего в 1688 г. Однако, по другим известиям, первое появление «Белой дамы» было отмечено в 1486 г. в Плассенбурге близ Байрейта. Наконец, имелись приверженцы еще одной версии, считающие, что легенда о «Белой даме» связана с некоей графиней д'Орламюнд, которая жила в XIV в. где-то около Байрейта. Она убила двух своих детей и покончила самоубийством из-за того, что ее любовник — родственник правившего монарха — отказался жениться на ней.

«Белая дама» якобы снова появилась в Берлине в 1799 г. Она предстала перед солдатом, стоявшим на часах у королевского дворца, в белом одеянии, с жемчужным ожерельем на шее и посохом из слоновой кости в руках. Солдат понял, что перед ним призрак и, пораженный, рассказал об этом странном происшествии. На основе его рассказа была опубликована даже небольшая книжка, украшенная «портретом» «Белой дамы». Было бы напрасно задавать вопрос, откуда издатели получили этот портрет. Однако к их оправданию следует добавить, что через семь лет, в 1806 г., Пруссия была наголову разгромлена Наполеоном.

И уж совсем странно, что «Белую даму» — этот как будто сугу-

бо немецкий призрак — видел Наполеон, когда он останавливался в Байрейте, направляясь в поход против России. Но если не считать этого единовременного расширения обязанностей «Белой дамы», она неизменно появлялась во дворце незадолго до кончины очередного короля из династии Гогенцоллернов. Ее видели в 1840 г. накануне смерти Фридриха-Вильгельма III, в 1861 г. — перед кончиной Фридриха-Вильгельма IV... Короче говоря, при Вильгельме II стали говорить, что очередное появление «Белой дамы» должно будет означать конец династии Гогенцоллернов. Слов нет, политика последнего кайзера — самовлюбленного, помешанного на божественном происхождении своей власти, наглого и в то же время трусливого — создавала достаточно оснований для подобного видоизменения старинной легенды.

Имя «Белой дамы» присвоила крупнейшая из разведывательных организаций, которые действовали в оккупированной Бельгии. Она возникла летом 1916 г. и вначале носила другие наименования («Служба Мишлена» — очевидно, по имени фирмы, выпускавшей автомобильные шины «Б-149»). Одним из основателей организации был инженер Деве — двоюродный брат Дьедонне Ламбрехта, работавшего на английскую разведку, выданного агентом-двойником и казненного немцами. Деве прежде всего рассказал о своих планах профессору физики Шовену, который вместе с ним возглавлял организацию. Первоначально она включала небольшую группу друзей Деве и Шовена. С помощью священника Дез-Онея удалось проверить и привлечь в ряды «Белой дамы» помощников Ламбрехта.

Деве и Шовен оказались отличными руководителями. Они удачно отобрали нужных людей и построили организацию таким образом, чтобы аресты отдельных лиц причиняли ей минимальный ущерб. Курьеры, которые больше всего подвергались опасности ареста, не знали никого из остальных своих коллег, кроме посредника («почтового ящика»), от которого они получали донесения. Была создана даже своя контрразведка! Ее возглавлял родственник Шовена — начальник бельгийской полиции в Льеже Нежан. Благодаря своему официальному положению, он мог с наибольшим эффектом проводить слежку за деятельностью германской тайной полиции в Бельгии — основным противником «Белой дамы».

Оставалось установить связь с союзными разведками, действовавшими в Голландии. Французский разведчик Феши ранее других узнал о намерениях Деве и Шовена и переслал предложение наладить сотрудничество. Но в число людей Феши проникли немецкие шпионы. Они выдали оккупационным властям трех важных французских агентов: Фокено, Крезена и Марию Биркель, о которых речь пойдет ниже. В конечном счете после ряда неудач, в которых были повинны прежде всего антантовские разведки, «Белая дама» связа-

лась с англичанами. Отчасти это было вызвано тем, что только английской военной разведке удалось наладить переправу агентов через бельгийско-голландскую границу, которую немцы закрыли стеной из колючей проволоки, находившейся под током высокого напряжения. Генри Ландау сумел достигнуть этого опять-таки при помощи бельгийца Моро (сына одного из высших чиновников ведомства железных дорог Бельгии, который имел большой круг знакомых среди железнодорожных служащих). Моро («Орам») и набранные им помощники организовали службу тайного перехода через границу, функционировавшую вплоть до конца войны.

Англичане приняли на себя финансирование «Белой дамы», а Г. Ландау, не имея на это никаких полномочий, обещал считать всех ее участников английскими военнослужащими. «Белая дама» была милитаризована — возникли батальоны, роты, взводы. При этом организация по-прежнему строилась таким образом, что можно было легко «изолировать» ту ячейку, в которую проник предатель или которая была каким-либо иным путем раскрыта немецкой тайной полицией.

Главное, чем занималась «Белая дама»,— это повседневное, будничное наблюдение за движением воинских эшелонов. Скромный железнодорожный служащий, из окна своей комнаты пересчитывавший (нередко с помощью жены и детей) проходившие мимо составы, был основным поставщиком самой важной информации. Суммируя данные многих таких агентов, «Белая дама» и английская разведка могли составить представление о дислокации немецких войск, подвозе боеприпасов и тем самым о планах вражеского командования. Самым сложным была транспортировка полученной информации сначала по бельгийской территории, а потом переправка через границу. Немцы ввели строгую систему пропусков, без которых бельгийцам запрещалось покидать местожительство. Нередко успешно начатый рейс прерывался неожиданным окриком «Стой!», обыском в полицейском участке. Обнаружение секретной информации грозило быстрым судом и расстрелом. Поэтому курьеру при аресте прежде всего надо было избавиться от улик — от секретной корреспонденции. Для этого тоненькие листики бумаги засовывали в небольшую металлическую трубку, которую пробовали незаметно выбросить из рукава. Одного курьера — молодую девушку Жюльетту — задержали, и, что хуже всего, ей никак не удавалось под пристальным взглядом германского полицейского освободиться от небольшого свертка, обернутого черным сукном. В нем хранились донесения, и если бы их немцы обнаружили, девушку ждала бы верная смерть. Но Жюльетта не растерялась. В полицейском участке ей удалось незаметным движением засунуть пакет за батарею парового отопления. После этого самый тщательный обыск не дал результатов, и Жюльетте объявили, что

она свободна. При выходе, оставшись на минуту одна, Жюльетта вынула драгоценные бумаги и доставила их по назначению.

Эти донесения через центральную квартиру «Белой дамы», находившуюся в Льеже, и другим путем поступали в «почтовые ящики» на границах.

А далее начинались, всегда связанные с опасностью для жизни, переходы через границу, опутанную проволокой и охраняемую часовыми со сторожевыми собаками. Резиновые перчатки и башмаки защищали от электрического тока. Чтобы обмануть немецких солдат, применялись постоянно менявшиеся хитрости. Не раз донесения перебрасывались местными крестьянами через проволоку в комьях земли. До этого их хранили зарытыми на картофельном поле. Иногда подсовывали под проволоку пустой бочонок с выбитым днищем и пролезали через него, не опасаясь удара тока. Впрочем, немцы не держали все время проволоку под напряжением — не хватало электроэнергии. На проволоке часто можно было видеть трупы людей, убитых током при попытке перейти границу. Немцы запретили убирать мертвые тела, надеясь устрашить население. Когда трупы потрескивали, это означало, что в данный момент через проволоку снова пущен большой силы ток.

Однажды немецкая полиция едва не арестовала руководство «Белой дамы». Полицейских навело на след анонимное письмо, посланное из ревности женщиной, и не подозревавшей о существовании подпольной организации. Получив донос, немецкая полиция решила проверить некоего Реймана, которого так некстати приревновали к его служанке, француженке Марсель. В квартире Реймана не оказалось, соседи сказали, что он, вероятно, находится на «Вилле ласточек», которую сняли у него какие-то неизвестные люди. А там помещался секретариат «Белой дамы». Дубовые двери могли выдержать длительную осаду и, главное, давали время уничтожить компрометирующие бумаги. Но на этот раз не повезло. Немецкие сыщики встретили у входа на виллу курьеров, которые показались им подозрительными. Приставив к виску одного из них револьвер, немцы заставили его попросить открыть дверь... Были захвачены все находившиеся на месте лица, все бумаги, оружие. Арестованные не выдали организацию. Курьер Франшимон заявил, что он был любовником хозяйки виллы Гессельс, а другой курьер клялся, что он, как друг Франшимона, случайно сопровождал его во время прогулки. Остальные арестованные твердили, что только помогали беженцам переходить границу. Братья Луи и Антуан Коллар, которых застали за перепечаткой донесений, уверяли, будто они собрали информацию, чтобы попытаться продать ее в Голландии английской или французской разведке. Военный трибунал присудил к смерти четырех арестованных, включая Гессельс, но ей и еще одному разведчику заменили казнь пожизнен-

ным заключением. Братья Коллар были расстреляны в июле 1918 г. Немцы так и не поняли, что они захватили врасплох секретариат разветвленной разведывательной организации.

Одним из самых эффектных, если не самых значительных, успехов «Белой дамы» было создание разведывательной ячейки... в главной льежской тюрьме Сен-Леонар. Ее организовали два разведчика — Фокено и Крезен.

Оба они были агентами французской разведки и после ряда успешно выполненных заданий бежали в Голландию, где принялись за создание новой разведывательной сети. Однажды они послали в Бельгию с голландским проводником-контрабандистом молодую учительницу Марию Биркель. От девушки долго не было известий (она была арестована немецкой полицией). Потом неожиданно появился некий Бертрам и сообщил, что Биркель назначает Фокено и Крезену свидание на границе у проволочных заграждений. Бертрам внушал подозрение. Тем не менее Фокено и Крезен решились пойти на свидание и попали в ловушку, устроенную Бертрамом по заданию немецкой контрразведки. Ночью 30 июня 1915 г. у границы на бельгийцев неожиданно напали немецкие агенты, оглушили ударами по голове и перетащили их на бельгийскую территорию. Немецкий суд приговорил обоих к смертной казни. Единственным шансом спасения для них было дать знать об обстоятельствах их похищения, произведенного с нарушением голландского нейтралитета. Это они сумели сделать, послав письмо через тюремного повара — заключенного из уголовников; он передал это письмо монахине Мелани, имевшей доступ в тюрьму, а та доставила его голландскому генеральному консулу в Брюсселе. Последовал протест голландского правительства, и смертный приговор был отменен за шесть часов до срока его исполнения.

Через немецкого солдата, поляка по национальности, Фокено и Крезен установили постоянную связь с «Белой дамой». Им помогали находившаяся в той же тюрьме Мария Биркель и другие заключенные. На волю удавалось сообщать об обстоятельствах ареста различных агентов «Белой дамы», которых после задержания немцы, как правило, отправляли в тюрьму Сен-Леонар, о захвате компрометирующих документов. Эти сведения не раз предотвращали раскрытие организации немецкой полицией. «Белая дама» могла инструктировать своих людей, какой тактики им надлежало держаться при аресте. Многим из них это спасало жизнь.

В 1918 г. Крезену и Фокено удалось бежать из тюрьмы. Солдат-поляк открыл им двери камеры, принес крюк и молоток. Беглецы захватили в кладовой простыни и скрутили из них веревки, по которым спустились с высокой тюремной стены на улицу. Там их ждали друзья. Пересаживаясь с трамвая на трамвай, чтобы запутать следы,

Крезен и Фокено вскоре очутились в относительной безопасности на конспиративной квартире. В Сен-Леонаре их исчезновение было обнаружено только через час. Тщетно допрашивали заключенных, которые могли что-то знать о побеге. Фокено в одежде священника надеялся перейти границу. Его случайно задержал в трамвае полицейский агент, заявив, что «слишком много шпионов переодеваются священниками». Фокено бежал и скрывался в Льеже до конца войны. Крезен был арестован на самой границе. Он назвался неким Десме, пытавшимся перебраться в Голландию. Борода и усы, которые он отрастил после побега, изменили его до неузнаваемости. Беглеца посадили в тюрьму в Гасселте. Немецкие власти так и не подозревали, что новый заключенный является тем самым Крезеном.

Последний год войны принес ряд неудач «Белой даме». Еще до полицейского налета на «Виллу ласточек» был арестован Нежан, начальник контрразведки. Немцам стало известно, что его часто посещала одна бельгийка, которая помогла в начале войны бежать нескольким французским военнопленным. Был неожиданно захвачен один курьер, ехавший из Брюсселя в Гент с важными инструкциями. Еще большее значение имел провал на одном из пунктов перехода границы. Переброску информации здесь осуществляли с помощью контрабандистов, одновременно тайно перевозивших продовольствие из Голландии в Бельгию. На эту контрабанду сквозь пальцы смотрел даже местный начальник немецкой пограничной стражи, который получал за это голландские продукты. Поэтому разведчики чувствовали себя здесь в безопасности, и через этот пункт стали переправлять основную массу информации. Тем более неожиданным был арест контрабандистов агентами немецкой тайной полиции.

Немцы были потрясены масштабами информации, которую обнаружили при аресте. Наконец им стало ясно, что действует большая разведывательная организация. В тюрьме при допросе «третьей степени» арестованные контрабандисты назвали имена всех известных им восьми членов местной ячейки «Белой дамы» в Гасселте. Все они были арестованы. Но здесь и сказалась продуманная организационная структура «Белой дамы». Группа агентов в Гасселте была связана с центром только через одного человека — бельгийского полицейского инспектора Сюрлемона. Его за сутки переправили через границу в трюме баржи. Явившиеся на следующий день на квартиру Сюрлемона немецкие полицейские могли лишь арестовать жену и дочь, ничего не подозревавших о разведывательной деятельности.

К концу войны «Белая дама» превратилась в многочисленную организацию. Всего в нее входило 1084 человека, она установила 51 железнодорожный наблюдательный пост. Немцы арестовали 45 членов организации, из них казнено было двое.

«Белая дама» являлась не единственной, хотя и главной, из раз-

ведывательных организаций Антанты в Бельгии во второй половине войны. Она руководствовалась принципом в интересах безопасности не устанавливать никаких контактов с другими организациями. В редких случаях этот принцип нарушался, что иногда приводило к неудачам, к проникновению провокаторов и раскрытию отдельных ячеек.

Успехи английской разведывательной службы в Бельгии основывались прежде всего на поддержке населения, ненавидевшего оккупантов. Любопытно, что англичанам не удалось организовать ни одного поста наблюдения за железнодорожными перевозками на территории самой Германии, где отсутствовал этот фактор — сочувствие со стороны местных жителей.

Наряду с собственно разведкой важным источником информации для союзников в Голландии стал опрос тех германских дезертиров, которые за деньги были готовы сообщить сведения о воинских частях, где они служили. Конечно, немецкая разведка неоднократно подсылала под видом дезертиров своих агентов, сообщавших фальшивые данные. Но провести англичан было уже трудно. На основании опроса десятков тысяч немецких пленных и данных разведки в течение первых лет войны была составлена и постоянно пополнялась «коричневая книга», в которой содержались номера всех полков и дивизий, сведения о командном составе каждой части и множество других сведений. Контролируя по «коричневой книге» показания, можно было быстро определить, насколько они соответствуют действительности.

Однажды к Ландау пришел немецкий дезертир и предложил продать последнее издание секретного справочника германской полевой почты. Немец работал на дюссельдорфской почте, где он и похитил справочник. Это была книга совершенно исключительной ценности для союзного командования. Она была несравненно более подробной, чем составленная с таким трудом «коричневая книга». Немецкий солдат покорно принял за книгу предложенные ему жалкие 100 фунтов, хотя, по признанию Ландау, разведка была готова заплатить за нее буквально любые деньги. Впоследствии этот немец, по фамилии Флейшер, был завербован на службу в английскую разведку, которая сумела сыграть на его ненависти к кайзеру и германской милитаристской клике. Флейшер съездил по поддельным документам в Германию и вернулся с важными сведениями о формировании новых полков и об экономическом положении страны. Тогда ему поручили новое опасное задание — организовать пост наблюдения в Трире. Из новой поездки Флейшер не вернулся: может быть, он был схвачен, а еще более вероятно, что он решил не рисковать жизнью ради новых хозяев, которых успел хорошо разглядеть.

БИТВА ЗА СЕКРЕТЫ

На Ипре во Фландрии 22 апреля 1915 г. германские войска впервые применили отравляющие вещества. Немцы выпускали газ из баллонов, когда благоприятный ветер должен был потянуть роковое облако ко вражеским окопам. Вначале применение газов привело к большим успехам. Но однажды ветер резко изменился, и газами оказались отравленными германские солдаты. Немцы стали лихорадочно искать другие формы использования ядовитых газов. Французский шпион Шарль Лузито убедился в этом, когда установил, что Баденская анилиновая фабрика в Мангейме, производившая газы, продолжала работать с полной нагрузкой. Но как было проникнуть в намерения врага? Лузито заметил, что цистерны с газом доставляются на военные заводы Круппа в Эссене. Разведчик, с большим риском для себя, стал бывать в пивных барах, куда заходили рабочие с этих заводов, и прислушивался к разговорам. В беседе с полицейским, охранявшим завод, разведчик пессимистически оценил шансы Германии на выигрыш войны. В ответ охранник сказал, что подготовляется новое оружие, которое изменит ход военных действий в пользу Германии, — снаряды, наполненные газом.

Явное недоверие, выраженное Лузито, раздражило полицейского. Было заключено пари на значительную сумму. Вскоре немец привел своего друга в укромное местечко близ полигона, где должны были производиться испытания новых снарядов. Из этого укрытия Лузито мог наблюдать за стрельбами, происходившими в присутствии самого кайзера. Снаряды с газом были выпущены в овечье стадо, которое паслось на лугу. Результаты были очевидны. Газ не только удушил животных, но и буквально выжег всю растительность.

Сам Лузито был убежден всем тем, что он видел собственными глазами. Но как было убедить недоверчивое начальство в Париже? Разведчик попросил своего друга — полицейского оставить ему на память об их пари осколок снаряда. Торжествующий полицейский, который доказал свою правоту и положил в карман крупный выигрыш, немедля, как только кайзер и его окружение покинули полигон, великодушно подарил Лузито желанный сувенир. Через три дня этот осколок находился в Париже, и, прежде чем немцы успели накопить большое количество новых снарядов, французы и англичане снабдили свои войска противогазами и сами также стали производить снаряды этого типа.

Англичанам, напротив, удалось сохранить тайну танков,— идея создания которых была выдвинута еще в 1914 г., но осуществлялась

с большой медлительностью. Чтобы правдоподобно объяснить назначение странных машин, перевозившихся завернутыми в брезент по железным дорогам, предлагали разные маскировочные наименования — цистерны, резервуары, баки. Остановились на последнем, и бак (по-английски «танк») стал названием нового грозного орудия войны.

Первое применение танков 15 сентября 1916 г. вызвало страшную панику у немцев. Когда бежавший из окопов солдат был доставлен к генералу и доложил, что «оно» движется без колес, тот счел своего подчиненного помешавшимся от страха. Что это за чепуха — машина, двигающаяся без колес? Массовая атака танков в августе 1918 г. привела к широкому прорыву линии германских укреплений.

Большим успехом австрийской и германской разведок было обеспечение неожиданности во время сражения при Капоретто в октябре 1917 г. Союзные разведки, правда, получали немало прямых или косвенных указаний о намерении немцев и австрийцев начать наступление на одном из участков итальянского фронта. Однажды на «ничьей земле» между немецкими и британскими окопами во Франции английский сержант подобрал открытку, недавно оброненную немецким солдатом. В ней какой-то Генрих писал, что его часть находится на отдыхе в Австрии. По номеру полевой почты, указанному на открытке, англичане определили, что речь идет о немецком альпийском корпусе, одной из ударных частей германской армии. Сообщения американской разведки из Швейцарии подтверждали, что немцы готовят удар на итальянском фронте.

Все же итальянское командование было застигнуто врасплох развернувшимся 24 октября германо-австрийским наступлением. До его начала на итальянские окопы были сброшены кипы фальшивых, отпечатанных в Австрии номеров наиболее читаемых газет Северной Италии. В них сообщалось о столкновениях населения с полицией, о расстрелах демонстраций, публиковались списки убитых и раненых во время подавления волнений. Для придания достоверного вида всем этим сообщениям австрийская разведка собрала массу мелких сведений (подлинные фамилии жителей определенных итальянских городов, занимаемые ими должности на службе и т. п.). Поэтому сомнений в подлинности газет ни у кого не возникло, и они серьезно подорвали дух итальянской армии, особенно солдат из Северной Италии — пьемонтцев, из которых состояли наиболее боеспособные части. Итальянские потери в битве при Капоретто достигали 800 тыс. человек, половина из которых приходилась на пленных. Полный развал итальянского фронта Антанте удалось предотвратить лишь спешной переброской в Северную Италию французских и английских дивизий.

Разведка шла рука об руку с диверсией.

К числу наиболее важных диверсий времен войны — если это бы-

ла диверсия — следует отиести поджог цеппелинов на Альхорнском аэродроме. Цеппелины имела только Германия, и они казались грозным оружием при тогдашнем уровне развития авиации. Ведь цеппелины могли в то время летать значительно выше, чем самолеты, были практически вне досягаемости зенитной артиллерии.

Альхорнский аэродром, построенный в начале 1917 г., был оборудован по последнему слову техники. В ангарах, каждый из которых мог вмещать по два цеппелина, были предусмотрены все мыслимые предосторожности против огня. Опасность пожара, однако, нельзя было вовсе ликвидировать, поскольку цеппелины наполнялись легковоспламеняемым водородом, и было невозможно избежать небольшой утечки газа.

В начале января 1918 г. на Альхорнском аэродроме шли последние приготовления к какой-то важной операции. Цеппелины должны были действовать совместно с главными силами германского флота, который намеревался сделать новую попытку прорвать петлю английской блокады. Ранним утром 5 января в ангаре № 1 вспыхнуло пламя, охватившее все здание. Почти одновременно начались взрывы и пожары в других ангарах. Менее чем за минуту были уничтожены четыре ангара и пять находившихся в них цеппелинов новейшей конструкции. В результате этих потерь была сорвана операция германского флота открытого моря и нанесен сильнейший не только материальный, но и моральный удар немецкому дирижаблестроению. Виновники катастрофы, несмотря на самое тщательное расследование, не были обнаружены.

Во всяком случае, нет сомнения, что агентам Антанты удалось проникнуть на базы цеппелинов. Последующие успешные воздушные налеты на эти базы были следствием информации, полученной от разведки. Так, в июле 1918 г. были разрушены в результате сильной бомбардировки ангары цеппелинов в Тондерне. В октябре 1918 г. была предпринята попытка взорвать базу цеппелинов в Виттмюндгафене, но подложенные в ангары бомбы были обнаружены охраной аэродрома.

Функции разведки и контрразведки каждой из воюющих стран нередко перекрещивались. Особенно часто это происходило, когда разведчики и контрразведчики действовали на территории нейтральных стран, особенно Швейцарии, Голландии и Испании. Каждая из сторон пыталась засылать своих агентов в разведывательную сеть другой, которая, естественно, стремилась выявить шпионов противника и «двойников». Вербовщики всегда должны были опасаться наткнуться на одного из агентов противника (не говоря уже о том, что конкурировавшие между собой антантовские разведки часто пытались перекупить агентов, завербованных соперниками).

ЖАВОРОНОК КАПИТАНА ЛАДУ

Одним из наиболее ловких французских шпионов-двойников была Марта Рише — красивая 20-летняя женщина, муж которой погиб на фронте в первый год войны и которая тщетно пыталась поступить в военную авиацию. С нею познакомился начальник французской военной контрразведки капитан Ладу и убедил пойти к нему на службу. Кажется, впрочем, вначале Ладу не очень доверял своей новой подчиненной: в обстановке шпиономании, царившей тогда во Франции, Марта возбудила подозрения одного из своих друзей. Он знал об ее знакомстве с журналистами, за которыми было установлено наблюдение.

Первое выступление Рише в роли разведчицы окончилось полной неудачей. Ее послали в Швецию в надежде, что там она сможет завербоваться на немецкую службу, однако германская разведка сразу же заподозрила в молодой француженке агента Второго бюро, и Марте пришлось (после ряда опасных приключений) спешно покинуть Швецию и вернуться в Париж.

Капитана Ладу не смутила первая неудача. Летом 1916 г. Марта Рише направилась на модный испанский курорт Сан-Себастьян, где богатые туристы из воевавших стран весело прожигали жизнь. Она приняла свою девичью, по-немецки звучащую фамилию Бетенфельд. В Испании находился в то время крупный немецкий разведывательный центр, который возглавлялся помимо посла военным атташе фон Калле и военно-морским атташе фон Кроном.

Немцы установили строгую иерархию среди своих тайных агентов. Вслед за руководителями центра шли сплошь немцы, как штатские, так и офицеры армии и флота, действительной службы или запаса, которых война застала в Испании. Следующим звеном являлись агенты-вербовщики («секретари»). Главную массу агентов составляли «осведомители», состоявшие, как правило, из испанцев. Немцы им не доверяли и даже, более того, считали, что значительная часть «осведомителей» работала на обе стороны. Кроме этой иерархии агентов были шпионы, не включенные в нее и получавшие время от времени специальные задания. Следует добавить, что по мере ухудшения военного положения Германии информация «осведомителей» становилась все более тенденциозной — они представляли события в угодном для их нанимателей духе. В одном сообщении о результатах воздушного налета на Париж весной 1918 г. говорилось, что в городе насчитывалось 600 убитых и миллион(!) раненых. Помимо шпионажа немецкий разведывательный центр был занят организацией различных диверсий, в частности, поскольку дело шло о Франции, отравлением

съестных припасов, заражением скота, разрушением гидростанций, взрывом военных заводов.

С германским разведывательным центром вела упорную борьбу английская агентура. Английские прогулочные яхты часто являлись наблюдательными пунктами, с которых британские разведчики следили за прибытием немецких подводных лодок в Испанию для пополнения запасов горючего. Англичане подкупили главаря контрабандистов в южиой Испании, чтобы его люди также наблюдали за прибытием и отплытием подводных лодок. Немцы попытались переманить нужного человека. Для этой цели была даже откомандирована одна смазливая девица из Гамбурга. Английский полковник Тортон очень нервничал, наблюдая за быстрым развитием романа между контрабандистом и немецкой обольстительницей. В конечном счете все окончилось благополучно — для англичан. Девица спутала все карты немецких властей. Ей показались недостаточными 10 тысяч песет, подаренных ей влюбленным контрабандистом. Испанец вернулся из Мадрида с царапинами на носу и ярым англофилом...

Все же англичанам не удалось проникнуть в немецкий разведывательный центр. Эта задача была поставлена перед Мартой Рише.

В казино города Сан-Себастьян за Мартой стал ухаживать немец, который при случайной встрече познакомил ее с германским морским офицером, назвавшимся Стефаном. Узнав, что француженка испытывает нужду в деньгах, Стефан при следующей встрече предложил ей работать на немцев. Марта согласилась, дав ясно понять, что она ожидает хорошей оплаты, и потребовала свидания с начальником Стефана.

Встреча состоялась рано утром на пляже. Высокий худой немец в темных очках, встретивший Марту, усадил ее в роскошный «Мерседес», который быстро помчался по незнакомым улицам. Немец вручил Марте конверт с 3 тыс. песет и список вопросов, касавшихся противовоздушной обороны Парижа и морального состояния населения французской столицы. Марте было вручено также специальное перо с серебристо-черными шариками. При растворении их в воде получались симпатические чернила — колларгол, — только недавно изобретенные немецкими химиками. Получив адрес в Мадриде, куда следовало направлять добытые сведения, Марта простилась со своим спутником.

Капитан Ладу мог быть доволен. Высокий худой немец был бароном фон Кроном, военно-морским атташе в Мадриде и племянником одного из светил немецкого генерального штаба — генерала Людендорфа. Вернувшись из Парижа в Испанию, Марта уже на пограничной станции в Ируне встретила фон Крона. Выяснилось, что письмо, которое от имени Марты должен был послать Ладу, почему-то не прибыло по назначению: одни из необъяснимых промахов фран-

цузской разведки. Но фон Крои ие придал этому особого значения. Ведь, хотя с запозданием, он получил от Марты, как ему казалось, полезную информацию. К тому же 50-летний барон оказался увлеченным своей молодой сотрудницей, которая стала его любовницей.

По поручению Крона Марта снова уехала в Париж. Капитан Ладу не мог ей сообщить ничего вразумительного относительно пропавшего (или вообще неотправленного) письма.

В удобной квартире на улице Баркильо в Мадриде, которую снял фои Крон для Рише, морской атташе даже стал принимать своих агентов. Вместе с бароном Марта отправилась иа юг Испании, в Кадис. Немцы пытались завязать связи с вождями марокканских племен, используя их ненависть против французских колонизаторов. Марта сумела подслушать из соседней комнаты через окно обрывки разговора фон Крона с каким-то незнакомым человеком. Она услышала, как он по-немецки сообщил точное место в испанских водах, где шесть лодок будут ждать транспорта. Большего ей не удалось услышать: фон Крон захлопнул окно. Марта немедленно написала открытку в Париж, сообщая добытые важные сведения. Дальше ей повезло еще больше. Фон Крон решил послать Марту в Танжер с инструкциями для германской агентуры. Он передал ей, на первый взгляд, нераскрытую коробку почтовой бумаги. Однако добрая половина листов, как предупредил Марту барон, содержала текст, написанный симпатическими чернилами. Для поездки в Танжер требовались французская и английская визы. Сравнительно легко получив визу во французском посольстве, Марта рискнула и прямо пошла к английскому консулу в Мадриде, сообщив, кто она и с какой целью отправляется в Танжер, а также подслушанные сведения о подводных лодках. Консул дал визу. В Танжере носильщик, который принес вещи Марты в номер отеля, произнес условный пароль «С-32» (под этим номером Рише значилась в списке агентов фон Крона). Получив коробку с почтовой бумагой, мнимый носильщик назначил на следующий день Марте свидание в портовой таможне. Но он не явился. Принятые англичанами меры не дали возможности немцам доставить оружие в Марокко.

К этому времени фон Крон не только находился под влиянием своей красивой подчиненной, но и щедро тратил на нее казенные деньги, выдавая без всякого основания «премии» и «наградные». В Париж потекла ценная информация.

Через некоторое время фон Крон поручил Марте важную миссию: поездку через океан в Аргентину с инструкциями тамошним германским агентам и, главное, с двумя термосами, в которых находились сельскохозяйственные вредители — долгоносики. Германская разведка надеялась заразить долгоносиками пшеницу, отправлявшуюся из Аргентины в страны Антанты. На пароходе, наконец, Марта

встретила помощника, присланного из Парижа, — лейтенанта Мари. Французские разведчики действовали решительно: сначала они утопили долгоносиков, а потом просушили их и смешали с пшеницей, которую Марта везла для прокорма прожорливых вредителей. Листки с инструкциями немецким агентам были отправлены в Париж. Взамен Рише написала колларголом какой-то ничего не значащий текст и окунула бумагу в морскую воду. Прибыв в Буэнос-Айрес, она передала германскому морскому атташе Мюллеру термосы с обезвреженными долгоносиками и бумаги, которые, как предупредила Марта, вымокли, когда вода залила ее каюту через иллюминатор. Разумеется, немцы не могли прочесть вымокший текст и не знали, что делать с переданными им термосами.

Многие предложения Марты Рише не были одобрены Вторым бюро, занимавшим непонятно пассивную позицию во всей этой истории. А потом планы Рише были нарушены автомобильной катастрофой. У Марты была сломана нога, осколками стекла ранена голова, у ехавшего с ней фон Крона было изрезано все лицо.

В это время у Рише зародился план, который должен был завершить ее работу агента-двойника. Однажды она потревожила Крона во время строго соблюдавшегося им дневного отдыха и попросила денег. Не желая вставать, он дал ей ключ и назвал комбинацию от его сейфа. Марта надеялась похитить списки немецкой агентуры в Испании. В Сан-Себастьяне, куда Марта приехала с фон Кроном, она познакомилась с французом-дезертиром, которого она надеялась использовать в своих целях. Барону Марта сказала, что собирается привлечь этого француза на немецкую службу. Однако вышло иначе. «Друзья» этого француза, которым он представил Марту и которые ее пригласили покататься на лодке, оказались агентами немецкого посла или фон Калле. Разведчицу спасло от гибели самообладание. Поняв, какая опасность ей угрожает, она опрокинула лодку и, хотя еще не вполне оправилась от ранения, сумела добраться до берега: местный доктор оказал ей первую помощь, и Марту, по ее просьбе, доставили в отель «Континенталь», принадлежавший француженке. Немцам туда вход был закрыт. Марта позвонила по телефону барону, сообщив, что она должна несколько дней пробыть в отеле, после того как во время плавания поранила о скалы плечо. Барон сообщил ей, что должен уехать. Марта ответила, что она воспользуется его отсутствием, чтобы навестить друзей, — и отправилась в Париж.

Марта подробно изложила капитану Ладу свой план ограбления сейфа фон Крона. Для этого ей нужны были лишь снотворное средство и помощник, который дожидался бы в условленное время под окнами барона, чтобы принять содержимое сейфа. Но Ладу отнекивался, считая этот план слишком опасным. Только после долгих уговоров капитан, видимо, сдался и на другой день передал Марте не-

сколько пакетиков со снотворным. Марта рассказала одному из своих друзей, также работавшему в разведке, о полученных ею порошках. Он спокойно высыпал содержимое двух пакетов в бокал с пивом и выпил его. Пакетики содержали совершенно безвредную смесь.

Избегнув по дороге слежки со стороны агентов фон Калле, Марта снова приехала в Сан-Себастьян, а потом после ряда задержек, вызванных, как ни странно, французским консульством, в Мадрид. Вскоре Рише назначил свидание приехавший в испанскую столицу новый французский начальник разведки. Он даже не знал конспиративного имени Рише — «жаворонок»!

Марта решила, что надо кончать. Она прямо в лицо сообщила ошеломленному фон Крону о своей службе во французской разведке. Барона хватило только на неудачную попытку с помощью испанского полицейского арестовать Марту по обвинению в шантаже. Но было уже поздно. Марта связалась с германским послом князем Ратибором. Приняв вид оскорбленной женщины и выложив ему пачку любовных писем фон Крона, адресованных ей, француженка назвала комбинацию сейфа военно-морского атташе! Посол был убежден, что французам известна вся шпионская сеть, созданная фон Кроном. Вскоре его отозвали из Испании.

В Париже Марту принял полковник Губэ, пытавшийся отчитать ее за самовольное оставление поста. Она уже не застала там капитана Ладу, арестованного по доносу одного из своих подчиненных — Ленуара, в действительности германского агента. Лишь значительно позднее Ленуар был разоблачен и казнен. Ладу был оправдан судом уже после окончания войны. Он описал в специальной книге историю Марты Рише, которая и сама после награждения ее орденом в 1933 г. выступила в печати со своими известными воспоминаниями. Но ряд моментов в приключениях «жаворонка» Второго бюро и немецкого агента «С-32» так и остался невыясненным.

С французской разведкой творились в это время (в 1916—1917 гг.) поистине странные вещи.

Когда осенью 1917 г. к власти пришло правительство Клемансо, оно провозгласило во имя доведения войны до победного конца решительную чистку от «предателей». Однако под эту категорию подводились преимущественно революционно настроенные рабочие и солдаты, а также некоторые буржуазные политики пацифистского толка. Усилились цензурные и полицейские строгости, контроль на границах с нейтральными странами. Но эта «чистка», видимо, не коснулась тех влиятельных сил, которые так часто путали карты многих французских разведчиков.

...В Швейцарию дезертировал эльзасец Доминик Шуттер, служивший вестовым Рейнинга, начальника германской полиции в Лоррахе, в Баварии. Швейцарский полицейский комиссар, по просьбе

Рейнинга, всяческими правдами и неправдами пытался принудить его вернуться в Германию, но безуспешно. Шуттера не образумил даже карцер — первое, с чем он познакомился в «свободной» Швейцарии. Немецкому агенту в форме швейцарского полицейского пришлось в конце концов отпустить солдата, обязав его каждый день три раза являться для регистрации в полицию.

На Шуттера сразу же обратила внимание и французская разведка, тем более что его двоюродный брат уже являлся одним из ее агентов. Шуттер сообщил приметы более чем 20 германских шпионов. Но в разговоре с Шуттером представитель французской разведки Лаказ узнал еще более важную новость: приятель Шуттера, работавший шофером, был готов дезертировать и за 30 тыс. марок привезти фотографии и личные карточки примерно 200 германских агентов, находившихся во Франции и Германии. Предложение было более чем заманчивое, тем не менее в Париже, получив его, некоторое время вообще молчали. А после повторных настойчивых запросов последовал странный ответ: французским агентам предписывалось договориться с шофером не о похищении картотеки, а о... взрыве виллы, где она находилась. Была даже — на этот раз быстро — доставлена адская машина, которую следовало передать немцу. Однако тот вначале вообще отказался от сделанного ему предложения, а потом согласился, но без особой охоты.

В конечном счете все предприятие сорвалось: кажется, адскую машину шофер предпочел просто бросить в Рейн (по крайней мере, после окончания войны неподалеку от места происшествия были выловлены из воды взрывчатые вещества). Кто-то в Париже был, видимо, доволен... Более того. Доминика Шуттера одели в мундир французского пехотинца и поручили опознавать пересекавших франко-швейцарскую границу германских агентов. Несколько лиц было опознано им, но ни одно из них так и не было арестовано французскими властями. Зато самого Доминика Шуттера поспешили изолировать от знавших его французских разведчиков и интернировали в лагерь для гражданских лиц. Причины всех этих непонятных действий так и остались тайной.

Не лишена интереса и дальнейшая жизнь капитана Ладу, которого полностью реабилитировали, наградили орденом и произвели в чин майора. Выйдя в отставку, Ладу написал несколько книг о борьбе разведок в годы первой мировой войны. В этих книгах как будто не было ничего такого, что задевало бы влиятельных лиц. А умер Ладу в 1933 г., еще до того, как вовсю развернулась «мюнхенская политика» умиротворения гитлеризма, и люди, пусть самых консервативных взглядов, но сохранявшие традиционную враждебность к Германии, пришлись не ко двору «могильщикам Франции», будущим коллаборационистам. И тем не менее нельзя не сказать, что смерть Ладу

произошла при обстоятельствах, наводящих на сильные подозрения. Вот что рассказывала об этом его жена.

В феврале 1933 г., т. е. вскоре после захвата гитлеровцами власти в Германии, майор получил письмо от берлинского корреспондента одной французской газеты. Французский журналист беседовал с знаменитой немецкой разведчицей, «фрау доктор» (о ней еще придется рассказывать). Она в те годы оставалась полулегендарной фигурой. Ладу не раз писал о ней, и немка выразила желание повидаться со своим «старым противником» и рассказать ему, что́ в полученной им информации было правдой, а что́ вымыслом. Теперь ведь все это стало историей, их никогда не разделяла личная вражда, и уже не было смысла скрывать истину. Ладу знал многое о «фрау доктор» и, конечно, не верил многим выдумкам. Но он с настороженностью отнесся к предложению фрау встретиться в Цюрихе во время предстоящих пасхальных каникул и вспомнить былое.

Ладу связался с одним из своих прежних начальников, продолжавшим играть видную роль во французской разведке. Он тоже счел приглашение ловушкой и поручил одному из своих агентов Германии разведать, что скрывается за интересом, проявленным «фрау доктор» к Ладу.

Агент встретился с французским журналистом, через которого было передано приглашение, и тот сразу же выразил сожаление, что неосторожно вмешался в это дело. Как ему стало известно, «фрау доктор» отнюдь не порвала с секретной службой. По его сведениям, «фрау доктор» — доверенное лицо Людендорфа — была нацисткой еще со времен «пивного путча» 1923 г. и немилость, в которую она якобы впала, была лишь комедией, прикрывавшей ее возвращение к активной деятельности в германской разведке. (Между прочим, этот французский корреспондент, молодой журналист и писатель, вскоре скончался при странных обстоятельствах, так до конца и оставшихся невыясненными.) Ладу уклонился от принятия приглашения.

Через две недели, в начале марта 1933 г., Ладу, находясь в Ницце, получил пакет с двумя фотографиями «фрау доктор»: одну — времен первой мировой войны, другую — снятую в самое последнее время. Показывая фотографии жене, он сказал, что нашел этот пакет в ящике для писем примерно в три часа дня, хотя в это время обычно почту не разносили. Кроме того, на конверте не было почтового штемпеля, На фото имелись какие-то надписи, которые Ладу пытался с лупой в руке разобрать и расшифровать.

Через несколько дней он заболел. Сначала предполагали простой грипп, но болезнь не отступала. В разговорах с врачом, старым другом семьи, Ладу признался, что считает себя отравленным по приказанию «фрау доктор», и повторил это в записке, адресованной еще одному из друзей. Майора перевезли в больницу. У него оказалось какое-

то серьезное инфекционное заболевание, нужна была операция, а он уже слишком ослабел, чтобы ее успешно перенести. 20 апреля Ладу умер. Его вдова передала полученные фотографии одному из знакомых, занимавшему видный пост в префектуре парижской полиции. Тот обещал отправить фотографии на исследование специалистам, но, по-видимому, в это время в парижской полиции (добавим от себя, кишевшей профашистами и фашистами) повеяло другими ветрами. После настойчивых напоминаний мадам Ладу ей лишь выслали переснятые фото «фрау доктор» с разъяснением, что оригиналы переданы в архив.

Мадам Ладу пыталась издать воспоминания мужа, — эта попытка, однако, тоже встретила прохладный прием у издателей, обычно жадных на сенсации. Один литератор, рекомендованный ей, чтобы отредактировать мемуары, которые не успел обработать сам майор, сначала рьяно взялся за дело, но вскоре вернул мадам Ладу обратно переданные ему материалы. Но не все. Не хватало какого-то очень важного отчета из Голландии, посланного помощником Ладу. Литератор объяснил, что он совершенно не понимает, каким образом произошла пропажа документа.

Что можно сказать об этом рассказе? На основе того, что нам известно, бросаются в глаза неточности. «Фрау доктор», как мы убедимся, не возвратилась на службу в немецкую разведку и «немилость» со стороны нацистских властей, очевидно, не была мнимой. Но эта немилость пришла позже, после «ночи длинных ножей» в июне 1934 г. Германская разведка поэтому вполне могла воспользоваться именем «фрау доктор», начиная свою игру с Ладу. Но были ли у нацистов для этого серьезные основания? Вряд ли речь могла здесь идти просто о мести, — у немецкой разведки имелось много других объектов для мщения и помимо отставного офицера Второго бюро.

Основание могло быть только в одном случае — если Ладу знал что-то важное о германских агентах, которые оставались неразоблаченными в годы первой мировой войны и которых гитлеровская разведка пыталась пустить снова в дело. Обстоятельства, связанные с похищением документа, наводят как будто на эту мысль. Но не было ли оно в значительной степени плодом воображения или, вернее, попыткой издателей «мемуаров» создать побольше шума вокруг книги? Не очень правдоподобно, чтобы Ладу имел какие-то материалы, неизвестные другим руководителям Второго бюро, и чтобы немцы знали о нахождении этих документов в руках Ладу. Впрочем, во французском Втором бюро в годы накануне второй мировой войны происходило много подозрительных дел, и истории, казавшиеся явным вымыслом, оказывались горькой правдой. Как бы то ни было, а обстоятельства смерти майора Ладу все еще принадлежат к числу многих, неразгаданных загадок секретной войны.

ПОТЕРЯННОГО НЕ ВЕРНЕШЬ

Немецкая разведка всю войну прилагала отчаянные усилия, чтобы восстановить свою разведывательную организацию, которая была одним ударом разгромлена англичанами в августе 1914 г. Но добраться до военных секретов коварного Альбиона оказалось трудным делом.

В первые месяцы 1915 г. английская почтовая цензура перехватила несколько писем, адресованных фирме «Диркс и К°» в голландском городе Роттердаме. Английская контрразведка еще ранее установила, что под маской этой голландской фирмы скрывается «почтовый ящик», в задачу которого входила пересылка шпионских донесений в Германию. Внешне письма были невинного содержания, однако невидимыми чернилами в них сообщались некоторые сведения, заставлявшие предполагать, что автор их близок к овладению важными военными секретами. Письма опускались в разные почтовые ящики, так что не было возможности определить местожительство их отправителя.

Английская контрразведка решила подменять письма, посылавшиеся на адрес «Диркса и К°», снабжая немцев фальшивой информацией. Но как было обнаружить самого шпиона? В письмах он непрерывно требовал денег, — возникла надежда, что его удастся поймать, когда ему будет заплачено за собранные им сведения. Однако шпион был обнаружен еще до этого времени. В очередном письме, на марке которого стоял штемпель почтового отделения города Дептфорда, сообщалось, что «Ц» уехал в Ньюкасл и предлагалось сообщить о «201». Что означало это число? Кто-то высказал предположение, что это номер дома, где находится «почтовый ящик» шпиона. Запрос в Дептфорд позволил установить, что здание под номером 201 имеется только на улице Хай-стрит. В нем была расположена булочная, владельцем которой был натурализовавшийся в Англии немец Петер Ган. При обыске у него нашли в потушенной печи для хлеба коробку со всеми материалами для тайнописи и конверты, схожие с теми, в которых отправлялись письма к «Дирксу и К°».

Ган отказался объяснить происхождение этой коробки и заявил, что ему ничего неизвестно о «Ц» и «201». Не больше могла сообщить полиции и жена Гана, явно не посвященная в секреты своего мужа. Зато опрос соседей сразу дал важные результаты. Выяснилось, что Ган, разорившийся в 1913 г., вскоре снова открыл пекарню, хотя никому не удалось узнать, откуда он добыл деньги. Это подтверждало причастность Гана к шпионажу, впрочем, и без того уже ясную. Важнее были показания одной, жившей поблизости, женщины, что к Гану

часто заходил высокий, хорошо одетый иностранец, кажется, по фамилии Миллер. Начались поиски по гостиницам этого иностранца В одном из пансионатов, как выяснилось, проживал русский подданный Карл Фридрих Миллер. Хозяйка пансионата сообщила, что ее постоялец уехал в Ньюкасл. Это вполне совпадало с сообщением в письме о поездке в этот город таинственного «Ц». Ньюкаслская полиция быстро нашла и арестовала Миллера, который был доставлен в Лондон. В его вещах было обнаружено неотправленное письмо к «Дирксу и К°».

Миллер, вначале отрицавший свое знакомство с Ганом, вскоре во всем сознался. Этот 50-летний немец из Латвии собирал информацию через женщин, за которыми ухаживал, и мужчин, которым обещал участие в выгодных делах. Миллер был расстрелян, Ган получил семь лет каторжной тюрьмы. Однако сообщение о казни Миллера в лондонском Тауэре не появилось в английских газетах. В течение трех месяцев после расстрела шпиона английская контрразведка продолжала от его имени снабжать немцев фальшивой информацией и получать даже за это солидную плату от фирмы «Диркс и К°». Только после того, как сестра Миллера, жившая в Бельгии, узнала о смерти брата, известие об этом дошло и до немецкой разведки.

Другой попыткой восполнить провал германской шпионской сети в начале войны была посылка в Англию офицера запаса Карла Лоди. Он работал гидом на пароходной линии, связывавшей Германию с атлантическими портами США, и бегло говорил по-английски. Но Лоди не был опытным разведчиком. Прибыв в Англию с американским паспортом, он стал действовать почти открыто. Первая же его телеграмма в Швецию, написанная по-немецки, возбудила подозрения, и с тех пор с него не спускали глаз во время его поездки по портовым городам и местам сосредоточения войск. После того как намерения Лоди были полностью выяснены, он был арестован в Ирландии, доставлен в Лондон и в ноябре 1915 г. казнен в Тауэре. (В первые годы войны английское правительство настаивало на проведении публичных процессов над пойманными шпионами, сообщало о смертных приговорах и приведении их в исполнение. Таким образом, под предлогом сохранения «законной процедуры» оно пыталось оказать устрашающее воздействие на вражеских агентов. Однако позднее по настоянию контрразведки сведения о поимке неприятельских шпионов исчезли, чтобы было возможно от их имени посылать донесения в Берлин.)

Кроме Лоди несколько других, столь же слабо подготовленных или непригодных для разведывательной работы немецких агентов были без особого труда выловлены английскими властями. Часть их была завербована среди немецких эмигрантов в Южной Америке Некто Фернандо Бушман обратился к той же фирме «Диркс и К°»

с просьбой о высылке денег по указанному им адресу. По адресу явилась полиция, и в сентябре 1915 г. шпион был осужден на смертную казнь.

Другой немецкий разведчик, Роберт Розенталь, был арестован в результате... ошибки датского почтового чиновника. Из Копенгагена было отправлено донесение в Берлин о том, что в Англию посылается немецкий агент под видом представителя датской торговой фирмы, продававшей газовые рожки. Датская почта заслала донесение в Лондон. Впрочем, пока письмо достигло английской контрразведки, прошло несколько недель, и о шпионе было известно лишь, что он торгует газовыми рожками. Тем не менее поймать его удалось очень быстро. Были поставлены под особый контроль списки лиц, желавших покинуть Англию, и через некоторое время Ньюкасл сообщил, что после поездки в Шотландию собирается отбыть в Копенгаген некий Роберт Розенталь, торговец газовыми рожками. Розенталь пытался все отрицать, но ему предложили написать несколько строк, и выяснилось, что его почерк полностью идентичен почерку попавшего не по адресу донесения из Копенгагена в Берлин.

Начиная с 1916 г. немцы пытались вербовать себе на службу иностранных корреспондентов американских газет и посылать их со своими поручениями в США. Об этом англичане подробно узнали от арестованного ими американца Джорджа Бокса Бэкона. Однако, как правило, немцам не удавалось достаточно хорошо замаскировать своих агентов. Их выдавали и адреса «почтовых ящиков» в Голландии, известные английской контрразведке, и неумение правдоподобно объяснить происхождение получаемых ими денег. А порой даже размеры перевода по телеграфу: педантичное немецкое начальство обычно высылало одну и ту же сумму своим агентам на предварительные расходы, и получение такого, хорошо известного англичанам аванса уже само по себе было серьезной уликой. Вероятно, главной причиной успеха английской контрразведки было знание адресов в нейтральных странах, по которым шпионы направляли свои донесения.

ЦЕНЗУРНЫЙ БУМЕРАНГ

В большинстве случаев английская контрразведка успешно справлялась с ловлей немецких шпионов. Но она потерпела полное поражение, когда дело коснулось наиболее опытного и опасного из них. Скотланд-Ярд всю войну даже и не подозревал о существовании этого, очень важного, германского раз-

ведчика, пробравшегося в британскую контрразведку, а точнее — в почтовую цензуру. История этого агента, П. Зильбера, служит любопытным примером использования шпионами контрразведывательных органов противника.

Еще в детстве эмигрировавший из Германии в Южную Америку Зильбер принял участие в англо-бурской войне 1899—1902 гг. в качестве офицера английской армии и даже попал на некоторое время в Индию, в позднее перебрался в США. Сам Зильбер утверждал, что только начало мировой войны побудило его принять решение стать германским шпионом в Англии. Однако его действия обличают в нем опытного, бывалого разведчика. Чтобы не получать иностранный паспорт, в котором была бы указана его национальность, Зильбер перебрался в Канаду. Уезжая в Англию, Зильбер сохранил свою подлинную фамилию, но объявил, что родился в канадской провинции Квебек. Сделал он это с целью использовать сохранившиеся у него бумаги о службе в английской армии. В них была указана фамилия Зильбера, но нигде не упоминалась его национальность. Помимо этих документов Зильберу очень помогли фотографии, на которых он был снят в кругу английских офицеров одного из гарнизонов в Индии. Именно они помогли преодолеть известные подозрения, которые вызвал приехавший в Англию без паспорта канадец.

В Лондоне Зильбер сразу же предложил свои услуги военной цензуре. Опять в ход пошли документы и фотографии. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что он работал в органах военной цензуры еще в годы англо-бурской войны. Зильбера приняли на работу и предложили заполнить весьма длинные анкеты. Несколько недель прошло в напряженном ожидании. Достаточно было английской контрразведке навести справки в Канаде или в тех местах, где Зильбер проходил службу в английской армии, и обман был бы раскрыт.

Обычно чиновники Скотланд-Ярда тщательно проверяли сведения, сообщавшиеся в анкетах. Но на этот раз хваленая английская секретная служба дала осечку. Зильбера вызвали в Солсбери Хауз, огромное здание, где временно размещалась военная цензура. Полковник, принимавший его на работу, долгое время служил в англо-индийской армии. Нашлись общие знакомые, и последние признаки недоверия отпали. Правда, английская контрразведка не окончательно прекратила проверку. Через несколько месяцев после поступления Зильбера на службу рядом с его квартирой поселилась молодая женщина, довольно ловко завязавшая с ним знакомство. Но шпион уже был настороже. Она вскоре исчезла без предупреждения, а Зильбер нашел свои вещи тщательно просмотренными. Конечно, в них ничего подозрительного не было обнаружено. Вероятно, у английской контрразведки не было никаких серьезных оснований подозревать Зильбера, — настораживала только его немецкая фамилия, она не

раз побуждала чиновников военной цензуры устраивать ему под видом дружеских разговоров скрытые экзамены. Но разведчик научился выходить сухим из воды.

Зильберу удавалось извлекать массу полезных сведений из проходившей через его руки переписки. Но не меньшее значение имело для немецкой разведки, что Зильбер в качестве цензора получил возможность сообщать те адреса в нейтральных странах, которые привлекали внимание англичан. После этого Берлин мог менять «провалившиеся» адреса на новые, затрудняя выявление немецкой агентуры в Англии.

Зильбер разработал довольно простую систему доставки своих донесений в Германию. Сняв три квартиры в Лондоне, он посылал туда письма в конвертах с прозрачным окошком для адреса. В них обычно содержались вырезки из газет, а марки были достаточной стоимости для пересылки письма за границу. Таким образом Зильбер приобретал необходимый ему почтовый штемпель на марке с определенной датой. На работе он вкладывал в конверт свое очередное донесение, писал безопасный нейтральный адрес и ставил штамп контролера — письмо теперь ничем с виду не отличалось от других, прошедших военную цензуру.

Вскоре Зильбер получил повышение и был командирован в созданный в Ливерпуле отдел военной цензуры, который должен был проверять всю переписку с Северной и Южной Америкой. В Ливерпуле Зильбер занял независимое положение и поэтому мог еще более широко снабжать информацией германскую разведку. Ему уже в Лондоне не хватало времени на переписывание интересных сведений, и он стал прибегать к фотографированию важных документов на микропленку. Любопытно, что Зильбер пересылал немецкой разведке в числе других материалов также донесения... американской шпионки в Англии. Это была ирландка, имевшая большие связи в английских чиновничьих кругах. Цензура давно обратила внимание на письма «Молли» (как она подписывала свои корреспонденции), снимала с них копии, но не трогала их автора. Вероятно, англичане не считали опасной утечку подобной информации в США. Конечно, позиция английской контрразведки сразу же бы изменилась, если бы она знала, что копии с донесений «Молли» аккуратно доставлялись и в Берлин.

Работа в Ливерпуле имела для Зильбера одно существенное неудобство — она отрезала его от связи с европейскими нейтральными государствами, поскольку корреспонденция шла через Лондон. Поэтому шпион довольно часто ездил в столицу, заходил по-прежнему в здание военной цензуры и во время дружеских разговоров ловко подсовывал свои конверты в груду писем, уже пропущенных цензорами.

Другой способ пересылки информации, использованный Зильбером, был основан на том, что цензура лишь бегло просматривала или вообще оставляла без просмотра поток траурных извещений — английская армия несла большие потери на Западном фронте. Техника дела была простой. На фотографической бумаге, размером в почтовую открытку, Зильбер печатал, но не проявлял шпионские донесения. Потом на этой же бумаге писалось извещение о смерти какого-либо лица, обычно вымышленного. Бумага тщательно запечатывалась в толстый конверт с траурным ободком и подписывалась каким-либо уменьшительным именем, подчеркивавшим доверительный, личный характер письма (допустим, Полли). После этого пакет, а также небольшое письмо, в котором просили подготовить «Полли» к трагическому известию, запечатывались еще в один конверт большого формата. Цензор обычно вскрывал большой конверт, но не трогал внутренний. Однако даже если у цензора возникли подозрения и он распечатал внутренний пакет, фотобумага была бы засвечена и тем самым уничтожены все следы шпионского донесения.

Помимо многих важных донесений политического характера Зильберу удавалось передавать массу чисто военных сведений: о формировании воинских частей, передвижении войск. Он переслал строго секретное новое издание справочника Ллойда, который был чрезвычайно важным для немецких подводных лодок. Немецкий шпион сумел известить Берлин о постройке англичанами судов-ловушек (замаскированных под торговые суда военных кораблей).

После вступления в войну США затруднения в пересылке информации в Германию резко возросли. Зильбер попытался отправлять письма с курьерами, которых присылала немецкая разведка, но почти все они попали в руки англичан. Одним из удачных случаев была передача еще в 1915 г. корреспонденции с одной немкой, интернированной в начале войны в Англии и высланной позднее в Германию. На пограничной станции немецкий офицер потребовал от нее сообщить ему, не везет ли она каких-либо секретных известий. Немка получила строгую инструкцию передать сведения только в разведывательное бюро в Берлине. Она ответила отрицательно. Это спасло Зильбера, так как допрашивавший женщину офицер был в действительности английским шпионом.

Как ни ценна была сама по себе информация Зильбера, он никак не мог — да и не ставил себе такой задачи — помешать работе английской цензуры. А между тем ей, как это установил и Зильбер, удалось в годы войны не только собрать чрезвычайно важные материалы, использованные для экономического давления на нейтральные страны и стягивания туже петли блокады вокруг Германии, но и решить ряд других задач, в том числе и борьбу с немецким шпионажем. Здесь Зильбер мог отводить только некоторые из ударов.

К тому же его информация нередко запаздывала из-за медленной доставки в Берлин и от этого теряла значительную часть своей ценности.

Из осторожности Зильбер покупал пленку и фотобумагу в разных магазинах. Чтобы усыпить недоверие хозяек квартир, он сознательно оставлял на столе билеты в театры и на концерты, пытаясь таким образом объяснить свои частые отлучки по вечерам. Один сосед все же его заподозрил, но, когда он сообщил о своих сомнениях в полицию, его вежливо выпроводили за дверь.

Несколько раз Зильберу казалось, что он раскрыт, но это неизменно было ложной тревогой. Когда разведчик считал, что его вызывают к начальству для разоблачения и ареста, ему сообщили об очередном повышении в должности. Самое сложное было избегнуть регистрации, проводившейся в связи с введением воинской повинности. При регистрации требовалась метрика, а Зильбер не мог ни представить таковую, ни получить копию со своей мнимой родины — Канады. Обстановка стала настолько серьезной, что шпион несколько раз хотел покинуть Англию, но это оказалось еще более трудным делом. Тем не менее он сумел постоянно оттягивать представление документов и благополучно проработать в военной цензуре вплоть до конца войны.

СИГАРЫ И КОД

Одной из главных задач, которые пыталось разрешить германское командование, было прекращение снабжения армий Антанты из нейтральных — до весны 1917 г. — Соединенных Штатов Америки. Использовались все возможные методы — от газетной кампании против нарушения нейтралитета (американская пресса быстро ответила контркампанией, объявляя поставки вполне законной торговлей) и до предложения разрешить США неограниченный ввоз продовольствия в Бельгию в обмен на прекращение продажи снаряжения Антанте. Но американские «филантропы», громко стенавшие по поводу германских жестокостей в Бельгии, сразу же забили отбой, когда им предложили сделку, подрывавшую прибыли военных монополий. Подводные лодки также не могли в это время воспрепятствовать потоку военных поставок. Оставалось одно средство — диверсии в американских портах. В Берлине надеялись, что при широко поставленной диверсионной «работе» можно будет если не прекратить, то чрезвычайно затруднить переправку через океан американского вооружения.

В марте 1915 г. на норвежский пароход, отправлявшийся из Осло в Нью-Йорк, сел пассажир, по паспорту значившийся швейцарцем Эмилем Гаше. Под этим именем скрывался германский морской офицер Франц Ринтелен, которому и была поручена «деликатная» миссия в США. Фамилия Гаше была выбрана не случайно. Это была девичья фамилия одной швейцарки, вышедшей замуж за немецкого офицера. Она сообщила Ринтелену все необходимые сведения об ее семье, чтобы он мог с успехом сыграть свою роль. Действительно, швейцарский коммерсант не вызвал никаких подозрений у английских офицеров, производивших осмотр нейтральных судов, и благополучно прибыл в Нью-Йорк. Ринтелен привез с собой особо секретный шифр, который он передал германскому военному атташе фон Папену (впоследствии германскому канцлеру и гитлеровскому дипломату-разведчику) и морскому атташе Бой-Эду.

Ринтелену было нетрудно пустить корни в Нью-Йорке. Ему оказали прямое содействие судовладельцы и промышленники — выходцы из Германии. В его распоряжении было также значительное число моряков германского торгового флота, которых война застала в США и которые были отрезаны английской блокадой от Германии. С помощью некоего Макса Вейзера Ринтелен быстро основал торговый дом «Э. В. Гиббонс и К°». Под прикрытием вывески этой экспортно-импортной конторы он и начал действовать. Немец-химик доктор Шеле предложил его вниманию свое новое изобретение. Это была свинцовая трубка с медным диском посередине. Обе части трубки, разделенные диском, наполнялись пикриновой и серной кислотой, которые при соединении воспламенялись. Регулируя толщину медного диска — только после того, как он разъедался кислотой, происходило воспламенение, — можно было заранее рассчитать момент начала пожара. С помощью знакомых моряков Ринтелен стал закладывать «сигары» из свинца в корабли, перевозившие военное снаряжение. «Сигары» сгорая, не оставляли следов, и долгое время трудно было определить причины участившихся пожаров на американских грузовых судах, шедших в Европу.

Ринтелен уведомил своих начальников, что, по сведениям его американской агентуры, англичане раскрыли немецкий код. Однако в Берлине не вняли этому предупреждению и продолжали использовать прежний шифр. Английские контрразведчики могли теперь без труда читать все немецкие телеграммы. Наиболее драматичным эпизодом, связанным с этим, была расшифровка телеграммы германского министра иностранных дел Циммермана немецкому посланнику в Мексике. В ней ему предписывалось обратиться к мексиканскому президенту с предложением вступить на стороне Германии в войну против США и побудить Японию изменить Антанте, перейдя на сторону держав Тройственного союза. Трудно представить себе бо-

лее абсурдное предложение в конкретной обстановке тех лет. Еще более нелепым было посылать подобное предложение телеграфом, пусть в зашифрованном виде. Американский президент Вильсон и его правительство первоначально даже не поверили в подлинность телеграммы, которую им переслал из Лондона американский посол У. Х. Пейдж. Телеграмма, однако, шла через Вашингтон: немецкий посол в США Бернсторф протелеграфировал ее текст посланнику в Мексике фон Экхардту. На почте в Вашингтоне сохранилась копия этого документа. Английские дешифровальщики в присутствии американского посла прочли текст, пересланный в Лондон из Вашингтона. К тому же английская разведка вскоре расшифровала и передала американскому правительству ряд других инструкций из Берлина, развивавших и уточнявших депешу министра. Сомнений больше быть не могло!

Конечно, не телеграмма в Мексику определила решение Вильсона объявить войну Германии, как это утверждают многие буржуазные историки и дипломаты. К участию в первой мировой войне американский империализм влекли его собственные широкие захватнические планы. Однако для оправдания в глазах общественного мнения вступления США в войну неловкость Циммермана сыграла немалую роль.

Существовали (помимо явно вымышленных) три версии того, каким образом английская разведка добыла германский дипломатический код. Немцы утверждали, что этот код передал англичанам молодой австрийский радиоинженер Александр Сцек. Он имел доступ в помещение для радиопередач в Брюсселе. Из этого помещения, находившегося в доме немецкого генерал-губернатора, отправлялись правительственные радиограммы немецким дипломатам за границей. Мать Сцека была англичанкой. По немецкой версии, Сцек, которому была обещана крупная сумма денег, бежал в Англию с шифром. Все следы Сцека были потеряны. После войны его отец пытался производить розыски, но английская разведка категорически отказалась сообщить какие-либо сведения, могущие пролить свет на судьбу Сцека. Возможно, его «убрали» с целью гарантировать сохранение тайны: слишком многое зависело от того, чтобы к немцам не проникло ни малейшей вести, которая заставила бы их заподозрить истину *.

У. Черчилль в книге «Мировой кризис» излагает официальную британскую версию. Согласно ей, книги шифров были извлечены русскими водолазами, обследовавшими германский крейсер «Магдебург», который 25 августа 1914 г. потерпел крушение в Балтийском море.

* Английский разведчик Г. Ландау утверждает, что Сцек был схвачен немцами на голландской границе и расстрелян как дезертир. Сопровождавший его английский агент добрался до Голландии с копией кода, которую снял Сцек.

Наткнувшись на подводные камни, крейсер под обстрелом русских кораблей не сумел сняться с мели и был затоплен своей командой. Книги шифров лежали за пазухой у одного немецкого унтер-офицера, тщетно пытавшегося спастись во время катастрофы.

Русское командование приняло все меры, чтобы немцы не узнали о ценной добыче, извлеченной из моря. Водолазам, обследовавшим «Магдебург», был объявлен выговор за нерадивую работу. О том, что шифры оказались в руках русских, не догадался даже капитан «Магдебурга» и часть команды, взятые в плен. Получив сообщение об этом от русского морского атташе, британское адмиралтейство немедленно послало за шифрами в Архангельск военный корабль. В октябре они были доставлены в Лондон. Правда, код являлся лишь одним из средств, использовавшихся для сохранения тайны радиопередач. Тем не менее английским экспертам в начале ноября 1914 г. уже удалось добиться расшифровки радиограмм, посылавшихся германским правительством и военным командованием.

Наконец, английский разведчик Э. Вудхолл сообщает третью версию, утверждая, что он был лично знаком с лицом, доставшим код. Это был солдат французского иностранного легиона, которого Вудхолл условно называет Смит. В конце 1915 г. Смит, который свободно владел французским, немецким и фламандским языками, перешел на работу в разведку. Его послали в бельгийскую столицу с заданием добыть немецкий шифр. Спустившись с парашютом около Брюсселя, Смит в одежде бельгийского крестьянина сумел благополучно пробраться в город и связаться с несколькими бельгийцами, готовыми оказать ему помощь. Особо важную роль сыграла бельгийская девушка Ивонна. Она работала в кафе, которое часто посещал влюбленный в нее немецкий унтер-офицер. Немец работал на радиостанции оператором. Ивонна убедила своего поклонника, что она и ее брат (т. е. Смит) — большие любители тогда еще малораспространенного радио. Унтер-офицер охотно согласился учить их радиоделу и, отвечая на заранее подготовленные Смитом вопросы, бессознательно выдал все главные элементы кода. После уроков Смит в течение нескольких недель тщательно записывал полученные сведения. Потом разведчик переоделся в немецкую форму, которую достали его бельгийские друзья, и благополучно пересек линию фронта.

Сразу же после его ухода немцы ворвались в кафе, где служила Ивонна. Оказывается, немецкая контрразведка давно уже следила за подозрительными визитами молодого радиста. Однако Ивонна, сообразив, что немец не разъяснил, да и не мог разъяснить смысла их радиоуроков, призналась лишь в том, что укрывала Смита, которого она выдала за немецкого дезертира. Ивонну приговорили к длительному тюремному заключению, а ее подругу, также активно помогавшую Смиту, — на более короткий срок.

Эти версии не обязательно противоречат друг другу, поскольку шифр мог быть одновременно получен различными путями *. Однако покров секретности, которым продолжают окутывать это дело, заставляет предположить, что, быть может, подлинная история похищения кода так и останется неизвестной. Важнее, конечно, что английской разведке не только удалось овладеть немецкими шифрами, но и посылать телеграммы от имени германского командования. Одна из таких телеграмм привела к крупной английской победе на море.

Английское адмиралтейство было очень озабочено действиями немецкой эскадры под командованием адмирала Шпее, крейсировавшей осенью 1914 г. около Южной Америки и являвшейся серьезной угрозой для судоходства стран Антанты. В составе эскадры находились крейсеры «Шарнхорст» и «Гнейзенау», вооруженные дальнобойными орудиями. Чтобы добиться успеха в бою против них, необходимо было выделить по крайней мере два новейших линкора с крупнокалиберной артиллерией. С этой целью, по указанию начальника английской морской разведки адмирала Холла, на английских верфях за несколько недель были построены... два деревянных макета линейных кораблей «Инвинсебл» и «Инфлексебл». Эти макеты были отбуксированы из Англии в Эгейское море, где находились оба дредноута, чтобы воспрепятствовать прорыву германского крейсера «Гебена» из Дарданелл в австрийскую военно-морскую базу Пола. Под покровом ночи снявшиеся с якоря линкоры были заменены макетами. Они находились на достаточном расстоянии от берега и были окружены миноносцами, а также другими военными кораблями, которые не подпускали к ним любопытных. Многочисленные немецкие и австрийские агенты так и не заметили подмены. Таким образом два мощных линейных корабля втайне от немцев покинули Средиземное море и отправились на охоту за эскадрой Шпее. Оставалось одно: заранее узнать, где будет находиться германская эскадра в какой-либо определенный день.

1 ноября 1914 г. корабли Шпее уничтожили в морском бою более слабую английскую эскадру адмирала Кредока и после этого прибыли в чилийский порт Вальпараисо. Здесь Шпее застала телеграмма

---

* Еще один немецкий код нашли на дирижабле, потерпевшем аварию после налета на Англию. Цеппелин был окончательно сбит над французской территорией. Находившиеся неподалеку от места падения американские офицеры успели растащить драгоценные книги, их с трудом удалось отнять у любителей сувениров. Англичане даже завели после этого специальную эскадрилью самолетов, готовых ринуться к месту падения цеппелинов. Ей удалось добыть еще одну полусгоревшую шифровальную книгу. Такая же морская служба занималась поисками кодов на затонувших подводных лодках.

из Берлина, предписывавшая ему идти к Фолклендским островам, чтобы разрушить находившуюся там радиостанцию. Однако приказ ему послало не германское командование. Ее отправил с берлинского телеграфа английский агент. Он сумел раздобыть бланки, на которые сам поставил похищенные им печати экспедиции морского министерства и цензурного отдела. Снабженная этими печатями депеша была без всяких подозрений принята на телеграфе и отправлена по назначению. 7 декабря 1914 г., выполняя приказ, Шпее явился на место, указанное ему в действительности английской разведкой. А на другое утро более дальнобойные орудия английских линкоров покончили с немецкими крейсерами, причинившими столько хлопот британскому адмиралтейству.

О приобретении англичанами немецких шифров стало известно спустя несколько лет после окончания первой мировой войны. Значительно позднее, уже в наши дни, всплыл и еще один интересный факт. Англичанам удалось воспользоваться тем, что один из их шифров тоже попал в руки врага. В отличие от немцев, англичане вскоре узнали о своей потере. Речь шла о коде, которым передавались сообщения о разминировании минных полей, установленных немецкими подводными лодками. Одна из немецких лодок поставила много мин у входа в порт Уотерфорд (в Ирландии). Английская контрразведка послала известным немцам кодом сообщение, что эти мины выловлены. Лодка вскоре явилась, чтобы поставить новые.., и подорвалась на одной из установленных в прошлый раз.

Однако еще большее значение имела — также ставшая сравнительно недавно известной — передача английскими контрразведчиками немцам подложного кода, якобы употреблявшегося для шифровки особо важных и срочных сообщений. Было решено всучить код немцам и время от времени передавать по радио зашифрованные этим кодом различные «приказы». Капитаны английских кораблей, естественно, не могли читать эти приказы, поскольку не были снабжены фальшивым кодом, предназначавшимся только для немецкого командования.

Расчет был простой, но возникла совсем не простая задача — так «подбросить» немцам код, чтобы у них не возникло ни малейшего сомнения в его подлинности.

В голландском городе Роттердаме имелся отель, в котором часто останавливались англичане и который поэтому находился под пристальным наблюдением германских разведчиков. Английской контрразведке было известно, что портье состоял на службе у немцев. Если из Англии прибывал кто-то, по мнению портье, заслуживавший внимания германских разведчиков, в отель назавтра приезжала белокурая дама и снимала номер, расположенный обычно неподалеку от комнаты нового постояльца. Эта блондинка была давно уже «раскры-

та» англичанами. Она была замужем за бельгийцем. Позднее шпионку расстреляли французы. В Лондоне довольно высоко оценивали ее способности и решили обернуть их против ее нанимателей.

На заглавную роль был приглашен Гай Локок, впоследствии крупный предприниматель, а в то время секретарь одного из членов парламента. Локок до этого несколько лет служил в Форин оффис — министерстве иностранных дел — и был хорошо знаком с манерами, которые иностранцы считали типичными для поведения британских дипломатов. Роль, порученная ему, впрочем, была несложна.

22 мая 1915 г. после полудня в Роттердам прибыло какое-то британское официальное лицо со специальным служебным паспортом. Англичанин явно был особо доверенным дипломатическим курьером. В числе его вещей находилась дорожная сумка, очевидно, предназначенная для перевозки официальных бумаг, с которой он никогда не расставался. Добавим — хотя этого заранее не могли знать лица, внимательно присматривавшиеся к гостю из Лондона,— что в сумке лежала копия нового сверхсекретного кода.

22 мая было избрано отнюдь не случайно. Это была суббота, и британское консульство, куда явно направлялся англичанин, было уже закрыто до понедельника. А может быть и до вторника, так как понедельник, 24 мая, приходился на церковный праздник — духов день, который было принято строго соблюдать в Англии. Итак, сумка в течение полутора, а то и двух с половиной дней должна была оставаться в номере у приезжего!

Локок, устроившись в помещении на втором этаже, запер его на ключ и вышел в сад. Оттуда было легко установить, что окно его номера было третьим с края. Рядом находилась набережная, откуда также можно было видеть это окно. На набережной были навалены какие-то бочки. Локок быстро отыскал место, где, спрятавшись, имел возможность наблюдать за окном. Пора было возвращаться в номер. А там оставалось лишь оставить дорожную сумку на вешалке, где висела одежда. Этим дела, которые предстояло Лококу сделать в субботу, были закончены.

В воскресенье после полудня в отель приехала белокурая дама. Она совсем не обратила внимания на англичанина, который, удобно раскинувшись в кресле, читал в вестибюле свежую газету и также совершенно не выказал никаких признаков любопытства в отношении прибывшей.

Англичанин явно скучал, не зная куда девать время в чужом городе. Портье счел своей обязанностью прийти на помощь постояльцу. Не скучно ли ему? Конечно да, последовал ответ. Тогда портье доверительно сообщил приезжему место, где можно хорошо скоротать вечер, и подробно рассказал, как добраться до этого приятного заведения. Гость поспешил последовать доброму совету. Он быстро

поднялся в номер и через несколько минут уже выходил из отеля. Британский дипломат так торопился, что забыл захватить с собой сумку, которая осталась висеть на вешалке в его комнате.

Англичанин, правда, не добрался до места, указанного ему портье. Свернув за угол, Локок сделал крюк и вернулся к бочкам на набережной около отеля. (Интересно отметить, что немцы так и не попытались проверить, был ли английский курьер в том заведении, куда его направил портье.)

Блондинка и ее друзья не теряли времени. Через полчаса после ухода Локока в его номере загорелся свет, в окне замелькали тени. Вскоре электричество было выключено: немцы нашли то, что искали, — книгу шифров. Возникал вопрос: неужели блондинка просто украдет книгу — то была бы топорная работа, совершенно обесценившая захваченную добычу. Ведь в этом случае англичане немедленно узнали бы о похищении кода и сразу же приняли бы меры к его замене. Немецкая разведчица должна была прикинуть, что английский курьер пробудет вне отеля, по крайней мере, часа три — времени более чем достаточно для того, чтобы сделать фотокопии всех страниц шифровальной книги и вернуть ее на прежнее место. Лококу оставалось дожидаться, пока в его комнате снова загорится лампочка.

Он прождал до часу ночи и был вознагражден за свое терпение. Свет был зажжен на минуту-две. Итак, сумка водружена на место. В половине второго «вдрызг пьяный» дипломат вломился в вестибюль отеля. Он попытался объяснить любезному портье, насколько хорошо он провел время, однако язык повиновался ему с трудом. Еще более сложной задачей оказалось подняться на второй этаж. Добрый портье, разумеется, помог и здесь сильно подвыпившему гостю. Все стороны остались крайне довольны друг другом. Через год тот же Локок был послан с «дополнениями» к секретному коду, призванными убедить немцев, что англичане и не подозревают о раскрытии этого шифра неприятелем. На этот раз Лококу удалось спустить фальшивые дополнения к фальшивому коду за круглую сумму в 500 фунтов стерлингов. Вряд ли они могли стоить больше.

С помощью своего подложного шифра английской контрразведке случалось не раз одурачить немецкое командование. Так, например, в сентябре 1916 г. этим кодом был послан «приказ» ряду английских кораблей, из которого явствовало, что они вскоре должны будут участвовать в каких-то десантных операциях. Одновременно нескольким опытным агентам разведки, занимавшим различные дипломатические и другие посты и часто бывавшим в лондонских салонах, было поручено «проболтаться» о подготовке к высадке английского десанта в Германии. Утверждалось, что экспедиция покинет Англию тремя группами — из Хариджа, Дувра и из Темзы, где даже уже сосредоточена масса десантных судов.

Одновременно с усилиями, прилагавшимися для дезинформации противника, Холл не пренебрегал никакой предосторожностью, чтобы уберечь тайну «помещения № 40» в старом здании адмиралтейства, где производилась расшифровка немецких телеграмм. Входить в «помещение № 40» могли только очень немногие тщательно проверенные люди. Лишь после подписания перемирия, в ноябре 1918 г., адмирал Холл разрешил уборщицам проникнуть, наконец, в заветную комнату и впервые за четыре года войны убрать накопившуюся там пыль...

БЕЗ ЦЕРЕМОНИЙ

Империалистические державы и их разведывательные службы не останавливаются ни перед какими преступлениями, с бесцеремонностью попирая права и интересы народов других стран.

Ожесточенная схватка развертывалась между разведками в колониальных и зависимых странах.

В нашем повествовании мы не будем подробно рассказывать о небезызвестном английском полковнике Лоуренсе — о нем и так написано слишком много. Он действовал сначала как разведчик, нередко пробираясь в расположение турецкой армии. Лоуренс настолько ловко изображал местного жителя, что один раз турки едва не расстреляли его как араба — дезертира из своей армии. Однако главная роль Лоуренса заключалась в умелом сговоре с арабскими шейхами и установлении с их помощью контроля над освободительным движением арабов против турецкого господства. Разумеется, обещания, которые щедро раздавал Лоуренс, были после окончания первой мировой войны отброшены в сторону, и большинство населенных арабами территорий, которые отошли от Турции, были поделены между английскими и французскими империалистами.

Активную диверсионную деятельность в Иране проводил германский консул Васмус, снабженный большими денежными средствами. Его главной задачей было возбуждать племена южного Ирана против высадившихся там английских войск. Задача была не столь трудной, так как в Иране ненавидели британских колонизаторов. Чтобы продемонстрировать союз Германии и Ирана, Васмус даже женился на дочери влиятельного вождя одного из племен. Во время свадьбы, сыгранной на средства секретной службы, помощники Васмуса тут же, на обильном пиршестве, отбирали и нанимали новых агентов. Васмус создал широкую шпионскую сеть и причинял столько неприятностей англичанам, что британское командование объявило о награде в 3 тыс. фунтов стерлингов тому, кто доставит им консула жи-

вым или мертвым. Потом эта сумма была увеличена до 14 тыс. фунтов.

Васмус пытался укрепить свои позиции, распространяя фантастические сведения о немецких успехах — о занятии Лондона и казни английского короля Георга V. Но скоро ложность этих известий стала ясной даже в отдаленных уголках Ирана. К тому же у Васмуса, отрезанного от Германии, стали истощаться денежные средства, и ему было уже нечем подкупать племенных вождей. Тем не менее Васмусу удалось удержаться вплоть до окончания войны, после чего он поспешил скрыться от его разъяренных приверженцев, которые поняли, что немец не в состоянии выполнить свои заманчивые посулы. Сторонники Васмуса уверяли впоследствии, что они не выдали его только потому, что предложенная англичанами награда была слишком велика и нельзя было поверить, что ее заплатят за поимку одного человека!

Между прочим, Васмус помимо своей воли помог англичанам овладеть еще одной немецкой книгой, содержавшей дипломатический код. Васмус собирался взорвать английский нефтепровод у Абадана. Британская разведка сумела заранее получить сведения об этом плане ловкого немецкого консула, и английские войска неожиданно атаковали расположившийся на отдых отряд Васмуса. Немец, поднятый со сна, в пижаме вскочил на коня и ускакал. Однако у него не было времени прихватить с собой багаж. А среди английских офицеров не оказалось достаточно толкового человека, чтобы понять значение своих трофеев. Имущество, принадлежавшее Васмусу, было переправлено в Лондон и свалено в подвал министерства по делам Индии. Лишь позднее, в случайном разговоре с офицером, прибывшим из Ирана, адмирал Холл узнал о том, что захвачены вещи Васмуса. Он приказал их доставить к себе. Среди них и оказалась немецкая шифровальная книга. Немцы использовали ее для посылки донесений по линиям Берлин — Константинополь и Берлин — Мадрид (а оттуда в Северную и Южную Америку). Она существенно помогла в расшифровке скопившейся в «помещении № 40» английского морского министерства массы немецких секретных телеграмм.

Перенесемся теперь в Восточную Африку, где Англия имела, так же как в Иране, огромное превосходство в силах над своим противником. Тем не менее на протяжении нескольких лет английские войска никак не могли добиться успеха против отряда немецкого полковника Форбека, хотя тот был совершенно отрезан от Германии. У Форбека, правда, имелся про запас один цеппелин, который был укрыт позади речной плотины. Английская разведка сумела установить местонахождение летательного аппарата. 6 июля 1915 г. подкравшийся к плотине монитор «Северн» артиллерийскими залпами с близкого расстояния уничтожил дирижабль. Форбек, поддержив-

ший по радио связь с Берлином, настойчиво просил выслать боеприпасы и медикаменты, чтобы он мог продолжать свою полупартизанскую войну, которая сковывала в Восточной Африке 300 тыс. солдат Антанты. Англичане регулярно перехватывали и расшифровывали радиограммы, которыми обменивались Форбек и его начальство в Берлине. Но было мало шансов уничтожить цеппелин, который немцы могли послать в Восточную Африку с грузом военного снаряжения.

Союзный агент в Болгарии сообщил засланному в Вену английскому офицеру Мортимеру (его сбросили в штатской одежде с парашютом в тылу австрийских войск), что немцы частями перевезли и собирают в Болгарии суперцеппелин. С помощью этого агента, бывшего влиятельным лицом, Мортимер без затруднений уехал в Швейцарию и доставил полученные сведения в Лондон.

16 ноября 1917 г. цеппелин вылетел из Болгарии в Восточную Африку, имея на борту 50 пулеметов, винтовки, патроны, медикаменты и другое снаряжение. Достигнув германской колонии в Восточной Африке, цеппелин, однако, не получил условленного сигнала с земли о посадке. Напрасно дирижабль часами кружил над районом, где предполагалось нахождение Форбека (немецкий полковник в это время совершал рейд в «португальскую» Восточную Африку). Тем временем из Берлина сообщили, что Форбек окружен и цеппелину следует вернуться домой. Он благополучно совершил трудный обратный полет. Лишь позднее выяснилось, что телеграмма из Берлина, полученная командиром цеппелина, была следствием переданной по радио депеши от Форбека. Точнее, так думали в германской столице. В действительности же шифрованная радиодепеша в Берлин была послана английской разведкой, знакомой и с тогдашним местонахождением Форбека, и с кодом, который использовался им в переговорах с германским командованием.

Империалистические разведки не были бы сами собой, если бы знали то, чего им не полагалось видеть и знать. Английская контрразведка странным образом просмотрела снабжение британскими фирмами врага через нейтральные страны. Как открыто сообщил в 1927 г. адмирал Консетт, занимавший во время войны пост английского военного атташе в Скандинавских странах, немцы получали большое количество жиров, важных для производства взрывчатых веществ, из британских колоний, не говоря уже о корме для скота, и т. д. Без этой «поддержки» Германия, вероятно, значительно раньше была бы сломлена союзной блокадой.

Англичане использовали разведку и для муссирования ложных слухов, которые можно было с успехом использовать в игре на бирже. После знаменитого Ютландского морского боя английские правящие круги через все доступные им неофициальные каналы информации сообщили сначала о поражении, а потом о победе своего флота,

сыграв сначала на понижении, а потом на повышении ценностей на нью-йоркской бирже. Организатором этой «невинной операции», давшей миллионные доходы, считают сэра Эрнеста Касселя, одного из заправил Сити и «своего человека» в кругах британского правительства.

Говоря об успехах разведок Антанты, особенно на заключительном этапе войны, не следует их преувеличивать. Хотя во многих воспоминаниях антантовских шпионов фигурирует, например, утверждение, что они заранее предсказывали приближающийся крах Германии, факты говорят об обратном. Верховное командование Антанты, а вслед за ним и правительства Англии, Франции и США имели самое туманное представление о возможностях Германии продолжать войну. Антантовские генералы несколько лет подряд тщетно пытались лобовыми ударами (стоившими миллионов убитых и раненых солдат) прорвать германскую оборону. Они столько раз больно разбивали лоб о мощные германские укрепления, что успели выработать у себя условный рефлекс, мешавший им приблизиться к немецкому фронту, даже когда он сохранял лишь тень былой силы. Правительства и штабы Антанты еще накануне военного краха Германии, после тяжелых поражений немцев (с августа 1918 г.), были усердно заняты разработкой подробных планов ведения войны в 1919 и 1920 гг. Где уж тут говорить о точной осведомленности, о которой пишут английские, французские и американские разведчики в своих мемуарах!

ЛЕГЕНДА О МАТА ХАРИ

О жизни этой женщины сложились легенды. Распространительницей первой из них была сама Мата Хари, другая легенда была во многом порождена этой первой.

...В 1905 г. пресыщенное парижское общество клюнуло на пряную диковинку — восточные танцы с раздеванием. Их исполнительница Мата Хари, не лишенная артистических способностей, скоро стала модной танцовщицей и получала баснословные гонорары за свои выступления. Рассказывали, что актрису воспитали на юге Индии, в полумраке таинственных храмов. Ее похитил английский офицер, за которого она вышла замуж. Ребенок, родившийся от этого брака, был отравлен слугой — индусом-фанатиком, мстившим Мата Хари за измену богам. Мата Хари сама задушила убийцу. Вскоре умер муж, и оставшаяся одинокой, без всяких средств, Мата Хари стала танцовщицей. Когда специалисты обратили внимание на то, что ее номера напоминают скорее индонезийские, чем южноиндийские, танцы, легенда подверглась изменению.

По новой версии, Мата Хари была дочерью голландского фермера и яванки — отсюда европейские черты лица у этой смуглой красивой брюнетки. Ее увез из монастыря не офицер, а священник, но они скоро рассорились. Мата Хари вернулась под родительский кров и потом, не поладив с матерью, попала в индонезийский храм. Оттуда ее вторично похитил английский офицер. Далее история рассказывалась, как и в ее «индийском» варианте.

Сделавшись знаменитой артисткой, Мата Хари стала и великосветской куртизанкой. Легенда расцветила этот факт, утверждая, что возлюбленными Мата Хари была добрая половина кронпринцев, министров и генералов. Купаясь в золоте, Мата Хари тратила больше, чем получала. Этим воспользовалась германская разведка и превратила ее в самого эффективного своего агента. Неоднократно приезжая в Париж накануне и во время мировой войны, Мата Хари через своих многочисленных любовников добывала самые важные военные тайны и передавала их немцам. Она сообщила им о планах нескольких французских наступлений, которые захлебнулись в крови. Ее деятельность стоила жизни многим десяткам тысяч французских солдат. Мата Хари выдала немцам французских разведчиков, действовавших в Германии, которые были казнены немцами. С помощью «дипломатии подушки» шпионка узнала о дате отплытия крейсера «Хэмпшир», на котором находился английский главнокомандующий лорд Китченер. Крейсер был потоплен торпедой, пущенной с немецкой подводной лодки, и Китченер погиб вместе со всем экипажем этого военного корабля.

Мата Хари пыталась завербоваться на службу во французскую разведку — Второе бюро, чтобы добраться до ее секретов. Но здесь шпионку ждало разочарование. Представитель Второго бюро капитан Ладу не поверил ей. Агенты, связь с которыми ей поручили завязать в Бельгии, были шпионами-двойниками. Когда немцы их казнили, стало ясно, на кого работает Мата Хари. Французы добыли немецкий код и расшифровали телеграмму, посланную германской разведкой из Мадрида в Антверпен. В ней сообщалось, что «Х-21» — номеру, под которым значилась у немцев Мата Хари, — посланы 15 тыс. франков на работу в Париже. Мата Хари была арестована 13 января 1917 г. Она отрицала все, но была ошеломлена, узнав, что французам известен немецкий шифр. Ее судили и приговорили к смерти, но Мата Хари считала, что ее выручат многочисленные поклонники. Ходили слухи, что за танцовщицу ходатайствовали два короля, германский кронпринц, премьер-министр Голландии. Утверждали даже, что любовники шпионки подкупили солдат, которые стреляли холостыми патронами. Встречались люди, которые уверяли, что видели Мата Хари через много лет после ее казни — 15 октября 1917 г. Появлялись обманщицы, именовавшие себя Мата Хари.

Действительная история ее жизни, ставшая во многом известной в последние годы, мало походит на легенду. Настоящее имя Мата Хари — Маргарита Гертруда Зелле. Она родилась в 1876 г. и была чистокровной голландкой. К началу первой мировой войны ей было уже около сорока лет. Мата Хари была женой офицера колониальных войск, шотландца Р. Маклеода, с которым жила несколько лет в Индонезии, разошлась в 1902 г. и вернулась в Европу. Мата Хари была довольно способной актрисой и имела шумный успех у великосветских прожигателей жизни, хотя сведения о ее высокопоставленных любовниках крайне преувеличены. Вымыслом оказалось и то, что Мата Хари якобы училась в германской разведывательной школе в Лоррахе, в Баварии. Она предложила свои услуги и агентам немецкой разведки в Голландии, но, вероятно, не собирала для них никакой шпионской информации. Та же история повторилась с французской разведкой. Мата Хари встречалась с несколькими немецкими военными и разведчиками, но вполне возможно, что они были ее любовниками. Не удалось обнаружить никаких вещественных доказательств того, что Мата Хари действительно занималась шпионажем или, тем более, что она открыла немцам хотя бы одну из тех многочисленных военных тайн, в передаче которых ее обвиняла молва. Попытка Мата Хари поступить на службу во Второе бюро, вероятнее всего, была связана с отсутствием у нее в это время денег, что и утверждала танцовщица на следствии. Ее приезд в Париж после того, как она за границей не выполнила никаких поручений капитана Ладу, говорит о том, что Мата Хари не совершила ничего наказуемого по закону. Напротив, если она была шпионкой, ее возвращение во Францию трудно объяснить. После первой мировой войны, когда немцам уже не было никакого смысла замалчивать свои успехи, руководители кайзеровского шпионажа (включая известного полковника Вальтера Николаи — наставника гитлеровцев) отрицали, что танцовщица работала на германскую разведку. А ведь они не упускали случая блеснуть своими достижениями.

...После ареста Мата Хари предварительное следствие по ее делу было поручено следователю военного министерства капитану Бушардону, участвовавшему в ряде политических процессов того времени (а также в судебных процессах, происходивших после второй мировой войны).

При ознакомлении с материалами следователь должен был признать, что бесчисленные донесения французских агентов о всех действиях и переездах Мата Хари и ничем не подкрепленные подозрения совершенно перевешивали немногие факты, которые можно было считать действительными уликами. Конечно, танцовщица получала определенные суммы из Голландии, но вполне допустимо, что они были посланы ее любовником бароном ван дер Капелленом, который,

несомненно, стал бы отрицать, что переводы шли от него. А ведь факт посылки денег и перехваченное донесение из Мадрида о «Х-21» составляли все улики, свидетельствовавшие о шпионской деятельности актрисы. «Вещественные» доказательства, найденные при аресте, стоили и того меньше. «Секретные» чернила, по утверждению арестованной, были просто каким-то снадобьем, которое она принимала.

При допросе Мата Хари изложила историю своей жизни, признав, что выразила согласие шпионить в пользу немцев, но отрицая, что она на деле собирала какую-либо разведывательную информацию. Бушардон при допросе объявил ей: она скрыла от Ладу, что уже является немецким агентом и в то же время — по ее собственному признанию — сообщила германскому военному атташе в Мадриде фон Калле о поступлении на службу во французское Второе бюро. Иначе говоря, будучи двойным агентом, она предавала не немцев, а французов. Другим аргументом Бушардона были связи танцовщицы с немалым числом офицеров различных армий. Если бы она выбирала себе любовников, руководствуясь только денежными расчетами, она явно нашла бы более богатых поклонников. На это арестованная возражала, что ее выбор определялся и ее личными симпатиями. Когда Ладу, давая показания, подчеркнул, что Мата Хари скрыла от него, что поступила на немецкую службу, она ответила, что не осмелилась в этом признаться. В ходе последующего допроса она прибавила, что Ладу ничего ей не платил и поэтому она не была обязана раскрывать свои секреты.

Во время процесса, начавшегося 24 июля 1917 г., Мата Хари повторила свои показания, данные на предварительном следствии. Выступавшие свидетелями бывший министр и крупный чиновник дружно уверяли, что они, хотя и являлись любовниками Мата Хари, никогда не говорили с ней о государственных делах и что она никогда не интересовалась никакой военной информацией. На суде фигурировало любовное письмо к Мата Хари от какого-то министра. Несмотря на то что заседания трибунала происходили в полной тайне, печать сообщила, что оно подписано фамилией, начинающейся на букву «М» и кончающейся на «И». Газеты решили, что речь идет о бывшем министре внутренних дел радикале Луи Жане Мальви. Между тем письмо было написано генералом Мессими, занимавшим в 1914 г. пост военного министра. Однако этот самодовольный, бездарный жуир, своей халатностью и ленью нанесший немало вреда французской армии, остался вне критики, на его защиту стеной встала реакционная военная клика.

На процессе Мата Хари не было приведено никаких дополнительных доказательств сверх того, что стало известным во время следствия. Но для членов военного трибунала и имевшихся свидетельств было довольно. Попытки адвоката Клюне выявить слабость предъяв-

ленных улик разбились о стену предубеждения военных судей, решение которых было уже принято. После смертного приговора, вынесенного Мата Хари, прокурор Морне заметил одному другу: «Ба, в этом деле не было ничего, за что можно было бы высечь кошку!». Стоит ли удивляться, что некоторые авторы новейших работ, например С. Ваагенаар, пишут об юридическом убийстве Мата Хари? Такой вывод, во всяком случае, более соответствует истине, чем легенда о «королеве шпионажа».

«ФРАУ ДОКТОР»

Вымышленная история жизни Мата Хари в ряде случаев переплетается с легендой о «фрау доктор». Эта легенда также возникла еще в годы первой мировой войны. Даже поражение Германии и настойчивые поиски журналистов в послевоенные годы не опровергли эту легенду. А когда в Германии пришли к власти гитлеровцы, легенда расцвела еще более пышным цветом на страницах западной печати. За отсутствием реальной информации о многих делах, творившихся в «коричневом рейхе», стали плести фантастические небылицы и видели руку «фрау доктор» чуть ли не в половине преступлений гитлеровской секретной службы.

Особенность легенды заключается прежде всего в том, что на роль «фрау доктор» она выдвигает целый ряд действительных или мнимых немецких разведчиц. Женщиной «с тигриными глазами» различные авторы именовали фрау Кёр, фрейлин Янссен, Берту Хейнрихсен, Анну-Марию Лессер, Марту Шрагмюллер. «Фрау доктор» представляли в виде «роковой красавицы», объявляли любовницей почти всех кронпринцев Европы, приписывали различные романтические истории, объявляли организатором многочисленных действий германской разведки. Даже версии о смерти «фрау доктор» были совершенно различными. По одним утверждениям, она была расстреляна в 1914 г. русскими, знавшими ее по довоенному времени в Вене в качестве немецкой разведчицы. В этом случае отпадали все сведения о действиях «фрау доктор» после 1914 г. в Бельгии, Швейцарии, Париже и т. д. Другие объявляли, что она умерла уже после войны — покончив жизнь самоубийством, попав в сумасшедший дом или отравившись наркотиками. И здесь, таким образом, большой диапазон. Существуют многочисленные рассказы о жестокости и проницательности «фрау доктор», неизменно повторяется история о том, как она приказала покончить самоубийством эксперту после того,

как выявилась эффективность танков, идею создания которой он объявил нелепостью.

«Фрау доктор» внимательно следила за своими агентами. Когда один из них в Париже стал развлекаться в обществе танцовщицы, его встретил на бульваре незнакомец и шепнул: «Вы забыли советы фрау». «Фрау доктор» отправляла на верную смерть ставших бесполезными агентов, выдавая их контрразведке Антанты. Эти «шпионы-болваны» должны были, кроме всего прочего, отвлекать внимание от действительных агентов. (Подобную же тактику, впрочем, использовали и разведки Антанты.)

В 1954 г. Бернард Ньюмен в Мюнхене сумел получить сведения о «фрау доктор» у ее родной сестры.

Элизабет Шрагмюллер (таковы были действительные имя и фамилия «фрау доктор») родилась в 1886 г. в деревне около Дортмунда. Отец ее был деревенским бургомистром. Элизабет окончила университет в Фрейбурге, получив диплом доктора философии. В 1914 г. она — не без больших хлопот — устроилась на работу в военной цензуре в Бельгии. Шрагмюллер отличилась на этой работе, и глава германской оккупационной администрации в Бельгии генерал фон Безелер рекомендовал ее отделению германской разведки в Антверпене. Шрагмюллер стала допрашивать арестованных разведчиков Антанты. Ее успехи в этой области были также замечены, и полковник Николаи добился присвоения ей чина лейтенанта.

Так Шрагмюллер стала единственным офицером-женщиной в кайзеровской армии. Элизабет окончила разведывательную школу и стала, в свою очередь, одним из преподавателей и руководителей известной немецкой школы шпионов в Антверпене. Однако Элизабет не посылали с разведывательными целями за границу, и она не была той коварной соблазнительницей, о которой столь красочно рассказывает легенда. Многие эпизоды легенды, правда, имеют основание. Англичанам удалось заснять многих лиц, входивших в здание, где помещалась Антверпенская школа, и отсюда могла родиться версия о том, как «фрау доктор» сознательно посылала на смерть немало своих агентов, сообщая тем или иным путем сведения о них антантовским разведкам. Некоторых учениц «фрау доктор» принимали за нее. Но эту ошибку допускали лишь журналисты, а не разведчики Антанты.

После окончания войны Шрагмюллер, разумеется, покинувшая Бельгию вместе с германскими войсками, читала лекции по политической экономии во Фрейбурге, а когда находился спрос — то и лекции об «опыте войны». В эти годы Элизабет Шрагмюллер была уже серьезно больна. Ее брат Иоганн стал активным нацистом и после прихода гитлеровцев к власти получил пост начальника полиции в Магдебурге. Он многое знал о том, как готовилась гитлеровская

провокация — поджог рейхстага, и, вступив в конфликт в Гиммлером, угрожал ему разоблачениями. Поэтому в «ночь длинных ножей» — 30 июня 1934 г. — Иоганна Шрагмюллера гиммлеровские молодчики прикончили в числе многих сотен нацистов, которых считали недостаточно верными фюреру. После этого, конечно, у Элизабет Шрагмюллер не было никаких надежд на карьеру в ведомстве Генриха Гиммлера. Гестапо произвело даже обыск на ее квартире. «Фрау доктор» умерла в феврале 1940 г., и сразу же после смерти ее бумаги были конфискованы гитлеровскими властями, в том числе, вероятно, интересный дневник.

Элизабет Шрагмюллер была контрразведчицей, преподавателем шпионской школы. Кроме Германии она находилась во время войны только в Бельгии. Хотя она вовсе не была «роковой красавицей» и не могла совершать приписываемых ей шпионских «подвигов», «фрау доктор» являлась специалистом своего дела. Советы, которые она давала ученикам Антверпенской школы, до сих пор повторяются многими экспертами по вопросам разведывательного дела. В этих советах «фрау доктор» рекомендовала неустанно тренировать память, действовать по возможности одному, не доверяя «туземцам», остерегаться случайных связей, в результате которых можно попасть в сети вражеской контрразведки.

В числе инструкций «фрау доктор» были: никогда не вступать в переговоры с будущим агентом иначе, как на избранном вами месте; лучше беседовать с человеком, утомленным долгой дорогой, взволнованным и опасающимся вас, тогда как вы сами должны быть свежим и бдительным; не следует охотиться только за каким-то одним «сведением»: так можно легко себя выдать; следует собирать любую полезную информацию, даже по мелочам, не показывая внешне никакого интереса к ней; когда вы должны фиксировать данные, то лучше всего сделать это в форме записи личных расходов; если вы увидели 10 морских пушек, отметьте, что вы истратили 10 шиллингов; при сжигании писем необходимо развеять пепел, иначе криминалист может многое обнаружить; следует избегать чрезмерной оригинальности в способе доставки информации, если нет абсолютной уверенности в новом методе, лучше использовать уже испробованную технику; никогда не надо напускать на себя таинственность, кроме случаев, когда она может понравиться вашему агенту и повлиять на его усердие; нужно скрывать свои лингвистические знания, это поощрит других говорить в вашем присутствии.

Среди советов «фрау доктор» была также рекомендация: читай библию (точнее, рассказ о деяниях Моисея). Но, как справедливо отмечают исследователи, сама «фрау доктор», может, не по своей вине, плохо следовала примеру библейского пророка. Он отбирал для разведывательного дела лучших доверенных лиц, а Шрагмюллер

работала с очень сомнительным людом. И добилась весьма посредственных успехов.

Еще в годы первой мировой войны ходили слухи о связи «фрау доктор» с Мата Хари. Сестра «фрау доктор» в беседе с Ньюменом подтвердила эти слухи. По ее словам, один из руководителей немецкой разведки, майор Кефер, и Элизабет Шрагмюллер специально приезжали из Антверпена в Кёльн, чтобы встретиться с Мата Хари и передать ей инструкции. «Фрау доктор» говорила о Мата Хари как о «неразорвавшемся снаряде» и считала, что капитан Ладу оказал услугу немцам, избавив их от ненужного агента.

Этот рассказ, однако, вызывает серьезные сомнения. В нем опять все неясно. Зачем Мата Хари было нужно получать инструкцию от тогда еще совсем недавно принятой в разведку «фрау доктор»? Да и весь этот эпизод не мог происходить ранее 1915 г., когда Элизабет Шрагмюллер поступила на службу в антверпенское отделение немецкой секретной службы, а ведь, по легенде, Мата Хари стала шпионкой еще задолго до войны.

Следует, однако, учитывать, что хотя основой для легенды о «фрау доктор» послужила жизнь Элизабет Шрагмюллер, отдельные эпизоды взяты и из истории других немецких разведчиц, в частности «фрейлейн доктор», как называли Анну-Марию Лессер.

Через много лет, 23 августа 1934 г., в английской газете «Дейли экспресс» было опубликовано сообщение, что в санатории около Цюриха умерла больная Анна-Мария Лессер. Перед смертью она призналась, что ее настоящее имя Элизабет Шрагмюллер и что именно она предала Мата Хари, поскольку германская разведка решила избавиться от ставшего обузой агента. В организации этого дела якобы участвовал Канарис, в то время молодой офицер разведки и один из любовников знаменитой танцовщицы.

В 1934 г. почти все, что касалось немецкой стороны истории, было невозможно проверить. Более того, существует версия, согласно которой Канарис принял решительные меры, чтобы сведения об «исповеди» не проникли широко в западноевропейскую печать.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что «исповедь» явно является отзвуком легенды о Мата Хари и легенды о «фрау доктор», вплоть до смешения двух немецких разведчиц — Шрагмюллер и Лессер. Это ставит под сомнение всю историю с «исповедью» или свидетельствует, по крайней мере, что либо Лессер делала свои признания, уже не владея памятью, либо «исповедь» была до неузнаваемости искажена, прежде чем попала на страницы «Дейли экспресс».

Перевернута последняя страница книги. Пора подводить итоги. А, впрочем, стоит ли? Мы ведь не писали научного исследования, о чем заранее предупредили читателя. К тому же среди героев невыдуманных рассказов этой книги трудно найти не только образец для подражания — не об этом, понятно, речь, — а просто нормальное человеческое лицо, без шакальего оскала или лисьей усмешки.

И это совсем не случайно. Капитал с самого своего возникновения, по известному выражению Маркса, источал кровь и грязь из всех своих пор. Секретная служба буржуазных стран с яркостью отражала прирожденные свойства капитала.

Конечно, история секретной службы знала за пять столетий и примеры бескорыстного служения идеалу, героизма и самопожертвования во имя прогрессивного дела. Но эти случаи тонули в море предательства, коварства и преступлений. Капиталистический строй и порожденные им международные конфликты привели к огромному размаху тайной войны, к превращению разведки во все более важную часть буржуазного государственного аппарата, особенно на империалистической стадии развития капитализма и в эпоху его крушения, открывшуюся победой Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране.

В эту эпоху перед секретной службой империалистических стран были поставлены задачи борьбы не столь-

ко против соперничавших держав, сколько ради спасения обреченного историей эксплуататорского строя, ослабления развивающейся и крепнущей социалистической системы. Именно на такой почве родились теории, приписывающие разведке чудодейственную способность чуть ли не определять пути общественного развития, теории, полная несостоятельность которых становится очевидной хотя бы из всего предшествовавшего повествования, но с особой ясностью выявляется из истории новейшего времени, точнее — истории тайной войны в современную эпоху. Однако об этом надо рассказывать в другой книге, посвященной истории разведки в новейшее время.

СОДЕРЖАНИЕ

Ефим Борисович Черняк. ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

Редакторы *Г. М. Крылова, В. А. Шленская*. Оформление художника *О. Н. Коняхина*. Художественный редактор *Г. Ф. Скачков*. Технический редактор *И. Г. Крейс*. Корректор *Л. Ф. Крылова*

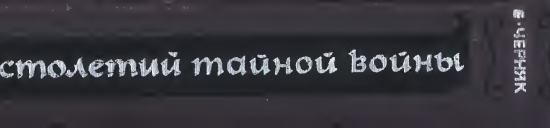
А13 701 Сдано в набор 20/IV 1971 г. Подписано в печать 18/XI 1971 г. Формат 84×108[1]/[32]. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 24,36 Уч.-изд. л. 31,09 Тираж 60000 экз. Изд. № 65-И. Издательство «Международные отношения», Москва, И 90, Мещанская, 7. Зак. № 272. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена 2 р. 11 к.

ЗОЙНЫ

. Н. Ко-
дактор

. Формат
60000 экз.
ва, И 90,
графпрома
ободы, 97.

Пять столетий тайной войны

Е. ЧЕРНЯК